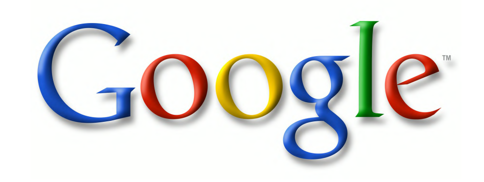
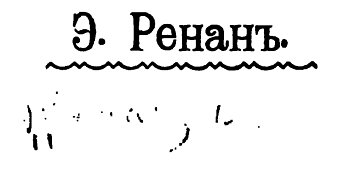

Google



Э. Ренанъ.

Жизнь Іисуса.

Переводъ съ французскаго

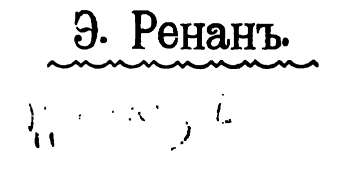
И. А. Варшавскаго и В. А. Харитонова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Народная Польза», Коломенская, 39.
1906.

Э. Ренанъ.

Жизнь Іисуса.

Э. Ренанъ.



Жизнь Іисуса.

Переводъ съ французскаго
И. А. Варшавскаго и В. А. Харитонова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Народная Польза», Коломенская, 39.
1906.

Э. Ренанъ.

Жизнь Іисуса.

Э. Ренанъ.

Свѣтлой памяти
моей сестры Генріэтты,

почившей въ Библосѣ 24 сентября 1861 г.

Вспоминаешь ли ты, въ мѣстахъ своего упокоенія, о долгихъ дняхъ, проведенныхъ нами въ уединеніи въ Газирѣ, когда я писалъ эти страницы, проникнутыя впечатлѣніями о тѣхъ мѣстахъ, которыя мы вмѣстѣ посѣтили? У нашихъ ногъ разстилались море, деревни, лощины, горы. Ты молча сидѣла возлѣ меня, перечитывала каждую страницу и переписывала ее тотчасъ же, едва она была написана. Когда же яркое солнце уступало мѣсто безчисленной арміи звѣздъ, ты своими тонкими и осторожными вопросами, своими скромными сомнѣніями вновь возвращала меня къ высокому предмету нашихъ общихъ думъ. Ты мнѣ сказала однажды, что ты всегда будешь любить эту книгу, во-первыхъ, потому, что она была написана вмѣстѣ съ тобою, а затѣмъ потому, что она пришлась тебѣ по душѣ. Если ты и боялась узкихъ сужденій о ней легкомысленныхъ людей, то ты всегда была увѣрена, что она въ концѣ концовъ понравится истинно религіознымъ людямъ. И вотъ, во время этихъ сладкихъ размышленій, насъ коснулась своимъ крыломъ смерть: одновременно мы впали въ забытье отъ болѣзни, и я пришелъ въ себя уже одинокимъ. Теперь ты почиваешь въ земле

Адониса близъ священнаго Библоса и тѣхъ святыхъ водъ, у которыхъ проливали слезы женщины временъ древнихъ мистерій. Открой же мнѣ, мой добрый генiй, мнѣ, котораго ты такъ любила, тѣ истины, которыя побѣждаютъ смерть, разсѣиваютъ страхъ передъ нею и даютъ возможность почти полюбить ее.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ тринадцатому изданію.

Первыя двѣнадцать изданій настоящаго труда отличаются другъ отъ друга лишь весьма незначительными измѣненіями. Это же изданіе было пересмотрѣно и исправлено съ величайшимъ стараніемъ. Всѣ четыре года, со времени выхода книги, я непрерывно трудился надъ ея обработкой. Многочисленныя критическія статьи, вызванныя ею, облегчили мнѣ отчасти мою задачу. Я прочелъ всѣ сколько-нибудь серьезныя статьи; я съ чистой совѣстью могу утверждать, что ни разу ни клеветы, ни оскорбленія, встрѣчавшіяся въ этихъ критическихъ статьяхъ, не помѣшали мнѣ воспользоваться заключавшимися въ нихъ здравыми замѣчаніями. Я все взвѣсилъ, все провѣрилъ. И если въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ удивленіемъ замѣчаютъ, что я не согласился съ возраженіями, сдѣланными съ крайней увѣренностью и въ которыхъ идетъ рѣчь какъ бы о вполнѣ доказанныхъ ошибкахъ, то случилось это не потому, что мнѣ были неизвѣстны эти возраженія, а потому что я ни въ какомъ случаѣ не могъ съ ними согласиться. Въ такихъ случаяхъ я чаще всего прибавлялъ въ примѣчаніяхъ тексты или соображенія, препятствовавшіе мнѣ измѣнить свое мнѣніе, или же съ помощью легкаго измѣненія редакціи старался показать, въ чемъ заключалась ошибка моихъ оппонентовъ. Впрочемъ, мои примѣчанія, весьма сжатыя и заключа-

ющія въ себѣ только указанія первоисточниковъ, все-таки вполнѣ достаточны для того, чтобы уяснить образованному читателю разсужденія, руководившія мною при составленіи моего произведенія.

Для того, чтобы подробно оправдаться во всѣхъ обвиненіяхъ, ко мнѣ предъявленныхъ, мнѣ пришлось бы утроить или учетверить мой томъ; мнѣ пришлось бы повторять вещи, много разъ высказанныя даже на французскомъ языкѣ; мнѣ пришлось бы даже вести религіозную полемику, чего я себѣ абсолютно не позволяю; мнѣ пришлось бы, наконецъ, говорить о себѣ самомъ, чего я никогда не дѣлаю. Я пишу для того, чтобы подѣлиться своими взглядами съ ищущими истины. Что же касается лицъ, въ интересахъ вѣрованій которыхъ я долженъ оказаться невѣждой, извращеннымъ умомъ, или же человѣкомъ недобросовѣстнымъ, то я совершенно не желаю измѣнять ихъ мнѣнія. Если это мнѣніе необходимо для покоя нѣсколькихъ набожныхъ лицъ, то конечно я ни въ коемъ случаѣ не буду стараться разочаровывать ихъ.

Кромѣ того, если бы я даже началъ этотъ споръ, то онъ долженъ былъ бы чаще всего касаться вопросовъ, совершенно чуждыхъ исторической критикѣ. Возраженія, которыя мнѣ дѣлали, шли съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Одни возраженія исходили отъ свободомыслящихъ, не вѣрящихъ въ сверхъестественное [1]), а въ частности и въ боговдохновенность священнаго писанія, другіе же исходили отъ теологовъ либеральной протестантской школы, дошедшихъ до такого широкаго пониманія догмы, что раціоналистъ можетъ отлично столковаться съ ними. Я стою съ этими противниками на одной и той же почвѣ, мы исходимъ изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ и мы можемъ спорить, согласно правиламъ, принятымъ въ спорахъ по историческимъ, филологическимъ и археологическимъ вопросамъ. Что же касается опроверженій моей книги (а они наиболѣе многочисленны), сдѣланныхъ, какъ католическими, такъ и протестантскими теологами-ортодоксами, вѣрующими въ сверхъестественное и священный характеръ Ветхаго и Новаго Завѣта, то всѣ они являются результатомъ коренного разногласія. Если чудо хоть сколько-нибудь возможно, то вся моя книга сплошная ошибка. Если Евангелія— боговдохновенныя книги и, стало быть, буквально вѣрныя отъ начала и до конца, то съ моей стороны было большой ошибкой не удовлетвориться соединеніемъ вмѣстѣ цитатъ, выхва-

ченныхъ изъ четырехъ текстовъ, какъ это дѣлаютъ «гармонисты» (согласователи) съ тѣмъ, чтобы составить наиболѣе многословное, но и наиболѣе противорѣчивое цѣлое.—Если же, наоборотъ, чудо вещь недопустимая, то я былъ правъ, разсматривая книги, содержащія въ себѣ чудесные разсказы, какъ исторіи, полныя вымысловъ, какъ легенды, полныя неточностей, ошибокъ, систематическихъ вымысловъ. Если Евангелія—такія же книги, какъ и всѣ прочія, то я былъ правъ, разсматривая ихъ такимъ же образомъ, какъ лица, занимающіяся изслѣдованіями греческихъ, арабскихъ и индійскихъ памятниковъ, разсматриваютъ изучаемые ими легендарные документы. Критика не знаетъ непогрѣшимыхъ текстовъ; основной ея принципъ—это допущеніе возможности ошибокъ въ изучаемомъ текстѣ. Будучи далекъ отъ обвиненій въ скептицизмѣ, я скорѣе принадлежу къ ряду умѣренныхъ критиковъ, такъ какъ вмѣсто того, чтобы отбросить цѣликомъ документы, цѣнность которыхъ уменьшена столь многими примѣсями, я стараюсь извлечь изъ нихъ кое-что историческое, путемъ искусныхъ сближеній. И пусть не говорятъ, что такой способъ постановки вопроса содержитъ въ себѣ предложеніе, требующее доказательства, что мы *a priori* предполагаемъ то, что требуется доказать въ подробностяхъ, а именно, что чудеса, о которыхъ сообщаютъ Евангелія, не происходили, что Евангелія суть книги, написанныя безъ участія Божества. Эти два отрицанія являются у насъ не результатомъ экзегетики, а предшествуютъ ей. Они являются результатомъ неопровергнутаго до сихъ поръ опыта. Чудеса принадлежатъ къ разряду такихъ явленій, которыя никогда не случаются; только легковѣрнымъ людямъ кажется, что они видѣли ихъ; нельзя указать ни одного чуда, которое произошло бы въ присутствіи свидѣтелей, способныхъ констатировать его; не было доказано какое бы то ни было вмѣшательство Божества въ составленіе книги или въ какое-либо другое событіе. Поэтому, съ того момента, какъ мы признаемъ сверхъестественное, мы уже находимся внѣ области науки, мы допускаемъ уже совершенно ненаучное объясненіе, объясненіе, безъ котораго обходятся астрономъ, физикъ, химикъ, геологъ, физіологъ и безъ котораго долженъ также обойтись и историкъ. Мы отвергаемъ сверхъестественное по тѣмъ же соображеніямъ, *по которымъ* мы отвергаемъ существованіе *центавровъ и гиппогриффовъ*: соображеніе это то, что *ихъ никогда никто не видѣлъ*. И я отвергаю чудеса, о которыхъ

разсказываютъ евангелисты, не потому, что мнѣ было предварительно доказано, что они не заслуживаютъ абсолютнаго довѣрія. Нѣтъ, но потому, что они разсказываютъ про чудеса, я говорю: «Евангелія—это легенды; въ нихъ могутъ заключаться историческіе факты, но, безъ сомнѣнія, не всѣ въ нихъ исторически вѣрны».

Поэтому невозможно, чтобы ортодоксъ и раціоналистъ, отрицающій сверхъестественное, могли оказать другъ другу большое содѣйствіе въ подобныхъ вопросахъ.

Въ глазахъ теологовъ Евангелія и вообще библейскія книги, это книги, не имѣющія себѣ равныхъ, болѣе вѣрныя историческія книги, чѣмъ наилучшіе историческіе труды, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ошибокъ. Для раціоналиста, напротивъ, Евангелія это тексты, къ которымъ должно приложить общія правила критики: въ отношеніи къ нимъ мы въ томъ же положеніи, въ какомъ находится арабологъ передъ Кораномъ и Хадиѳой, а санскритологъ передъ Ведами и буддійскими книгами. Развѣ арабологи считаютъ Коранъ непогрѣшимымъ? Развѣ ихъ обвиняютъ въ извращеніи исторіи потому, что они разсказываютъ о возникновеніи ислама иначе, чѣмъ мусульманскіе теологи? Развѣ санскритологи считаютъ *Lalitavistara* [2]) за біографію?

Какимъ же образомъ можно взаимно уяснить другъ другу вопросъ, исходя изъ противоположныхъ принциповъ? Всѣ правила критики предполагаютъ, что документъ, предложенный на разсмотрѣніе, имѣетъ только относительную цѣнность, что этотъ документъ можетъ быть ошибоченъ, что онъ можетъ быть исправленъ на основаніи другого, лучшаго документа. Увѣренный въ томъ, что всѣ книги, унаслѣдованныя нами отъ прошлаго, суть творенія человѣка, ученый міранинъ не колеблется признать тексты невѣрными, когда они противорѣчатъ другъ другу, когда они излагаютъ абсурдныя мнѣнія или мнѣнія формально опровергнутыя болѣе авторитетными свидѣтельствами. Напротивъ, ортодоксъ, заранѣе увѣренный въ томъ, что въ его священныхъ книгахъ нѣтъ ни ошибокъ, ни противорѣчій, прибѣгаетъ къ самымъ сильнымъ средствамъ, къ самымъ отчаяннымъ способамъ, чтобы выпутаться изъ затрудненія. Такимъ образомъ, ортодоксальная экзегетика является *сплетеніемъ* тонкихъ хитростей; тонкая хитрость можетъ быть *вѣрна въ отдѣльномъ случаѣ;* но тысячи хитростей не могутъ *быть истинны всѣ вмѣстѣ.* Если бы у Тацита и Полибія

были бы такія же характерныя ошибки, какъ тѣ, которыя дѣлаетъ Лука по поводу Квиринія и Ѳеуда, то сказали бы, что Тацитъ и Полибій ошибаются. И когда дѣло идетъ о томъ, чтобы оправдать автора—святого, то считаютъ благовидными тѣ разсужденія, которыхъ не дѣлали бы, если бы дѣло шло о греческой или латинской литературѣ, тѣ гипотезы, о которыхъ никогда не подумали бы ни Буассонадъ, ни даже Ролленъ.

Итакъ, значитъ, именно ортодоксъ и принимаетъ на вѣру положеніе, требующее доказательствъ, когда упрекаетъ раціоналиста въ извращеніи исторіи на томъ основаніи, что онъ не слѣдуетъ слово въ слово документамъ, которые ортодоксъ считаетъ священными. Изъ того, что что-нибудь записано, не слѣдуетъ еще, что оно вѣрно. Чудеса Магомета такъ же хорошо описаны, какъ и чудеса Іисуса, и несомнѣнно арабскія біографіи Магомета, напр., біографія Ибнъ-Гишама, имѣютъ значительно болѣе историческій характеръ, чѣмъ Евангелія. Но признаемъ ли мы поэтому чудеса Магомета? Мы слѣдуемъ за Ибнъ-Гашамомъ съ большимъ или меньшимъ довѣріемъ, когда не имѣемъ основанія не довѣрять ему. Но когда онъ разсказываетъ намъ совершенно невѣроятныя вещи, намъ не стоитъ никакого труда отказаться слѣдовать за нимъ. Несомнѣнно, что если бы у насъ было описаніе жизни Будды въ 4-хъ экземплярахъ, часто сказочныхъ и столь же непримиримыхъ между собою, какъ четыре Евангелія, и если бы ученый попытался освободить четыре буддійскихъ разсказа отъ этихъ противорѣчій, то его бы не упрекали въ извращеніи текстовъ. Всѣ сочли бы правильными его попытки согласовать несходныя мѣста, достигнуть компромисса, чего-то въ родѣ средняго разсказа, не заключающаго въ себѣ ничего невозможнаго, разсказа, въ которомъ уравновѣшивались бы другъ съ другомъ противоположныя свидѣтельства, по возможности, безъ всякаго насильственнаго измѣненія. И если бы послѣ этого буддисты стали бы говорить о лживости, объ извращеніи исторіи, мы вправѣ были бы имъ отвѣтить: «Здѣсь идетъ рѣчь не объ исторіи и если отъ вашихъ текстовъ иногда отклонялись, то въ этомъ вина этихъ самыхъ текстовъ, заключающихъ въ себѣ вещи, которымъ невозможно довѣрять, да, кромѣ того, еще и противорѣчащихъ другъ другу».

Въ основѣ всякаго спора объ этихъ вещахъ лежитъ *вопросъ о сверхъестественномъ*. Если чудо и боговдохновенность *извѣстныхъ книгъ—реальные* факты, нашъ методъ непригоденъ.

Если же чудо и боговдохновенность книгъ—вѣрованія, лишенныя всякой реальной подкладки, то нашъ методъ хорошъ.

Вопросъ о сверхъестественномъ является для насъ вполнѣ опредѣленнымъ уже на томъ единственномъ основаніи, что невозможно вѣрить въ явленіе, не имѣющее въ мірѣ и слѣда экспериментальнаго подтвержденія. Мы не вѣримъ въ чудо точно такъ же, какъ мы не вѣримъ въ привидѣнія, въ чорта, колдовство и астрологію. Нужно ли намъ шагъ за шагомъ опровергать разсужденія астролога для того, чтобы отрицать вліяніе звѣздъ на ходъ земныхъ событій? Нѣтъ. Достаточно одного отрицательнаго опыта, но столь же нагляднаго, какъ и лучшее прямое доказательство: что подобное вліяніе ни разу не было констатировано.

Избави Богъ, мы не отказываемся признать услуги, оказанныя наукѣ теологами. Розыски и возстановленіе текстовъ, служащихъ документами для этой исторіи, были дѣломъ теологовъ, въ большинствѣ ортодоксовъ.

Критическая работа была дѣломъ либеральныхъ теологовъ. Но есть положеніе, въ которое никогда не можетъ стать теологъ—я хочу сказать, что онъ никогда не можетъ сдѣлаться историкомъ. Исторія безпристрастна по самому своему существу. Историкъ имѣетъ въ виду только одно—искусство и истину (двѣ нераздѣльныхъ стороны одного и того же, такъ какъ искусство хранитъ секретъ внутреннихъ законовъ истины).

У теолога есть корысть—это его догма. Ограничивайте эту догму, сколько вамъ угодно. Все же она будетъ имѣть огромное значеніе для художника и критика. Теолога-ортодокса можно сравнить съ птицей въ клѣткѣ; всякому свойственному ей движенію поставлены препятствія. Либеральный теологъ подобенъ птицѣ, у которой подрѣзали нѣсколько перьевъ въ крыльяхъ. Вамъ кажется, что она располагаетъ собой и такъ оно дѣйствительно есть до момента, когда ей приходится летѣть. Только тогда вы видите, что она не вполнѣ дитя воздуха. Скажемъ смѣло: Критическія изысканія о происхожденіи христіанства только тогда дадутъ намъ свое послѣднее слово, когда они исключительно будутъ производиться вполнѣ свѣтскими учеными, мірянами, согласно съ методами, примѣняемыми эллинистами-арабологами и санскритологами, лицами, чуждыми теологіи, не заинтересованными въ томъ, чтобы созидать или дискредитировать, защищать или опровергать догмы.

Денно и нощно, осмѣливаюсь это сказать, я размыш-

лялъ объ этихъ вопросахъ, которые должны быть разсматриваемы безъ всякихъ другихъ предразсудковъ, кромѣ тѣхъ, которые представляютъ сущность разума. И безспорно, самымъ важнымъ изъ нихъ является вопросъ объ исторической цѣнности четвертаго Евангелія. Лица, не измѣнявшія своего мнѣнія о такихъ проблемахъ, даютъ основаніе полагать, что они не поняли всей трудности ихъ. Мнѣнія объ этомъ Евангеліи можно разбить на 4 категоріи. Вотъ краткое резюмэ каждаго изъ нихъ.

Первое мнѣніе: «Четвертое Евангеліе было написано апостоломъ Іоанномъ, сыномъ Зеведея. Всѣ факты, изложенные въ этомъ Евангеліи, совершенно вѣрны; рѣчи, вложенныя авторомъ въ уста Іисуса, были имъ дѣйствительно произнесены». Это мнѣніе ортодоксовъ. Съ точки зрѣнія раціоналистической критики, оно совершенно не можетъ быть поддерживаемо.

Второе мнѣніе: «Четвертое Евангеліе въ общемъ принадлежитъ апостолу Іоанну, хотя оно могло быть исправлено и редактировано его учениками. Факты, изложенные въ этомъ Евангеліи — это непосредственныя преданія объ Іисусѣ. Рѣчи же представляютъ свободное творчество, указывающее, какимъ образомъ авторъ воспринималъ духъ ученія Іисуса». Это мнѣніе Эвальда и отчасти Люкке, Вейсса и Рейсса. Его же раздѣлялъ и я въ періодъ перваго изданія этого сочиненія.

Третье мнѣніе: «Четвертое Евангеліе не принадлежитъ апостолу Іоанну. Оно приписано ему однимъ изъ его учениковъ около 100 года. Рѣчи почти цѣликомъ вымышлены. Но повѣствовательныя части заключаютъ зато драгоцѣнныя преданія, восходящія отчасти отъ апостола Іоанна». Это мнѣніе Вейцзекера, Мишеля, Николя. Къ нему я присоединяюсь теперь.

Четвертое мнѣніе: «Четвертое Евангеліе ни въ какомъ смыслѣ не принадлежитъ апостолу Іоанну. Ни на основаніи фактовъ, ни на основаніи рѣчей, приводимыхъ въ немъ, оно не можетъ быть отнесено къ книгамъ историческаго характера. Эта книга, носящая отчасти аллегорическій характеръ, является плодомъ чистѣйшей фантазіи. Появилась она около 150 года. Авторъ ея поставилъ себѣ задачей, не столько въ дѣйствительности разсказать жизнь Іисуса, сколько выставитъ преимущество своего взгляда на Іисуса». Таково съ нѣкоторыми измѣненіями мнѣніе Буара, Швенглера, Штраусса, Целлера, Фолькмара, Гильгенфельда, Шенкеля, Шольтена, Ревилля.

Я не могу присоединиться цѣликомъ къ этому радикаль-

ному взгляду. Я думаю, что четвертое Евангеліе имѣетъ реальную связь съ апостоломъ Іоанномъ и было написано въ концѣ 1-го вѣка. Однако я признаю, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ моего перваго изданія я слишкомъ склоненъ былъ считать его вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ. Доказательность нѣкоторыхъ аргументовъ, на которыхъ я настаивалъ прежде, теперь мнѣ кажется значительно меньшей. Я не допускаю теперь, чтобы Св. Іустинъ поставилъ четвертое Евангеліе на одну доску съ синоптиками среди «Сочиненій апостольскихъ». Мнѣ кажется теперь слишкомъ проблематичной возможность существованія пресвитера Іоанна какъ лица, вполнѣ отличнаго отъ апостола Іоанна. Теперь я совершенно отвергаю мнѣніе, согласно которому Іоаннъ, сынъ Зеведея, написалъ это сочиненіе; гипотезу эту я никогда вполнѣ не принималъ, но временами чувствовалъ къ ней нѣкоторую слабость. Наконецъ, я признаю, что ошибался, безусловно отвергая гипотезу о подложномъ сочиненіи, приписанномъ апостолу въ концѣ апостольскаго періода.

Второе посланіе Петра, подлинности котораго никто не можетъ вполнѣ основательно доказать, является образцомъ такого же произведенія, правда, гораздо менѣе важнымъ, чѣмъ четвертое Евангеліе при тѣхъ же условіяхъ. Впрочемъ, въ настоящій моментъ сущность вопроса заключается не въ этомъ. Важно знать, какъ пользоваться четвертымъ Евангеліемъ при попыткахъ описать жизнь Іисуса. Я упорно думаю, что внутренняя цѣнность этого Евангелія равна, а иногда даже и выше синоптическихъ. Развитіе этого взгляда представлялось мнѣ столь важнымъ, что я посвятилъ ему приложеніе въ концѣ этого тома. Часть введенія, касающаяся критики четвертаго Евангелія, была мною пересмотрѣна и дополнена.

Въ самомъ изложеніи многія мѣста были измѣнены, вслѣдствіе всего вышесказаннаго. Всѣ части фразъ, дававшія возможность предполагать, что четвертое Евангеліе принадлежитъ Іоанну или же очевидцу евангельскихъ дѣяній, были вычеркнуты. Для того, чтобы очертить личный характеръ Іоанна, сына Зеведея, я представлялъ себѣ грубаго Boanerge (Боанергеса) Марка, ужаснаго духовидца Апокалипсиса, а не полнаго нѣжности мистика, написавшаго Евангеліе любви. Я съ меньшей увѣренностью настаиваю на нѣкоторыхъ мелкихъ подробностяхъ, даваемыхъ четвертымъ Евангеліемъ. Тѣ незначительныя заимствованія, которыя я сдѣлалъ изъ рѣчей этого Еван-

гелія, еще болѣе сокращены мною. Я слишкомъ далеко зашелъ за предполагаемымъ апостоломъ во всемъ, что касается обѣтованія Параклета. Точно также я не такъ увѣренъ, какъ прежде, насколько правда на сторонѣ четвертаго Евангелія въ его разногласіи съ синоптическими Евангеліями въ вопросѣ о днѣ смерти Іисуса. Что касается Тайной Вечери, то я, наоборотъ, настаиваю на прежнемъ своемъ мнѣніи. Разсказъ синоптическаго Евангелія, относящій учрежденіе Евхаристіи къ послѣднему вечеру жизни Іисуса, по моему, заключаетъ въ себѣ неправдоподобіе, равное quasi-чуду. По моему, это условная версія, покоящаяся на чемъ-то вродѣ миража воспоминаній.

Критическое разсмотрѣніе синоптическихъ Евангелій не было измѣнено по существу. Я его дополнилъ и сдѣлалъ болѣе точнымъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, и именно во всемъ, что касается Луки. Изученіе надписи Зенодора въ Баальбекѣ, которое я предпринялъ для *Mission de Phénicie* (Миссія въ Финикіи), дало мнѣ возможность предположить, что въ вопросѣ о Лизаніи евангелистъ заблуждался далеко не такъ грубо, какъ это думаютъ тонкіе критики. Что касается Квиринія, то послѣднее сочиненіе Моммсена, наоборотъ, рѣшило вопросъ противъ третьяго Евангелія. Евангеліе Марка все болѣе и болѣе кажется мнѣ первоначальнымъ типомъ синоптическаго разсказа и текстъ его—наиболѣе достовѣрнымъ.

Параграфъ относительно Апокрифовъ былъ расширенъ. Я воспользовался важнѣйшими текстами, опубликованными Церіани. Я сильно колебался относительно книги Эноха. Я отвергаю мнѣніе Вейсса, Фолькмара, Гретца, которые полагаютъ, что вся книга написана послѣ Іисуса. Что же касается самой важной части этой книги, а именно, начиная отъ XXXVII главы и до LXXI, то я колеблюсь въ выборѣ между аргументами Гильгенфельда и Колани, считающими, что эта часть написана послѣ Іисуса, и мнѣніемъ Гофманна, Дилльмана, Кестлина, Эвальда, Люкке и Вейцзекера, считающими, что она написана до него. Какъ важно было-бы отыскать греческій текстъ этого капитальнаго труда! Не знаю почему, но я упорно думаю, что моя надежда не напрасна. Во всякомъ случаѣ я оставилъ подъ сомнѣніемъ выводы, сдѣланные изъ указанныхъ главъ. Напротивъ, я отмѣтилъ странное совпаденіе рѣчей Іисуса, заключающихся въ послѣднихъ главахъ синоптическихъ Евангелій, съ апокалипсисомъ, приписываемымъ Эноху,—связь, которую выяснило открытіе полнаго греческаго текста посланія.

приписываемаго св. Варнавѣ. Вейцзекеръ прекрасно объяснилъ ее. Мною были приняты также во вниманіе результаты изысканій Фолькмара относительно четвертой книги Эздры, почти вполнѣ совпадающія съ изысканіями Эвальда. Было введено нѣсколько новыхъ цитатъ изъ Талмуда. Было расширено немного мѣсто, отведенное ученію ессеевъ.

Рѣшеніе мое избѣгать библіографическихъ указаній часто истолковывалось въ дурную сторону. Мнѣ кажется, что я достаточно громко заявлялъ, чѣмъ я обязанъ представителямъ германской науки вообще и каждому изъ нихъ въ частности, чтобы такое молчаніе могло навлечь на меня обвиненіе въ неблагодарности. Библіографія полезна только тогда, когда она полна. Германскій геній развилъ на почвѣ критики Евангелія такую дѣятельность, что, если бы мнѣ пришлось цитировать всѣ труды, относящіеся къ вопросамъ, разбираемымъ въ этой книгѣ,—мнѣ пришлось бы утроить мѣсто, занимаемое примѣчаніями, и измѣнить весь характеръ моего сочиненія. Нельзя сдѣлать всего разомъ. Итакъ, я держался правила цитировать все только по первоисточникамъ. Этимъ число цитатъ было значительно увеличено. Кромѣ того для удобства французовъ-читателей, которые не въ курсѣ этихъ трудовъ, я продолжалъ составлять общій списокъ трудовъ, написанныхъ на нашемъ языкѣ; въ немъ можно найти подробности, которыя я былъ принужденъ пропустить. Многіе изъ этихъ произведеній расходятся съ моими взглядами; но всѣ они способны навести на размышленія образованнаго человѣка и ввести его въ курсъ нашихъ споровъ.

Основа изложенія была мало измѣнена. Нѣкоторыя слишкомъ сильныя выраженія насчетъ коммунистическаго духа, составлявшаго сущность нарождавшагося христіанства, были смягчены. Въ число лицъ, соприкасавшихся съ Іисусомъ, я допустилъ нѣсколько человѣкъ, имена которыхъ не фигурируютъ въ Евангеліяхъ, но извѣстны намъ по свидѣтельству лицъ, достойныхъ довѣрія. Все что касается имени Петра, было измѣнено; я принялъ также другую гипотезу насчетъ Левія, сына Алфея, и его сношеній съ апостоломъ Матѳеемъ.

Относительно Лазаря я, не колеблясь, присоединяюсь теперь къ остроумной системѣ Штраусса, Баура, Целлера и Шольтена, по которой бѣднякъ притчи Луки и воскресшій у Іоанна—одно и то же лицо. Далѣе можно видѣть, какимъ образомъ я сохраняю за нимъ, однако, нѣкоторую реальность, комбинируя его съ Симономъ Прокаженнымъ. Я принимаю также гипотезу

Штраусса относительно разныхъ рѣчей, приписываемыхъ Іисусу въ послѣдніе дни его жизни и представляющихъ цитаты изъ рукописей, распространенныхъ въ I вѣкѣ. Обсужденіе текстовъ, сообщающихъ о продолжительности общественной жизни Іисуса, произведено съ большей точностью. Топографія Виѳагіи и Далмануѳы измѣнена. Вопросъ о Голгоѳѣ былъ пересмотрѣнъ въ связи съ трудами Вогюэ. Лицо очень свѣдущее въ ботаникѣ научило меня отличать въ садахъ Галлилеи деревья, произраставшія тамъ 1800 лѣтъ тому назадъ отъ тѣхъ, которыя были съ тѣхъ поръ туда пересажены. Я получилъ также нѣкоторыя свѣдѣнія о напиткѣ для распинаемыхъ и этимъ замѣчаніямъ я также удѣлилъ мѣсто. Въ разсказѣ о послѣднихъ часахъ жизни Іисуса я вообще смягчилъ нѣкоторые обороты рѣчи, которые могли бы показаться слишкомъ историческими. Здѣсь именно лучше всего примѣняются любимыя объясненія Штраусса, такъ какъ здѣсь на каждомъ шагу чувствуются догматическія и символическія намѣренія.

Я уже говорилъ и вновь повторяю: если заставить себя, описывая жизнь Іисуса, упоминать только вполнѣ достовѣрныя вещи, то пришлось бы ограничиться нѣсколькими строками. Жилъ Іисусъ. Былъ онъ родомъ изъ Назарета въ Галлилеѣ. Его проповѣдь была прекрасна и отъ нея въ памяти его учениковъ сохранились афоризмы, глубоко въ нее запавшіе. Киѳа и Іоаннъ, сынъ Зеведея, были двумя главными его учениками. Онъ возбудилъ ненависть правовѣрныхъ іудеевъ, которымъ удалось заставить тогдашняго прокуратора Іудеи, Понтія Пилата предать его смерти. Онъ былъ распятъ за городомъ. Немного позже стали толковать, что онъ воскресъ. Вотъ все, что намъ можетъ быть достовѣрно извѣстно—даже еслибы не существовало Евангелій или они были бы ложны—на основаніи текстовъ, подлинность и даты которыхъ неоспоримы: напр., несомнѣнно подлинныя посланія св. Павла, посланіе къ Евреямъ, Апокалипсисъ и другіе признанные всѣми тексты. За предѣлами этихъ данныхъ все сомнительно. Что представляла собой его семья? Каковы были въ частности отношенія его къ Іакову, «брату Господа», который послѣ его смерти играетъ огромную роль? Состоялъ ли онъ дѣйствительно въ сношеніяхъ съ Іоанномъ Крестителемъ и принадлежали ли его наиболѣе извѣстные ученики къ школѣ Крестителя, до того какъ перешли въ его школу? Каковы были его мессіанскіе взгляды? Смотрѣлъ *ли онъ на себя, какъ* на Мессію? Каковы были его апокалипси-

ческіе взгляды? Вѣрилъ ли онъ самъ въ свое появленіе въ облакахъ въ видѣ Сына Человѣческаго? Думалъ ли онъ, что творитъ чудеса? Приписывали ли ему ихъ при жизни? Сложилась ли легенда о немъ среди окружающихъ при его жизни, зналъ ли онъ объ ней? Каковъ былъ его нравственный обликъ? Каковы были его взгляды на доступъ язычниковъ въ царство Божіе? Былъ ли онъ чистокровнымъ іудеемъ, какъ Іаковъ, или онъ порвалъ съ іудаизмомъ, какъ это впослѣдствіи сдѣлали наиболѣе пылкіе члены его Церкви? Каковъ былъ ходъ развитія его мысли?

Всѣ, требующіе отъ исторіи только несомнѣннаго, должны оставить эти вопросы безъ отвѣта. По этимъ вопросамъ Евангелія являются малодостовѣрными свидѣтелями, такъ какъ они часто даютъ аргументы для двухъ противоположныхъ положеній, да сверхъ того фигура Іисуса измѣняется въ нихъ сообразно съ догматическими взглядами редакторовъ. Я лично думаю, что въ такихъ случаяхъ позволительно строить различныя предположенія при одномъ условіи: выдавать ихъ за то, что они есть. Такъ какъ тексты исторически недостовѣрны, то они не даютъ никакой увѣренности; но все же они даютъ кое-что. Нельзя слѣпо держаться ихъ, но нельзя также отвергать ихъ показаній съ несправедливымъ пренебреженіемъ. Нужно стремиться догадаться, что за ними скрывается, никогда не будучи абсолютно увѣреннымъ, что угадалъ.

Странная вещь! Почти по всѣмъ этимъ пунктамъ именно либеральная школа теологіи и предлагаетъ самыя скептическія рѣшенія. Восторженная апологія христіанства пришла къ тому, что нашла выгоднымъ создать пустоту на мѣстѣ историческихъ обстоятельствъ происхожденія христіанства. Чудеса, мессіанскія пророчества,—прежнія базы христіанской апологіи стали ей въ тягость; ихъ пытаются устранить. По словамъ сторонниковъ этой теологіи, среди которыхъ я могъ бы назвать имена многихъ выдающихся критиковъ и благородныхъ мыслителей, Іисусъ никогда не приписывалъ себѣ чудесъ и не считалъ себя Мессіей. Онъ не думалъ въ приписываемыхъ ему апокалипсическихъ рѣчахъ о кончинѣ міра. Неважно, что Папій, точнѣе всѣхъ передающій преданія, усердный собиратель словъ Іисуса—экзальтированный хиліастъ, а что Маркъ, самый старый и древній евангельскій повѣствователь, занимается почти исключительно чудесами. Роль Іисуса умаляется до такой степени, что съ трудомъ можно сказать, что же онъ

собою представлялъ. При такой гипотезѣ осужденіе его на смерть имѣетъ не большій смыслъ, чѣмъ судьба, которая сдѣлала его главою мессіанскаго и апокалипсическаго движенія. Развѣ Іисусъ былъ распятъ за свои нравственныя поученія или за свою Нагорную Проповѣдь? Конечно, нѣтъ. Эти истины были уже давно ходячей монетой въ синагогахъ. За ихъ повтореніе никогда не казнили никого. Если Іисуса казнили, значитъ онъ говорилъ нѣчто большее. Одинъ ученый, участвовавшій въ этихъ спорахъ, писалъ мнѣ недавно: «Какъ прежде нужно было во что бы то ни стало доказать, что Іисусъ—Богъ, такъ теперь современной протестантской теологической школѣ нужно доказать, что онъ не только былъ человѣкъ, но и самъ даже смотрѣлъ на себя, какъ на таковаго. Его стараются изобразить человѣкомъ здравомыслящимъ, по преимуществу практическимъ; его преобразуютъ по образу и подобію современной теологіи. Я согласенъ съ вами, что не въ этомъ заключается справедливое отношеніе къ исторической правдѣ, а что это скорѣе значитъ пренебрегать ея существенной стороной».

Эта тенденція уже нѣсколько разъ логически развивалась въ средѣ христіанства. Чего желалъ Марсіонъ? Чего желали гностики II вѣка? Устранить фактическія обстоятельства біографіи, такъ какъ ихъ шокировали чисто человѣческія подробности ея. Бауръ и Штрауссъ повинуются аналогичнымъ философскимъ требованіямъ. Божественный эонъ, развиваемый человѣчествомъ, не имѣетъ ничего общаго съ анекдотическими инцидентами, съ частной жизнью индивида. Шольтенъ и Шенкель несомнѣнно отстаиваютъ историческаго и реальнаго Іисуса; но ихъ историческій Іисусъ — ни Мессія, ни пророкъ, ни іудей. Неизвѣстно, чего онъ желалъ, непонятна ни его жизнь, ни его смерть. Ихъ Іисусъ—это своего рода эонъ, неосязаемое и недосягаемое существо. Чистая исторія не знаетъ такихъ существъ. Чистая исторія строитъ свое зданіе на двухъ родахъ данныхъ, и, если можно такъ выразиться, на основаніи двухъ факторовъ: во-первыхъ, на общемъ состояніи человѣческой души въ данномъ вѣкѣ и данной странѣ, и во-вторыхъ, на частныхъ происшествіяхъ, которыя, комбинируясь съ общими причинами, опредѣлили собой ходъ событій. Объяснять исторію случаями—такъ же невѣрно, какъ и *объяснять ее чисто* философскими принципами. Оба объясненія *должны взаимно* поддерживать и пополнять другъ друга.

Исторія Іисуса и апостоловъ должна быть прежде всего исторіей широкаго столкновенія идей и чувствъ. Однако, и этого недостаточно. Тысячи случайностей, тысячи странностей, тысячи мелочей примѣшались къ идеямъ и чувствамъ. Невозможно въ настоящее время составить точный разсказъ обо всѣхъ этихъ случайностяхъ, странностяхъ и мелочахъ; то что собщаетъ намъ объ этомъ легенда, можетъ быть вѣрно и не вѣрно. Самое лучшее, по моему, это держаться по возможности ближе подлинныхъ повѣствованій, устраняя все невозможное, относясь ко всему съ сомнѣніемъ и представляя въ видѣ догадокъ тѣ способы, какими могло произойти событіе. Я не думаю, чтобы обращеніе Св. Павла произошло такъ, какъ разсказываютъ *Дѣянія*, но оно произошло способомъ, мало отличавшимся отъ этого, такъ какъ самъ св. Павелъ разсказываетъ намъ, что ему представилось видѣніе воскресшаго Іисуса, давшее совершенно новое направленіе его жизни. Я не увѣренъ въ томъ, что разсказъ *Дѣяній* о сошествіи Св. Духа въ день Троицы исторически вѣренъ; но взгляды, которые распространились на крещеніе огнемъ, заставляютъ меня полагать, что кружокъ апостоловъ подвергся галлюцинаціямъ, въ которыхъ молнія сыграла ту же самую роль, что и на Синаѣ. Точно также причиной видѣній воскресшаго Іисуса были случайныя обстоятельства, истолкованныя людьми съ живымъ и уже предвзято настроеннымъ воображеніемъ.

Если либеральные теологи не любятъ объясненій подобнаго рода, то это потому, что они не желаютъ подчинять христіанство общимъ законамъ всѣхъ остальныхъ религіозныхъ движеній; а, можетъ быть, также и потому, что они не знакомы въ достаточной степени съ теоріей духовной жизни человѣка. Нѣтъ ни одного религіознаго движенія, въ которомъ подобнаго рода обольщенія не играли бы видной роли. Можно даже сказать, что оно представляетъ обычное явленіе, въ нѣкоторыхъ общинахъ, напр., у протестантскихъ піэтистовъ, у мармоновъ, въ католическихъ монастыряхъ. Въ этихъ маленькихъ экзальтированныхъ міркахъ нерѣдко обращенія происходятъ, какъ послѣдствія какого-нибудь происшествія, въ которомъ потрясенная душа видитъ перстъ Божій. Такъ какъ всегда эти происшествія имѣютъ въ себѣ нѣчто ребяческое, то вѣрующіе скрываютъ ихъ; это секретъ между ними и небомъ. *Для холодной или разсѣянной* души случай не представляетъ *ничего особеннаго; для* соотвѣтственно же настроенной души

онъ является знаменіемъ Господнимъ. Сказать, что какое-либо матеріальное происшествіе измѣнило до основанія св. Павла, св. Игнатія Лойолу или, скорѣе, дало новое приложеніе ихъ дѣятельности—это, конечно, невѣрно. Внутренняя работа этихъ сильныхъ натуръ подготовила ударъ грома, но раскатъ грома былъ вызванъ внѣшними причинами. Впрочемъ, всѣ эти явленія относятся къ нравственному состоянію, не имѣющему ничего общаго съ нашимъ. Въ большей части своихъ дѣяній древніе руководствовались снами, видѣнными въ предшествующую ночь, выводами, сдѣланными изъ случайныхъ явленій, поразившихъ ихъ зрѣніе, изъ звуковъ, будто бы слышанныхъ ими. Были случаи, когда судьбу міра рѣшали полетъ птицъ, направленіе вѣтра, головная боль. Все это нужно сказать для того, чтобы быть искреннимъ и точнымъ, и нужно остерегаться замалчивать ихъ, если о такихъ происшествіяхъ сообщаютъ даже документы, мало достовѣрные. Нѣтъ въ исторіи совершенно достовѣрныхъ подробностей. Талантъ историка и заключается въ томъ, чтобы составить правдивое цѣлое изъ вѣрныхъ только отчасти частей.

Итакъ, можно значитъ отводить въ исторіи нѣкоторое мѣсто и частнымъ случаямъ, не будучи раціоналистомъ старой школы, ученикомъ Павла. Павелъ былъ теологъ; желая имѣть возможно меньше чудесъ и не осмѣливаясь въ то же время разсматривать библейскіе разсказы, какъ легенды, онъ извращалъ ихъ для того, чтобы дать имъ естественное объясненіе. При этомъ Павелъ утверждалъ, что онъ этимъ поддерживаетъ авторитетъ Библіи и проникаетъ въ духъ ея святыхъ авторовъ [3]). Я являюсь критикомъ-міряниномъ; я думаю, что ни одинъ разсказъ о сверхъестественномъ не является истиннымъ вполнѣ; я думаю, что изъ ста разсказовъ о сверхъестественномъ восемьдесятъ возникли цѣликомъ въ народномъ воображеніи. Но я, однако, допускаю, что въ нѣкоторыхъ болѣе рѣдкихъ случаяхъ легенда исходитъ изъ дѣйствительнаго факта, видоизмѣненнаго народной фантазіей. Изъ массы сверхъестественныхъ фактовъ, разсказанныхъ въ Евангеліяхъ и *Дѣяніяхъ*, я въ пяти-шести стараюсь показать, какъ могло возникнуть заблужденіе. Теологъ—всегда систематикъ,—желаетъ, чтобы ко всей Библіи изъ конца въ конецъ примѣнялось одно объясненіе; критикъ же полагаетъ, что должны быть испробованы всѣ способы объясненія *или вѣрнѣе должна* быть указана возможность каждаго изъ *нихъ. То, что* какое-нибудь объясненіе не приходится намъ

лично по вкусу, не даетъ намъ никакого права его отвергать. Міръ—это комедія, одновременно дьявольская и божественная, странный хороводъ, руководимый геніальнымъ хормейстеромъ, хороводъ, въ которомъ добро и зло, уродливость и прекрасное, проходятъ въ предназначенномъ имъ порядкѣ, для выполненія какого-то мистическаго назначенія. Исторія не будетъ исторіей, если, читая ее, мы не будемъ поочередно восхищаться и возмущаться, печалиться и утѣшаться.

Главная задача историка, это хорошо очертить ту среду, въ которой происходитъ описываемое событіе. Исторія возникновенія религій переноситъ насъ въ міръ женщинъ, дѣтей, въ міръ горячихъ и неуравновѣшанныхъ головъ. Перемѣстите эти же факты въ среду положительныхъ умовъ, они станутъ абсурдными, непонятными. Вотъ почему такіе въ высокой степени разсудочные умы, какъ англичане, совершенно не въ состояніи здѣсь что-либо понять. И если чѣмъ и грѣшатъ прежде знаменитыя разсужденія Шерлока и Джильберта Уэста о воскресеніи изъ мертвыхъ, и Литтльтона объ обращеніи св. Павла, то ужъ,конечно, не логикой: она необычайно сильна. Но это истинная оцѣнка разнообразія окружающей среды. Всѣ извѣстныя намъ религіозныя попытки представляютъ до очевидности небывалое смѣшеніе возвышеннаго и страннаго. Прочтите протоколы собраній первыхъ сенсимонистовъ, напечатанные съ необычайной откровенностью оставшимися еще въ живыхъ его сторонниками [4]). Какая прелесть, какая искренность обнаруживается, наряду съ отталкивающимъ комедіантствомъ и пошлымъ витійствомъ, когда на сценѣ появляются мужчина или женщина изъ народа съ наивной исповѣдью души, раскрывшейся подъ первымъ теплымъ лучомъ. Есть много примѣровъ могучихъ, прекрасныхъ движеній, покоившихся на чисто ребяческой иллюзіи. Нельзя искать соотношенія между искрой и пожаромъ. Поклоненіе Салеттѣ является однимъ изъ величайшихъ религіозныхъ событій нашего вѣка [5]). Столь сильно почитаемые базилики въ Шартрэ Лаонѣ воздвигнуты были на основѣ подобнаго же рода заблужденій. Праздникъ Тѣла Господня установленъ на основаніи видѣній одной льежской монахини, которая всегда во время своихъ молитвъ видѣла полную луну съ небольшимъ ущербомъ. Можно указать на вполнѣ искреннія движенія, возникавшія вокругъ обманщиковъ. Участь крестовыхъ походовъ рѣшило обрѣтеніе св. копья,—открытіе несомнѣнно и очевидно мошенническое. Мармонизмъ, возникновеніе ко-

тораго просто постыдно, внушалъ мужество и самоотверженность. Религія друзовъ соткана изъ нелѣпостей, смущающихъ воображеніе, а между тѣмъ она имѣетъ своихъ преданныхъ послѣдователей. Исламизмъ, второе по важности событіе міровой исторіи, не существовалъ бы, если бы сынъ Амина не страдалъ эпилепсіей. Кроткій и безпорочный Францискъ Ассизскій не имѣлъ бы никакого успѣха безъ брата Иліи. Человѣчество настолько слабо духомъ, что самое чистое дѣло не можетъ обойтись безъ соучастія какого-нибудь нечистаго элемента.

Не будемъ же прикладывать наши добросовѣстныя толкованія, наши разсужденія холодныхъ и ясныхъ умовъ къ оцѣнкѣ этихъ выдающихся изъ ряда событій, которыя одновременно настолько выше и ниже насъ. Одинъ желаетъ сдѣлать Іисуса мудрецомъ, другой философомъ, третій патріотомъ, четвертый филантропомъ, затѣмъ моралистомъ, святымъ. Онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ. Онъ обладалъ чарами обаянія. Не будемъ возсоздавать прошлое по нашему подобію. Не будемъ думать, что Азія—то же самое, что Европа. У насъ, напримѣръ, сумасшедшій считается существомъ ненормальнымъ; его терзаютъ для того, чтобы втиснуть въ норму; ужасные методы леченія въ старыхъ домахъ сумасшедшихъ были слѣдствіемъ схоластической и картезіанской логики. На Востокѣ, наоборотъ, сумасшедшій—существо привилегированное. Онъ приходитъ на совѣщанія высшихъ сановниковъ и никто не осмѣливается его остановить; его слушаютъ, его спрашиваютъ. Его считаютъ существомъ болѣе близкимъ къ Богу, такъ какъ предполагаютъ, что разъ его личный разумъ погасъ, то ему предоставлено участіе въ божественномъ разумѣніи.

Въ Азіи не существуетъ людей, которые встрѣчали бы тонкой насмѣшкой каждый недостатокъ мыслительной способности. Одно лицо, занимающее видное положеніе среди магометанъ, разсказало мнѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ необходимо было поспѣшно произвести починки въ гробницѣ Магомета въ Мединѣ. Обратились къ каменщикамъ, предупредивъ, что тотъ кто спустится въ это ужасное мѣсто, будетъ по выходѣ оттуда обезглавленъ. Такой человѣкъ отыскался, произвелъ необходимыя поправки и затѣмъ былъ обезглавленъ. «Это было необходимо, сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ; люди представляютъ себѣ эти мѣста извѣстнымъ образомъ; не должно быть человѣка, который могъ бы разсказать, что все это устроено иначе».

Возбужденное сознаніе не можетъ имѣть ясности здраваго ума.

Но только возбужденное сознаніе способно къ могучему творчеству. Я хотѣлъ дать картину, въ которой краски сочетались бы такъ же, какъ въ природѣ, которая была бы похожа на человѣчество, т. е. изображала бы одновременно и величественное и мелкое, въ которой было бы видно, какъ божественный инстинктъ увѣренно прокладываетъ себѣ дорогу среди тысячи странностей. И если бы эта картина оказалась безъ тѣней, то это было бы доказательствомъ того, что она невѣрна, Состояніе документовъ совершенно не даетъ возможности сказать, въ какомъ случаѣ заблужденіе было сознательно. Единственно, что можно сказать—это то, что иногда заблуждались сознательно. Нельзя годами вести жизнь чудотворца, не будучи десятокъ разъ прижатымъ къ стѣнѣ, не будучи принужденнымъ подчиниться толпѣ. Человѣкъ, вокругъ котораго при жизни создалась легенда, подчиняется тиранической власти ея. Дѣло начинается наивностью, довѣрчивостью, абсолютной невинностью, а кончается всевозможными сложностями. И вотъ, чтобы поддержать за собой вѣру въ несуществующую божественную силу, необходимо бываетъ выходить изъ этихъ затрудненій при помощи отчаянныхъ средствъ.

Приходится выполнять взятыя на себя обязательства: неужели же дать погибнуть дѣлу Господню, только потому что Господь не спѣшитъ проявить свою волю? Развѣ Жанна Д'Аркъ, сообразно съ требованіями момента, не заставляла неоднократно говорить свои голоса? И если разсказъ о тайномъ откровеніи, которое она сдѣлала королю Карлу VII, хоть немного правдоподобенъ,—а это невозможно отрицать,—то очевидно, эта непорочная дѣвушка выдала за результатъ сверхъестественнаго наитія то, что она узнала по секрету. Изложеніе исторіи религіи, не бросающее хоть какой нибудь косвенный свѣтъ на предположенія подобнаго рода, уже тѣмъ самымъ уличается въ неполнотѣ.

Итакъ, въ моемъ повѣствованіи должно было имѣть мѣсто всякое истинное, вѣроятное и возможное обстоятельство съ указаніемъ его вѣроятности. Въ такой исторіи слѣдовало не только указать, что имѣло мѣсто, но и то, что, повидимому, могло имѣть мѣсто. Безпристрастіе, съ которымъ я разрабатывалъ свою тему, не позволяло мнѣ отказаться даже отъ неблаговидныхъ заключеній, такъ какъ въ самомъ ходѣ событій несомнѣнно есть много неблаговиднаго. Я съ неуклонной настойчивостью примѣнялъ отъ начала до конца одинъ и тотъ же методъ.

Я отмѣчалъ хорошія впечатлѣнія, произведенныя на меня текстами; я не долженъ былъ умолчать и о дурныхъ. Я хотѣлъ, чтобы моя книга сохранила свою цѣнность даже и тогда, когда будутъ считать нѣкоторую долю обмана неизбѣжнымъ элементомъ исторіи религіи. Мнѣ надо было сдѣлать своего героя прекраснымъ и очаровательнымъ (такъ какъ безспорно онъ былъ таковымъ), несмотря на дѣянія, которыя въ наши дни дали бы ему неблагопріятную оцѣнку. Мнѣ ставили въ заслугу то, что я старался создать живое, земное, возможное повѣствованіе. Но развѣ мое повѣствованіе заслуживало бы такой похвалы, если бы оно изображало возникновеніе христіанства абсолютно безъ всякихъ пятенъ?

Это значило бы признать величайшее изъ чудесъ. И результатомъ этого была бы въ высшей степени безжизненная картина. Я не говорю уже о томъ, что, за недостаткомъ пятенъ, мнѣ пришлось бы ихъ изобрѣтать. Но, по крайней мѣрѣ, я долженъ былъ дать возможность каждому тексту вносить свою нотку гармоничную или же дисгармоничную. Если бы Гете былъ живъ, онъ одобрилъ бы меня за это. Этотъ великій человѣкъ не простилъ бы мнѣ портрета небесной красоты: ему было бы желательно видѣть и отталкивающія черты, потому что несомнѣнно въ дѣйствительности происходили такія вещи, которыя насъ оскорбили бы, если бы намъ дано было ихъ видѣть [6]).

Впрочемъ, тѣ же затрудненія представляются и въ исторіи апостоловъ. Эта исторія по своему чудесна. Но что можетъ быть болѣе оскорбительнаго, чѣмъ глоссолалія, засвидѣтельствованная неопровержимыми текстами св. Павла? Либеральные теологи допускаютъ, что исчезновеніе тѣла Іисуса было основой вѣры въ воскресеніе. А что же это доказываетъ, какъ не то, что въ этотъ моментъ христіанское сознаніе было раздвоено и что одна часть этого сознанія создала и заблужденіе второй? Если бы тѣ же ученики, которые похитили съ креста тѣло, разошлись бы по городу съ крикомъ «Онъ воскресъ!», то обманъ былъ бы ясенъ.

Но несомнѣнно, что обѣ эти вещи были сдѣланы не одними и тѣми же людьми. Для того, чтобы утвердилась вѣра въ чудо,— надо, чтобы кто-нибудь одинъ былъ отвѣтственъ за первоначальное распостраненіе слуха. Но такимъ лицомъ обыкновенно не бываетъ главное дѣйствующее лицо. Роль послѣдняго ограничивается *только тѣмъ*, что онъ не протестуетъ противъ создаваемой *ему репутаціи. Но если* бы онъ даже и протестовалъ, то это

въ сущности былъ бы напрасный трудъ; общественное мнѣніе будетъ сильнѣе его [7]). Въ чудѣ Салетты ясно виденъ былъ фокусъ; но убѣжденіе въ томъ, что это будетъ полезно религіи, одержало верхъ надо всѣмъ [8]). Обманъ, если ему подвергаются многіе, становится безсознательнымъ или скорѣе перестаетъ быть обманомъ и превращается въ недоразумѣніе. Въ этомъ случаѣ никто не обманываетъ намѣренно; но всѣ обманываютъ безсознательно. Когда-то при возникновеніи всякой легенды предполагали существованіе обманутыхъ и обманщиковъ; по моему, всѣ участвующіе въ постепенномъ созданіи легенды являются одновременно и обманутыми и обманщиками. Другими словами, чудо предполагаетъ наличность 3-хъ условій: 1) общей легковѣрности, 2) извѣстной снисходительности со стороны нѣкоторыхъ лицъ и 3) молчаливаго согласія главнаго автора. По реакціи на грубыя объясненія XVIII вѣка, намъ не слѣдуетъ строить гипотезы, допускающія дѣйствія безъ причинъ. Легенда не рождается самостоятельно; ея рожденію содѣйствуютъ; часто исходные пункты легенды бываютъ почти неуловимы. Въ народномъ воображеніи они наростаютъ какъ снѣжный комъ, но тѣмъ не менѣе въ нихъ есть первоначальное ядро. Оба лица, составлявшія двѣ генеалогіи Іисуса, отлично знали, что ихъ записи не отличались большой точностью. Книги апокрифовъ выдаваемыя за апокалипсисы Даніила, Эноха, Эздры, принадлежали перу вполнѣ убѣжденныхъ лицъ; а между тѣмъ, эти авторы отлично знали, что они не Даніилъ, не Энохъ и не Эздра. Азіатскій священникъ, сочинившій романъ Ѳеклы, заявилъ, что онъ сдѣлалъ это изъ любви къ Павлу [9]). То же самое нужно сказать и объ авторѣ четвертаго Евангелія, человѣкѣ безусловно выдающемся. Гоните заблужденіе изъ исторіи религіи въ дверь, оно влетитъ въ окно. Въ общемъ, едва ли мы найдемъ въ прошломъ великое событіе, которое можно было бы признать вполнѣ достовѣрнымъ. Неужели мы перестанемъ быть французами только потому, что Франція создалась вѣками вѣроломствъ? Неужели мы откажемся воспользоваться благами Революціи только потому, что Революція совершила безчисленное множество преступленій? И если бы династіи Капетинговъ удалось создать намъ такой же прекрасный конституціонный строй, какъ въ Англіи,—то неужели же мы придирались бы къ ея золотушности?

Одна только наука чиста, такъ какъ она отвлеченна. Ей

нѣтъ дѣла до людей; пропаганда не входитъ въ ея задачи. На обязанности ея лежитъ доказывать, но не убѣждать и не обращать. Тотъ, кто доказалъ теорему, обнародываетъ свое доказательство во всеобщее свѣдѣніе. Онъ не подымается на кафедру, онъ не жестикулируетъ, не прибѣгаетъ къ ораторскимъ пріемамъ для того, чтобы убѣдить въ его истинности людей, не видящихъ этого. Конечно, и энтузіазмъ бываетъ добросовѣстнымъ, но это вѣдь наивная добросовѣстность, а не продуманная, глубокая добросовѣстность ученаго. Невѣжда поддается только плохимъ доводамъ. И если бы Лапласу пришлось привлекать на сторону своей міровой системы толпу, то онъ не могъ бы ограничиться математическими доказательствами. Описывая жизнь своего учителя, Литтре довелъ свою искренность до того, что не скрылъ чертъ, сдѣлавшихъ этого человѣка несимпатичнымъ. Но это единственный случай въ исторіи религіи. И только одна наука ищетъ чистой истины, только она одна подтверждаетъ истину разумными доводами и подвергаетъ строгой критикѣ всѣ способы доказательствъ. Вотъ, повидимому, причина, по которой она не оказывала до сихъ поръ вліянія на народныя массы. Быть можетъ, въ будущемъ, когда народныя массы будутъ, какъ намъ это обѣщаютъ, просвѣщеннѣе, онѣ будутъ тогда довѣрять только разумнымъ, правильно выведеннымъ доказательствамъ.

Но было бы весьма несправедливо судить о великихъ людяхъ прошлаго, на основаніи этихъ принциповъ.

Существуютъ натуры, которыя не могутъ примириться съ своимъ безсиліемъ, которыя принимаютъ человѣчество такимъ, какъ оно есть, со всѣми его слабостями. Много великихъ дѣяній не могло бы совершиться безъ лжи и насилія. И если бы въ одинъ прекрасный день олицетворенный идеалъ предсталъ передъ людьми съ цѣлью управлять ими, то ему пришлось бы столкнуться съ глупостью, которая желаетъ быть обманутой, и со злобой, которая желаетъ, чтобы ее укротили. Безупреченъ только наблюдатель, который стремится отыскать истину, не заботясь о томъ, чтобы дать ей восторжествовать или приложить ее къ жизни.

Мораль—не исторія. Рисовать и разсказывать — не значитъ одобрять. Натуралистъ, описывающій превращенія хризалиды, не порицаетъ и не одобряетъ ея. Онъ не уличаетъ ее въ неблагодарности за то, что она оставляетъ свою куколку; *онъ не считаетъ* ее смѣлой за то, что она создаетъ себѣ

крылья; онъ не обвиняетъ ее въ безуміи за то, что она стремится пуститься въ пространство. Можно быть страстнымъ поклонникомъ истины и красоты и тѣмъ не менѣе быть снисходительнымъ къ наивности народныхъ массъ. Одинъ идеалъ не имѣетъ пятенъ. Наше счастіе стоило нашимъ предкамъ потоковъ слезъ и моря крови. Для того чтобы теперь благочестивыя души могли вкушать у подножія алтаря внутреннее утѣшеніе, дающее имъ возможность жить, потребовались цѣлые вѣка рабства, таинства жреческой политики, желѣзные прутья и костры. Уваженіе, которымъ мы обязаны всякому великому учрежденію, не требуетъ никакихъ жертвъ истиной со стороны исторіи. Прежде, для того, чтобы быть патріотомъ французомъ, требовалось вѣрить въ голубя Хлодвига, въ національныя древности сокровищницы въ Сенъ-Дени, въ непорочность орифламмы, въ сверхъестественную миссію Жанны Д'Аркъ; нужно было вѣрить, что французы— первѣйшая нація, что французская монархія первенствующая среди всѣхъ остальныхъ монархій, что Господь оказываетъ особое предпочтеніе этой коронѣ и всегда стремится покровительствовать ей. Теперь же мы знаемъ, что Богъ одинаково покровительствуетъ всѣмъ королевствамъ, имперіямъ и республикамъ; мы знаемъ, что многіе французскіе короли были люди, достойные презрѣнія; мы знаемъ, что характеръ французовъ имѣетъ свои недостатки; мы открыто удивляемся многимъ вещамъ, идущимъ изъ за границы. Но развѣ поэтому мы худшіе французскіе патріоты? Напротивъ, можно сказать, что мы стали лучшими патріотами, такъ какъ вмѣсто того, чтобы слѣпо относиться къ своимъ недостаткамъ, мы стараемся ихъ исправить, и вмѣсто того, чтобы отрицать все иностранное, мы стараемся подражать ему во всемъ хорошемъ.

На такой же ладъ мы и христіане. Тотъ, кто говоритъ неуважительно о средневѣковой королевской власти, о Людовикѣ XIV, о революціи, объ Имперіи, тотъ обнаруживаетъ дурной вкусъ. Тотъ, кто не говоритъ съ кротостью о христіанствѣ и церкви, къ которой принадлежитъ, тотъ виновенъ въ неблагодарности. Но сыновняя благодарность не должна заходить такъ далеко, чтобы закрывать глаза на правду. Когда правительству указываютъ, что оно не могло удовлетворить разнородныхъ потребностей человѣка; когда указываютъ религіи, что ей не избѣгнуть тѣхъ тяжкихъ возраженій, которыя дѣлаетъ наука противъ всякой вѣры въ сверхъестествен-

ное, то это еще не доказываетъ неуваженія къ нимъ. Отвѣчая на извѣстные соціальные запросы, а не на другіе, правительства погибаютъ отъ тѣхъ же причинъ, которыя ихъ создали и составляли ихъ силу. Отвѣчая стремленіямъ сердца въ ущербъ требованіямъ разсудка, религіи разрушаются одна за другой, такъ какъ до сихъ поръ еще ни одной силѣ не удалось задушить разумъ. Но горе также разуму, если онъ когда-нибудь задушитъ религію. Повѣрьте мнѣ, наша планета выполняетъ какую то глубокую задачу. Не провозглашайте смѣло безполезность той или другой ея части, не говорите, что нужно устранить это колесо, такъ какъ, повидимому, оно только препятствуетъ ходу остальныхъ. Природа, надѣлившая животныхъ непогрѣшимымъ инстинктомъ, не вложила и въ человѣчество ничего обманнаго. По его органамъ вы можете смѣло опредѣлить его судьбу. Est Deus in nobis (Въ насъ есть божественная искра). Я осмѣливаюсь утверждать, что религіи, будучи лживыми, когда пытаются доказать, опредѣлить и олицетворить безконечность,—всегда правы, когда утверждаютъ это.

Самыя крупныя ошибки, которыя религіи примѣшиваютъ къ этому признанію,—ничто въ сравненіи съ цѣнностью провозглашаемой ими истины. Самый послѣдній простакъ, слѣдующій культу своего сердца, знаетъ больше о дѣйствительной сущности вещей, нежели матеріалистъ, считающій возможнымъ объяснить все случаемъ и отвергающій безконечное.

ВВЕДЕНІЕ,

посвященное, главнымъ образомъ, оригинальнымъ документамъ исторіи христіанства.

Исторія «Происхожденія Христіанства» должна охватывать весь тотъ мрачный и—осмѣлюсь сказать—подпольный періодъ, который тянется отъ самаго возникновенія этой религіи до того момента, когда существованіе ея стало общественнымъ фактомъ, вполнѣ очевиднымъ для всѣхъ.

Такую исторію слѣдовало бы раздѣлить на четыре части. Первая, которую я и предлагаю сейчасъ читателямъ, разсматривала бы самое событіе, послужившее отправнымъ пунктомъ новаго культа; она была бы вся проникнута возвышенной личностью великаго основателя. Во второй части я сказалъ бы объ апостолахъ и ихъ ближайшихъ ученикахъ, или, лучше сказать, о тѣхъ революціяхъ, которыя претерпѣла религіозная мысль въ теченіе первыхъ двухъ поколѣній христіанъ.

Я закончилъ бы ее 100 годомъ, иначе говоря, временемъ смерти послѣднихъ друзей Іисуса, когда всѣ книги Новаго Завѣта приняли почти тотъ самый видъ, въ которомъ мы ихъ читаемъ въ настоящее время. Третью я посвятилъ бы описанію состоянія христіанства при Антонинахъ. Въ это время христіанство начинаетъ развиваться и непрестанно ведетъ борьбу съ имперіей, которая къ этому времени достигла наивысшаго административнаго расцвѣта и подъ руководствомъ философовъ борется въ лицѣ зарождающейся секты съ тайнымъ теократическимъ обществомъ, упорно отрицающимъ ее и непрерывно подкапывающимся подъ нее.

Эта часть моей работы охватила бы весь II-ой вѣкъ. Наконецъ, въ четвертой части я показалъ бы, какіе рѣшительные успѣхи сдѣлало христіанство, начиная съ сирійскихъ императоровъ. Ученыя построенія Антониновъ потерпѣли къ этому

времени полный крахъ, и гибель античной цивилизаціи стала неизбѣжной.

Къ этому же времени Сирія покорила весь западъ, и Іисусъ въ обществѣ боговъ и обоготворенныхъ мудрецовъ Азіи овладѣлъ тѣмъ обществомъ, которое перестало уже удовлетворяться философіей и чисто гражданскимъ строемъ государства. Въ это именно время и произошли глубокія перемѣны въ религіозныхъ идеяхъ народовъ, населявшихъ побережья Средиземнаго моря. Восточный культъ вытѣсняетъ повсюду всѣ остальные. Христіанство, ставъ церковью, окончательно отрѣшается отъ своихъ мечтаній о тысячелѣтнемъ царствованіи, порываетъ послѣднія связи съ іудаизмомъ и цѣликомъ уходитъ въ міръ греческій и латинскій. Я лишь въ общихъ чертахъ остановился бы на борьбѣ и литературныхъ трудахъ III вѣка, такъ какъ все это происходило уже на глазахъ у всѣхъ.

Еще болѣе общій характеръ носило бы описаніе гоненій на христіанство начала IV вѣка. Это было послѣдней попыткой со стороны имперіи возвратиться къ старымъ началамъ, отрицавшимъ за религіозной ассоціацией право на какое бы то ни было мѣсто въ государствѣ. Наконецъ, я ограничился бы лишь указаніемъ на тѣ политическія измѣненія, которыя проявлялись уже и раньше, привели при Константинѣ къ перемѣнѣ ролей и превратили самое свободное и независимое религіозное движеніе въ оффиціальный культъ, ставшій въ зависимость отъ государства и въ свою очередь выступившій на путь преслѣдованій.

Я не знаю, хватило ли бы всей моей жизни и силъ, чтобы выполнить столь обширный планъ. Я буду чувствовать себя удовлетвореннымъ даже и въ томъ случаѣ, если послѣ жизнеописанія Іисуса мнѣ удастся написать исторію апостоловъ, какъ я ее понимаю, описать состояніе христіанъ въ теченіе первыхъ недѣль, послѣдовавшихъ за смертью Іисуса, образованіе ряда легендъ о его воскресеніи, первыя дѣйствія іерусалимской церкви, жизнь св. Павла, кризисъ при Неронѣ, разсказать о появленіи Апокалипсиса, разрушеніе Іерусалима, возникновеніе первыхъ еврейскихъ христіанскихъ общинъ въ Виѳаніи, редакціи Евангелія, происхожденіи великихъ школъ въ Малой Азіи. Все блѣднѣетъ въ сравненіи съ величіемъ этого перваго вѣка. Благодаря какой-то странности, рѣдкой въ исторіи, мы знаемъ гораздо лучше все то, что происходило въ христіанскомъ мірѣ *въ періодъ съ 50 по 75 годъ*, чѣмъ съ 80 по 150 г.

Намѣченный для этой работы планъ помѣшалъ мнѣ ввести въ текстъ длинныя критическія замѣчанія по вопросамъ наиболѣе спорнымъ. Но помѣщенныя въ текстѣ примѣчанія даютъ читателю возможность самому провѣрить по источникамъ правильность высказываемыхъ въ текстѣ соображеній. Въ этихъ примѣчаніяхъ я ограничился лишь ссылками на первоисточники, указаніемъ тѣхъ мѣстъ оригиналовъ, на которыя опираются всѣ утвержденія и догадки. Я знаю, что для тѣхъ, кто мало расположенъ къ подобнаго рода изученію, было бы необходимо указать еще очень много другихъ работъ. Но я не люблю передѣлывать сызнова то, что уже сдѣлано и сдѣлано хорошо. Для такихъ же лицъ я укажу лишь на слѣдующія сочиненія на французскомъ языкѣ:

Etudes critiques sur l'Evangile de saint Mattieu, соч. Альберта Ревилля, пастора валлонской церкви въ Роттердамѣ. Leyde, Noothoven vau Goor 1862 Paris, Cherbuliez. Сочиненіе это премировано обществомъ защиты христіанской религіи въ Гаагѣ.

Histoire de la théologie chrétienne du siècle apostolique, соч. Рейсса, профес. теологическ. факульт. и протестантской семинаріи въ Страсбургѣ. (Strasbourg, Treuttel et Wurz, 2 изд. 1860, Paris, Cherbuliez.

Histoire du canon des Ecritures saintes dans l'Eglise chrétienne, его же (Strasbourg, Treuttel et Wurz 1863).

Des doctrines réligieuses de Juifs pendant les deux Siècles antérieurs à l'ére chrétienne, соч. Мишеля Николя, профессора теологическаго протестантскаго факультета въ Монтобанѣ (Paris, Michel Lévy frères 1860).

Etudes critiques sur la Bible (Nouveau Testament), его же (Paris, Michel Lévy frères 1864).

Vie de Jesus, соч. Штраусса, перев. академика Литтрэ (Paris, Ladrange 2 изд. 1856).

Nouvelle vie de Jésus, его же, пер. Нефтцера и Дольфуса (Paris, Hetzel et Lacroix 1864).

Les Evangiles, соч. Густава Эйхталя. Часть I-ая. Examen critique et comparatif des trois premiers Evangiles (Paris, Hachette 1863).

Jésus Christ et les Croyances messianiques de son temps, соч. Колани, профессора теологическаго факультета и протестантской семинаріи въ Страсбургѣ, Strasburg, Treuttel et Wurz (2-ое изд. 1864. Paris' Cherbuliez).

Etudes historiques et critiques sur les origines du christianisme, соч. А. Стапа (Paris, Lacroix, 2 изд. 1866).

Etudes sur la biographie évangélique, соч. Ринтеръ де-Ліесоля (Londres 1854).

Revue de théologie et de Philosophie chrétienne, редактируемый Колани съ 1850 по 1857 — Nouvelle Revue de Théologie, продолженіе предыдущаго съ 1858 по 1862 г. Revue de Théologie, третья серія съ 1863 г. (Strasbourg, Treuttel et Wurz. Paris, Cherbuliez).

Повторяю: тѣ лица, которыя пожелаютъ познакомиться съ указанными сочиненіями, большая часть которыхъ прекрасно написана, найдутъ въ нихъ множество объясненій цѣлаго ряда вопросовъ, на которыхъ я очень мало останавливался. Въ частности говоря, подробный критическій разборъ евангельскихъ текстовъ Штрауса не оставляетъ желать ничего лучшаго. И хотя вначалѣ Штраусъ и держался неправильной теоріи редакціи Евангелій [10]), а въ своей книгѣ слишкомъ много придерживался, по моему, теологическихъ изысканій и слишкомъ мало историческихъ фактовъ [11]), все же для того, чтобы дать себѣ отчетъ о тѣхъ соображеніяхъ, которыя руководили мною въ цѣломъ рядѣ мелочей, необходимо слѣдовать всегда здравому, хотя порою и нѣсколько искусственному, анализу этой книги. Прекрасный переводъ ея сдѣланъ моимъ ученымъ собратомъ Литтрэ.

Мнѣ думается, что въ области привлеченія древнихъ свидѣтельствъ я не упустилъ изъ виду ни одного источника, изъ котораго можно было получить какія-либо свѣдѣнія. Отъ Іисуса и его времени у насъ осталось пять большихъ собраній сочиненій, не говоря уже о цѣломъ множествѣ другихъ данныхъ, разсѣянныхъ въ другихъ мѣстахъ. Это именно: 1° Евангелія или, вообще говоря, Новый Завѣтъ; 2° Сочиненія подъ названіемъ «Апокрифы Ветхаго Завѣта»; 3° Сочиненія Филона; 4° Сочиненія Іосифа; 5° Талмудъ. Сочиненія Филона имѣютъ для насъ то неоцѣнимое значеніе, что знакомятъ насъ съ тѣми мыслями, которыя бродили во время Іисуса въ умахъ, занятыхъ великими вопросами религіи. Правда, Филонъ жилъ въ провинціи, гдѣ господствовалъ совсѣмъ другой толкъ іудаизма, чѣмъ въ той, гдѣ жилъ Іисусъ; но, какъ и послѣдній, онъ вполнѣ свободенъ отъ того фарисейскаго духа, который царилъ въ Іерусалимѣ. Филонъ по истинѣ можетъ считаться старшимъ *братомъ Іисуса. Ко времени* наиболѣе активной дѣятельности

пророка изъ Назарета ему было шестьдесятъ два года: онъ пережилъ его по меньшей мѣрѣ на десять лѣтъ. Какъ жаль, что случай не привелъ его въ Галлилею! Вотъ кто могъ бы намъ многое разсказать!

Что касается Іосифа, предназначившаго свои сочиненія главнымъ образомъ для язычниковъ, то нельзя сказать, чтобы онъ отличался той же искренностью. Его краткія замѣчанія о Іисусѣ, Іоаннѣ-Крестителѣ и Іудѣ отличаются сухостью; въ нихъ нѣтъ никакой красочности. Чувствуется, что все это движеніе, глубоко еврейское по своему характеру и духу, онъ старается представить въ формѣ, понятной для грековъ и римлянъ. Я думаю, что то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ объ Іисусѣ [1]), можно считать въ цѣломъ подлиннымъ. Оно совершенно въ духѣ Іосифа, а если этотъ историкъ упоминаетъ объ Іисусѣ, то онъ долженъ говорить о немъ именно такъ. Чувствуется только, что рука какого то христіанина смягчила этотъ отрывокъ, добавивъ въ немъ нѣсколько словъ, безъ которыхъ онъ былъ бы богохульствомъ [12]). Быть можетъ въ немъ также измѣнены или смягчены нѣкоторыя отдѣльныя выраженія [13]). Надо вспомнить, что литературную извѣстность Іосифу создали христіане, признавшіе его сочиненія за существенные документы своей священной исторіи. Очень вѣроятно, что во II в. и было распространено это изданіе, исправленное въ духѣ христіанскихъ идей [14]). Во всякомъ случаѣ, громадный интересъ сочиненіямъ Іосифа придаетъ то живое освѣщеніе, которое онъ даетъ этому времени. Благодаря этому еврею писателю,—Иродъ, Иродіадъ, Антипа, Филиппъ, Анна, Каифа, Пилатъ изображены такъ ярко, что мы можемъ, если можно такъ выразиться, ощущать ихъ; они стоятъ передъ нами какъ живые; предъ нами сама реальная дѣйствительность.

Апокрифическія книги Ветхаго Завѣта, въ особенности же еврейская часть сивиллинныхъ книгъ, книга Эноха, Успеніе Моисея, четвертая книга Эздры, Апокалипсисъ Боруха, вмѣстѣ съ книгою Даніила, представляющей въ свою очередь настоящій апокрифъ—всѣ они имѣютъ существенное значеніе для исторіи развитія мессіанскихъ теорій и знакомства съ представленіями Іисуса о Царствіи Божіемъ [15]). Въ частности книга Энохъ [16]) и Успеніе Моисея [17]) были очень широко распространены среди окружавшихъ Іисуса. Нѣкоторыя изреченія, приписываемыя синоптиками Іисусу, посланіе, приписываемое св. Варнаввѣ, выдаетъ за слова Еноха: ὡς Ἐνὼχ λέγει [18]) (какъ то-

ворить Энохъ). Очень трудно опредѣлить время появленія различныхъ частей этой книги, приписываемой этому патріарху. Ни одна изъ нихъ, конечно, не восходитъ ко времени ранѣе 150 года до Р. Х.; нѣкоторыя изъ нихъ могли быть написаны христіаниномъ. Нѣкоторые изслѣдователи высказываютъ подозрѣніе, что та часть ея, въ которую входятъ рѣчи подъ общимъ заглавіемъ «О подобіяхъ», а именно главы XXXVII и LXXI написана какимъ-то христіаниномъ. Однако это ничѣмъ не доказано [19]). Очень можетъ быть, что часть эта только искажена [20]). Словомъ, то тутъ, то тамъ чувствуется то или иное добавленіе или поправка, сдѣланныя рукою христіанина.

Столь же осторожнаго отношенія къ себѣ требуетъ и сборникъ Савиллиныхъ поэмъ; однако, въ немъ уже легче разбираться. Наиболѣе древняя часть ея—это поэма, находящаяся въ III кн. ст. 97—817; она появилась около 140 г. до Р. Х. Что касается времени появленія четвертой книги Эздры, то въ настоящее время почти всѣ изслѣдователи сходятся на томъ, чтобы относить это апокалипсическое писаніе къ 97 г. послѣ Р. Х. Она также была искажена христіанами. Апокалипсисъ Баруха [21]) имѣетъ большое сходство съ книгой Эздры; какъ и въ книгѣ Эноха, въ немъ можно найти нѣкоторыя изреченія, приписываемыя Іисусу [22]). Что касается книги Даніила, то какъ особенности тѣхъ двухъ языковъ, на которыхъ она написана и употребленіе греческихъ словъ, такъ и ясное, точное и вполнѣ опредѣленное указаніе на событія, восходящія ко времени Антіоха Эпифана, а также невѣрное изображеніе древняго Вавилона—не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что книга эта обязана своимъ происхожденіемъ той великой экзальтаціи, которая создалась у евреевъ подъ вліяніемъ преслѣдованій Антіоха. Подтверждаетъ эту мысль и общій характеръ книги, ничуть не похожей на всѣ остальныя сочиненія эпохи плѣненія; скорѣе, наоборотъ: благодаря множеству аналогій въ вѣрованіяхъ и нравахъ она можетъ быть отнесена ко времени Селевкидовъ. Сюда же относится апокалипсическая форма, въ которую облечены видѣнія, мѣсто, занимаемое этой книгой въ еврейскомъ канонѣ, гдѣ она не входитъ въ серію книгъ пророковъ, отсутствіе упоминанія о Даніилѣ въ панегирикахъ LIX главы Экклезіаста, гдѣ должна была находиться его книга, а также много другихъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ, мѣсто этой книги не въ *древней пророческой литературѣ*; она должна быть поставлена *во главѣ апокалипсической литературы*, какъ первый образецъ

того рода сочиненій, въ которомъ послѣ нея были написаны различныя сивиллины поэмы, а именнно: книга Эноха, Успеніе Моисея, Апокалипсисъ Іоанна, Вознесеніе Исаіи и четвертая книга Эздры. Исторія христіанства слишкомъ небрежно относилась до сихъ поръ къ Талмуду. Вмѣстѣ съ Гейгеромъ, я полагаю, что истинное пониманіе обстоятельствъ, выдвинувшихъ Іисуса, должно искать въ этой странной компиляціи, въ которой множество цѣнныхъ свѣдѣній находится наряду съ самой несущественной схоластикой. Христіанская и еврейская теологія шли все время рядомъ, вотъ почему исторія одной изъ нихъ не можетъ быть понята безъ знанія исторіи другой. Далѣе, безчисленное множество фактическихъ подробностей, находящихся въ Евангеліяхъ, комментируются и въ Талмудѣ. Обширные сборники на латинскомъ языкѣ Лайтфута, Шетгена Букстoрфа и Отто содержатъ уже многочисленныя разъясненія по этому вопросу. Я счелъ также нужнымъ провѣрить въ оригиналѣ всѣ безъ исключенія цитаты, которыя я привожу въ текстѣ. Помощь, которую мнѣ оказалъ въ этой части моего труда одинъ ученый еврей, г. Нейбауэръ, прекрасно знакомый съ талмудической литературой, позволила мнѣ пойти еще дальше и освѣтить нѣкоторыя стороны занимавшаго меня вопроса при помощи нѣкоторыхъ новыхъ сопоставленій. Очень большое значеніе при этомъ имѣло различіе эпохъ: надо помнить, что редакція Талмуда продолжалась съ 200 г. почти до 500 гг. Тутъ нами была проявлена самая большая осмотрительность, какая только возможна была при современномъ состояніи этого знанія. Столь недалекое отъ насъ происхожденіе Талмуда можетъ вызвать нѣкоторое сомнѣніе у тѣхъ, кто привыкъ придавать документамъ лишь то значеніе, какое они могутъ имѣть по времени появленія ихъ въ писанномъ видѣ. Такого рода сомнѣнія не должны имѣть мѣста въ данномъ случаѣ.

Дѣло въ томъ, что со времени асмонеевъ и до II вѣка обученіе у евреевъ велось, главнымъ образомъ, изустно. Объ умственномъ состояніи этого времени нельзя судить по обыкновеніямъ того времени, когда много пишутъ. Веды, гомеровскіе поэмы, древнія арабскія поэмы—все это въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ сохранялось лишь въ памяти, и, однако, всѣ эти произведенія носятъ вполнѣ законченный и подлинный характеръ. Въ Талмудѣ, наоборотъ, форма не имѣетъ никакой цѣны. Къ всему сказанному добавимъ еще и то, что еще до

Мишны Іуды Святого, послѣ которой были позабыты всѣ вышедшія до нея, дѣлались попытки составленія подобнаго рода сборника. Первыя попытки этого рода восходятъ, быть можетъ, дальше, чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ. Слогъ Талмуда это слогъ школьныхъ замѣтокъ: составители его, вѣроятно, лишь расположили по опредѣленнымъ главамъ всю ту огромную груду сочиненій, которыя накопились въ различныхъ школахъ въ теченіе цѣлыхъ поколѣній.

Намъ остается сказать лишь о тѣхъ документахъ, которые считаются біографіями основателя христіанства, а потому естественно и должны занять первое мѣсто въ жизнеописаніи Іисуса. Полный критическій разборъ редакціи Евангелій могъ бы составить отдѣльную работу. Благодаря цѣлому ряду прекрасныхъ работъ, посвящаемыхъ этому вопросу вотъ уже тридцать лѣтъ, въ настоящій моментъ найдено разрѣшеніе этого вопроса, считавшагося въ свое время недоступнымъ для изслѣдователя. Конечно, рѣшеніе это не устраняетъ еще всѣхъ сомнѣній, но все же оно вполнѣ отвѣчаетъ запросамъ историческаго изслѣдованія. Мы будемъ еще имѣть въ дальнѣйшемъ случай возвратиться къ этому вопросу, такъ какъ составленіе Евангелій было однимъ изъ самыхъ важныхъ для будущаго христіанства событій, имѣвшихъ мѣсто во II половину I-го в. Сейчасъ мы остановимся лишь на одной сторонѣ этого вопроса; это необходимо сдѣлать для цѣльности нашего разсказа. Оставивъ въ сторонѣ все то, что сохранилось въ картинѣ, даваемой Евангеліями со временъ апостоловъ, мы займемся изслѣдованіемъ лишь того, насколько данныя Евангелія могутъ быть приняты исторіей, построенной на раціоналистическихъ началахъ [23]).

Ясно, что Евангелія носятъ отчасти легендарный характеръ: они полны чудесъ и сверхъестественнаго, но легенды бываютъ различныя. Никто не сомнѣвается въ главныхъ событіяхъ жизни Франциска Ассизскаго только потому, что въ жизнеописаніяхъ его мы встрѣчаемся на каждомъ шагу со сверхъестественнымъ. Напротивъ, никто не отнесется съ довѣріемъ къ «Жизни Аполлонія Ѳіанскаго», такъ какъ она была написана много лѣтъ спустя послѣ смерти героя и въ формѣ настоящаго романа. Въ какую эпоху, кѣмъ и при какихъ условіяхъ были составлены Евангелія? Вотъ тотъ кардинальный вопросъ, отъ отвѣта на который и зависитъ то или иное мнѣніе объ ихъ достовѣрности.

Какъ извѣстно, каждое изъ четырехъ Евангелій носитъ *названіе одного изъ дѣйствующихъ* лицъ, либо исторіи апо-

столовъ, либо самого Евангелія. Ясно, что если заглавія эти переданы намъ вѣрно, Евангелія пріобрѣтаютъ особенную историческую цѣнность, такъ какъ, даже сохраняя свой легендарный характеръ, могутъ служить историческимъ свидѣтельствомъ о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто полъ-вѣка спустя послѣ смерти Іисуса, а два изъ нихъ написаны его современниками.

Относительно Луки не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Евангеліе отъ Луки это обыкновенное сочиненіе, написанное по существовавшимъ до него документамъ [24]). Это произведеніе писателя, который выбираетъ документы, отбрасываетъ непригодное, сопоставляетъ. Авторъ этого Евангелія и авторъ Дѣяній Апостоловъ [25]), несомнѣнно, одно и то же лицо. Авторъ же Дѣяній, повидимому, товарищъ св. Павла [26]); титулъ этотъ подходитъ и къ Лукѣ [27]). Я знаю, что на это мнѣ могутъ многое возразить; во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно: авторъ третьяго Евангелія и Дѣяній принадлежалъ ко второму поколѣнію апостоловъ; для насъ достаточно и этого. Далѣе, на основаніи соображеній, почерпнутыхъ изъ этой же книги, мы можемъ довольно точно опредѣлить и время появленія этого Евангелія. XXI глава Евангелія отъ Луки, которую нельзя разсматривать, какъ нѣчто отдѣльное, была написана несомнѣнно уже послѣ осады Іерусалима, однако, и немного времени спустя послѣ нея [28]). Тутъ мы чувствуемъ подъ собой твердую почву, такъ какъ предъ нами сочиненіе, написанное довольно стройно и все однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Евангелія отъ Матѳея и Марка далеко не носятъ на себѣ такой печати индивидуальности. Въ нихъ не чувствуется личности автора, онъ совершенно стушевывается. Собственное имя, поставленное въ заголовкѣ этихъ произведеній, почти ничего намъ не говоритъ. Тутъ уже не могутъ имѣть мѣста тѣ соображенія, которыя мы высказали относительно Евангелія отъ Луки. Та или иная дата, указанная въ какой либо главѣ (напр., отъ Матѳея XXIV, Марка XIII), не можетъ быть, строго говоря, отнесена ко всему произведенію цѣликомъ, такъ какъ послѣднее составлено изъ отдѣльныхъ отрывковъ различнаго происхожденія, относящихся къ самымъ различнымъ эпохамъ. Вообще третье Евангеліе появилось, повидимому, послѣ первыхъ двухъ, а потому въ немъ видны слѣды болѣе близкой къ намъ редакціи. Отсюда нельзя однако заключать, что оба *Евангелія*, отъ Марка и Матѳея, вышли изъ подъ пера Луки *въ такомъ видѣ*, въ какомъ они имѣются у насъ. Эти два

произведенія, такъ называемыя Евангеліе отъ Матѳея и Евангеліе отъ Марка, долго находились, если можно такъ выразиться, въ нѣсколько неопредѣленномъ положеніи и подвергались всякимъ исправленіямъ. Въ этомъ пунктѣ мы можемъ сослаться на капитальное свидѣтельство, относящееся къ первой половинѣ II в. Оно принадлежитъ гіераполисскому епископу Папію, серьезному изслѣдователю и знатоку преданія, съ необыкновеннымъ вниманіемъ собиравшему всю свою жизнь все, что имѣло отношеніе къ личности Іисуса [29]). Заявивъ предварительно о томъ, что въ подобныхъ вопросахъ онъ отдаетъ предпочтеніе устному преданію передъ книгами, Папій ссылается въ дальнѣйшемъ на слѣдующія двѣ книги, сообщающія о дѣяніяхъ и словахъ Іисуса: 1° рукопись Марка, переводчика апостола Петра, написанную сжато и неполную, въ которой отсутствуетъ какой бы то ни было хронологическій порядокъ и въ которую вошли описаніе дѣяній и рѣчи (Λεχθεντα ἢ πραχθέντα), составленныя по указаніямъ и воспоминаніямъ апостола Петра [30]); 2° сборникъ сентенцій (Λογια) Матѳея на еврейскомъ [31]) языкѣ, «который всякій переводилъ [32]), какъ умѣлъ». Несомнѣнно, что эти два сочиненія вполнѣ соотвѣтствуютъ по своему общему содержанію тѣмъ двумъ книгамъ, которыя въ настоящее время извѣстны подъ названіемъ Евангелія отъ Матѳея и Евангелія отъ Марка. Первое изъ только что названныхъ сочиненій отличается длинными рѣчами, второе носитъ особенно анекдотическій характеръ; оно болѣе точно, чѣмъ первое, въ передачѣ мелкихъ фактовъ, кратко до сухости, не богато рѣчами и довольно неудачно составлено. Однако, мы не можемъ утверждать, что эти сочиненія дошли до насъ въ такомъ именно видѣ, въ какомъ ихъ имѣлъ Папій,—во первыхъ, потому, что рукопись Матѳея состояла, по словамъ Папія, исключительно изъ рѣчей на еврейскомъ языкѣ, а во-вторыхъ потому, что рукописи Марка и Матѳея были въ его глазахъ совершенно различными произведеніями не имѣющими между собой ничего общаго, написанными, кажется, даже на различныхъ языкахъ. А между тѣмъ въ дошедшемъ до насъ текстѣ Евангелія отъ Марка имѣютъ столь длинныя параллельныя совершенно тождественныя части, что мы должны предположить—или, что лицо, редактировавшее въ послѣдній разъ первое изъ этихъ двухъ Евангелій, имѣло предъ собой второе, или что послѣдній редакторъ второго имѣлъ предъ собой первое, или, наконецъ,

что оба они двѣ копіи одного и того же оригинала. Вѣрнѣе предположить, что мы не имѣемъ подлинной редакціи ни того, ни другого, что оба наши первыя Евангелія не что иное, какъ передѣлка, въ которыхъ пропуски одного старались пополнить заимствованіями изъ другого. Въ самомъ дѣлѣ, каждому хотѣлось имѣть полный текстъ; тотъ, у кого въ текстѣ сохранились лишь рѣчи, желалъ имѣть и описаніе дѣяній, и наоборотъ. Такимъ то образомъ въ Евангеліе отъ Матөея попали почти всѣ анекдоты, сообщаемые Маркомъ, а въ Евангеліе отъ Марка вошло много чертъ, заимствованныхъ изъ Logia Матөея. Къ тому же, каждый заимствовалъ все, что только ему было угодно изъ устныхъ преданій, существовавшихъ въ его время.

Преданія эти настолько еще не исчерпаны Евангеліями, что и Дѣянія апостоловъ и творенія древнѣйшихъ отцовъ церкви приводятъ слова Іисуса, которыя не возбуждаютъ сомнѣнія въ ихъ подлинности, а между тѣмъ ихъ нѣтъ въ томъ текстѣ Евангелій, который дошелъ до насъ.

Намъ незачѣмъ сейчасъ вдаваться въ болѣе подробный анализъ этихъ произведеній и пытаться въ нѣкоторомъ родѣ возсоздать оригиналъ Logia Матөея,—съ одной стороны, и первоначальный разсказъ Марка въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ подъ пера его,—съ другой стороны. Безъ сомнѣнія, въ большихъ рѣчахъ Іисуса, составляющихъ значительную часть перваго Евангелія, мы имѣемъ не что иное, какъ передачу текста Logia. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчи эти, если ихъ отдѣлить отъ всего остального текста, представляютъ нѣчто вполнѣ самостоятельное и законченное. Что касается первоначальнаго текста повѣствованія Марка, то слѣды его можно, повидимому, найти какъ въ первомъ, такъ и во второмъ Евангеліи, въ послѣднемъ больше. Другими словами, жизнеописаніе Іисуса у синоптиковъ сдѣлано на основаніи двухъ слѣдующихъ оригинальныхъ документовъ: 1º собранія изреченій Іисуса, составленнаго апостоломъ Матөеемъ, и 2º сборника анекдотовъ и личныхъ замѣтокъ, составленныхъ Маркомъ по воспоминаніямъ апостола Петра. Можно сказать, что оба эти документа, къ которымъ примѣшались въ дальнѣйшемъ нѣкоторыя данныя совсѣмъ другого происхожденія, и дошли до насъ въ видѣ двухъ первыхъ Евангелій, носящихъ, не безъ основанія, названія «Евангелія отъ Матөея и Евангелія отъ Марка».

Во всякомъ случаѣ, что несомнѣнно, такъ это то, что *уже очень рано рѣчи* Іисуса были записаны на арамейскомъ языкѣ,

что уже очень рано было написано также и описаніе его чудесныхъ дѣяній. Конечно, это не были законченные догматически установленные тексты. Кромѣ дошедшихъ до насъ Евангелій, были еще и другія сочиненія, равнымъ образомъ претендующія на названіе свидѣтельствъ современниковъ-очевидцевъ [33]). Всѣмъ этимъ сочиненіямъ придавали очень мало значенія, такъ что собиратели, вродѣ Папія, предпочитали имъ еще въ первой половинѣ II вѣка устное преданіе [34]). Такъ какъ въ то время считали, что конецъ міра очень близокъ, то никто и не думалъ писать книги для будущихъ поколѣній. Все дѣло шло лишь о томъ, чтобъ сохранить въ сердцѣ своемъ живой образъ того, кого надѣялись скоро снова увидѣть тамъ,—въ небесахъ. Отсюда тотъ незначительный авторитетъ, которымъ пользовались въ теченіе приблизительно первыхъ ста лѣтъ тексты Евангелій. Безъ всякихъ колебаній въ нихъ вводили цѣлые параграфы, комбинировали самымъ различнымъ образомъ отдѣльныя сказанія, дополняли ихъ одни другими.

Бѣднякъ, у котораго есть одна единственная книга, хочетъ чтобы въ ней было все, къ чему лежитъ его сердце. Всѣ ссужали другъ другу эти маленькія книжки; каждый надписывалъ на поляхъ своего экземпляра всѣ слова и притчи, которыя онъ гдѣ-либо встрѣчалъ и которыя останавливали его вниманіе [35]). Такимъ образомъ самое прекрасное произведеніе въ мірѣ создано при помощи незримаго ни для кого, безъименнаго творчества народнаго. Ни одна изъ редакцій не имѣла абсолютной цѣнности. Въ двухъ посланіяхъ, приписываемыхъ Клименту Римскому, приводятся слова Іисуса съ замѣтными измѣненіями [36]). Іустинъ, который довольно часто упоминаетъ одно произведеніе, называемое имъ «Воспоминанія апостоловъ», имѣлъ передъ собою текстъ евангельскихъ документовъ, нѣсколько отличный отъ дошедшихъ до насъ; какъ бы то ни было, онъ ничуть не старается приводить ихъ текстуально [37]). Тотъ же самый характеръ носятъ цитаты изъ Евангелія въ лже-климентовыхъ проповѣдяхъ евіонитскаго происхожденія. Значеніе имѣлъ только духъ ученія, буква не играла тогда никакой роли. И только во второй половинѣ II вѣка, когда сила традиціи ослабѣла, тексты, носящіе названіе апостоловъ или апостолическихъ мужей, пріобрѣтаютъ рѣшающее значеніе и получаютъ силу законовъ. Но даже и тогда еще не были воспрещены окончательно сво-

бодныя сочиненія; по примѣру Луки, по прежнему составляются частные тексты Евангелій, путемъ соединенія въ одно нѣсколькихъ болѣе древнихъ текстовъ [38]).

Для кого не ясна цѣнность такихъ документовъ, составленныхъ изъ трогательныхъ воспоминаній и наивныхъ сказаній первыхъ двухъ поколѣній христіанъ, находившихся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ обаятельной личности знаменитаго основателя, еще не изгладившимся и надолго пережившимъ его?

Ко всему сказанному надо добавить, что Евангелія, о которыхъ идетъ все время рѣчь, ведутъ свое происхожденіе отъ той вѣтви христіанской семьи, которая ближе всего стояла къ Іисусу. Послѣдняя редакція текста, связанная съ именемъ Матѳея, была, повидимому, сдѣлана въ одной изъ областей на сѣверо-западѣ отъ Палестины, напримѣръ, въ Гавлонидѣ, Гауранѣ или Виѳаніи, гдѣ скрывалось много христіанъ въ эпоху римской войны, гдѣ еще во II в. можно было встрѣтить родственниковъ Іисуса [39]) и гдѣ первоначальное галлилейское направленіе сохранилось дольше, чѣмъ гдѣ-либо.

До сихъ поръ рѣчь шла лишь о трехъ, такъ называемыхъ синоптическихъ Евангеліяхъ. Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще о четвертомъ Евангеліи, носящемъ имя Іоанна. Здѣсь вопросъ значительно усложняется. Наиболѣе близкій къ Іоанну его ученикъ Поликарпъ, часто цитирующій синоптиковъ въ своемъ посланіи къ Филиппійцамъ, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о четвертомъ Евангеліи. Папій, который также принадлежитъ къ школѣ Іоанна и который, если и не былъ въ числѣ его слушателей, какъ это хочетъ доказать Ириней, во всякомъ случаѣ часто посѣщалъ его непосредственныхъ учениковъ,—Папій, съ какой-то страстностью собиравшій всѣ устныя преданія о Іисусѣ, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о «Жизни Іисуса», апостола Іоанна [40]). Если бы въ своей работѣ онъ хоть разъ упомянулъ о немъ, то Евсевій, который беретъ у него все, что только можетъ ему пригодиться, какъ матеріалъ для исторіи литературы вѣка апостоловъ, несомнѣнно, отмѣтилъ бы это [41]). Быть можетъ Іустинъ и зналъ четвертое Евангеліе [42]), однако, несомнѣнно, что онъ не считалъ авторомъ его апостола Іоанна, ибо, вполнѣ опредѣленно указывая на него, какъ на автора Апокалипсиса, онъ словно забываетъ о существованіи четвертаго Евангелія, когда приводитъ множество данныхъ о жизни Іисуса, которыя заимствуетъ изъ «Воспоминаній Апостоловъ»; болѣе того, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ,

когда синоптики и четвертое Евангеліе не сходятся между собой, онъ всецѣло становится на сторону мнѣнія, совершенно противоположнаго послѣднему [43]). Это тѣмъ болѣе удивительно, что догматическія тенденціи четвертаго Евангелія ближе всего подходятъ ко взглядамъ самого Іустина.

То же самое надо сказать и о лже-климентовыхъ проповѣдяхъ. Приводимыя въ этой книгѣ рѣчи Іисуса принадлежатъ къ синоптическому типу. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ [44]), кажется, встрѣчаются заимствованія изъ четвертаго Евангелія. Конечно, авторъ Проповѣдей не придаетъ этому Евангелію значенія апостольской книги, такъ какъ по многимъ вопросамъ онъ вступаетъ въ явное съ нимъ противорѣчіе. Точно также можно думать, что и Марсіонъ (ст. 140) не былъ знакомъ съ названнымъ только что Евангеліемъ, либо не считался съ нимъ, какъ съ вдохновенной книгой [45]); это Евангеліе, безъ сомнѣнія, настолько соотвѣтствовало его идеямъ, что если бы онъ зналъ его, онъ съ готовностью принялъ бы его текстъ, а не сталъ бы обращаться за идеальнымъ текстомъ къ исправленному изданію Евангелія отъ Луки. Наконецъ, апокрифическія Евангелія, которыя могутъ быть отнесены ко II в., таковы Первоевангеліе Якова, Евангеліе Ѳомы Израильтянина [46]), всѣ они составлены по синоптикамъ, словно не знали даже и о существованіи Евангелія отъ Іоанна.

Не менѣе серьезны и тѣ внутреннія недоумѣнія, которыя попадаются при изученіи самого текста четвертаго Евангелія. Какъ примирить то обстоятельство, что, наряду съ точной передачей фактовъ, въ которой чувствуется разсказъ очевидца, встрѣчаются рѣчи, совершенно непохожія на тѣ, которыя приводитъ Матѳей? Почему въ этомъ Евангеліи нѣтъ ни одной притчи, ни одного заклинанія? Какъ объяснить себѣ то, что рядомъ съ стройнымъ жизнеописаніемъ Іисуса, которое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ кажется намъ болѣе удовлетворительнымъ и болѣе вѣрнымъ, чѣмъ въ синоптикахъ, попадаются довольно странныя мѣста, въ которыхъ чувствуется догматическая тенденція редактора, совершенно чуждыя Іисусу идеи, а порой и такія мѣста, которыя заставляютъ относиться вообще подозрительно къ добросовѣстности автора? Какъ, наконецъ, отнестись и къ тому обстоятельству, что, наряду съ самыми чистыми, самыми справедливыми, чисто евангельскими взглядами встрѣчаются менѣе высокія идеи, въ которыхъ сразу же можно признать пламеннаго сектанта?

Возникаетъ вопросъ: неужели эти лекціи по отвлеченной метафизикѣ, и подобія коихъ мы не встрѣчаемъ у синоптиковъ, были написаны на греческомъ языкѣ сыномъ Зеведея, Іоанномъ, братомъ Іакова (о немъ однако четвертое Евангеліе ни разу не упоминаетъ)? Былъ ли это авторъ Апокалипсиса [47]), іудаистъ по существу, освободившійся въ столь короткій промежутокъ времени [48]) отъ особенностей своего слога и взглядовъ своихъ? Могъ ли эту книгу, дышащую болѣе пламенной враждой къ іудаизму, чѣмъ всѣ сочиненія Павла, книгу, въ которой слово «еврей» употреблено чуть ли не въ смыслѣ «врага Іисуса», [49]) могъ ли эту книгу написать «апостолъ обрѣзанцевъ» [50])? Возможно ли, чтобы тотъ, на кого ссылаются въ подтвержденіе своего мнѣнія [51]) сторонники празднованія еврейской Пасхи, возможно ли, чтобы онъ презрительно говорилъ о «праздникѣ евреевъ», о «праздникѣ Пасхи» [52])? Все это имѣетъ весьма серьезное значеніе, и что касается меня, то я совершенно отрицаю мысль, будто четвертое Евангеліе написано бывшимъ галлилейскимъ рыбакомъ. Пока же, какъ внѣшніе признаки, такъ и изученіе разсматриваемаго документа съ извѣстной дозой вѣроятности доказали только то, что Евангеліе это появилось въ концу І-го или въ началѣ ІІ-го в. въ одной изъ малоазійскихъ школъ, примыкавшихъ къ Іоанну, и что это одинъ изъ варіантовъ жизнеописанія великаго учителя, заслуживающій вниманія изслѣдователя, не только вообще, но и предпочтительно передъ другими.

Прежде всего, никто не высказывалъ сомнѣній въ томъ, что около 170 г. четвертое Евангеліе уже существовало. Въ это время въ Лаодицеѣ на р. Ликѣ возникъ споръ о Пасхѣ, и въ этомъ спорѣ указанное Евангеліе сыграло рѣшающую роль [53])

Уже Аполинарій [54]), Аѳенагоръ [55]) и Поликратъ [56]), авторъ посланій къ вѣнской и ліонской [57]) Церквамъ, высказываютъ по поводу предполагаемаго авторитета Іоанна взглядъ, который вскорѣ былъ принятъ всѣми ортодоксами. Ѳеофилъ Антіохійскій (около 180 г.) категорически заявляетъ, что авторомъ [58]) четвертаго Евангелія былъ апостолъ Іоаннъ. Ириней [59]) и канонъ Муратори [60]) свидѣтельствуютъ о полномъ торжествѣ четвертаго Евангелія, послѣ чего никакихъ сомнѣній уже быть не можетъ.

Но если около 170 г. четвертое Евангеліе считается твореніемъ апостола Іоанна и пользуется полнымъ авторитетомъ, *то ясно, что оно не* могло появиться незадолго до этой даты.

Кажется, уже Татіенъ [61]), авторъ посланія къ Діогнету, [62]) пользовался имъ. Не менѣе выдающуюся роль сыграло это Евангеліе и въ гностицизмѣ, и въ частности въ системѣ Валентина, [63]) въ монтанизмѣ [64]), и въ спорѣ алоговъ [65]). Уже со второй половины II в. оно фигурируетъ во всѣхъ спорахъ и служитъ краеугольнымъ камнемъ въ развитіи догмы. Развитіе школы Іоанна во II в. [66]) мы можемъ прослѣдить лучше, чѣмъ развитіе какой-либо другой.Ириней вышелъ изъ школы апостола Іоанна и между нимъ и апостоломъ былъ одинъ лишь Поликарпъ. И вотъ,Ириней ничуть не сомнѣвается въ подлинности четвертаго Евангелія. Далѣе, первое посланіе, приписываемое св. Іоанну, было написано, по всѣмъ видимостямъ, однимъ и тѣмъ же лицомъ, что и четвертое Евангеліе [67]); посланіе же это, повидимому было знакомо и Поликарпу [68]). затѣмъ, говорятъ, его цитировалъ и Папій [69]); согласно же Иринею, авторомъ его былъ Іоаннъ [70]).

Еслибы, теперь, мы обратились къ самому произведенію для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, намъ прежде всего бросилось бы въ глаза то обстоятельство, что авторъ его говоритъ обо всемъ, какъ очевидецъ. Видно, что онъ желаетъ выдать себя за апостола Іоанна, ясно также и то, что онъ преслѣдуетъ всюду его интересы. Каждая страница выдаетъ его стремленіе поднять авторитетъ сына Зеведеева, показать, что это любимецъ Іисуса, самый ясновидящій изъ всѣхъ его учениковъ [71]), что во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ (На Тайной Вечерѣ, на Голгоѳѣ, у гроба) онъ былъ на первомъ мѣстѣ. То тутъ, то тамъ проглядываетъ отношеніе Іоанна къ Петру [72]), въ общемъ братское, но не лишенное, однако, нѣкотораго соперничества, и ненависть Іоанна къ Іудѣ [73]), существовавшая, можетъ быть, еще до измѣны. Порою кажется, что, прочтя на старости лѣтъ циркулировавшія евангельскія сказанія, Іоаннъ замѣтилъ въ нихъ нѣкоторыя неточности [74]), съ одной стороны, и былъ задѣтъ тѣмъ, что въ жизнеописаніи Іисуса ему не отводятъ виднаго мѣста, съ другой. И можно думать, что подъ вліяніемъ именно этого онъ и начиналъ сообщать о такихъ событіяхъ, которыя онъ зналъ лучше, чѣмъ кто-либо, словно желая доказать, что въ очень многихъ случаяхъ, когда говорилось о Петрѣ, онъ былъ вмѣстѣ съ нимъ и даже впереди его [75]). Слѣды этого ревниваго чувства можно было замѣтить еще при жизни Іисуса въ отношеніяхъ между *сыновьями Зеведея, и другими* учениками [76]). Послѣ смерти

своего брата Іакова, Іоаннъ остался единственнымъ хранителемъ интимныхъ воспоминаній, которыя по общему признанію оставались у обоихъ апостоловъ объ Іисусѣ. Воспоминанія эти могли сохраниться и у тѣхъ, кто окружалъ Іоанна, и такъ какъ представленія того времени о литературной добросовѣстности далеко не были похожи на наши, то очень можетъ быть, что кто-либо изъ его учениковъ и взялся за этотъ трудъ вмѣсто него и сталъ вольнымъ редакторомъ его Евангелія. Вѣрнѣе, однако, предположить, что это сдѣлалъ кто либо изъ многочисленныхъ сектантовъ Малой Азіи, сильно подпавшихъ уже подъ вліяніе гностицизма, которые къ концу І-го в. стали коренным образомъ искажать идеи Христа [77]). Ему также легко было говорить отъ имени Іоанна, какъ легко говорилъ отъ имени Петра тотъ благочестивый писатель, который написалъ второе посланіе Петра отъ имени послѣдняго. Отождествляя себя съ апостоломъ, любимцемъ Іисуса, онъ проникся всѣми чувствами его, вплоть до самыхъ незначительныхъ слабостей.

Отсюда проистекаютъ постоянныя напоминанія автора, что онъ послѣдній оставшійся въ живыхъ свидѣтель-очевидецъ [78]), этимъ же объясняется и то удовольствіе, съ которымъ онъ разсказываетъ о тѣхъ событіяхъ, которыя могли быть извѣстны только ему одному. Отсюда и все множество мелкихъ указаній, которыя можно принять за примѣчанія толкователя: напр., «Было шесть часовъ»; «настала ночь»; «имя человѣка было Малхъ»; «они развели огонь, такъ какъ было холодно»; «хитонъ не былъ сшитъ» [79]). Отсюда, наконецъ, и безпорядочное изложеніе, отсутствіе послѣдовательности въ ходѣ разсказа, безсвязный характеръ первыхъ главъ, словомъ, всѣ тѣ свойства, которыя останутся безъ всякаго объясненія, если смотрѣть на разсматриваемое Евангеліе, какъ на теологическое сочиненіе, не имѣющее историческаго значенія. Въ то же время все это станетъ понятнымъ, если мы посмотримъ на него, какъ на воспоминанія нѣкоего старца, составленныя кѣмъ-то помимо его, воспоминанія, мѣстами отличающіяся дивной свѣжестью, мѣстами сильно искаженныя.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Евангеліи отъ Іоанна мы рѣзко должны разграничить двѣ стороны его. Съ одной стороны, это Евангеліе даетъ намъ набросокъ жизнеописанія Іисуса, значительно, правда, отличающійся отъ жизнеописанія синоптиковъ. *Съ другой—авторъ* его влагаетъ въ уста Іисуса такія рѣчи, *которыя по своему* тону, стилю, пріемамъ и мыслямъ не имѣютъ

ничего общаго съ Logia, приводимыми у синоптиковъ. Въ этомъ послѣднемъ отношенiи разница столь велика, что тутъ надо сдѣлать опредѣленный выводъ. Если Iисусъ говорилъ такъ, какъ хотѣлъ этого Матѳей, онъ, понятно, не могъ говорить того, что желалъ вложить ему въ уста Iоаннъ.

Въ выборѣ между послѣдними двумя авторитетами никто изъ критиковъ не колебался и впредь не будетъ колебаться. Между простымъ, лишеннымъ задней мысли и безпристрастнымъ разсказомъ синоптиковъ и передачей Евангелiя отъ Iоанна—громадное разстоянiе.

Въ послѣднемъ все время чувствуется озабоченность апологета, заднiя мысли сектанта, стремленiе доказать разъ выставленное положенiе и тѣмъ убѣдить противника[80]). Не надо забывать, что свое божественное дѣло Iисусъ создавалъ не этими тяжеловѣсными напыщенными фразами, написанными плохимъ языкомъ да и мало что говорящими нравственному чувству. И еслибы даже мы не имѣли свидѣтельства Папiя о томъ, что Матѳей написалъ всѣ изреченiя Iисуса на его родномъ языкѣ, естественность, невыразимая правдивость и чарующая прелесть его рѣчей, приводимыхъ въ синоптическихъ Евангелiяхъ, чисто библейскiе обороты рѣчи, аналогiя между ними и изреченiями еврейскихъ ученыхъ того времени, ихъ полное соотвѣтствiе съ природой Галилеи—все это само уже говорило бы за себя. Отвѣтъ сталъ бы намъ еще болѣе ясенъ, лишь только мы противопоставили бы этимъ ихъ качествамъ смутную гностику и извращенную метафизику рѣчей Iоанна. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что въ рѣчахъ Iоанна нѣтъ ни одного проблеска мысли, нѣтъ изреченiй, дѣйствительно принадлежащихъ Iисусу [81]). Мистическiй тонъ этихъ рѣчей совершенно не соотвѣтствуетъ тому представленiю о характерѣ краснорѣчiя Iисуса, какое мы составили себѣ по рѣчамъ его у синоптиковъ. Чувствуется новый духъ; началась эпоха гностики, галилейская эра царствiя Божiя кончилась; надежда на скорое пришествiе Христа становится меньше и меньше; наступаетъ пора безплодной метафизики, мрачное царство абстрактной догматики. Въ этихъ писанiяхъ не видно Iисуса, и если эти страницы написаны дѣйствительно сыномъ Зеведея, придется предположить, что за этимъ трудомъ онъ позабылъ берега Генисаретскаго озера, на которомъ онъ слышалъ когда-то дивныя рѣчи.

Еще одно обстоятельство можетъ служить прекраснымъ

доказательствомъ того, что рѣчи, находящіяся въ четвертомъ Евангеліи, не могутъ считаться историческими документами, а что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на произведенія, въ которыхъ авторитетъ Іисуса долженъ былъ освятить какія-то другія ученія, дорогія сердцу редактора этого сочиненія: я имѣю въ виду ихъ полное соотвѣтствіе съ умственнымъ состояніемъ Малой Азіи того времени, къ которому они относятся. Въ это время въ Малой Азіи происходило какое-то странное движеніе синкретической философіи; тамъ уже существовали всѣ зародыши гностицизма. Церинтъ, современникъ Іоанна, уже въ это время пустилъ въ ходъ сказаніе о томъ, будто какой то эонъ, по имени Христосъ, соединился путемъ крещенія съ человѣкомъ, по имени Іисусъ, и покинулъ его на крестѣ [82]). Нѣкоторые изъ учениковъ Іоанна, повидимому, заимствовали кое-что изъ этого чуждаго имъ источника. Можетъ ли кто-нибудь утверждать, что и самъ апостолъ не подвергся подобному вліянію [83]) и что съ нимъ не произошло такой перемѣны, какая произошла въ св. Павлѣ и о которой свидѣтельствуетъ посланіе къ Колоссянамъ [84]). Нѣтъ, безъ сомнѣнія.

Весьма возможно, что послѣ катастрофъ 68 г. (дата Апокалипсиса) и 70 г. (разрушеніе Іерусалима) пламенная подвижная душа престарѣлаго апостола, который утратилъ вѣру въ скорое сошествіе въ облакахъ Сына человѣческаго, сталъ прислушиваться къ циркулировавшимъ около него ученіямъ, многія изъ которыхъ къ тому же отлично сливались съ христіанскимъ ученіемъ. Приписывая эти вновь появившіяся идеи Іисусу, онъ слѣдовалъ вполнѣ естественной склонности. Вѣдь всѣ наши воспоминанія измѣняются вмѣстѣ со всѣмъ окружающимъ; идеалы извѣстнаго намъ лица измѣняются вмѣстѣ съ нами. Считая Іисуса воплощеніемъ истины, Іоаннъ вполнѣ свободно могъ приписывать ему все то, что самъ онъ признавалъ за истину.

Однако, гораздо болѣе вѣроятнымъ представляется, что самъ Іоаннъ не принималъ въ этомъ ни малѣйшаго участія, что перемѣны эти произошли вокругъ него, несомнѣнно даже послѣ его смерти, а не были имъ сдѣланы. Долгая старость апостола могла завершиться состояніемъ слабости, благодаря которой онъ попалъ въ полную зависимость отъ лицъ, его окружавшихъ [85]). Какой-нибудь писецъ могъ воспользоваться такимъ состояніемъ слабости и устроить такъ, чтобы вышло

будто тотъ, кого весь міръ называлъ «Старцемъ» (ὁ πρεσβύτερος), говорилъ языкомъ этого писца. Нѣкоторыя части четвертаго Евангелія были прибавлены впослѣдствіи; такова вся XXI г. [86]), въ которой апостолъ словно задался цѣлью воздать хвалу апостолу Петру послѣ его смерти и отвѣтить на тѣ возраженія, которыя уже сдѣлали или еще только должны были сдѣлать по поводу смерти самого Іоанна (ст. 21—23). Кромѣ того, многія другія мѣста хранятъ слѣды помарокъ и поправокъ [87]). И такъ какъ никто не считалъ ее произведеніемъ Іоанна, то, понятно, она могла быть въ неизвѣстности въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ. Мало по малу къ ней привыкли и стали въ концѣ концовъ и считаться. И даже еще до того, какъ она была признана канонической, многіе пользовались ею какъ книгой, хотя и не особенно достовѣрной, но зато весьма поучительной [88]).

Съ другой стороны, противорѣчіе ее съ синоптическими Евангеліями, которыя были въ то время гораздо болѣе распространены, долго мѣшали пользоваться ею, какъ пособіемъ при составленіи писанія земной жизни Іисуса, какъ ее представляли себѣ.

Этимъ можно объяснить и то странное противорѣчіе, которое мы видимъ между твореніями Іустина и псевдо-климентовыми проповѣдями, въ которыхъ можно открыть слѣды четвертаго Евангелія, хотя и въ нихъ оно не ставится рядомъ съ синоптиками. Отсюда и своеобразныя ссылки, которыя дѣлаются на него приблизительно до 180 г., но которыя не представляютъ собой обычныхъ цитатъ. Отсюда, наконецъ, и слѣдующая особенность четвертаго Евангелія: свою извѣстность оно пріобрѣтаетъ не сразу, а словно выплываетъ среди движеній—II-го вѣка въ церквахъ Азіи; сперва его принимаютъ гностики [89]); у ортодоксальной же церкви оно пользуется лишь вѣрой отчасти, какъ это можно видѣть и на примѣрѣ съ Пасхой, затѣмъ оно получаетъ и всеобщее признаніе. Порою я склонялся къ мысли, что, противопоставляя точнымъ свѣдѣніямъ о жизни Іисуса длинныя рѣчи и странныя поученія, которыя приписываются ему нѣкоторыми писателями, Папій имѣлъ въ виду именно четвертое Евангеліе. Папій и старая іудейско-христіанская партія должны были считать такія новшества весьма предосудительными. Конечно, это былъ не единственный случай, когда книга, почитавшаяся сперва еретической, прокла-

дывала себѣ дорогу къ ортодоксальной церкви и становилась въ концѣ концовъ книгой закона

Я считаю весьма вѣроятнымъ, что книга эта была написана до 100-го года, т. е. тогда, когда синоптики не были еще вполнѣ канонизированы. Еслибы она была написана позже этого времени, нельзя было бы понять, какъ это авторъ ея настолько свободенъ отъ вліянія «Апостольскихъ Воспоминаній». Для Іустина и, кажется, даже для Папія единственнымъ правильнымъ и истиннымъ свидѣтельствомъ о жизни Іисуса представляются только синоптики. Еслибы поддѣлка Евангелія была написана около 120 или 130 г., то авторъ ея удовлетворился бы разработкой по своему усмотрѣнію уже принятаго варіанта, какъ это имѣетъ мѣсто въ апокрифическихъ Евангеліяхъ, но онъ ни въ коемъ случаѣ не сталъ бы переиначивать то, что считалось существеннымъ и установленнымъ въ біографіи Іисуса. Это настолько вѣрно, что уже во второй половинѣ II вѣка эти противорѣчія становятся сильнымъ оружіемъ въ рукахъ алоговъ и заставляютъ защитниковъ четвертаго Евангелія придумывать довольно натянутыя объясненія [90]). Нѣтъ никакихъ доказательствъ, что, при составленіи четвертаго Евангелія, редакторъ его не имѣлъ передъ собой одного изъ синоптическихъ Евангелій [91]). Поразительное сходство его изложенія страстей съ тремя остальными Евангеліями даетъ основаніе предположить, что уже въ то время наряду съ разсказомъ о Тайной Вечерѣ [92]) существовалъ вполнѣ законченный разсказъ о Страстяхъ, который и заучивался наизусть.

Совершенно невозможно на разстояніи вѣковъ найти рѣшеніе всѣхъ этихъ странныхъ загадокъ. И, безъ сомнѣнія, намъ пришлось бы столкнуться со множествомъ неожиданностей, еслибы намъ была дана возможность проникнуть во всѣ секреты таинственной эфесской школы, неоднократно, повидимому, отклонявшейся на темные пути. Но вотъ каковъ существенный результатъ изслѣдованій. Всякій, кто пожелаетъ написать жизнь Іисуса безъ предвзятой теоріи относительно сравнительной цѣнности евангелій, руководствуясь исключительно чувствомъ, вызваннымъ этимъ предметомъ, тотъ во многихъ случаяхъ принужденъ будетъ предпочесть повѣствованіе четвертаго евангелія — повѣствованію синоптическихъ евангелій. Въ *частности, послѣдній* мѣсяцъ жизни Іисуса находитъ себѣ *объясненіе только* въ этомъ евангеліи. Многія детали страстей,

непонятныя въ синоптическихъ евангеліяхъ [93]), въ изложеніи четвертаго евангелія получаютъ правдоподобіе и возможность. Наоборотъ, я осмѣливаюсь предложить кому бы то ни было составить осмысленное описаніе жизни Іисуса, принимая во вниманіе рѣчи, которыя влагаетъ въ уста Іисуса мнимый Іоаннъ. Этотъ способъ постоянно проповѣдовать о себѣ и непрерывно указывать на себя, эта постоянная аргументація, эта неловкая рисовка, эти длинныя разсужденія по поводу каждаго чуда, эти суровыя и неуклюжія рѣчи, тонъ которыхъ часто бываетъ ненатураленъ и неровенъ [94]), всего этого не потерпѣлъ бы человѣкъ со вкусомъ наряду съ тѣми прелестными сентенціями, которыя, согласно синоптикамъ, составляли душу поученій Іисуса. Здѣсь мы, повидимому, имѣемъ дѣло съ искусственными [95]) документами, которые передаютъ намъ такимъ же образомъ проповѣди Іисуса, какъ діалоги Платона передаютъ бесѣды Сократа. Это нѣчто вродѣ варіацій, импровизируемыхъ музыкантомъ на заданную тему. Въ данномъ случаѣ тема, можетъ быть, не лишена нѣкоторой достовѣрности; но во время исполненія фантазія артиста даетъ себѣ полный просторъ. Чувствуются и ложные методы и риторика и принужденность [96]). Добавимъ еще, что въ мѣстахъ, о которыхъ мы говоримъ, не встрѣчаются обычныя слова Іисуса. Столь свойственное учителю [97]) выраженіе «Царствіе Божіе» встрѣчается всего лишь одинъ разъ [98]). Зато стиль рѣчей, влагаемыхъ въ уста Іисуса четвертымъ Евангеліемъ, вполнѣ совпадаетъ со стилемъ повѣствовательныхъ мѣстъ этого самаго Евангелія и со стилемъ автора посланій, приписываемыхъ Іоанну. Такимъ образомъ, мы видимъ, что авторъ четвертаго Евангелія, когда писалъ эти рѣчи, не столько руководствовался своими воспоминаніями, сколько довольно таки монотоннымъ движеніемъ своей собственной мысли. Въ нихъ обнаруживается совершенно новый мистическій языкъ, языкъ, который характеризуется частымъ употребленіемъ словъ «міръ», «истина», «жизнь», «свѣтъ», «мракъ», и который не столько свойственъ синоптикамъ, сколько Книгѣ Премудрости, Филону, валентиніанцамъ. И если Іисусъ когда-либо и говорилъ въ такомъ стилѣ, не имѣющемъ ничего древне-еврейскаго, ничего іудейскаго, то какъ это могло случиться, что только одинъ изъ его слушателей такъ хорошо усвоилъ его? Впрочемъ, исторія литературы представляетъ намъ *одинъ примѣръ, представляющій* нѣкоторую аналогію съ только *что изложеннымъ историческимъ* фактомъ и который служитъ

для его объясненія. Сократъ, не писавшій какъ Іисусъ, извѣстенъ намъ черезъ посредство двухъ своихъ учениковъ, Ксенофонта и Платона; первый по своему ясному, очевидному и безличному изложенію соотвѣтствуетъ синоптикамъ, а второй своей мощной индивидуальностью напоминаетъ автора четвертаго Евангелія. Требуется ли держаться «Діалоговъ» Платона или «Бесѣдъ» Ксенофонта, излагая ученіе Сократа? На этотъ счетъ невозможны даже сомнѣнія; всѣ придерживаются «Бесѣдъ», а не «Діалоговъ». Однако, неужели Платонъ ничего не сообщаетъ о Сократѣ? Развѣ можетъ здоровая критика пренебрегать «Діалогами», составляя біографію Сократа? Кто рѣшился утверждать это?

Не высказываясь относительно фактической стороны вопроса, чья рука начертала четвертое Евангеліе и, будучи даже увѣреннымъ, что не рука сына Зеведея,—все же можно допустить, что это произведеніе имѣетъ нѣкоторое право называться «Евангеліемъ отъ Іоанна». По-моему, исторической канвой четвертаго Евангелія является жизнь Іисуса въ томъ видѣ, въ какомъ она была извѣстна среди лицъ, непосредственно окружавшихъ Іоанна. Я добавлю еще, что, по моему мнѣнію, эта школа гораздо лучше знала различныя внѣшнія обстоятельства жизни своего основателя, чѣмъ группа, по воспоминаніямъ которой были составлены синоптическія Евангелія. Именно она имѣла о пребываніи Іисуса въ Іерусалимѣ такія свѣдѣнія, которыми не обладали другія Церкви. Пресвитеръ Іоаннъ, который, по всей вѣроятности, представляетъ одно лицо съ апостоломъ Іоанномъ, считалъ, говорятъ, разсказъ евангелиста Марка неполнымъ и безпорядочнымъ. У него даже была цѣлая система для объясненія этихъ пробѣловъ [99]). Кромѣ того, нѣкоторыя мѣста изъ Луки, въ которыхъ чувствуется какъ бы отголосокъ Іоанновыхъ преданій [100]) доказываютъ, что преданія, сохранившіяся въ четвертомъ Евангеліи, не представляли чего-то, совершенно неизвѣстнаго остальной христіанской семьѣ.

Мнѣ кажется, что этихъ объясненій вполнѣ достаточно для того, чтобы при дальнѣйшемъ изложеніи были ясны тѣ мотивы, по которымъ я давалъ предпочтеніе то одному, то другому изъ четырехъ источниковъ для описанія жизни Іисуса. Въ общемъ, я признаю всѣ четыре каноническихъ Евангелія серьезными документами. Всѣ относятся къ вѣку, слѣдовавшему *за смертью Іисуса*, но ихъ историческая цѣнность весьма *различна. Евангеліе* отъ Матѳея заслуживаетъ очевидно особен-

наго довѣрія, когда дѣло идетъ о рѣчахъ; тамъ заключается *Logia*—записи, сдѣланныя по живымъ и яснымъ воспоминаніямъ о поученіяхъ Іисуса.

Мягкій и вмѣстѣ съ тѣмъ грозный блескъ, божественная сила, если такъ можно выразиться, подчеркиваютъ эти слова, выдѣляютъ ихъ изъ контекста и даютъ критику возможность легко распознавать ихъ. Лицо, поставившее себѣ задачу написать на основаніи евангельской исторіи исторически вѣрное сочиненіе, обладаетъ въ этомъ отношеніи превосходнымъ пробнымъ камнемъ.

Подлинныя слова Іисуса выдѣляются, такъ сказать, сами собой; лишь только мы наталкиваемся на нихъ въ этомъ хаосѣ преданій различной подлинности, какъ мы чувствуемъ ихъ звучность; они какъ бы добровольно выдаютъ себя и сами занимаютъ мѣсто въ повѣствованіи, сохраняя въ немъ свою выдающуюся рельефность. Повѣствовательныя части, группирующіяся въ первомъ евангеліи вокругъ этого первоначальнаго ядра, не отличаются той же степенью достовѣрности. Здѣсь встрѣчается много, довольно смутно очерченныхъ легендъ, порожденныхъ благочестіемъ второго поколѣнія христіанъ [101]). Повѣствованія общія евангеліямъ отъ Матѳея и Марка носятъ на себѣ слѣды ошибокъ переписчика, свидѣтельствующихъ о посредственномъ знакомствѣ съ Палестиной [102]). Многіе эпизоды повторяются по два раза, нѣкоторыя лица раздвоены; все это доказываетъ, что авторы пользовались различными источниками и грубо ихъ сливали [103]). Евангеліе отъ Марка болѣе сильно, болѣе точно и заключаетъ въ себѣ меньше эпизодовъ, внесенныхъ впослѣдствіи. Это самое древнее Евангеліе изъ всѣхъ трехъ синоптиковъ, сохранившее оригинальный [104]) характеръ; въ него вошло меньше всего позднѣйшихъ элементовъ. Фактическія подробности отличаются у Марка такой ясностью, которую мы бы напрасно искали у другихъ евангелистовъ. Онъ любитъ приводить нѣкоторыя слова Іисуса на сирійско-халдейскомъ языкѣ [105]). У него масса мелочныхъ наблюденій, принадлежащихъ несомнѣнно свидѣтелю очевидцу. И ничто не противорѣчитъ предположенію, что этотъ очевидецъ, слѣдовавшій повидимому за Іисусомъ, любившій его и наблюдавшій за нимъ вблизи, очевидецъ, сохранившій о немъ живое представленіе, и былъ апостолъ Петръ; это и утверждаетъ Папій.

Что касается евангелія отъ Луки, то его историческая цѣн-

ность значительно ниже. Это документъ второразрядный. Повѣствованіе въ немъ носитъ болѣе зрѣлый характеръ. Слова Іисуса въ немъ болѣе продуманы и болѣе натянуты.

Нѣкоторыя притчи доведены до крайности и извращены [106]). Составляя Евангеліе за предѣлами Палестины и несомнѣнно послѣ осады Іерусалима [107]), авторъ указываетъ мѣстности съ меньшею точностью, чѣмъ два другихъ синоптика. Онъ довольно легко представляетъ себѣ храмъ въ видѣ часовни, въ которую приходятъ молиться [108]); не упоминаетъ объ иродіанахъ; онъ ослабляетъ нѣкоторыя подробности для того, чтобы согласовать различные разсказы [109]); онъ смягчаетъ мѣста, сдѣлавшіяся неудобными, благодаря образовавшимся вокругъ него идеямъ о божественномъ происхожденіи Іисуса [110]), принимавшимъ все болѣе экзальтированный характеръ; онъ преувеличиваетъ чудесное [111]); онъ дѣлаетъ ошибки въ хронологіи [112]) и топографіи [113]); онъ пускаетъ древне-еврейскія толкованія [114]); повидимому, плохо знаетъ древне-еврейскій [115]), не цитируетъ ни одного слова Іисуса на этомъ языкѣ; называетъ всѣ города ихъ греческими именами, иногда весьма неискусно исправляетъ слова Іисуса [116]). Во всемъ этомъ чувствуется писатель-компиляторъ, человѣкъ не видѣвшій непосредственно свидѣтелей, работавшій надъ текстами и позволявшій себѣ сильно поправлять ихъ для того, чтобы ихъ согласовать. По всей вѣроятности, Лука имѣлъ въ своемъ распоряженіи первоначальное повѣствованіе Марка и Logia Матѳея. Но онъ обращается съ ними весьма свободно; онъ сливаетъ воедино два эпизода или двѣ притчи [117]), то онъ одну притчу разбиваетъ на двѣ [118]). Онъ истолковываетъ документы согласно своему пониманію; у него нѣтъ абсолютной безпристрастности Матѳея и Марка. Можно сказать кое-что объ его особенныхъ вкусахъ и стремленіяхъ; онъ отъявленный ханжа [119]); онъ настаиваетъ на томъ, чтобы Іисусъ выполнялъ всѣ іудейскіе обряды [120]); онъ демократъ и экзальтированный евіонитъ, т. е. противникъ собственности, убѣжденный въ томъ, что наступитъ возмездіе для бѣдныхъ [121]); онъ питаетъ большое пристрастіе ко всѣмъ разсказамъ, ярко описывающимъ обращеніе грѣшниковъ и возвышеніе униженныхъ [122]); онъ часто измѣняетъ древнія преданія для того, чтобы дать имъ именно такую окраску [123]). Съ первыхъ же страницъ онъ принимаетъ *тѣ легенды* о дѣтствѣ Іисуса, которыя, будучи *разсказаны многорѣчиво*, съ гимнами и условностями, состав-

ляютъ существенную черту апокрифическихъ Евангелій. Наконецъ. въ разсказѣ о послѣднихъ дняхъ Іисуса у него есть нѣсколько подробностей, полныхъ такого глубокаго чувства, и нѣкоторыя слова Іисуса, полныя такой рѣдкой красоты [124]), которыхъ нѣтъ уже въ болѣе достовѣрныхъ разсказахъ и на которыхъ чувствуется печать легенды. Вѣроятно, Лука заимствовалъ ихъ изъ болѣе поздняго по времени сборника, имѣвшаго главной цѣлью возбуждать чувства благочестія

И естественно, что слѣдовало относиться съ большой осторожностью къ подобнаго рода документу. Но такъ же не научно было бы пренебрегать имъ, какъ и пользоваться безъ разбора. У Луки подъ руками были такіе документы, какихъ у насъ уже нѣтъ. Онъ скорѣе біографъ Іисуса, чѣмъ Евангелистъ; онъ скорѣе «гармонистъ» и корректоръ, подобно Марсіону и Татіену. Но это біографъ перваго вѣка, вдохновенный художникъ. И поэтому независимо отъ свѣдѣній, которыя онъ черпалъ изъ самыхъ древнихъ источниковъ, онъ намъ обрисовываетъ характеръ основателя такими яркими штрихами, съ такимъ вдохновеніемъ и такъ рельефно, какъ не умѣютъ два другіе синоптика. Чтеніе его Евангелія производитъ самое чарующее впечатлѣніе, такъ какъ къ несравненной красотѣ общаго содержанія онъ добавляетъ красоты искусства и творчества, значительно усиливающія впечатлѣніе, производимое портретомъ, и въ то же время не наносящія существеннаго вреда его истинности.

Въ концѣ концовъ можно сказать, что редакція синоптиковъ прошла три стадіи: 1) стадію оригинальнаго документа (λόγια Матѳея и λεχθέντα ἢ πραχθέντα Марка), первыя утерянныя редакціи; 2) стадію простого смѣшенія, въ которой оригинальныя документы слиты въ одно цѣлое безъ всякаго усилія со стороны составителей, причемъ нигдѣ не проскальзываютъ личные взгляды авторовъ (Евангелія Матѳея и Марка въ ихъ теперешнемъ видѣ); 3) стадію комбинированія, продуманной и преднамѣренной редакціи, въ которой чувствуется стремленіе примирить различныя версіи (Евангеліе отъ Луки, Евангелія Марсіона, Татіена и т. д.). Евангеліе отъ Іоанна составляетъ, какъ мы уже говорили выше, совершенно особое сочиненіе совсѣмъ другого порядка.

Мнѣ могутъ замѣтить, что я совершенно не пользовался *апокрифическими Евангеліями*. Но эти сочиненія ни въ коемъ

случаѣ не должны быть поставлены на одну доску съ каноническими Евангеліями. Это по большей части глупыя, дѣтскія разглагольствованія, въ основѣ имѣющія каническія Евангелія и не добавляющія къ нимъ никакихъ цѣнныхъ свѣдѣній. Наоборотъ, я особенно внимательно собиралъ сохранившіеся у Отцовъ Церкви отрывки старинныхъ Евангелій, существовавшихъ прежде наряду съ каноническими, и утерянныхъ въ настоящее время точно такъ же, какъ и Евангелія отъ Евреевъ, отъ Египтянъ, Евангелія, приписываемыя Іустину, Марсіону и Татіену [125]). Особенно важны первыя два Евангелія, потому что они написаны на арамейскомъ языкѣ, какъ и *Logia* Матѳея, и повидимому представляетъ варіантъ Евангелія, приписываемаго этому же апостолу; важны они еще и потому, что они служили Евангеліемъ эбіонимамъ, т. е. тѣмъ мелкимъ христіанскимъ общинамъ Виѳаніи, которыя еще до сихъ поръ употребляютъ сирійско-халдейскій языкъ и въ нѣкоторомъ родѣ, повидимому, продолжали дѣло Іисуса. Но нужно признать, что въ томъ состояніи, въ которомъ они дошли до насъ, эти Евангелія стоятъ гораздо ниже по своей авторитетности, чѣмъ Евангеліе отъ Матѳея, которое мы имѣемъ.

Теперь, мнѣ кажется, всѣмъ ясна та историческая цѣнность, которую я придаю Евангеліямъ. Это ни біографіи въ родѣ Светоніевыхъ, ни легендарные вымыслы въ родѣ Филостратовыхъ; это просто легендарныя біографіи. Я охотно готовъ ихъ сравнить съ легендами о святыхъ, съ Жизнеописаніями Плотена, Прокла, Исидора и другими подобными же произведеніями, въ которыхъ въ различныхъ пропорціяхъ соединена историческая правда съ желаніемъ выставить образцы добродѣтели. Въ нихъ особенно чувствуется неточность, составляющая отличительную черту народнаго творчества. Предположимъ, что лѣтъ пятнадцать—двадцать тому назадъ три или четыре старыхъ солдата Имперіи сѣли бы каждый въ отдѣльности описывать по своимъ воспоминаніямъ жизнь Наполеона.

Ясно, что въ ихъ разсказахъ было бы множество ошибокъ и разногласій. Одинъ изъ нихъ поставилъ бы Ваграмъ до Маренго; другой написалъ бы, не колеблясь, что Наполеонъ изгналъ изъ Тюльери правительство Робеспьера; третій пропустилъ бы самые важные походы. Но все же въ этихъ наивныхъ разсказахъ высоко правдиво выступилъ бы характеръ героя и то впечатлѣніе, которое онъ производилъ на окружающихъ. *И въ этомъ смыслѣ*, такія народныя исторіи имѣли бы большее

значеніе, чѣмъ оффиціальная, напыщенная исторія. То же самое можно сказать и о Евангеліяхъ. Слѣдя исключительно за тѣмъ, чтобы выставить превосходство своего учителя, его чудеса и поученія, евангелисты относятся совершенно безразлично къ тому, что не относится къ самому духу ученія Іисуса. Противорѣчія во времени, мѣстѣ, лицахъ считаются не имѣющими никакого значенія, такъ какъ по скольку словамъ Іисуса приписывали высокую степень вдохновенія, по стольку же были далеки отъ того, чтобы приписывать его редакторамъ. Эти послѣдніе смотрѣли на себя, какъ на простыхъ писцовъ, и заботились только объ одномъ: не пропустить ничего изъ того, что имъ было извѣстно [126]).

Безспорно, что къ такимъ воспоминаніямъ должны были отчасти примѣшаться предвзятые взгляды. Многіе разсказы, главнымъ образомъ, у Луки, измышлены исключительно для того, чтобы болѣе живо оттѣнить нѣкоторыя черты характера Іисуса. Самый его обликъ претерпѣвалъ каждодневныя измѣненія. И Іисусъ представлялъ бы при той роли, которую онъ игралъ, исключительное явленіе въ исторіи, если бы не преобразился въ самое короткое время. Легенды объ Александрѣ появились раньше, чѣмъ вымерло поколѣніе его соратниковъ. Легенда о св. Францискѣ Ассизскомъ возникла еще при его жизни. Точно также произошла быстрая метаморфоза въ теченіе двадцати или тридцати лѣтъ, послѣдовавшихъ за смертью Іисуса, и придала его біографіи характеръ идеальной легенды. Смерть дѣлаетъ болѣе совершеннымъ самаго прекраснаго человѣка; она дѣлаетъ его безупречнымъ въ глазахъ лицъ, любившихъ его. Сверхъ того, одновременно съ желаніемъ обрисовать учителя, желали и объяснить его значеніе. Многіе эпизоды были измышлены исключительно для того, чтобы доказать, что на немъ осуществились пророчества, которыя считались мессіанскими. Но не отрицая значенія этого пріема, имъ все же нельзя всего объяснить. Ни одно іудейское сочиненіе того времени не даетъ точнаго перечня пророчествъ, которыя долженъ былъ выполнить Мессія. Многіе намеки на мессіанство, подобранные евангелистами, настолько легки и косвенны, что трудно допустить, чтобы они соотвѣтствовали общепринятому ученію. То они разсуждали такимъ образомъ. «Мессія долженъ совершить то-то; Іисусъ—Мессія; слѣдовательно, *Іисусъ совершилъ* то-то и то-то»; то они разсуждали *какъ разъ наоборотъ:* «То-то произошло съ Іисусомъ; Іисусъ

есть Мессія; слѣдовательно, это же должно было произойти съ Мессіей» [127]).

Всѣ слишкомъ простыя объясненія всегда бываютъ ложны, когда приходится разбирать основу глубокихъ созданій народнаго чувства; своимъ богатствомъ и безконечнымъ разнообразіемъ они разрушаютъ всѣ системы.

Мнѣ едва ли надо упоминать о томъ, что, имѣя дѣло съ подобными документами, и желая брать изъ нихъ лишь несомнѣнно установленное, приходится ограничиваться лишь общими указаніями. Почти во всѣхъ древнихъ исторіяхъ, даже въ такихъ, которыя въ гораздо меньшей степени, чѣмъ эта, носятъ легендарный характеръ, каждая подробность вызываетъ безконечныя сомнѣнія. Если у насъ есть два сообщенія объ одномъ и томъ же фактѣ, то очень рѣдко случается, чтобы оба они совпадали. Когда же предъ нами одинъ разсказъ, тогда мы имѣемъ ужъ полное основаніе чувствовать себя въ затрудненіи. И можно сказать, что изъ всей массы анекдотовъ, рѣчей и знаменитыхъ изреченій, сообщаемыхъ историками, нѣтъ абсолютно ни одного, которое было бы передано въ неискаженномъ видѣ. Вѣдь не было стенографовъ, которые могли бы ихъ записать, не было всегда наготовѣ и лѣтописцевъ, которые могли бы описать немедленно жесты, пріемы и чувства всѣхъ этихъ историческихъ личностей. И всѣ наши старанія добиться истиннаго отвѣта на то, какъ произошло то или иное событіе, потерпѣли бы полную неудачу, такъ какъ даже два разсказа свидѣтелей-очевидцевъ объ одномъ и томъ же событіи существенно будутъ отличаться одно отъ другого. Слѣдуетъ ли отсюда, что мы должны отказаться отъ художественнаго изображенія событій и ограничиться лишь перечисленіемъ фактовъ? Но это значило бы уничтожить исторію. Конечно, я убѣжденъ, что за исключеніемъ нѣсколькихъ краткихъ и удобныхъ для запоминанія афоризмовъ, ни одно изъ сообщаемыхъ Матѳеемъ изреченій не передано имъ буквально; врядъ ли этимъ могутъ похвастаться даже и наши стенографическіе отчеты. Я охотно допускаю, что дивный разсказъ о Страстяхъ имѣется во множествѣ варіантовъ, приблизительно похожихъ одинъ на другой. Однако, развѣ возможно написать исторію Іисуса, выпустивъ изъ нея всѣ эти проповѣди, которыя такъ живо передаютъ общій характеръ его рѣчей, и *ограничиться, на манеръ* Іосифа и Тацита, краткимъ *указаніемъ на то, что* «онъ былъ казненъ по приказу Пилата, по

наущенію первосвященниковъ»? По моему, это было бы гораздо большей ошибкой, чѣмъ та, которую мы рискуемъ сдѣлать, передавая всѣ тѣ подрсбности, которыя мы можемъ заимствовать въ текстахъ. Конечно, подробности эти далеко не точны, но въ нихъ есть высшая правда: онѣ болѣе истинны, чѣмъ голая истина, въ томъ смыслѣ, что благодаря имъ истина получила болѣе рельефный, отчетливый характеръ, стала истиной, поднявшейся на высоту идеи.

Я прошу тѣхъ лицъ, которыя найдутъ, что я съ слишкомъ большимъ довѣріемъ отнесся къ этимъ разсказамъ, легендарнымъ по преимуществу, принять во вниманіе сдѣланныя мною только что замѣчанія. Къ чему свелось бы жизнеописаніе Александра, если бы мы ограничились лишь фактами, достовѣрность коихъ установлена? Всякая традиція, даже невѣрная, въ какой-либо своей части содержитъ извѣстную долю истины, которой исторія не можетъ пренебрегать. Никто не станетъ, вѣдь, упрекать Шпренгера за то, что въ своемъ жизнеописаніи Магомета онъ слишкомъ считался съ Хадиѳомъ, или устными преданіями о пророкѣ и часто влагалъ въ уста своего героя тѣ рѣчи, буквальный текстъ которыхъ онъ почерпнулъ изъ указаннаго только что источника.

Между тѣмъ, историческое значеніе устныхъ преданій о Магометѣ нисколько не выше рѣчей и сказаній, входящихъ въ Евангелія.

Они были написаны между 50 и 140 годомъ геджры. Точно также, если кто-либо станетъ писать исторію еврейскихъ школъ, существовавшихъ за нѣсколько столѣтій до и послѣ возникновенія христіанства, онъ безъ всякаго колебанія припишетъ Гиллелю, Шаммаи и Гамаліилу тѣ афоризмы, которые имъ приписываются въ Мишнѣ и Гемарѣ, а между тѣмъ эти огромныя компиляціи составлялись много столѣтій спустя послѣ смерти этихъ ученыхъ.

Что касается тѣхъ лицъ, которыя, наоборотъ, считаютъ, что исторія заключается въ воспроизведеніи безъ какихъ бы то ни было толкованій дошедшихъ до насъ текстовъ, то ихъ я попрошу запомнить, что въ данномъ вопросѣ это не допустимо. Четыре главныхъ документа явно противорѣчатъ одинъ другому; далѣе, всѣхъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправляетъ Іосифъ. Приходится дѣлать выборъ. Утверждать, что *данное событіе не могло произойти* въ одно и то же время *двоякимъ образомъ, утверждать* равнымъ образомъ, что оно

не могло произойти способомъ невозможнымъ, это вовсе не значитъ навязывать исторіи апріорную философію. И если предъ историкомъ лежатъ нѣсколько варіантовъ описанія однихъ и тѣхъ же событій, если всѣ эти варіанты легковѣрная мысль изукрасила баснословными подробностями, то онъ вовсе не долженъ заключать отсюда, что и самый фактъ этотъ ложенъ, и въ такомъ случаѣ онъ долженъ лишь быть осторожень, изучать тексты, прибѣгать къ наведенію. Есть категорія разсказовъ, по отношенію къ которымъ особенно важно соблюдать этотъ принципъ: я имѣю въ виду сказанія о сверхъестественномъ. И если мы будемъ пытаться объяснить эти разсказы или свести ихъ къ простымъ легендамъ, это вовсе не будетъ искаженіемъ фактовъ во имя теорій; это будетъ означать, что мы исходимъ изъ наблюденія фактовъ. Ни одно изъ чудесъ, наполняющихъ древнія исторіи, не происходило въ научной обстановкѣ. Ни разу еще не опровергнутое наблюденіе учитъ насъ, что чудеса совершаются лишь въ тѣ эпохи и въ тѣхъ странахъ, гдѣ вѣрятъ въ нихъ,—что совершаются они лишь съ тѣми, кто склоненъ вѣрить въ нихъ. Ни одно чудо еще не произошло на глазахъ людей, способныхъ констатировать чудесный характеръ факта. Но ни люди изъ среды простого народа, ни вообще люди изъ общества не являются въ данномъ случаѣ компетентными лицами. Для этого нужны большія предосторожности и долгая привычка къ научнымъ изслѣдованіямъ. И развѣ на нашихъ глазахъ не морочили публику грубыми фокусами, а то и просто дѣтскими иллюзіями? Чудесные факты, установленные, повидимому, свидѣтельствомъ населенія цѣлыхъ небольшихъ городковъ, оказывались, послѣ болѣе строгаго слѣдствія, простымъ уголовнымъ преступленіемъ [128]). И разъ доказано, что ни одно изъ чудесъ нашего времени не выдерживаетъ строгаго разслѣдованія, то почему не предположить, что и всѣ чудеса былыхъ временъ, происходившія въ присутствіи толпы, точно также оказались бы игрой воображенія, если бы было возможно подвергнуть ихъ обстоятельной критикѣ.

Такимъ образомъ мы изгоняемъ изъ исторіи чудо не во имя какой-либо опредѣленной философіи, а во имя достовѣрнаго опыта. Мы вовсе не говоримъ: «Чудеса невозможны», нѣтъ, мы говоримъ лишь: «До сихъ поръ не было установлено *ни одного чуда*». Допустимъ, что завтра же появится какой *либо чудотворецъ* и съ достаточно серіезными гарантіями для

того, чтобы стоило съ нимъ диспутировать. Что сдѣлаемъ мы, если бы онъ заявилъ, положимъ, что можетъ воскресить мертвеца? Мы назначимъ комиссію изъ физіологовъ и химиковъ, людей испытанныхъ въ исторической критикѣ. Комиссія эта выберетъ трупъ, убѣдится въ томъ, что предъ нею мертвецъ, выберетъ залъ, гдѣ долженъ быть произведенъ опытъ, приметъ всѣ необходимыя мѣры для того, чтобы не было повода ни къ какимъ сомнѣніямъ. Если бы при такой обстановкѣ воскресеніе произошло, то мы констатировали бы вѣроятность, почти равносильную увѣренности. Однако, такъ какъ опытъ всегда можно повторить, такъ какъ мы должны умѣть повторять то, что намъ ужъ разъ удалось, а въ области чудесъ не можетъ быть вопроса о томъ, трудно ли это или легко, то чудотворцу предложили бы повторить свое чудесное дѣяніе при другихъ обстоятельствахъ, надъ другими трупами, въ другой обстановкѣ. И если бы всякій разъ чудо удавалось, были бы доказаны слѣдующія двѣ вещи: первое, что на свѣтѣ бываютъ сверхъестественныя вещи; второе, что способность совершать ихъ принадлежитъ только извѣстнымъ людямъ, что только извѣстнымъ людямъ она можетъ быть передаваема. Но кто не знаетъ, что ни разу еще чудеса не происходили въ такихъ условіяхъ; что до сихъ поръ чудотворецъ всегда самъ выбиралъ себѣ предметъ для опыта, что онъ же выбиралъ обстановку и публику; что гораздо чаще самъ народъ, который во что бы то ни стало стремился приписать нѣчто божественное великимъ событіямъ и великимъ людямъ, создаетъ эти легенды о чудесахъ заднимъ числомъ. Итакъ, пока мы будемъ держаться того принципа научно-исторической критики, что всякій разсказъ о сверхъестественномъ не можетъ быть принятъ какъ таковой, что онъ всегда предполагаетъ либо легковѣріе, либо обманъ и что долгъ всякаго историка—объяснить его и указать, гдѣ кончается въ немъ истина и гдѣ начинается заблужденіе.

Таковы тѣ правила, которыми я руководился при составленіи настоящаго сочиненія. Къ чтенію текстовъ мнѣ удалось присоединить важный источникъ для освѣщенія фактовъ: знакомство съ тѣми мѣстами, гдѣ происходили эти событія. Научная экспедиція, подъ моимъ руководствомъ посланная въ 1860 и 1861 г. для изслѣдованія древней Финикіи, привела меня къ границамъ Галлилеи, и дала мнѣ возможность часто посѣщать ее. Я изъѣздилъ евангельскую провинцію во всѣхъ

направленіяхъ, посѣтилъ Іерусалимъ, Хевронъ и Самарію. Отъ моего вниманія не ускользнуло ни одно мѣсто, имѣвшее хоть какое-либо значеніе въ жизни Іисуса. Благодаря этому, вся эта исторія, которая на пространствѣ вѣковъ словно окутана облакомъ невещественнаго міра, словно воскресла вновь предо мною, получила изумительную реальность.

Поразительное согласіе текстовъ съ истиннымъ характеромъ мѣстности, дивная гармонія евангельскаго идеала съ внѣшней природой, бывшей для него своего рода рамкой, осѣнили меня какимъ-то откровеніемъ.

Предо мною было пятое Евангеліе,—отрывочное, но читать его можно было. Теперь уже сквозь разсказы Матѳея и Марка предо мной рисовался не абстрактный образъ, самое существованіе котораго можно было отрицать, а живая дивная фигура человѣка, который движется и живетъ. Лѣтомъ, когда я удалился въ Газиръ, въ Ливанскихъ горахъ, на отдыхъ, я въ общихъ чертахъ закрѣпилъ этотъ образъ, явившійся мнѣ, и въ результатѣ этого явилось мое настоящее сочиненіе.

Мнѣ оставалось проредактировать лишь нѣсколько страницъ, когда жестокое несчастье, обрушившееся на меня, заставило меня ускорить отъѣздъ. Такимъ образомъ весь этотъ трудъ былъ написанъ близь тѣхъ мѣстъ, гдѣ жилъ и родился Іисусъ. Послѣ своего возвращенія [129]) я непрерывно работалъ надъ дополненіемъ и провѣркой въ подробностяхъ того бѣглаго очерка, который я написалъ въ маронитской хижинѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи книжекъ пять или шесть.

Быть можетъ, многіе упрекнутъ меня въ томъ, что трудъ мой принялъ форму біографіи. Дѣйствительно, и у меня, когда впервые возникла мысль написать исторію возникновенія христіанства, явилось желаніе написать обыкновенную исторію доктринъ, гдѣ людямъ было бъ отведено лишь самое незначительное мѣсто; въ ней едва лишь былъ бы упомянутъ и самъ Іисусъ. Предо мною стояла бъ главнымъ образомъ одна задача: показать, какъ зародились идеи, созданныя его именемъ, и какъ затѣмъ онѣ распространились по лицу всей земли. Впослѣдствіи я понялъ, однако, что исторія—это не простая игра абстракцій, что люди въ ней играютъ большую роль, чѣмъ доктрины. Реформацію совершила вовсе не извѣстная теорія объ оправданіи и искупленіи, а Лютеръ и Кальвинъ. Парсизмъ, эллинизмъ, іудаизмъ могли бы сочетаться во всевозможныхъ видахъ, цѣлые вѣка могли бы развиваться ученія о воскресеніи

и Словѣ—все это могло имѣть мѣсто, и не создавая того плодотворнаго, единственнаго въ своемъ родѣ и грандіознаго ученія, которое называется христіанствомъ.

Это было дѣломъ Іисуса, св. Павла, апостоловъ. Поэтому, написать исторію жизни Іисуса, св. Павла, апостоловъ, значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ написать и исторію возникновенія христіанства.

Всѣ предшествовавшія движенія имѣютъ къ ней отношеніе лишь постолько, посколько служитъ къ уразумѣнію личности этихъ необыкновенныхъ людей, которые, понятно, не могли не имѣть связи съ тѣми движеніями, которыя были до нихъ.

Вполнѣ простительно, если при такомъ стремленіи воскресить возвышенные образы прошлаго, авторъ позволитъ себѣ нѣкоторыя прорицанія и до извѣстной степени произвольныя построенія. Жизнь великаго человѣка—это нѣчто цѣлое, органически стройное; ее нельзя передать путемъ обычнаго подбора мелкихъ фактовъ. Глубокое чувство должно проникать всю ихъ совокупность и объединять ихъ въ стройное цѣлое. Художественное чутье—вотъ что должно руководить въ подобныхъ работахъ; тутъ могъ бы проявиться тонкій вкусъ такого поэта, какъ Гете. Существеннымъ признакомъ произведеній искусства является стройное, живое изложеніе, въ которомъ всѣ части соотвѣтствуютъ другъ другу и вытекаютъ одна изъ другой. Въ исторіяхъ, въ родѣ настоящей, важнымъ признакомъ того, что авторъ близокъ къ истинѣ, служитъ умѣніе такъ комбинировать тексты, чтобъ получился вполнѣ логичный и правдоподобный разсказъ, чтобы ничто въ немъ не звучало диссонансомъ. Ни на минуту не надо упускать изъ виду внутреннихъ законовъ жизни, естественнаго хода вещей, законовъ перехода тѣней; здѣсь рѣчь идетъ объ открытіи духа самой исторіи, а вовсе не объ установленіи фактическихъ данныхъ, провѣрить которыя совсѣмъ невозможно. И если мы ищемъ здѣсь что-либо, то вовсе не увѣренность въ подлинности маловѣроятныхъ подробностей, а правильную передачу общаго чувства и подлинность красокъ. Малѣйшая черта, нарушающая правильность классическаго изложенія, уже должна заставить насъ быть насторожѣ, такъ какъ тотъ фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, соотвѣтствовалъ естественному ходу вещей, былъ гармониченъ, вполнѣ натураленъ, и если въ *общемъ ходѣ изложенія* придать ему такого характера не *удастся,—это значитъ*, конечно, лишь то, что онъ недостаточно

выясненъ. Допустимъ, что-кто либо взялся реставрировать Минерву Фидія по сохранившимъ описаніямъ и создалъ бы какой-то неестественный, никому ничего не говорящій и противорѣчивый образъ; какое слѣдствіе должны мы вывести отсюда? Только одно: что описанія эти нуждаются въ художественномъ толкованіи, что ихъ надо изучить въ тонкостяхъ, и тогда они сблизятся между собой, придутъ въ стройное сочетаніе, въ которомъ свободно воплотятся всѣ данныя. Но можно ли будетъ и тогда быть увѣреннымъ въ томъ, что передъ нами подлинная греческая статуя? Нѣтъ, но зато передъ намъ будетъ ужъ не каррикатура: мы будемъ имѣть представленіе объ общемъ характерѣ произведенія, предъ нами будетъ одна изъ формъ, въ которыя мысль художника могла бы воплотиться.

Это впечатлѣніе о живомъ организмѣ я, безъ всякихъ колебаній, положилъ въ основу общаго расположенія различныхъ частей разсказа. Уже одного знакомства съ Евангеліями достаточно, чтобы убѣдиться въ одномъ: несмотря на то, что редакторы ихъ имѣли въ умѣ вполнѣ правильный планъ жизнеописанія Іисуса, они не считались съ точными хронологическими данными. На это, особенно, указываетъ Папій, который подкрѣпляетъ свое мнѣніе ссылкой, повидимому, на самого апостола Іоанна Выраженія «Во время оно», «послѣ сего», «тогда», «и бысть, что» и т. п. суть не что иное, какъ простые переходы, предназначенные для обозначенія связи между отдѣльными разсказами. Оставить всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя даютъ намъ объ Іисусѣ Евангелія въ томъ безпорядкѣ, въ какомъ ихъ сохранило преданіе,—вовсе еще не значитъ написать его исторію. Это было бы все равно, что написать біографію какого-нибудь знаменитаго человѣка, перечисливъ безъ всякой системы письма и анекдоты, относящіеся къ его молодымъ годамъ, зрѣлому возрасту и старости. То же самое мы имѣемъ въ Коранѣ, въ которомъ приводятся, въ самомъ безпорядочномъ видѣ, отрывки, относящіеся къ самымъ различнымъ эпохамъ жизни Магомета. Геніальный критикъ открылъ секретъ Корана, и теперь почти ужъ въ точности установленъ хронологическій порядокъ, въ которомъ были написаны эти отрывки. Такой разборъ Евангелія былъ бы гораздо труднѣе, такъ какъ жизнь Іисуса была *менѣе продолжительна* и была менѣе богата внѣшними событіями, *чѣмъ жизнь* основателя Ислама. Тѣмъ не менѣе попытка

найти руководящую нить, которая дала бы возможность оріентироваться въ этомъ лабиринтѣ, не могла бы быть названа напраснымъ кропотливымъ трудомъ. Мы не такъ ужъ уйдемъ въ область гипотезы, если выскажемъ предположеніе, что всякій основатель религіи вначалѣ опирается на циркулирующіе кругомъ него нравственные афоризмы и бывшіе при немъ въ ходу пріемы. Достигнувъ большей зрѣлости и вполнѣ овладѣвъ своей мыслью, онъ начинаетъ услаждать себя своеобразнымъ краснорѣчіемъ, спокойнымъ и полнымъ поэзіи, далекимъ отъ какихъ бы то ни было споровъ, кроткихъ и чистыхъ, какъ непосредственное чувство. Мало по малу имъ овладѣваетъ экзальтація, оппозиція воодушевляетъ его, онъ начинаетъ полемизировать и, наконецъ, высказываетъ рѣзкія мысли. Таковы тѣ періоды, которые можно явственно разглядѣть въ Коранѣ.

Подобный же ходъ развитія христіанской идеи предполагаетъ и порядокъ, съ необычайно тонкимъ чутьемъ принятый и синоптиками. Вчитайтесь внимательно въ Евангеліе отъ Матѳея и въ распредѣленіи рѣчей Іисуса—и вы замѣтите градацію, сильно сходную съ той, на которую мы только что указали.

Далѣе, читатель навѣрное обратитъ вниманіе на то осторожное обращеніе съ словами, съ которымъ онъ встрѣтится, когда я буду излагать прогрессъ идей Іисуса. Въ тѣхъ подраздѣленіяхъ, которыя я сдѣлалъ въ этомъ мѣстѣ, читатель можетъ, если хочетъ, усмотрѣть одни только перерывы, неизбѣжные при исторической передачѣ глубокой и сложной мысли.

Въ заключеніе, я долженъ сказать, что если любовь автора къ предмету своего изложенія можетъ помочь его пониманію,— я надѣюсь, что мнѣ не откажутъ также и въ этомъ. Для того, чтобъ написать исторію какой-либо религіи, необходимо, вопервыхъ, до того исповѣдывать ее (безъ этого нельзя было бы понять, чѣмъ привлекла она умъ человѣка и доставила ему удовлетвореніе) а, во-вторыхъ, быть совершенно свободнымъ отъ какой-либо абсолютной вѣры, свободнымъ, такъ какъ никогда еще абсолютной вѣры нельзя было примирить съ точной исторіей. Для любви не надо вѣры. Для того, чтобы быть свободнымъ отъ преклоненія предъ какой бы то ни было формой, незачѣмъ вовсе отрицать всего того, что есть въ нихъ хорошаго и *высокаго. Никакое преходящее* явленіе не можетъ исчерпать *Божества. Богъ являлся* въ откровеніи и до Іисуса, будетъ

открываться и впредь, послѣ него. Скрытыя въ тайникахъ человѣческаго сознанія проявленія Божества глубоко различаются одни отъ другихъ; они носятъ тѣмъ болѣе божественный характеръ, чѣмъ грандіознѣе они и чѣмъ неожиданнѣе, но все же всѣ они принадлежатъ къ явленіямъ одного и того же порядка.

Вотъ почему Іисусъ не можетъ принадлежать только тѣмъ, кто именуетъ себя его учениками. Онъ гордость всѣхъ, въ комъ сердце человѣка. Слава его вовсе не въ томъ, что личность его недосягаема для исторіи, истинное почитаніе его заключается въ признаніи, что вся исторія человѣчества не можетъ быть понята безъ него.

ГЛАВА I.

Мѣсто Іисуса во всемірной исторіи.

Важнѣйшимъ событіемъ всемірной исторіи является тотъ переворотъ, при посредствѣ котораго благороднѣйшія расы человѣчества перешли отъ древнихъ религій, объединенныхъ не совсѣмъ опредѣленнымъ терминомъ языческихъ, къ религіи новой, основанной на понятіи о единствѣ божества, троичности и воплощеніи Сына Божьяго. Для осуществленія этого перехода потребовалось около тысячи лѣтъ; и прошло, по крайней мѣрѣ, три столѣтія, пока новая религія сложилась окончательно. Исходной же точкой переворота, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, послужилъ фактъ, совершившійся въ царствованіе римскихъ императоровъ Августа и Тиверія. Въ это время жилъ геніальный человѣкъ, который своей смѣлой инициативой, обаяніемъ своей высокой личности, создалъ самый объектъ и указалъ исходную точку новой вѣры человѣчества.

Съ того момента, когда человѣкъ сталъ отличаться отъ животнаго, онъ сдѣлался религіознымъ, т. е. онъ началъ отличать въ природѣ нѣчто, выходящее изъ рамокъ реальности, а въ самомъ себѣ открылъ нѣкое безсмертное начало. Чувство это являлось въ теченіе долгихъ тысячелѣтій источникомъ самыхъ диковинныхъ заблужденій. У многихъ расъ оно не пошло дальше вѣрованій въ самое грубое колдовство, какъ это и посейчасъ имѣетъ мѣсто для нѣкоторыхъ частей Океаніи; у нѣкоторыхъ народностей религіозное чувство дало въ результатѣ тѣ постыдныя сцены боенъ, которыя составляютъ, напр., сущность древней религіи Мексики. Другія страны, главнымъ образомъ, Африка, въ этомъ отношеніи не пошли далѣе *фетишизма, т. е.* обоготворенія матеріальныхъ объектовъ, *которымъ приписы*валась сверхъестественная сила. Аналогично

Египтомъ, обусловливавшія позаимствованія, объемъ которыхъ не поддается опредѣленію, только усиливали отвращеніе бедуиновъ къ идолопоклонству. «Законъ» или Тора, начертанный въ глубокой древности на каменныхъ скрижаляхъ и приписываемый великому освободителю племени Моисею, являлся уже цѣлымъ кодексомъ монотеизма и, по сравненію съ учрежденіями Египта и Халдеи, содержалъ въ себѣ значительные зачатки соціальнаго равенства и морали. Переносный ковчегъ, увѣнчивавшійся сфинксомъ [131]), съ кольцами по бокамъ для поручней—вотъ вся ихъ религіозная утварь; въ немъ были собраны всѣ священные предметы націи, реликвіи, памятники и, наконецъ, «книга» [132]), лѣтопись этого племени, которая велась непрерывно, но записи въ которую заносились лишь въ особенно важныхъ случаяхъ.

Родъ, на обязанности котораго лежало перенесеніе ковчега и охраненіе этого передвижного архива, имѣя въ своемъ распоряженіи книгу, благодаря этому занялъ выдающееся положеніе; но не отсюда образовалось то учрежденіе, которому принадлежало будущее. Еврейскій жрецъ весьма мало отличался отъ другихъ жрецовъ древности. Существенное отличіе Израиля отъ другихъ теократическихъ народностей заключалось въ томъ, что его духовенство было подчинено индивидуальному вдохновенію. Кромѣ жрецовъ, у каждаго кочевого племени былъ свой «нави», или пророкъ, родъ живого оракула, къ которому обращались съ каждымъ затруднительнымъ вопросомъ, требующимъ для своего разрѣшенія высокой степени ясновидѣнія. Эти израильскіе «нави», организованные въ группы и школы, пользовались большимъ значеніемъ. Защитники древняго демократическаго духа, враги богатыхъ, противники всякой политической организаціи и всѣхъ тѣхъ началъ, которыя могли бы свернуть Израиля на путь, которымъ шли другіе народы, они были истиннымъ орудіемъ религіознаго первенства еврейскаго народа. Съ раннихъ поръ они явились проповѣдниками безграничныхъ упованій, и, когда народъ, отчасти подъ вліяніемъ ихъ неразумныхъ совѣтовъ, былъ раздавленъ ассирійской державой, они провозгласили, что Іудѣ принадлежитъ безпредѣльное царство, что Іерусалимъ станетъ нѣкогда міровой столицей и все человѣчество обратится къ еврейству. Іерусалимъ съ его храмомъ представлялся имъ *городомъ, расположеннымъ* на вершинѣ горы, городомъ, къ *которому, какъ къ оракулу*, будутъ стекаться всѣ народы,

которому суждено создать универсальный законъ, городомъ, который явится центромъ идеальнаго царства, гдѣ родъ человѣческій, умиротворенный Израилемъ, обрѣтетъ снова всѣ радости Эдема [133]).

Уже слышатся невѣдомые дотолѣ голоса, восхваляющіе мученичество и прославляющіе могущество «сына скорби». Относительно одного изъ этихъ великихъ страстотерпцевъ, которые, подобно Іереміи, обагряли своей кровью іерусалимскія улицы, нѣкій вдохновенный поэтъ создалъ гимнъ, посвященный страданіямъ и торжеству «служителя Божія» и какъ бы сконцентрировавшій въ себѣ всю пророческую силу израильскаго генія [134]). «Ибо онъ взошелъ передъ нимъ, какъ отпрыскъ и какъ ростокъ изъ сухой земли; нѣтъ въ немъ ни вида, ни величія; и мы видѣли его, и не было въ немъ вида, который привлекалъ бы насъ къ нему. Онъ былъ презрѣнъ и умаленъ передъ людьми, мужъ скорбей и извѣдавшій болѣзни, и мы отвращали отъ него лицо свое; онъ былъ презираемъ, и мы ни во что не ставили его. Но онъ взялъ на себя наши немощи и понесъ наши болѣзни; а мы думали, что онъ былъ поражаемъ, наказуемъ и униженъ Богомъ. Но онъ изъязвленъ былъ за грѣхи наши и мучимъ за беззаконія наши; наказаніе міра нашего было на немъ, и ранами его мы исцѣлились. Всѣ мы блуждали, какъ овцы, совратились каждый на свою дорогу,—и Господь возложилъ на него грѣхи всѣхъ насъ. Онъ истязуемъ былъ, но страдалъ добровольно и не открывалъ устъ своихъ; какъ овца, веденъ онъ былъ на закланіе и какъ агнецъ передъ стригущимъ его безгласенъ, такъ онъ не отверзалъ устъ своихъ... Ему назначили гробъ съ злодѣями, но онъ погребенъ у богатаго, потому что не сдѣлалъ грѣха и не было лжи въ устахъ его. Но Господу угодно было поразить его, и Онъ предалъ его мученію; когда же душа его принесетъ жертву умилостивленія, Онъ узритъ потомство долговѣчное, а воля Господня благоуспѣшно будетъ исполняться рукою его».

Одновременно глубокія перемѣны произошли въ *Торѣ*. Появились новые тексты, какъ напр., Второзаконіе, которые имѣли претензію представлять собою истинный законъ Моисея и которые въ дѣйствительности вносили духъ, весьма значительно отличавшійся отъ традицій древнихъ номадовъ. *Характерной чертой его былъ ожесточенный* фанатизмъ. Изступленные вѣрующіе непрестанно взываютъ къ насилію противъ всѣхъ,

Египтомъ, обусловливавшія позаимствованія, объемъ которыхъ не поддается опредѣленію, только усиливали отвращеніе бедуиновъ къ идолопоклонству. «Законъ» или Тора, начертанный въ глубокой древности на каменныхъ скрижаляхъ и приписываемый великому освободителю племени Моисею, являлся уже цѣлымъ кодексомъ монотеизма и, по сравненію съ учрежденіями Египта и Халдеи, содержалъ въ себѣ значительные зачатки соціальнаго равенства и морали. Переносный ковчегъ, увѣнчивавшійся сфинксомъ [131]), съ кольцами по бокамъ для поручней—вотъ вся ихъ религіозная утварь; въ немъ были собраны всѣ священные предметы націи, реликвіи, памятники и, наконецъ, «книга» [132]), лѣтопись этого племени, которая велась непрерывно, но записи въ которую заносились лишь въ особенно важныхъ случаяхъ.

Родъ, на обязанности котораго лежало перенесеніе ковчега и охраненіе этого передвижного архива, имѣя въ своемъ распоряженіи книгу, благодаря этому занялъ выдающееся положеніе; но не отсюда образовалось то учрежденіе, которому принадлежало будущее. Еврейскій жрецъ весьма мало отличался отъ другихъ жрецовъ древности. Существенное отличіе Израиля отъ другихъ теократическихъ народностей заключалось въ томъ, что его духовенство было подчинено индивидуальному вдохновенію. Кромѣ жрецовъ, у каждаго кочевого племени былъ свой «нави», или пророкъ, родъ живого оракула, къ которому обращались съ каждымъ затруднительнымъ вопросомъ, требующимъ для своего разрѣшенія высокой степени ясновидѣнія. Эти израильскіе «нави», организованные въ группы и школы, пользовались большимъ значеніемъ. Защитники древняго демократическаго духа, враги богатыхъ, противники всякой политической организаціи и всѣхъ тѣхъ началъ, которыя могли бы свернуть Израиля на путь, которымъ шли другіе народы, они были истиннымъ орудіемъ религіознаго первенства еврейскаго народа. Съ раннихъ поръ они явились проповѣдниками безграничныхъ упованій, и, когда народъ, отчасти подъ вліяніемъ ихъ неразумныхъ совѣтовъ, былъ раздавленъ ассирійской державой, они провозгласили, что Іудѣ принадлежитъ безпредѣльное царство, что Іерусалимъ станетъ нѣкогда міровой столицей и все человѣчество обратится къ еврейству. Іерусалимъ съ его храмомъ представлялся имъ *городомъ, расположеннымъ* на вершинѣ горы, городомъ, къ *которому, какъ къ оракулу*, будутъ стекаться всѣ народы,

которому суждено создать универсальный законъ, городомъ, который явится центромъ идеальнаго царства, гдѣ родъ человѣческій, умиротворенный Израилемъ, обрѣтетъ снова всѣ радости Эдема [133]).

Уже слышатся невѣдомые дотолѣ голоса, восхваляющіе мученичество и прославляющіе могущество «сына скорби». Относительно одного изъ этихъ великихъ страстотерпцевъ, которые, подобно Іереміи, обагряли своей кровью іерусалимскія улицы, нѣкій вдохновенный поэтъ создалъ гимнъ, посвященный страданіямъ и торжеству «служителя Божія» и какъ бы сконцентрировавшій въ себѣ всю пророческую силу израильскаго генія [134]). «Ибо онъ взошелъ передъ нимъ, какъ отпрыскъ и какъ ростокъ изъ сухой земли; нѣтъ въ немъ ни вида, ни величія; и мы видѣли его, и не было въ немъ вида, который привлекалъ бы насъ къ нему. Онъ былъ презрѣнъ и умаленъ передъ людьми, мужъ скорбей и извѣдавшій болѣзни, и мы отвращали отъ него лицо свое; онъ былъ презираемъ, и мы ни во что не ставили его. Но онъ взялъ на себя наши немощи и понесъ наши болѣзни; а мы думали, что онъ былъ поражаемъ, наказуемъ и униженъ Богомъ. Но онъ изъязвленъ былъ за грѣхи наши и мучимъ за беззаконія наши; наказаніе міра нашего было на немъ, и ранами его мы исцѣлились. Всѣ мы блуждали, какъ овцы, совратились каждый на свою дорогу,—и Господь возложилъ на него грѣхи всѣхъ насъ. Онъ истязуемъ былъ, но страдалъ добровольно и не открывалъ устъ своихъ; какъ овца, веденъ онъ былъ на закланіе и какъ агнецъ передъ стригущимъ его безгласенъ, такъ онъ не отверзалъ устъ своихъ... Ему назначили гробъ съ злодѣями, но онъ погребенъ у богатаго, потому что не сдѣлалъ грѣха и не было лжи въ устахъ его. Но Господу угодно было поразить его, и Онъ предалъ его мученію; когда же душа его принесетъ жертву умилостивленія, Онъ узритъ потомство долговѣчное, а воля Господня благоуспѣшно будетъ исполняться рукою его».

Одновременно глубокія перемѣны произошли въ *Торѣ*. Появились новые тексты, какъ напр., Второзаконіе, которые имѣли претензію представлять собою истинный законъ Моисея и которые въ дѣйствительности вносили духъ, весьма значительно отличавшійся отъ традицій древнихъ номадовъ. Характерной *чертой его былъ ожесточенный* фанатизмъ. Изступленные вѣ*рующіе непрестанно* взываютъ къ насилію противъ всѣхъ,

уклоняющихся отъ культа Іеговы; былъ введенъ кровавый кодексъ, грозившій смертью за религіозныя преступленія. Благочестіе почти всегда приводитъ къ противорѣчивому сочетанію жестокости и кротости. Такое рвеніе, незнакомое грубому патріархальному періоду Судей, вносило въ проповѣди неслыханныя доселѣ ноты внутренняго волненія и умиленной кротости. Теперь чувствуется уже сильное тяготѣніе къ соціальнымъ вопросамъ; въ кодексъ получаютъ доступъ утопіи и мечты о совершенномъ общественномъ строѣ. Такимъ образомъ, Пятикнижіе, гдѣ перемѣшиваются между собою патріархальная мораль съ пламенной вѣрой, первобытная созерцательность съ утонченной набожностью,—т. е. чувства, подобныя тѣмъ, которыя наполняли душу Іезекіиля, Осіи, Іереміи,—облекается окончательно въ ту форму, въ какой оно извѣстно намъ теперь, и превращается навѣки въ абсолютный законъ національнаго духа.

Послѣ созданія этой великой книги, исторія еврейскаго народа начинаетъ развиваться съ неудержимой стремительностью. Безпрерывная смѣна великихъ государствъ въ Западной Азіи, разрушая въ Израилѣ всякую надежду на земное господство, тѣмъ сильнѣе будитъ въ немъ религіозную мечтательность, которой онъ отдается теперь съ какою-то мрачной страстностью. Не помышляя ни о судьбахъ національной династіи, ни о политической независимости, онъ мирится съ любымъ правительствомъ, лишь бы оно предоставляло ему свободу культа и право жить по своимъ обычаямъ. Отнынѣ у Израиля нѣтъ иного направленія, кромѣ направленія, признаваемаго его религіозными энтузіастами, нѣтъ иныхъ враговъ, кромѣ враговъ единаго Божества, нѣтъ иной родины, кромѣ его Закона.

И этотъ законъ,—надо замѣтить это,—полностью обнималъ собою и моральную, и соціальную стороны жизни. Онъ былъ созданіемъ людей, проникнутыхъ высокимъ идеаломъ земной жизни и увѣренными, что имъ извѣстны наилучшіе способы осуществленія этого идеала. Убѣжденіе всѣхъ было таково, что при точномъ соблюденіи *Торы* невозможно было не достигнуть полнаго блаженства. *Тора* не имѣетъ ничего общаго съ греческими и римскими «законами», которые, занимаясь почти исключительно отвлеченнымъ правомъ, удѣляютъ очень незначительное *мѣсто вопросамъ* морали и благоденствія отдѣльныхъ *личностей*. *A priori* можно было предсказать, что вы-

воды, вытекающіе изъ еврейскаго закона, будутъ относиться къ соціальному, а не политическому строю, что задачей этого народа является царство Божіе, а не гражданская республика, всемірное учрежденіе, а не національность или отечество.

Переживъ не однажды эпоху упадка, Израиль, тѣмъ не менѣе, удивительно сохранилъ это призваніе. Цѣлый рядъ благочестивыхъ мужей—Эздра, Неемія, Онія, Маккавеи, преданные тѣломъ и душой закону, выступали одинъ за другимъ на защиту древнихъ учрежденій. Идея, согласно которой Израиль является народомъ святыхъ, племенемъ, избраннымъ Богомъ, укоренялась все глубже и глубже. Ожиданія грандіозныхъ событій наполняютъ всѣ умы. Индо-европейскій древній міръ помѣщалъ рай въ началѣ своей исторіи; всѣ его поэты оплакивали канувшій въ вѣчность золотой вѣкъ. Израиль перемѣстилъ золотой вѣкъ въ будущее. Псалмы, съ ихъ божественной, меланхолической гармоніей, эта вѣчная поэзія религіозныхъ душъ, звучатъ этимъ экзальтированнымъ піэтизмомъ, а Израиль становится, дѣйствительно, по преимуществу Божьимъ народомъ, тогда какъ сосѣднія языческія религіи все болѣе и болѣе приходятъ въ упадокъ, превращаясь или въ оффиціальное шарлатанство, какъ въ Персіи и Вавилонѣ, или въ грубое идолопоклонство, какъ въ Египтѣ и Сиріи, или въ обрядовую внѣшность, какъ у грековъ и римлянъ. Въ теченіе двухъ столѣтій, предшествовавшихъ нашей эрѣ, іудеи дѣлали то, что христіанскіе мученики совершали въ первые вѣка христіанства и что теперь совершаютъ жертвы воинствующей ортодоксіи внутри самого христіанства: они неустанно боролись противъ суевѣрій и религіознаго матеріализма. Интенсивное идейное движеніе, приводившее къ самымъ противоположнымъ выводамъ, придало въ эту эпоху евреямъ характеръ самаго замѣчательнаго и оригинальнаго народа въ мірѣ. Распространеніе ихъ по всему побережью Средиземнаго моря и греческій языкъ, усвоенный ими внѣ Палестины, подготовили путь для пропаганды, совершенно безпримѣрной у древнихъ обществъ, раздробленныхъ на мелкія національности.

До эпохи Маккавеевъ, іудаизмъ, несмотря на постоянныя утвержденія о грядущемъ подчиненіи себѣ всего человѣчества, сохранялъ характеръ всѣхъ древнихъ культовъ: это былъ культъ даннаго рода и племени. Еврей, разумѣется, полагалъ, *что его вѣра наилучшая*, и съ презрѣніемъ относился къ *чужеземнымъ богамъ*. Но, кромѣ того, онъ вѣрилъ, что религія

истиннаго Бога создана исключительно для него одного. Каждый, входящій въ еврейскую семью, принимаетъ культъ Іеговы [135]); вотъ и все. Ни одному израильтянину въ голову не приходило обращать чужеземца въ религію, которая является наслѣдіемъ сыновъ Авраама. Развитіе піэтическаго духа, со времени Эздры и Нееміи, имѣло результатомъ болѣе устойчивую и болѣе логичную концепцію. Іудаизмъ становится абсолютной религіей, и всякій желающій получаетъ право вступить въ нее [136]). Очень скоро обращеніе въ іудаизмъ возможно большого числа иновѣрцевъ признается благочестивымъ дѣломъ [137]). Несомнѣнно, благородное чувство, которое возвышало надъ національными идеями Іоанна Крестителя, Іисуса, Святого Павла, въ это время еще было неизвѣстно. По странному противорѣчію, обращенные (прозелиты) пользовались малымъ уваженіемъ, и къ нимъ относились съ презрѣніемъ [138]) Но идея единой религіи, идея, предполагающая, что въ мірѣ существуетъ нѣчто, возвышающееся надъ отечествомъ, семьей, закономъ,—идея, создавшая позже апостоловъ и мучениковъ, была заложена. Глубокое состраданіе ко всякому язычнику, какъ бы высоко ни было его общественное положеніе, становится отнынѣ чувствомъ каждаго еврея [139]). Цѣлымъ рядомъ легендъ; представляющихъ образцы непоколебимой стойкости (Даніилъ съ товарищами, мать Маккавеевъ и ея семь сыновей [140]), разсказъ объ Александрійскомъ ристалищѣ [141]), народные вожди стремились привить идею, что добродѣтель заключается въ фанатической преданности къ установленнымъ религіознымъ учрежденіямъ.

Преслѣдованія Антіоха Епифана обратили эту идею въ страсть, почти въ безуміе, и въ этомъ было нѣчто подобное тому, что, спустя 230 лѣтъ, происходило при Неронѣ. Ярость и отчаяніе бросали вѣрующихъ въ міръ видѣній и грезъ. Появляется первый апокалипсисъ — «книга Даніила». Это было какъ бы возрожденіе пророчества, хотя по формѣ совершенно отличнаго отъ древнихъ пророковъ и съ болѣе широкимъ взглядомъ на судьбы міра. Книга Даніила дала мессіанскимъ чаяніямъ окончательную, въ нѣкоторомъ родѣ, формулировку. Мессія уже не царь, какимъ былъ Давидъ и Соломонъ, онъ не Киръ теократическаго моисеевскаго толка,—нѣтъ, это «сынъ человѣческій», парящій въ облакахъ [142]), сверхъестественное существо, облеченное въ человѣческую плоть, сошедшее на землю, чтобы судить міръ и главенствовать въ золотомъ вѣкѣ. Быть можетъ,

нѣкоторыя черты этого новаго идеала заимствованы у *Сосіоша* персидскаго великаго провидца грядущаго, призваннаго приготовить царство Ормузда [143]). Какъ бы то ни было, неизвѣстный авторъ книги Даніила имѣлъ рѣшительное вліяніе на религіозное событіе, которому впослѣдствіи суждено было преобразовать міръ. Онъ инсценировалъ новое мессіанство и создалъ всѣ техническія выраженія его; къ нему можно приложить то, что Іисусъ сказалъ объ Іоаннѣ Крестителѣ: «До него пророки, послѣ него царство Божіе». Спустя нѣсколько лѣтъ, тѣ же идеи нашли выраженіе въ книгѣ, приписанной патріарху Эноху [144]). Ессеизмъ, повидимому, находившійся въ непосредственной связи съ апокалипсической школой, возникъ приблизительно въ это же время [145]) и представлялъ собою какъ бы первый эскизъ великаго ученія, которое должно было вскорѣ сложиться окончательно, чтобы перевоспитать человѣческій родъ.

Не нужно, однако, думать, что это столь глубоко религіозное, полное страсти движеніе явилось результатомъ какой-либо частной догмы, какъ это всегда бывало въ случаяхъ борьбы, возникшей въ нѣдрахъ самого христіанства. Еврей этого времени менѣе всего былъ теологомъ. Онъ не задумывался надъ сущностью Божества; вѣра въ ангеловъ, въ размышленія о концѣ міра, объ ипостасяхъ Божества, зародыши, которыхъ можно было уже различить, не являлись чѣмъ-то обязательнымъ, но были вполнѣ свободными вѣрованіями и разсужденіями, отдаваться которымъ могъ каждый, сообразно съ направленіемъ своего ума, но о которыхъ массы ничего и не слыхивали. И именно ортодоксы были совершенно свободны отъ подобныхъ личныхъ измышленій и стойко защищали простоту Моисеева закона. Въ эту эпоху не существовало никакой догматической власти, подобной той, какую правовѣрное христіанство представило Церкви. Только съ III вѣка, когда къ христіанству присоединились резонерствующія расы, увлекавшіяся діалектикой и метафизикой, начинается лихорадочное стремленіе къ дефиниціямъ, превратившее исторію церкви въ исторію безконечныхъ словопреній. Диспуты происходили и у евреевъ. Враждующія школы почти на всѣ волновавшіе умы вопросы давали противоположные отвѣты. Но въ этихъ спорахъ, главныя черты которыхъ сохранены для насъ Талмудомъ, нѣтъ ни одного слова, относящагося къ умозрительной теологіи. Соблюдать и *охранять законъ, ибо* законъ справедливъ, ибо при точномъ *соблюденіи его достигается* счастіе, — въ этомъ и весь іудаизмъ.

Никакого credo, никакого теоретическаго символа. Моисей Маймонидъ, представитель одной изъ самыхъ смѣлыхъ школъ арабской философіи, могъ стать оракуломъ синагоги, ибо онъ былъ опытнымъ канонистомъ.

Въ царстованіе послѣднихъ Амонеевъ и Ирода, экзальтація усиливается еще болѣе. Этотъ періодъ заполненъ почти непрерывной цѣпью религіозныхъ движеній. По мѣрѣ того, какъ власть симулировалась и переходила въ руки невѣрныхъ, еврейскій народъ все менѣе и менѣе жилъ земной жизнью и все болѣе погружался въ свой внутренній міръ. Остальное человѣчество, отвлекаемое другими событіями, ничего рѣшительно не знаетъ о томъ, что происходило въ этомъ забытомъ уголкѣ Востока. Но передовые умы этой эпохи были освѣдомлены лучше. Чуткій, проницательный Виргилій, точно какое-то таинственное эхо, отвѣчаетъ Исаіѣ; рожденіе ребенка вызываетъ въ немъ грезы о всемірномъ возрожденіи [146]). Эти мечты были дѣломъ обычнымъ и составляли какъ бы особый родъ литературы, извѣстной подъ именемъ сивиллиной. Только что создавшаяся Имперія возбуждала фантазію, великая эра мира, послѣдовавшая за этимъ событіемъ, и та меланхолическая чувствительность, которая охватываетъ умы послѣ долгихъ періодовъ революціи, порождали повсюду всевозможныя самыя необходимыя ожиданія.

Въ Іудеѣ эти ожиданія дошли до послѣднихъ предѣловъ возможнаго. Святые люди, среди которыхъ легенда упоминаетъ о старцѣ Симеонѣ, якобы державшемъ Іисуса на своихъ рукахъ, и объ Аннѣ, дочери Фануила, которую считали пророчицей [147]), проводили всю свою жизнь подлѣ храма, въ постѣ и молитвахъ о томъ, чтобы Богъ сподобилъ ихъ дожить до осуществленія упованій Израиля. Чувствуется какое-то могучее назрѣваніе, приближеніе чего-то невѣдомаго.

Эта неопредѣленная смѣсь ясновидѣнія и грезъ, эта смѣна отчаянія и надеждъ, эти упованія, безпощадно разрушаемыя дѣйствительностью, нашли, въ концѣ концовъ, своего выразителя въ лицѣ несравненнаго человѣка, которому всемірное сознаніе дало титулъ Сына Божія,—титулъ, вполнѣ справедливый, ибо онъ заставилъ религію сдѣлать шагъ, равнаго которому исторія человѣчества не знаетъ и, вѣроятно, знать никогда не будетъ.

ГЛАВА II.

Дѣтство и юность Іисуса. Его первыя впечатлѣнія.

Іисусъ родился въ Назаретѣ [148]), небольшомъ городѣ Галилеи, который до него былъ совершенно неизвѣстенъ [149]). Всю жизнь его звали назаряниномъ [150]), если же, впослѣдствіи, легенда и произвела его изъ Виѳлеема, то лишь благодаря довольно значительной натяжкѣ [151]). Мы далѣе увидимъ [152]), для чего была сдѣлана эта подтасовка, и какъ она была необходимымъ слѣдствіемъ приписанной Іисусу роли Мессіи [153]). Годъ рожденія его точно неизвѣстенъ. Онъ родился въ царствованіе Августа, вѣроятно, около 750 года римскаго лѣтосчисленія [154]), т. е., повидимому, нѣсколькими годами ранѣе перваго года христіанской эры, которая всѣми цивилизованными народами принята для счета лѣтъ отъ предполагаемаго дня его рожденія [155]). Данное ему имя Іисусъ представляетъ популярное искаженіе имени Іешуа, и было однимъ изъ обычныхъ; но впослѣдствіи, разумѣется, и въ немъ стали искать таинственный смыслъ и намекъ на его призваніе Спасителя [9]). Возможно, что и его самого, какъ всѣхъ мистиковъ, воодушевляла подобная мысль. Исторія знаетъ не одинъ примѣръ, когда имя, данное ребенку безо всякой задней мысли, служило поводомъ для великой исторической миссіи. Пламенныя натуры ни за что не хотятъ видѣть во всемъ, касающемся ихъ, простой случай. Вся ихъ судьба уже напередъ предопредѣлена Богомъ; знакъ высшаго промысла они усматриваютъ въ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствахъ.

Населеніе Галилеи было весьма разнородно, что видно изъ самаго названія этой страны [156]). Въ ней, въ эпоху Іисуса жило множество не-іудеевъ (финикіяне, сирійцы, арабы и даже греки) [157]). Обращенія въ іудейскую вѣру въ странѣ съ такимъ смѣшаннымъ населеніемъ были нерѣдки. А потому и

невозможно возбудить здѣсь вопроса о расѣ и разыскивать, какая кровь текла въ жилахъ того, кто самъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ искорененію кровныхъ различій въ человѣчествѣ.

Родомъ онъ былъ простолюдинъ [158]). Отецъ его Іосифъ и мать Марія принадлежали къ среднему классу и были ремесленниками, содержавшими себя трудами рукъ своихъ [159]),—положеніе весьма обыкновенное на востокѣ, которое не можетъ назваться ни благосостояніемъ, ни крайней нуждою. Чрезвычайная простота жизни въ этомъ краѣ, устраняя потребность въ роскоши, какъ бы уничтожаетъ преимущества богача и обращаетъ всѣхъ въ добровольныхъ бѣдняковъ. Съ другой стороны, полное отсутствіе художественнаго вкуса и всякаго влеченія къ искусственному украшенію матеріальной жизни, придаетъ жилищу людей, которые собственно ни въ чемъ не нуждаются, какой-то видъ убогости. Если оставить въ сторонѣ ту отталкивающую неопрятность, которую принесъ съ собою Исламъ въ Св. Землю, то можно думать, что Назаретъ эпохи Іисуса представлялъ почти такую же картину, какъ теперь [160]). Мы узнаемъ улицы, на которыхъ онъ игралъ ребенкомъ, въ этихъ каменистыхъ, вьющихся между хатъ, дорожкахъ или переулочкахъ. Домъ Іосифа имѣлъ, конечно, много сходства съ тѣми жалкими лачужками, въ которыя свѣтъ проникаетъ черезъ дверь и которыя служатъ одновременно мастерскою, кухнею и спальней; вся обстановка ихъ состоитъ ихъ циновки, нѣсколькихъ подушекъ на полу, двухъ или трехъ глиняныхъ горшковъ и крашеннаго сундука.

Семья его,—происходила ли она отъ одного или нѣсколькихъ браковъ,—была довольно многочисленная. У Іисуса были братья и сестры [161]), изъ которыхъ онъ былъ, повидимому, старшій [162]). Всѣ они остались въ неизвѣстности; ибо тѣ четыре лица, которыя выдаются за его родныхъ братьевъ, и между которыми, одинъ Іаковъ получилъ въ первые же годы развитія христіанства большое значеніе, были собственно двоюродными братьями Іисуса. Дѣло въ томъ, что у матери Іисусовой, Маріи, была сестра, по имени тоже Марія [163]), бывшая замужемъ за нѣкимъ Алфеемъ или Клеопой (оба именк, повидимому, обозначаютъ одно лицо) [164]) и имѣвшая нѣсколькихъ сыновей, которые играли позже среди первыхъ учениковъ Іисуса важную роль. Эти-то двоюродные его братья, отличавшіеся привязанностію къ своему юному учителю (его родные братья не вѣровали въ него [165]) и даже были ему враждебны), и получили

прозваніе «братьевъ Господнихъ» [166]). Родные братья Іисуса, равно какъ и мать его, не имѣли при жизни его никакого значенія и стали популярны уже послѣ его смерти [167]). Но и тогда, повидимому, они далеко не пользовались тѣмъ уваженіемъ, какъ ихъ двоюродные братья, которые слѣдовали за Іисусомъ болѣе самостоятельно и отличались большей оригинальностію характера. Самыя имена ихъ забыты до такой степени, что когда евангелистъ, въ своемъ уставѣ назареянъ перечисляетъ братьевъ Іисусовыхъ по плоти, то ему прежде всего вспоминаются имена сыновей Клеопы.

Іисусовы сестры вышли замужъ въ Назаретѣ [168]); тамъ же провелъ и онъ первые годы своей юности. Назаретъ былъ маленькій городокъ, раскинувшійся въ широкой долинѣ, которая значительно расширяется по направленію къ вершинамъ горъ, замыкающихъ съ сѣвера плоскогоріе Эздрелонское. Въ настоящее время въ немъ считается до трехъ или четырехъ тысячъ жителей и, можно думать, что эта цифра мало измѣнилась съ эпохи Іисусовой [169]). Зимою тамъ довольно холодно и климатъ вообще здоровъ. Этотъ городокъ, подобно всѣмъ еврейскимъ мѣстечкамъ того времени, былъ просто группой хижинъ, выстроенныхъ безъ всякаго стиля, и представлялъ, безъ сомнѣнія, тотъ общій видъ, довольно печальный и бѣдный, который характеренъ для всѣхъ вообще селеній въ семитическихъ странахъ. Дома, повидимому, не слишкомъ отличались отъ тѣхъ сложенныхъ изъ камня, лишенныхъ всякаго украшенія, маленькихъ кубиковъ, какими усѣяны по сіе время плодоноснѣйшія части Ливана и которые, однакожъ, среди виноградниковъ и фиговыхъ деревьевъ оставляютъ, тѣмъ не менѣе, довольно пріятное впечатлѣніе. Окрестности восхитительны; и едва ли найдется въ мірѣ мѣстность, болѣе располагающая къ грезамъ объ абсолютномъ счастіи. Даже въ наше время Назаретъ—прелестный уголокъ, единственное, можетъ быть, въ Палестинѣ мѣсто, гдѣ путешественникъ нѣсколько отдыхаетъ отъ тяжелаго чувства, сжимающаго его душу среди безпримѣрной пустыни. Улыбка и привѣтъ сіяютъ на лицѣ туземца; вся страна утопаетъ въ пышной зелени роскошныхъ садовъ. Антонинъ-Мученикъ, жившій въ концѣ VI вѣка, набрасываетъ очаровательную картину плодородія окрестностей Назарета, которыя онъ сравниваетъ съ земнымъ раемъ [170]). Нѣкоторыя долины, къ западу отъ города, вполнѣ оправдываютъ и нынѣ его описаніе. Источникъ, когда-то служившій центромъ всей

жизни и веселья этого города, теперь уже заглохъ; его растрескавшіеся водоемы даютъ лишь мутную воду. Но красота женщинъ, собирающихся вокругъ него и нынѣ по вечерамъ, осталась та же; красота эта, которая была замѣчена еще въ VI вѣкѣ, въ которой нѣкоторые видѣли особый даръ Дѣвы-Маріи [171]), сохранилась поразительно и донынѣ. Это сирійскій типъ, во всей ея прелести и граціи. Безъ сомнѣнія, нѣкогда и Марія ходила сюда за водою, съ кувшиномъ на плечѣ, и останавливалась зачастую поболтать съ землячками, такъ и умершими въ безвѣстности. Антонинъ-Мученикъ замѣчаетъ, что еврейскія женщины, въ другихъ мѣстахъ столь непріязненно относящіяся къ христіанамъ, здѣсь, напротивъ, очень привѣтливы. Дѣйствительно, религіозная нетерпимость и въ наше время не столь остра въ Назаретѣ, какъ въ другихъ мѣстахъ Палестины.

Горизонтъ города тѣсенъ; но если подняться на небольшое, всегда освѣжаемое вѣтеркомъ, плоскогоріе, то передъ вашими взорами развернется прелестная картина. Съ Запада высятся живописныя группы Кармельскихъ горъ, замыкающіяся крутымъ пикомъ, который точно готовъ опрокинуться въ море. Далѣе виднѣется возвышающаяся надъ городомъ Магедло, двойная вершина; а тамъ—Сихемскія горы, со своими святынями, которыя восходятъ древностію ко временамъ Патріарховъ. Здѣсь горы Гельбоэ,—небольшая живописная группа, съ которою связаны то прелестныя, то старинныя воспоминанія Сулема и Эндора. Ѳаворъ—въ своей прекрасно округленной формѣ, напоминавшей древнимъ женскую грудь; сквозь ущеліе между горами Сулемомъ и Ѳаворомъ виднѣются долина Іорданская и плоскогоріе Перейское, образующія вмѣстѣ одну сплошную линію съ восточной стороны. На Сѣверѣ—горы Сафедъ постепенно понижаясь къ морю, полузаслонили Сенъ-Жанъ-д'Акръ, а позади ихъ видѣнъ, какъ на ладони заливъ Каифа. Таковъ былъ горизонтъ, открывавшійся очамъ Іисуса. Изъ этой-то волшебной сферы, изъ этой колыбели царствія божія, смотрѣлъ онъ на Божій міръ, въ теченіе многихъ лѣтъ. Даже можно сказать, что во всю жизнь свою онъ мало выходилъ изъ этихъ предѣловъ, столь ему знакомыхъ съ самаго ранняго дѣтства. Ибо тутъ же, съ сѣверной стороны, почти можно различить, на фонѣ Гермонскихъ горъ, Кесарею Филиппійскую, самый отдаленный предѣлъ его путешествій въ страну язычниковъ; а съ южной, позади горъ Самарійскихъ, уже не такъ живописныхъ, вы какъ будто предчувствуете

мрачную Іудею, словно высушенную губительнымъ вѣтромъ абстракціи и смерти.

Если когда-либо міръ, оставаясь христіанскимъ, но глубже постигнувъ сущность христіанскихъ началъ, вздумаетъ замѣнить подлинными святынями ложныя и жалкія, къ которымъ прилѣплялось благочестіе грубыхъ вѣковъ, то здѣсь, на этой высотѣ Назарета, построитъ онъ свой храмъ. Здѣсь, на мѣстѣ перваго появленія христіанства, въ самомъ центрѣ дѣятельности создателя его, долженъ бы быть заложенъ храмъ, въ которомъ могли бы слиться воедино молитвы всѣхъ христіанъ. Эта земля, скрывающая прахъ плотника Іосифа и тысячъ безвѣстныхъ, никогда не выходившихъ за предѣлы своей долины назарянъ,—болѣе всякой другой мѣстности располагаетъ философа къ созерцанію человѣческихъ дѣлъ, къ исцѣленію отъ оскорбленій, наносимыхъ ими нашимъ самымъ дорогимъ чувствамъ божественной цѣли, къ которой стремится міръ черезъ безчисленныя препятствія, не обращая вниманія на всяческую суету.

ГЛАВА III.

Воспитаніе Іисуса.

Эта прекрасная, величественная природа одна совершила все воспитаніе Іисуса. Онъ учился читать и писать [172]), безъ сомнѣнія, по восточному методу, состоящему въ томъ, что ребенку даютъ книгу и заставляютъ его повторять ее въ тактъ съ товарищами до тѣхъ поръ, пока онъ не выучитъ наизусть [173]). Сомнительно, однако, чтобъ онъ понималъ еврейскія книги на подлинномъ ихъ языкѣ. Онъ приводитъ иногда тексты изъ нихъ, но какъ это видно изъ сказаній его біографовъ, на арамейскомъ языкѣ [174]). Принципы его экзегетики, сколько мы можемъ о нихъ судить по экзегетикѣ его учениковъ, имѣли много общаго съ бывшими тогда въ общемъ ходу и составляющими духъ *Таргуммима* и *Мидрашима* [175]).

Должность школьнаго учителя, въ маленькихъ еврейскихъ городкахъ, исправлялъ, обыкновенно, гаццанъ или чтецъ синагоги [176]). Болѣе высокія школы книжниковъ или *соферимовъ* Іисусъ посѣщалъ мало (быть можетъ, въ Назаретѣ такой школы не было); и вообще онъ не обладалъ ни однимъ изъ тѣхъ знаній, которыя въ глазахъ толпы даютъ право на ученость [177]). Тѣмъ не менѣе, было бы большой ошибкой думать, что онъ былъ невѣжда въ обычномъ для насъ смыслѣ этого слова. У насъ школьное образованіе проводитъ глубокую черту различія въ личномъ достоинствѣ, между получившими и не получившими его. Но не такъ было на востокѣ; не такъ было вообще въ доброе старое время. Нынѣ, при нашей изолированной и чисто индивидуальной жизни, человѣкъ, не прошедшій *школу, отличается* нѣкоторой грубостью. Это явленіе не*вѣдомо тамъ, гдѣ* нравственная культура и общій духъ вре-

мени передаются путемъ безпрестанныхъ соприкосновенiй людей между собою. Арабъ, отъ роду не вѣдавшiй никакихъ учителей, тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ иногда значительное развитiе: его шатеръ является извѣстнаго рода открытой академiей, гдѣ изъ взаимнаго общенiя людей, свѣдущихъ и опытныхъ, рождается великое умственное и даже литературное движенiе. Изящество манеръ и тонкость ума не имѣютъ на востокѣ ничего общаго съ такъ называемымъ у насъ воспитанiемъ. Напротивъ, педантами и неблаговоспитанными здѣсь какъ разъ и считаютъ люди ученыхъ. Въ этомъ общественномъ строѣ невѣжество, которое у насъ почти всегда отталкиваетъ человѣка въ низшiй слой общества, тамъ, наоборотъ, есть существенное условiе великихъ дѣлъ, великой оригинальности.

Мало также вѣроятiя, чтобъ Iисусъ зналъ по-гречески. Этотъ языкъ былъ слабо распространенъ въ Iудеѣ, за исключенiемъ правящихъ классовъ и населенныхъ язычниками городовъ, какъ напримѣръ Кесарея [178]). Роднымъ языкомъ Iисуса было смѣшанное съ еврейскимъ сирiйское нарѣчiе, на которомъ тогда говорила Палестина [179]). Еще менѣе основанiй думать, чтобъ онъ былъ знакомъ съ греческой культурой. Греческая наука была въ большомъ гоненiи у палестинскихъ учителей, которые за-одно проклинали «того, кто разводитъ свиней, и того, кто учитъ сына греческой премудрости» [180]). Во всякомъ случаѣ, эта культура не проникла въ такiе маленькiе городки, какъ Назаретъ. Конечно, несмотря на анаѳему ортодоксовъ, были въ то время и такiе Iудеи, которые уже восприняли и усвоили себѣ эллинскую культуру. Не говоря объ Iудейской школѣ Египта, гдѣ еще за двѣсти лѣтъ предъ тѣмъ дѣлались попытки къ слiянiю эллинизма съ iудаизмомъ, одинъ еврей Николай Дамасскiй, въ эту именно эпоху считался однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, самыхъ ученыхъ, самыхъ влiятельныхъ людей своего вѣка. Вскорѣ за тѣмъ, Iосифу суждено было представить другой примѣръ еврея, совершенно эллинизированнаго. Но Николай былъ евреемъ развѣ только по происхожденiю, а Iосифъ заявляетъ, что онъ составлялъ между соотечественниками исключенiе [181]), и вся Iудейская школа Египта, считавшаяся ересью, отдѣлилась отъ Iерусалима въ такой степени, что мы не находимъ о ней ни малѣйшаго упоминанiя ни въ Талмудѣ, ни въ еврейскомъ преданiи. Установлено съ несомнѣнностью, что въ Iерусалимѣ грече-

скій языкъ тогда изучали мало, что греческую науку находили опасною, что занятіе ею считалось пристойнымъ для рабовъ или для суетной прикрасы женщинъ [182]). Одно лишь изученіе Закона считалось либеральнымъ и достойнымъ серьезнаго мужа [183]). Одинъ ученый раввинъ, на предложенный ему вопросъ, когда всего приличнѣе учить дѣтей «греческой мудрости», отвѣчалъ: «въ тотъ часъ, когда нѣтъ ни дня, ни ночи; ибо сказано о законѣ: изучай его днемъ и ночью» [184]).

Итакъ, ни прямымъ, ни косвеннымъ путемъ ни одинъ элементъ эллинской культуры не достигъ Іисуса. Внѣ іудаизма онъ ничего не зналъ; его умъ сохранилъ ту простодушную наивность, которая всегда ослабляется обширнымъ и многостороннимъ образованіемъ. Даже въ самой сферѣ іудаизма онъ остался чуждъ многихъ такихъ стремленій, которыя шли почти параллельно съ его собственными. Такъ, ему совершенно неизвѣстны были, съ одной стороны, аскетизмъ ессеевъ [185]) и терапевтовъ, [186]) съ другой—превосходныя теоріи религіозной философіи, созданныя іудейской школой Александріи, геніальнымъ представителемъ которой былъ въ его время Филонъ. Встрѣчающіяся на каждомъ шагу черты сходства между нимъ и Филономъ, [187]) эти прекрасныя изреченія о любви къ Богу, о человѣколюбіи, объ успокоеніи въ Богѣ, которыя въ сочиненіяхъ знаменитаго александрійскаго мыслителя звучатъ точно отголосокъ евангелій, легко объясняются одинаковымъ направленіемъ возвышенныхъ умовъ, которое обусловливалось господствующимъ духомъ времени.

Къ счастію, для него, онъ столь же мало былъ знакомъ и съ уродливой схоластикой, которая преподавалась въ іерусалимскихъ синагогахъ, и изъ которой скоро вышелъ талмудъ. Если, можетъ быть, и случалось нѣкоторымъ фарисеямъ заносить ее въ Галилею, то онъ не прислушивался къ ихъ проповѣди, а когда впослѣдствіи ему пришлось столкнуться съ этой пустой казуистикой, то она внушила ему только отвращеніе. Можно, впрочемъ, думать, что ученіе Гиллеля было ему не безызвѣстно. Гиллель, за пятьдесятъ лѣтъ до Іисуса, высказывалъ афоризмы, во многихъ сходные съ Іисусовыми. По своей кротости, своему равнодушію къ мірскимъ благамъ, мягкости характера и по нападкамъ своимъ на лицемѣровъ и первосвященниковъ, Гиллель былъ прямымъ учителемъ Іисуса [188]), *если только* можно говорить объ учителѣ человѣка *столь высоко* оригинальнаго.

Гораздо большее вліяніе имѣло на него чтеніе Ветхаго Завѣта. Каноническія священныя книги распадались на двѣ главныя части: Законъ, т. е. Пятикнижіе, и Пророки въ томъ видѣ, въ какомъ мы знаемъ ихъ теперь. Обширная аллегорическая экзегетика работала надъ всѣми этими книгами и старалась извлечь изъ нихъ то, чего въ нихъ не было, но что отвѣчало упованіямъ данной эпохи. Законъ, представлявшій не древнія постановленія страны, а скорѣе несбыточныя утопіи, фантастическія предписанія благочестивыя поддѣлки, относившіяся ко времени царей піетистовъ, сдѣлался неисчерпаемымъ источникомъ для самыхъ хитрыхъ толкованій, съ тѣхъ поръ какъ нація лишилась самостоятельности. Что касается пророчествъ и псалмовъ, то сложилось убѣжденіе, что въ этихъ книгахъ каждое сколько-нибудь темное таинственное выраженіе относилось именно къ Мессіи, и въ немъ прежде всего искали типъ, который долженъ былъ осуществить всѣ національныя надежды. Іисусъ раздѣлялъ общія симпатіи къ этимъ аллегорическимъ толкованіямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, и истинная поэзія Библіи, которую наивные іерусалимскіе толкователи совершенно не замѣчали, была открыта его могучему духу. Законъ, повидимому, не имѣлъ въ глазахъ его особеннаго обаянія; онъ полагалъ, что могъ бы и самъ дать въ этомъ родѣ нѣчто лучшее; но религіозная поэзія псалмовъ какъ нельзя болѣе отвѣчала его мягкой, лирической душѣ; эти священныя пѣсни въ теченіе всей его жизни служили ему духовной пищей и ободреніемъ. Пророки, особенно Исаія и его продолжатель, въ эпоху вавилонскаго плѣненія съ ихъ страстнымъ краснорѣчіемъ, съ ихъ грезами о свѣтломъ будущемъ, съ ихъ негодующими обличеніями, которыя смягчались плѣнительными образами, сдѣлались его истинными наставниками. Безъ сомнѣнія онъ читалъ также многія изъ апокрифовъ, тѣхъ довольно уже позднихъ сочиненій, авторы которыхъ, для приданія имъ авторитета, составлявшаго монополію только самыхъ древнихъ писателей, прикрывали свои произведенія именемъ какого-нибудь пророка или патріарха. Одна изъ этихъ книгъ особенно поражала его; это была книга Даніила[189]). Написанная невѣдомымъ еврейскимъ энтузіастомъ временъ Антіоха Епифана и освященная извѣстнымъ именемъ древняго мудреца[190]), книга эта какъ бы была эхомъ Израиля *за послѣднее время. Ея* авторъ, истинный творецъ философіи *исторіи, впервые имѣлъ* смѣлость взглянуть на историческую

эволюцію и на смѣны царствъ, какъ на явленія, подчиненныя судьбамъ еврейскаго народа. Іисусъ былъ съ дѣтства проникнутъ этими высокими упованіями. Возможно, что ему знакомы были также книги Эноха, пользовавшіяся тогда авторитетомъ наравнѣ съ священнымъ писаніемъ [191]), и другія книги въ этомъ же родѣ, столь сильно возбуждавшія народное воображеніе. Пришествіе Мессіи во всей его славѣ и одновременно столь страшное, народы, низвергающіеся одинъ за другимъ въ бездну, конечное разрушеніе неба и земли,—все это безпрестанно рисовалось его фантазіи; а такъ какъ всѣ эти перевороты считались очень близкими, и множество людей высчитывали уже срокъ ихъ наступленія, то область сверхъестественнаго, въ которой постоянно витали, благодаря подобнымъ видѣніямъ его мысли, стала казаться ему совершенно натуральною и простою.

Какъ ложны были его представленія о тогдашнемъ мірѣ, видно на каждомъ шагу изъ подлинныхъ его рѣчей. Для него міръ оставался еще раздѣленнымъ на царства, которыя ведутъ между собою войны; онъ, повидимому, ничего не знаетъ ни о «римскомъ мірѣ», ни о новомъ состояніи общества, которымъ былъ славенъ его вѣкъ. О могуществѣ Имперіи онъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго понятія. До него дошло одно только имя «Кесарь». Онъ видѣлъ, какъ строились въ Галилеѣ или ея окрестностяхъ: Тиверіада, Іуліада, Діокесарея, Кесарея, пышныя сооруженія Иродовъ, старавшихся этими великолѣпными постройками выразить свое восхищеніе римской цивилизацiей, и свою преданность фамиліи Августа; нынѣ, по странному капризу судьбы, искаженныя имена этихъ городовъ служатъ названіями ничтожныхъ бедуинскихъ поселковъ. Онъ зналъ, вѣроятно, и Себасту, созданіе Ирода Великаго, показной городъ, развалины котораго имѣютъ такой видъ, точно всѣ эти украшенія были привезены сюда совершенно готовыми, и ихъ оставалось только разставить на мѣстѣ, какъ декораціи. Эта архитектура тщеславія, привезенная въ Іудею изъ заморскихъ странъ, эти сотни колоннъ, всѣ одного діаметра, годныя для украшенія развѣ какой-нибудь пошлой «улицы Риволи»,—вотъ что онъ называлъ «царствами міра и всей ихъ славой». Эта роскошь, созданная по закону, это казенное искусство были ему не по душѣ. Онъ гораздо болѣе любилъ *свои галилейскія* деревни, гдѣ безпорядочно перемѣшивались *хижины, хозяйственныя* постройки, высѣченныя въ

скалахъ, виноградные тиски, колодцы, гробницы, фиговые и масличные сады. Онъ держался всегда ближе къ природѣ. Царскій дворъ представляется ему наполненнымъ придворными, разряженными въ дорогія, блестящія платья. Восхитительныя небылицы,[192]) которыми изобилуютъ его притчи, какъ только на сценѣ появляются[193]) цари или сильные міра его доказываютъ, что аристократическое общество онъ представляетъ себѣ какъ деревенскій юноша, который смотритъ на «свѣтъ» сквозь призму своей наивности.

Еще менѣе знакомо было ему важное завоеваніе греческой науки, эта основа всякой философіи, вполнѣ подтверждаемая всѣмъ современнымъ знаніемъ: идея, заключавшаяся въ отрицаніи сверхъестественныхъ силъ, которымъ простодушная вѣра древнѣйшихъ временъ приписывала управленіе вселенной. Почти за сто лѣтъ до него, Лукрецій превосходно формулировалъ идею незыблемости общаго закона природы. Отрицаніе чудесъ, мысль, что все въ мірѣ происходитъ согласно естественнымъ законамъ, нарушать которые никакія высшія существа не могутъ, — эта мысль тогда была уже общимъ достояніемъ великихъ школъ во всѣхъ странахъ, познакомившихся съ греческой культурой. Быть можетъ, не чужда она была даже Вавилону и Персіи. Но объ этихъ завоеваніяхъ науки Іисусъ ничего не зналъ. Несмотря на то, что онъ родился въ эпоху, когда уже провозглашенъ былъ принципъ положительнаго знанія, однако-жъ, онъ жилъ въ области сверхъестественнаго. Можетъ быть, никогда еще не была въ евреяхъ такъ сильна жажда къ чудесному. Даже Филонъ, жившій въ крупномъ центрѣ тогдашняго интеллектуальнаго міра и получившій очень широкое образованіе, не чуждъ самыхъ вздорныхъ и низкопробныхъ суевѣрій.

Іисусъ ничѣмъ, не отличался въ этомъ отношеніи, отъ своихъ земляковъ. Онъ вѣрилъ въ дьявола, котораго считалъ какимъ-то геніемъ зла, [194]) и вмѣстѣ со всѣми воображалъ, что нервныя болѣзни являются дѣломъ демоновъ, которые овладѣютъ больнымъ и волнуютъ его. Чудесное не казалось ему исключеніемъ; оно было для него нормальнымъ явленіемъ. Понятіе о сверхъестественномъ и о его невозможности является на свѣтъ лишь со дня рожденія экспериментальнаго естествознанія. Кто не имѣетъ никакого понятія о физикѣ, кто думаетъ, что молитвою *можно измѣнить* движеніе облаковъ, остановить болѣзнь и самую *смерть, тотъ не видитъ* въ чудесахъ ничего особенно страннаго.

потому что весь міровой порядокъ кажется ему зависящимъ отъ произвола Божества. Такое умственное состояніе было для Іисуса постояннымъ. Но на его великую душу эти вѣрованія производили дѣйствіе, совершенно обратное тому, какое они производятъ на рядовыхъ людей. У послѣднихъ вѣра въ непосредственное вмѣшательство Божіе, обыкновенно, вызываетъ простодушное легковѣріе и шарлатанскія плутни. У него, напротивъ, она выражалась въ глубокомъ сознаніи самыхъ близкихъ отношеній человѣка къ Богу и въ преувеличенномъ, благодаря этому, довѣріи къ могуществу человѣка,—дивная ошибка, таившая въ себѣ источникъ его силы! Ибо, если они и должны были современемъ повредить ему въ глазахъ физика и химика, то они давали ему надъ современниками такую власть, какою не обладалъ еще ни одинъ смертный ни до ни послѣ него.

Уже въ раннемъ возрастѣ обнаружился его оригинальный характеръ. Легенда съ удовольствіемъ повѣствуетъ о томъ, какъ онъ еще двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ возсталъ противъ родительской власти и какъ, ради своего призванія, не задумался свернуть съ протореннаго пути [195]). Положительно извѣстно, по крайней мѣрѣ, то, что родственныя отношенія имѣли для него мало значенія. Въ своей семьѣ онъ, повидимому, не пользовался любовью [196]), а по временамъ и самъ бывалъ къ ней не слишкомъ нѣженъ [197]). Іисусъ, какъ всѣ люди, преданные исключительно своей идеѣ, ни во что не ставилъ кровныя узы. Единственная связь, которую признаютъ такія натуры между людьми, это идейная связь. «Вотъ матерь моя и братья мои, — говорилъ онъ, указывая на своихъ учениковъ, — ибо кто будетъ исполнять волю отца моего небеснаго, тотъ мнѣ братъ, и сестра, и матерь». Простодушная толпа не могла понять этого, и, однажды, говорятъ, какая-то женщина, проходя мимо его, воскликнула: «блаженно чрево, носившее тебя, и сосцы, тебя питавшіе!» — «Блаженны слышащіе слово Божіе и соблюдающіе его!» [198]) — отвѣтилъ онъ на это. Скоро въ этомъ смѣломъ отрицаніи природы онъ долженъ былъ сдѣлать еще шагъ впередъ; и мы увидимъ, какъ онъ потомъ отвергнетъ все земное, узы крови, любовь, отчизну, и не оставитъ въ душѣ мѣста ничему, кромѣ идеи, представлявшейся ему въ абсолютной формѣ добра и истины.

ГЛАВА IV.

Міръ идей, въ которомъ развивался Іисусъ.

Какъ застывшая земля уже не позволяетъ вскрыть механизмъ первоначальнаго творенія вслѣдствіе того, что проникавшій ее огонь давно погасъ, точно такъ же и самыя продуманныя объясненія всегда оказываются въ чемъ-нибудь неудовлетворительны, когда дѣло идетъ о примѣненіи нашихъ скромныхъ методовъ анализа къ переворотамъ творческихъ эпохъ, опредѣлившихъ судьбы человѣчества.

Іисусъ жилъ въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда соціальная борьба ведется, такъ сказать, въ открытую, когда общественный дѣятель бросаетъ на карту ставку, увеличенную въ сто кратъ. Въ эти моменты каждый, взявшій на себя отвѣтственную роль, рискуетъ жизнью, ибо подобныя движенія предполагаютъ такой размахъ, такое отсутствіе всякой предосторожности, которыя немыслимы безъ страшнаго по силѣ противовѣса. Теперь человѣкъ рискуетъ немногимъ, но и выигрываетъ немного. Въ героическія эпохи человѣческой дѣятельности человѣкъ ставитъ на карту все и получаетъ все. Добрые и злые или, по меньшей мѣрѣ, признающіе себя и признаваемые таковыми, образуютъ два враждебные стана. Путь къ апоѳеозу идетъ черезъ эшафотъ. Сильные характеры пріобрѣтаютъ такую яркость, которая запечатлѣвается въ памяти человѣчества вѣчными типами. За исключеніемъ французской революціи, ни одинъ историческій моментъ, кромѣ эпохи, въ которую сложился Іисусъ, не былъ столь благопріятенъ для развитія скрытыхъ силъ человѣчества, оставляемыхъ имъ, обыкновенно, какъ бы въ резервѣ, и *расходуемыхъ лишь* въ дни лихорадочной *дѣятельности или опасности*.

Если бы управленіе вселенной представляло чисто спекулятивную задачу, если бы величайшій философъ былъ въ то же время человѣкомъ, наиболѣе способнымъ возвѣстить міру, во что ему надлежитъ вѣровать, то всѣ великія моральныя и догматическія заповѣди, называемыя теперь религіей, были бы плодомъ спокойнаго размышленія. Въ дѣйствительности, однако, этого не бываетъ. Великіе создатели религій, за исключеніемъ Сакіа-Муни, не были метафизиками. Самый буддизмъ, рожденный чистой мыслью, покрилъ себѣ половину Азіи исключительно въ силу политическихъ и моральныхъ причинъ. Что же касается семитическихъ религіозныхъ системъ, то онѣ менѣе всего основаны на принципахъ философіи. Моисей и Магометъ не были умозрителями, это были люди дѣла. Они покорили человѣчество, требуя отъ своихъ соотечественниковъ и современниковъ дѣйствія. Точно также и Іисусъ отнюдь не былъ теологомъ, или философомъ, обладавшимъ болѣе или менѣе разработанной системой. Чтобы сдѣлаться послѣдователемъ Іисуса, не требовалось подписываться подъ какой-либо программой или исповѣдывать какую-либо profession de foi; нужно было одно: привязаться къ нему, полюбить его. Онъ никогда не спорилъ о Богѣ, ибо онъ чувствовалъ его непосредственно въ самомъ себѣ. Подводные камни тонкостей метафизики, на которые наткнулось христіанство впервые въ III-мъ столѣтіи, отнюдь не были заложены его основателемъ. У Іисуса не было ни догматовъ, ни системы; у него была твердая личная рѣшимость, которая, будучи сильнѣе всякой иной искусственной воли, и понынѣ еще управляетъ судьбами человѣчества.

Еврейскій народъ обладалъ тѣмъ преимуществомъ, что съ вавилонскаго плѣна и до среднихъ вѣковъ былъ вѣчно въ напряженномъ состояніи. Вотъ почему всѣ выразители его національнаго духа въ теченіе этого длиннаго періода пишутъ, какъ бы находясь подъ вліяніемъ сильнѣйшаго волненія, которое заставляетъ переходить то на ту, то на другую сторону границы разума и рѣдко позволяетъ имъ идти его среднимъ путемъ. Никогда человѣкъ не ставилъ передъ собой проблемы будущаго и собственной судьбы съ такой отчаянной смѣлостью, никогда не былъ такъ склоненъ къ крайностямъ. Не отдѣляя судебъ человѣчества отъ удѣла своего крохотнаго племени, еврейскіе мыслители впервые задумались надъ вопросомъ о развитіи всего человѣческаго рода. Греція, всегда замкнутая въ самой себѣ и вся ушедшая въ распри своихъ маленькихъ го-

родовъ, создала прекрасныхъ историковъ; стоицизмъ далъ высокія заповѣди относительно обязанностей человѣка, какъ всемірнаго гражданина и члена великаго братства. Тѣмъ не менѣе, до наступленія римской эпохи мы напрасно стали бы искать въ классическихъ литературахъ всеобщей системы философіи исторіи, обнимающей все человѣчество. Еврей, напротивъ, благодаря какому-то особому, свойственному семиту, пророческому дару, позволяющему ему временами приподымать завѣсу будущаго, ввелъ исторію въ религію. Быть можетъ, этой способностью онъ отчасти обязанъ Персіи. Персъ уже съ древнѣйшихъ временъ разсматривалъ всемірную исторію, какъ рядъ эволюцій, съ особымъ пророкомъ во главѣ каждаго изъ нихъ. Каждому пророку назначенъ свой *гацаръ*, или тысячелѣтній періодъ царствованія (хиліазмъ), и изъ этого послѣдовательнаго ряда длинныхъ періодовъ—аналогичныхъ милліонамъ вѣковъ, назначенныхъ въ Индіи каждому Буддѣ,—рождается цѣпь событій, подготовляющихъ царство Ормузда. Въ концѣ временъ, когда кругъ хиліазмовъ будетъ исполненъ, придетъ, наконецъ, райское блаженство. Для человѣчества наступитъ тогда счастливая жизнь; земля превратится въ равнину; всѣ будутъ говорить на одномъ языкѣ, будетъ одинъ законъ, одно правительство. Но всему этому будутъ предшествовать страшныя катастрофы. Даякъ (персидскій сатана) разорветъ оковы, связывающія его, и обрушится на міръ. Два пророка явятся утѣшать людей и подготовлять ихъ къ великому событію [199]).—Эти идеи распространялись по всему міру и проникли даже въ Римъ, гдѣ подъ ихъ вліяніемъ былъ созданъ циклъ пророческихъ поэмъ, основною идеей которыхъ было подраздѣленіе исторіи человѣчества на періоды, послѣдовательное господство боговъ соотвѣтственно этимъ періодамъ, полное обновленіе міра, и, наконецъ, наступленіе золотого вѣка [200]). Книга Даніила, нѣкоторыя части книги Эноха и Сивиллины книги [201]) суть не что иное, какъ іудейское выраженіе той же теоріи. Разумѣется, эти мысли далеко не были общими. Сначала ихъ раздѣляли лишь немногія личности, которыя, при живой фантазіи, питали склонность къ чужеземнымъ ученіямъ. Односторонній и сухой авторъ книги Есѳири никогда не говорилъ объ остальномъ мірѣ иначе, какъ съ презрѣніемъ и недоброжелательствомъ [202]). *Разочарованный эпикуреецъ*, авторъ Экклезіаста, столь мало *думаетъ о будущемъ*, что считаетъ излишнимъ трудиться даже

для своихъ дѣтей; въ глазахъ этого эгоистическаго холостяка верхомъ мудрости является обращеніе своего капитала въ пожизненную ренту [203]). Но великія дѣла совершаются въ народѣ, обыкновенно, его меньшинствомъ. При всѣхъ своихъ огромныхъ недостаткахъ жесткости, эгоизмѣ, насмѣшливости, жестокости, узости, лукавствѣ, софизмѣ,—еврейскій народъ является, тѣмъ не менѣе, творцомъ величайшаго въ исторіи движенія, продиктованнаго безкорыстнымъ энтузіазмомъ. Славу страны всегда создаетъ оппозиція. Величайшіе люди націи зачастую именно тѣ, которыхъ она посылаетъ на эшафотъ. Сократъ прославилъ Аѳины, тогда какъ они не въ силахъ были ужиться съ нимъ. Спинозу, величайшаго изъ современныхъ евреевъ, синагога отвергла съ позоромъ. Іисусъ былъ славою Израиля и имъ же распятъ на крестѣ.

Грандіозная мечта въ теченіе многихъ вѣковъ жила въ еврейскомъ народѣ, она и обновляла его всегда въ моменты паденія. Чуждая теоріи о личномъ возмездіи, извѣстной въ Греціи подъ именемъ безсмертія души, Іудея всю силу любви и упованій сконцентрировала на своемъ національномъ будущемъ. Она вѣрила, что божественнымъ промысломъ ей уготована безграничная слава. Но горькая дѣйствительность уже съ IX-го столѣтія до Р. Х. все болѣе и болѣе сурово напоминала евреямъ, что царство міра сего еще не отошло въ вѣчность; они все яснѣе и яснѣе убѣждались въ полномъ крушеніи всѣхъ своихъ надеждъ,—и вотъ, въ отчаяніи мысль ихъ стремится сочетать самыя непримиримыя идеи, брасается въ область самыхъ экстравагантныхъ фантазій. Еще до вавилонскаго плѣненія, когда земному господству Іудеи былъ нанесенъ окончательный ударъ отдѣленіемъ отъ нея сѣверныхъ колѣнъ, родилась мечта о возстановленіи дома Давидова, о возсоединеніи обѣихъ частей народа, о грядущемъ торжествѣ теократіи и о побѣдѣ культа Іеговы надъ языческими религіями. Великій поэтъ эпохи плѣненія рисовалъ въ столь дивныхъ краскахъ великолѣпіе будущаго Іерусалима, обратившаго самые отдаленные народы и острова въ своихъ данниковъ, что можно думать, будто лучъ свѣта изъ глазъ Іисусовыхъ проникнулъ въ его душу черезъ разстояніе цѣлыхъ шести вѣковъ [204]).

Побѣда Кира казалась нѣкоторое время осуществленіемъ всѣхъ этихъ надеждъ. Степенные почитатели Авесты съ одной *стороны, и поклонники* Іеговы—съ другой возомнили себя *братьями. Персія, изгнавъ* многочисленныхъ «дэвовъ» и пре-

вративъ ихъ въ демоновъ («дивовъ»), кое-какъ выработала изъ древнихъ арійскихъ фантазій, по существу своему, натуралистическихъ, нѣчто похожее на монотеизмъ. Пророческій тонъ многихъ ученій Ирана имѣлъ больше сходство съ нѣкоторыми произведеніями Осіи и Исаіи. Подъ управленіемъ Ахеменидовъ [205]), Израиль вздохнулъ свободнѣе, а въ царствованіе Ксеркса (Ассуръ) сталъ страшенъ для самихъ иранцевъ. Но торжествующее и зачастую, насильственное вторженіе въ Азію цивилизаціи греческой и римской снова повергло его въ мечтанія. Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, онъ сталъ призывать Мессію,—судью и мстителя народовъ. Онъ жаждалъ теперь всемірнаго обновленія, переворота, который поколебалъ бы міръ въ самыхъ коренныхъ его основахъ и всколыхнулъ бы его изъ конца въ конецъ; лишь этого было достаточно еврею для утоленія той страшной жажды мести, которую постоянно разжигало въ немъ ярмо униженія и сознаніе своего превосходства [206]).

Еслибы Израилю была извѣстна, такъ называемая, спиритуалистическая доктрина, дѣлящая человѣческое существо на два начала—тѣло и душу и считающая вполнѣ естественымъ существованіе души послѣ смерти тѣла, то этотъ взрывъ ярости и энергичнаго протеста не имѣлъ бы за собой никакой raison d'être. Но это ученіе, созданное греческой философіей, не согласовалось съ традиціями еврейской мысли. Древнія еврейскія книги совершенно не упоминаютъ о возмездіи въ будущемъ. Пока существовала идея солидарности племенъ, до тѣхъ поръ, естественно, можно было не думать о строгомъ воздаяніи каждому по его личнымъ заслугамъ. Тѣмъ хуже для благочестиваго человѣка, если онъ родился въ эпоху нечестія: ему придется претерпѣть общія бѣдствія—непосредственный результатъ всеобщаго безвѣрія. Это ученіе, наслѣдіе мудрецовъ изъ школы патріарховъ, ежедневно сталкивалось съ непримиримыми противорѣчіями. Значеніе его было подорвано уже въ эпоху Іова; вспомоществовавшіе его старцы Ѳемана были отсталыми людьми, и молодой Еліуй, вмѣшавшійся въ разговоръ, послѣ первыхъ же словъ рѣшается высказать мысль, по существу своему революціонную: «Мудрость не является болѣе достояніемъ старцевъ!» [207]) Противорѣчія, внесенныя въ міръ эпохой Александра, сдѣлали принципъ семитизма и Моисеева Закона еще менѣе выносимымъ [208]). Никогда еще Израиль не былъ такъ преданъ Закону, и, тѣмъ не менѣе, онъ подвергся жестокому гоненію Антіоха. И только риторъ, привыкшій твердить избитыя фразы

лишенныя всякаго смысла, осмѣливался заявлять, что всѣ эти бѣдствія постигли націю, благодаря ея нечестію [209]). Какъ! Іегова предастъ вѣчному забвенію всѣ эти жертвы, погибшія за вѣру, этихъ героевъ Маккавеевъ, эту мать и семерыхъ ея сыновей? Онъ предоставитъ ихъ могильному тлѣну? [210]) Невѣрующій саддукей, проникнутый свѣтскимъ духомъ, возможно, не отступилъ бы передъ такимъ выводомъ; мудрецъ, вродѣ Антигона изъ Соко [211]), могъ бы проповѣдовать, что не годится быть добродѣтельнымъ, подобно рабу, разсчитывая на награду, что истинная добродѣтель безкорыстна. Но народныя массы этимъ не могли удовольствоваться. Одни, придерживаясь принципа философскаго безсмертія, представляли себѣ, что праведники живутъ въ памяти Божіей, прославляются вѣчно въ воспоминаніяхъ людей и держатъ судъ надъ тѣми, кто преслѣдовалъ ихъ въ земной жизни [212]). «Они живутъ предъ очами Бога... Они вѣдомы Богу» [213])—вотъ ихъ награда. Другіе, особенно фарисеи, искали выхода въ догмѣ воскресенія [214]). Праведники воскреснутъ и примутъ участіе въ царствѣ Мессіи. Они воскреснутъ во плоти предъ лицомъ міра, царями и судьями котораго они будутъ; они будутъ свидѣтелями торжества своихъ идей и униженія своихъ враговъ.

У древняго Израиля мы находимъ лишь смутные намеки на этотъ основной догматъ. Саддукей, не признававшій его, въ дѣйствительности, оставался вѣренъ древнему еврейскому ученію; новаторомъ же былъ фарисей, сторонникъ воскресенія изъ мертвыхъ. Но обновленіе религіи всегда совершается болѣе пылкой партіей; она идетъ впередъ, она дѣлаетъ логическіе выводы изъ существующихъ догматовъ. Идея воскресенія изъ мертвыхъ, совершенно отличная отъ идеи безсмертія души, впрочемъ, вполнѣ естественно вытекала изъ стараго ученія и была обусловлена самымъ положеніемъ націи. Быть можетъ, кое-какіе элементы ея заимствованы изъ Персіи [215]). Во всякомъ случаѣ, догматъ воскресенія, въ связи съ вѣрой въ Мессію и ученіемъ о грядущемъ обновленіи всего міра послужилъ основой для апокалиптическихъ теорій, которыя, отнюдь не являясь символомъ вѣры (правовѣрный іерусалимскій синедріонъ, повидимому, не признавалъ ихъ), покоряли себѣ всѣ умы и вызывали во всемъ іудейскомъ мірѣ чрезвычайное броженіе. То обстоятельство, что по столь основному вопросу вѣры въ одно и тоже время допускались довольно противорѣчивыя мнѣнія, объясняется лишь полнымъ отсутствіемъ догматическаго ригоризма.

то праведникъ долженъ ожидать воскресенія изъ мертвыхъ [216]), то немедленно послѣ смерти ангелы относятъ его на лоно Авраама [217]); то проповѣдуется всеобщее воскресеніе [218]), то оно оказывается удѣломъ однихъ праведниковъ [219]); то предполагается при этомъ обновленной вся земля и возрожденнымъ Іерусалимъ, то требовалась предварительно гибель всего міра.

Лишь только Іисусъ началъ мыслить, какъ сейчасъ же вступилъ въ жгучую атмосферу, созданную въ Палестинѣ броженіемъ идей, о которыхъ мы только что говорили. Эти идеи не преподавались ни въ одной школѣ, но онѣ носились въ воздухѣ, и душа юнаго реформатора уже съ ранняго возраста проникласъ ими. Свойственныя нашему времени колебанія и сомнѣнія были ему невѣдомы. Конечно, Іисусъ разъ двадцать сиживалъ на вершинѣ Назаретской горы, гдѣ ни одинъ современный человѣкъ не можетъ сидѣть, не чувствуя въ душѣ какого-то тревожнаго раздумья о своей жизни, иногда довольно таки пустой. Но Іисуса здѣсь не осаждали никакія сомнѣнія. Свободный отъ эгоизма, главнаго источника нашихъ печалей, настойчиво заставляющаго насъ искать выгоды для нашей добродѣтели по ту сторону могилы,—онъ не думалъ ни о чемъ, кромѣ своего великаго дѣла, кромѣ своего народа и всего человѣчества. Эти горы, это море, это лазурное небо, эти высокія равнины на горизонтѣ были для него не скорбнымъ призракомъ, какимъ они представляются душѣ, вопрошающей природу о своей участи, нѣтъ—для него они были опредѣленнымъ символомъ, видимымъ отраженіемъ невидимаго міра и новыхъ небесъ.

Политическимъ событіямъ своего времени онъ никогда не придавалъ большого значенія и, вѣроятно, былъ съ ними мало знакомъ. Династія Иродовъ жила въ мірѣ, настолько для него чуждомъ, что онъ, безъ сомнѣнія, зналъ ее только по имени. Иродъ Великій умеръ въ самый годъ рожденія Іисуса, оставивъ послѣ себя неизгладимую память,—монументы, которые своимъ великолѣпіемъ должны были принудить даже самое неблагосклонное къ нему потомство поставить его имя наряду съ Соломономъ, которые, тѣмъ не менѣе, остались незаконченными, и закончить которые было невозможно. Этотъ тщеславный свѣтскій человѣкъ, запутавшійся въ лабиринтѣ религіозныхъ распрей, этотъ хитрый *Идумеянинъ обладалъ* предъ толпою слѣпыхъ фанатиковъ *тѣми выгодами*, которыя даютъ хладнокровіе и умъ, не сдер-

живаемые никакимъ нравственнымъ чувствомъ. Но его мечта о земномъ царствѣ Израиля, еслибы она даже и не была анахронизмомъ при тогдашнемъ состояніи міра,—точно такъ-же, какъ и аналогичный проектъ Соломона,—разбилась бы о препятствія, лежавшія въ самомъ характерѣ націи. Его три сына были не болѣе, какъ римскими намѣстниками, въ родѣ индійскихъ раджей подъ владычествомъ англичанъ. Антипатръ или Антипа, тетрархъ Галилеи и Переи, подданнымъ котораго Іисусъ оставался всю жизнь, былъ лѣнивымъ ничтожествомъ [220]), любимцемъ и угодникомъ Тиверія, [221]) слишкомъ часто подпадавшимъ дурному вліянію своей второй жены Іродіады [222]). Филиппъ, тетрахъ Гавлонитиды и Васаны, по владѣніямъ котораго нерѣдко странствовалъ Іисусъ, былъ гораздо болѣе достойнымъ правителемъ [223]). Что касается Архелая, этнарха іерусалимскаго, то Іисусъ не могъ его знать. Ему было около десяти лѣтъ отъ роду, когда этотъ слабый, безхарактерный, а иногда свирѣпый человѣкъ былъ смѣщенъ Августомъ [224]). Такимъ образомъ, для Іерусалима исчезли послѣдніе признаки самостоятельности. Вмѣстѣ съ Самаріей и Идумеей, Іудея образовала какъ бы родъ округа сирійской провинціи, гдѣ императорскимъ легатомъ былъ сенаторъ и весьма извѣстный консулъ Публій Сульпицій Квириній [225]). Цѣлый рядъ римскихъ прокураторовъ,—Копоній, Маркъ Амбивій, Анній Руфъ, Валерій Гратъ и, наконецъ, Понтій Пилатъ (въ 26 г. нашей эры), подчиненныхъ въ важнѣйшихъ вопросахъ императорскому легату Сиріи, смѣняются здѣсь одинъ за другимъ [226]), пытаясь разрѣшить все ту же задачу: потушить вулканъ, сотрясавшійся подъ ихъ ногами.

Въ самомъ дѣлѣ, безпрестанные мятежи, возбуждаемые ревнителями моисеева закона, продолжали возмущать Іерусалимъ все это время [227]). Мятежникамъ угрожала неизбѣжная гибель; но разъ дѣло шло о незыблемости закона, смерть представлялась вожделѣнной наградой. Низвергнуть римскихъ орловъ, разрушить памятники искусства, созданные Иродами иногда съ нарушеніемъ моисеевыхъ уставовъ [228]), поднять мятежъ изъ-за выставленныхъ прокураторомъ щитовъ съ гербами, надписи на которыхъ представлялись идолопоклонническими [229])— таковы были постоянныя усилія фанатиковъ, дошедшихъ до той степени экзальтаціи, при которой жизнь теряетъ всякую цѣнность. Такъ, Іуда, сынъ Сарифея, и Матвѣй, сынъ Маргалота, два очень извѣстныхъ законоучителя, образовали пар-

тію, смѣло возставшую противъ существующаго порядка, партію, продолжавшую борьбу и послѣ ихъ казни [230]). Самаритяне были охвачены такими же волненіями [231]). Кажется, никогда еще законъ не находилъ такого множества пламенныхъ поклонниковъ, какъ въ моментъ, когда уже народился тотъ, кто явился отмѣнить его всей властью своего генія и своей могучей души. Стали появляться «зелоты» (*Канаимъ*) или «сикаріи», благочестивые убійцы, вмѣнявшіе себѣ въ обязанность умерщвлять всякаго, кто нарушалъ въ глазахъ ихъ Законъ [232]). Благодаря непреодолимой потребности этой эпохи въ сверхъестественномъ и божественномъ, пользовались общимъ довѣріемъ и представители совершенно иного духа, волхвы, на которыхъ взирали какъ на какихъ-то богоподобныхъ существъ [233]).

Несравненно большее вліяніе оказало на Іисуса движеніе, поднятое Іудой Гавлонитомъ или Галилеяниномъ. Изъ всѣхъ тягостей, возлагаемыхъ Римомъ на вновь покоренныя страны, самой непопулярной была перепись [234]). Эта мѣра, которая всегда изумляетъ народности, непривыкшія къ налогамъ, устанавливаемымъ центральной властью, была особенно ненавистна евреямъ. Уже въ царствованіе Давида мы видимъ, что перепись вызвала рѣзкія осужденія и угрозы со стороны пророковъ [235]). Въ самомъ дѣлѣ, перепись была основаніемъ налога; а налогъ, съ точки зрѣнія чистой теократіи, былъ почти богопротивнымъ дѣломъ. Богъ есть единственный господинъ, котораго человѣкъ долженъ признавать, и потому платить подать свѣтскому правителю, значитъ нѣкоторымъ образомъ ставить его на мѣсто Божіе. Совершенно чуждая идеѣ государства еврейская теократія изъ своей исходной точки дѣлала вполнѣ логичные конечные выводы, отвергая гражданское общество и какое бы то ни было правительство. Деньги въ общественныхъ кассахъ считались краденными [236]). Объявленная, въ 6 году христіанской эры, Квириніемъ перепись дала новый сильный толчекъ этимъ идеямъ и вызвала широкое волненіе. Возстаніе началось въ сѣверныхъ провинціяхъ. Нѣкто Іуда, изъ города Гамалы на восточномъ берегу Тиверіадскаго озера, и одинъ фарисей, по имени Садокъ, отвергая законность податей, создали многочисленную партію, которая вскорѣ подняла открытое возстаніе [237]). Основными *положеніями* этой *школы* провозглашалось, что свобода выше *жизни и что никого* не слѣдуетъ называть «господиномъ», ибо

это имя принадлежитъ одному только Богу. Безъ сомнѣнія, Іуда проповѣдовалъ не только это, о чемъ, однако, Іосифъ Флавій, старающійся всегда не скомпрометтировать репутацію своихъ единовѣрцевъ, намѣренно умалчиваетъ; ибо иначе непонятно, почему столь элементарная идея, даетъ ему въ глазахъ еврейскаго историка мѣсто среди философовъ его націи и почему онъ эказывается основателемъ четвертой великой школы, параллельной школамъ фарисеевъ, саддукеевъ и ессеевъ. Очевидно, Іуда былъ главою галилейской секты, исповѣдовавшей мессіанство и, въ концѣ концовъ, поднявшей политическое движеніе. Прокураторъ Копоній подавилъ возстаніе Гавлонита; но школа его уцѣлѣла и сохранила своихъ вождей. Подъ предводительствомъ Менахема, сына Іуды, и нѣкоего Елеазара, его родственника, она снова принимаетъ дѣятельное участіе въ послѣдней борьбѣ евреевъ съ римлянами [238]). Іисусъ, быть можетъ, самъ видалъ этого Іуду, столь различно съ нимъ понимавшаго еврейскую революцію; во всякомъ случаѣ, онъ былъ знакомъ съ его школой, и, быть можетъ, даже протестуя противъ его заблужденія, онъ и произнесъ свой знаменитый афоризмъ о динаріи кесаря. Мудрый Іисусъ, далекій отъ всякаго мятежа, воспользовался ошибкой своего предшественника, и мечталъ объ иномъ царствѣ, иномъ освобожденіи.

Такимъ образомъ, Галилея представляла собой какъ бы колоссальный горнъ, въ которомъ кипѣли и бурлили самые разнородные элементы [239]). Необычайное презрѣніе къ жизни, или, лучше сказать, какая-то жажда смерти была слѣдствіемъ этихъ волненій [240]). Въ эпохи великихъ фанатическихъ движеній пережитые опыты не служатъ урокомъ. Такъ, въ Алжирѣ, въ началѣ оккупаціи его французами, каждую весну появлялись новые герои фанатики, провозглашавшіе себя неуязвимыми и увѣрявшіе, что они посланы Богомъ изгнать невѣрныхъ. На слѣдующій годъ ихъ смерть уже забыта, и преемникъ ихъ снова встрѣчаетъ ту же вѣру. Весьма суровое съ одной стороны, съ другой,—еще не слишкомъ придирчивое римское господство сравнительно не особенно сильно стѣсняло свободу. Громадныя имперіи, основанныя на господствѣ грубой силы, страшныя при подавленіи сопротивленій, далеко не такъ подозрительны, какъ правительства, озабоченныя охраненіемъ какого-нибудь догмата. Онѣ даютъ полную свободу дѣйствій вплоть до того дня, пока не приз-

наютъ вмѣшательства необходимымъ. Въ теченіе всей скитальческой жизни Іисуса, мы не видимъ, чтобы онъ хоть разъ былъ остановленъ полиціей. Такая свобода и исключительное положеніе Галилеи, несравненно менѣе остальной Іудеи, связанной оковами фарисейскаго педантизма, давали этому краю несомнѣнное преимущество предъ Іерусалимомъ. Революція, или другими словами, мессіанство, бродила во всѣхъ умахъ. Со дня на день всѣ ожидали великаго обновленія. Писаніе перетолковывалось вкривь и вкось и давало пищу самымъ грандіознымъ надеждамъ. Въ каждой строчкѣ наивно-безыскусственныхъ книгъ Ветхаго Завѣта находили какое-либо обѣтованіе, даже нѣкотораго рода программу грядущаго царствія, которое должно было даровать миръ праведнымъ и навѣки запечатлѣть твореніе божіе.

Во всѣ времена это раздѣленіе на двѣ противоположныя по интересу и духу партіи было для еврейской націи залогомъ преуспѣянія въ моральной сферѣ. Всякія народъ, призванный къ высокой миссіи, представляетъ собой полный міръ, заключающій въ нѣдрахъ своихъ противуположные полюсы. Въ Греціи на разстояніи всего нѣсколькихъ миль лежали: Спарта и Аѳины, для поверхностнаго наблюдателя, два антипода,—въ дѣйствительности же—сестры-соперницы, необходимыя одна для другой. То же самое было и съ Іудеей. Развитіе сѣвера, въ извѣстномъ смыслѣ хотя и не столь блистательное, какъ іерусалимское, было, въ общемъ, такъ же плодовито; все наиболѣе жизненное, что далъ еврейскій народъ, получило начало здѣсь. Полнѣйшее отсутствіе чувства природы, связанное съ нѣкоторой сухостью, узостью и суровостью сообщило всѣмъ чисто-іерусалимскимъ начинаніямъ характеръ грандіозный, но вмѣстѣ съ тѣмъ унылый, отталкивающій и безплодный. Своими педантами, доктринерами, своими пошлыми канонистами, своими лицемѣрными и желчными ханжами Іерусалимъ не способенъ былъ завоевать человѣчество. Сѣверъ далъ міру наивную Суламиту, кроткую хананеянку, страстную Магдалину, добраго воспитателя Іосифа и Дѣву Марію. Сѣверъ одинъ создалъ Христіанство. Напротивъ, Іерусалимъ, истинная родина закоснѣлаго Іудаизма, основаннаго фарисеями, закрѣпленнаго талмудомъ, пережившаго средніе вѣка и, наконецъ, дошедшаго до насъ.

Чарующая природа способствовала образованію въ Галилеѣ *духа, гораздо менѣе* суроваго,—монотеизма, гораздо менѣе *если смѣю такъ выразиться*, терпкаго, придававшаго всѣмъ ея

мечтамъ прелестный, идиллическій отпечатокъ. Трудно представить себѣ что-нибудь угрюмѣе смежныхъ съ нею окрестностей Іерусалима. Напротивъ, Галилея, утопающая вся въ зелени, въ тѣни, радостно улыбающая,—поистинѣ страна Пѣсни пѣсней, страна пѣснопѣній Возлюбленнаго [241]). Въ мартѣ и апрѣлѣ поля представляютъ сплошной коверъ цвѣтовъ, краски которыхъ поражаютъ несравненной свѣжестью. Туземныя животныя малорослы и чрезвычайно кротки. Легкія, рѣзвыя горлицы, сизые дрозды такъ воздушны, что подъ ними не гнется даже трава, хохлатые жаворонки садятся чуть ли не у самыхъ ногъ путника, маленькія рѣчныя черепахи съ блестящими кроткими глазами, аисты съ стыдливымъ и важнымъ видомъ ничуть не пугаются человѣка и подпускаютъ его такъ близко, что, кажется, словно манятъ его за собой. Нигдѣ въ мірѣ горный пейзажъ не ласкаетъ такъ взоры, вызывая въ душѣ человѣка рой самыхъ возвышенныхъ думъ. Іисусъ, повидимому, особенно любилъ горы. Важнѣйшія событія его божественнаго поприща совершаются на горахъ; здѣсь чаще всего снисходитъ на него вдохновеніе [242]), здѣсь онъ ведетъ тайныя бесѣды съ древними пророками, здѣсь же предъ учениками совершается и его «преображеніе» [243]).

Эта прелестная страна, благодаря страшному опустошенію, произведенному Исламомъ, имѣетъ нынѣ унылый и печальный видъ, и лишь мѣстами, гдѣ человѣческая рука пощадила ее, она все еще дышетъ привольемъ, тишиною, нѣгой. Во времена Іисуса она цвѣла благосостояніемъ и весельемъ. Галилеяне отличались энергіей, мужествомъ, трудолюбіемъ [244]). За исключеніемъ одной Тиверіады, выстроенной (около 15 года) Антипой [245]) въ честь Тиверія въ римскомъ стилѣ, большихъ городовъ въ Галилеѣ не было. Тѣмъ не менѣе, страна была заселена очень густо; покрытая маленькими городками и большими деревнями, она была повсюду тщательно воздѣлана [246]). По развалинамъ, остаткамъ ея прежняго блеска, можно судить что страна эта принадлежала земледѣльческому народу, не одаренному художественнымъ чутьемъ, мало заботившемуся о роскоши, совершенно равнодушному къ красотѣ формъ и отдавшемуся исключительно идеализму. Страна изобиловала свѣжею водою и плодами; болѣе значительныя фермы утопали въ тѣни виноградниковъ и смоковницъ; сады почти сплошь состояли изъ яблонь, орѣховыхъ и гранатовыхъ деревьевъ [247]). Вино было превосходно,—если судить по вину, выдѣлываю-

щемуся нынѣ сафедскими евреями,—и пили его много [248]). Но эта привольная и легкая жизнь отнюдь не сводилась ни къ тупому матеріализму нашего крестьянина, ни къ грубому веселью Нормандіи, ни къ тяжелому шутовству фламандцевъ. Она одухотворялась эфирными мечтами, своеобразнымъ поэтическимъ мистицизмомъ, сливающимъ небо съ землею. Пусть суровый Іоаннъ Креститель проповѣдуетъ покаяніе въ іудейской пустынѣ, питаясь саранчей, живя съ шакалами,—но чего ради будутъ поститься сыны чертога брачнаго, когда съ ними женихъ? Радость — удѣлъ каждаго, вошедшаго въ царствіе Божіе. И развѣ она не дитя всѣхъ кроткихъ сердцемъ и чистыхъ помыслами?

Такимъ образомъ, вся исторія возникающаго христіанства рисуется въ видѣ какой-то прелестной идилліи. Мессія на брачномъ пиршествѣ; грѣшница и добродѣтельный мытарь Захей на его торжествахъ званые гости; основатели царства небеснаго въ видѣ свадебныхъ поѣзжанъ—вотъ, на что дерзнула Галилея, вотъ, что она допускала. Греція въ скульптурѣ и въ поэзіи оставила міру дивныя картины человѣческой жизни, но онѣ лишены всегда широкой перспективы, обширныхъ горизонтовъ. Въ Галилеѣ не было ни мрамора, ни искусныхъ художниковъ, ни изощреннаго языка, зато, галилейское народное творчество возвысилось до созданія величайшаго въ мірѣ идеала,—ибо за этой идилліей чувствуется волненіе судебъ человѣческихъ, и озаряющій ее свѣтъ есть солнце царствія Божія.

Іисусъ жилъ и созрѣвалъ въ этой упоительной средѣ. Съ дѣтства онъ почти каждый годъ отправлялся въ Іерусалимъ на праздники [249]). Такія путешествія для провинціальныхъ евреевъ были торжествомъ, полнымъ прелестей. Цѣлый рядъ псалмовъ былъ посвященъ восхваленію этихъ семейныхъ странствованій [250]), продолжавшихся нѣсколько дней; паломники пускались въ путь весною чрезъ горы, холмы и долины, находясь подъ впечатлѣніемъ благоговѣйнаго страха, внушаемаго святыми мѣстами радости общенія съ братьями [251]), предвкушая великолѣпіе Іерусалима. Путь Іисуса въ этихъ странствованіяхъ былъ тотъ же самый, что и нынѣ, то-есть черезъ Гинею и Сихемъ [252]). Отъ Сихема до Іерусалима дорога труднѣе, но бодрость духа поддерживается въ путникѣ мыслью о сосѣдствѣ древнихъ святилищъ: Силоамской купели и Веѳиля, мимо которыхъ лежитъ его путь. *Послѣдній этапъ* [253]) *Аинъ-эль-Гараміе*, уголокъ, навѣвающій *на душу грусть* и вмѣстѣ съ тѣмъ полный очарованія,

ни съ чѣмъ нельзя сравнить впечатлѣнія, которое испытываетъ здѣсь путникъ, располагаясь на ночлегъ. Долина узка и мрачна; черная вода течетъ изъ скалъ съ высѣченными въ нихъ гробницами. Я думаю, что это-та самыя «долина плача» или сочащихся водъ, которая воспѣта, какъ перепутье, въ чудномъ 83-мъ псалмѣ [254]), и которую впослѣдствіи обратилъ въ эмблему жизни нѣжный, печальный мистицизмъ среднихъ вѣковъ. На другой день, рано утромъ, путники будутъ въ Іерусалимѣ. Это ожиданіе еще и теперь ободряетъ караванъ. Короткій вечеръ уже миновалъ, и легкій сонъ смежилъ очи усталыхъ паломниковъ.

Эти путешествія, которыя способствовали обмѣну идей всей націи и которыя ежегодно превращали столицу въ очагъ сильнѣйшаго возбужденія, приводили Іисуса въ соприкосновеніе съ душею его народа, и, безъ сомнѣнія, уже довольно рано внушили ему сильнѣйшее отвращеніе къ тѣмъ порокамъ, которыми отличались оффиціальные представители іудаизма. Иные утверждаютъ, что пустыня была для него второй школой и что будто бы иногда онъ долго [255]) проживалъ въ ней. Но Богъ, котораго онъ находилъ здѣсь, былъ не его Богъ. Это былъ скорѣе всего Богъ Іова, суровый и грозный, не вѣдающій ни для кого прощенія. Порою сатана пытался здѣсь искушать его. Тогда онъ возвращался въ свою милую Галилею, и здѣсь среди зеленѣющихъ горъ и свѣтлыхъ источниковъ, среди хороводовъ дѣтей и женщинъ, которыя съ веселіемъ въ душѣ, съ ангельскими пѣснями въ сердцѣ, ждали спасенія Израиля, находилъ своего отца небеснаго, полнаго любви и милости.

ГЛАВА V.

Первыя реченія Іисуса. — Его идеи о Богѣ-отцѣ и истинной религіи.—Первые ученики.

Іосифъ умеръ, когда сынъ его еще не игралъ никакой общественной роли. Марія осталась, такимъ образомъ, главою семьи, и этимъ-то объясняется, почему Іисуса называли «сыномъ Маріи» [256]), въ отличіе отъ многихъ другихъ, носившихъ то же имя. Есть основаніе думать, что по смерти мужа, ничѣмъ не связанная болѣе съ Назаретомъ, она переселилась въ Кану [257]), уроженкой которой, вѣроятно, и была. Кана [258]) маленькій городокъ въ двухъ или двухъ съ половиной часахъ пути отъ Назарета, у подошвы горъ, прорѣзывающихъ съ сѣвера равнину Азохисъ [259]). Видъ этой равнины, пересѣкаемой чрезвычайно живописно Назаретскими горами и Сефорійскими холмами, менѣе величественъ, чѣмъ видъ Назарета. Въ этомъ мѣстечкѣ Іисусъ, повидимому, провелъ нѣкоторое время. Здѣсь, вѣроятно, прошла часть его молодости и тутъ имѣли мѣсто первыя его выступленія [260]).

Онъ занимался ремесломъ своего отца, который былъ плотникомъ [261]). Это не считалось унизительнымъ для того времени. Еврейскій обычай требовалъ, чтобы человѣкъ, посвятившій себя умственному труду, изучилъ какое-нибудь ремесло. Самые знаменитые ученые были ремесленники [262]); такъ, Павелъ, получившій столь блестящее образованіе, дѣлалъ палатки и ковры [263]). Іисусъ не былъ женатъ. Вся сила его любви устремлялась на то, что онъ считалъ своимъ высшимъ призваніемъ. Чрезвычайно нѣжное чувство, которое замѣтно въ немъ по отношенію къ женщинамъ [264]), нисколько не отдѣлялось въ немъ отъ безграничнаго самоотверженія, съ которы

онъ относился къ своей идеѣ. Такъ же, какъ и Францискъ Ассизскій и Францискъ Сальскій, онъ относился, какъ къ сестрамъ, къ женщинамъ, которыя горѣли пламенемъ той же идеи, что и онъ; онъ имѣлъ и свою св. Клару, и свою Франсуазу Шанталь. Вѣроятно только, что онѣ любили больше его, чѣмъ дѣло; онъ былъ, несомнѣнно, сильнѣе любимъ, чѣмъ любилъ самъ. Какъ часто бываетъ съ натурами возвышенными, сердечная нѣжность обратилась у него въ безграничную мягкость, въ неопредѣленную поэтичность, въ всеобщую обаятельность. Его близкія и свободныя отношенія, чисто-нравственнаго характера, къ женщинамъ двусмысленнаго поведенія, объясняются также той страстной преданностью его славѣ Отца, которая внушала ему своеобразное влеченіе ко всѣмъ прекраснымъ созданіямъ, которыя могутъ служить ей [265]).

Какова была эволюція мысли Іисуса въ теченіе этого малоизвѣстнаго періода его жизни? Съ какими взглядами вступилъ онъ на поприще пророка? Все это покрыто мракомъ неизвѣстности, ибо исторія его жизни дошла до насъ въ видѣ отрывочныхъ свѣдѣній, лишенныхъ точныхъ хронологическихъ данныхъ. Но ходъ развитія живыхъ существъ—вездѣ одинъ и тотъ же, и нѣтъ сомнѣнія, что ростъ столь крупной личности, какой былъ Іисусъ, былъ вполнѣ подчиненъ дѣйствію строгихъ законовъ. Возвышенное понятіе о Божествѣ, которымъ онъ не былъ обязанъ іудаизму и которое было, повидимому, твореніемъ его великой души, было въ нѣкоторомъ родѣ основой всего его существа. Здѣсь болѣе всего надлежитъ отрѣшиться отъ привычныхъ намъ идей и отъ тѣхъ споровъ, въ которыхъ изощряются мелкіе умы. Чтобы хорошо понять своеобразный характеръ благочестія Іисуса, надо отрѣшиться отъ всего, что легло между евангеліемъ и нами. Деизмъ и пантеизмъ стали двумя полюсами богословія. Жалкіе споры схоластики, умственная сухость Декарта, глубокая иррелигіозность XVIII в., умаливъ величіе бога и опредѣливъ его путемъ исключенія того, что не есть богъ, задушили въ нѣдрахъ современнаго раціонализма всякое живое сознаніе божества. Если, въ самомъ дѣлѣ, богъ есть опредѣленное существо, внѣ насъ лежащее, то тотъ, кто вѣритъ, что онъ стоитъ въ особыхъ сношеніяхъ съ богомъ, есть «духовидецъ»; и такъ какъ знанія, физическія и физіологическія, показали намъ, что всякое сверхъестественное видѣніе есть иллюзія,—деистъ, мало-мальски послѣдовательный, приходитъ къ невозможности понять великія

вѣроученія прошлаго. Съ другой стороны, и пантеизмъ, не признающій божество личнымъ, также далекъ отъ живого бога древнихъ религій. Люди, наиболѣе возвышенно понимавшіе бога, Сакіа-Муни, Платонъ, св. Павелъ, св. Францискъ Ассизскій, св. Августинъ,—были ли они деистами или пантеистами въ иные моменты своей преходящей жизни? Такой вопросъ лишенъ смысла. Физическія и метафизическія доказательства существованія бога эти великіе люди оставили бы безъ всякаго вниманія. Они ощущали божество въ себѣ самихъ.— Въ первомъ ряду этой великой семьи истинныхъ сыновъ божіихъ слѣдуетъ отвести мѣсто Іисусу. Іисусъ не имѣетъ видѣній; богъ не говоритъ съ нимъ, какъ съ существомъ, стоящимъ внѣ его; богъ въ немъ; онъ чувствуетъ въ себѣ бога и извлекаетъ изъ своего сердца то, что оно говоритъ ему объ Отцѣ. Онъ живетъ на лонѣ бога, въ ежеминутномъ общеніи съ нимъ. Онъ не видитъ его, но слышитъ, не нуждаясь для этого ни въ громѣ, ни въ пылающей купинѣ, какъ Моисей, ни въ бурѣ-провозвѣстникѣ, какъ Іовъ, ни въ оракулѣ, какъ древніе греческіе мудрецы, ни въ домашнемъ геніи, какъ Сократъ, ни въ архангелѣ Гавріилѣ, какъ Магометъ. У него нѣтъ фантазій и галлюцинацій, какія были, напр., у св. Терезы. Экстатическое состояніе «суфи», объявляющаго себя равнымъ Богу, есть тоже нѣчто совершенно иное. Іисусъ ни на одну минуту не провозглашаетъ святотатственной идеи, что онъ— богъ. Онъ думаетъ, что стоитъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ богомъ, онъ считаетъ себя сыномъ божіимъ. Высшее познаніе бога, существовавшее когда бы то ни было въ человѣчествѣ, принадлежало Іисусу.

Съ другой стороны понятно, что исходя изъ такихъ духовныхъ наклонностей, Іисусъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть умозрительнымъ философомъ вродѣ Сакіа-Муни. Нѣтъ ничего, болѣе далекаго отъ схоластическаго богословія, какъ Евангеліе [266]). Умозрѣнія греческихъ учителей выросли совсѣмъ на иной духовной почвѣ. Богъ, познаваемый непосредственно, какъ Отецъ,—вотъ все богословіе Іисуса. И это не было у него теоретическимъ принципомъ, доктриной, которую онъ старался внушить другимъ. Онъ не приводилъ своимъ ученикамъ никакого обоснованія своего ученія [267]) и не требовалъ отъ нихъ никакого напряженія вниманія. Онъ не проповѣдовалъ *своихъ убѣжденій*, а проповѣдовалъ самого себя. Часто *люди великой и безкорыстной* души отличаются этимъ не-

прерывнымъ вниманіемъ къ самимъ себѣ и крайней воспріимчивостью, свойственной въ общемъ женщинамъ [268]).

Ихъ убѣжденіе, что Богъ въ нихъ и занятъ постоянно ими, такъ сильно, что они нисколько не задумываются оказывать давленіе на волю другихъ: имъ неизвѣстны наша осторожность, наше уваженіе къ чужому мнѣнію,—черты, которыя отчасти и являются нашимъ безсиліемъ. Этотъ возвышенный индивидуализмъ не есть эгоизмъ; ибо такіе люди, движимые идеей, отдаютъ свою великую жизнь, чтобы ею закрѣпить свое дѣло. Это—доведенное до послѣдняго предѣла отождествленіе своего «я» съ предметомъ, который оно себѣ избрало. Это—гордость въ глазахъ тѣхъ, кто смотритъ на новое ученіе, лишь какъ на продуктъ личной фантазіи, но это перстъ Божій для тѣхъ, кто видитъ результаты. Здѣсь граница между безумнымъ и вдохновленнымъ, но безумный никогда не имѣетъ успѣха. Не бывало случаевъ, чтобы помѣшательство оказывало серьезное дѣйствіе на ходъ жизни человѣчества.

Конечно, не сразу пришелъ Іисусъ къ этому высшему самоутвержденію. Но, вѣроятно, что отношенія его къ Богу съ первыхъ же шаговъ представлялись ему отношеніями сына къ отцу. Въ этомъ величайшая его оригинальность; въ этомъ онъ нисколько не принадлежитъ своей расѣ [269]). Ни іудей, ни мусульманинъ не понимали этой прекрасной теологіи любви. Богъ Іисуса, это—не господинъ, одаренный силою рока, который убиваетъ насъ, осуждаетъ на вѣчныя муки или спасаетъ по своему произволу. Богъ Іисусъ—нашъ Отецъ. Его услышишь, внемля легкому дуновенію, которое взываетъ въ насъ: «Авва, Отче»! [270]) Богъ Іисуса—не пристрастный деспотъ, избравшій Израиля своимъ народомъ и покровительствующій ему противъ и вопреки всѣмъ. Это—Богъ человѣчества. Іисусъ не могъ быть патріотомъ, какъ Маккавеи, или теократомъ, какъ Іуда Гавлонитъ. Смѣло поднявшись надъ предразсудками своего народа, онъ утвердилъ всеобщую отчизну по богу. Гавлонитъ говорилъ, что лучше умереть, чѣмъ называть «господиномъ» кого-либо, кромѣ Бога; Христосъ предоставляетъ это имя всякому, кто захочетъ имъ воспользоваться: для Бога же онъ оставляетъ болѣе благостное имя. Охотно воздавая внѣшнее почтеніе, полное ироніи, сильнымъ міра сего, которые для него—*лишь* представители силы, онъ создаетъ высшее утѣшеніе, при-*бѣжище къ Отцу, которое* всякій имѣетъ на небѣ, истинное *царство Божіе, которое* каждый носитъ въ своемъ сердцѣ. На-

званіе «царства божьяго» или «царства небеснаго» [271]) было любимымъ выраженіемъ Іисуса для обозначенія той революціи, которую онъ приноситъ въ міръ [272]). Какъ и всѣ почти мессіанскіе термины, это выраженіе заимствовано изъ книги Даніила. По словамъ автора этой удивительной книги, вслѣдъ за четырьмя нечестивыми царствами, обреченными на гибель, придетъ пятое, вѣчное царство «святыхъ» [273]). Это «царство божіе на землѣ», естественно, подало поводъ къ самымъ различнымъ толкованіямъ. Для многихъ это было царство Мессіи или новаго Давида [274]); съ точки зрѣнія іудейскаго богословія «царство божіе»—не что иное, какъ самъ іудаизмъ, истинная религія, монотеистическій культъ, благочестіе [275]). Въ послѣдніе дни своей жизни самъ Іисусъ, повидимому, думалъ, что царство это должно осуществиться матеріально путемъ внезапнаго обновленія міра. Но, безъ сомнѣнія, не такова была его первоначальная мысль [276]). Достойная удивленія мораль, которую онъ черпаетъ изъ познанія Бога-Отца, не есть мораль энтузіастовъ, которые думаютъ, что міръ близокъ къ концу, и, отдаваясь аскетизму, готовятся къ химерической катастрофѣ: это мораль міра, который хочетъ жить и живетъ. «Царство Божіе среди васъ», говорилъ онъ тѣмъ, кто усердно старался найти признаки его будущаго пришествія [277]). Реальное пониманіе божественнаго пришествія было лишь облачкомъ, случайно недолговременной ошибкой, которую смерть заставила забыть. Іисусъ, создавшій истинное царство божіе, царство смиренныхъ и кроткихъ,—таковъ Іисусъ первыхъ свѣтлыхъ, ничѣмъ не омраченныхъ дней его жизни [278]), когда голосъ Отца его находилъ себѣ чистѣйшій отзвукъ въ груди его. Было такихъ нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ, годъ, когда Богъ дѣйствительно сошелъ на землю. Голосъ молодого плотника зазвучалъ вдругъ съ необычайной прелестью. Безграничная обаятельность исходила изъ всего его существа, и тѣ, кто видалъ его раньше, не узнавали его теперь [279]). У него не было еще учениковъ, и группа, его окружавшая, не представляла ни секты, ни школы; но здѣсь чувствовался уже общій духъ, нѣчто проникновенное и обаятельное. Его привѣтливый характеръ и, вѣроятно, обольстительная наружность [280]), какая иногда встрѣчалась въ еврейской расѣ, создавали вокругъ него какой-то очаровательный кругъ, волшебной силы котораго не могъ преодолѣть почти никто изъ среды этихъ добродушныхъ и наивныхъ племенъ.

И рай дѣйствительно сошелъ бы на землю, если бы идеи

молодого учителя не слишкомъ превзошли тотъ уровень посредственной добродѣтели, выше котораго не могъ до сихъ поръ подняться родъ человѣческій. Братство людей, сыновъ божіихъ, и проистекающія отсюда моральныя послѣдствія были выведены съ необычайно тонкимъ чутьемъ. Какъ и всѣ раввины того времени, Іисусъ, мало склонный къ послѣдовательнымъ разсужденіямъ, облекалъ свое ученіе въ форму краткихъ, выразительныхъ, иногда загадочныхъ и причудливыхъ афоризмовъ[281]). Нѣкоторыя изъ этихъ правилъ заимствованы изъ книгъ Ветхаго Завѣта. Другія принадлежали новѣйшимъ ученымъ, особенно Антигону изъ Соко, Іисусу—сыну Сирахову и Гиллелю; послѣднія дошли до Іисуса не вслѣдствіе его ученыхъ изысканій, но какъ часто повторяемыя пословицы. Синагога была богата правилами, чрезвычайно удачно формулированными и составлявшими своего рода ходячую литературу пословицъ[282]). Іисусъ усвоилъ себѣ почти все это устное ученіе, вдохнувъ въ него, однако, новый высшій смыслъ[283]). Ставя требованія выше обычныхъ правилъ, опредѣленныхъ закономъ и древними, онъ стремился къ совершенству. Въ этомъ первомъ ученіи заключались въ зародышѣ всѣ добродѣтели, которыя можно, по справедливости, назвать христіанскими лишь въ томъ смыслѣ, что онѣ дѣйствительно проповѣдовались Христомъ: и кротость, и всепрощеніе, и милосердіе, и самоотреченіе, и самоуничиженіе. Что касается справедливости, то онъ ограничился повтореніемъ уже извѣстной аксіомы: «Итакъ, во всемъ какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними»[284]). Но эта старая мудрость, еще въ достаточной степени эгоистическая, не удовлетворяла его. Онъ доходилъ до крайности:

«Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую; и кто захочетъ судиться съ тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду»[285]).

«Если же правый глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя»[286]).

«Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ»[287]).

«Не судите, да не судимы будете[288]). Прощайте и прощены будете[289]). Будьте милосерды, какъ и Отецъ вашъ милосердъ[290]). *Блаженнѣе* давать, нежели принимать[291]).

Кто возвышаетъ себя, тотъ униженъ будетъ, а кто *унижаетъ себя, тотъ возвысится*»[292]).

Что касается милостыни, благочестія, добрыхъ дѣлъ, кротости, миролюбія, полнаго безкорыстія сердечнаго, то Іисусу немного пришлось прибавить къ ученію синагоги [293]). Но онъ придалъ его содержанію столько умилительной, благодатной силы, что афоризмы, давно извѣстные, сдѣлались какъ бы новыми. Мораль не исчерпывается принципами, болѣе или менѣе удачно выраженными. Поэзія поученія, внушающая преданность ему, есть нѣчто большее, чѣмъ самое ученіе, взятое въ видѣ отвлеченной истины. И потому невозможно отрицать, что тѣ же правила имѣютъ иную силу въ Евангеліи, чѣмъ въ древнемъ Законѣ, въ Пиркэ Абботъ или въ Талмудѣ. Не древній Законъ, не Талмудъ покорили и измѣнили міръ. Мораль Евангелія, мало оригинальная сама по себѣ въ томъ смыслѣ, что всю ее, почти цѣликомъ, можно было бы сложить изъ правилъ, болѣе древнихъ по своему просхожденію, тѣмъ не менѣе, остается высшимъ твореніемъ человѣческаго духа, прекраснѣйшимъ изъ кодексовъ совершенной истины, начертанныхъ когда-либо моралистами.

Іисусъ никогда не говорилъ противъ закона Мисеева, но чувствуется ясно, что онъ считаетъ его недостаточнымъ, и это обнаруживается изъ его собственныхъ словъ. Онъ непрестанно повторялъ, что должно дѣлать больше, чѣмъ говорили древніе ученые. [294]) Онъ запрещалъ малѣйшую грубость, [295]) онъ не допускалъ развода [296]) и клятвъ, [297]) осуждалъ месть, [298]) хулилъ ростовщичество [299]) и находилъ сладострастное вожделѣніе равно преступнымъ, какъ и прелюбодѣяніе [300]). Онъ требовалъ всеобщаго прощенія обидъ [301]). Мысль, на которой онъ основывалъ эти правила высшей нравственности, была всегда одна и та же: «... Да будете сынами Отца вашего небеснаго, ибо онъ повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми... Ибо если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари? И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники? Итакъ, будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ небесный» [302]).

Чистое почитаніе, религія безъ жрецовъ и безъ внѣшнихъ обрядностей, основанная всецѣло на чистомъ сердцѣ, на подражаніи [303]), на непосредственномъ общеніи совѣсти съ Отцомъ небеснымъ,—таковы слѣдствія этихъ правилъ. Іисусъ никогда *не отступалъ передъ* этимъ смѣлымъ выводомъ, дѣлавшимъ его *истиннымъ революціонеромъ* въ лонѣ іудаизма. Къ чему

это имя принадлежитъ одному только Богу. Безъ сомнѣнія, Іуда проповѣдовалъ не только это, о чемъ, однако, Іосифъ Флавій, старающійся всегда не скомпрометтировать репутацію своихъ единовѣрцевъ, намѣренно умалчиваетъ; ибо иначе непонятно, почему столь элементарная идея даетъ ему въ глазахъ еврейскаго историка мѣсто среди философовъ его націи и почему онъ эказывается основателемъ четвертой великой школы, параллельной школамъ фарисеевъ, саддукеевъ и ессеевъ. Очевидно, Іуда былъ главою галилейской секты, исповѣдовавшей мессіанство и, въ концѣ концовъ, поднявшей политическое движеніе. Прокураторъ Копоній подавилъ возстаніе Гавлонита; но школа его уцѣлѣла и сохранила своихъ вождей. Подъ предводительствомъ Менахема, сына Іуды, и нѣкоего Елеазара, его родственника, она снова принимаетъ дѣятельное участіе въ послѣдней борьбѣ евреевъ съ римлянами[238]). Іисусъ, быть можетъ, самъ видалъ этого Іуду, столь различно съ нимъ понимавшаго еврейскую революцію; во всякомъ случаѣ, онъ былъ знакомъ съ его школой, и, быть можетъ, даже протестуя противъ его заблужденія, онъ и произнесъ свой знаменитый афоризмъ о динаріи кесаря. Мудрый Іисусъ, далекій отъ всякаго мятежа, воспользовался ошибкой своего предшественника, и мечталъ объ иномъ царствѣ, иномъ освобожденіи.

Такимъ образомъ, Галилея представляла собой какъ бы колоссальный горнъ, въ которомъ кипѣли и бурлили самые разнородные элементы[239]). Необычайное презрѣніе къ жизни, или, лучше сказать, какая-то жажда смерти была слѣдствіемъ этихъ волненій[240]). Въ эпохи великихъ фанатическихъ движеній пережитые опыты не служатъ урокомъ. Такъ, въ Алжирѣ, въ началѣ оккупаціи его французами, каждую весну появлялись новые герои фанатики, провозглашавшіе себя неуязвимыми и увѣрявшіе, что они посланы Богомъ изгнать невѣрныхъ. На слѣдующій годъ ихъ смерть уже забыта, и преемникъ ихъ снова встрѣчаетъ ту же вѣру. Весьма суровое съ одной стороны, съ другой,—еще не слишкомъ придирчивое римское господство сравнительно не особенно сильно стѣсняло свободу. Громадныя имперіи, основанныя на господствѣ грубой силы, страшныя при подавленіи сопротивленій, далеко не такъ подозрительны, какъ правительства, озабоченныя охраненіемъ какого-нибудь догмата. Онѣ даютъ полную свободу дѣйствій вплоть до того дня, пока не приз-

наютъ вмѣшательства необходимымъ. Въ теченіе всей скитальческой жизни Іисуса, мы не видимъ, чтобы онъ хоть разъ былъ остановленъ полиціей. Такая свобода и исключительное положеніе Галилеи, несравненно менѣе остальной Іудеи, связанной оковами фарисейскаго педантизма, давали этому краю несомнѣнное преимущество предъ Іерусалимомъ. Революція, или другими словами, мессіанство, бродила во всѣхъ умахъ. Со дня на день всѣ ожидали великаго обновленія. Писаніе перетолковывалось вкривь и вкось и давало пищу самымъ грандіознымъ надеждамъ. Въ каждой строчкѣ наивно-безыскусственыхъ книгъ Ветхаго Завѣта находили какое-либо обѣтованіе, даже нѣкотораго рода программу грядущаго царствія, которое должно было даровать миръ праведнымъ и навѣки запечатлѣть твореніе божіе.

Во всѣ времена это раздѣленіе на двѣ противоположныя по интересу и духу партіи было для еврейской націи залогомъ преуспѣянія въ моральной сферѣ. Всякія народъ, призванный къ высокой миссіи, представляетъ собой полный міръ, заключающій въ нѣдрахъ своихъ противуположные полюсы. Въ Греціи на разстояніи всего нѣсколькихъ миль лежали: Спарта и Аѳины, для поверхностнаго наблюдателя, два антипода,—въ дѣйствительности же—сестры-соперницы, необходимыя одна для другой. То же самое было и съ Іудеей. Развитіе сѣвера, въ извѣстномъ смыслѣ хотя и не столь блистательное, какъ іерусалимское, было, въ общемъ, такъ же плодовито; все наиболѣе жизненное, что далъ еврейскій народъ, получило начало здѣсь. Полнѣйшее отсутствіе чувства природы, связанное съ нѣкоторой сухостью, узостью и суровостью сообщило всѣмъ чисто-іерусалимскимъ начинаніямъ характеръ грандіозный, но вмѣстѣ съ тѣмъ унылый, отталкивающій и безплодный. Своими педантами, доктринерами, своими пошлыми канонистами, своими лицемѣрными и желчными ханжами Іерусалимъ не способенъ былъ завоевать человѣчество. Сѣверъ далъ міру наивную Суламиту, кроткую хананеянку, страстную Магдалину, добраго воспитателя Іосифа и Дѣву Марію. Сѣверъ одинъ создалъ Христіанство. Напротивъ, Іерусалимъ, истинная родина закоснѣлаго іудаизма, основаннаго фарисеями, закрѣпленнаго талмудомъ, пережившаго средніе вѣка и, наконецъ, дошедшаго до насъ.

Чарующая природа способствовала образованію въ Галилеѣ *духа, гораздо менѣе* суроваго,—монотеизма, гораздо менѣе *если смѣю такъ выразиться*, терпкаго, придававшаго всѣмъ ея

Такое пониманіе природы давало ему ежеминутно необходимую для рѣчи выразительность образовъ. Афоризмы его иной разъ поражаютъ замѣчательной мѣткостью,—тѣмъ, что называютъ у насъ остроуміемъ; въ другихъ случаяхъ, удачное примѣненіе ходячихъ пословицъ придаетъ его рѣчи необычайную живость. «Какъ скажешь брату твоему: дай я выну сучекъ изъ глаза твоего; а вотъ въ твоемъ глазѣ бревно? Лицемѣръ, вынь прежде бревно изъ твоего глаза и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего» [320]).

Эти поученія, долго таившіяся въ душѣ молодого учителя, собрали теперь вокругъ него нѣсколькихъ послѣдователей. Образованіе небольшихъ церквей было въ духѣ того времени: это былъ вѣкъ ессеевъ и терапевтовъ. То тутъ, то тамъ появлялись равви, создававшіе каждый свое ученіе: Шемайя, Авталіонъ, Гиллель, Шаммаи, Іуда Гавлонитъ, Гамаліилъ и мног. другіе, поученія которыхъ наполняютъ Талмудъ [321]). Писалось, собственно, очень мало: еврейскіе ученые того времени не составляли книгъ: все излагалось въ устныхъ бесѣдахъ и публичныхъ поученіяхъ, которымъ старались придать легкую для усвоенія форму [322]). Такимъ образомъ, не былъ вовсе исключительнымъ событіемъ тотъ день, когда молодой плотникъ изъ Назарета впервые формулировалъ передъ толпой свои правила, въ большинствѣ уже извѣстныя, и которымъ, однако, суждено было призвать міръ къ возрожденію. Стало просто больше однимъ учителемъ (правда, это былъ самый обаятельный изъ нихъ), и вокругъ него сгруппировалось нѣсколько молодыхъ людей, жаждавшихъ слушать его и стремившихся къ невѣдомому. Для того, чтобы преодолѣть равнодушіе людей и приковать къ себѣ ихъ вниманіе, нужно время. Въ эту пору еще не было христіанъ; но истинный христіанизмъ уже родился въ свѣтъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, никогда онъ не былъ такъ чистъ, какъ въ этотъ именно первый моментъ своей жизни, и ничего болѣе прочнаго уже не могъ къ нему прибавить Іисусъ. И больше того: впослѣдствіи онъ исказилъ его, ибо всякая идея, для своего успѣха въ мірѣ, должна поступиться чѣмъ-либо: изъ жизненной борьбы не выходятъ безъ пятенъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мало постичь добро: надо проложить ему успѣшную дорогу въ средѣ людей, и тутъ оказываются необходимыми менѣе безупречные пути. Разумѣется, если бы Евангеліе состояло лишь изъ нѣсколькихъ главъ Матѳея и

Луки, совершенство его было бы полнѣе, и оно не подавало бы нынѣ поводовъ къ столькимъ упрекамъ; но безъ чудесъ, о которыхъ повѣствуется въ немъ, завоевало ли бы оно міръ? Если бы Іисусъ умеръ въ тотъ моментъ, до котораго мы дошли теперь въ описаніи его жизни, то мы, конечно, не имѣли бы въ ней страницы, оскорбляющей насъ; но болѣе великій въ глазахъ Бога, онъ остался бы неизвѣстнымъ людямъ; онъ затерялся бы въ толпѣ другихъ неизвѣстныхъ великихъ людей, лучшихъ въ человѣчествѣ, и истина не прошла бы по свѣту, и міръ не получилъ бы пользы отъ неизмѣримаго нравственнаго превосходства Іисуса, которымъ надѣлилъ его Отецъ. Іисусъ, сынъ Сираховъ, и Гиллель еще ранѣе провозгласили истины, почти столь же возвышенныя. И, однако, Гиллеля никогда не признаютъ истиннымъ основателемъ христіанства. Въ морали, какъ въ искусствѣ, слова ничего не значатъ, дѣло— все. Идея, заключающаяся въ картинѣ Рафаэля, сама по себѣ малаго стоитъ: все дѣло въ картинѣ. То же въ морали: истина становится нѣсколько цѣнной лишь тогда, когда она выходитъ изъ области чувства; во всей же своей цѣнности она выступаетъ только съ момента своего осуществленія въ мірѣ въ реальный фактъ. Бывало, что люди средняго нравственнаго уровня высказывали очень свѣтлыя истины. Съ другой стороны, нерѣдко люди высоко-добродѣтельные ничего не дѣлали для того, чтобы продолжить въ мірѣ традицію истины. Слава принадлежитъ тому, кто былъ силенъ и на словахъ и на дѣлѣ, кто постигъ благо и цѣной крови своей завоевалъ ему торжество въ людяхъ. Іисусъ съ этихъ обѣихъ точекъ зрѣнія не имѣетъ равнаго себѣ; и слава его не увядаетъ и пройдетъ даль вѣковъ, постоянно обновляясь.

ГЛАВА VI.

Іоаннъ Креститель.—Путешествіе Іисуса къ Іоанну и его пребываніе въ Іудейской пустынѣ.—Онъ принимаетъ крещеніе отъ Іоанна.

Около этого времени появился необыкновенный человѣкъ, роль котораго за недостаткомъ документовъ остается для насъ частью загадочной, но, несомнѣнно, что онъ находился въ сношеніяхъ съ Іисусомъ. Эти отношенія заставили молодого пророка изъ Назарета отклониться по нѣкоторымъ вопросамъ отъ своего пути, но они же дали ему нѣкоторыя детали его будущихъ религіозныхъ учрежденій и, во всякомъ случаѣ, доставили его ученикамъ очень сильный авторитетъ въ глазахъ извѣстнаго класса еврейскаго общества.

Около 28 г. нашей эры (15-й годъ царств. Тиверія) по всей Палестинѣ распространилась вѣсть объ извѣстномъ Іохананѣ или Іоаннѣ, молодомъ аскетѣ, полномъ восторга и страсти. Іоаннъ принадлежалъ къ священническому роду [323]) и родился, кажется, въ Іуттѣ, близъ Хеврона, или въ самомъ Хевронѣ [324]). Хевронъ, городъ патріархальный по преимуществу, расположенный въ двухъ шагахъ отъ іудейской пустыни и въ нѣсколькихъ часахъ ходьбы отъ большой Аравійской пустыни, въ ту эпоху былъ тѣмъ, чѣмъ является еще и теперь: однимъ изъ оплотовъ семитическаго духа, въ его самой строгой формѣ. Съ дѣтства Іоаннъ былъ nazir'омъ, т. е. далъ обѣтъ воздержанія [325]). Пустыня, которой онъ былъ, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ окруженъ, привлекала его прежде всего [326]). Онъ велъ тамъ жизнь индійскаго йоги, одѣтый въ шкуры или матерію изъ верблюжьей шерсти, питаясь акридами и дикимъ *медомъ* [327]) *У него было* нѣсколько учениковъ, раздѣлявшихъ

его жизнь и внимавшихъ его суровой проповѣди. Можно было подумать, что находишься на берегахъ Ганга, если бы нѣкоторыя своеобразныя черты не обнаруживали въ этомъ пустынникѣ послѣдняго потомка великихъ пророковъ Израиля.

Съ тѣхъ поръ, какъ еврейскимъ народомъ овладѣлъ особый родъ отчаянія, выражавшійся въ размышленіяхъ о своемъ мистическомъ призваніи, воображеніе народа съ особенной радостью переносилось къ древнимъ пророкамъ. Однако, изъ всѣхъ пророковъ прошлаго, память о которыхъ, подобно сну тревожной ночи, пробуждала и волновала народъ, самымъ великимъ былъ Илія. Этотъ гигантъ среди пророковъ въ своемъ суровомъ одиночествѣ на Кармельской горѣ проводилъ жизнь среди дикихъ животныхъ и жилъ въ пещерахъ среди скалъ, откуда, подобно молніи, онъ появлялся, чтобы возводить и низлагать царей; благодаря послѣдовательнымъ превращеніямъ, онъ сдѣлался какимъ-то сверхъчеловѣческимъ существомъ, то видимымъ, то невидимымъ, не знавшимъ смерти. Думали, что Илія явится снова на землю и возстановитъ Израиль [328]). Жизнь пустынника, которую велъ Илія, грозныя воспоминанія, которыя онъ по себѣ оставилъ и подъ впечатлѣніемъ которыхъ Востокъ живетъ еще и теперь [329]), этотъ мрачный образъ, который и въ настоящее время поражаетъ и заставляетъ трепетать,—вся эта миѳологія, полная лести и ужасовъ, сильно дѣйствовала на умы и до нѣкоторой степени отмѣчала своимъ вліяніемъ всѣ порожденія народной фантазіи. Всякій, кто хотѣлъ пріобрѣсти сильное вліяніе на народъ, долженъ былъ подражать Иліи, и, такъ какъ отшельническая жизнь была характерной чертой этого человѣка, то «человѣка Божьяго» представляли себѣ въ образѣ отшельника. Думали, что у всѣхъ святыхъ людей были свои дни покаянія, дни близости къ природѣ и проникновенной суровости [330]). Удаленіе въ пустыню сдѣлалось, такимъ образомъ, условіями и прологомъ высокаго назначенія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта мысль о подражаніи сильно занимала Іоанна [331]). Жизнь анахорета, столь противорѣчившая духу древняго еврейскаго народа, жизнь, съ которой обѣты назировъ и рехабитовъ не имѣли ничего общаго,—эта жизнь, тѣмъ не менѣе, со всѣхъ сторонъ врывалась въ Іудею. Ессеи жили близъ страны Іоанна, на берегахъ Мертваго моря [332]). Воздержаніе отъ мяса, вина, чувственныхъ наслажденій считалось послушничествомъ, обязательнымъ для мужей откровенія [333]). Вождями секты, по мнѣнію вѣрующихъ, могли

быть только отшельники, съ своими особыми правилами и уставами, подобно основателямъ религiозныхъ орденовъ. Учителя молодыхъ людей были также иногда чѣмъ-то вродѣ анахоретовъ [334]), весьма похожихъ на *гуру* браманизма [335]). Дѣйствительно, не было ли здѣсь отдаленнаго влiянiя индiйскихъ *муни*? Нѣкоторые изъ этихъ буддистовъ монаховъ-странниковъ, которые обходили весь свѣтъ, какъ впослѣдствiи первые францисканцы, проповѣдуя одной лишь назидательностью своей внѣшности, которые говорили на языкѣ, непонятномъ для своихъ слушателей, и которые, безъ сомнѣнiя, были въ Сирiи и Вавилонѣ, не посѣщали ли они также и Iудею [336])? Это остается неизвѣстнымъ. Вавилонъ съ нѣкотораго времени сталъ очагомъ буддизма: Будаспъ (Бодисатва) считался мудрымъ халдеемъ и основателемъ сабизма. А самый *сабизмъ*—что онъ такое? На это указываетъ этимологiя этого слова [337]): *баптизмъ*, т. е. религiя нѣсколькихъ крещенiй, это первоначальный корень секты, еще существующей и теперь, носящей имя «христiанъ святого Iоанна», или мендаитовъ, и называемой арабами «эль-могтозила», т. е. «баптисты» [338]). Очень трудно распутать эти неопредѣленныя аналогiи. Разнообразныя секты, появляющiяся то здѣсь, то тамъ, въ iудаизмѣ, христiанствѣ, баптизмѣ, сабизмѣ, которыя мы встрѣчаемъ по ту сторону Iордана въ первые вѣка нашей эры [339]), представляютъ для критики, вслѣдствiе спутанности свѣдѣнiй, до насъ дошедшихъ,—одну изъ труднѣйшихъ задачъ. Можно думать, во всякомъ случаѣ, что большинство внѣшнихъ обрядовъ Iоанна, ессеевъ [340]) и духовныхъ учителей еврейскаго народа въ это время—явились плодомъ непосредственнаго влiянiя горнаго Востока. Основной обрядъ, который опредѣлялъ характеръ Iоанновой секты и далъ этой сектѣ ея имя, этотъ обрядъ всегда имѣлъ центромъ своимъ низменную часть Халдеи, и тамъ создается религiя, которая сохранилась до нашихъ дней.

Этотъ обрядъ—крещенiе или совершенное погруженiе въ воду. Омовенiя были уже извѣстны iудеямъ, какъ и всѣмъ религiямъ Востока [341]). Ессеи дали этимъ омовенiямъ особенное распространенiе [342]). Крещенiе сдѣлалось обычнымъ обрядомъ при введенiи новообращенныхъ въ лоно еврейской религiи, чѣмъ-то вродѣ посвященiя въ таинство [343]). Никогда, однако, до нашего крещенiя, этому погруженiю въ воду не придавали *ни такого* большого значенiя, *ни такой* формы. *Iоаннъ сдѣлалъ ареной* своей дѣятельности ту часть iудейской

пустыни, которая граничитъ съ Мертвымъ моремъ [344]). Въ тѣ моменты, когда ему надо было крестить, онъ отправлялся на берега Іордана [345]), въ Виѳанію или Виѳавару [346]), на восточный берегъ, вѣроятно, какъ разъ напротивъ Іерихона, — или же въ мѣстность, носившую имя *Енонъ*, т. е. «источники» [347]), близъ Салима, гдѣ было много воды [348]). Тамъ онъ крестилъ [349]) значительныя толпы, особенно изъ колѣна Іуды, которыя стекались къ ему сюда. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ сдѣлался, такимъ образомъ, однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей Іудеи, и всѣ должны были считаться съ нимъ.

Народъ смотрѣлъ на него, какъ на пророка [350]), и многіе вообразили, что воскресъ Илія [351]). Вѣра въ подобныя воскрешенія была очень распространена [352]); думали, что Богъ пробуждаетъ отъ сна смерти нѣкоторыхъ изъ древнихъ пророковъ, чтобы они служили вождями Израиля на пути къ его конечному предназначенію [353]). Другіе видѣли въ Іоаннѣ самого Мессію, хотя онъ не имѣлъ такихъ претензій [354]). Священники и книжники, враждебные этому возрожденію пророчествъ и всегда враждебные энтузіастамъ, презирали его. Но популярность крестителя импонировала имъ, и они не осмѣливались говорить противъ него [355]). Это была побѣда, которую чувство толпы одержало надъ жреческой аристократіей. Когда принуждали высшихъ священниковъ выяснить отчетливо это обстоятельство, ихъ ставили этимъ въ большое затрудненіе [356]).

Крещеніе было, впрочемъ, для Іоанна только внѣшнимъ знакомъ, который долженъ былъ произвести впечатлѣніе и приготовить умы къ какому-то великому движенію. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обладалъ высшей степенью мессіанской надежды. «Покайтесь, говорилъ онъ, ибо приблизилось царство небесное» [357]). Онъ возвѣщалъ «великій гнѣвъ», т. е. страшныя катастрофы, грозящія наступить [358]), говорилъ что «уже сѣкира при корнѣ дерева лежитъ», что скоро оно будетъ брошено въ огонь. Онъ рисовалъ своего Мессію съ лопатой въ рукѣ: онъ оставляетъ хорошее зерно и сжигаетъ солому. Покаяніе, для котораго крещеніе было символомъ, милостыня, улучшеніе нравовъ [359])—вотъ важнѣйшія средства Іоанна для подготовки къ близкимъ событіямъ. Неизвѣстно, въ какомъ свѣтѣ онъ представлялъ себѣ эти событія. Но съ увѣренностью можно установить, что онъ проповѣдовалъ съ большой силой противъ тѣхъ самыхъ противниковъ, на которыхъ позже нападалъ

Іисусъ: противъ богатыхъ священниковъ, фарисеевъ, ученыхъ,—словомъ, противъ оффиціальнаго іудаизма, и, подобно Іисусу, былъ особенно чтимъ и принятъ среди презираемыхъ классовъ [360]). Онъ сводилъ на нѣтъ титулъ сыновей Авраама и говорилъ, что Богъ могъ бы сдѣлать сыновей Авраама изъ придорожныхъ камней [361]). Непохоже на то, чтобъ онъ обладалъ, хотя бы въ зародышѣ, той великой идеей, которая создала торжество Іисуса,—идеей чистой религіи; но онъ могущественно служилъ этой идеѣ, поддерживая обрядъ, лишенный узаконенныхъ церемоній, для совершенія которыхъ недоставало присутствія священниковъ,—и этимъ онъ нѣсколько напоминалъ предшественниковъ Реформаціи—средневѣковыхъ флагеллантовъ, ибо онъ отнялъ у оффиціальнаго духовенства монополію на таинства и отпущеніе грѣховъ. Основной тонъ его рѣчей былъ суровъ и жестокъ. Выраженія, которыя онъ употреблялъ по отношенію къ своимъ противникамъ, были, кажется, самыми рѣзкими [362]). Это была сплошная жестокая брань. Есть вѣроятіе думать, что онъ не былъ чуждъ политики. Іосифъ, который былъ съ нимъ близокъ черезъ учителя своего Бану, дѣлаетъ ясные намеки [363]) на это, а катастрофа, закончившая его жизнь, также заставляетъ предполагать это. Его ученики вели жизнь крайне отшельническую [364]), часто постились, имѣли видъ печальный и озабоченный. По временамъ въ ихъ школѣ всплываетъ идея общности имуществъ и та мысль, что богатый обязанъ подѣлить между всѣми то, что у него есть [365]). Бѣдный является уже тѣмъ, кто въ первую линію долженъ вкусить царствіе Божье.

Хотя полемъ дѣйствія Крестителя была Іудея, но слава его быстро проникла въ Галилею и дошла до Іисуса, который составилъ себѣ уже своими первыми бесѣдами маленькій кружокъ слушателей. Пользуясь еще малымъ авторитетомъ и, безъ сомнѣнія, побуждаемый также желаніемъ увидѣть учителя, ученіе котораго имѣло такъ много общаго съ его собственными идеями, Іисусъ покинулъ Галилею и отправился со своей маленькой школой къ Іоанну [366]). Новые пришельцы были окрещены, какъ и всѣ. Іоаннъ принялъ очень хорошо эту толпу галилейскихъ учениковъ и не нашелъ ничего дурного въ томъ, чтобъ они остались отличными отъ его учениковъ. Оба учителя были молоды, у нихъ было много общихъ идей, они любили другъ друга и соперничали на глазахъ народа во взаимной предупредительности. Такой фактъ съ перваго взгляда

поражаетъ въ Іоаннѣ Крестителѣ, и это приводитъ къ тому, что создается сомнѣніе въ самомъ его существованіи. Смиреніе никогда не было чертой сильныхъ еврейскихъ характеровъ. Казалось бы, что характеръ, столь непреклонный—подобіе всегда раздраженнаго Ламеннэ,—долженъ былъ быть до крайности гнѣвнымъ и нетерпимымъ по отношенію ко всякому сопернику или ученику, принимавшему его проповѣдь лишь наполовину. Но этотъ способъ понимать вещи покоится на ложномъ представленіи о личности Іоанна. Его представляютъ человѣкомъ зрѣлаго возраста,—между тѣмъ онъ былъ однихъ лѣтъ съ Іисусомъ [367]), и очень молодъ, по представленіямъ того времени [368]). Въ мірѣ идей онъ былъ братомъ, а не отцомъ Іисуса. Оба молодыхъ энтузіаста, полныхъ тѣхъ же надеждъ и той же ненависти, могли создать совмѣстно общину и взаимно другъ друга поддерживать. Однако, старый человѣкъ, видя, что къ нему является человѣкъ неизвѣстный и ограждаетъ себя независимостью,—возмутился бы: нѣтъ примѣровъ, чтобъ глава школы съ такой поспѣшной готовностью принималъ того, кто будетъ его преемникомъ. Но юность способна на всякое самоотреченіе, и позволительно допустить, что Іоаннъ, призналъ въ Іисусѣ умъ, аналогичный со своимъ собственнымъ, принявъ его безъ всякой личной задней мысли. Эти хорошія отношенія сдѣлались потомъ исходной точкой цѣлой системы, развитой евангелистами; цѣль этой системы—дать въ качествѣ перваго опорнаго пункта божественной миссіи Іисуса аттестатъ Іоанна. Такъ высокъ былъ авторитетъ Іоанна, что, казалось, нельзя найти во всемъ мірѣ лучшей гарантіи, поручительства, чѣмъ онъ. Но далекій отъ мысли, что Іоаннъ стоитъ ниже его, Іисусъ въ теченіе всего времени, которое онъ провелъ близъ Іоанна, признавалъ его выше себя и только робко развивалъ свой собственный геній.

Дѣйствительно, кажется, что, несмотря на свою глубокую оригинальность, Іисусъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль или меньше того, былъ подражателемъ Іоанна. Его собственный путь еще былъ окутанъ мракомъ предъ нимъ. Однако, Іисусъ постоянно уступалъ общему мнѣнію и принималъ много вещей, которыя не подходили къ его направленію или о которыхъ онъ мало заботился,—только потому, что онѣ были популярны; *однако же, подробности никогда не вредили его главной мысли и всегда ей были подчинены.* Іоаннъ завоевалъ крещенію большія *симпатіи массъ,* и Іисусъ счелъ себя обязаннымъ посту-

пить такъ же, какъ Іоаннъ: онъ крестилъ, и его ученики также[369]). Безъ сомнѣнія, они сопровождали этотъ обрядъ такой же проповѣдью, какъ и Іоаннъ. Іордань покрылась, такимъ образомъ, на всѣхъ концахъ крестителями, рѣчи которыхъ имѣли болѣе или менѣе значительный успѣхъ. Ученикъ сравнялся скоро съ учителемъ, и его крещенія очень сильно искали. Въ этомъ дѣлѣ существовало соперничество между учениками[370]); послѣдователи Іоанна приходили ему жаловаться на возрастающій успѣхъ молодого галилеянина, крещеніе котораго, по ихъ мнѣнію, скоро вытѣснитъ крещеніе Іоанна.

Но оба вождя остались выше этихъ мелочей. Какъ утверждаетъ традиція [371]), въ школѣ-то Іоанна и создалъ Іисусъ группу самыхъ знаменитыхъ своихъ учениковъ. Превосходство Іоанна было слишкомъ неоспоримо, чтобы Іисусъ, еще мало извѣстный, могъ подумать о борьбѣ съ нимъ. Онъ только хотѣлъ расти въ его тѣни и считалъ себя обязаннымъ, чтобъ пріобрѣсти расположеніе толпы, пользоваться тѣми же внѣшними средствами, которыя доставили Іоанну такой поразительный успѣхъ. Когда онъ послѣ того, какъ Іоаннъ былъ схваченъ, сталъ крестить снова, первыя слова, которыя вкладываютъ ему въ уста, представляютъ собою только повтореніе одной изъ обычныхъ фразъ Крестителя[372]). Многія другія выраженія Іоанна въ буквальномъ видѣ содержатся въ бесѣдахъ Іисуса[373]). Обѣ школы, кажется, долго прожили въ добромъ взаимопониманіи[374]) и, послѣ смерти Іоанна, Іисусъ, какъ товарищъ и повѣренный, былъ однимъ изъ первыхъ извѣщенъ объ этомъ событіи [375]).

Іоаннъ былъ рано остановленъ на своемъ пророческомъ пути. Подобно древнимъ еврейскимъ пророкамъ, онъ въ самой высокой степени былъ борцомъ противъ установленныхъ властей [376]). Крайняя рѣзкость, съ которой онъ выражался на ихъ счетъ, не могла не создать затрудненій на его пути. Въ Іудеѣ Пилатъ, кажется, не безпокоилъ Іоанна; но въ Переѣ, по ту сторону Іордана, онъ вступалъ уже въ земли Антипы. Этого тирана безпокоила политическая закваска, плохо скрытая въ проповѣдяхъ Іоанна. Въ этихъ большихъ скопленіяхъ людей, созданныхъ религіознымъ и патріотическимъ энтузіазмомъ вокругъ Крестителя, было что-то, внушавшее подозрѣніе [377]). Чисто-личное неудовольствіе присоединилось, впрочемъ, къ этимъ государственнымъ мотивамъ и сдѣлало неизбѣжнымъ гибель суроваго цензора нравовъ.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ характеровъ въ этой трагической семьѣ Иродовъ—была Иродіада, младшая дочь Ирода Великаго. Жестокая, честолюбивая, страстная она питала отвращеніе къ іудаизму и презирала его законы [378]). Она вышла замужъ, вѣроятно, противъ воли, за своего дядю, Ирода, сына Маріамны [379]), которую Иродъ Великій лишилъ наслѣдства [380]), и которая никогда не играла общественной роли. Внѣшнее положеніе ея мужа, въ сравненіи съ положеніемъ членовъ ея семьи, не давало ей покоя; она хотѣла быть царицей,—чего бы это ни стоило [381]). Антипа былъ орудіемъ, которымъ она воспользовалась. Этотъ слабый человѣкъ, потерявъ голову отъ любви къ ней, обѣщалъ ей жениться на ней и развестись со своей первой женой, дочерью Гарета, царя Петры и властителя сосѣднихъ племенъ Переи. Аравитянская царевна, догадавшись объ этомъ проектѣ, рѣшила бѣжать. Скрывая свой планъ она притворилась, будто серьезно хочетъ сдѣлать путешествіе въ Махеронъ, страну ея отца, и велѣла нѣсколькимъ приближеннымъ Антипы [382]) сопровождать себя.

Макуръ [383]), или Махеронъ, такъ называлась колоссальная крѣпость, построенная Александромъ Янни и потомъ возстановленная Иродомъ; она находилась въ одномъ изъ самыхъ уединенныхъ оазисовъ на востокъ отъ Мертваго моря [384]). Крѣпость была какъ разъ на границѣ царствъ Гарета и Антипы. Въ этотъ моментъ она была во владѣніи Гарета [385]). Этотъ послѣдній, предупрежденный дочерью, велѣлъ приготовить все для ея бѣгства, и она, переходя отъ племени къ племени, была приведена въ Петру.

Тогда почти кровосмѣсительный [386]) союзъ Антипы и Иродіады осуществился. Еврейскія предписанія относительно брака безпрестанно служили почвой для скандальныхъ столкновеній между нерелигіозной семьей Иродовъ и набожно-суровыми евреями [387]). Члены этой многолюдной и рѣзко-изолированной династіи были доведены до необходимости вступать въ бракъ въ предѣлахъ своей династіи, въ результатѣ чего были частыя нарушенія установленныхъ закономъ запрещеній. Іоаннъ былъ только эхомъ всеобщаго чувства, когда энергически осуждалъ Антипу [388]). Этого было больше, чѣмъ достаточно, чтобъ побудить Антипу дать ходъ своимъ подозрѣніямъ. Онъ велѣлъ схватить Крестителя и отдалъ приказаніе заключить его въ крѣпость Махеронъ, которою онъ, вѣроятно, овладѣлъ послѣ отъѣзда дочери Гарета [389]). Болѣе робкій, чѣмъ жестокій, Антипа не хотѣлъ

предавать Іоанна смерти. Согласно нѣкоторымъ слухамъ, онъ боялся народнаго возмущенія[390]). Согласно другой версіи [391]), онъ будто бы находилъ удовольствіе въ рѣчахъ плѣнника и будто эти бесѣды повергали его въ большое смущеніе. Но что можно сказать навѣрное, такъ это то, что заключеніе продолжалось и что Іоаннъ и въ заключеніи сохранилъ широкую свободу дѣйствій [392]). Онъ переписывался съ учениками, и мы еще увидимъ его въ сношеніяхъ съ Іисусомъ. Его вѣра въ пришествіе Мессіи только укрѣпилась; онъ внимательно слѣдилъ за событіями внѣшняго міра и старался открыть въ нихъ благопріятныя указанія и подтвержденіе тѣмъ надеждамъ, которыя питали его душу.

ГЛАВА VII.

Развитіе идей Іисуса о царствіи Божьемъ.

До ареста Іоанна, который мы приблизительно датируемъ лѣтомъ 29 года, Іисусъ не покидалъ окрестностей Мертваго моря и Іордана. Пребываніе въ пустынѣ іудейской разсматривалось, главнымъ образомъ, какъ подготовленіе великихъ событій, какъ какое-то «уединеніе» предъ общественной дѣятельностью. Іисусъ наложилъ на себя этотъ долгъ по примѣру своихъ предшественниковъ и провелъ сорокъ дней, не видя никого, кромѣ дикихъ животныхъ, въ суровомъ постѣ. Воображеніе учениковъ сильно было занято этимъ моментомъ. Пустыня, по народнымъ вѣрованіямъ, была жилищемъ демоновъ [393]). Трудно найти во всемъ мірѣ область, болѣе пустынную, болѣе покинутую Богомъ, болѣе отрѣзанную отъ жизни, чѣмъ скалистая покатость, образующая восточный берегъ Мертваго моря. Можно подумать, что въ теченіе того времени, что Іисусъ провелъ въ этой ужасной странѣ, онъ пережилъ ужасныя испытанія, что сатана наводилъ на него ужасъ своими призраками или убаюкивалъ обольстительными обѣщаніями и что ангелы потомъ явились служить ему, чтобъ наградить его за побѣду надъ искушеньями [394]).

Вѣроятно, покидая пустыню, Іисусъ узналъ о томъ, что Іоаннъ-Креститель схваченъ. У него не было причинъ оставаться долѣе въ странѣ, которая на половину стала ему чуждой. Быть можетъ, также, онъ боялся пострадать отъ тѣхъ же суровыхъ преслѣдованій, какимъ подвергся Іоаннъ, и не хотѣлъ бросаться въ опасность въ такое время, когда—при незначительной его извѣстности—смерть его не могла бы служить *распространенію* его идей. Онъ вернулся въ Галилею [395])

свою настоящую родину, созрѣвшимъ отъ своего испытанія, почерпнувъ изъ своихъ сношеній съ великимъ человѣкомъ, совершенно отличнымъ отъ него, чувство увѣренности въ собственной своей оригинальности. Въ общемъ, вліяніе Іоанна на Іисуса было болѣе вредно, чѣмъ полезно для послѣдняго. Это вліяніе было остановкой въ его развитіи; все даетъ поводъ думать, что, когда онъ собирался внизъ по Іордану, у него были идеи, высшія чѣмъ Іоанновы, и что благожелательность, съ которой онъ нѣкоторое время относился къ баптизму, была чѣмъ-то, вродѣ уступки. Быть можетъ, еслибы Креститель, отъ авторитета котораго ему трудно было освободиться, остался на свободѣ,—Іисусъ не смогъ бы сбросить иго обрядностей и внѣшнихъ религіозныхъ церемоній, и тогда, безъ сомнѣнія, онъ сталъ бы неизвѣстнымъ іудейскимъ сектантомъ, ибо свѣтъ не оставилъ бы однихъ обрядовъ для другихъ. Только какъ религія, совершенно свободная отъ внѣшнихъ формъ культа, христіанство увлекало самые возвышенные умы. Но съ заключеніемъ въ тюрьму Крестителя, школа его быстро уменьшилась, и Іисусъ почувствовалъ себя предоставленнымъ собственнымъ силамъ. Единственная вещь, которою онъ былъ обязанъ Іоанну, это искусство проповѣдывать и вербовать послѣдователей. Съ этого момента, дѣйствительно, онъ проповѣдуетъ съ большей силой, и авторитетъ его имѣетъ большой вѣсъ въ глазахъ народа [396]).

Кажется также, что его знакомство съ Іоанномъ—скорѣе въ силу естественнаго хода его собственной мысли, чѣмъ вслѣдствіе вліянія Крестителя—это знакомство дало возможность созрѣть его идеямъ о «царствіи небесномъ». Съ этого времени лозунгомъ его становится «благая вѣсть» о близости царствія Божія [397]). Іисусъ ужъ не является теперь услаждающимъ сердца моралистомъ, стремящимся заключить въ нѣсколькихъ живыхъ и краткихъ афоризмахъ возвышенное ученіе; это великій революціонеръ, пытающійся обновить міръ до самаго его основанія и возстановить на землѣ постигаемый имъ идеалъ. «Ждать царствія Божія»—становится синонимомъ приверженности къ Іисусу [398]). Это слово о «царствіи небесномъ», какъ мы ужъ сказали [399]), было издавна въ употребленіи у евреевъ. Но Іисусъ придалъ ему моральный смыслъ, общественное значеніе, которое даже самъ авторъ книги о Даніилѣ въ своемъ апокалиптическомъ энтузіазмѣ не могъ предвидѣть.

Въ мірѣ, каковъ онъ есть, царствуетъ зло. Сатана—«князь *міра сего»* [400]), *и все ему* повинуется. Цари убиваютъ проро-

ковъ. Священники и ученые сами не дѣлаютъ того, что приказываютъ другимъ. Праведники преслѣдуются; единственный удѣлъ добрыхъ—слезы. «Міръ», такимъ образомъ, является враждебнымъ Богу съ его святыми [401]); но Богъ пробудится и отомститъ за своихъ святыхъ. День близится, ибо безнравственность достигла высшей своей точки. Наступаетъ очередь царства добра.

Пришествіе этого царства добра будетъ великой и внезапной революціей. Будетъ казаться, что насталъ конецъ міра; такъ какъ его современное состояніе дурно, то чтобъ представить себѣ будущее, достаточно представить себѣ нѣчто ему противоположное. И первые будутъ послѣдними [402]). Новый порядокъ будетъ управлять человѣчествомъ. Теперь добро и зло перемѣшаны между собой, какъ пшеница и плевелы въ полѣ; господинъ даетъ имъ расти вмѣстѣ; но настанетъ часъ насильственнаго раздѣла [403]). Царство Божіе, будетъ подобно огромному улову невода, который тащитъ и хорошую и дурную рыбу; но хорошую опускаютъ въ кувшины, а остальную выбрасываютъ [404]). Зародышъ этой великой революціи будетъ сначала незамѣтенъ. Онъ будетъ подобенъ горчичному зерну, которое меньше всѣхъ сѣмянъ, но брошенное въ землю, оно превращается въ дерево, подъ листья котораго слетаются для отдыха птицы [405]); или этотъ зародышъ уподобится закваскѣ, которая будучи положена въ тѣсто, приводитъ его въ броженіе [406]). Цѣлый рядъ подобныхъ притчъ, часто весьма темныхъ, долженъ былъ выражать всю внезапность этого нежданнаго событія, кажущіяся несправедливости, которыя его будутъ сопровождать, его неизбѣжный и окончательный характеръ [407]).

Кто водворитъ это царство Божіе? Вспомнимъ, что первой мыслью Іисуса, мыслью настолько глубокой, что у нея, вѣроятно, не было опредѣленнаго источника и она коренилась въ самомъ существѣ его натуры,—было то, что онъ—сынъ Божій, довѣренный своего Отца, исполнитель его желаній. Отвѣтъ Іисуса на подобный вопросъ отнюдь не могъ быть сомнительнымъ. Убѣжденіе въ томъ, что онъ дастъ царствіе Богу, всецѣло овладѣло его душой. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на всемірнаго реформатора. Небо, земля, природа, все вмѣстѣ, безуміе, болѣзнь, являются для него лишь орудіями. Увлеченный своей героической волей, онъ считалъ себя всемогущимъ. Если земля не *поддается этому* высшему преобразованію, она будетъ *истерта въ порошокъ*, очищена пламенемъ и дыханіемъ Божьимъ

Новое небо будетъ создано тогда, и весь міръ будетъ населенъ ангелами Божьими [408]).

Коренной переворотъ [409]), охватившій самую природу—вотъ основная мысль Іисуса. Съ этой минуты онъ, безъ сомнѣнія, отказался отъ политики; примѣръ Іуды Гавлонита показалъ ему безполезность народныхъ возмущеній. Никогда онъ не думалъ возставать противъ римлянъ и тетрарховъ. Необузданный анархическій принципъ Гавлонита не находилъ себѣ въ немъ почвы. Его подчиненіе установленной власти, въ существѣ своемъ ироническое, по формѣ было полнымъ. Онъ платилъ подать Кесарю, чтобы не вызвать въ немъ раздраженія. Свобода и право—не отъ міра сего; затѣмъ смущать и искажать свою жизнь пустыми мелочами?—Презирая землю, убѣжденный, что существующій міръ не стоитъ того, чтобъ о немъ заботиться, онъ удалился въ свое идеальное царство; онъ основалъ ученіе о высшемъ презрѣніи [410]), истинное ученіе о свободѣ духа, которое только и можетъ дать душевное успокоеніе. Но онъ еще не сказалъ: «Царство мое не отъ міра сего». Много еще нелѣпаго было въ его самыхъ опредѣленныхъ взглядахъ. Иногда въ умѣ его проносились странныя сомнѣнія. Въ пустынѣ іудейской сатана предлагаетъ ему царства земныя. Не зная силъ римской имперіи, онъ могъ, на основаніи энтузіазма, царившаго въ Іудеѣ и вылившагося скоро въ страшное вооруженное возстаніе, онъ могъ, говорю, надѣяться основать царство, при смѣлости и многочисленности своихъ приверженцевъ. Быть можетъ, много разъ вставалъ передъ нимъ вопросъ высшаго порядка: чѣмъ создается царство Божіе, силой или кротостью, возстаніемъ или терпѣніемъ? Однажды, говорятъ, народъ въ Галилеѣ хотѣлъ увлечь его и провозгласить царемъ [411]). Іисусъ бѣжалъ въ горы и оставался тамъ нѣкоторое время одинъ. Его прекрасная натура спасла его отъ ошибки, которая сдѣлала бы изъ него агитатора или вождя возстанцевъ, Ѳевду или Баръ-Кохбу.

Революція, которую онъ хотѣлъ совершить, всегда была революціей въ области морали; но онъ еще не дошелъ до того, чтобъ довѣрить ея осуществленіе ангеламъ и звукамъ послѣдней трубы. Онъ хотѣлъ дѣйствовать на людей и черезъ людей самихъ. Мечтатель, у котораго нѣтъ другой мысли, кромѣ идеи близости страшнаго суда, не употребилъ бы столько усилій для моральнаго подъема людей и не создалъ бы самое прекрасное ученіе практичекой морали, какое только получало

когда-либо человѣчество. Много колеблющагося осталось еще безъ сомнѣнія, въ его мысли; его побуждало ко всему дѣлу скорѣе благодарное чувство, чѣмъ установившіяся намѣренія, и это дѣло было осуществлено черезъ него, но совсѣмъ не такимъ образомъ, какъ онъ себѣ представлялъ.

Дѣйствительно, онъ основалъ царство Божіе, я хочу сказать, царство духа, — и если Іисусъ взирая съ лона своего Отца, видитъ тѣ плоды, которые принесло его дѣло въ исторіи человѣчества, онъ можетъ по справедливости сказать: «Вотъ то, чего я хотѣлъ.» То, что основалъ Іисусъ, что осталось отъ него навѣки — если исключить тѣ несовершенства, которыя примѣшиваются ко всякому дѣлу, осуществляемому человѣчествомъ— это ученіе о свободѣ духа. Уже греки имѣли и высказывали о ней прекрасныя мысли [412]). Многіе стоики находили средство быть свободными подъ господствомъ тирана. Но, въ общемъ, античный міръ представлялъ себѣ свободу, связанной съ извѣстными политическими формами; свободными названы Гармодій и Аристогитонъ, Брутъ и Кассій. Истинный христіанинъ гораздо менѣе связанъ какими бы то не было цѣпями; здѣсь на землѣ — онъ изгнанникъ; какое можетъ имѣть для него значеніе преходящій земной владыка, когда земля—не его родина? Свобода для него—это истина [413]). Іисусъ не зналъ хорошо исторіи, чтобы понять, насколько такое ученіе пришлось кстати тому времени, когда республиканская свобода угасала, а мелкія муниципальныя конституціи древности задыхались и растворялись въ единой римской имперіи. Но у него былъ надежный и чудесный руководитель въ лицѣ его удивительнаго здраваго смысла и истинно-пророческаго инстинкта, раскрывавшаго ему истинный смыслъ его миссіи. Словами своими: «Воздайте кесарево кесарю, а богови—божье», онъ создалъ нѣчто, далекое отъ политики, убѣжище для души среди господства грубой силы. Конечно, такое ученіе имѣло свои опасныя стороны. Установить въ принципѣ, что для опредѣленія законной власти надо смотрѣть на монету; провозгласить, что совершенный человѣкъ платитъ подать изъ презрѣнія и нежеланія спорить изъ-за нея, — это значило по древнему пониманію разрушать республику и поддерживать властную тиранію. Христіанство въ этомъ смыслѣ сильно способствовало ослабленію чувства гражданскаго долга и подчиненію міра абсолютной власти *совершившихся фактовъ*. Но учреждая огромный свободный *союзъ, который* въ теченіе трехсотъ лѣтъ сумѣлъ избѣгнуть

политики, христіанство возмѣстило полностью тотъ ущербъ, который причиняло гражданскимъ добродѣтелямъ. Благодаря ему, власть государства была ограничена земными дѣлами, духъ освобожденъ, или, по крайней мѣрѣ, грозная пирамида римскаго всемогущества была разбита навсегда.

Человѣкъ, особенно занятый общественными обязанностями, не прощаетъ другимъ людямъ того, что они могутъ ставить что-нибудь выше его партійныхъ распрей. Онъ порицаетъ тѣхъ, кто подчиняетъ политическіе вопросы—общественнымъ и проповѣдуетъ по отношенію къ первымъ нѣкоторый индифферентизмъ. Онъ правъ въ извѣстномъ смыслѣ, потому что всякое направленіе, которое основано на исключеніи всѣхъ остальныхъ, вредно съ точки зрѣнія общаго руководства человѣческими дѣлами. Но каковы успѣхи партій въ созданіи общей морали человѣчества? Если бы Іисусъ, вмѣсто основанія царства небеснаго, отправился въ Римъ, занялся бы заговорами противъ Тиверія или сталъ бы горевать о Германикѣ — что было бы съ міромъ? Если-бъ онъ сталъ суровымъ республиканцемъ и пламеннымъ патріотомъ, онъ не остановилъ бы великаго движенія событій своего вѣка,—между тѣмъ, какъ, объявивъ политику неважной, онъ раскрылъ міру ту истину, что родина это еще не все, что человѣкъ стоитъ впереди и выше гражданина.

Наши принципы положительной науки вступаютъ, конечно, въ нѣкоторое противорѣчіе съ тѣми фантазіями, которыя заключены въ программѣ Іисуса. Мы знаемъ исторію земли; переворотъ, какого ждалъ Іисусъ, можетъ произойти только отъ геологическихъ или астрономическихъ причинъ, между которыми и моралью связь никогда не была установлена. Но чтобъ быть справедливымъ по отношенію къ великимъ творцамъ, не слѣдуетъ останавливаться на предразсудкахъ, которые они могли раздѣлять. Колумбъ открылъ Америку, исходя изъ совершенно ложныхъ идей; Ньютонъ считалъ свое безумное истолкованіе Апокалипсиса такъ же вѣрнымъ, какъ свою теорію тяготѣнія. Неужели слѣдуетъ поставить какого-нибудь посредственнаго человѣка нашего времени выше Франциска Асцизскаго, св. Бернарда, Жанны д'Аркъ или Лютера потому, что онъ свободенъ отъ заблужденій, принадлежавшихъ имъ? Неужели мы будемъ измѣрять достоинство людей на основаніи правильности ихъ представленій въ области физики или болѣе или менѣе точнаго знакомства съ истинной картиной міра? Попытаемся лучше понять положеніе Іисуса и

то, что создавало его силу. Деизмъ XVIII вѣка и протестантизмъ научили насъ видѣть въ основателѣ христіанской вѣры только великаго моралиста, благодѣтеля человѣчества. Въ Евангеліи мы видимъ одни добрыя правила морали; мы благоразумно опускаемъ покрывало на то странное состояніе умовъ, которое его породило. Есть люди, которые сожалѣютъ также, что французская революція неоднократно отступала отъ принциповъ, и что ее сдѣлали люди не мудрые и не умѣренные. Не будемъ лучше навязывать нашихъ маленькихъ программъ буржуазной разсудительности этимъ исключительнымъ движеніямъ, стоящимъ настолько выше нашего роста. Будемъ по прежнему восхищаться «евангельскою моралью»; будемъ стремиться уничтожать въ нашемъ религіозномъ воспитаніи химеру, которая была душой Евангелія; но не будемъ думать, что простыми идеями о благѣ и индивидуальной морали можно сдвинуть съ мѣста міръ. Идея Іисуса была гораздо глубже; это была самая революціонная идея, какая когда-либо появлялась въ человѣческомъ мозгу; историкъ долженъ брать ее въ цѣломъ, а не съ робкими умалчиваніями, которыя обрубаютъ, какъ разъ то, что сдѣлало христіанство средствомъ возрожденія человѣчества.

Въ сущности, идеалъ—всегда утопія. Когда мы хотимъ теперь представить Христа, какъ онъ рисуется современному сознанію, утѣшителемъ, судьей новыхъ временъ,—что мы этимъ дѣлаемъ?—То же самое, что онъ сдѣлалъ 1830 лѣтъ тому назадъ. Мы предполагаемъ условія реальнаго міра совершенно иными, чѣмъ они есть; мы рисуемъ себѣ моральнаго освободителя, безъ оружія разбивающаго цѣпи негра, улучшающаго положеніе пролетарія, освобождающаго угнетенныя націи. Мы забываемъ, что для этого надо опрокинуть міръ, измѣнить климатъ Виргиніи и Конго, кровь и расу милліоновъ людей, довести наши сложныя соціальныя отношенія до химерической простоты, измѣнить естественный порядокъ политическихъ пластовъ Европы. «Всеобщая реформа» [414]) Іисуса была не труднѣе этого. Эта новая земля, новое небо, этотъ новый Іерусалимъ, сходящій съ небесъ, этотъ кличъ: «Се творю все новое!» [415])—вотъ черты, свойственныя всѣмъ реформаторамъ. Вѣчный контрастъ между идеаломъ и печальной дѣйствительностью будетъ всегда вызывать въ человѣчествѣ эти возстанія *противъ* холоднаго разума, которыя третируются *посредственностями*, какъ безуміе, до того дня, когда они тор-

жествуютъ побѣду и когда тѣ самые, которые боролись противъ этихъ возстаній, первые же признаютъ ихъ великій смыслъ.

Конечно, нечего и пытаться отрицать [416]), что существовало противорѣчіе между догматомъ близкаго крушенія міра и опытной моралью Іисуса, приноровленной къ такому устойчивому состоянію человѣчества, которое имѣло много сходства съ тѣмъ, которое фактически имѣетъ мѣсто. Но именно это противорѣчіе и обезпечивало успѣхъ дѣлу. Милленаристъ (тысячелѣтникъ) одинъ не создалъ бы ничего прочнаго; одинъ моралистъ не создалъ бы ничего сильнаго. Милленаризмъ давалъ побужденіе, мораль обезпечивала будущее. Въ силу этого христіанство заключаетъ въ себѣ два условія, великаго успѣха въ мірѣ: революціонность исходной точки и жизненность. Все, что стремится имѣть успѣхъ, должно отвѣчать этимъ двумъ требованіямъ, потому что міръ хочетъ измѣняться и жить въ одно и то же время. Іисусъ, возвѣщая въ человѣчествѣ переворотъ, не имѣющій себѣ ничего подобнаго, въ то же время провозглашалъ принципы, на которыхъ общество покоится ужъ восемнадцать вѣковъ.

То, что дѣйствительно отличаетъ Іисуса отъ агитаторовъ его времени и всѣхъ вѣковъ вообще,—это его цѣлостный идеализмъ. Іисусъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, — анархистъ, такъ какъ у него совершенно отсутствуетъ идея гражданскаго управленія. Это управленіе кажется ему просто и начисто злоупотребленіемъ. Онъ говоритъ о немъ въ выраженіяхъ колеблющихся и въ тонѣ человѣка изъ народа, не имѣющаго представленія о политикѣ. Всякій чиновникъ кажется ему естественнымъ врагомъ людей Божьихъ; онъ объявляетъ своимъ ученикамъ, что имъ придется столкнуться съ властями и ни на минуту не допускаетъ мысли о томъ, что это можетъ быть стыдно [417]). Но никогда въ немъ не видно искушенія занять мѣсто богатыхъ и сильныхъ. Онъ хочетъ уничтожить богатство и власть, а не овладѣть ими. Онъ предсказываетъ ученикамъ муки и преслѣдованія [418]), которымъ они подвергнутся; но ни разу онъ не останавливается на мысли о вооруженномъ сопротивленіи. Мысль о томъ, что всемогущество достигается страданіемъ и смиреніемъ, что надъ силой можно восторжествовать благодаря чистотѣ души,—вотъ собственно чистая идея Іисуса. Іисусъ—не спиритуалистъ; ибо у него все обусловлено осязательной осуществимостью.

это настоящій идеалистъ; матерія для него—лишь символъ идеи; реальное, живое отраженіе невидимаго.

Къ кому же взывать, къ кому обращаться за помощью, чтобы основать царство Божіе? Іисусъ никогда не задумывался на этотъ счетъ. Все, что есть высокаго въ пониманіи людей, все это въ глазахъ Божьихъ ничто [419]). Основателями царства Божія будутъ самые простые люди. Не богатые, не книжники, не священники,—нѣтъ: это будутъ женщины, люди изъ народа, униженные и дѣти [420]). Великій признакъ Мессіи—благовѣствованіе нищимъ [421]). Идиллическая, мягкая натура Іисуса беретъ здѣсь верхъ. Огромная соціальная революція, гдѣ всѣ общественныя различія будутъ перемѣшаны, гдѣ все, что признается значительнымъ въ этомъ мірѣ, будетъ унижено—вотъ его мечта. Міръ не увѣруетъ въ него; міръ его убьетъ. Но ученики его будутъ не отъ міра сего [422]). Они образуютъ маленькую группу униженныхъ и простыхъ людей, которая побѣдитъ именно своимъ самоуничиженіемъ. Чувство, которое сдѣлало изъ понятія «міряиинъ» противоположность понятію «христіанинъ», нашло себѣ въ мысляхъ самого учителя полное оправданіе [423]).

ГЛАВА VIII.

Іисусъ въ Капернаумѣ.

Могучая идея все съ большей силой овладѣвала Іисусомъ, и отнынѣ предъ нимъ разстилалась дорога, по которой онъ долженъ былъ идти съ какимъ-то роковымъ безстрастіемъ и которую намѣчалъ предъ нимъ его изумительный геній вмѣстѣ съ тѣми исключительными обстоятельствами, среди которыхъ онъ жилъ. До того онъ только сообщалъ свои мысли нѣкоторымъ лицамъ, тайно съ нимъ связаннымъ; съ этого момента его проповѣдь стала публичной и привлекала открытыхъ послѣдователей. Ему было около тридцати лѣтъ [424]). Маленькая группа слушателей, сопровождавшая его къ Іоанну Крестителю, безъ сомнѣнія, разрослась, и, быть можетъ, къ ней примкнули нѣкоторые ученики Іоанна [425]). Съ этимъ первичнымъ ядромъ будущей Церкви, онъ смѣло объявилъ, послѣ своего возвращенія въ Галилею, «благовѣствованіе царства Божьяго». Это царство приближается, и онъ, Іисусъ, есть тотъ Сынъ человѣческій, котораго видѣлъ Даніилъ въ своемъ видѣніи, какъ божественнаго подготовителя послѣдняго и высшаго откровенія.

Необходимо припомнить, что въ представленіи іудеевъ, враждебныхъ искусству и миѳологіи, простая форма человѣка имѣетъ превосходство надъ формой *херувима* и тѣхъ фантастическихъ животныхъ, которыми народное воображеніе, подвергшись вліянію ассиріянъ, окружало величіе божества. Уже у Іезекіиля [426]), существо, сидящее на верховномъ тронѣ, неизмѣримо возвышается надъ чудовищами мистической колесницы; великій истолкователь пророческихъ видѣній имѣетъ образъ человѣка. Въ книгѣ *Даніила, въ видѣніи* царствъ, представленныхъ въ *образѣ животныхъ,* въ моментъ, когда открывается страшный

судъ и когда раскрываются книги, существо, «подобное сыну человѣческому», бросается къ стопамъ «Ветхаго деньми», который ему отдаетъ власть судить міръ и вѣчно господствовать надъ нимъ [427]). *Сынъ человѣческій*, на языкахъ семитическихъ, особенно на арамейскихъ діалектахъ, есть просто синонимъ *человѣка*. Но это мѣсто у Даніила поразило умы; слово «сынъ человѣческій» сдѣлалось, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ школахъ [428]), однимъ изъ титуловъ Мессіи, какъ судьи міра и царя новой эры, которую онъ долженъ былъ собою открыть [429]). Примѣненіе, которое Іисусъ далъ этому имени по отношенію къ себѣ, означало провозглашеніе себя Мессіей и утвержденіе близости катастрофы, въ которой онъ долженъ выступить въ качествѣ судьи, облеченнаго полномочіями отъ «Ветхаго деньми» [430]).

Успѣхъ проповѣди новаго пророка былъ на этотъ разъ рѣшительный. Группа мужчинъ и женщинъ, съ характернымъ отпечаткомъ духа юношеской чистоты и наивной невинности, приблизилась къ нему и сказала: «Ты—Мессія». Такъ какъ Мессіей долженъ былъ быть сынъ Давида, то ему, конечно, дали и этотъ титулъ, бывшій синонимомъ перваго. Іисусъ съ удовольствіемъ позволялъ называть себя такъ, хотя это ставило его въ затрудненіе, разъ его происхожденіе было извѣстно. Для него самымъ пріятнымъ названіемъ было «сынъ человѣческій», титулъ смиренный по внѣшности, но прямо связанный съ мессіанскими надеждами. Онъ такъ часто и охотно [431]) называлъ себя этимъ именемъ, что въ его устахъ «сынъ человѣческій» звучало синонимически съ «я», которое онъ избѣгалъ употреблять. Но его никогда не называли такъ, ибо имя, о которомъ идетъ рѣчь, вполнѣ подойти могло бы къ нему только въ день его будущаго пришествія.

Центромъ дѣятельности Іисуса, въ этотъ періодъ его жизни, былъ городокъ Капернаумъ, находившійся на берегу Генисаретскаго озера. Имя Капернаумъ, происходящее отъ словъ *кафара*, «деревня», кажется, обозначаетъ древній городской поселокъ, въ противоположность большимъ городамъ, построеннымъ на римскій образецъ, какъ, напр., Тиверіада [432]). Это названіе было такъ мало распространено, что Іосифъ въ одномъ мѣстѣ въ своихъ сочиненіяхъ [433]) считаетъ его названіемъ источника, который, очевидно, былъ болѣе извѣстенъ, чѣмъ поселокъ близъ него. Какъ и Назаретъ, Капернаумъ не имѣлъ за собой никакого прошлаго, и ни въ какомъ отношеніи не

принималъ участія въ томъ свѣтскомъ движеніи, которому покровительствовали Ироды. Іисусъ сильно привязался къ этому городу и сдѣлалъ себѣ изъ него какъ бы вторую родину [434]). Немного спустя послѣ своего возвращенія, онъ сдѣлалъ попытку завоевать въ пользу своихъ идей Назаретъ, но не имѣлъ успѣха [435]). Одинъ изъ его біографовъ наивно замѣчаетъ, что онъ не могъ произвести здѣсь большого чуда [436]). То, что здѣсь знали его семью, имѣвшую такъ мало значенія, это слишкомъ уменьшало его авторитетъ. На него не могли смотрѣть здѣсь, какъ на сына Давидова, когда ежедневно видѣли его брата, сестру, зятя. Замѣчательно еще то, что семья оказывала довольно значительное сопротивленіе и наотрѣзъ отказывалась вѣрить въ его божественное призваніе [437]). Было и такое время, когда мать его и сестры утверждали, что онъ лишился разсудка, обращались съ нимъ, какъ съ экзальтированнымъ мечтателемъ и хотѣли удержать его силой [438]). Назареяне, болѣе горячіе, хотѣли, говорятъ, убить его, сбросивъ съ крутого утеса [439]). Іисусъ остроумно замѣчаетъ, что эту судьбу онъ раздѣляетъ со всѣми великими людьми и примѣняетъ къ себѣ пословицу: «нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ».

Это столкновеніе далеко не ослабило его мужества. Онъ вернулся въ Капернаумъ [440]), гдѣ онъ находилъ гораздо лучшее къ себѣ отношеніе, и оттуда организовалъ цѣлый рядъ миссій въ другихъ окрестныхъ городахъ. Жители этой прекрасной, плодородной страны собирались только по субботамъ. Этотъ-то день Іисусъ и выбралъ для своихъ поученій. Каждый городъ имѣлъ свою синагогу или мѣсто для собраній. То была прямоугольная зала, довольно небольшая, съ потолкомъ, украшеннымъ въ греческомъ стилѣ. Евреи, не имѣя собственной архитектуры, никогда не стремились сообщить своимъ зданіямъ оригинальный стиль. Остатки многихъ древнихъ синагогъ существуютъ еще въ Галилеѣ [441]). Онѣ всѣ построены изъ дорогого матеріала, но вкуса въ нихъ мало, благодаря большому количеству орнаментовъ съ изображеніями изъ области флоры, вѣтвей съ листьями и витыхъ лентъ, характеризующихъ памятники іудеевъ [442]). Внутри синагоги стояли стулья, каѳедра для публичныхъ рѣчей и шкафъ для священныхъ свитковъ [443]). Эти зданія, не имѣвшія на себѣ никакихъ чертъ храма, были центрами еврейской жизни. Туда собирались въ субботу, для молитвы и чтенія Закона и Пророковъ. Такъ какъ іудаизмъ внѣ Іерусалима не имѣлъ, строго говоря, духовенства, то вся-

кій, кто хотѣлъ, могъ встать, прочесть мѣста изъ Священнаго писанія на данный день (*параша* и *гафтара*) и прибавлялъ сюда *мидрашъ*, т. е. лично ему принадлежащій комментарій, гдѣ онъ излагалъ свои собственныя идеи [444]). Здѣсь надо искать происхожденіе «гомеліи», совершенный образецъ которой мы находимъ въ маленькихъ трактатахъ Филона. Можно было дѣлать возраженія и предлагать вопросы лектору; такимъ образомъ, такое собраніе быстро преображалось въ свободную сходку. Она имѣла предсѣдателя [445]), «старѣйшинъ», [446]) *гацциана*, т. е. прислуживающаго чтеца или сторожа [447]), «посыльныхъ» [448]), что-то вродѣ секретарей или вѣстниковъ, поддерживавшихъ сношенія синагогъ между собою, *шаммаша*, или хранителя свитковъ [449]). Синагоги, такимъ образомъ, были настоящими маленькими независимыми республиками; онѣ имѣли собственную обширную юрисдикцію, обезпечивали отпущеніе на волю, покровительствовали вольноотпущеннымъ [450]). Подобно всякой городской корпораціи до конца римскаго владычества, синагоги выдавали почетныя свидѣтельства [451]), принимали рѣшенія, имѣвшія силу закона для общины, назначали тѣлесныя наказанія, исполнителемъ которыхъ обыкновенно являлся *гацианъ* [452]).

Если принять во вниманіе ту живость мысли, которая всегда отличала евреевъ, такое учрежденіе, вопреки суровости своихъ рѣшеній, не могло не давать мѣста весьма оживленнымъ преніямъ. Благодаря синагогамъ, іудаизмъ могъ пройти неприкосновеннымъ черезъ восемнадцать столѣтій преслѣдованія. Синагога была обособленнымъ маленькимъ міомъ, въ которомъ сохранялся національный духъ и который представлялъ собой открытую арену для внутренней борьбы. Тамъ расходовалось невѣроятное количество воодушевленія и страсти. Борьба за предсѣдательское мѣсто была очень напряженной. Имѣть почетное мѣсто въ первомъ ряду—значило получить награду за высокое благочестіе или пользоваться привилегіей богатства, которой завидовали больше всего [453]).—Съ другой стороны, свобода, предоставленная всякому, кто хотѣлъ выступить лекторомъ и комментаторомъ священнаго текста, открывала широкое поле для пропаганды новыхъ взглядовъ. Здѣсь мы находимъ одинъ изъ великихъ источниковъ силы Іисуса и одно изъ обычныхъ средствъ, которымъ онъ пользовался для пропаганды своего ученія [454]). Онъ входилъ въ синагогу, поднимался, чтобъ читать; *гацианъ* подавалъ ему книгу, онъ раскры-

валъ ее и читалъ *парашу* или *гафтару*, приходящуюся на этотъ день; по поводу прочтеннаго, онъ развивалъ свои идеи [455]). Такъ какъ въ Галилеѣ было мало фарисеевъ, то возраженія противъ его ученія никогда не принимали того оттѣнка страстности и рѣзкой ѣдкости, которыя—еслибъ онъ читалъ въ Іерусалимѣ—остановили бы его въ самомъ началѣ его пропагандистской дѣятельности. Добрые галилеяне никогда не слыхали такихъ словъ, которыя бы болѣе соотвѣтствовали ихъ радостно-свѣтлому воображенію [456]). Имъ были восхищены, его ласкали, находили, что онъ говоритъ дивно и что его доводы убѣдительны. Онъ съ увѣренностью отвѣчалъ на самыя трудныя возраженія; почти поэтическая мѣрность и тонъ его рѣчей плѣнялъ эти юные умы, которыхъ не успѣлъ еще высушить педантизмъ ученыхъ.

Авторитетъ молодого учителя возросталъ, такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ и, конечно, чѣмъ больше вѣрили въ него, тѣмъ больше онъ вѣрилъ въ себя самаго. Его дѣятельность была весьма ограничена. Она замыкалась предѣлами Тиверіадскаго озера, и даже въ предѣлахъ этого бассейна у него была любимая мѣстность. Озеро имѣетъ 5 — 6 лье въ длину и 3—4 лье—въ ширину; имѣя форму довольно правильнаго овала, оно образуетъ, отъ Тиверіады до устья Іордана, нѣчто вродѣ залива, который имѣетъ около трехъ лье по берегу. Вотъ поле, гдѣ сѣмя, брошенное Іисусомъ, нашло, наконецъ, для себя почву вполнѣ подготовленную. Пройдемъ мысленно по этой мѣстности, наблюдая ее шагъ за шагомъ и стараясь приподнять тотъ покровъ разрушенія и скорби, который наброшенъ на нее демономъ Ислама.

При выходѣ изъ Тиверіады мы увидимъ прежде всего обрывистыя скалы, гору, которая будто падаетъ въ море. Потомъ горы развертываются и удаляются; равнина (*Эль-Гуверъ*) открывается глазамъ почти на уровнѣ озера. Это восхитительный, покрытый узкой зеленью лѣсокъ, изрѣзанный множествомъ потоковъ, которые частью выходятъ изъ бывшаго круглаго бассейна античной конструкціи (*Айнъ-Медавара*). У входа въ эту равнину, которая и есть собственно страна Генисаретская, находится ничтожная деревушка *Меджделъ*. На другомъ концѣ равнины (если все время идти по берегу моря), мы увидимъ мѣсто, гдѣ находился нѣкогда городъ (*Ханъ-Минья*), *очень красивую рѣку* (*Айнъ-этъ-Тинъ*) и прекрасную дорогу, *узкую и глубокую*, высѣченную въ скалѣ, по которой несо-

мнѣнно, часто проходилъ Іисусъ, и которая служитъ проходомъ между Генисаретской равниной и сѣвернымъ скатомъ озера. На разстояніи четверти часа ходьбы отсюда, мы переходимъ черезъ маленькую рѣчнку съ соленой водой (*Айнъ-Табига*), вытекающую изъ земли многими широкими источниками въ нѣсколькихъ шагахъ отъ озера и впадающую въ него среди густой зеленой чащи. Наконецъ, черезъ 40 минутъ мы увидимъ—на безплодномъ скатѣ, который тянется отъ Айнъ-Табига до устья Іордана—нѣсколько хижинъ и кучу развалинъ, довольно монументальныхъ, по имени *Телль-Хумъ*.

Пять маленькихъ городовъ, о которыхъ человѣчество будетъ вѣчно говорить столько же, сколько о Римѣ и Аѳинахъ, были, во времена Іисуса, разсѣяны по пространству отъ деревни Меджделъ до Телль-Хума. Изъ этихъ пяти городовъ, Магдалы, Дальмануѳы, Капернаума, Виѳсаиды, Хоразина [457]) — можно найти теперь съ точностью только первый.—Отвратительная деревушка Меджль, безъ сомнѣнія, сохранила имя и мѣсто того города, который далъ Іисусу его первую вѣрную подругу [458]). Положеніе Дальмануѳы [459]) совершенно неизвѣстно [460]). Не лишено возможности предположеніе, что Хоразинъ находился нѣсколько въ глубинѣ страны, въ сѣверной ея сторонѣ [461]). Что касается Виѳсаиды и Капернаума, то ихъ по чисто-случайнымъ причинамъ и соображеніямъ ставятъ на мѣсто Телль-Хума, Айнъ-этъ-Тина, Ханъ Миньи и Айнъ-Медавары [462]). Думается, что и въ топографіи, какъ въ исторіи, было скрытое—намѣреніе и желаніе—скрыть и сгладить черты великаго учителя. Сомнительно, чтобы удалось когда нибудь установить прочно, на этой глубоко-опустошенной почвѣ тѣ мѣста, на которыя человѣчество могло бы стекаться, чтобы цѣловать отпечатокъ ногъ великаго основателя религіи.

Озеро, далекій горизонтъ, кустарники, цвѣты—вотъ все, что осталось отъ той маленькой области, въ три—четыре лье, гдѣ Іисусъ началъ свое божественное дѣло. Деревья совершенно исчезли. Въ этой странѣ, гдѣ растительность была такъ прекрасна, что Іосифъ смотрѣлъ на нее, какъ на своего рода чудо, такъ какъ здѣсь, по его описанію, природѣ захотѣлось сблизить бокъ-о-бокъ растительность холодныхъ странъ, произведенія жаркихъ поясовъ и деревья умѣреннаго климата, круглый годъ производящія цвѣты и плоды [463]),—въ этой странѣ, говорю я, теперь разсчитываютъ за день впередъ, гдѣ можно будетъ найти немного тѣни для отдыха. Озеро превратилось

въ пустыню. Единственная лодка, въ самомъ мизерномъ видѣ, бороздитъ теперь тѣ волны, которыя нѣкогда были такъ богаты радостью жизни. Но воды озера по прежнему легки и прозрачны [464]). Скалистые берега, покрытые валунами похожи скорѣе на прибрежье маленькаго моря, чѣмъ озера, подобно берегамъ озера Гулей. Прибрежье это чисто, тины нѣтъ, и въ одномъ и томъ же мѣстѣ можно всегда наблюдать небольшой прибой волны. Маленькіе островки, покрытые олеандрами, тамариндами и колючими кипарисами выступаютъ среди волнъ; въ двухъ мѣстахъ, особенно—близъ истока Іордана, возлѣ Тарихеи, и на берегу Генисаретской равнины,—можно найти восхитительныя мѣста, гдѣ волны разбиваются о густую зелень цвѣтовъ. Ручей Айнъ-Табига образуетъ маленькій лиманъ, полный красивыхъ раковинъ. Облака рѣчныхъ птицъ покрываютъ озеро. Горизонтъ полонъ ослѣпительнаго блеска. Воды—цвѣта небесной лазури, глубоко спрятанныя въ горячихъ скалахъ,—если смотрѣть на нихъ съ высоты горъ Сафедъ, словно налиты въ золотую чашу. На сѣверѣ снѣжныя вершины Гермона выдѣляются бѣлыми линіями на небѣ; на западѣ волнообразныя плоскогорья Гавлонитиды и Переи, совершенно лишенныя растительности и залитыя солнцемъ, точно какой-то бархатной дымкой,—образуютъ однообразную, плотную массу горъ или, лучше сказать, очень высокую и длинную террасу, которая отъ Кесареи Филиппійской на безконечное разстояніе тянется къ югу.

Жара на берегахъ теперь невыносима. Озеро занимаетъ впадину, которая на сто восемьдесять девять метровъ ниже уровня воды въ Средиземномъ морѣ [465]) и раздѣляетъ, тк. обр., жаркій климатъ Мертваго моря [466]). Обильная растительность умѣряла нѣкогда этотъ страшный зной; съ трудомъ можно понять, какъ при той жарѣ, которая теперь царитъ тамъ,— весь бассейнъ озера, съ мая мѣсяца, могъ являться ареной такой чудесной дѣятельности. Іосифъ, впрочемъ, находитъ климатъ этой мѣстности очень умѣреннымъ [467]). Безъ сомнѣнія, и здѣсь, какъ въ долинѣ, гдѣ былъ Римъ, произошла перемѣна въ климатѣ, созданная историческими причинами. Исламизмъ, и особенно мусульманская реакція противъ крестовыхъ походовъ, подобно дыханію смерти, задушили эту любимую страну Іисуса. Прекрасная земля Генисаретская и не предполагала, что подъ челомъ этого мирнаго скитальца во-*плуются ея собственныя* судьбы. Такой опасный со...

какъ Іисусъ, сыгралъ бы роковую роль для всякой страны, которая имѣла бы грозную честь считаться его отечествомъ. Сдѣлавшись для однихъ предметомъ любви, для другихъ—ненависти, разрываемая двумя соперничавшими воплощеніями фанатизма Галилея, должна была оплатить цѣну своей славы собственнымъ опустошеніемъ. Но кто рѣшится утверждать, что Іисусъ былъ бы счастливѣе, еслибъ прожилъ жизнь въ неизвѣстности въ своей деревнѣ? Кто сталъ бы думать объ этихъ неблагодарныхъ назареянахъ, еслибъ одинъ изъ нихъ, ставя на карту будущее своего городка, не призналъ своимъ Отца своего и не провозгласилъ себя сыномъ Божьимъ?

Такимъ образомъ, мы видимъ, что пять или шесть большихъ селеній, одно отъ другого на разстояніи получаса пути—таковъ маленькій міръ Іисуса въ эпоху, которую мы изучаемъ. Едва-ли онъ былъ когда-нибудь въ Тиверіадѣ, этомъ вполнѣ свѣтскомъ городѣ, населенномъ большей частью язычниками и служившемъ обычной резиденціей Антипы [468]). Однако, онъ удалялся иногда изъ своей любимой области. Онъ отправлялся на лодкѣ къ восточному берегу, напр., въ Гергезу [469]). Къ сѣверу, видѣли его въ Панеѣ или Цезареѣ Филиппійской [470]), у подошвы Гермона. Наконецъ, однажды онъ сдѣлалъ путешествіе по направленію Тира и Сидона [471]), въ страну удивительно цвѣтущую въ то время. Во всѣхъ этихъ странахъ онъ былъ совершенно окруженъ язычествомъ [472]). Въ Цезареѣ онъ видѣлъ знаменитый гротъ *Паніумъ*, въ которомъ находился, какъ предполагали, истокъ Іордана, и который въ народномъ воображеніи былъ окруженъ странными легендами [473]); онъ могъ восхищаться мраморнымъ храмомъ Ирода, воздвигнутымъ возлѣ этого мѣста въ честь Августа [474]); онъ останавливался, вѣроятно, предъ множествомъ статуй, посвященныхъ Пану, Нимфамъ, Эху грота, поставленными, быть можетъ, уже въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ благочестивыми людьми [475]). Іудей—эфемеристъ, привыкшій смотрѣть на иноземныхъ боговъ, какъ на обожествленныхъ людей или демоновъ, долженъ былъ разсматривать эти художественныя произведенія, какъ идолы. Очарованіе натуралистическаго культа, которое опьяняло болѣе чувственныя расы, встрѣчало въ немъ холодное отношеніе. Безъ сомнѣнія, у него не было никакого знакомства со всѣми *тѣми элементами* первобытнаго культа, которые были болѣе *или менѣе аналогичны* культу іудеевъ [476]) и могли еще находиться *въ древнемъ* храмѣ Мелькарта въ Тирѣ. Язычество

которое въ Финикіи воздвигало на каждомъ пригоркѣ храмъ и священную рощу,—точно такъ же, какъ и зрѣлище развитой промышленности и мірского богатства [477]),—не могли улыбаться Іисусу. Монотеизмъ отнимаетъ всякую способность понимать языческія религіи; мусульманинъ, попавшій въ страну многобожія, какъ будто лишается способности видѣть. Нѣтъ сомнѣнія, что Іисусъ ничему не научился изъ этого путешествія. Онъ неизмѣнно возвращается къ своему любимому Генисаретскому озеру. Центръ его мыслей былъ тамъ; тамъ находилъ онъ вѣру и любовь.

ГЛАВА IX.

Ученики Іисуса.

Въ этомъ земномъ раю, котораго до сихъ поръ мало касались великія историческія революціи, жило населеніе, въ совершенной гармоніи со своей страной, дѣятельное, честное, полное радостнаго и нѣжнаго веселья жизни. Тиверіадское озеро представляетъ собой водный бассейнъ, наиболѣе богатый рыбой въ мірѣ [478]); рыбная ловля была очень удачна—особенно въ Виѳсаидѣ и Капернаумѣ,—и она создавала извѣстное благосостояніе населенія. Эти рыбачьи семьи образовали мирное, кроткое общество, связанное узами родства по всей области, примыкавшей къ озеру, которое мы описали. Ихъ образъ жизни людей, не всецѣло поглощенныхъ работой, давалъ полную свободу ихъ воображенію. Идеи о царствѣ Божьемъ нашли въ этихъ маленькихъ общинахъ добрыхъ людей больше довѣрія, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Ничего изъ того, что называется цивилизаціей, въ греческомъ или свѣтскомъ смыслѣ, не проникало къ нимъ. Это не была наша серьезность, германская или кельтская; но, хотя доброта ихъ часто бывала поверхностной и неглубокой, а нравы ихъ были безмятежно-спокойны,—въ нихъ было нѣчто интеллигентное и тонкое. Ихъ можно себѣ представить по аналогіи съ лучшими племенами Ливана, но они были, кромѣ того, одарены свойствомъ, котораго нѣтъ у ливанцевъ: способностью выдвигать великихъ людей. Іисусъ нашелъ среди нихъ свою истинную семью. Онъ поселился среди нихъ, какъ свой человѣкъ. Капернаумъ сталъ «его городомъ» [479]) и среди маленькаго кружка, который его боготворилъ, онъ забылъ своихъ скептическихъ братьевъ, неблагодарный Назаретъ и его насмѣшливое недовѣріе.

Особенно одинъ домъ въ Капернаумѣ представлялъ собой для него пріятное убѣжище и далъ ему его самыхъ преданныхъ учениковъ. То былъ домъ двухъ братьевъ, сыновей нѣкоего Іоны, который, вѣроятно, умеръ, когда Іисусъ сталъ жить на берегу озера. Эти братья были одинъ Симонъ, съ сирійско халдейскимъ прозвищемъ, —*Кифа*, по-гречески *Петръ*, т. е. «камень» [480]), другой Андрей. Родились они въ Виѳсаидѣ [481]), и, къ тому времени, когда Іисусъ началъ свою общественную дѣятельность, они жили уже въ Капернаумѣ. Петръ былъ женатъ, и уже имѣлъ дѣтей; съ нимъ жила и мать жены его [482]). Іисусъ любилъ эту семью и, обыкновенно, жилъ у нея [483]). Андрей, повидимому, былъ ученикомъ Іоанна Крестителя, и Іисусъ, быть можетъ, познакомился съ нимъ на берегахъ Іордана [484]). Оба брата продолжали заниматься рыболовствомъ даже въ ту пору, когда, казалось, они больше всего были заняты дѣломъ своего учителя [485]). Іисусъ, любившій игру словъ, говорилъ, что сдѣлаетъ изъ нихъ ловцовъ человѣковъ [486]). Дѣйствительно, между учениками его не было болѣе преданныхъ и привязанныхъ къ нему.

Другая семья Забдіи или Зеведея, зажиточнаго рыбака и хозяина многихъ лодокъ [487]), также горячо принимала Іисуса. Зеведей имѣлъ двухъ сыновей: старшаго, Іакова, и младшаго, Іоанна, который позже былъ призванъ играть столь рѣшительную роль въ исторіи нарождающагося христіанства. Оба были ревностными учениками. Изъ нѣкоторыхъ замѣчаній можно вывести заключеніе, что Іоаннъ, какъ и Андрей, зналъ Іисуса въ школѣ Іоанна Крестителя [488]). Обѣ семьи, Іоны и Зеведея, во всякомъ случаѣ, были, повидимому, тѣсно связаны [489]). Саломея, жена Зеведея, была очень привязана къ Іисусу и не оставляла его до самой его смерти [490]).

Женщины, дѣйствительно, принимали Іисуса съ горячимъ усердіемъ. Онъ умѣлъ обращаться съ ними съ той сдержанностью, которая открываетъ возможность для нѣжной идейной связи между обоими полами. Отдѣленіе женщинъ отъ мужчинъ, мѣшавшее развитію мягкости чувства у восточныхъ народовъ, было, безъ сомнѣнія, и тогда, какъ въ наше время, менѣе строго въ деревняхъ и селахъ, чѣмъ въ большихъ городахъ. Три или четыре преданныхъ галилеянки всегда сопровождали молодого учителя и спорили изъ-за удовольствія слушать его и по очереди прислуживать ему [491]). Они вносили въ новую секту элементы энтузіазма и чудеснаго, важность которыхъ уже уста-

новлена. Одна изъ нихъ, Марія изъ Магдалы, которая такъ прославила во всемъ мірѣ имя своего бѣднаго городка, повидимому, была крайне экзальтированной женщиной. Если говорить языкомъ той эпохи, ею владѣли семь демоновъ [492]), т. е. она была подвержена нервнымъ болѣзнямъ, которыя трудно объяснить себѣ на основаніи внѣшнихъ данныхъ. Іисусъ своей чистой и кроткой красотой успокоилъ эту взволнованную душу. Магдалина была ему вѣрна до самой Голгоѳы, и на слѣдующій день послѣ его смерти имѣла огромное значеніе, какъ главный источникъ, изъ котораго создалась вѣра въ его воскресеніе: мы это еще увидимъ потомъ. Іоанна, жена Кузы, управителя Антипы, Сусанна и другія, оставшіяся неизвѣстными, неизмѣнно слѣдовали за нимъ и служили ему [493]). Нѣкоторыя изъ нихъ были богаты, и своими средствами давали возможность молодому пророку не заниматься своимъ прежнимъ ремесломъ [494]).

Много другихъ лицъ, обыкновенно, слѣдовали за нимъ и признавали его своимъ учителемъ: нѣкій Филиппъ изъ Виѳсаиды, Наѳанаилъ, сынъ Толмаи или Птоломея изъ Каны, ученикъ первой эпохи [495]), Матѳей, вѣроятно тотъ, который былъ Ксенофонтомъ нарождающагося христіанства. Согласно традиціи [496]), онъ былъ откупщикомъ пошлинъ и, въ качествѣ такового, долженъ былъ владѣть каламомъ (палочка для писанія. *Пер.*). Быть можетъ, онъ задумывалъ уже «*Logia*» [497]) которыя являются основнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о поученіяхъ Іисуса. Называютъ среди учениковъ также и Ѳому или Дидима [498]), который иногда сомнѣвался, но который, повидимому, былъ человѣкомъ сердца и благородныхъ влеченій [499]); говорятъ о Левіи или Ѳаддеѣ, Симонѣ зилотѣ [500]), (возможно, что онъ былъ ученикомъ Іуды Гавлонита, принадлежавшаго къ партіи *канаимъ*, существующей съ того времени и имѣвшей скоро сыграть такую видную роль въ движеніяхъ еврейскаго народа); упоминается Іосифъ Варнава, по прозвищу Праведный; Матѳей [501]), загадочная личность по имени Аристіонъ [502]); наконецъ, Іуда, сынъ Симона, изъ города Керіота, который явился исключеніемъ среди этого преданнаго круга лицъ и получилъ такую ужасную славу. Онъ былъ, повидимому, единственнымъ не-галилеяниномъ среди учениковъ Іисуса; Керіотъ былъ городъ на крайнемъ югѣ, въ колѣнѣ Іуды [503]), и находился на разстояніи дня пути отъ Хеврона. Мы видѣли, что семья Іисуса была мало расположена къ нему [504]). Однако,

Іаковъ и Іуда, двоюродные братья Іисуса по Маріи Клеопѣ [505]), уже съ этого времени находились въ числѣ его учениковъ, а сама Марія Клеопа была въ числѣ женщинъ, сопровождавшихъ его на Голгоѳу [506]). Но въ это время матери около него не было. Только послѣ смерти Іисуса, Марія пріобрѣтаетъ большое уваженіе [507]), и ученики стараются привязать ее съ себѣ [508]). Въ это время члены семьи основателя религіи образуютъ вліятельную группу «братьевъ Господа», которая стояла во главѣ іерусалимской церкви [509]), и которая послѣ паденія Іерусалима бѣжала въ Батанею [510]). Уже одинъ фактъ ихъ близости къ нему, имѣлъ рѣшительное значеніе для ихъ позднѣйшей извѣстности, подобно тому, какъ, послѣ смерти Магомета, жены и дочери пророка, не пользовавшіеся при жизни его никакимъ значеніемъ, пріобрѣли крупный авторитетъ.

Въ этой группѣ друзей Іисусъ нѣкоторымъ, очевидно, оказывалъ преимущество и составилъ изъ нихъ какъ-бы болѣе тѣсный кружокъ. Два сына Зеведея, Іаковъ и Іоаннъ, повидимому, въ первую голову входили въ этотъ кружокъ. Они были полны огня и страсти. Іисусъ остроумно прозвалъ ихъ «сынами громовыми», вслѣдствіе ихъ крайняго рвенія, которое было такъ велико, что, еслибъ располагало громами, то навѣрное слишкомъ часто пользовалось бы ими [511]). Іоаннъ, младшій изъ братьевъ, повидимому, былъ очень коротокъ съ Іисусомъ. Возможно, что ученики, которые позднѣе сгруппировались вокругъ младшаго сына Зеведеева и, очевидно, записали его воспоминанія такъ, что въ нихъ плохо скрыты интересы школы,—возможно, что они преувеличили ту сердечную склонность, которую Іисусъ питалъ къ Іоанну [512]). Но замѣчательно, что въ Евангеліяхъ синоптиковъ Симонъ, сынъ Іонинъ, иначе Петръ,—Іаковъ, сынъ Зеведевъ, и Іоаннъ, его братъ, образуютъ нѣчто вродѣ интимнаго комитета, къ которому обращается Іисусъ въ тѣ минуты, когда сомнѣвается въ вѣрѣ и пониманіи остальныхъ учениковъ [513]). Кажется, помимо этого, всѣ трое связаны были совмѣстной рыбной ловлей [514]). Симпатія Іисуса къ Петру была глубока. Характеръ послѣдняго, прямой, искренній, полный непосредственнаго чувства, былъ по душѣ Іисусу, который часто улыбался при видѣ его рѣшительности. Петръ, чуждый мистики, повѣрялъ учителю свои наивныя сомнѣнія, страхи, свои чисто-человѣческія слабости [515]) съ искреннимъ чистосердечіемъ, напоминающимъ Жуанвиля въ его отношеніи къ Людовику Святому.

Іисусъ принималъ его признанія дружески, съ довѣрчивостью, проникнутой уваженіемъ. Что касается Іоанна, то его юность [516]), его пламенное увлеченіе [517]), его сильное воображеніе [518])— были полны очарованія. Личность этого замѣчательнаго человѣка развилась лишь позже. Если онъ и не авторъ своеобразнаго Евангелія, которое носитъ его имя, и въ которомъ имѣются цѣнныя указанія (хотя характеръ Іисуса въ немъ во многихъ чертахъ искаженъ), то, по крайней мѣрѣ, надо допустить, что онъ доставилъ для него матеріалъ. Привыкнувъ оживлять свои воспоминанія съ безпокойной лихорадочностью экзальтированной души, онъ могъ подвергнуть превращенію своего учителя, будучи увѣренъ, что онъ рисуетъ именно его личность, и, такимъ образомъ, доставить ловкимъ поддѣлывателямъ поводъ написать книгу, при редактированіи которой добросовѣстность, повидимому, не занимала перваго мѣста.

Никакой іерархіи, въ полномъ значеніи этого слова, не было въ нарождающейся сектѣ. Всѣ должны были носить имя «братьевъ», и Іисусъ абсолютно запрещалъ всякія имена превосходства, какъ *равви*, «учитель», «отецъ», такъ какъ онъ одинъ является учителемъ, какъ одинъ Богъ есть отецъ. Старшій долженъ быть слугой другихъ [519]). Однако, Симонъ Іонинъ пользуется среди равныхъ себѣ чрезвычайно большимъ уваженіемъ. Іисусъ жилъ у него и поучалъ въ его лодкѣ [520]); его домъ былъ центромъ евангельской проповѣди. Въ массѣ на него смотрѣли, какъ на вождя группы, и къ нему обращаются сборщики за податью, слѣдуемой съ общины [521]). Симонъ первый призналъ Іисуса Мессіей [522]). Въ одни изъ тѣхъ минутъ, когда популярность его пошатнулась, Іисусъ спросилъ своихъ учениковъ: «Не хотите ли и вы отойти?» Симонъ отвѣчаетъ: «Господи, къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни» [523]). Іисусъ, въ различныхъ случаяхъ, отдаетъ ему въ своей церкви первенство [524]) и толкуетъ его сирійское прозвище Кифа (камень) въ томъ смыслѣ, что онъ краеугольный камень новаго зданія [525]). Одно время Іисусъ какъ будто бы обѣщаетъ ему даже «ключи отъ царства небеснаго» и даетъ ему право произносить на землѣ рѣшенія, которыя будутъ всегда утверждаться въ вѣчности [526]).

Нѣтъ сомнѣнія, что это первенство Петра возбуждало нѣкоторую зависть. Ревность эта разгоралась въ виду будущаго, *въ виду этого царства Божьяго*, гдѣ всѣ ученики будутъ *сидѣть на тронахъ*, по правую и лѣвую руку учителя, чтобъ

судить двѣнадцать колѣнъ Израиля [527]). Возбуждался вопросъ, кто же будетъ сидѣть ближе другихъ къ Сыну человѣческому, въ роли какъ бы его перваго министра и представителя. Оба сына Зеведеевы предъявили права на этотъ постъ. Занятые этой мыслью, они выдвинули свою мать, Саломею, которая однажды отвела Іисуса въ сторону и стала ходатайствовать предъ нимъ, чтобъ онъ отдалъ эти оба почетныхъ мѣста ея сыновьямъ [528]). Іисусъ отклонилъ эту просьбу своимъ обычнымъ словомъ, заявивъ, что тотъ, кто возвеличивается, будетъ униженъ, и что царство небесное будетъ принадлежать малымъ. Это произвело нѣкоторое волненіе въ общинѣ: создалось большое неудовольствіе противъ Іакова и Іоанна [529]). То же взаимное соперничество всплываетъ, повидимому, и въ Евангеліи, приписываемомъ Іоанну; постоянно слышишь, какъ предполагаемый авторъ объявляетъ, что онъ былъ «любимымъ ученикомъ» которому учитель предъ смертью довѣрилъ свою мать; иногда онъ стремится поставить себя рядомъ съ Симономъ Петромъ и даже впереди него въ тѣхъ важныхъ случаяхъ, описывая которые евангелисты синоптика его пропустили вовсе [530]).

Всѣ приведенныя выше лица, насколько намъ о нихъ что нибудь извѣстно, сначала, повидимому, были рыбаками. Въ странѣ, гдѣ нравы были просты, гдѣ всѣ работали, это ремесло не стояло такъ низко, какъ это стараются подчеркнуть тѣ декламаторы проповѣдники, которые видятъ чудесные элементы въ происхожденіи христіанства. Во всякомъ случаѣ, справедливо лишь то, что ни одинъ изъ учениковъ не принадлежалъ къ высшему общественному классу. Быть можетъ, одинъ Левій, сынъ Алфея, а также и Матѳей, были откупщиками [531]). Но тѣ, кому въ Іудеѣ давали это имя не были генеральными откупщиками, людьми высокаго общественнаго положенія, всегда принадлежавшими къ сословію римскихъ всадниковъ и носившими въ Римѣ имя—*publicani* [532]). Это были агенты главныхъ откупщиковъ, чиновники низшаго ранга, обыкновенные таможенные досмотрщики. Большая дорога изъ Акры въ Дамаскъ, одна изъ древнѣйшихъ дорогъ міра, пересѣкавшая Галилею возлѣ самаго озера [533]), концентрировала вокругъ себя большое количество этихъ людей. Капернаумъ, который былъ, быть можетъ, на самой дорогѣ, былъ населенъ значительнымъ количествомъ такихъ сборщиковъ [534]). Профессія эта никогда *не была популярной*, но у евреевъ она слыла занятіемъ совершенно *преступнымъ*. Подать, которая была нова для нихъ,

служила символомъ ихъ подчиненія; школа Іуды Гавлонита поддерживала ту мысль, что платить подать значитъ совершать языческій актъ. Точно такъ же и сборщики возбуждали въ ревнителяхъ Закона отвращеніе. Они говорили о нихъ не иначе, какъ въ сопоставленіи съ разбойниками, ворами на большихъ дорогахъ и вообще людьми порочной жизни [535]). Евреи, бравшіе на себя подобныя обязанности, исключались изъ общины, и присяга ихъ не принималась; ихъ деньги считались проклятыми, и казуисты не позволяли размѣнивать ихъ [536]). Эти бѣдные люди, изгнанные изъ общества, видѣлись только между собой. Іисусъ принялъ обѣдъ, который предложилъ ему Левій и за которымъ находились, на языкѣ того времени, «многіе изъ мытарей и грѣшниковъ». Это было рѣзкимъ нарушеніемъ господствующихъ нравовъ [537]),—въ этихъ домахъ, пользовавшихся дурной репутаціей, можно было рисковать встрѣтить дурное общество. Такимъ образомъ, мы будемъ не разъ наблюдать, что Іисусъ, мало заботясь о томъ, что можетъ задѣть предразсудки благомыслящихъ людей, старается возвысить духовно эти униженные правовѣрными классы, и подвергаетъ себя самымъ сильнымъ упрекамъ ханжей. Фарисеи полагали, что спасеніе достигается цѣной соблюденія безконечныхъ обрядностей и какого-то внѣшняго смиренія. Истинный моралистъ, явившійся провозгласить, что Богъ требуетъ только одного— прямоты чувствъ, долженъ былъ быть принятъ съ благословеніемъ всякой душой, которая еще не была испорчена оффиціальными лицемѣріями.

Этими многочисленными побѣдами Іисусъ былъ обязанъ отчасти и безконечному очарованію, котораго полны были его личность и слова. Проникновенное слово, случайно упавшій взглядъ, будилъ дремлющую наивную совѣсть, и давалъ ему горячаго послѣдователя. Иногда Іисусъ пользовался невинной хитростью, которую употребляла позднѣе Жанна д'Аркъ. Онъ показывалъ видъ, что знаетъ нѣчто тайное о томъ лицѣ, которое онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ, или напоминалъ ему обстоятельство, особенно близкое его сердцу. Такъ, говорятъ, онъ взволновалъ и привлекъ къ себѣ Наѳанаила [538]), Петра [539]), самаритянку [540]). Скрывая истинную причину своей силы,—я хочу сказать превосходства надъ всѣмъ, что его окружало,—онъ, чтобъ не спорить съ вѣкомъ, идеи котораго *онъ, впрочемъ, вполнѣ* раздѣлялъ—онъ не мѣшалъ думать, *что откровеніе свыше* раскрывало ему тайны и открывало

предъ нимъ сердца. Всѣ думали, что онъ живетъ въ атмосферѣ, недоступной остальному человѣчеству. Говорили, что на вершинахъ горъ онъ бесѣдуетъ съ Моисеемъ и Иліей [541]); вѣрили, что въ часы его одиночествъ ангелы прилетали къ нему, чтобъ поклониться ему и устанавливали, такимъ образомъ, сверхъестественную связь между нимъ и небесами [542]).

— ———

ГЛАВА X.

Нагорная проповѣдь.

Таковъ былъ кругъ учениковъ, собравшихся вокругъ Іисуса на берегахъ Тиверіадскаго озера. Аристократія имѣла въ немъ представителей своихъ въ лицѣ сборщика податей и жены управителя. Остальныя лица были рыбаки и простые люди. Ихъ невѣжество было безгранично; ихъ умъ былъ слабъ, они вѣрили въ привидѣнія и призраки [543]). Ни одинъ изъ элементовъ эллинской культуры не проникъ въ эту первую христіанскую ячейку; элементы еврейской образованности были также далеко не обильны въ этой средѣ; но движенія сердца и доброй воли тамъ били черезъ край. Прекрасный климатъ Галилеи наполнялъ существованіе этихъ честныхъ рыбаковъ сплошнымъ очарованіемъ. Прелюдіей царства Божія была поистинѣ эта среда людей простыхъ, добрыхъ, счастливыхъ, или убаюкиваемыхъ своимъ маленькимъ моремъ, или мирно спящихъ на его берегу. Нельзя представить себѣ всей чарующей прелести жизни, которая протекаетъ лицомъ къ лицу съ открытымъ небомъ, того кроткаго, но яркаго пламени, которое согрѣваетъ душу въ ея соприкосновеніи съ природой, тѣхъ ночныхъ грезъ, которыми полны эти сверкающія звѣздами ночи, подъ безконечно-глубокимъ лазурнымъ покровомъ неба. Въ такую ночь Іаковъ, сдѣлавъ себѣ изъ камня изголовье, увидѣлъ въ звѣздахъ обѣщанныя ему неисчислимыя поколѣнія, таинственную лѣстницу, по которой ангелы поднимались на небо и спускались на землю. Въ эпоху Іисуса небо еще не закрылось, и земля еще не охладѣла. Небо открывалось надъ Сыномъ *человѣческимъ; ангелы восходили и нисходили надъ его головой* [544]); видѣнія царства Божія были повсюду,

ибо человѣкъ носилъ ихъ въ своемъ сердцѣ. Чистый, кроткій взоръ этихъ простыхъ людей созерцалъ вселенную въ ея идеальномъ источникѣ; міръ, быть можетъ, раскрывалъ свою тайну божественно-чистому сознанію этихъ счастливыхъ дѣтей, которыя за чистоту и ясность своего сердца удостоились однажды быть допущенными предъ лицо Бога.

Іисусъ жилъ со своими учениками почти всегда подъ открытымъ небомъ. То, стоя въ лодкѣ, онъ поучалъ своихъ слушателей, тѣснившихся на берегу [545]). То онъ всходилъ на одну изъ горъ, окаймлявшихъ озеро, и садился тамъ, гдѣ воздухъ чистъ и горизонтъ залитъ лучами. Преданные слушатели весело переходили за учителемъ съ мѣста на мѣсто, впитывая въ себя плоды его вдохновенія во всемъ обаяніи ихъ первоначальнаго расцвѣта. Возникало порой наивное сомнѣніе, чуть-чуть скептическій вопросъ—Іисусъ однимъ взглядомъ, одной улыбкой замыкалъ уста возраженія. Въ каждомъ движеніи, на каждомъ шагу, въ облачкѣ, которое промчалось, въ зернѣ, которое прозябало, въ злакѣ, который желтѣлъ, видѣли признаки близости того царства, которое должно было придти; думали, что насталъ канунъ дня, когда увидятъ Бога, люди станутъ господами земли; слезы превращались въ радость; всеобщее утѣшеніе спускалось на землю.

«Блаженны нищіе духомъ, говорилъ учитель, ибо ихъ есть царствіе небесное!

«Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся!

«Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю!

«Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся!

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ!

«Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ!

«Блаженны миротворцы, ибо они наречены будутъ сынами Божьими!

«Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царствіе небесное» [546])!

Проповѣдь его была нѣжна, кротка и полна здороваго и свѣжаго дыханія полей. Онъ любилъ цвѣты и пользовался ими для поученій, полныхъ красоты и очарованія. Птицы небесныя, море, горы, игры дѣтей неизмѣнно чередуются въ его проповѣдяхъ. Въ его стилѣ не было ничего, напоминающаго *греческій періодъ, онъ* ближе подходилъ къ стилю еврейскихъ *притчъ, и особенно* къ характеру сентенцій его ученыхъ

современниковъ-іудеевъ, какія мы читаемъ въ *Пирке Аботъ*. Его разсужденія не были пространны и носили характеръ изреченій Корана; позднѣе, будучи связаны другъ съ другомъ, эти разсужденія составили тѣ длинныя поученія, которыя записаны Матѳеемъ [547]). Никакія переходныя связи не объединяли этихъ различныхъ частей; но, въ общемъ, онѣ проникнуты однимъ вдохновеннымъ настроеніемъ. Особенно хорошъ былъ учитель въ притчахъ. Іудаизъ не давалъ ему никакихъ образцовъ для этихъ восхитительныхъ поученій [548]). Онъ самъ создалъ ихъ. Правда, въ буддистскихъ книгахъ встрѣчаются притчи точно въ такомъ же тонѣ и той же постройки, что и евангельскія [549]). Но трудно допустить, что въ этомъ обнаружилось буддистское вліяніе. Быть можетъ, тотъ духъ кротости и глубины чувства, который проникалъ собою въ равной мѣрѣ и нарождающееся христіанство и буддизмъ,—быть можетъ, онъ въ состояніи объяснить это сходство.

Совершенное равнодушіе къ внѣшнимъ благамъ и къ суетному изобилію въ обстановкѣ и одеждѣ, которыя необходимы намъ въ нашемъ печальномъ климатѣ,—это равнодушіе было слѣдствіемъ простой и тихой жизни, которая царила въ Галилеѣ. Холодный климатъ, толкая человѣка на безпрестанную борьбу съ внѣшней природой, придаетъ большую цѣнность борьбѣ за свое благосостояніе. Напротивъ, страны, которыя возбуждаютъ менѣе многочисленныя заботы, суть страны идеализма и поэзіи. Побочныя стороны жизни ничтожны здѣсь въ сравненіи съ радостью самой жизни. Украшеніе домовъ здѣсь безполезно, ибо стараются держаться какъ можно больше на воздухѣ. Усиленное и правильное питаніе болѣе умѣреннаго климата здѣсь нашли бы тяжелымъ и непріятнымъ. Что же касается роскоши одеждъ, то какъ соперничать съ роскошной красотой, въ которую Богъ одѣлъ землю и птицъ небесныхъ? Трудъ въ такомъ климатѣ кажется безполезнымъ: то, что онъ даетъ, не стоитъ того, во что обходится. Полевыя животныя одѣты лучше, чѣмъ самый богатый человѣкъ, а они не дѣлаютъ ничего. Это презрѣніе къ труду, которое—разъ причиной его не является лѣнь—необыкновенно возвышаетъ душу, вдохновляло Іисуса на самыя чарующія поученія: «Не собирайте себѣ, говорилъ онъ, сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ ихъ и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ; собирайте себѣ сокровища на небѣ, *гдѣ ни моль, ни* ржа не истребляетъ и гдѣ воры не *подкапываютъ и не крадутъ*, ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ

и сердце ваше будетъ [550]). Никто не можетъ служить двумъ господамъ: ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ не радѣть. Не можете служить Богу и Маммонѣ [551]). Посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы; а Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ? Да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть? И объ одеждѣ, что заботитесь? Посмотрите на полевыя лиліи, какъ онѣ растутъ: не трудятся, не прядутъ; но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ, кольми паче васъ, маловѣры! Итакъ, не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть, или что пить, или во что одѣться? Потому что всего этого ищутъ язычники, и потому что Отецъ вашъ Небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ. Ищите же прежде царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ. Итакъ, не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, ибо завтрашній самъ заботится о своемъ: довольно для каждаго дня своей заботы» [552]).

Это чисто-галилейское настроеніе имѣло рѣшающее вліяніе на судьбы новой секты. Счастливая группа, полагавшаяся на Отца небеснаго во всемъ, что касалось удовлетворенія ея нуждъ, взяла за основное правило, смотрѣть на житейскія заботы, какъ на зло, которое душитъ въ человѣкѣ зерно всякаго хорошаго чувства [553]). Ежедневно она просила у Бога хлѣба только на слѣдующій день [554]). Къ чему копить? Царство Божіе наступаетъ. «Продавайте имѣнія ваши и давайте милостыню, говорилъ учитель. Приготовляйте влагалища неветшающія, сокровище, не оскудѣвающее на небесахъ» [555]). Дѣлать сбереженія для наслѣдниковъ, которыхъ никогда не увидишь—что можетъ быть безсмысленнѣе этого [556])? Въ качествѣ образца человѣческаго безумія, Іисусъ любилъ приводить случай съ человѣкомъ, который, наполнивъ свои житницы и скопивъ въ нихъ имущества на многіе годы, умеръ, не насладившись ими [557]). Разбой, который, сильно укоренился въ Галилеѣ [558]), давалъ много *жизненности* этому взгляду. Бѣдный, который не страдалъ *отъ этого разбоя*, *долженъ* былъ смотрѣть на себя, какъ на *любимца Божія*, *межъ* тѣмъ какъ богатый, не имѣя обезп

ченнаго имущества, былъ, въ сущности, обездоленъ. Въ нашихъ обществахъ, построенныхъ на сурово-проводимой извнѣ частной собственности, положеніе бѣдняка ужасно; у него буквально нѣтъ мѣста подъ солнцемъ. Цвѣты, трава, тѣнь существуютъ только для господъ земли. На востокѣ же эти дары принадлежатъ Богу—и больше никому. Собственность является ничтожнымъ преимуществомъ; природа принадлежитъ всѣмъ.

Впрочемъ, нарождающееся христіанство только шло по слѣдамъ іудейскихъ сектъ, которыя практиковали отшельническую жизнь. Коммунистическій принципъ былъ душою этихъ сектъ (ессеевъ, терапевтовъ), пользовавшихся одинаково дурнымъ отношеніемъ фарисеевъ и саддукеевъ. Мессіанизмъ, который являлся у ортодоксовъ-евреевъ исключительно политическимъ принципомъ, становился у нихъ принципомъ соціальнымъ. Своей кроткой, соразмѣренной, воздержной жизнью, предоставлявшей каждому индивиду принадлежащую ему по праву часть общей свободы, эти маленькія церкви, въ которыхъ, до нѣкоторой степени, быть можетъ, и справедливо предполагали подражаніе нео-пиѳагорейскимъ учрежденіямъ, думали утвердить на землѣ царство небесное. Утопіи счастливой жизни, основанныя на братствѣ людей и культѣ истиннаго Бога, увлекали за собой эти возвышенныя сердца и порождали со всѣхъ сторонъ отважныя, искреннія попытки, не имѣвшія, однако, серьезныхъ шансовъ на будущее [559]).

Іисусъ, отношенія котораго къ ессеямъ трудно установить точно (сходство въ исторіи не всегда содержитъ въ себѣ и понятіе связи), въ этомъ отношеніи былъ, несомнѣнно, ихъ братомъ. Общность имуществъ была нѣкоторое время правиломъ въ этой новой общинѣ [560]). Скупость была главнымъ грѣхомъ [561]); однако, надо хорошенько замѣтить, что грѣхъ «скупости», по отношенію къ которому христіанская мораль была такъ сурова, была тогда простымъ чувствомъ привязанности къ своей собственности. Первое условіе для того, чтобы быть совершеннымъ ученикомъ Іисуса, состояло въ томъ, чтобы продать свое имущество и раздать деньги бѣднымъ. Тѣ, которые отступали предъ этой крайностью, не имѣли доступа въ общину [562]). Іисусъ часто повторялъ, что тотъ, кто нашелъ царство Божіе, долженъ купить его цѣной всѣхъ своихъ богатствъ, т. к. при этомъ онъ только выигрывалъ. «Человѣкъ, говорилъ онъ, *нашедшій кладъ* въ полѣ, продаетъ, не теряя ни минуты, *все, что имѣетъ*, и покупаетъ это поле. Куцецъ, нашедшій одну

драгоцѣнную жемчужину, продаетъ все, что имѣетъ, и покупаетъ ее» [563]). Увы! неудобныя стороны такого порядка скоро дали себя почувствовать. Оказалась нужда въ казначеѣ. Выбрали на эту должность Іуду изъ Керіота. Основательно или безъ основанія его обвинили въ кражѣ денегъ изъ общинной казны [564]); невѣроятной величины гора антипатіи выростала противъ него.

Иногда учитель, вѣчно занятый больше небомъ, чѣмъ землей, училъ еще болѣе своеобразному пониманію—политической экономіи. Въ одной странной притчѣ, управителя хвалятъ за то, что онъ создалъ себѣ друзей среди бѣдняковъ на средства своего господина для того, чтобы бѣдные, въ свою очередь, ввели его за то въ царствіе небесное. Дѣйствительно, бѣдные, будучи господами въ этомъ царствѣ, будутъ принимать туда только тѣхъ, которые подавали имъ. Человѣкъ разсудительный, задумывающійся надъ будущимъ, долженъ поэтому стараться заручиться ихъ симпатіями. «Слышали все это и фарисеи, которые были сребролюбивы, говоритъ евангелистъ, и они смѣялись надъ нимъ» [565]). Слышали ли они и эту грозную притчу: «Нѣкоторый человѣкъ былъ богатъ, одѣвался въ порфиру и виссонъ и каждый день пиршествовалъ блистательно. Былъ также нѣкоторый нищій, именемъ Лазарь, который лежалъ у воротъ его въ струпьяхъ и желалъ напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умеръ нищій, и отнесенъ былъ ангелами на лоно Авраамово; умеръ и богачъ, и похоронили его [566]); и въ адѣ, будучи въ мукахъ, онъ поднялъ глаза свои, увидѣлъ вдали Авраама и Лазаря на лонѣ его и, возопивъ, сказалъ: «Отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочилъ конецъ перста своего въ водѣ и прохладилъ языкъ мой, ибо я мучусь въ пламени». Но Авраамъ сказалъ: Чадо! вспомни, что ты получилъ уже доброе твое въ жизни твоей, а Лазарь—злое; нынѣ же онъ здѣсь утѣшается, а ты страдаешь» [567]). Можно ли придумать что-нибудь болѣе справедливое? Позже эту притчу назвали притчей о «зломъ богачѣ». Но это просто-напросто притча «о богачѣ». Онъ въ аду, потому что онъ богатъ, потому что не отдаетъ своего добра бѣднымъ, потому что онъ обѣдаетъ хорошо въ то время, когда другіе у его воротъ обѣдали дурно. Наконецъ, даже въ такой моментъ, гдѣ нѣтъ этой *преувеличенности требованій*, Іисусъ ставитъ обязательнымъ *условіемъ продажу своего* имущества и раздачу его бѣднымъ

только какъ совѣтъ на пути къ самоусовершенствованію, но онъ дѣлаетъ при этомъ слѣдующее страшное заявленіе: «Удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царствіе Божіе» [568]).

Чувство удивительной глубины царило въ душѣ Іисуса, какъ и среди всей толпы радостныхъ дѣтей, которыя его сопровождали, и оно, это чувство, создало въ немъ навѣки творца міра душевнаго, великаго утѣшителя жизни. Избавивъ человѣка отъ того, что онъ называлъ «суетой міра сего», онъ могъ дойти до до крайняго противоположнаго конца и нанести ударъ основнымъ условіямъ человѣческаго общежитія; но онъ основалъ свой возвышенный спиритуализмъ, который въ теченіе вѣковъ наполнилъ души радостью въ этой юдоли слезъ. Онъ увидѣлъ, съ полной справедливостью, что невнимательность человѣка, его пренебреженіе къ философіи и морали, чаще всего происходятъ отъ тѣхъ развлеченій, которымъ они придаются, отъ заботъ, которыя ихъ осаждаютъ и которыя безъ мѣры создаетъ цивилизація [569]). Евангеліе, такимъ образомъ, явилось высшимъ цѣлительнымъ средствомъ въ докучливой суетѣ жизни, вѣчнымъ *sursum corda*, («горѣ имѣемъ сердца») могучимъ средствомъ отвлечь душу отъ жалкихъ заботъ земли, кроткимъ призывомъ, какъ тихое обращеніе Іисуса къ Маріи: «Марта, Марта, ты безпокоишься о многомъ, а необходимо только одно». Благодаря Іисусу, жизнь, самая тусклая, засасывающая своими печальными и унизительными обязанностями, находитъ себѣ убѣжище въ небесномъ уголкѣ. Въ нашихъ дѣловыхъ цивилизованныхъ странахъ воспоминаніе о свободной жизни въ Галилеѣ стало какъ бы благоуханіемъ иного міра, словно «розой Гермона» [570]), которая стояла на пути черствости и грубости и не давала имъ вторгнуться въ поля Божьи.

ГЛАВА XI.

Царство Божіе, понимаемое какъ господство бѣдныхъ.

Эти истины, пригодныя для страны, гдѣ жизнь соткана изъ свѣта и воздуха, этотъ тонкій коммунизмъ дѣтей Божіихъ, съ вѣрой живущихъ на лонѣ Отца своего, могъ удовлетворять небольшую сектантскую группу наивныхъ людей, всегда убѣжденныхъ, что утопія ихъ приближается къ осуществленію. Но ясно, что на почвѣ такихъ принциповъ нельзя было объединить все общество. Іисусъ, дѣйствительно, скоро убѣдился, что міръ господствующихъ никогда не пойдетъ за его царствомъ. Тогда онъ отважился на крайне рѣшительный шагъ. Оставивъ весь этотъ міръ людей сухого сердца и узкихъ предразсудковъ, онъ обратился къ простому народу. Настанетъ полная перемѣна въ народѣ. Царство Божіе уготовано: во-первыхъ, для дѣтей и тѣхъ, кто подобенъ имъ; во-вторыхъ, для отверженныхъ міра сего, жертвъ соціальной гордыни, отталкивающей людей смиренныхъ, хотя бы и съ доброй душой; въ-третьихъ, для еретиковъ, схизматиковъ, мытарей, самаритянъ, язычниковъ Тира и Сидона. Слѣдующая энергичная притча должна была объяснить и узаконить этотъ призывъ къ народу [571]): Царь приготовилъ брачный пиръ и посылаетъ слугъ звать приглашенныхъ. Но всякій отказывается; иные даже наносятъ оскорбленія слугамъ царя. Тогда царь прибѣгаетъ къ рѣшительной мѣрѣ. Люди приличные не захотѣли отозваться на его приглашеніе; что же? пусть придутъ первые встрѣчные толпящіеся на площадяхъ и перепутьяхъ, бѣдняки, нищіе, калѣки,— кто угодно! только бы наполнить залъ. «И клянусь вамъ», говоритъ *царь*: «*ни одинъ изъ тѣхъ, приглашенныхъ, не вкуситъ отъ ужина моего*».

Итакъ, ученіе Іисуса превратилось въ чистый евіонизмъ т. е. въ ученіе, по которому только бѣдные будутъ спасены, и настанетъ царство бѣдныхъ. «Горе вамъ, богачи», говорилъ онъ: «ибо вы уже получили свое утѣшеніе! Горе вамъ, пресыщенные нынѣ, ибо взалчете! Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ, ибо восплачете и возрыдаете» [572]). «Когда дѣлаешь ужинъ», говорилъ онъ еще: «не зови друзей своихъ, ни братьевъ твоихъ, ни родственниковъ твоихъ, ни сосѣдей богатыхъ, чтобы и они тебя не позвали, и не получилъ ты воздаянія. Но когда дѣлаешь пиръ, зови нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ и блаженъ будешь, что они не могутъ воздать тебѣ, ибо воздастся тебѣ въ воскресеніи праведныхъ» [573]). Въ томъ же, быть можетъ, смыслѣ онъ часто повторялъ: «Будьте хорошими купцами» [574]), т. е. помѣщайте свои капиталы въ «хорошія» руки, имѣя въ виду царство Божіе, отдавая свое имущество бѣднымъ, согласно старинной пословицѣ: «Дающій бѣдному даетъ взаймы Господу» [575]).

Впрочемъ, это было не ново. Уже съ давнихъ поръ еврейскую расу волновало демократическое движеніе, наиболѣе экзальтированное изъ всѣхъ сохранившихся въ памяти человѣчества (притомъ, единственное, имѣвшее успѣхъ, ибо оно одно только удержалось въ области чистой идеи). Та мысль, что Богъ есть мститель за бѣднаго и слабаго противъ богатаго и сильнаго, встрѣчается на каждой страницѣ въ писаніяхъ Ветхаго Завѣта. Изъ всѣхъ исторій въ исторіи Израиля духъ народный является наиболѣе постоянно господствующимъ. Пророки, эти истинные трибуны, и можно сказать, самые смѣлые изъ трибуновъ, неустанно громили сильныхъ и установили тѣсную связь между понятіями: съ одной стороны,— «богатый, нечестивый, жестокосердный, злой», съ другой,— «бѣдный, кроткій, смиренный, благочестивый [576]). Когда въ эпоху Селевкидовъ почти всѣ аристократы отреклись отъ вѣры и перешли въ эллинизмъ,—эта ассоціація идей еще болѣе укрѣпилась. Въ книгѣ Еноха заключаются еще болѣе ожесточенныя проклятія по адресу міра богатыхъ и сильныхъ, чѣмъ въ Евангеліи [577]). Роскошь изображена въ ней какъ преступленіе. «Сынъ человѣческій» въ этомъ загадочномъ Апокалипсисѣ развѣнчиваетъ королей, отрываетъ ихъ отъ ихъ сластолюбивой жизни и ввергаетъ въ геенну [578]). Выступленіе Іудеи *на нечестивый путь, недавнее* вторженіе совершенно мірского *элемента роскоши и* матеріальнаго благополучія вызвали силь-

пѣйшую реакцію въ пользу патріархальной простоты. «Горе вамъ, презирающимъ хижины и наслѣдія вашихъ отцовъ! Горе вамъ, строящимъ свои дворцы потомъ другихъ! Каждый камень, каждый кирпичъ, заложенный въ нихъ, «есть уже грѣхъ» [579]). Имя «бѣднаго» сдѣлалось синонимомъ «святого», «друга Господа». Этимъ именемъ любили называть себя галилейскіе ученики Іисуса [580]); оно же долгое время было именемъ іудействующихъ христіанъ Батанеи и Гаврана (назареяне, евреи), которые оставались вѣрными первоначальнымъ ученіямъ и языку Іисуса и гордились тѣмъ, что среди нихъ были потомки его семьи [581]). Къ концу II вѣка, эти добрые сектанты, оставшіеся въ сторонѣ отъ великаго теченія, захватившаго другія церкви, назывались уже еретиками (*евіониты*), и для объясненія этого названія указывали на вымышленнаго ересіарха Евіона [582]).

Легко было предвидѣть, что это преувеличенное превозношеніе бѣдности не могло продержаться долго. Это было однимъ изъ тѣхъ утопическихъ элементовъ, которые всегда сопутствуютъ великимъ дѣяніямъ и которымъ время выноситъ свой судъ. Перенесенное въ обширную среду человѣческаго общества христіанство волей-неволей скоро согласилось принять въ свое лоно богатыхъ. Подобнымъ же образомъ, буддизмъ, бывшій въ началѣ исключительно ученіемъ монашествующихъ, принялъ въ свои ряды и мірянъ, когда число вновь обращаемыхъ увеличилось. Но слѣды первоначальнаго происхожденія не стираются. И хотя евіонизмъ былъ скоро оставленъ и забытъ, однако, на всю исторію христіанскихъ учрежденій онъ наложилъ навсегда свой отпечатокъ. Сборникъ *Logia*, или поученія Іисуса, былъ составленъ или, по крайней мѣрѣ, дополненъ въ евіонитскихъ церквахъ Батанеи [583]). «Бѣдность» такъ и осталась идеаломъ истинныхъ послѣдователей Іисуса. Не имѣть ничего—считалось истинно евангельскимъ состояніемъ; нищенство сдѣлалось добродѣтелью, признакомъ святости. Великое умбрійское движеніе XIII вѣка изъ всѣхъ движеній, имѣвшихъ цѣлью основаніе новаго вѣроученія, наиболѣе походило на галилейское, и оно совершалось всецѣло во имя бѣдности. Францискъ Ассизскій, больше всѣхъ походившій на Іисуса своей чуткой душой, тонкостью, красотой и нѣжностью сердца, сливавшагося съ жизнью вселенной,—былъ бѣднякомъ. Средневѣковые *ордена нищенствующихъ* и безчисленныя *коммунистическія секты* (бѣдные Ліона, бегары, добрые люди, брат-

чики, униженные, евангельскіе бѣдные, сектаторы «вѣчнаго Евангелія») называли себя и были въ дѣйствительности истинными учениками Іисуса. Еще разъ случилось, что самыя несбыточныя религіозныя фантазіи оказались плодотворными. Благочестивое нищенство, причиняющее въ наше время столько тревоги нашимъ промышленнымъ классовымъ обществамъ, въ свое время въ благопріятной средѣ было исполнено обаятельной силы. Для массы людей съ кроткой и созерцательной душой оно представляло единственное состояніе, удовлетворявшее ихъ. Такое превращеніе бѣдности въ предметъ любви и желаній, возвышеніе нищаго на пьедесталъ и поклоненіе отрепьямъ бѣдняка—своеобразное явленіе, котораго не можетъ учитывать политическая экономія, но истинный моралистъ не можетъ обойти его своимъ вниманіемъ. Чтобы продолжать нести свою ношу, человѣчеству нужна вѣра, что не въ хлѣбѣ одномъ награда его. И самая большая услуга, какую можно оказать ему, это повторять ему почаще, что оно живетъ не только однимъ хлѣбомъ.

Какъ и всѣ великіе люди, Іисусъ имѣлъ влеченіе къ народу и съ нимъ чувствовалъ себя въ своей стихіи. Евангеліе, по его мысли, создано для бѣдныхъ; это имъ онъ принесъ благостную вѣсть о спасеніи [584]). Всѣ отверженные ортодоксальнымъ іудизмомъ, были его избранными. Любовь къ народу, состраданіе къ его слабости, благородныя чувства вождя демократіи, который ощущаетъ въ себѣ жизнь духа народнаго и сознаетъ себя естественнымъ истолкователемъ его,—невольно обнаруживаются ежеминутно въ его дѣяніяхъ и поученіяхъ [585]).

Окружавшая его кучка представляла, дѣйствительно, общество весьма смѣшаннаго характера, разумѣется, чрезвычайно шокировавшее ригористовъ. Въ нее входили люди, съ которыми уважающій себя еврей не захотѣлъ бы и знаться [586]). Быть можетъ, въ средѣ этого общества, преступившаго границу принятыхъ правилъ, Іисусъ находилъ больше достоинства и сердечности, чѣмъ въ средѣ педантической буржуазіи, пропитанной формализмомъ и гордой своимъ показнымъ благочестіемъ. Фарисеи, въ своемъ фанатичномъ исполненіи предписаній Моисея, дошли до того, что видѣли для себя оскверненіе во всякомъ прикосновеніи людей менѣе строгой жизни, чѣмъ они сами; *въ ѣдѣ они дошли почти до ребяческой щепетильности индійскихъ кастъ. Презирая всѣ эти жалкія искаженія религіознаго чувства, Іисусъ любилъ раздѣлять трапезу съ тѣми, кто*

являлся жертвой всѣхъ этихъ предразсудковъ [587]). Бокъ о бокъ съ нимъ часто видѣли людей, за которыми установилась репутація дурного образа жизни, правда, быть можетъ лишь на томъ основаніи, что они не слѣдовали смѣшнымъ обычаямъ лживыхъ святошъ. И фарисеи, и книжники возвышали свой негодующій голосъ: «Смотрите», говорили они, «съ какими людьми онъ ѣстъ»! Но тогда Іисусъ находилъ мѣткіе отвѣты, которые приводили лицемѣровъ въ отчаяніе: «Не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, а больные [588]), или же: «Кто изъ васъ, имѣя сто овецъ и потерявъ одну изъ нихъ, не оставитъ девяносто девяти въ пустынѣ, и не пойдетъ за пропавшей, пока не найдетъ ея? а нашедъ возьметъ ее на плеча свои съ радостью» [589]), или же: «Сынъ Человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшее» [590]), или еще: «Я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію» [591]); наконецъ, эта прелестная притча о блудномъ сынѣ, гдѣ грѣшнику отдано предпочтеніе любви передъ тѣмъ, кто былъ всегда праведнымъ. Слабыя и провинившіяся женщины, пораженныя этой благостью и впервые ощутившія сладостное дыханіе истинной добродѣтели, свободно приближались къ нему. И многіе удивлялись тому, что онъ не отталкиваетъ ихъ. «О! этотъ человѣкъ не пророкъ», говорили «пуритане»: «ибо если бы онъ былъ пророкомъ, то узналъ бы въ женщинѣ, прикасающейся къ нему, грѣшницу». Іисусъ отвѣчалъ на это притчей о заимодавцѣ, отпустившемъ своимъ должникамъ неравные долги и не побоявшемся предпочесть участь того изъ нихъ, которому онъ отпустилъ наибольшій долгъ [592]). Величіе души онъ оцѣнивалъ только съ точки зрѣнія силы ея любви. Женщины, съ сердцемъ полнымъ слезъ, расположенныя къ чувству смиренія, въ силу сознанія своихъ прегрѣшеній были ближе къ его царству, чѣмъ уравновѣшенныя натуры, безгрѣшность которыхъ не составляла ихъ заслуги. Понятно, съ другой стороны, что эти нѣжныя души, находившія въ своемъ пріобщеніи къ сектѣ легкое средство возстановить запятнанную честь, страстно привязывались къ нему.

Іисусъ отнюдь не старался укротить ропотъ, вызванный его презрѣніемъ къ соціальнымъ предубѣжденіямъ вѣка; напротивъ, казалось, онъ видѣлъ удовольствіе въ этомъ. Никто столь громогласно не заявлялъ о своемъ презрѣніи къ «міру», *презрѣніи, которое* является непремѣннымъ условіемъ *великихъ дѣлъ и великой* оригинальности. Онъ прощалъ богатаго

лишь въ томъ случаѣ, если вслѣдствіе какого-либо предразсудка онъ оказывался гонимымъ въ обществѣ [593]). Онъ открыто оказывалъ предпочтеніе людямъ сомнительнаго образа жизни и мало уважаемымъ среди почтныхъ ортодоксовъ. «Мытари и блудницы впередъ васъ идутъ въ царство Божіе», говорилъ онъ; «ибо пришелъ къ вамъ Іоаннъ,—мытари и блудницы повѣрили ему; вы же, и видѣвши это, не раскаялись послѣ, чтобы повѣрить ему» [594]). Вполнѣ понятно, какъ больно долженъ былъ уязвить людей, сдѣлавшихъ себѣ профессію изъ степенности и моральной строгости, упрекъ въ томъ, что они не слѣдуютъ хорошему примѣру женщинъ легкаго поведенія.

Въ Іисусѣ не было ничего напускного, никакой показной суровости. Онъ не избѣгалъ веселья и охотно ходилъ на брачныя пиршества. Одно изъ чудесъ, по преданію, было имъ совершено для забавы гостей на свадебномъ пиру въ небольшомъ городкѣ. Свадебныя торжества на Востокѣ совершались вечеромъ. Каждый несъ свой факелъ; огни, то приближавшіеся, то удалявшіеся, давали красивые свѣтовые эффекты. Іисусъ любилъ этотъ веселый видъ оживленія и нерѣдко изъ этихъ картинъ черпалъ темы для своихъ притчъ [595]). Люди проводили сравненіе между такимъ поведеніемъ Іисуса и поведеніемъ Іоанна Крестителя и приходили въ ужасъ [596]). Однажды въ тотъ день, когда фарисеи и ученики Іоанна постились, Іисуса спросили: «Почему это, въ то время, какъ ученики Іоанна и фарисеи постятся и молятся, твои ученики ѣдятъ и пьютъ?»—«Оставьте ихъ!»—отвѣтилъ Іисусъ: «могутъ ли поститься сыны чертога брачнаго, когда съ ними женихъ?.. Но придутъ дни, когда отнимется у нихъ женихъ, и тогда будутъ поститься въ тѣ дни» [597]). Его мягкое, радостное душевное настроеніе выливалось непрерывно въ форму оживленныхъ замѣчаній, милыхъ шутокъ. «Но кому уподоблю родъ сей?»—говорилъ онъ.—«Онъ подобенъ дѣтямъ, которыя сидятъ на улицѣ и, обращаясь къ своимъ товарищамъ, говорятъ:

Мы играли на свирѣли,
И вы не плясали;
Мы пѣли вамъ печальныя пѣсни,
И вы не рыдали [598])

Пришелъ Іоаннъ, не ѣстъ, не пьетъ; и говорятъ: въ немъ *бѣсъ. Пришелъ Сынъ* Человѣческій, ѣстъ и пьетъ; и говорятъ: *вотъ человѣкъ, который* любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ. И оправдана Премудрость дѣлами ея» [599]).

Такъ онъ проходилъ Галилею какъ бы въ непрерывномъ праздникѣ, совершая путь на мулѣ,—обычный способъ передвиженія на Востокѣ, весьма удобный и безопасный. Большіе черные глаза мула, осѣненные длинными рѣсницами, сіяли кротостью. Иной разъ ученики устраивали ему незатѣйливыя торжества, на которыхъ главнымъ украшеніемъ были ковры, импровизированные изъ ихъ одеждъ: ими они покрывали мула или устилали его путь [600]). Когда онъ заходилъ въ какой-нибудь домъ, радость и благословеніе входили съ нимъ. Онъ останавливался въ городахъ и большихъ селеніяхъ и всюду встрѣчалъ радушное гостепріимство. На Востокѣ домъ, гдѣ остановился чужеземецъ, становится тотчасъ мѣстомъ публичнымъ; сюда сходится вся деревня; сбѣгаются дѣти; слуги ихъ гонятъ, а они все возвращаются. Іисусъ не выносилъ грубаго обращенія съ этими наивными слушателями; онъ приближалъ ихъ къ себѣ и ласкалъ ихъ [601]). Матери, ободренныя этимъ, приносили своихъ грудныхъ дѣтей, чтобы онъ прикоснулся къ нимъ [602]). Женщины умащали волосы его маслами и ноги—благовоніями. Ученики иногда прогоняли ихъ, наскучивъ ими; но Іисусъ, любившій старинные обычаи и все исходившее отъ простоты сердца, спѣшилъ загладить зло, причиненное слишкомъ ретивыми учениками. Онъ защищалъ тѣхъ, кто хотѣлъ почтить его [603]). Такъ, дѣти и женщины обожали его. И одинъ изъ упрековъ, чаще всего бросаемыхъ ему врагами, состоялъ въ томъ, что онъ отрываетъ отъ ихъ семей эти нѣжныя существа, всегда склонныя къ соблазну [604]).

Такимъ образомъ, нарождающаяся религія была во многихъ отношеніяхъ движеніемъ женщинъ и дѣтей. Эти послѣднія образовали вокругъ него своего рода юную гвардію, превозносившую непорочную царственность своего учителя, и устраивали ему небольшія оваціи, которыя доставляли ему большое удовольствіе: онѣ называли его «сыномъ Давидовымъ», кричали «Осанна!» [605]) и несли впереди его пальмовыя вѣтви. Іисусъ, подобно Саванаролѣ, смотрѣлъ на нихъ, быть можетъ, какъ на орудіе благочестивыхъ миссій. Ему было очень пріятно видѣть, какъ эти молодые апостолы, которые вовсе не компрометтировали его, забѣгали впередъ и давали ему имена, которыхъ онъ самъ не смѣлъ себѣ присвоить. Онъ позволялъ имъ дѣлать это, и, когда его спрашивали, *слышитъ ли онъ*, что говорятъ они, онъ отвѣчалъ уклончиво, *что хвала изъ юныхъ* устъ наиболѣе пріятна Богу [606]).

Онъ не упускалъ случая повторить, что дѣти—существа священныя [607]), что царство Божіе принадлежитъ дѣтямъ [608]), что должно стать дѣтьми, чтобы войти въ него [609]), что должно принимать его, какъ дитя [610]), что отецъ небесный, скрывая свои тайны отъ мудрыхъ, посвящаетъ въ нихъ младенцевъ [611]). Представленіе объ ученикахъ своихъ почти сливалось у него съ представленіемъ о дѣтяхъ [612]). Однажды, когда среди учениковъ возгорѣлся одинъ изъ частыхъ споровъ о первенствѣ, Іисусъ привелъ дитя, поставилъ его среди нихъ и сказалъ: «Вотъ первый изъ васъ; тотъ, кто смиренъ, какъ этотъ младенецъ, будетъ старшимъ въ царствѣ небесномъ» [613]).

И дѣтство, дѣйствительно, водворилось на землѣ во всей силѣ своей божественной непосредственности, своего наивнаго выраженія радости. Всѣ вѣрили, что съ минуты на минуту солнце столь желаннаго царства взойдетъ. Каждый видѣлъ себя уже въ немъ на тронѣ [614]), рядомъ съ учителемъ. Уже раздѣляли между собой мѣста [615]) и старались сосчитать оставшіеся дни. Это получило названіе «доброй вѣсти»; инымъ именемъ ученіе и не называлось. Старое слово «рай» выражало мечтанія всѣхъ: восхитительный садъ, гдѣ продолжится прекрасная жизнь земная [616]). Неизвѣстно, сколько продолжалось это опьяніе. Въ періодъ этого волшебнаго озаренія никто не считалъ времени, какъ не считаютъ его въ грезѣ. Время остановилось; недѣля могла показаться вѣчностью. Но сколько бы ни продолжалась эта дивная греза,—она была столь прекрасна, что человѣчество жило ею и послѣ, и уловить слабый отблескъ ея лучезарнаго свѣта еще и теперь—утѣшеніе для человѣка. Никогда грудь человѣчества не вздымалась отъ такого наплыва восторженной радости. Въ этомъ усиліи, самомъ мощномъ изъ всѣхъ усилій, которыя человѣчество когда-либо дѣлало, желая подняться вверхъ со своей планеты, оно забыло на одинъ моментъ свинцовую тяжесть, что приковываетъ его къ землѣ, забыло печали юдоли земной. Счастливъ тотъ, кто могъ видѣть собственными глазами эту эру божественнаго расцвѣта и пріобщиться—пусть на одинъ только день—къ этой несравненной иллюзіи! Но еще болѣе счастливъ тотъ, сказалъ бы намъ Іисусъ, кто, отрѣшившись отъ всякихъ иллюзій, возсоздастъ въ себѣ самомъ это лучезарное сіяніе, и безъ тысячелѣтней грезы, безъ химерическаго рая, безъ знаменій небесныхъ сумѣетъ снова создать въ своемъ сердцѣ истинное царство Божіе правотой воли и поэзіей души.

ГЛАВА XII.

Посольство отъ Іоанна изъ тюрьмы къ Іисусу.—Смерть Іоанна.—Отношенія между его школой и школой Іисуса.

Въ то время, какъ Галилея съ весельемъ встрѣчала на празднествахъ появленіе своего любимца, печальный Іоаннъ томился ожиданіями и надеждами въ темницѣ Махерона. Вѣсти объ успѣхахъ молодого учителя, котораго еще нѣсколько недѣль тому назадъ онъ видѣлъ въ рядахъ своихъ учениковъ, доходили до него. Говорили, что провозвѣщенный пророками Мессія, который долженъ возстановить царство Израильское, пришелъ и знаменуетъ свое пребываніе въ Галилеѣ чудесными дѣяніями. Іоанну хотѣлось удостовѣриться въ истинности этого слуха; тогда онъ выбралъ двухъ изъ своихъ учениковъ, съ которыми онъ имѣлъ возможность свободно сноситься, и послалъ къ Іисусу [617]).

Они пришли къ Іисусу въ періодъ полнаго расцвѣта его славы. Праздничная атмосфера, царившая вокругъ него, поразила ихъ. Привыкшіе къ постамъ и неустанной молитвѣ, къ жизни созерцательной, они были изумлены, очутившись вдругъ среди ликованій [618]). Они сообщили Іисусу о цѣли своего прихода: «Ты ли тотъ, кто долженъ прійти въ міръ? Надлежитъ ли намъ ждать другого?» Іисусъ, съ нѣкотораго времени совершенно не сомнѣвавшійся въ своей истинной роли Мессіи, перечислилъ имъ событія, которыя должны были знаменовать пришествіе Царства Божія: исцѣленіе немощныхъ, возвѣщеніе бѣднымъ благой вѣсти о близкомъ спасеніи. Онъ свершилъ эти дѣла. «И блаженъ тотъ», добавилъ онъ: «кто *не усомнится во мнѣ*». Неизвѣстно, засталъ ли этотъ отвѣтъ *Іоанна Крестителя* еще въ живыхъ, и если засталъ, то какое

настроеніе вызвалъ онъ въ суровомъ аскетѣ. Умеръ ли онъ утѣшеннымъ, съ увѣренностью, что возвѣщенный Мессія живетъ уже въ мірѣ, или унесъ съ собой сомнѣнія объ Іисусѣ— ничто не говоритъ намъ объ этомъ. Но уже изъ того, что его школа продолжала существовать рядомъ съ школой Іисуса, можно вывести заключеніе, что, несмотря на свое уваженіе къ Іисусу, Іоаннъ не считалъ его воплощающимъ божественный обѣтъ. Впрочемъ, смерть пришла разрѣшить его сомнѣнія. Полная свобода отшельника достойно увѣнчала его тревожную и мучительную жизнь.

Снисходительность, выказанная вначалѣ Антипой по отношенію къ Іоанну, не могла быть продолжительной. Въ бесѣдахъ, которыя, согласно христіанскому преданію, Іоаннъ имѣлъ съ тетрархомъ, онъ не переставая твердилъ послѣднему, что супружество его—незаконно и что онъ долженъ отослать отъ себя Иродіаду [619]). Легко себѣ поэтому представить всю силу ненависти, которую питала внучка Ирода къ этому непрошенному совѣтчику: она ждала перваго случая, чтобы погубить его.

Въ коварныхъ замыслахъ ея приняла участіе и дочь ея, Саломея, рожденная въ первомъ ея бракѣ,столь же гордая и распутная, какъ и мать. Въ этомъ году (вѣроятно, 30-мъ), въ день своего рожденія Антипа находился въ Махеронѣ. Иродъ Великій повелѣлъ построить внутри этой крѣпости великолѣпный дворецъ [620]), въ которомъ тетрархъ часто пребывалъ. Въ этомъ дворцѣ онъ задалъ теперь пиръ, причемъ Саломея исполнила одинъ изъ тѣхъ характерныхъ танцевъ, которые въ Сиріи не считаются компрометирующими для свѣтскихъ особъ. Приведенный въ восторгъ искусствомъ танцовщицы, Антипа спросилъ, чего она хочетъ себѣ въ награду, а та, по наущенію матери, отвѣтила: «Головы Іоанна на этомъ блюдѣ» [621]). Антипа былъ недоволенъ, но исполнилъ слово. Стражъ взялъ блюдо, отрубилъ голову узника и принесъ ее [622]).

Ученики Крестителя взяли тѣло учителя и предали его погребенію. Народъ сильно роопталъ. И когда шесть лѣтъ спустя, Харетъ напалъ на Антипу, желая отвоевать Махеронъ и отомстить за безчестіе дочери, и разбилъ его,—голосъ народа называлъ это пораженіе возмездіемъ за убійство Іоанна [623]).

Извѣстіе о смерти Іоанна было принесено Іисусу учениками самого Крестителя [624]). Предсмертное обращеніе Іоанна къ Іисусу окончательно установило тѣсную связь между обѣими школами. Іисусъ, опасаясь злой воли Антипы, изъ предосто-

рожности удалился въ пустыню[625]). Очень многіе послѣдовали за нимъ туда. Благодаря крайнему воздержанію, эта толпа святыхъ сумѣла кое-какъ поддерживать тамъ свою жизнь, а это, естественно, считали чудомъ[626]). Съ этого времени Іисусъ говорилъ объ Іоаннѣ не иначе, какъ въ тонѣ возвышеннаго умиленія. Онъ, не колеблясь[627]), заявлялъ, что Іоаннъ былъ болѣе, чѣмъ пророкъ, что Законъ и древніе пророки имѣли силу лишь до него[628]), что онъ отмѣнилъ ихъ, какъ и самъ будетъ отмѣненъ царствомъ небеснымъ. Однимъ словомъ, въ христіанскомъ ученіи онъ отвелъ ему роль звена, связывающаго ветхозавѣтное царство и новое царство.

Пророкъ Малахія, мнѣніе котораго на этотъ счетъ пользовалось большимъ авторитетомъ[629]), возвѣщалъ съ большой степенью увѣренности, что предшественнику Мессіи надлежитъ явиться въ міръ и приготовить людей къ полному обновленію,—предтечѣ, который очиститъ путь— передъ избранникомъ Господа. Этотъ предтеча не кто иной, какъ пророкъ Илія, который, согласно весьма распространенному вѣрованію, скоро сойдетъ съ неба, куда онъ былъ взятъ живымъ, чтобы подготовить людей покаяніемъ къ великому пришествію и примирить Бога съ его народомъ [630]). Иные къ Иліѣ присоединяли то патріарха Эноха, которому въ послѣдніе два вѣка стали приписывать высшую святость [631]), то Іеремію [632]), который разсматривался, какъ добрый геній народа, непрерывно возносящій мольбы за него у трона Господня [633]). Эта идея о двухъ древнихъ пророкахъ, которые должны воскреснуть и быть предтечами Мессіи, столь удивительнымъ образомъ повторяется въ ученіи парсовъ, что—можно думать на этомъ основаніи она ведетъ свое происхожденіе именно изъ Персіи [634]). Но, какъ бы то ни было, въ эпоху Іисуса эта идея составляла неотъемлемую часть еврейскихъ ученій о Мессіи. Предполагалось, что появленіе этихъ «двухъ свидѣтелей вѣрныхъ» въ покаянныхъ одеждахъ будетъ прелюдіей къ великой драмѣ, которая разыграется къ изумленію міра [635]).

Понятно, что, при наличности такихъ идей, Іисусъ со своими учениками могли не сомнѣваться насчетъ миссіи Іоанна-Крестителя. Когда книжники возражали имъ, что не можетъ быть рѣчи о Мессіи, пока не пришелъ Илія, они отвѣчали, что Илія пришелъ [636]), что Іоаннъ и есть воскресшій Илія [637]). Своимъ образомъ жизни, своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ установленнымъ политическимъ вла

принадлежали одновременно къ обѣимъ школамъ: знаменитый Аполлоній, напр., соперникъ св. Павла (около 54-го г.), а также значительное число ефесскихъ христіанъ [645]). Іосифъ примкнулъ (въ 53 г.) къ школѣ одного аскета, по имени Бану [646]), который имѣетъ больше всего сходства съ Іоанномъ Крестителемъ и, быть можетъ, былъ его ученикомъ. Бану [647]), этотъ жилъ въ пустынѣ, одѣвался листьями деревьевъ; питался исключительно растеніями и дикими плодами и часто, днемъ и ночью, принималъ крещенія холодной водой, чтобы очиститься. Іаковъ, носившій имя «брата Господня», держался подобнаго же вида аскетизма [648]). Позднѣе, къ концу I вѣка, баптизмъ велъ борьбу съ христіанствомъ, въ особенности въ Малой Азіи. Авторъ сочиненій, приписываемыхъ евангелисту Іоанну, оспариваетъ это ученіе, повидимому, искажая его [649]). Одна изъ сивилинныхъ поэмъ [650]) ведетъ свое происхожденіе, вѣроятно, отъ этой школы. Что касается сектъ эмеробаптистовъ, баптистовъ, эльхасаитовъ (сабійцы, могтазилы у арабскихъ писателей [651]), которыми были переполнены во II вѣкѣ Сирія, Палестина, Вавилонія, и остатки которыхъ существуютъ и по настоящее время подъ именемъ мендаитовъ, «христіанъ св. Іоанна»,—то всѣ онѣ имѣютъ скорѣе лишь общее происхожденіе со школой Іоанна-Крестителя, чѣмъ представляютъ подлинное потомство Іоанна. Дѣйствительная же школа Іоанна, наполовину слившаяся съ христіанствомъ, выродилась въ форму незначительной ереси въ христіанствѣ и вымерла въ безвѣстности. Какъ будто сердце говорило Іоанну, кому принадлежитъ будущее. Стань онъ на путь ревниваго соперничества,—онъ былъ бы нынѣ забытъ, затерявшись въ толпѣ сектантовъ своего времени. Пожертвовавъ своимъ честолюбіемъ, онъ достигъ славы и занялъ исключительное мѣсто въ пантеонѣ религіи человѣчества.

ГЛАВА XIV.

Отношеніе Іисуса къ язычникамъ и самаритянамъ.

Сообразно такимъ принципамъ, онъ презиралъ всякую религію, не идущую отъ сердца. Суетныя обрядности ханжей [705]), внѣшній ригоризмъ, полагающій все спасенье въ кривляніи имѣли въ немъ смертельнаго своего врага. Онъ очень мало думалъ о постахъ [706]). Забвеніе обидъ имѣло въ его глазахъ большее значеніе, чѣмъ жертвоприношеніе [707]). Любовь къ Богу, милосердіе, взаимное прощеніе—вотъ весь символъ вѣры его [708]). Нигдѣ вы не найдете меньше, чѣмъ въ ученіи Іисуса, жреческаго элемента.

Священникъ, какъ таковой, склоненъ побуждать адептовъ къ общественному жертвоприношенію, отправлять которое долженъ обязательно онъ; онъ не рекомендуетъ личной молитвы, такъ какъ въ такомъ случаѣ можно обойтись и безъ него. Напрасно стали бы мы искать въ Евангеліи указанія на то, какія молитвы рекомендуетъ Іисусъ. Даже крещеніе имѣетъ въ глазахъ его лишь второстепенное значеніе [709]), что же касается молитвы, то по этому поводу онъ не даетъ никакихъ указаній, если не считать того, что она должна идти отъ самаго сердца. Многіе, какъ это и бываетъ всегда, полагали замѣнить у слабыхъ духомъ людей истинную любовь къ добру лишь благимъ пожеланіемъ и надѣялись заслужить себѣ царство небесное возгласами «равви», обращенными къ нему. Онъ всѣхъ ихъ отталкивалъ и говорилъ, что вѣра его въ добрыхъ дѣлахъ [710]). Часто онъ приводилъ имъ слѣдующее *мѣсто изъ пророка* Исаіи: «Этотъ народъ чтитъ меня *лишь устами, но сердце* его отвратилось отъ меня» [711]).

Празднованіе субботы было тѣмъ пунктомъ въ его ученіи

пустымъ ученіямъ, котор[ыя] вертятся вокругъ мечети и ведутъ только къ напрасной т[р]атѣ времени и силъ на простую діалектику безъ всякой пользы для умственной дисциплины. Весьма сухое теологическое образованіе современнаго духовенства не можетъ дать никакого представленія объ этомъ, потому что эпоха Возрожденія внесла во всѣ, даже самыя непокорныя, системы преподаванія, долю литературности и методы, которые заставили даже схоластику принять болѣе или менѣе гуманитарную окраску. Наука іудейскаго ученаго, *софера* или книжника, была чисто варварской, безусловно абсурдной и лишенной всякаго моральнаго элемента [654]). Въ довершеніе несчастія она внушала смѣшную гордость тому, кто затратилъ силы на усвоеніе ея. Гордый мнимымъ знаніемъ, которое стоило ему столькихъ трудовъ, іудейскій книжникъ относился съ тѣмъ же пренебреженіемъ къ греческой культурѣ, съ какимъ современный мусульманскій ученый относится къ европейской цивилизаціи, а католическій теологъ старой школы къ познаніямъ свѣтскихъ людей. Отличительное свойство этихъ схоластическихъ культуръ заключается въ томъ, что они преграждаютъ уму доступъ ко всему изящному, воспитываютъ уваженіе только къ ребяческимъ трудностямъ, на которыя ушла вся жизнь и на которыя создается взглядъ, какъ на природное занятіе людей, сдѣлавшихъ себѣ изъ важности—профессію [655]).

И этотъ ужасный міръ не могъ не тяготить чуткую душу прямолинейныхъ сѣверныхъ Израильтянъ. Презрѣніе жителей Іерусалима къ галилеянамъ усиливало еще этотъ расколъ. Въ прекрасномъ храмѣ, предметѣ всѣхъ ихъ мечтаній, они по большей части встрѣчали только оскорбленія. Стихъ изъ псалма паломниковъ [656]): «Я предпочелъ лучше быть у порога дома Божія», казалось былъ написанъ спеціально для нихъ. Священникъ презрительно усмѣхался, глядя на ихъ наивную вѣру, точно такъ же, какъ нѣкогда духовенство въ Италіи, освоившись совершенно съ святыней, относится холодно и почти съ насмѣшкой къ горячей вѣрѣ прибывшаго издалека паломника. Галилеяне говорили на довольно испорченномъ мѣстномъ нарѣчіи; произношеніе у нихъ было неправильное; они смѣшивали различныя придыханія, что вызывало весьма смѣшныя недоразумѣнія [657]). Въ вопросахъ вѣры ихъ считали невѣждами *и недостаточно* правовѣрными [658]); такъ что выраженіе: «глупъ *какъ галилеянинъ*», сдѣлалось пословицей [659]). Полагали (*и не безъ основанія*), что въ нихъ мало чистой еврейской крови,

и считали установленнымъ, что пророкъ не можетъ быть родомъ изъ Галилеи [660]). Для поддержанія въ себѣ надеждъ бѣднымъ галилеянамъ, отодвинутымъ на самыя границы, почти за предѣлы, іудаизма, остался только одинъ, довольно плохо истолкованный, текстъ изъ Исаіи [661]): «Земля Завулонова и земля Неѳалимова, на приморской дорогѣ, [662]) Галилея Языческая! Народъ, блуждавшій во тьмѣ, увидѣлъ яркій свѣтъ; взошло солнце и для находившихся во мракѣ». Репутація родного города Іисуса была особенно плоха. Говорятъ, что фраза: «Изъ Назарета?» что можетъ быть доброе была народной поговоркой [663]).

Необыкновенная бѣдность природы въ окрестностяхъ Іерусалима должна была увеличивать нелюбовь къ нему Іисуса. Долины тамъ безводны; почва суха и камениста. И только, когда взглядъ падаетъ на долину Мертваго моря, то видъ представляетъ нѣчто поразительное; въ остальныхъ мѣстахъ видъ чрезвычайно однообразенъ. И только одинъ холмъ Мицпа, со связанными съ нимъ воспоминаніями о древней исторіи Израиля, привлекаетъ взглядъ наблюдателя.

Во времена Іисуса городъ имѣлъ почти такую же архитектуру, какъ и теперь. Въ немъ не было древнихъ монументовъ, такъ какъ до царствованія Асмонеевъ, іудеи оставались чуждыми почти всякаго искусства; Іоаннъ Гирканъ началъ украшать Іерусалимъ, а Иродъ Великій сдѣлалъ городъ великолѣпнымъ. Иродовы сооруженія соперничаютъ съ самыми законченными постройками античнаго міра своей грандіозностью, совершенствомъ выполненія и красотой матеріаловъ [664]). Масса оригинальныхъ гробницъ возвышалась около того времени, въ окрестностяхъ Іерусалима [665]). Стиль этихъ монументовъ былъ греческій, приспособленный къ обычаямъ Іудеевъ и сильно видоизмѣненный, сообразно ихъ принципамъ.

Скульптурныя украшенія изъ міра животныхъ, которыя позволяли себѣ дѣлать Ироды, къ великому неудовольствію ригористовъ, были совершенно изгнаны изъ него; ихъ замѣнили украшеніями изъ растительнаго царства. Любовь древнихъ жителей Финикіи и Палестины къ сооруженію монолитовъ, высѣченныхъ въ скалахъ, казалось, возрождалась въ этихъ странныхъ гробницахъ, высѣченныхъ изъ камня, гробницахъ, въ которыхъ такъ странно перемѣшались требованія греческаго искусства съ архитектурой троглодитовъ. Іисусъ, смотрѣвшій на произведенія искусства, какъ на пышную выставку тщеславія,

относился къ этимъ монументамъ очень неблагосклонно [666]). Его абсолютный спиритуализмъ, его твердое убѣжденіе, что внѣшній видъ стараго міра долженъ измѣниться, ограничивалъ его интересы только духовнымъ.

Въ періодъ жизни Іисуса храмъ былъ еще совершенно новымъ, и внѣшнія украшенія еще не были вполнѣ закончены. Иродъ началъ его перестройку за 20—21 годъ до начала христіанской эры для того, чтобы привести его въ гармонію съ остальными своими сооруженіями. Корабль храма былъ законченъ постройкой въ восемнадцать мѣсяцевъ, а портики—въ восемь лѣтъ [667]); постройка же второстепенныхъ частей шла медленно и закончилась незадолго до взятія Іерусалима [668]). По всей вѣроятности, Іисусъ глядѣлъ на эти работы не безъ нѣкоторой тайной досады. Эти надежды на далекое будущее являлись какъ бы оскорбленіемъ по адресу его близкаго пришествія. Болѣе проницательный, чѣмъ невѣрующіе и фанатики, онъ догадывался, что этимъ грандіознымъ постройкамъ осталось уже недолго существовать [669]).

Въ общемъ, храмъ представлялъ чудесное, внушительное цѣлое, о которомъ едва можетъ дать представленіе современный *храмъ* [670]) несмотря на всю свою красоту. Дворы и портики, окружающіе храмъ, служили ежедневно мѣстомъ собранія огромныхъ массъ народа, такъ что это огромное пространство служило одновременно и храмомъ, и форумомъ, и судомъ, и университетомъ. Тамъ происходили всѣ религіозные диспуты іудейскихъ школъ, тамъ сосредоточивалось все церковное преподаваніе, всѣ процессы и гражданскія дѣла, однимъ словомъ, тамъ концентрировалась вся дѣятельность націи [671]). Здѣсь вѣчно раздавались громкіе споры, это было широкое поле для диспутовъ, сопровождавшееся софизмами и искусными вопросами. Такимъ образомъ храмъ имѣлъ большое сходство съ мусульманской мечетью. Римляне, относившіеся въ это время съ полнымъ уваженіемъ къ иноземнымъ религіямъ, пока они находились на собственной территоріи [672]), не дозволяли себѣ входить въ святилище; греческія и латинскія надписи обозначали тѣ пункты, до которыхъ разрѣшался доступъ для не іудеевъ [673]). Но башня Антонія,—главный штабъ римскихъ вооруженныхъ силъ, была выше ограды храма, и съ нея можно было наблюдать за всѣмъ, что тамъ происходитъ [674]). Полицейская власть *въ храмѣ находилась* въ рукахъ іудеевъ; особый начальникъ *завѣдывалъ храмомъ*, приказывалъ отпирать и запирать во-

рота; запрещалъ проходить черезъ папертъ съ палкой въ рукахъ, въ грязной обуви, съ ношей или съ цѣлью сократить дорогу [675]). Особенно заботились о томъ, чтобы во внутренніе портики не проникъ кто-либо считающійся по закону нечистымъ. Для женщинъ существовали, посрединѣ перваго двора, особыя мѣста, окруженныя деревянными заборами. Здѣсь то въ этомъ храмѣ проводилъ Іисусъ всѣ дни въ продолженіе своего пребыванія въ Іерусалимѣ. Праздники привлекали въ этотъ городъ огромныя массы народа. Артелями, по десяти, двадцати человѣкъ, паломники заполняли всѣ помѣщенія и жили въ этой безпорядочной толпѣ, которая такъ нравится жителямъ Востока [676]). Іисусъ терялся въ этой толпѣ, и группировавшіеся вокругъ него бѣдные галилеяне, были здѣсь почти совершенно незамѣтны. Возможно, что онъ чувствовалъ, что здѣсь онъ во враждебномъ лагерѣ и что его здѣсь встрѣтятъ пренебрежительно. Все, что онъ видѣлъ, раздражало его. Храмъ, какъ и вообще всѣ сильно посѣщаемыя мѣста моленій, представлялъ мало назидательнаго. Обряды богослуженія сопровождались цѣлымъ рядомъ отталкивающихъ подробностей въ особенности торговлей, ради которой въ священной оградѣ храма устроились лавки. Въ нихъ продавались жертвенныя животныя; тутъ же находились лавки мѣнялъ. Временами можно было подумать, что находишься на рынкѣ [677]). Низшіе служащіе при храмѣ выполняли, вѣроятно, свою службу съ тѣмъ вульгарнымъ отсутствіемъ религіознаго чувства, которое свойственно низшему духовенству всѣхъ временъ. Это нечестивое и пренебрежительное обращеніе съ священными предметами оскорбляло религіозное чувство Іисуса, иногда доходившее до щепетильности [678]). Онъ говорилъ, что изъ дома молитвъ сдѣлали воровской вертепъ. Однажды, говорятъ, онъ не могъ сдержать своего гнѣва; онъ побилъ бичемъ этихъ низкихъ торгашей и опрокинулъ ихъ столы [679]). Вообще, онъ не любилъ храма. Въ поклоненіи, которое онъ задумалъ установить своему Отцу, не было мѣста этимъ сценамъ, пригоднымъ для бойни. Всѣ эти старыя іудейскія установленія были ему противны, и онъ страдалъ отъ необходимости имъ подчиняться. Поэтому храмъ или его мѣсто внушалъ, на первыхъ порахъ христіанства, благоговѣйныя чувства только іудействующимъ христіанамъ. Настоящіе новые люди питали отвращеніе къ этой античной святынѣ. Константинъ и первые христіанскіе императоры оставили тамъ неприкосновенными языческія сооруженія Адріана [680]). И только

такіе враги христіанства, какъ Юліанъ, вспоминали объ этомъ мѣстѣ [681]). Когда Омаръ вступилъ въ Іерусалимъ, мѣсто, гдѣ находился храмъ, было нарочно осквернено изъ ненависти къ іудеямъ [682]). Только исламъ, этотъ до нѣкоторой степени возрожденный іудаизмъ, по скольку послѣдній является воплощеніемъ наиболѣе характерныхъ чертъ семитизма отдалъ ему почести. Мѣсто это всегда было антихристіанскимъ.

Гордость іудеевъ довершила недовольство Іисуса и сдѣлала для него тягостнымъ пребываніе въ Іерусалимѣ. По мѣрѣ того, какъ созрѣвали великія идеи во Израилѣ, священническое сословіе приходило въ упадокъ. Установленіе синагогъ дало толкователю Закона, ученому, большое преимущество надъ священникомъ. Священники находились только въ одномъ Іерусалимѣ, но даже и тамъ они только выполняли одни религіозные обряды—почти какъ наши приходскіе священники, лишенные права проповѣди; и нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что его вытѣснялъ ораторъ синагоги, казуистъ, соферъ или книжникъ, несмотря на то, что онъ былъ міряниномъ. Знаменитые талмудисты—не священники; это ученые по понятіямъ того времени. Правда, первосвященникъ Іерусалима занималъ весьма высокое положеніе въ глазахъ народа; но онъ ни въ коемъ случаѣ не стоялъ во главѣ религіознаго движенія. Первосвященникъ, достоинство котораго было уже унижено Иродомъ [683]), все больше и больше становился римскимъ [684]) чиновникомъ, котораго часто смѣняли, для того, чтобы дать нѣсколькимъ лицамъ воспользоваться выгодами этого званія. Въ противовѣсъ фарисеямъ, зелотамъ, строгимъ блюстителямъ законовъ, почти всѣ священники были саддукеями, т. е. членами той невѣрующей аристократіи, которая сложилась около храма, жила на счетъ алтаря, но видѣла во всемъ этомъ одну лишь суету [685]). Священническая каста настолько оторвалась отъ національнаго чувства и великаго религіознаго направленія, увлекавшаго народъ, что прозвище «саддукей» (sadoki), вначалѣ только обозначавшее члена жреческаго рода Садока, сдѣлалось синонимомъ «матеріалиста» и «эпикурейца».

Но со времени царствованія Ирода Великаго еще болѣе пагубное обстоятельство стало развращать высшее жреческое сословіе. Иродъ влюбился въ Маріанну, дочь нѣкоего Симона, сына Воэта изъ Александріи. Желая жениться на ней (около 28 г. до Р. Х.), онъ не нашелъ другого средства облагородить *своего зятя и возвысить* его до себя, какъ возведя его въ

первосвященническое достоинство. Почти въ теченіе 35 лѣтъ этотъ родъ интригановъ занималъ первосвященническую должность [686]). Будучи тѣсно связанъ съ царствующей династіей, онъ утерялъ эту должность при низложеніи Архелая и вновь достигъ ея (въ 42 г. нашей эры), когда Иродъ Агриппа на нѣкоторое время возстановилъ все сдѣланное Иродомъ Великимъ. Такимъ образомъ образовалась, подъ именемъ *Воэтузимъ* [687]), новая жреческая, весьма свѣтская и мало набожная, аристократія, которая почти слилась съ саддукеями. Въ Талмудѣ и сочиненіяхъ раввиновъ *Воэтузимъ* представляются, какъ особый видъ невѣрующихъ и постоянно сближаются съ саддукеями [688]). Въ результатѣ всего этого, около храма образовалось нѣчто въ родѣ римскаго двора, жившаго политикой, мало склоннаго къ излишеству усердія, даже боявшагося его, не желавшаго и слушать о святыхъ и новаторахъ, такъ какъ онъ существовалъ на счетъ установившейся рутины. Эти священники-эпикурейцы не обладали пылкостью фарисеевъ; они жаждали покоя; и вотъ ихъ то нравственная беззаботность и холодное невѣріе и возмуща[illegible] Іисуса. Такимъ образомъ, не смотря на крайнее различіе св[illegible]е, священники и фарисеи слились въ одно цѣлое въ антипатіи къ нимъ Іисуса. Но въ виду того, что онъ былъ пришельцемъ и не пользовался довѣріемъ, ему долго приходилось таить въ себѣ самомъ свои неудовольствія и сообщать о своихъ чувствахъ только тѣсному кружку послѣдователей.

Передъ послѣднимъ, самымъ долгимъ пребываніемъ своимъ въ Іерусалимѣ, закончившемся его смертью, Іисусъ пытался заставить выслушать себя. Онъ сталъ проповѣдовать; о немъ стали говорить; заговорили о нѣкоторыхъ дѣлахъ, которыя считали чудесными. Но въ результатѣ всего этого не создалось ни церкви въ Іерусалимѣ, ни группы учениковъ среди іерусалимлянъ. Прекрасный учитель, прощавшій все, лишь бы его только любили, не могъ встрѣтить большого сочувствія въ этомъ святилищѣ суетныхъ диспутовъ и устарѣвшихъ жертвоприношеній. Онъ завязалъ только нѣсколько добрыхъ связей, принесшихъ впослѣдствіи свои плоды. Неизвѣстно, именно тогда ли онъ познакомился съ семьей изъ Виѳаніи, доставившей ему столько утѣшенія среди испытаній послѣднихъ мѣсяцевъ. Но, можетъ быть, тогда у него начались сношенія съ Маріей, матерью Марка, въ домѣ которой *нѣсколько лѣтъ спустя* состоялось собраніе апостоловъ при

участіи самого Марка [689]). Точно также весьма рано онъ привлекъ вниманіе нѣкоего богатаго фарисея Никодима, члена сенедріона, пользовавшагося въ Іерусалимѣ большимъ уваженіемъ [690]). Человѣкъ этотъ, повидимому, честный и добросовѣстный почувствовалъ симпатію къ юному галилеянину. Не желая скомпрометировать себя, онъ, говорятъ, явился къ нему ночью и долго говорилъ съ нимъ [691]) Безъ сомнѣнія, онъ сохранилъ о немъ благопріятное впечатлѣніе, такъ какъ впослѣдствіи онъ защищалъ Іисуса отъ обвиненія своихъ же собратьевъ [692]). Послѣ смерти Іисуса онъ окружаетъ благочестивыми заботами трупъ учителя [693]). Никодимъ не сдѣлался христіаниномъ; онъ полагалъ, что, благодаря своему положенію, онъ не могъ вступать въ революціонное движеніе, не насчитывавшее еще въ своихъ рядахъ извѣстныхъ людей. Но онъ очень дружелюбно относился къ Іисусу и оказывалъ ему услуги, хотя и не былъ въ состояніи спасти его отъ смертнаго приговора, который, въ ту эпоху, къ которой мы приблизились, уже былъ какъ бы подписанъ.

Что касается знаменитыхъ ученыхъ того времени, то, повидимому, Іисусъ не состоялъ съ ними въ сношеніяхъ. Гиллель и Шаммаи уже умерли; самымъ главнымъ авторитетомъ того времени былъ Гамаліилъ, внукъ Гиллеля. Это былъ либеральный умъ, свѣтскій человѣкъ, склонный къ мірскимъ изслѣдованіямъ и весьма терпимый, благодаря своимъ связямъ съ высшимъ обществомъ [694]). Въ противовѣсъ суровымъ фарисеямъ, ходившимъ съ покрываломъ на головѣ или съ закрытыми глазами, онъ глядѣлъ на женщинъ и даже на язычниковъ [695]). Въ виду его близости ко двору [696]), преданіе простило ему все это, даже знаніе греческаго языка. Говорятъ, что, послѣ смерти Іисуса, онъ высказывалъ весьма умѣренные взгляды на новую секту [697]). Св. Павелъ принадлежалъ къ его школѣ [698]). Но весьма вѣроятно, что Іисусъ никогда не входилъ въ нее.

Единственная мысль, которую Іисусъ вынесъ изъ Іерусалима и которая съ этого времени прочно укоренилась въ немъ, это мысль, что необходимо совершенно порвать со старымъ іудейскимъ культомъ. Ему казалось абсолютно необходимымъ уничтожить жертвоприношенія, внушавшія ему такое отвращеніе, смѣстить нечестивое и высокомѣрное духовенство и отмѣнить Законъ вообще. *Съ этого* момента онъ уже не является іудейскимъ *реформаторомъ, а является* разрушителемъ іудаизма. Нѣкото-

рые сторонники мессіанскихъ идей уже въ то время признали, что Мессія дастъ новый законъ, общій народамъ всего міра [699]). Ессеи, которые не были почти евреями, также, повидимому, относились безразлично къ храму и Моисеевымъ предписаніямъ. Но вѣдь это были только отдѣльныя смѣлыя, и притомъ не общепризнанныя попытки. Только Іисусъ первый рѣшился утверждать, что, начиная съ него или вѣрнѣе начиная съ Іоанна [700]), не существуетъ прежняго Закона. И если иногда онъ и употреблялъ болѣе скромныя выраженія [701]), то это только для того, чтобы не слишкомъ сильно задѣвать общепризнанные предразсудки. Когда же его заставляли дойти до конца въ своихъ разсужденіяхъ, то онъ сбрасывалъ всѣ покрывала и заявлялъ, что Законъ не имѣетъ никакой силы. Для доказательства этого, онъ приводилъ сильныя сравненія: «Никто къ ветхой одеждѣ не приставляетъ заплаты изъ небѣленной ткани. Не вливаютъ также вина молодого въ ветхіе мѣха» [702]). Вотъ въ чемъ заключается на практикѣ его подвигъ Учителя и Творца новаго. Существующій храмъ высомѣрными надписями не допускаетъ за предѣлы своей ограды всѣхъ не-іудеевъ. Іисусъ не признаетъ этого. Этотъ узкій, непреклонный и жестокій законъ пригоденъ только для потомковъ Авраама. Іисусъ утверждаетъ, что всякій добросовѣстный человѣкъ, всякій человѣкъ, который его принимаетъ и любитъ, и есть сынъ Авраама [703]). Расовая гордость кажется ему главнымъ врагомъ, съ которымъ надо бороться. Другими словами, Іисусъ уже не іудей. Онъ революціонеръ въ высшемъ смыслѣ этого слова; онъ приглашаетъ всѣхъ людей учредить религію, главной основой которой была бы та особенность, что всѣ люди—дѣти Божьи. Онъ провозглашаетъ права человѣка, а не права іудеевъ, религію человѣка, а не іудея; освобожденіе человѣчества, а не освобожденіе іудея [704]). О, какъ это далеко отъ Іуды Гавлонита, отъ Матвѣя Марголота проповѣдовавшихъ революцію во имя Закона! Учреждена религія человѣчества основанная на чувствѣ, а не на крови. Ученіе Моисея оказалось превзойденнымъ: нѣтъ смысла въ существованіи храма и онъ безповоротно осужденъ на гибель.

ГЛАВА XIII.

Первыя выступленія въ Іерусалимѣ.

Почти ежегодно Іисусъ отправлялся въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. Подробности каждаго путешествія мало извѣстны, такъ какъ синоптики не говорятъ объ этомъ[652]), а свѣдѣнія четвертаго Евангелія объ этомъ весьма туманны[653]). Повидимому, къ 31-му году и несомнѣнно ко времени послѣ смерти Іоанна относится имѣющее наибольшую важность пребываніе Іисуса въ столицѣ. Ему сопутствовали многіе ученики. Хотя Іисусъ придавалъ мало значенія паломничеству, онъ соглашался на него, не желая оскорбить общественнаго мнѣнія іудеевъ, съ которымъ онъ еще не порвалъ окончательно. Кромѣ того, эти паломничества имѣли существенное значеніе для его намѣреній; дѣло въ томъ, что онъ уже понималъ, что для того, чтобы играть первостепенную роль, ему необходимо уйти изъ Галилеи и аттаковать іудаизмъ въ его цитадели—въ Іерусалимѣ.

Маленькая галилейская община была здѣсь совершенно безпочвенной. Въ то время Іерусалимъ представлялъ собой почти то же, что и теперь, а именно, городъ педантизма, споровъ, ненавистничества и умственнаго ничтожества. Фанатизмъ былъ тамъ крайне обостренъ; религіозные бунты вспыхивали чуть ли не ежедневно. У кормила власти стояли фарисеи; единственнымъ занятіемъ было изученіе Закона, доведенное до самыхъ ничтожныхъ мелочей, до самой чистѣйшей казуистики. Этотъ исключительно теологическій и каноническій культъ совершенно не содѣйствовалъ развитію умственныхъ способностей. Совершалось нѣчто аналогичное безплоднымъ ученіямъ мусульманскихъ факиховъ,

вокругъ котораго и создалось, главнымъ образомъ, цѣлое зданіе недоумѣній и фарисейскихъ придирокъ.

Это хорошее древнее установленіе стало предлогомъ для жалкихъ диспутовъ казуистовъ, источникомъ множества суевѣрій [712]).

Многіе вѣрили, что даже сама природа ее соблюдаетъ; всѣ перемежающіеся источники слыли за «субботніе» [713]). И вотъ на диспуты по этому пункту Іисусъ и любилъ больше всего вызывать своихъ противниковъ [714]). Самъ онъ открыто нарушалъ субботу и тонкими шутками отвѣчалъ на упреки за это. Еще съ большимъ основаніемъ онъ презиралъ всю массу обрядностей, которыя были прибавлены къ закону традиціей, благодаря чему они и стали дороже сердцу ханжей. Онъ былъ самымъ безпощаднымъ врагомъ омовеній и мелочной разборчивости въ томъ, что чисто, а что нѣтъ. «Можете-ли вы, говорилъ онъ, омыть свою душу? Не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка, но то, что выходитъ изъ устъ, оскверняетъ человѣка». Всѣ удары свои онъ направлялъ на фарисеевъ, проповѣдывавшихъ все это лицемѣріе. Онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они усиливаютъ строгость закона и тѣмъ создаютъ для людей новые случаи, чтобъ грѣшить: «Слѣпые вожди слѣпыхъ, говорилъ онъ; а если слѣпой ведетъ слѣпого, то оба упадутъ въ яму». — «Порожденія ехидны, добавлялъ онъ, какъ можете вы говорить доброе, будучи злыми, вы дѣлаете лживой пословицу: отъ избытка сердца говорятъ уста» [715]).

Онъ недостаточно хорошо зналъ язычниковъ, чтобы надѣяться на ихъ обращеніи создать что-либо прочное. Въ Галилеѣ жило много язычниковъ, но, сколько можно судить, тамъ не было ни одного государственнаго организованнаго культа ложныхъ боговъ [716]). Іисусъ имѣлъ возможность видѣть такой культъ, во всемъ его блескѣ въ Тирѣ, Сидонѣ, Кесареѣ Филиппійской и Десятиградіи [717]). Онъ почти не обратилъ на него никакого вниманія. Вы нигдѣ не встрѣтите у него утомительнаго педантизма евреевъ того времени, страстныхъ нападокъ на идолопоклонство, отличающихъ его единовѣрцевъ со временъ Александра и наполняющихъ собою, напримѣръ, всю книгу «Премудрости» [718]). Въ язычникахъ его поражаетъ не идолопоклонство, а чувство раба [719]). Молодой еврей-демократъ, вполнѣ походившій въ этомъ на Іуду Гавлонита, не *признавалъ иного господина*, кромѣ Бога. Вотъ почему, его чув*ство оскорбляли почести*, воздававшіяся князьямъ, и порою

лживые титулы, которыми ихъ надѣляли. Вотъ почему когда онъ встрѣчаетъ язычниковъ, онъ проявляетъ большею частью большую снисходительность; порою, кажется, онъ больше на нихъ надѣется, чѣмъ даже на евреевъ [720]). Царство Божіе будетъ открыто и для нихъ. «Когда придетъ хозяинъ виноградника, что сдѣлаетъ онъ съ этими виноградарями? Злодѣевъ сихъ предастъ смерти, а виноградникъ отдастъ другимъ, которые будутъ отдавать ему плоды во времена свои» [721]). Іисусъ особенно долженъ былъ держаться такого взгляда, такъ какъ, согласно представленіямъ евреевъ, обращеніе язычниковъ было однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ пришествія Мессіи [722]). Въ его царствѣ божіемъ возсядутъ на празднествѣ наряду съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ и люди, пришедшіе со всѣхъ концовъ свѣта, законные же наслѣдники будутъ отвергнуты [723]). Правда, часто въ наставленіяхъ, которыя онъ преподаетъ своимъ ученикамъ, можно увидѣть какъ разъ противоположную тенденцію: повидимому, онъ предписываетъ имъ проповѣдывать спасеніе лишь среди правовѣрныхъ евреевъ [724]); онъ говоритъ о язычникахъ совершенно въ духѣ характернаго для евреевъ предубѣжденія [725]). Надо вспомнить, что ученики его, ограниченный умъ которыхъ не былъ способенъ къ такому безпристрастному отношенію къ достоинствамъ потомковъ Авраама, легко могли исказить предписанія учителя [726]) въ духѣ своихъ собственныхъ взглядовъ. Кромѣ того, очень можетъ быть, что и самъ Іисусъ нѣсколько разъ мѣнялъ свое отношеніе къ язычникамъ. Вѣдь могъ же это сдѣлать Магометъ по отношенію къ евреямъ, о которыхъ онъ отзывается въ Коранѣ то самымъ наилучшимъ образомъ, то съ необыкновенной рѣзкостью, смотря по тому, надѣется ли онъ привлечь ихъ на сторону своего ученія, или нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, преданіе приписываетъ Іисусу слѣдующихъ два совершенно противоположныхъ принципа прозелитизма, изъ которыхъ онъ могъ примѣнять каждое: «Кто не идетъ противъ васъ, тотъ съ вами», и «Кто не со мной, тотъ противъ меня» [727]). Въ пылу борьбы почти всегда неизбѣжны подобнаго рода противорѣчія.

Несомнѣнно, что въ числѣ его учениковъ насчитывалось много людей, которыхъ евреи называли «эллинами» [728]). Слово это употреблялось въ Палестинѣ въ самыхъ различныхъ значеніяхъ. *Порою имъ обозначались* язычники, порою евреи, *говорившіе на греческомъ* языкѣ и жившіе среди язычниковъ [729]).

порою же такъ называли язычниковъ по происхожденію, перешедшихъ въ іудейство [730]). Среди этой-то последней категоріи эллиновъ и пользовался, вѣроятно, Іисусъ симпатіей [731]).

Обращеніе въ іудейство имѣло много степеней, но прозелиты всегда стояли ниже, чѣмъ рожденные въ еврействѣ. Тѣ, о комъ идетъ здѣсь рѣчь, назывались «прозелитами вратъ», или «людьми, боящимися Бога», они должны были признавать заповѣди Ноя, а не Моисея [732]). И эта-то приниженность ихъ и была, несомнѣнно, причиной, приблизившей ихъ къ Іисусу и вызвавшей его расположеніе.

Точно такъ же онъ относился и къ самаритянамъ. Втиснутая, на подобіе островка, между двухъ большихъ провинцій гдѣ господствовалъ іудаизмъ (Іудея и Галилея), Самарія представляла въ Палестинѣ своеобразную чрезполосную территорію, гдѣ сохранился культъ Гаризима, родственный со своимъ соперникомъ, культомъ Іерусалимскимъ. Къ этой сектѣ, не обладавшей ни геніемъ, ни ученой организаціей іудаизма, въ собственномъ смыслѣ этого слова, іеросолимиты относились съ чрезвычайной жестокостью [733]). Ихъ ставили на одну доску съ язычниками, только къ нимъ относились еще съ большей ненавистью [734]). Изъ странной оппозиціи, Іисусъ къ ней относился хорошо. Часто онъ даже предпочитаетъ самаритянъ правовѣрнымъ евреямъ. И если въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ, повидимому, и запрещаетъ своимъ ученикамъ идти къ нимъ съ проповѣдью, отдавая Евангеліе въ удѣлъ лишь настоящимъ евреямъ [735]), то здѣсь, безъ сомнѣнія, этотъ завѣтъ былъ пріуроченъ лишь къ данному случаю, къ опредѣленнымъ обстоятельствамъ, а вовсе не имѣлъ того абсолютнаго значенія, какое приписали ему потомъ апостолы. Дѣйствительно, нѣсколько разъ самаритяне приняли его плохо, такъ какъ предполагали, что онъ исполненъ предубѣжденія противъ нихъ, какъ и всѣ его единовѣрцы [736]). Точно также и въ наше время мусульманинъ смотритъ на всякаго европейца, даже на свободомыслящаго, какъ на своего врага, такъ какъ видитъ въ немъ фанатичнаго христіанина. Іисусъ какъ-то умѣлъ обходить всѣ эти недоразумѣнія [737]). У него было, повидимому, нѣсколько учениковъ въ Сихемѣ, и онъ провелъ тамъ, по меньшей мѣрѣ, два дня [738]). Въ одномъ случаѣ онъ встрѣтилъ благодарность и истое благочестіе только у самаритянина [739]). Одной изъ самыхъ прекрасныхъ его притчъ была притча о человѣкѣ, раненномъ на дорогѣ въ Іерихонъ. Мимо этого человѣка прохо-

дитъ священникъ, видитъ его и продолжаетъ свой путь. Затѣмъ проходитъ левитъ и также не останавливается. Сжалился надъ нимъ лишь самаритянинъ; онъ подошелъ къ нему, пролилъ на его раны масло и перевязалъ ихъ [740]).

Отсюда Іисусъ заключилъ, что истинно братскія отношенія между людьми устанавливаются не вѣрой, а чувствомъ милосердія. «Ближнимъ», подъ которымъ іудаизмъ подразумѣваетъ преимущественно своихъ единовѣрцевъ [741]), онъ считаетъ всякаго человѣка безъ различія секты, который жалѣетъ подобныхъ себѣ. Братство людей въ самомъ широкомъ смыслѣ, вотъ чѣмъ дышутъ всѣ его поученія.

Эти мысли, занимавшія Іисуса при выходѣ его изъ Іерусалима, были необыкновенно живо изображены въ одномъ изъ сохранившихся разсказовъ объ его возвращеніи [742]). Дорога изъ Іерусалима въ Галилею проходитъ на разстояніи получаса пути отъ Сихема [743]), передъ входомъ въ долину у подножія горъ Гевалъ и Гаризимъ. Дорогу эту евреи-странники вообще избѣгали, такъ какъ они предпочитали лучше сдѣлать длинный крюкъ въ сторону Переи, чѣмъ подвергаться опасности со стороны самаритянъ, или просить ихъ о чемъ-нибудь. Іудеямъ было запрещено ѣсть и пить вмѣстѣ съ ними [744]); нѣкоторые казуисты даже считали аксіомой, что «кусокъ хлѣба самаритянина все одно, что свинина» [745]). Отправляясь же этой дорогой, обыкновенно заранѣе брали съ собой запасы провизіи и все же рѣдко удавалось избѣжать драки и обидъ [746]). Іисусъ не раздѣлялъ этого недоброжелательнаго отношенія, не раздѣлялъ и этихъ опасеній. И вотъ, когда, идя этой дорогой, онъ пришелъ къ тому мѣсту, откуда открывается налѣво Сихемская долина, онъ почувствовалъ утомленіе и присѣлъ отдохнуть у колодца. Самаритяне, точно такъ же, какъ и теперь, и въ то время имѣли обыкновеніе давать различнымъ мѣстамъ своей долины названія, связанныя съ воспоминаніями о патріархахъ. Колодецъ, у котораго присѣлъ Іисусъ, назывался колодцемъ Іакова; это былъ, по всей вѣроятности, тотъ самый колодецъ, который донынѣ носитъ названіе *Биръ-Якубъ*. Ученики Іисуса направились въ долину и пошли въ городъ за провизіей. Іисусъ сидѣлъ у колодца, предъ нимъ возвышалась гора Гаризимъ.

Было *около полудня. Какая то* женщина пришла изъ Си*хема за водой. Іисусъ* попросилъ у нея напиться, чѣмъ сильно *ее удивилъ, ибо евреи* избѣгали, обыкновенно, всяк...

нiй съ самаритянами. Разговоръ съ Iисусомъ до такой степени покорилъ эту женщину, что она рѣшила, что это пророкъ. И вотъ, полагая, что онъ начнетъ упрекать ее за ея вѣру, не дожидаясь этого, она обратилась къ нему со слѣдующими словами: «Господи, отцы наши поклонялись на этой горѣ, а вы говорите, что то мѣсто, гдѣ должно поклоняться, находится въ Iерусалимѣ.—Iисусъ говоритъ ей: повѣрь мнѣ, что наступитъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Iерусалимѣ, будете поклоняться Отцу. Но истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ [747])».

И въ тотъ день, когда онъ произнесъ эти слова, онъ былъ поистинѣ сыномъ Божiимъ. Онъ въ первый разъ произнесъ то слово, на которомъ впослѣдствiи было основано все зданiе вѣчной религiи. Онъ положилъ начало чистому культу, внѣ времени и мѣста, которому будутъ поклоняться всѣ чистые духомъ до скончанiя вѣка. Въ этотъ день его религiя стала не только религiей всего человѣчества; она возвысилась до абсолютной религiи. И если на другихъ планетахъ имѣются люди, надѣленные разумомъ и нравственнымъ чутьемъ, ихъ религiя не можетъ отличаться отъ той, которую провозгласилъ Iисусъ у колодца Iакова. Человѣчество не сумѣло усвоить ее, идеалъ достижимъ лишь на мгновенье. Слово Iисуса это проблескъ свѣта среди мрачной ночи. 18 столѣтiй потребовалось для того, чтобы человѣчество что я говорю?—самая незначительная часть его привыкло къ его ослѣпительному блеску. Но проблескъ свѣта предвѣщаетъ яркое солнце, и, пройдя черезъ весь этотъ рядъ заблужденiй, человѣчество снова придетъ къ этому слову, безсмертному отраженiю его вѣрованiй и надеждъ.

ГЛАВА XV.

Возникновеніе легенды о Іисусѣ. Его собственное представленіе о своей сверхъестественной роли.

Іисусъ возвратился въ Галилею, уже совершенно утративъ свою старую вѣру, полный революціоннаго энтузіазма. Теперь уже идеи его получили вполнѣ опредѣленное выраженіе. Вмѣсто невинныхъ афоризмовъ перваго періода его пророческой дѣятельности, позаимствованныхъ имъ отчасти у старыхъ раввиновъ, вмѣсто высокихъ нравственныхъ проповѣдей второго періода—онъ посвящаетъ себя вполнѣ опредѣленной политической дѣятельности. Старый Законъ будетъ отмѣненъ, и сдѣлаетъ это никто, какъ онъ самъ [748]). Мессія пришелъ, это онъ самъ [749]). Царство Божіе скоро объявится, и объявится оно опять таки черезъ него. Онъ знаетъ отлично, что станетъ жертвой своей отваги, но царство Божіе не можетъ быть завоевано безъ насилія; наступитъ оно лишь послѣ ряда катастрофъ и междоусобицъ [750]). Сынъ человѣческій снова придетъ послѣ своей смерти, на этотъ разъ покрытый славой, въ сопровожденіи легіоновъ ангеловъ, и всѣ, кто отвергнутъ его, тогда будутъ посрамлены.

Мы не должны изумляться смѣлости подобныхъ мыслей. Іисусъ давно ужъ смотрѣлъ на свои отношенія къ Богу, какъ на отношенія сына къ отцу. И то, что у другихъ могло бы казаться несносной гордостью, у него не производитъ такого впечатлѣнія.

Титулъ «сынъ Давида» былъ первый, принятый имъ [751]), весьма вѣроятно, однако, что онъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ тѣхъ *невинныхъ* подтасовкахъ, при помощи которыхъ хотѣли доказать его права на него. Родъ Давида къ

тому времени давно ужъ, кажется, пресѣкся [752]); ни Асмонеи, ведшіе свой родъ отъ первосвященниковъ, ни Иродъ, ни римляне ни на минуту не подозрѣвали, что гдѣ нибудь около нихъ можетъ существовать представитель древняго царскаго рода. Но уже съ прекращеніемъ рода Асмонеевъ всѣми овладѣла одна и та же мечта о безвѣстномъ потомкѣ древнихъ царей, который отомститъ врагамъ своего народа. Всѣ вѣрили въ то, что Мессія будетъ сыномъ Давидовымъ [753]) и родится, какъ онъ, въ Вифлеемѣ [754]). Первоначальный замыселъ Іисуса былъ вовсе не таковъ. Его небесное царство не имѣло ничего общаго съ воспоминаніями о Давидѣ, которыя интересовали въ то время еврейскую массу. Онъ считалъ себя сыномъ Божіимъ, а не сыномъ Давида. Его царсто Божіе и освобожденіе, которое онъ замышлялъ, были явленіями совершенно другого порядка. Однако, въ данномъ случаѣ общее убѣжденіе произвело давленіе и на него. Непосредственнымъ слѣдствіемъ принятія положенія, «Іисусъ—Мессія», было другое положеніе: «Іисусъ сынъ Давидовъ». И онъ позволилъ дать себѣ этотъ титулъ, безъ котораго не имѣлъ бы надежды ни на какой успѣхъ. Въ концѣ концовъ, ему стало, повидимому, это доставлять удовольствіе, такъ какъ онъ охотнѣе совершалъ чудеса, когда, обращаясь къ нему, его называли этимъ именемъ [755]). Тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ своей жизни, Іисусъ склонился на сторону распространенныхъ въ его время идей, хотя самъ онъ и не раздѣлялъ ихъ. Къ своему догмату о «царствѣ Божіемъ» онъ присоединилъ все, что могло подогрѣть сердца и распалить воображеніе. Такъ, напримѣръ, онъ принялъ крещеніе Іоанна, хотя, какъ мы видѣли, оно не должно было имѣть въ глазахъ его большого значенія.

Но тутъ возникало одно весьма важное затрудненіе: всѣмъ извѣстно было, что онъ родился въ Назаретѣ. Неизвѣстно, выступалъ ли Іисусъ противъ этого возраженія. Возможно, что въ Галилеѣ, гдѣ мысль о томъ, что сынъ Давидовъ долженъ родиться въ Виѳлеемѣ, не была такъ широко распространена, такихъ возраженій никто и не дѣлалъ. Къ тому же, въ глазахъ галилеянина-идеалиста титулъ «сына Давидова» оказывался вполнѣ заслуженнымъ уже въ томъ случаѣ, если тотъ, кто носитъ его, увеличиваетъ славу своей расы и возвращаетъ на землю прекрасные дни Израиля. Можно-ли считать, что своимъ молчаніемъ онъ какъ бы подтвердилъ ту вымышленную генеалогію, которую придумали его послѣдова-

тели для доказательства его происхожденія отъ потомковъ царей [756]). Было-ли ему что-нибудь извѣстно о тѣхъ легендахъ, которыя были придуманы для доказательства его рожденія въ Виѳлеемѣ [757]), а въ частности, тотъ пріемъ, съ помощью котораго его виѳлеемское происхожденіе было пріурочено къ переписи, произведенной по приказанію императорскаго легата Квиринія [758]). Никто этого не знаетъ. Тѣ неточности и противорѣчія, съ которыми мы встрѣчаемся въ его родословныхъ [759]), располагаютъ насъ къ мысли, что онѣ были продуктомъ народнаго творчества, шедшаго въ разныхъ направленіяхъ, и что ни одна изъ нихъ не была санкціонирована Іисусомъ [760]). Самъ онъ никогда не называлъ себя сыномъ Давидовымъ. Ученики его, менѣе просвѣщенные, чѣмъ онъ, часто преувеличивали то, что онъ самъ говорилъ о себѣ; самъ же онъ чаще всего даже и не имѣлъ понятія объ этихъ преувеличеніяхъ. Ко всему сказанному надо добавить, что въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій цѣлый рядъ значительныхъ христіанскихъ фракцій [761]) самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицалъ царское происхожденіе Іисуса и достовѣрность всей этой генеалогіи. Такимъ образомъ, легенда о немъ была продуктомъ какого-то вполнѣ самостоятельнаго заговора, и создавалась около него еще при его жизни. Въ исторіи не было ни одного великаго событія, къ которому не пріурочивался бы цѣлый циклъ всякихъ сказокъ, и если бы даже Іисусъ и желалъ этого, онъ не смогъ бы остановить этого народнаго творчества. Можетъ быть проницательный глазъ изслѣдователя уже къ этому времени отнесетъ зародышъ тѣхъ сказаній, въ которыхъ ему приписывали сверхъестественное происхожденіе [762]). Идея о такомъ происхожденіи могла возникнуть подъ вліяніемъ той весьма распространенной въ древности мысли, что необыкновенный человѣкъ не можетъ родиться обычнымъ половымъ путемъ; быть можетъ, этимъ хотѣли согласовать его рожденіе съ той, плохо понятой главой изъ Исаіи [763]), гдѣ, по общему толкованію, было сказано, что Мессія родится отъ дѣвы. Это могло быть, наконецъ, выводомъ изъ той идеи, что «Духъ Божій», воплотившись въ божественной ипостаси, является началомъ плодовитости [764]). Быть можетъ, уже въ то время о дѣтствѣ Іисуса ходила не одна сказка, придуманная для того, чтобы доказать на его біографіи осуществленіе мессіанскаго идеала [765]) или, вѣрнѣе *говоря, тѣхъ пророчествъ*, которыя эгзегетика аллегорій того

ГЛАВА XIII.

Первыя выступленія въ Іерусалимѣ.

Почти ежегодно Іисусъ отправлялся въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. Подробности каждаго путешествія мало извѣстны, такъ какъ синоптики не говорятъ объ этомъ[652]), а свѣдѣнія четвертаго Евангелія объ этомъ весьма туманны[653]). Повидимому, къ 31-му году и несомнѣнно ко времени послѣ смерти Іоанна относится имѣющее наибольшую важность пребываніе Іисуса въ столицѣ. Ему сопутствовали многіе ученики. Хотя Іисусъ придавалъ мало значенія паломничеству, онъ соглашался на него, не желая оскорбить общественнаго мнѣнія іудеевъ, съ которымъ онъ еще не порвалъ окончательно. Кромѣ того, эти паломничества имѣли существенное значеніе для его намѣреній; дѣло въ томъ, что онъ уже понималъ, что для того, чтобы играть первостепенную роль, ему необходимо уйти изъ Галилеи и аттаковать іудаизмъ въ его цитадели—въ Іерусалимѣ.

Маленькая галилейская община была здѣсь совершенно безпочвенной. Въ то время Іерусалимъ представлялъ собой почти то же, что и теперь, а именно, городъ педантизма, споровъ, ненавистничества и умственнаго ничтожества. Фанатизмъ былъ тамъ крайне обостренъ; религіозные бунты вспыхивали чуть ли не ежедневно. У кормила власти стояли фарисеи; единственнымъ занятіемъ было изученіе Закона, доведенное до самыхъ ничтожныхъ мелочей, до самой чистѣйшей казуистики. Этотъ исключительно теологическій и каноническій культъ совершенно не содѣйствовалъ развитію умственныхъ способностей. Совершалось нѣчто аналогичное безплоднымъ ученіямъ мусульманскихъ факировъ,

вокругъ котораго и создалось, главнымъ образомъ, цѣлое зданіе недоумѣній и фарисейскихъ придирокъ.

Это хорошее древнее установленіе стало предлогомъ для жалкихъ диспутовъ казуистовъ, источникомъ множества суевѣрій [712]).

Многіе вѣрили, что даже сама природа ее соблюдаетъ; всѣ перемежающіеся источники слыли за «субботніе» [713]). И вотъ на диспуты по этому пункту Іисусъ и любилъ больше всего вызывать своихъ противниковъ [714]). Самъ онъ открыто нарушалъ субботу и тонкими шутками отвѣчалъ на упреки за это. Еще съ большимъ основаніемъ онъ презиралъ всю массу обрядностей, которыя были прибавлены къ закону традиціей, благодаря чему они и стали дороже сердцу ханжей. Онъ былъ самымъ безпощаднымъ врагомъ омовеній и мелочной разборчивости въ томъ, что чисто, а что нѣтъ. «Можете-ли вы, говорилъ онъ, омыть свою душу? Не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка, но то, что выходитъ изъ устъ, оскверняетъ человѣка». Всѣ удары свои онъ направлялъ на фарисеевъ, проповѣдывавшихъ все это лицемѣріе. Онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они усиливаютъ строгость закона и тѣмъ создаютъ для людей новые случаи, чтобъ грѣшить: «Слѣпые вожди слѣпыхъ, говорилъ онъ; а если слѣпой ведетъ слѣпого, то оба упадутъ въ яму». — «Порожденія ехидны, добавлялъ онъ, какъ можете вы говорить доброе, будучи злыми, вы дѣлаете лживой пословицу: отъ избытка сердца говорятъ уста» [715]).

Онъ недостаточно хорошо зналъ язычниковъ, чтобы надѣяться на ихъ обращеніи создать что-либо прочное. Въ Галилеѣ жило много язычниковъ, но, сколько можно судить, тамъ не было ни одного государственнаго организованнаго культа ложныхъ боговъ [716]). Іисусъ имѣлъ возможность видѣть такой культъ, во всемъ его блескѣ въ Тирѣ, Сидонѣ, Кесареѣ Филиппійской и Десятиградіи [717]). Онъ почти не обратилъ на него никакого вниманія. Вы нигдѣ не встрѣтите у него утомительнаго педантизма евреевъ того времени, страстныхъ нападокъ на идолопоклонство, отличающихъ его единовѣрцевъ со временъ Александра и наполняющихъ собою, напримѣръ, всю книгу «Премудрости» [718]). Въ язычникахъ его поражаетъ не идолопоклонство, а чувство раба [719]). Молодой еврей-демократъ, вполнѣ походившій въ этомъ на Іуду Гавлонита, не *признавалъ иного* господина, кромѣ Бога. Вотъ почему, его чув*ство оскорбляли* почести, воздававшіяся князьямъ, и порою

лживые титулы, которыми ихъ надѣляли. Вотъ почему когда онъ встрѣчаетъ язычниковъ, онъ проявляетъ большею частью большую снисходительность; порою, кажется, онъ больше на нихъ надѣется, чѣмъ даже на евреевъ [720]). Царство Божіе будетъ открыто и для нихъ. «Когда придетъ хозяинъ виноградника, что сдѣлаетъ онъ съ этими виноградарями? Злодѣевъ сихъ предастъ смерти, а виноградникъ отдастъ другимъ, которые будутъ отдавать ему плоды во времена свои» [721]). Іисусъ особенно долженъ былъ держаться такого взгляда, такъ какъ, согласно представленіямъ евреевъ, обращеніе язычниковъ было однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ пришествія Мессіи [722]). Въ его царствѣ божіемъ возсядутъ на празднествѣ наряду съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ и люди, пришедшіе со всѣхъ концовъ свѣта, законные же наслѣдники будутъ отвергнуты [723]). Правда, часто въ наставленіяхъ, которыя онъ преподаетъ своимъ ученикамъ, можно увидѣть какъ разъ противоположную тенденцію: повидимому, онъ предписываетъ имъ проповѣдывать спасеніе лишь среди правовѣрныхъ евреевъ [724]); онъ говоритъ о язычникахъ совершенно въ духѣ характернаго для евреевъ предубѣжденія [725]). Надо вспомнить, что ученики его, ограниченный умъ которыхъ не былъ способенъ къ такому безпристрастному отношенію къ достоинствамъ потомковъ Авраама, легко могли исказить предписанія учителя [726]) въ духѣ своихъ собственныхъ взглядовъ. Кромѣ того, очень можетъ быть, что и самъ Іисусъ нѣсколько разъ мѣнялъ свое отношеніе къ язычникамъ. Вѣдь могъ же это сдѣлать Магометъ по отношенію къ евреямъ, о которыхъ онъ отзывается въ Коранѣ то самымъ наилучшимъ образомъ, то съ необыкновенной рѣзкостью, смотря по тому, надѣется ли онъ привлечь ихъ на сторону своего ученія, или нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, преданіе приписываетъ Іисусу слѣдующихъ два совершенно противоположныхъ принципа прозелитизма, изъ которыхъ онъ могъ примѣнять каждое: «Кто не идетъ противъ васъ, тотъ съ вами», и «Кто не со мной, тотъ противъ меня» [727]). Въ пылу борьбы почти всегда неизбѣжны подобнаго рода противорѣчія.

Несомнѣнно, что въ числѣ его учениковъ насчитывалось много людей, которыхъ евреи называли «эллинами» [728]). Слово это употреблялось въ Палестинѣ въ самыхъ различныхъ значеніяхъ. *Порою имъ обозначались* язычники, порою евреи, *говорившіе на греческомъ* языкѣ и жившіе среди язычниковъ [729]).

порою же такъ называли язычниковъ по происхожденію, перешедшихъ въ іудейство [730]). Среди этой-то послѣдней категоріи эллиновъ и пользовался, вѣроятно, Іисусъ симпатіей [731]).

Обращеніе въ іудейство имѣло много степеней, но прозелиты всегда стояли ниже, чѣмъ рожденные въ еврействѣ. Тѣ, о комъ идетъ здѣсь рѣчь, назывались «прозелитами вратъ», или «людьми, боящимися Бога», они должны были признавать заповѣди Ноя, а не Моисея [732]). И эта-то приниженность ихъ и была, несомнѣнно, причиной, приблизившей ихъ къ Іисусу и вызвавшей его расположеніе.

Точно такъ же онъ относился и къ самаритянамъ. Втиснутая, на подобіе островка, между двухъ большихъ провинцій гдѣ господствовалъ іудаизмъ (Іудея и Галилея), Самарія представляла въ Палестинѣ своеобразную чрезполосную территорію, гдѣ сохранился культъ Гаризима, родственный со своимъ соперникомъ, культомъ Іерусалимскимъ. Къ этой сектѣ, не обладавшей ни геніемъ, ни ученой организаціей іудаизма, въ собственномъ смыслѣ этого слова, іеросоломиты относились съ чрезвычайной жестокостью [733]). Ихъ ставили на одну доску съ язычниками, только къ нимъ относились еще съ большей ненавистью [734]). Изъ странной оппозиціи, Іисусъ къ ней относился хорошо. Часто онъ даже предпочитаетъ самаритянъ правовѣрнымъ евреямъ. И если въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ, повидимому, и запрещаетъ своимъ ученикамъ идти къ нимъ съ проповѣдью, отдавая Евангеліе въ удѣлъ лишь настоящимъ евреямъ [735]), то здѣсь, безъ сомнѣнія, этотъ завѣтъ былъ пріуроченъ лишь къ данному случаю, къ опредѣленнымъ обстоятельствамъ, а вовсе не имѣлъ того абсолютнаго значенія, какое приписали ему потомъ апостолы. Дѣйствительно, нѣсколько разъ самаритяне приняли его плохо, такъ какъ предполагали, что онъ исполненъ предубѣжденія противъ нихъ, какъ и всѣ его единовѣрцы [736]). Точно также и въ наше время мусульманинъ смотритъ на всякаго европейца, даже на свободомыслящаго, какъ на своего врага, такъ какъ видитъ въ немъ фанатичнаго христіанина. Іисусъ какъ-то умѣлъ обходить всѣ эти недоразумѣнія [737]). У него было, повидимому, нѣсколько учениковъ въ Сихемѣ, и онъ провелъ тамъ, по меньшей мѣрѣ, два дня [738]). Въ одномъ случаѣ онъ встрѣтилъ благодарность и истое благочестіе только у самаритянина [739]). Одной изъ самыхъ прекрасныхъ его притчъ была притча о человѣкѣ, раненномъ на дорогѣ въ Іерихонъ. Мимо этого человѣка прохо-

дитъ священникъ, видитъ его и продолжаетъ свой путь. Затѣмъ проходитъ левитъ и также не останавливается. Сжалился надъ нимъ лишь самаритянинъ; онъ подошелъ къ нему, пролилъ на его раны масло и перевязалъ ихъ [740]).

Отсюда Іисусъ заключилъ, что истинно братскія отношенія между людьми устанавливаются не вѣрой, а чувствомъ милосердія. «Ближнимъ», подъ которымъ іудаизмъ подразумѣваетъ преимущественно своихъ единовѣрцевъ [741]), онъ считаетъ всякаго человѣка безъ различія секты, который жалѣетъ подобныхъ себѣ. Братство людей въ самомъ широкомъ смыслѣ, вотъ чѣмъ дышутъ всѣ его поученія.

Эти мысли, занимавшія Іисуса при выходѣ его изъ Іерусалима, были необыкновенно живо изображены въ одномъ изъ сохранившихся разсказовъ объ его возвращеніи [742]). Дорога изъ Іерусалима въ Галилею проходитъ на разстояніи получаса пути отъ Сихема [743]), передъ входомъ въ долину у подножія горъ Гевалъ и Гаризимъ. Дорогу эту евреи-странники вообще избѣгали, такъ какъ они предпочитали лучше сдѣлать длинный крюкъ въ сторону Переи, чѣмъ подвергаться опасности со стороны самаритянъ, или просить ихъ о чемъ-нибудь. Іудеямъ было запрещено ѣсть и пить вмѣстѣ съ ними [744]); нѣкоторые казуисты даже считали аксіомой, что «кусокъ хлѣба самаритянина все одно, что свинина» [745]). Отправляясь же этой дорогой, обыкновенно заранѣе брали съ собой запасы провизіи и все же рѣдко удавалось избѣжать драки и обидъ [746]). Іисусъ не раздѣлялъ этого недоброжелательнаго отношенія, не раздѣлялъ и этихъ опасеній. И вотъ, когда, идя этой дорогой, онъ пришелъ къ тому мѣсту, откуда открывается налѣво Сихемская долина, онъ почувствовалъ утомленіе и присѣлъ отдохнуть у колодца. Самаритяне, точно такъ же, какъ и теперь, и въ то время имѣли обыкновеніе давать различнымъ мѣстамъ своей долины названія, связанныя съ воспоминаніями о патріархахъ. Колодецъ, у котораго присѣлъ Іисусъ, назывался колодцемъ Іакова; это былъ, по всей вѣроятности, тотъ самый колодецъ, который донынѣ носитъ названіе *Биръ-Якубъ*. Ученики Іисуса направились въ долину и пошли въ городъ за провизіей. Іисусъ сидѣлъ у колодца, предъ нимъ возвышалась гора Гаризимъ.

Было *около полудня*. Какая то женщина пришла изъ Си*хема за водой. Іисусъ* попросилъ у нея напиться, чѣмъ силь*ее удивилъ, ибо евреи* избѣгали, обыкнове...

ній съ самаритянами. Разговоръ съ Іисусомъ до такой степени покорилъ эту женщину, что она рѣшила, что это пророкъ. И вотъ, полагая, что онъ начнетъ упрекать ее за ея вѣру, не дожидаясь этого, она обратилась къ нему со слѣдующими словами: «Господи, отцы наши поклонялись на этой горѣ, а вы говорите, что то мѣсто, гдѣ должно поклоняться, находится въ Іерусалимѣ.—Іисусъ говоритъ ей: повѣрь мнѣ, что наступитъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ, будете поклоняться Отцу. Но истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ [747])».

И въ тотъ день, когда онъ произнесъ эти слова, онъ былъ поистинѣ сыномъ Божіимъ. Онъ въ первый разъ произнесъ то слово, на которомъ впослѣдствіи было основано все зданіе вѣчной религіи. Онъ положилъ начало чистому культу, внѣ времени и мѣста, которому будутъ поклоняться всѣ чистые духомъ до скончанія вѣка. Въ этотъ день его религія стала не только религіей всего человѣчества; она возвысилась до абсолютной религіи. И если на другихъ планетахъ имѣются люди, надѣленные разумомъ и нравственнымъ чутьемъ, ихъ религія не можетъ отличаться отъ той, которую провозгласилъ Іисусъ у колодца Іакова. Человѣчество не сумѣло усвоить ее, идеалъ достижимъ лишь на мгновенье. Слово Іисуса это проблескъ свѣта среди мрачной ночи. 18 столѣтій потребовалось для того, чтобы человѣчество что я говорю?—самая незначительная часть его привыкло къ его ослѣпительному блеску. Но проблескъ свѣта предвѣщаетъ яркое солнце, и, пройдя черезъ весь этотъ рядъ заблужденій, человѣчество снова придетъ къ этому слову, безсмертному отраженію его вѣрованій и надеждъ.

ГЛАВА XV.

Возникновеніе легенды о Іисусѣ. Его собственное представленіе о своей сверхъестественной роли.

Іисусъ возвратился въ Галилею, уже совершенно утративъ свою старую вѣру, полный революціоннаго энтузіазма. Теперь уже идеи его получили вполнѣ опредѣленное выраженіе. Вмѣсто невинныхъ афоризмовъ перваго періода его пророческой дѣятельности, позаимствованныхъ имъ отчасти у старыхъ раввиновъ, вмѣсто высокихъ нравственныхъ проповѣдей второго періода—онъ посвящаетъ себя вполнѣ опредѣленной политической дѣятельности. Старый Законъ будетъ отмѣненъ, и сдѣлаетъ это никто, какъ онъ самъ [748]). Мессія пришелъ, это онъ самъ [749]). Царство Божіе скоро объявится, и объявится оно опять таки черезъ него. Онъ знаетъ отлично, что станетъ жертвой своей отваги, но царство Божіе не можетъ быть завоевано безъ насилія; наступитъ оно лишь послѣ ряда катастрофъ и междоусобицъ [750]). Сынъ человѣческій снова придетъ послѣ своей смерти, на этотъ разъ покрытый славой, въ сопровожденіи легіоновъ ангеловъ, и всѣ, кто отвергнутъ его, тогда будутъ посрамлены.

Мы не должны изумляться смѣлости подобныхъ мыслей. Іисусъ давно ужъ смотрѣлъ на свои отношенія къ Богу, какъ на отношенія сына къ отцу. И то, что у другихъ могло бы казаться несносной гордостью, у него не производитъ такого впечатлѣнія.

Титулъ «сынъ Давида» былъ первый, принятый имъ [751]); весьма вѣроятно, однако, что онъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ тѣхъ *невинныхъ* подтасовкахъ, при помощи которыхъ хотѣли доказать его права на него. Родъ Давида къ

тому времени давно ужъ, кажется, пресѣкся [752]); ни Асмонеи, ведшіе свой родъ отъ первосвященниковъ, ни Иродъ, ни римляне ни на минуту не подозрѣвали, что гдѣ нибудь около нихъ можетъ существовать представитель древняго царскаго рода. Но уже съ прекращеніемъ рода Асмонеевъ всѣми овладѣла одна и та же мечта о безвѣстномъ потомкѣ древнихъ царей, который отомститъ врагамъ своего народа. Всѣ вѣрили въ то, что Мессія будетъ сыномъ Давидовымъ [753]) и родится, какъ онъ, въ Вифлеемѣ [754]). Первоначальный замыселъ Іисуса былъ вовсе не таковъ. Его небесное царство не имѣло ничего общаго съ воспоминаніями о Давидѣ, которыя интересовали въ то время еврейскую массу. Онъ считалъ себя сыномъ Божіимъ, а не сыномъ Давида. Его царсто Божіе и освобожденіе, которое онъ замышлялъ, были явленіями совершенно другого порядка. Однако, въ данномъ случаѣ общее убѣжденіе произвело давленіе и на него. Непосредственнымъ слѣдствіемъ принятія положенія, «Іисусъ—Мессія», было другое положеніе: «Іисусъ сынъ Давидовъ». И онъ позволилъ дать себѣ этотъ титулъ, безъ котораго не имѣлъ бы надежды ни на какой успѣхъ. Въ концѣ концовъ, ему стало, повидимому, это доставлять удовольствіе, такъ какъ онъ охотнѣе совершалъ чудеса, когда, обращаясь къ нему, его называли этимъ именемъ [755]). Тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ своей жизни, Іисусъ склонился на сторону распространенныхъ въ его время идей, хотя самъ онъ и не раздѣлялъ ихъ. Къ своему догмату о «царствѣ Божіемъ» онъ присоединилъ все, что могло подогрѣть сердца и распалить воображеніе. Такъ, напримѣръ, онъ принялъ крещеніе Іоанна, хотя, какъ мы видѣли, оно не должно было имѣть въ глазахъ его большого значенія.

Но тутъ возникало одно весьма важное затрудненіе: всѣмъ извѣстно было, что онъ родился въ Назаретѣ. Неизвѣстно, выступалъ ли Іисусъ противъ этого возраженія. Возможно, что въ Галилеѣ, гдѣ мысль о томъ, что сынъ Давидовъ долженъ родиться въ Виѳлеемѣ, не была такъ широко распространена, такихъ возраженій никто и не дѣлалъ. Къ тому же, въ глазахъ галилеянина-идеалиста титулъ «сына Давидова» оказывался вполнѣ заслуженнымъ уже въ томъ случаѣ, если тотъ, кто носитъ его, увеличиваетъ славу своей расы и возвращаетъ на землю прекрасные дни Израиля. Можно-ли считать, что своимъ молчаніемъ онъ какъ бы подтвердилъ ту вымышленную генеалогію, которую придумали его послѣдова-

тели для доказательства его происхожденія отъ потомковъ царей [756]). Было-ли ему что-нибудь извѣстно о тѣхъ легендахъ, которыя были придуманы для доказательства его рожденія въ Виѳлеемѣ [757]), а въ частности, тотъ пріемъ, съ помощью котораго его виѳлеемское происхожденіе было пріурочено къ переписи, произведенной по приказанію императорскаго легата Квиринія [758]). Никто этого не знаетъ. Тѣ неточности и противорѣчія, съ которыми мы встрѣчаемся въ его родословныхъ [759]), располагаютъ насъ къ мысли, что онѣ были продуктомъ народнаго творчества, шедшаго въ разныхъ направленіяхъ, и что ни одна изъ нихъ не была санкціонирована Іисусомъ [760]). Самъ онъ никогда не называлъ себя сыномъ Давидовымъ. Ученики его, менѣе просвѣщенные, чѣмъ онъ, часто преувеличивали то, что онъ самъ говорилъ о себѣ; самъ же онъ чаще всего даже и не имѣлъ понятія объ этихъ преувеличеніяхъ. Ко всему сказанному надо добавить, что въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій цѣлый рядъ значительныхъ христіанскихъ фракцій [761]) самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицалъ царское происхожденіе Іисуса и достовѣрность всей этой генеалогіи. Такимъ образомъ, легенда о немъ была продуктомъ какого-то вполнѣ самостоятельнаго заговора, и создавалась около него еще при его жизни. Въ исторіи не было ни одного великаго событія, къ которому не пріурочивался бы цѣлый циклъ всякихъ сказокъ, и если бы даже Іисусъ и желалъ этого, онъ не смогъ бы остановить этого народнаго творчества. Можетъ быть проницательный глазъ изслѣдователя уже къ этому времени отнесетъ зародышъ тѣхъ сказаній, въ которыхъ ему приписывали сверхъестественное происхожденіе [762]). Идея о такомъ происхожденіи могла возникнуть подъ вліяніемъ той весьма распространенной въ древности мысли, что необыкновенный человѣкъ не можетъ родиться обычнымъ половымъ путемъ; быть можетъ, этимъ хотѣли согласовать его рожденіе съ той, плохо понятой главой изъ Исаіи [763]), гдѣ, по общему толкованію, было сказано, что Мессія родится отъ дѣвы. Это могло быть, наконецъ, выводомъ изъ той идеи, что «Духъ Божій», воплотившись въ божественной ипостаси, является началомъ плодовитости [764]). Быть можетъ, уже въ то время о дѣтствѣ Іисуса ходила не одна сказка, придуманная для того, чтобы доказать на его біографіи осуществленіе мессіанскаго идеала [765]) или, вѣрнѣе *говоря, тѣхъ пророчествъ*, которыя эгзегетика аллегорій того

нельзя прикладывать нашу условную мѣрку. Бившее черезъ край восхищеніе предъ нимъ его учениковъ увлекало и его самого. Ясно, что при такихъ условіяхъ званіе *равви*, которымъ онъ прежде удовлетворялся, казалось ему теперь уже недостаточнымъ, и даже титулъ пророка, посла Божія, уже не соотвѣтствуетъ его настроенію. Онъ начинаетъ выдавать себя за сверхъестественное существо, и ему хотѣлось бы, чтобъ на него смотрѣли, какъ на существо, которое находится въ иныхъ, болѣе высокихъ, чѣмъ всѣ остальные люди, отношеніяхъ къ Богу. Но надо отмѣтить, однако, что религіозная мысль Іисуса не знала такихъ словъ, какъ «сверхчеловѣческій», «сверхъестественный», словъ, заимствованныхъ уже изъ нашей, скудной представленіями, теологіи. Въ его глазахъ, природа и развитіе человѣчества не составляли какой-то особой области, находящейся внѣ вліянія Бога; они не были для него какой-то жалкой реальностью, подчиненной особымъ законамъ, строгимъ и непреложнымъ. Для него не существовало ничего сверхъестественнаго, ибо и природу онъ не выдѣлялъ изъ всего. Опьяненный безконечной любовью, онъ забывалъ о тяжкихъ оковахъ, сковывающихъ плѣненный человѣческій умъ. Гордымъ полетомъ мысли онъ переносился чрезъ бездну, отдѣляющую, благодаря человѣческой ограниченности, Бога отъ человѣка, и непреодолимую для большинства людей.

Въ этихъ мысляхъ Іисуса нельзя не признать зародыша той доктрины, которая видѣла въ немъ божественную ипостась[793]) и то отождествляла его съ «Словомъ», то видѣла въ немъ «второго Бога» [794]), старшаго сына Бога [795]) или «Ангела метатрона»[796]), котораго создало изъ него и іудейское богословіе [797]). Подобное богословское измышленіе могло быть вызвано потребностью въ смягченіи чрезвычайной строгости древняго монотеизма, которая и создала рядомъ съ Богомъ какого-то секретаря, которому Предвѣчный Отецъ могъ бы поручать управленіе вселенной. Уже въ это время начинала распространяться вѣра въ то, что нѣкоторые люди являются воплощеніемъ божественныхъ свойствъ, или «силъ»; у самаритянъ, напр., существовалъ, приблизительно, въ это же время нѣкій чудотворецъ, котораго отождествляли «съ великой добродѣтелью Божьей»[798]). Уже въ теченіе почти двухъ столѣтій спекулятивная мысль іудаизма постепенно склонялась къ созданію *реальныхъ образовъ путемъ* соединенія божественныхъ аттрибутовъ *и отдѣльныхъ выраженій*, относящихся къ божеству, такъ

напримѣръ, въ словахъ «Духъ Божій», часто встрѣчающихся въ Ветхомъ Завѣтѣ, было усмотрѣно указаніе на существованіе особаго существа, «Святаго Духа». Точно такими же самостоятельными существами становятся и «Премудрость Божія», и «Слово Божіе». Это было начало того процесса, который породилъ *сефиротъ* кабалистики, *эоны* гностицизма, ипостаси христіанства,—однимъ словомъ, всю эту сухую миѳологію, къ которой вынужденъ прибѣгать монотеизмъ, когда онъ хочетъ ввести многообразіе въ понятіе «Богъ» и которая состоитъ въ олицетвореніи абстрактныхъ понятій.

Іисусъ, повидимому, былъ чуждъ всѣмъ этимъ богословскимъ тонкостямъ, которыя въ скоромъ времени направили вниманіе всѣхъ на безплодные споры. Ни въ *Logia* Матѳея, ни въ синоптическихъ евангеліяхъ, вообще передающихъ очень точно слова Іисуса, никогда мы не находимъ ученія о Словѣ въ томъ метафизическомъ видѣ, въ какомъ мы встрѣчаемъ его въ сочиненіяхъ современника Іисуса Филона, въ халдейскихъ книгахъ *Таргумъ*, и даже въ книгахъ Премудрости [799]). Дѣйствительно, ученіе о Словѣ не имѣло ничего общаго съ мессіанствомъ. «Слово» Филона и книги *Таргумъ* не одно и то же, что Мессія. И только впослѣдствіи стали отождествлять Іисуса со Словомъ, и создали, исходя изъ этого, новую богословскую теорію, совершенно непохожую на ту, которая создалась на почвѣ ученія о царствѣ Божіемъ [800]). Главная роль Слова—это роль Творца и Провидѣнія, Іисусъ же никогда не заявлялъ, что онъ создалъ міръ и имъ управляетъ. На его долю выпадаетъ судить міръ, обновить его. Предсѣдательство на страшномъ судѣ при окончаніи міра,—таково его предназначеніе, по его собственнымъ словамъ; такую же роль отводятъ ему и первые христіане [801]). До великаго дня онъ возсѣдаетъ одесную Бога, въ качествѣ его *метатрона*, перваго его служителя и грядущаго мстителя [802]). Довольно вѣрное образное представленіе «Сынъ человѣческій», первыя черты котораго уже очень рельефно отмѣчены въ книгѣ Даніила, даютъ византійскіе хоры, изображающіе Іисуса во образѣ существа, стоящаго надъ человѣкомъ. Они рисуютъ его сидящимъ на тронѣ, судьей всего міра; его окружаютъ апостолы, во всемъ напоминающіе его и стоящіе выше ангеловъ, которые должны лишь сопровождать ихъ и имъ прислуживать.

Во всякомъ случаѣ, точность обдуманной схоластики не *была свойственна* этому времени. Изложенныя только что идеи

порою же такъ называли язычниковъ по происхожденію, перешедшихъ въ іудейство [730]). Среди этой-то послѣдней категоріи эллиновъ и пользовался, вѣроятно, Іисусъ симпатіей [731]).

Обращеніе въ іудейство имѣло много степеней, но прозелиты всегда стояли ниже, чѣмъ рожденные въ еврействѣ. Тѣ, о комъ идетъ здѣсь рѣчь, назывались «прозелитами вратъ», или «людьми, боящимися Бога», они должны были признавать заповѣди Ноя, а не Моисея [732]). И эта-то приниженность ихъ и была, несомнѣнно, причиной, приблизившей ихъ къ Іисусу и вызвавшей его расположеніе.

Точно такъ же онъ относился и къ самаритянамъ. Втиснутая, на подобіе островка, между двухъ большихъ провинцій гдѣ господствовалъ іудаизмъ (Іудея и Галилея), Самарія представляла въ Палестинѣ своеобразную чрезполосную территорію, гдѣ сохранился культъ Гаризима, родственный со своимъ соперникомъ, культомъ Іерусалимскимъ. Къ этой сектѣ, не обладавшей ни геніемъ, ни ученой организаціей іудаизма, въ собственномъ смыслѣ этого слова, іерусолимиты относились съ чрезвычайной жестокостью [733]). Ихъ ставили на одну доску съ язычниками, только къ нимъ относились еще съ большей ненавистью [734]). Изъ странной оппозиціи, Іисусъ къ ней относился хорошо. Часто онъ даже предпочитаетъ самаритянъ правовѣрнымъ евреямъ. И если въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ, повидимому, и запрещаетъ своимъ ученикамъ идти къ нимъ съ проповѣдью, отдавая Евангеліе въ удѣлъ лишь настоящимъ евреямъ [735]), то здѣсь, безъ сомнѣнія, этотъ завѣтъ былъ пріуроченъ лишь къ данному случаю, къ опредѣленнымъ обстоятельствамъ, а вовсе не имѣлъ того абсолютнаго значенія, какое приписали ему потомъ апостолы. Дѣйствительно, нѣсколько разъ самаритяне приняли его плохо, такъ какъ предполагали, что онъ исполненъ предубѣжденія противъ нихъ, какъ и всѣ его единовѣрцы [736]). Точно также и въ наше время мусульманинъ смотритъ на всякаго европейца, даже на свободомыслящаго, какъ на своего врага, такъ какъ видитъ въ немъ фанатичнаго христіанина. Іисусъ какъ-то умѣлъ обходить всѣ эти недоразумѣнія [737]). У него было, повидимому, нѣсколько учениковъ въ Сихемѣ, и онъ провелъ тамъ, по меньшей мѣрѣ, два дня [738]). Въ одномъ случаѣ онъ встрѣтилъ благодарность и истое благочестіе только у самаритянина [739]). Одной изъ *самыхъ прекрасныхъ* его притчъ была притча о человѣкѣ, *раненномъ на дорогѣ* въ Іерихонъ. Мимо этого человѣка прохо-

довъ, не очень привыкшихъ къ утонченнымъ потребностямъ критическаго ума, искренность сама по себѣ большого значенія не имѣетъ. Добросовѣстность и обманъ представляются нашему прямолинейному уму понятіями совершенно непримиримыми. На Востокѣ, наоборотъ. тысячи переходовъ и оговорокъ сближаютъ ихъ между собой. Составители апокрифическихъ сочиненій (напр. кн. Даніила, кн. Эноха). Люди въ высшей степени экзальтированные совершили въ свое время поступокъ, который у насъ былъ бы названъ подлогомъ, — а они это сдѣлали, конечно, безъ всякихъ колебаній. Правда фактическая не очень высоко цѣнится на Востокѣ; на все тамъ смотрятъ сквозь призму личныхъ предразсудковъ, интересовъ, страстей.

Исторія стала бы невозможной, если бы мы высокомѣрно отвергли возможность существованія для искренности различныхъ мѣрокъ. Для вѣры существуетъ единственный законъ: выгоды того дѣла, въ истинность котораго она вѣритъ. И такъ какъ цѣль, къ которой она стремится, для нея безусловно священна, то она безъ всякихъ колебаній пользуется для подтвержденія своихъ положеній и довольно сомнительными аргументами, если основательныхъ недостаточно. Пусть данное доказательство и шатко,—есть вѣдь зато много солидныхъ!.. Пусть даннаго чуда и не было въ дѣйствительности,—зато сколько ихъ было другихъ!.. Какъ много благочестивыхъ людей, твердо убѣжденныхъ въ истинности своей вѣры, пытались побѣдить упорство людей и прибѣгали для этого къ такимъ средствамъ, слабость которыхъ они сами отлично сознавали.

Какое множество стигматиковъ, паралитиковъ, бѣсноватыхъ, такъ называемыхъ, *одержимыхъ* въ монастыряхъ, склонилось подъ вліяніемъ окружающей ихъ обстановки и вѣры къ самому явному притворству, разсчитывая не отставать отъ другихъ или поддержать то дѣло, которому грозитъ опасность. Все великое совершается народомъ; вести же народъ можно, лишь проникнувшись его идеями. Поэтому величайшей похвалы заслуживаетъ философъ, который знаетъ это, а потому замыкается въ себѣ, гордый своимъ душевнымъ превосходствомъ. Нельзя осуждать и того, кто беретъ человѣчество со всѣми его иллюзіями, старается воздѣйствовать на него, и дѣйствовать черезъ него.

Цезарь прекрасно зналъ, что онъ не сынъ Венеры; Франція не была бы тѣмъ, чѣмъ является въ настоящее время, если бы цѣлыя тысячелѣтія не существовало вѣры въ священ-

ній съ самаритянами. Разговоръ съ Іисусомъ до такой степени покорилъ эту женщину, что она рѣшила, что это пророкъ. И вотъ, полагая, что онъ начнетъ упрекать ее за ея вѣру, не дожидаясь этого, она обратилась къ нему со слѣдующими словами: «Господи, отцы наши поклонялись на этой горѣ, а вы говорите, что то мѣсто, гдѣ должно поклоняться, находится въ Іерусалимѣ.—Іисусъ говоритъ ей: повѣрь мнѣ, что наступитъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ, будете поклоняться Отцу. Но истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ [747])».

И въ тотъ день, когда онъ произнесъ эти слова, онъ былъ поистинѣ сыномъ Божіимъ. Онъ въ первый разъ произнесъ то слово, на которомъ впослѣдствіи было основано все зданіе вѣчной религіи. Онъ положилъ начало чистому культу, внѣ времени и мѣста, которому будутъ поклоняться всѣ чистые духомъ до скончанія вѣка. Въ этотъ день его религія стала не только религіей всего человѣчества; она возвысилась до абсолютной религіи. И если на другихъ планетахъ имѣются люди, надѣленные разумомъ и нравственнымъ чутьемъ, ихъ религія не можетъ отличаться отъ той, которую провозгласилъ Іисусъ у колодца Іакова. Человѣчество не сумѣло усвоить ее, идеалъ достижимъ лишь на мгновенье. Слово Іисуса это проблескъ свѣта среди мрачной ночи. 18 столѣтій потребовалось для того, чтобы человѣчество что я говорю?—самая незначительная часть его привыкло къ его ослѣпительному блеску. Но проблескъ свѣта предвѣщаетъ яркое солнце, и, пройдя черезъ весь этотъ рядъ заблужденій,—человѣчество снова придетъ къ этому слову, безсмертному отраженію его вѣрованій и надеждъ.

ГЛАВА XV.

Возникновеніе легенды о Іисусѣ. Его собственное представленіе о своей сверхъестественной роли.

Іисусъ возвратился въ Галилею, уже совершенно утративъ свою старую вѣру, полный революціоннаго энтузіазма. Теперь уже идеи его получили вполнѣ опредѣленное выраженіе. Вмѣсто невинныхъ афоризмовъ перваго періода его пророческой дѣятельности, позаимствованныхъ имъ отчасти у старыхъ раввиновъ, вмѣсто высокихъ нравственныхъ проповѣдей второго періода—онъ посвящаетъ себя вполнѣ опредѣленной политической дѣятельности. Старый Законъ будетъ отмѣненъ, и сдѣлаетъ это никто, какъ онъ самъ [748]). Мессія пришелъ, это онъ самъ [749]). Царство Божіе скоро объявится, и объявится оно опять таки черезъ него. Онъ знаетъ отлично, что станетъ жертвой своей отваги, но царство Божіе не можетъ быть завоевано безъ насилія; наступитъ оно лишь послѣ ряда катастрофъ и междоусобицъ [750]). Сынъ человѣческій снова придетъ послѣ своей смерти, на этотъ разъ покрытый славой, въ сопровожденіи легіоновъ ангеловъ, и всѣ, кто отвергнутъ его, тогда будутъ посрамлены.

Мы не должны изумляться смѣлости подобныхъ мыслей. Іисусъ давно ужъ смотрѣлъ на свои отношенія къ Богу, какъ на отношенія сына къ отцу. И то, что у другихъ могло бы казаться несносной гордостью, у него не производитъ такого впечатлѣнія.

Титулъ «сынъ Давида» былъ первый, принятый имъ [751]); весьма вѣроятно, однако, что онъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ тѣхъ *невинныхъ* подтасовкахъ, при помощи которыхъ *хотѣли доказать* его права на него. Родъ Давида къ

тому времени давно ужъ, кажется, пресѣкся [752]); ни Асмонеи, ведшіе свой родъ отъ первосвященниковъ, ни Иродъ, ни римляне ни на минуту не подозрѣвали, что гдѣ нибудь около нихъ можетъ существовать представитель древняго царскаго рода. Но уже съ прекращеніемъ рода Асмонеевъ всѣми овладѣла одна и та же мечта о безвѣстномъ потомкѣ древнихъ царей, который отомститъ врагамъ своего народа. Всѣ вѣрили въ то, что Мессія будетъ сыномъ Давидовымъ [753]) и родится, какъ онъ, въ Вифлеемѣ [754]). Первоначальный замыселъ Іисуса былъ вовсе не таковъ. Его небесное царство не имѣло ничего общаго съ воспоминаніями о Давидѣ, которыя интересовали въ то время еврейскую массу. Онъ считалъ себя сыномъ Божіимъ, а не сыномъ Давида. Его царсто Божіе и освобожденіе, которое онъ замышлялъ, были явленіями совершенно другого порядка. Однако, въ данномъ случаѣ общее убѣжденіе произвело давленіе и на него. Непосредственнымъ слѣдствіемъ принятія положенія, «Іисусъ—Мессія», было другое положеніе: «Іисусъ сынъ Давидовъ». И онъ позволилъ дать себѣ этотъ титулъ, безъ котораго не имѣлъ бы надежды ни на какой успѣхъ. Въ концѣ концовъ, ему стало, повидимому, это доставлять удовольствіе, такъ какъ онъ охотнѣе совершалъ чудеса, когда, обращаясь къ нему, его называли этимъ именемъ [755]). Тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ своей жизни, Іисусъ склонился на сторону распространенныхъ въ его время идей, хотя самъ онъ и не раздѣлялъ ихъ. Къ своему догмату о «царствѣ Божіемъ» онъ присоединилъ все, что могло подогрѣть сердца и распалить воображеніе. Такъ, напримѣръ, онъ принялъ крещеніе Іоанна, хотя, какъ мы видѣли, оно не должно было имѣть въ глазахъ его большого значенія.

Но тутъ возникало одно весьма важное затрудненіе: всѣмъ извѣстно было, что онъ родился въ Назаретѣ. Неизвѣстно, выступалъ ли Іисусъ противъ этого возраженія. Возможно, что въ Галилеѣ, гдѣ мысль о томъ, что сынъ Давидовъ долженъ родиться въ Виѳлеемѣ, не была такъ широко распространена, такихъ возраженій никто и не дѣлалъ. Къ тому же, въ глазахъ галилеянина-идеалиста титулъ «сына Давидова» оказывался вполнѣ заслуженнымъ уже въ томъ случаѣ, если тотъ, кто носитъ его, увеличиваетъ славу своей расы и возвращаетъ на землю прекрасные дни Израиля. Можно-ли считать, что своимъ молчаніемъ онъ какъ бы подтвердилъ ту вымышленную генеалогію, которую придумали его послѣдова-

тели для доказательства его происхожденія отъ потомковъ царей [756]). Было-ли ему что-нибудь извѣстно о тѣхъ легендахъ, которыя были придуманы для доказательства его рожденія въ Виѳлеемѣ [757]), а въ частности, тотъ пріемъ, съ помощью котораго его виѳлеемское происхожденіе было пріурочено къ переписи, произведенной по приказанію императорскаго легата Квиринія [758]). Никто этого не знаетъ. Тѣ неточности и противорѣчія, съ которыми мы встрѣчаемся въ его родословныхъ [759]), располагаютъ насъ къ мысли, что онѣ были продуктомъ народнаго творчества, шедшаго въ разныхъ направленіяхъ, и что ни одна изъ нихъ не была санкціонирована Іисусомъ [760]). Самъ онъ никогда не называлъ себя сыномъ Давидовымъ. Ученики его, менѣе просвѣщенные, чѣмъ онъ, часто преувеличивали то, что онъ самъ говорилъ о себѣ; самъ же онъ чаще всего даже и не имѣлъ понятія объ этихъ преувеличеніяхъ. Ко всему сказанному надо добавить, что въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій цѣлый рядъ значительныхъ христіанскихъ фракцій [761]) самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицалъ царское происхожденіе Іисуса и достовѣрность всей этой генеалогіи. Такимъ образомъ, легенда о немъ была продуктомъ какого-то вполнѣ самостоятельнаго заговора, и создавалась около него еще при его жизни. Въ исторіи не было ни одного великаго событія, къ которому не пріурочивался бы цѣлый циклъ всякихъ сказокъ, и если бы даже Іисусъ и желалъ этого, онъ не смогъ бы остановить этого народнаго творчества. Можетъ быть проницательный глазъ изслѣдователя уже къ этому времени отнесетъ зародышъ тѣхъ сказаній, въ которыхъ ему приписывали сверхъестественное происхожденіе [762]). Идея о такомъ происхожденіи могла возникнуть подъ вліяніемъ той весьма распространенной въ древности мысли, что необыкновенный человѣкъ не можетъ родиться обычнымъ половымъ путемъ; быть можетъ, этимъ хотѣли согласовать его рожденіе съ той, плохо понятой главой изъ Исаіи [763]), гдѣ, по общему толкованію, было сказано, что Мессія родится отъ дѣвы. Это могло быть, наконецъ, выводомъ изъ той идеи, что «Духъ Божій», воплотившись въ божественной ипостаси, является началомъ плодовитости [764]). Быть можетъ, уже въ то время о дѣтствѣ Іисуса ходила не одна сказка, придуманная для того, чтобы доказать на его біографіи осуществленіе мессіанскаго идеала [765]) или, вѣрнѣе *говоря, тѣхъ пророчествъ*, которыя эгзегетика аллегорій того

ная медицина, основанiе которой было положено за пять вѣковъ до того въ Грецiи, была iудеямъ въ Палестинѣ, въ эпоху жизни Iисуса, мало извѣстна. А при такомъ состоянiи знанiй присутствiе при больномъ выдающагося человѣка, обращающагося съ нимъ ласково и внушающаго ему увѣренность въ выздоровленiи, можетъ, дѣйствительно, принести исцѣленiе. Кто рѣшится отрицать, что (за исключенiемъ, конечно, случаевъ органическихъ поврежденiй) часто одно общенiе больного съ выдающимся человѣкомъ лучше всякой аптекарской кухни? Цѣлебно уже одно удовольствiе, получаемое отъ его общества; улыбки, надежды, бываетъ часто достаточно для подъема силъ.

Iисусъ, какъ и большинство его соотечественниковъ, не имѣлъ никакого представленiя о рацiональной научной медицинѣ; какъ и всѣ, онъ полагалъ, что исцѣленiе приносится, главнымъ образомъ, исполненiемъ религiозныхъ обрядовъ, и такая увѣренность вполнѣ послѣдовательна. Разъ на болѣзнь смотрѣли, какъ на наказанiе за грѣхъ [824]) или какъ на дьявольское навожденiе [825]), а не какъ на слѣдствiе физическихъ причинъ, то въ такомъ случаѣ лучшимъ врачемъ являлся святой, обладавшiй сверхъестественной силой. Исцѣленiе считалось явленiемъ моральнаго порядка. Iисусъ, чувствовавшiй свою нравственную силу, долженъ былъ считать себя одареннымъ властью исцѣлять. Глубоко убѣжденный въ томъ, что прикосновенiе къ его одеждѣ [826]), возложенiе имъ рукъ [827]) и смачиванiе его слюной [828]) можетъ облегчить людей, — онъ былъ бы жестокъ, если бы отказалъ страждущимъ въ томъ облегченiи, которое могъ имъ дать. Исцѣленiемъ больныхъ всегда знаменовалось царство Божiе и съ нимъ всегда связывалось облегченiе участи бѣдныхъ [829]). То и другое было признакомъ великой революцiи, которая должна была привести къ исцѣленiю всего зла и всѣхъ немощей. Ессеи, у которыхъ такъ много общаго съ Iисусомъ, также считались весьма могущественными, искусными врачами [830]).

Однимъ изъ самыхъ частыхъ случаевъ исцѣленiя, практикуемыхъ Iисусомъ, было заклинанiе или изгнанiе бѣсовъ. Вѣра въ бѣсовъ господствовала надъ умами того времени. Что бѣсы вселяются въ тѣло нѣкоторыхъ лицъ и заставляютъ ихъ дѣйствовать вопреки своей волѣ,—такое общее мнѣнiе существовало не только въ Iудеѣ, но во всемъ мiрѣ. Неоднократно упоминаемый въ Авестѣ [831]) персидскiй дивъ *Аэшма-даэва* «дивъ

вожделѣнія», извѣстный у Іудеевъ подъ именемъ *Асмодея* [832]), считался причиной всѣхъ истерическихъ заболѣваній у женщинъ [833]). Эпилепсія, душевныя и нервныя болѣзни [834]), при которыхъ больной какъ бы не владѣетъ собой,—всѣ болѣзни, для которыхъ не усматривается видимыхъ причинъ, какъ глухота и нѣмота [835]), объяснялись точно такъ же. Замѣчательный трактатъ Гиппократа «О священной болѣзни», установившій еще за четыре съ половиной столѣтія до Іисуса истинные взгляды медицины на эти вопросы, все же не уничтожилъ всеобщаго заблужденія на этотъ счетъ. Всѣ вѣрили въ существованіе болѣе или менѣе дѣйствительныхъ пріемовъ для изгнанія бѣсовъ; занятіе заклинаніемъ бѣсовъ составляло такую же профессію, какъ въ наше время медицина [836]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Іисусъ пользовался еще при жизни своей репутаціей знающаго въ совершенствѣ это искусство [837]). Въ то время въ Іудеѣ было много сумасшедшихъ,—вслѣдствіе крайняго возбужденія умовъ, вѣроятно. Эти сумасшедшіе, бродившіе на свободѣ, какъ это и до сихъ поръ происходитъ въ тѣхъ же мѣстахъ, жили въ пустынныхъ пещерахъ, служившихъ для погребеній, въ обычномъ прибѣжищѣ всѣхъ бродягъ. Іисусъ глубоко сожалѣлъ этихъ несчастныхъ [838]). По поводу его врачеваній разсказывались тысячи странныхъ исторій, въ которыхъ легковѣріе того времени находило себѣ широкій просторъ. Но и въ этихъ случаяхъ не слѣдуетъ преувеличивать силу вліянія Іисуса. Случаи душевныхъ разстройствъ, объяснявшіяся одержимостью бѣсами, часто бывали совсѣмъ легкіе. Даже теперь въ Сиріи считаютъ сумасшедшимъ или одержимымъ бѣсомъ (оба эти понятія носятъ одно и то же названіе *меджнунъ* [839]) людей, отличающихся какою-нибудь странностью. Въ такихъ случаяхъ часто бываетъ достаточно одного ласковаго слова, чтобы изгнать «бѣса». И такія средства, несомнѣнно, и употреблялъ Іисусъ. Кто знаетъ, не распространилась ли его слава, какъ заклинателя бѣсовъ, почти безъ его вѣдома. Люди, живущіе на Востокѣ, бываютъ весьма изумлены, узнавъ черезъ нѣкоторое время, что они пользуются извѣстностью, какъ врачи, волшебники, отыскиватели кладовъ, причемъ совершенно не могутъ припомнить фактовъ, давшихъ поводъ къ подобнаго рода измышленіямъ [840]).

Кромѣ того, многія обстоятельства какъ будто указываютъ на *то, что Іисусъ* сдѣлался чудотворцемъ *лишь впослѣдствіи и даже противъ* своей воли. Часто онъ уступаетъ только

усерднымъ просьбамъ и неохотно совершаетъ свои чудеса, упрекая просителей въ умственной неразвитости [841]). Необъяснимую, на первый взглядъ, особенность представляетъ его стремленіе совершать свои чудеса тайкомъ и требованія отъ исцѣленныхъ ничего не разсказывать о нихъ [842]). Когда бѣсы хотятъ провозгласить его Сыномъ Божіимъ, онъ запрещаетъ имъ и заикнуться объ этомъ; и признаютъ они его противъ его воли [843]). Эта черта особенно характерно отмѣчена въ Евангеліи Марка, по преимуществу повѣствующаго о чудесахъ и заклинаніяхъ бѣсовъ. Очевидно, ученикъ, доставившій главныя свѣдѣнія для этого Евангелія, сильно досаждалъ Іисусу своими восторгами передъ чудесами, и учитель, тяготившійся такою репутаціей, часто повторялъ ему: «Не говори объ этомъ». Однажды такая размолвка окончилась странной вспышкой [844]) гнѣва, свидѣтельствующей, какъ утомляли Іисуса эти постоянныя просьбы людей не сильнаго ума. Временами ему прямо противна, повидимому, роль чудотворца, и онъ старается дать возможно меньшую огласку чудесамъ, которыя сопровождаютъ каждый его шагъ. Когда его враги требуютъ отъ него чуда, въ особенности небеснаго знаменія—метеора, онъ имъ рѣшительно отказываетъ [845]). Поэтому мы имѣемъ право предполагать, что ему навязали репутацію чудотворца,—что онъ, пожалуй, не противился, но и не содѣйствовалъ этому и что, во всякомъ случаѣ, онъ сознавалъ неосновательность этого о себѣ мнѣнія.

Поддаться слишкомъ сильно нашимъ антипатіямъ въ этомъ пунктѣ, значило-бы погрѣшить противъ правильнаго историческаго метода. Главнымъ условіемъ истинной критики является пониманіе различія эпохъ и умѣніе освободиться отъ тѣхъ инстинктивныхъ привычекъ, которыя являются результатомъ чисто раціоналистическаго воспитанія. Чтобы предупредить возможность нареканія на личность Іисуса,—вовсе не слѣдуетъ замалчивать тѣ факты, которые, въ глазахъ его современниковъ, стояли на первомъ планѣ [846]). Удобнѣе всего было-бы заявить, что все это—добавленія учениковъ, а они стояли неизмѣримо ниже своего учителя и, не будучи въ состояніи понять истиннаго величія его, могли стараться возвеличить его путями, совершенно его недостойными. Однако, всѣ четыре автора жизнеописанія Іисуса единогласно восхваляютъ его чудеса; одинъ изъ нихъ Маркъ, служившій апостолу Петру переводчикомъ [847]), такъ сильно выдвигаетъ эту

сторону, что, если бы характеристику Христа пришлось составлять исключительно на основанiи его Евангелія,—то Іисусъ оказался бы выдающимся по силѣ заклинателемъ, внушавшимъ страхъ и желаніе какъ-нибудь избавиться отъ него [848]). Итакъ, мы безъ колебанія должны допустить, что дѣянія, разсматриваемыя въ настоящее время, какъ признаки галлюцинацій или безумія, занимали крупное мѣсто въ жизни Іисуса. Стоитъ ли жертвовать величавой стороной этой жизни ради этой темной стороны? Будемъ остерегаться этого. Простой волшебникъ никогда не произвелъ бы той моральной революціи, какую произвелъ Іисусъ. Если бы чудотворецъ затмилъ въ Іисусѣ моралиста и религіознаго реформатора, то отъ него произошла бы школа теургіи, а не христіанство.

Впрочемъ, такъ же стоитъ вопросъ и въ отношенiи всѣхъ святыхъ и основателей религій. Тѣ состоянія, которыя въ настоящее время считаются болѣзненными, — какъ напр., эпилепсія, галлюцинацiи,—когда то считались признаками силы и величія. Современная медицина не затрудняется опредѣлить ту болѣзнь, которая рѣшила судьбу Магомета [849]). И почти до нашихъ дней люди, сотворившіе наиболѣе добра своимъ ближнимъ (даже самъ Венсанъ де Поль), были,—по доброй волѣ, или невольно,—чудотворцами. Если исходить изъ того принципа, что всякое историческое лицо, которому приписываютъ дѣянія, считающіеся въ XIX вѣкѣ неразумными или шарлатанскими, было безумцемъ или шарлатаномъ, то всякая критика будетъ невѣрна. Александрійская школа отличалась благородствомъ, и, однако, она увлеклась чудаческой теургіей. Сократъ и Паскаль не были свободны отъ галлюцинацій. Факты должны объясняться соотвѣтствующими имъ причинами. Слабость человѣческаго ума порождаетъ только слабость. Великія событія всегда имѣютъ великія причины въ природѣ человѣка, хотя очень часто они сопровождаются такой массой мелочей, что на поверхностный взглядъ они заслоняютъ собой ихъ величіе. Итакъ, въ общемъ, будетъ вполнѣ справедливо сказать, что Іисусъ былъ чудотворцемъ и заклинателемъ помимо своей воли. Какъ это всегда бываетъ съ натурами великими, божественными, онъ скорѣе безмолвно подтверждалъ наличность чудесъ, которыхъ требовало общественное мнѣніе, чѣмъ совершалъ ихъ. Чудо, обыкновенно, бываетъ созданіемъ толпы, а не того, кому его приписываютъ. Какъ бы упорно Іисусъ ни *отказывался совершать* чудеса, толпа все равно сочинила бы

усерднымъ просьбамъ и неохотно совершаетъ свои чудеса, упрекая просителей въ умственной неразвитости [841]). Необъяснимую, на первый взглядъ, особенность представляетъ его стремленіе совершать свои чудеса тайкомъ и требованія отъ исцѣленныхъ ничего не разсказывать о нихъ [842]). Когда бѣсы хотятъ провозгласить его Сыномъ Божіимъ, онъ запрещаетъ имъ и заикнуться объ этомъ; и признаютъ они его противъ его воли [843]). Эта черта особенно характерно отмѣчена въ Евангеліи Марка, по преимуществу повѣствующаго о чудесахъ и заклинаніяхъ бѣсовъ. Очевидно, ученикъ, доставившій главныя свѣдѣнія для этого Евангелія, сильно досаждалъ Іисусу своими восторгами передъ чудесами, и учитель, тяготившійся такою репутаціей, часто повторялъ ему: «Не говори объ этомъ». Однажды такая размолвка окончилась странной вспышкой [844]) гнѣва, свидѣтельствующей, какъ утомляли Іисуса эти постоянныя просьбы людей не сильнаго ума. Временами ему прямо противна, повидимому, роль чудотворца, и онъ старается дать возможно меньшую огласку чудесамъ, которыя сопровождаютъ каждый его шагъ. Когда его враги требуютъ отъ него чуда, въ особенности небеснаго знаменія—метеора, онъ имъ рѣшительно отказываетъ [845]). Поэтому мы имѣемъ право предполагать, что ему навязали репутацію чудотворца,—что онъ, пожалуй, не противился, но и не содѣйствовалъ этому и что, во всякомъ случаѣ, онъ сознавалъ неосновательность этого о себѣ мнѣнія.

Поддаться слишкомъ сильно нашимъ антипатіямъ въ этомъ пунктѣ, значило-бы погрѣшить противъ правильнаго историческаго метода. Главнымъ условіемъ истинной критики является пониманіе различія эпохъ и умѣніе освободиться отъ тѣхъ инстинктивныхъ привычекъ, которыя являются результатомъ чисто раціоналистическаго воспитанія. Чтобы предупредить возможность нареканія на личность Іисуса,—вовсе не слѣдуетъ замалчивать тѣ факты, которые, въ глазахъ его современниковъ, стояли на первомъ планѣ [846]). Удобнѣе всего было-бы заявить, что все это—добавленія учениковъ, а они стояли неизмѣримо ниже своего учителя и, не будучи въ состояніи понять истиннаго величія его, могли стараться возвеличить его путями, совершенно его недостойными. Однако, всѣ четыре автора жизнеописанія Іисуса единогласно восхваляютъ его чудеса; одинъ изъ нихъ Маркъ, служившій апостолу Петру переводчикомъ [847]), такъ сильно выдвигаетъ эту

сторону, что, если бы характеристику Христа пришлось составлять исключительно на основаніи его Евангелія,—то Іисусъ оказался бы выдающимся по силѣ заклинателемъ, внушавшимъ страхъ и желаніе какъ-нибудь избавиться отъ него [848]). Итакъ, мы безъ колебанія должны допустить, что дѣянія, разсматриваемыя въ настоящее время, какъ признаки галлюцинацій или безумія, занимали крупное мѣсто въ жизни Іисуса. Стоитъ ли жертвовать величавой стороной этой жизни ради этой темной стороны? Будемъ остерегаться этого. Простой волшебникъ никогда не произвелъ бы той моральной революціи, какую произвелъ Іисусъ. Если бы чудотворецъ затмилъ въ Іисусѣ моралиста и религіознаго реформатора, то отъ него произошла бы школа теургіи, а не христіанство.

Впрочемъ, такъ же стоитъ вопросъ и въ отношеніи всѣхъ святыхъ и основателей религій. Тѣ состоянія, которыя въ настоящее время считаются болѣзненными, — какъ напр., эпилепсія, галлюцинаціи,—когда то считались признаками силы и величія. Современная медицина не затрудняется опредѣлить ту болѣзнь, которая рѣшила судьбу Магомета [849]). И почти до нашихъ дней люди, сотворившіе наиболѣе добра своимъ ближнимъ (даже самъ Венсанъ де Поль), были,—по доброй волѣ, или невольно,—чудотворцами. Если исходить изъ того принципа, что всякое историческое лицо, которому приписываютъ дѣянія, считающіеся въ XIX вѣкѣ неразумными или шарлатанскими, было безумцемъ или шарлатаномъ, то всякая критика будетъ невѣрна. Александрійская школа отличалась благородствомъ, и, однако, она увлеклась чудаческой теургіей. Сократъ и Паскаль не были свободны отъ галлюцинацій. Факты должны объясняться соотвѣтствующими имъ причинами. Слабость человѣческаго ума порождаетъ только слабость. Великія событія всегда имѣютъ великія причины въ природѣ человѣка, хотя очень часто они сопровождаются такой массой мелочей, что на поверхностный взглядъ они заслоняютъ собой ихъ величіе. Итакъ, въ общемъ, будетъ вполнѣ справедливо сказать, что Іисусъ былъ чудотворцемъ и заклинателемъ помимо своей воли. Какъ это всегда бываетъ съ натурами великими, божественными, онъ скорѣе безмолвно подтверждалъ наличность чудесъ, которыхъ требовало общественное мнѣніе, чѣмъ совершалъ ихъ. Чудо, обыкновенно, бываетъ созданіемъ толпы, а не того, кому его приписываютъ. Какъ бы упорно Іисусъ ни *отказывался совершать* чудеса, толпа все равно сочинила бы

ихъ. Самымъ великимъ чудомъ было бы, если бы онъ не творилъ чудесъ: это было бы самымъ большимъ нарушеніемъ законовъ исторіи и народной психологіи. Онъ такъ же не въ силахъ былъ бы подавить жажду чудеснаго въ душѣ толпы и своихъ собственныхъ учениковъ, какъ св. Бернаръ и св. Францискъ Ассизскій. Чудеса Іисуса были результатомъ насилія надъ нимъ эпохи, уступка, вырванная у него потребностью времени. Вотъ почему слава заклинателя и чудотворца развѣялась, а слава религіознаго реформатора будетъ жить вѣчно.

Даже тѣ, кто не вѣрилъ въ него, были поражены его дѣлами и желали быть ихъ свидѣтелями [850]). Язычники и профаны испытывали чувство страха и старались выпроводить его изъ своей мѣстности [851]). Быть можетъ, многіе расчитывали воспользоваться его именемъ для возстанія [852]). Но чисто нравственный и отнюдь не политическій характеръ дѣятельности Іисуса спасалъ его отъ подобныхъ увлеченій. Царство его было въ кругу дѣтей, которыхъ собирало и удерживало около него одинаково юное воображеніе и одно и то же предчувствіе царства небеснаго.

ГЛАВА XVII.

Окончательно сформировавшіяся идеи Іисуса о царствѣ Божіемъ.

Эта послѣдняя фаза дѣятельности Іисуса продолжалась, надо полагать, около 18 мѣсяцевъ, со времени его возвращенія изъ паломничества на Пасху 31 года и до новаго паломничества на праздникъ Кущей 32 г. [853]). Въ этотъ промежутокъ времени мысль Іисуса не обогатилась никакими новыми элементами, но то, что было въ ней до сихъ поръ, развивалось, крѣпло и принимало все болѣе смѣлыя формы.

Основная идея Іисуса, съ первыхъ его шаговъ, заключалась въ утвержденіи царства Божія. Но это царство Божіе, какъ мы уже говорили, Іисусъ, видимо, понималъ различно. Временами онъ походилъ на демократическаго вождя, стремящагося просто къ царству бѣдныхъ и обездоленныхъ. Въ другой разъ царство Божіе представляетъ у него буквально воплощеніе апокалипсическихъ видѣній о Мессіи. Наконецъ, часто царство Божіе толкуется имъ, какъ царство духа, и близкое освобожденіе есть освобожденіе духа. И въ этомъ послѣднемъ смыслѣ революція, къ которой стремится Іисусъ, есть именно та, которая, дѣйствительно, произошла: установленіе новаго культа, болѣе чистаго, чѣмъ культъ Моисеевъ.—Всѣ эти мысли уживались, повидимому, одновременно въ сознаніи Іисуса. Но во всякомъ случаѣ, первая, т. е. мысль о революціи соціальной, мало занимала его. Земля, земныя богатства и матеріальное могущество никогда въ его глазахъ не были достойны вниманія и труда. Онъ былъ чуждъ всякаго внѣшняго честолюбія. Бывали моменты, когда *въ силу естественнаго* хода вещей, его великая религіоз-

ная миссія была близка къ превращенію въ соціальную. Люди просили его объявить себя судьей въ вопросахъ матеріальныхъ выгодъ. Но Іисусъ съ негодованіемъ отвергалъ эти предложенія, считая ихъ почти за оскорбленіе [854]). Преданный своему небесному идеалу, онъ всегда оставался въ бѣдности, обнаруживая полное пренебреженіе къ благамъ жизни. Что касается двухъ другихъ представленій о царствѣ Божіемъ, то онъ, повидимому, дорожилъ ими одинаково. Если бы онъ былъ только энтузіастомъ съ разсудкомъ, отуманеннымъ апокалипсическими сказаніями, которыя и питали народное воображеніе,—онъ и остался бы безвѣстнымъ сектантомъ, послѣдователемъ чужихъ идей. Если бы онъ былъ только пуританиномъ, въ родѣ Чаннинга или «савойскаго викарія», онъ не имѣлъ бы никакого успѣха. Обѣ части его ученія или, точнѣе, оба его представленія о царствѣ Божіемъ дополняли другъ друга, и въ этомъ взаимномъ сочетаніи и кроется причина его несравненнаго успѣха. Первые христіане были галлюцинантами и метались въ кругѣ идей, которыя мы назвали бы бредомъ; но въ то же время это были герои соціальной борьбы, которая закончилась освобожденіемъ духа и утвержденіемъ религіи, и повела впослѣдствіи къ воцаренію чистаго культа, возвѣщеннаго учителемъ.

Апокалипсическія идеи Іисуса въ наиболѣе полной ихъ формѣ могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ:

Современный порядокъ жизни человѣчества приходитъ къ своему концу. Кончится онъ грандіозной революціей, мучительной, какъ родовыя боли; *палингененіей* или «возрожденіемъ» (по выраженію самого Іисуса [855]), предшествуемымъ тяжкими бѣдствіями и возвѣщеннымъ небывалыми явленіями [856]). Въ тотъ великій день явится знаменіе Сына Человѣческаго на небѣ; и будетъ видѣніе въ громѣ и молніи, подобно видѣнію на горѣ Синаѣ, и гроза великая прорѣжетъ тучи, и пройдетъ лучъ, огненный въ мгновеніе ока съ востока на западъ. Мессія придетъ на облакахъ небесныхъ [857]), окруженный славой и величіемъ, при звукѣ трубъ, окруженный своими ангелами. Ученики его возсядутъ рядомъ съ нимъ на престолахъ. Мертвые тогда воскреснутъ, и Мессія начнетъ вершить свой судъ [858]) надъ ними.

На этомъ судѣ люди будутъ раздѣлены на двѣ категоріи *по дѣламъ ихъ* [859]). Ангелы будутъ исполнять приговоры *судьи* [860]). *Избранные* войдутъ въ пресвѣтлую обитель, угото-

ванную имъ отъ созданія міра [861]). Тамъ они сядутъ, одѣтые свѣтомъ, на празднествѣ, предводимомъ Авраамомъ [862]), патріархами и пророками. Этихъ будетъ меньшинство [863]). Другіе же ввержены оудутъ въ *Геенну*. Геенна была долина въ западной части Іерусалима. Въ различныя эпохи на ней совершались обряды огнепоклонническаго культа, и мѣстность превратилась въ своего рода клоаку. И Геенна, въ смыслѣ Іисуса, представляетъ мрачную отвратительную долину, подземную огненную пропасть [864]). Непринятые въ царство небесное будутъ тамъ палимы и съѣдаемы червями вмѣстѣ съ сатаной и его мятежными ангелами [865]). И будетъ тамъ плачъ и скрежетъ зубовный [866]). Царство Божіе будетъ какъ бы освѣщенный внутри, закрытый чертогъ, среди міра мрака и мукъ [867]).

Этотъ новый порядокъ вещей будетъ вѣченъ. Рай и геенна не будутъ имѣть конца. Непроходимая пропасть ляжетъ между ними [868]). Сынъ Человѣческій, возсѣвъ одесную Бога, будетъ господствовать надъ этимъ послѣднимъ состояніемъ міра и человѣчества [869]).

Что все это понималось буквально учениками, а въ извѣстные моменты и самимъ учителемъ, явствуетъ изъ сочиненій того времени съ несомнѣнной очевидностью. Если первое поколѣніе христіанъ вѣрило во что-либо глубоко и постоянно, такъ это именно въ то, что міръ близокъ къ концу [870]), и что великое явленіе [871]) Христа скоро свершится. Этотъ увѣренный кличъ: «Близокъ часъ!» [872]), которымъ начинается и заканчивается Апокалипсисъ, этотъ неустанно повторяемый призывъ: «Имѣющій уши да слышитъ! [873]) — были возгласами упованія и лозунгами единенія для всего апостольскаго вѣка. Сирійское выраженіе: «*Маранъ Аѳа*» («грядетъ Господь нашъ» [874]) стало, обыкновенно, употребляться среди вѣрующихъ, чтобы укрѣпиться въ вѣрѣ и надеждахъ. Апокалипсисъ, написанный въ 68 году нашей эры [875]), указываетъ время пришествія, опредѣляя срокъ въ $3^1/_2$ года [876]). Въ «Вознесеніи Исайи» [877]) принимается почти тотъ же срокъ. Іисусъ никогда не давалъ такихъ опредѣленій. Когда его спрашивали о времени пришествія, онъ всегда отказывался отвѣчать; а однажды прямо заявилъ, что день этого великаго событія извѣстенъ только Отцу, который не открываетъ этого ни ангеламъ, ни Сыну [878]). Онъ говорилъ, между прочимъ, что въ такой моментъ, когда люди будутъ ждать царства Божія съ наибольшей *тревогой нетерпѣнія*, оно не придетъ [879]). Онъ постоянно по-

вторялъ, что это случится неожиданно, какъ нежданно случились событія во время Ноя и Лота; что слѣдуетъ быть насторожѣ, всегда готовымъ идти за нимъ; что каждый долженъ бодрствовать и держать свою лампаду возженной, какъ для брачнаго шествія, которое наступитъ нежданно [880]); что Сынъ Человѣческій придетъ, «яко тать въ нощи», — въ часъ, когда его не будутъ ждать [881]); что онъ явится, какъ молнія, сверкнувшая отъ края до края неба [882]). Но заявленія его о близости катастрофы вполнѣ недвусмысленны [883]). «Не пройдетъ сей родъ», говорилъ онъ, какъ все это сбудется. Есть нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь, которые не вкусятъ смерти, какъ уже увидятъ Сына Человѣческаго, грядущаго въ царствіи своемъ» [884]). Невѣрующихъ Онъ упрекалъ въ томъ, что они не умѣютъ узнавать предвѣстниковъ будущаго царства: «Вечеромъ вы говорите: будетъ ведро, потому что небо красно; а поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемѣры! различать лицо неба вы умѣете, а знаменіе временъ не можете?» [885]). По иллюзіи, свойственной всѣмъ великимъ реформаторамъ, Іисусъ представлялъ себѣ слишкомъ близкою конечную цѣль; онъ не считался съ медленностью движенія человѣчества и воображалъ, что въ одинъ день осуществится то, чему не суждено было еще совершиться и восемнадцать вѣковъ спустя.

Эти столь опредѣленныя заявленія держались въ христіанской семьѣ въ теченіе почти семидесяти лѣтъ. Допускали, что нѣкоторые изъ учениковъ, прежде чѣмъ умереть, увидятъ день второго пришествія. Въ частности, и объ Іоаннѣ думали такъ [886]). Многіе даже думали, что онъ никогда не умретъ. Быть можетъ, впрочемъ, это мнѣніе—болѣе позднее, относящееся къ концу I вѣка, и вызванное преклоннымъ возрастомъ, какого, повидимому, достигъ Іоаннъ; послѣднее обстоятельство и давало основаніе думать, что Богъ желаетъ сохранить ему жизнь на неопредѣленно долгое время, вплоть до великаго дня, когда осуществится обѣтъ Іисуса. Когда же и онъ умеръ своимъ чередомъ, вѣра многихъ поколебалась, а ученики придали предсказанію Христа болѣе ограниченный смыслъ [887]).

Совершенно принявъ апокалипсическія вѣрованія въ той формѣ, какъ они находились въ апокрифическихъ іудейскихъ книгахъ, Іисусъ въ то же время принялъ ученіе, являющееся *ихъ дополненіемъ* или скорѣе условіемъ,—о воскресеніи мертвыхъ. *Это ученіе*, какъ уже сказано [888]), было еще довольно

новымъ для Израиля; масса людей не знала или не вѣрила въ него [889]). Предметомъ вѣры оно было только для фарисеевъ и горячихъ приверженцевъ мессіанскихъ ученій [890]). Іисусъ принялъ его безъ оговорокъ, но въ болѣе идеалистическомъ смыслѣ. Многіе представляли себѣ, что въ мірѣ воскресшихъ будутъ ѣсть, пить, будутъ жениться. Іосифъ вполнѣ допускалъ новую пасху, пищу и вино новое [891]); но рѣшительно отвергалъ допустимость брака. Саддукеи выставляли по этому поводу аргументъ, съ перваго взгляда грубый, но по существу достаточной степени соотвѣтствующій древней теологіи. Слѣдуетъ вспомнить, что, согласно древнимъ мудрецамъ, человѣкъ можетъ пережить самого себя лишь въ своихъ дѣтяхъ. Кодексъ Моисеевъ санкціонировалъ эту патріархальную теорію своеобразнымъ учрежденіемъ, левиратомъ. И вотъ, отсюда-то саддукеи выводили свои остроумныя заключенія противъ воскресенія. Іисусъ вышелъ изъ этого противорѣчія, заявивъ рѣшительно, что въ жизни вѣчной не будетъ различія половъ, и человѣкъ будетъ подобенъ ангеламъ [892]). Иной разъ, онъ, повидимому, обѣщаетъ воскресеніе однимъ праведникамъ [893]), обрекая нечестивыхъ на смерть безслѣдную и погруженіе въ небытіе [894]). Однако, чаще Іисусъ выражаетъ свою волю въ томъ смыслѣ, чтобы воскресли и злые для вѣчныхъ мученій [895]).

Ясно, что во всѣхъ этихъ теоріяхъ не было ничего абсолютно новаго. Въ смыслѣ апокалипсическихъ ученій, и Евангелія и книги Апостоловъ содержатъ лишь то, что уже говорилось у Даніила [896]), Еноха [897]), въ Сивиллиныхъ пророчествахъ [898]), въ Успеніи Моисея [899]) древнихъ еврейскихъ книгахъ, и Іисусъ лишь принялъ идеи, обще-распространенныя среди его современниковъ. Онъ воспользовался ими, какъ основой для своей дѣятельности, вѣрнѣе,—какъ одной изъ основъ для нея: ибо Іисусъ былъ слишкомъ преданъ своему дѣлу, чтобы строить его всецѣло на столь ненадежной основѣ, всегда готовой рухнуть передъ уничтожающими опроверженіями, какія умѣетъ выдвигать реальная дѣйствительность.

Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что такое ученіе, взятое само по себѣ и понимаемое въ буквальномъ смыслѣ, не имѣло бы никакого будущаго. Оно было бы окончательно дискредитировано однимъ тѣмъ фактомъ, что міръ продолжалъ бы существовать. Вѣкъ человѣка — самый большій срокъ, какой могло бы просуществовать такое ученіе. И была бы еще объяснима *вѣра перваго* христіанскаго поколѣнія; но уже вѣра

второго была бы совершенно непонятна. Послѣ смерти Іоанна или вообще того изъ учениковъ, видѣвшихъ учителя, кто пережилъ остальныхъ, ученіе Іисуса было бы уличено во лжи [900]). Однимъ словомъ, если бы ученіе Іисуса ограничивалось вѣрой въ близкій конецъ міра, оно, конечно, было бы теперь предано забвенію. Что же спасло его отъ такой участи? Это большая широта евангельскихъ ученій, дававшая впослѣдствіи возможность подъ каждымъ ихъ символомъ разумѣть идеи, свойственныя умственному состоянію совершенно различныхъ эпохъ. Конецъ міра не пришелъ, какъ возвѣщалъ Іисусъ и какъ вѣрили его ученики, но пришло обновленіе міра, и въ извѣстномъ смыслѣ именно такое, какого хотѣлъ Іисусъ. Мысль Іисуса потому и оказалась плодотворной, что въ ней было двѣ стороны. Химерическое ученіе его не постигла судьба многихъ другихъ ученій такого же рода именно потому, что въ немъ скрывался зародышъ жизни, который проникъ въ среду человѣчества, благодаря своей сказочной внѣшности, и принесъ тамъ вѣчные плоды.

Не думайте, что это—пристрастное истолкованіе сущности его ученія, внушенное желаніемъ реабилитировать честь нашего великаго учителя отъ жестокихъ пораженій, нанесенныхъ его мечтаніямъ реальной дѣйствительностью. Нѣтъ и нѣтъ! Это царство Божіе, царство духа, гдѣ всякій можетъ быть царемъ и первосвященникомъ, — царство, которое, подобно горчичному зерну, превратилось въ громадное дерево, осѣняющее міръ, на вѣтвяхъ котораго гнѣздятся птицы. — Іисусъ постигъ его, стремился къ нему, основалъ его. Рядомъ съ фальшивой, холодной и неосуществимой идеей страшнаго суда, онъ создалъ истинный градъ Божій, настоящую «палингенезію», нагорную проповѣдь, апоѳеозъ слабаго, преданность народу, любовь къ бѣднымъ, возстановленіе попранныхъ правъ всѣхъ, смиренныхъ душой, правдивыхъ и наивныхъ сердцемъ. Картина этого возвышенія очерчена имъ высоко-художественно нетлѣнными, вѣчными красками. Всякій изъ насъ обязанъ ему тѣмъ, что есть лучшаго въ немъ. Простимъ-же ему его неосуществимыя упованія апокалипсическаго характера, его мечты о торжественномъ явленіи на облакахъ небесныхъ. Быть можетъ, это заблужденіе принадлежало другимъ, а не ему, но если и правда, что онъ самъ *раздѣлялъ иллюзію* другихъ, — что за бѣда? Вѣдь эти ж[е] *мечты дали* ему силу безстрастія смерти, подвигнули его

борьбу, на которую безъ нихъ у него, быть можетъ, не хватило бы силъ.

Такимъ образомъ, божественный градъ, созданный Iисусомъ, слѣдуетъ понимать въ различныхъ смыслахъ. Еслибы мысль его состояла единственно въ томъ, что близится конецъ вѣка, и нужно готовиться къ нему, то онъ не превзошелъ бы Iоанна Крестителя. Отречься отъ мiра, близкаго къ крушенiю, отрѣшиться мало-по-малу отъ настоящей жизни, устремить свои мысли къ грядущему царству,—таково было бы послѣднее слово его проповѣди. Въ дѣйствительности же, ученiе Iисуса всегда имѣло гораздо болѣе широкое значенiе. Задачей Iисуса—было создать новую жизнь человѣчеству, а не только уготовить конецъ существующему порядку. Если бы Илiя или Iеремiя воскресли, чтобы приготовить людей къ великимъ катастрофамъ, то проповѣдь ихъ была бы совсѣмъ иною. Справедливость этого вполнѣ доказывается тѣмъ, что мораль, прiуроченная къ послѣднимъ днямъ, стала вѣчной моралью, принесшей спасенiе человѣчеству. Самъ Iисусъ во многихъ случаяхъ прибѣгалъ къ такимъ формамъ поученiя, какiя совершенно не встрѣчаются въ апокалипсической теорiи. Онъ нерѣдко говорилъ, что царство Божiе уже началось, что каждый человѣкъ носитъ его въ себѣ и можетъ наслаждаться имъ, если онъ велъ праведную жизнь; что царство это создастъ себѣ всякiй непримѣтнымъ образомъ, искреннимъ обращенiемъ сердца къ добру [901]). Царство Божiе есть въ этомъ смыслѣ не что иное, какъ благо [902]), болѣе совершенный порядокъ вещей, чѣмъ существующiй нынѣ, царство справедливости, которому долженъ служить каждый вѣрующiй по мѣрѣ своихъ силъ, — свобода духа, нѣчто подобное буддiйскому «освобожденiю», плодъ отреченiя отъ стараго мiра. Эти истины, представляющiяся на нашъ взглядъ совершенно отвлеченными, были для Iисуса реальной дѣйствительностью. Всѣ его мысли — конкретны и субстанцiональны. Iисусъ больше всѣхъ людей вѣрилъ въ реальность своего идеала.

Такимъ образомъ, Iисусъ, раздѣляя утопiи своего вѣка и среды, сумѣлъ создать изъ нихъ высокiя истины, благодаря недоразумѣнiямъ, оказавшимся столь плодотворными. Его царство Божiе было, несомнѣнно, тѣмъ, которое по предсказанiямъ апокалипсиса должно въ скоромъ времени осуществиться *на небѣ*. Но, кромѣ того, оно было (и, *вѣроятно, по преимуществу*) царствомъ духа, основаннымъ на свободѣ

и сыновней любви, которой будетъ проникнутъ человѣкъ на лонѣ Отца своего. Это была чистая религія, безъ обрядовъ, безъ храмовъ, безъ жреца. Это былъ нравственный судъ надъ міромъ, довѣренный совѣсти праведнаго человѣка и народу. Вотъ, чему суждено было жить въ вѣкахъ, и что, дѣйствительно, осталось живымъ. Когда, по прошествіи цѣлаго вѣка тщетнаго ожиданія, матеріалистическое упованіе на близкій конецъ міра исчезло, тогда стало всплывать истинное понятіе царства Божія. Реальное царство, почему-то не пришедшее въ міръ, покорно стушевалось передъ новыми толкованіями ученія. И упрямые умы, въ родѣ Папія, державшіеся точнаго смысла слова Іисуса, были объявлены узкими и отсталыми [903]). Апокалипсисъ Іоанна, собственно, первая книга Новаго Завѣта [904]), съ выраженной слишкомъ категорически вѣрой въ катастрофу въ ближайшемъ будущемъ, былъ вытѣсненъ, объявленъ непонятнымъ, искаженъ на тысячу ладовъ и почти отвергнутъ [905]). Въ лучшемъ случаѣ, исполненіе его предсказаній допускали въ неопредѣленно-далекомъ будущемъ. Нѣсколько отсталыхъ бѣдняковъ, которые въ эпоху полнѣйшаго раціонализма продолжали держаться упованій первыхъ учениковъ, были объявлены еретиками (евіониты, хиліасты) и затерялись въ низинахъ христіанства. Человѣчество перешло къ другому царству Божію. Доля истины, заключавшаяся въ ученіи Іисуса, вознесла его надъ химерическими элементами, затемнявшими его сущность.

Однако, не станемъ относиться съ презрѣніемъ къ химерѣ, служившей грубой оболочкой для того священнаго ядра, которымъ мы живемъ. Это фантастическое царство небесное, это безконечное исканіе града Божьяго, всегда занимавшее христіанство въ его многовѣковомъ прошломъ, служило принципомъ великаго инстинкта будущности, воодушевлявшаго всѣхъ реформаторовъ, упрямыхъ послѣдователей Апокалипсиса, начиная съ Іоакима Флора и кончая современнымъ протестантскимъ сектантомъ. Этотъ могучій порывъ основать совершенное общество былъ источникомъ необычайнаго подъема, изъ котораго истинные христіане черпали силы титановъ для борьбы съ настоящимъ. Такимъ образомъ, идея «царства Божія» и ея художественное изображеніе, Апокалипсисъ, являются, *въ извѣстной степени*, наиболѣе поэтическимъ выраженіемъ *прогресса человѣчества*. Разумѣется, они были также источни*комъ большихъ заблужденій*. Кончина міра, вися постоянной

угрозой надъ человѣчествомъ, устрашала его цѣлыми вѣками и сильно тормазила всякое общественное движеніе [906]). Угроза эта породила въ обществѣ полную неувѣренность въ своемъ существованіи, нѣкоторый трепетъ и унизительное смиреніе, которые такъ невыгодно отличаютъ средніе вѣка отъ античнаго міра и новѣйшаго времени. Дѣло въ томъ, что взглядъ на пришествіе Христа съ теченіемъ времени совершенно измѣнился. Когда впервые человѣчеству возвѣстили, что міръ его погибнетъ, оно, подобно ребенку, принимающему смерть съ улыбкой, предалось сильнѣйшей радости, какую когда-либо испытывало. Но постарѣвъ, міръ привязался къ жизни. День благодати, такъ долго ожидавшійся чистыми душами Галилеи, превратился въ понятіяхъ этихъ желѣзныхъ вѣковъ въ день гнѣва: Dies irae, dies illa! Но и въ средѣ варварства идея царства Божія оказалась плодотворной. Нѣкоторые изъ актовъ первой половины среднихъ вѣковъ, начинавшіеся формулой: «Въ виду приближенія вечера міра».... были хартіями свободы. Наперекоръ феодальной церкви, секты, религіозные ордена, отдѣльные святые продолжали протестовать противъ неправды міра, именемъ Евангелія. Даже въ наше смутное время, когда нѣтъ болѣе подлинныхъ продолжателей дѣла Іисуса, кромѣ тѣхъ, которые, повидимому, отвергаютъ его,—даже теперь мечты объ идеальной организаціи общества, столь напоминающія стремленія первобытныхъ христіанскихъ сектъ, представляютъ въ извѣстномъ смыслѣ лишь развитіе той же идеи,—одну изъ вѣтвей того великаго дерева, въ которомъ происходитъ зачатіе всякой идеи о будущемъ, для котораго Царство Божіе будетъ вѣчно стволомъ и корнями. Но «соціалистическія» попытки нашего времени, носящія отпечатокъ грубаго матеріализма, стремящіяся къ невозможному, т. е. къ созданію всеобщаго счастія экономическими и политическими мѣропріятіями, останутся безплодными до тѣхъ поръ, пока они не будутъ руководиться истиннымъ духомъ Іисуса, т. е. абсолютнымъ идеализмомъ, пока онѣ не проникнутся сознаніемъ, что для завоеванія власти надъ землей, надо предварительно отрѣшиться отъ всего земного.

Съ другой стороны, выраженіе «царство Божіе», удивительно удачно формулируетъ ощущаемую человѣкомъ духовную потребность въ существованіи дополненія къ земной участи и возмездія за настоящую жизнь. Тотъ, кто не признаетъ двойственной *природы* человѣка, и находитъ, что ученіе дѣйствов

о безсмертіи души противорѣчитъ даннымъ физіологіи, тотъ любитъ успокаивать себя надеждой на конечное улучшеніе,—въ какомъ то, теперь намъ неизвѣстномъ, видѣ,—которое удовлетворитъ потребности человѣческаго сердца. Кто знаетъ,—быть можетъ, черезъ милліоны вѣковъ прогрессъ человѣчества приведетъ къ полному познанію вселенной, а съ этимъ познаніемъ и къ пробужденію всего, что было въ ней живого. Сонъ, продолжающійся милліоны лѣтъ, вовсе не длительнѣе часоваго сна. Съ этой точки зрѣнія, св. Павелъ еще и теперь имѣлъ бы право сказать: «In ictu oculi» (Въ мгновеніе ока [907]). Онъ питаетъ увѣренность въ томъ, что нравственное и добродѣтельное человѣчество восторжествуетъ, что нѣкогда міръ будетъ судить чувство бѣднаго честнаго человѣка, и въ этотъ день идеальный образъ Іисуса будетъ стоять живымъ укоромъ передъ скептикомъ, не увѣровавшимъ въ добродѣтель,—и передъ эгоистомъ, не сумѣвшимъ до нея возвыситься. Такъ, любимое слово Іисуса остается исполненнымъ вѣчной красоты. И, кажется, будто даръ божественнаго прорицанія руководилъ здѣсь несравненнымъ учителемъ, удержавъ его на неизмѣримой высотѣ, съ которой можно разомъ охватить истины различнаго порядка.

ГЛАВА XVIII.

Учрежденія, созданныя Іисусомъ.

Доказательствомъ того, что Іисусъ никогда всецѣло не погружался въ апокалипсическія идеи, является то, что въ то время, когда онъ былъ особенно ими занятъ, онъ набрасываетъ съ рѣдкой увѣренностью проектъ организаціи церкви, которая приспособлена къ продолжительному существованію. Невозможно и сомнѣваться, что онъ самъ выбралъ изъ среды своихъ учениковъ тѣхъ, которыхъ называли чаще всего «Апостолами» или «Двѣнадцатью», такъ какъ на другой день послѣ его смерти, изслѣдованіе застаетъ ихъ, какъ единую организацію, заполняющую избраніемъ освободившееся въ ихъ средѣ мѣсто [908]). Это были: два сына Іоны, два сына Зеведея, Іаковъ— сынъ Алфея, Филиппъ, Наѳанаилъ Варѳоломей, Ѳома, Матѳей, Симонъ Зилотъ, Ѳаддей или Леввій, Іуда изъ Керіотъ [909]). Возможно, что идея двѣнадцати колѣнъ Израиля не была чужда Іисусу при опредѣленіи числа апостоловъ [910]). «Двѣнадцать», во всякомъ случаѣ, составляли привилегированную группу, среди которой Петръ сохранялъ свое братское первенство [911]) и которой Іисусъ ввѣрилъ заботу о распространеніи своего ученія. Не было среди нихъ ничего, что соотвѣтствовало бы жреческой коллегіи, правильно организованной; списки «Двѣнадцати», сохранившіеся до нашего времени, представляютъ собою много неточностей и противорѣчій; двое или трое изъ лицъ, упомянутыхъ тамъ, остались совершенно неизвѣстными. По крайней мѣрѣ, двое изъ нихъ, Петръ и Филиппъ [912]) были женаты и имѣли дѣтей.

Нѣтъ сомнѣнія, что Іисусъ повѣрялъ «Двѣнадцати» тайны, которыя онъ запрещалъ имъ сообщать всѣмъ [913]). Порою кажется, что намѣреніе его было—окружить себя какой то тайной, отодвинуть великое подтвержденіе своего ученія на время послѣ своей смерти, открыть свои истинные планы и думы только ученикамъ, довѣряя имъ заботу повѣдать о нихъ міру

гораздо позже [914]). «Что говорю вамъ въ темнотѣ, говорите при свѣтѣ; и что на ухо слышите, проповѣдуйте на кровляхъ». Онъ избѣгалъ, такимъ образомъ, объясненій слишкомъ опредѣленныхъ и точныхъ и создавалъ нѣчто вродѣ посредниковъ между собой и обществомъ. Можно утверждать навѣрное, что для апостоловъ у него существовало особое ученіе, и что онъ развивалъ предъ ними притчи, которыя оставались недоступными для массы [915]). Загадочные обороты и причудливая связь идей были въ модѣ въ поученіяхъ книжниковъ, какъ это видно изъ афоризмовъ *Пиркэ-Аботъ*. Іисусъ объяснялъ своимъ интимнымъ ученикамъ все, что было непонятнаго и своеобразнаго въ его апоѳегмахъ или апологахъ, и освобождалъ свое ученіе отъ той массы сравненій, которыя его часто только затемняли [916]). Многія изъ этихъ объясненій, повидимому, заботливо собраны и сохранены [917]).

И при жизни Іисуса апостолы проповѣдывали [918]), но далеко не уходили отъ него. Ихъ проповѣдь ограничивалась, впрочемъ, возвѣщеніемъ близости царствія Божія [919]). Гость на Востокѣ—является большимъ авторитетомъ; онъ считается выше хозяина дома; и вотъ, этотъ-то послѣдній и обнаруживалъ къ гостю величайшее довѣріе. Эта пропаганда у очага является лучшимъ средствомъ для распространенія новаго ученія. Гость открываетъ предъ семьей скрытый кладъ; онъ платитъ, такимъ образомъ, за гостепріимство; здѣсь помогаютъ еще вѣжливость и хорошія отношенія,—и семья, такимъ образомъ, растрогана и обращена. Если забыть о восточномъ гостепріимствѣ, невозможно объяснить успѣхи христіанства въ такихъ широкихъ массахъ людей. Іисусъ, который сильно держался старыхъ добрыхъ нравовъ, совѣтовалъ ученикамъ широко пользоваться этимъ старымъ публичнымъ правомъ, исчезавшимъ, вѣроятно, въ большихъ городахъ, гдѣ уже были гостинницы [920]). «Работникъ, говорилъ онъ, достоинъ своей платы». Остановившись у когонибудь, они должны были оставаться у него, ѣсть и пить то, что имъ предлагали—пока длилась ихъ миссія [921]).

Іисусъ хотѣлъ, чтобы, по примѣру его, вѣстники доброй вѣсти дѣлали свою проповѣдь желанной и пріятной, путемъ благожелательныхъ и вѣжливыхъ манеръ. Онъ хотѣлъ, чтобъ они, входя въ домъ, говорили *селямъ* (миръ дому сему) или выражали пожеланіе счастья. Нѣкоторые не рѣшались дѣлать *этого, ибо селямъ*, какъ и теперь, символизировалъ на востокѣ *религіозное общеніе*, на которое, конечно, не шли сразу съ чело-

вѣкомъ, вѣра котораго неизвѣстна [922]). «Не бойтесь ничего говорилъ Іисусъ,—если никто въ домѣ не будетъ достоинъ мира вашего, то миръ вашъ къ вамъ возвратится» [923]). Дѣйствительно, апостолы царства Божія бывали иногда плохо приняты и приходили жаловаться Іисусу, который старался ихъ успокоить. Нѣкоторые, убѣжденные во всемогуществѣ своего учителя, были оскорблены этой снисходительностью къ людямъ. Сыновья Зеведея хотѣли, чтобъ онъ призвалъ небесный огонь на негостепріимные дома [924]). Іисусъ принималъ ихъ негодованіе со своей тонкой ироніей и останавливалъ ихъ словами: «Я пришелъ не губить души человѣческія, а спасать».

Онъ стремился всѣми средствами утвердить принципъ, что апостолы его—это то же, что онъ самъ [925]). Думали, что онъ передалъ имъ свои чудесныя великія качества. Они прогоняли демоновъ, пророчествовали и составили школу прославившихся заклинателей [926]), хотя нѣкоторые случаи были выше ихъ умѣнья [927]). Они занимались также исцѣленіями, наложеніемъ рукъ или смазывали масломъ [928]), т. е. прибѣгали къ одному изъ основныхъ способовъ лѣченія медицины Востока. Наконецъ, по примѣру *псиллъ*, они умѣли брать руками змѣй и безболѣзненно выпивать смертельные яды [929]). Чѣмъ позднѣе послѣ Іисуса это дѣлалось, тѣмъ непріятнѣе становился характеръ этой теургіи. Но нѣтъ сомнѣнія, что она была обычно-правовымъ явленіемъ начальной Церкви, и что она фигурировала на первомъ мѣстѣ въ идеяхъ современниковъ Іисуса [930]). Шарлатаны, какъ и надо ожидать, эксплоатировали это движеніе народной довѣрчивости. И при жизни Іисуса многіе, не будучи его учениками, изгоняли демоновъ во имя его. Истинные ученики чувствовали себя оскорбленными и пытались имъ помѣшать. Іисусъ, который видѣлъ въ этомъ дань своей славѣ и результаты своей популярности, не относился къ нимъ очень сурово [931]). Надо замѣтить, впрочемъ, что это сверхъестественное могущество перешло, если позволительно такъ выразиться, въ ремесло. Доводя до конца логику абсурда, нѣкоторые изгоняли демоновъ Вельзевуломъ [932]), царемъ демоновъ. Воображали себѣ, что этотъ повелитель адовыхъ легіоновъ долженъ былъ имѣть высшую власть надъ своими подчиненными и что, дѣйствуя чрезъ него, можно было съ увѣренностью изгнать вселившійся духъ [933]). Нѣкоторые старались даже купить у учениковъ Іисусовыхъ тайну тѣхъ чудесныхъ даровъ, которые имъ были даны [934]).

Ядро церкви начало уже формироваться. Плодотворная идея о власти объединенныхъ людей (ecclesia), видимо, принадлежитъ Іисусу. Увлеченный своимъ чисто-идеалистическимъ ученіемъ, что присутствіе нѣсколькихъ душъ создаетъ ихъ союзъ на основѣ любви, онъ объявилъ, что всякій разъ, когда нѣсколько людей соберутся во имя его, онъ будетъ съ нимъ. Онъ довѣряетъ церкви право связывать и разрѣшать (т. е. считать то или другое дозволеннымъ или недозволеннымъ), отпускать грѣхи, ставить на видъ грѣшнику грѣхи его, авторитетно предупреждать его, молиться съ увѣренностью, что мольбу услышатъ [935]). Возможно, что многія изъ этихъ словъ приписаны учителю, чтобы создать почву для того коллективнаго, могущественнаго организма, которымъ позже пытались замѣнить реальную власть самого Іисуса. Во всякомъ случаѣ, лишь послѣ смерти его конституируются отдѣльныя церковныя организаціи, и надо отмѣтить, что ихъ первая конституція безусловно составлялась по примѣру синагогальныхъ. Многія лица, которыя сильно любили Іисуса и возлагали на него великія надежды, какъ Іосифъ Аримоѳейскій, Марія Магдалина, Никодимъ, не вошли, видимо, ни въ одну изъ этихъ новыхъ церквей, и держались тѣхъ нѣжныхъ или полныхъ уваженія воспоминаній, которыя они сохранили о немъ.

Да, наконецъ, въ поученіяхъ Іисуса нѣтъ никакого слѣда практической нравственности или каноническаго права, сколько бы то ни было яснаго и опредѣленнаго. Только однажды, по вопросу о бракѣ, онъ высказался ясно и запретилъ разводъ [936]). Никакой теологіи, никакихъ символовъ нѣтъ въ его ученіи. Слегка набросаны лишь нѣкоторые общіе взгляды на Отца, Сына и Св. Духа [937]), изъ которыхъ позднѣе были выведены Троичность и Воплощеніе, но въ сознаніи Іисуса они оставались еще въ состояніи безформенныхъ образовъ. Послѣднія книги іудейскаго канона знаютъ уже о Святомъ Духѣ, какъ о какой-то божественной ипостаси, иногда отождествляемой съ Мудростью или Словомъ [938]). Іисусъ настаивалъ на этомъ пунктѣ [939]) и хотѣлъ дать ученикамъ своимъ крещеніе огнемъ и духомъ святымъ [940]), по характеру своему стоящее выше Іоаннова. Этотъ Духъ Святой для Іисуса не былъ чѣмъ-то отличнымъ отъ вдохновенія, неизмѣнно и вѣчно исходящаго отъ Бога-Отца [941]). Потомъ различія утончились. Изображали *дѣло такъ, будто Іисусъ* обѣщалъ ученикамъ послать имъ *послѣ смерти своей* Духа, который замѣститъ его, научитъ

ихъ всему и дастъ доказательства истинности того, что онъ самъ лишь провозгласилъ [942]). Однажды апостолы увѣровали, что получили крещеніе отъ этого Духа, явившагося имъ въ видѣ страшнаго вѣтра и языковъ пламени [943]). Чтобъ обозначить то же понятіе о духѣ, употребляли слово *Пераклитъ*, которое сиро-халдейцы взяли у грековъ (Παράκλητος) и которое, видимо, въ этомъ случаѣ имѣетъ оттѣнокъ «заступника» [944]) «утѣшителя» [945]) или «истолкователя небесныхъ истинъ», книжника, обязаннаго раскрыть людямъ тайны еще скрытыя [946]). Сомнительно, чтобъ Іисусъ пользовался этимъ словомъ. Это было примѣненіемъ пріема, которому слѣдовали еврейская и христіанская теологія въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, и благодаря которому долженъ былъ создаться цѣлый рядъ божественныхъ помощниковъ, *метатронъ*, *синадельфъ* и *сандальфонъ* и всѣ воплощенныя аллегоріи каббалы. Но въ то время, какъ іудаизмъ оставлялъ эти спекулятивныя построенія дѣломъ частнаго и свободнаго міровоззрѣнія,—христіанство съ IV вѣка сдѣлало ихъ существомъ ортодоксіи и всемірнаго догмата.

Безполезно останавливать вниманіе на томъ обстоятельствѣ, какъ далека отъ мысли Іисуса была идея религіозной книги, заключающей въ себѣ кодексъ и уставъ вѣры. Онъ не только не написалъ ее, но и самое сочиненіе священныхъ книгъ противорѣчило духу зародившейся секты. Люди чувствовали себя наканунѣ великой послѣдней катастрофы. Мессія явится, чтобъ наложить печать на Законъ и Пророковъ, а не для провозглашенія новыхъ текстовъ. Въ силу этого, писанія апостольскаго періода—за исключеніемъ Апокалипсиса, который былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ единственной книгой первичнаго христіанскаго откровенія [947]), являются продуктомъ случайныхъ обстоятельствъ, нисколько не претендуя дать полный догматическій кодексъ. Евангелія сначала имѣли совершенно личный характеръ и авторитетъ, менѣе значительный, чѣмъ традиція [948]).

Но неужели у секты не было какого-нибудь священнаго обряда, таинства, знака единенія сектантовъ? Да, у нея былъ одинъ знакъ, который вся традиція единогласно приписываетъ Іисусу. Одной изъ любимыхъ идей учителя является та, что онъ самъ есть хлѣбъ, новый хлѣбъ—выше манны, и имъ должно жить человѣчество. Эта идея, зерно Евхаристіи, принимала тогда въ устахъ Іисуса странно-обязательную форму. Особенно ярко обнаружилось это однажды, когда будучи въ синагогѣ въ Капернаумѣ, онъ почувствовалъ въ себѣ такую

смѣлость, которая стоила ему многихъ изъ прежнихъ его учениковъ. «Истинно, истинно говорю вамъ: не Моисей далъ вамъ хлѣбъ съ неба, а Отецъ мой даетъ вамъ истинный хлѣбъ съ небесъ» [949]). И прибавилъ: «Я есмь хлѣбъ жизни: приходящій ко мнѣ не будетъ алкать, и вѣрующій въ меня не будетъ жаждать никогда» [950]). Эти слова возбудили сильный ропотъ. «Возроптали на него іудеи за то, что онъ сказалъ: «я есмь хлѣбъ, сшедшій съ небесъ»,—и говорили: «не Іисусъ ли это, сынъ Іосифовъ, котораго отца и мать мы знаемъ? Какъ же говоритъ онъ: я сшелъ съ небесъ?» И Іисусъ, настаивая еще съ большей силой, сказалъ: «Я есмь хлѣбъ жизнь: отцы ваши ѣли манну въ пустынѣ и умерли; хлѣбъ же, сходящій съ небесъ таковъ, что ядущій его не умретъ. Я—хлѣбъ живый, сшедшій съ небесъ: ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во-вѣкъ; хлѣбъ же, который я далъ, есть плоть моя, которую я отдамъ за жизнь міра» [951]). Возмущеніе и гнѣвъ возросли до крайности: „Какъ онъ можетъ дать намъ ѣсть плоть свою?“ Іисусъ не остановился: онъ пошелъ гораздо дальше: „Истинно, истинно говорю вамъ: если не будете ѣсть плоти Сына человѣческаго и пить его кровь, то не будете имѣть въ себѣ жизни: ядущій мою плоть и піющій мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную, и я воскрешу его въ послѣдній день; ибо плоть моя истинно есть пища, и кровь моя истинно есть питіе; ядущій мою плоть и піющій мою кровь пребываетъ во мнѣ, и я въ немъ; какъ послалъ меня живый Отецъ, и я живу Отцомъ, такъ и ядущій меня жить будетъ мною“. Такое упорство въ защитѣ парадокса вызвало возмущеніе многихъ учениковъ, которые перестали бывать въ его обществѣ. Но Іисусъ не отказывался отъ своихъ словъ; онъ только прибавилъ: «Духъ животворитъ, плоть не пользуетъ ни мало; слова, которыя говорю я вамъ, суть духъ и жизнь». Двѣнадцать остались по прежнему преданы ему. Это явилось умѣстнымъ поводомъ для Кифы высказать свою безусловную преданность учителю и провозгласить еще разъ: «Ты—Христосъ, сынъ Бога живаго!»

Вѣроятно, съ этого момента былъ установленъ обычай за общимъ столомъ секты, обычай, явившійся слѣдствіемъ этой рѣчи, такъ плохо принятой въ Капернаумѣ. Но апостольская традиція по этому поводу внутренне-противорѣчива и, вѣроятно, съ умысломъ написана безъ достаточной полноты. Евангелія *вержатиковъ, повѣствованіе* которыхъ объ этомъ фактѣ под- *топсиндетъ св. Павелъ*, предполагаютъ, что существовалъ един-

ственный священный актъ, служившій основой мистическаго таинства, но датируютъ его послѣдней вечерей [952]). Четвертое евангеліе, которое именно разсказываетъ о случаѣ въ синагогѣ Капернаума, не отмѣчаетъ подобнаго акта, хотя подробно повѣствуетъ о послѣдней вечерѣ. Въ другомъ мѣстѣ мы увидимъ, что Іисуса узнали по тому, какъ онъ разломилъ хлѣбъ [953]), точно этотъ жестъ былъ особенно характернымъ у него, въ глазахъ тѣхъ, кто его сопровождалъ. Когда онъ умеръ, то тотъ образъ, въ которомъ онъ рисовался благоговѣйной памяти о немъ его учениковъ—это образъ предсѣдателя мистической застольной бесѣды, который держитъ въ рукахъ хлѣбъ, благословляетъ и разламываетъ его и предлагаетъ присутствующимъ [954]). Можно думать, что это была одна изъ его привычекъ и что въ эту минуту онъ бывалъ особенно ласковымъ и растроганнымъ. Матеріальная подробность: присутствіе рыбы на столѣ (замѣчательное доказательство, свидѣтельствующее, что обрядъ этотъ впервые практиковался на берегу Тиверіадскаго озера [955]) стало необходимымъ аксессуаромъ таинства и явилось обязательной подробностью тѣхъ представленій, которыя создались о тайной вечерѣ [956]).

Трапезы для новой общины становились самыми отрадными минутами ея коллективной жизни. Въ это время встрѣчались, учитель говорилъ съ каждымъ и поддерживалъ общую бесѣду, полную веселья и очарованія. Іисусъ любилъ эти мгновенія и радовался, видя свою духовную семью, сплотившуюся вокругъ него [957]). Въ обычаяхъ у евреевъ было, что въ началѣ трапезы глава дома долженъ взять хлѣбъ, благословить его молитвой, разломить и раздать участникамъ трапезы. Вино было предметомъ такого же освященія [958]). У ессеевъ и терапевтовъ священный обрядъ за трапезой получилъ обрядовое значеніе и важность, подвергшись тому процессу развитія, чрезъ который христіанская вечеря прошла позже [959]). Участ іе въ ѣдѣ одного и того же хлѣба считалось какъ бы духовнымъ общеніемъ сотрапезниковъ, взаимной связью между ними [960]). Іисусъ поддерживалъ этотъ взглядъ въ выраженіяхъ, чрезвычайно энергическихъ, которыя позже были приняты съ безграничной буквальностью. Іисусъ одновременно былъ идеалистомъ въ своемъ міровоззрѣніи и матеріалистомъ по способу его выраженія. Желая выдвинуть ту мысль, что вѣрующій живетъ имъ, *что весь онъ*, Іисусъ (его тѣло, кровь и душа) составляетъ *жизнь истинно*-вѣрующаго, онъ говорилъ своимъ учени-

камъ: «Я есмь ваша пища», фраза, которая, будучи переведена на образный языкъ, означала: «Плоть моя—хлѣбъ вашъ, кровь моя—питіе ваше». Потомъ характерная манера выражаться, которая у Іисуса была рѣзко-конкретной, увлекаетъ его еще дальше. За столомъ, указывая на пищу, онъ говорилъ: «Вотъ я», беря хлѣбъ: «Вотъ тѣло мое», а о винѣ: «Вотъ кровь моя». Всѣ эти выраженія означаютъ то же, что: «Я есмь ваша пища».

Этотъ мистическій обрядъ еще при жизни Іисуса имѣлъ огромный смыслъ. Онъ, вѣроятно, былъ созданъ довольно задолго до послѣдняго путешествія въ Іерусалимъ и былъ скорѣе результатомъ общаго Іисусова ученія, чѣмъ одного опредѣленнаго акта. Послѣ смерти своего создателя, этотъ отрядъ сталъ великимъ символомъ христіанскаго общежитія [961]), и его созданіе стали относить къ самому торжественному моменту въ жизни Спасителя. Хотѣлось видѣть въ освященіи хлѣба и вина незабвенное «прости», которое Іисусъ, прежде чѣмъ покинуть жизнь, оставилъ своимъ ученикамъ [962]). Въ этомъ таинствѣ находили вновь самого Іисуса. Чисто спиритуалистическая идея о присутствіи душъ, которая была такъ близка учителю, которая, напр., позволяла ему говорить, что онъ лично присутствуетъ среди учениковъ [693]), когда они сходятся вмѣстѣ во имя его [964]),—дѣлала легко допустимымъ такое толкованіе. Іисусъ, какъ мы ужъ говорили объ этомъ однажды [965]), никогда не имѣлъ прочно-установившагося понятія о томъ, что создается индивидуальностью. Въ томъ порывѣ экзальтаціи, къ которому онъ пришелъ, идея у него первенствовала надъ всѣмъ прочимъ въ такой мѣрѣ, что тѣло перестало что-нибуль значить. Люди являются чѣмъ-то единымъ, когда любятъ другъ друга, когда живутъ вмѣстѣ,—какъ же не быть ему вмѣстѣ со своими учениками однимъ цѣлымъ? [966]). Его ученики усвоили тотъ же языкъ [967]). Тѣ, которые въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ жили съ нимъ, видѣли его всегда съ хлѣбомъ, потомъ съ чашей «въ святыхъ и обожаемыхъ рукахъ» [968]), когда онъ самъ предлагалъ себя имъ въ пищу. Его-то они и ѣли и пили; онъ сдѣлался настоящей Пасхой, а древняя уничтожалась кровью его. Невозможно дать почувствовать на нашемъ ограниченномъ, опредѣленномъ языкѣ, гдѣ надо строго отдѣлять собственный смыслъ слова отъ метафорическаго значенія,—тѣ характерныя черты стиля, основнымъ отличіемъ котораго является то, что онъ даетъ метафорѣ, *или лучше сказать*, идеѣ, полную реальность.

ГЛАВА XIX.

Возрастаніе энтузіазма и экзальтаціи.

Ясно, что подобная религіозная организація, основанная единственно на ожиданіи пришествія царства Божія, должна была быть несовершенной по самой своей природѣ. Первое поколѣніе христіанъ жило исключительно надеждами и мечтами. Наканунѣ того дня, когда ожидалось крушеніе міра, смотрѣли, какъ на нѣчто безполезное, на все то, что могло только содѣйствовать большей прочности этого осужденнаго міра. Чувство собственности разсматривалось, какъ порочное [969]). Все, что привязываетъ человѣкъ къ землѣ, все, что отвращаетъ его отъ небесъ, все это надо отвергать, отъ всего этого бѣжать. Хотя многіе ученики были женаты, но съ того момента, какъ новый членъ вступалъ въ секту, онъ уже, должно быть, не женился [970]). Безбрачіе ставилось высоко [971]). Была такая минута, когда учитель, казалось, одобрялъ тѣхъ, которые изувѣчивали себя во имя царства Божія [972]). Онъ въ этомъ отношеніи слѣдовалъ своему принципу: «Если же рука твоя или нога твоя соблазняетъ тебя, отсѣки ихъ и брось отъ себя: лучше тебѣ войти въ жизнь безъ руки или безъ ноги, нежели быть ввержену въ огонь вѣчный съ двумя руками и двумя ногами. И если глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя: лучше тебѣ съ однимъ глазомъ войти въ жизнь, нежели съ двумя глазами быть ввержену въ геенну огненную» [973]). Прекращеніе человѣческаго рода часто разсматривалось, какъ признакъ и условіе наступленія царства Божія [974]).

Никогда, какъ видно изъ этого, первая христіанская *Церковь не могла создать* общества, стремящагося къ длитель-

ному существованію, еслибъ не то безконечное разнообразіе, которымъ отмѣчены принципы, составляющіе зерно Іисусова ученія. Потребовалось больше столѣтія, чтобъ та истинная христіанская Церковь, которая покорила міръ, освободилась и откололась отъ этой маленькой секты «святыхъ послѣдняго дня» и стала тѣми кадрами, которые могли быть удобны и и пригодны для человѣческаго общества въ цѣломъ. То же самое явленіе, впрочемъ, наблюдается и въ буддизмѣ, который первоначально былъ созданъ только для монаховъ. То же случилось бы и съ орденомъ св. Франциска, еслибъ этотъ орденъ успѣлъ въ стремленіи обратить свой уставъ въ общее правило общежитія для всего человѣчества. Родившись въ формѣ утопій, имѣя успѣхъ именно въ силу своихъ преувеличеній, великія ассоціаціи, о которыхъ мы говоримъ, должны были, для завоеванія и обращенія въ свою вѣру всего міра, коренным образомъ измѣнить свой строй и отбросить свои крайности. Іисусъ не пережилъ всего этого чисто-монашескаго этапа развитія, когда думали, что можно безнаказанно попытаться сдѣлать невозможное возможнымъ. Онъ не сдѣлалъ никакихъ уступокъ необходимости. Онъ смѣло проповѣдывалъ войну противъ природы, полное отрицаніе крови. «Истинно говорю вамъ, говорилъ онъ, кто оставитъ домъ свой, жену, братьевъ, родныхъ, дѣтей, ради царства Божія, тому возвратится сторицей въ этомъ мірѣ, а въ будущемъ онъ получитъ жизнь вѣчную» [975]).

Правила, которыя, какъ говорятъ, были даны Іисусомъ ученикамъ своимъ, дышатъ той же экзальтаціей [976]). Іисусъ, столь ровно привѣтливый и терпимый съ чужими, мирившійся съ полу-признаніемъ его миссіи [977]),—по отношенію къ близкимъ проявлялъ крайнюю строгость. Онъ ничѣмъ не довольствуется наполовину. Это, можно сказать, «орденъ» съ самымъ суровымъ уставомъ. Вѣрный своей мысли, что учительскія заботы смущаютъ человѣка и принижаютъ его достоинство, Іисусъ требуетъ отъ своихъ однообщинниковъ совершеннаго отрѣшенія отъ земли, безусловной преданности его дѣлу. Они не должны носить съ собою ни денегъ, ни дорожныхъ запасовъ, ни даже мѣшка на дорогу, ни платья для перемѣны. Они должны быть совершенно бѣдными, жить милостыней и гостепріимствомъ. «То, что вы получили даромъ, отдавайте даромъ и другимъ» [978]), *говорилъ онъ на своемъ* прекрасномъ языкѣ. Если ихъ схватятъ, *приведутъ къ судьѣ*, пусть не готовятъ заранѣе своего

защитительнаго слова; заступникъ небесный вдохновитъ ихъ, что сказать имъ. Отецъ ниспошлетъ имъ Духа своего. Этотъ Духъ будетъ принципомъ ихъ поведенія, руководителемъ ихъ мыслей, проводникомъ въ мірѣ семъ [979]). Если они будутъ изгнаны изъ города, то пусть отряхнутъ прахъ съ ногъ своихъ, но возвѣстятъ ему всетаки приближеніе царства Божія, дабы онъ не могъ отговариваться незнаніемъ близости царства Божія. «И прежде чѣмъ вы обойдете всѣ города Израиля прибавлялъ онъ, уже придетъ Сынъ человѣческій».

Непонятный пылъ воодушевляетъ эти рѣчи, которыя, быть можетъ, являются созданіемъ энтузіазма учениковъ [990]), но которыя, даже въ этомъ случаѣ, идутъ хотя и косвенно отъ Іисуса, такъ какъ такой энтузіазмъ былъ дѣломъ его рукъ. Іисусъ предсказываетъ тѣмъ, которые хотятъ за нимъ слѣдовать, большія преслѣдованія и ненависть рода человѣческаго. Онъ посылаетъ ихъ, какъ овецъ въ стадо волковъ. Ихъ будутъ хлестать въ синагогахъ и заключать въ тюрьмы. Братъ будетъ преданъ братомъ, сынъ—отцомъ. Если ихъ будутъ преслѣдовать въ одной странѣ, пусть переходятъ въ другую. «Ученикъ, говорилъ онъ, не выше учителя, и слуга не выше господина своего. Не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить; а бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ гееннѣ. Не двѣ ли малыя птицы продаются за ассарій? И ни одна изъ нихъ не упадетъ на землю безъ воли Отца вашего; у васъ же и волосы на головѣ всѣ сочтены. Не бойтесь же, вы лучше многихъ малыхъ птицъ» [981]). «Итакъ, всякаго, говорилъ онъ, кто исповѣдуетъ меня передъ людьми, того исповѣдую и я передъ Отцомъ моимъ небеснымъ. А кто отречется отъ меня передъ людьми, отрекусь отъ того и я, когда приду во славѣ Отца своего со святыми ангелами» [982]).

Въ своемъ крайнемъ аскетизмѣ онъ доходилъ до подавленія плоти. Его требованія не имѣли границъ. Не обращая вниманія на нормальныя границы, которыя природа создаетъ для человѣка, онъ хотѣлъ, чтобы люди существовали только для него, чтобы любили только его одного. «Если кто приходитъ ко мнѣ и не возненавидитъ отца своего и матери, и жены и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, и притомъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть моимъ ученикомъ» [983]). Такъ всякій *изъ васъ*, кто не отрѣшится отъ всего, что имѣетъ, *не можетъ быть* моимъ ученикомъ» [984]). Нѣчто большее, чѣмъ

человѣческое или чуждое человѣческому примѣшивалось тогда къ его словамъ; это былъ точно огонь, пожирающій жизнь на корнѣ ея и превращающій все въ ужасную пустыню. Суровое, скорбное чувство отвращенія къ мірскому, преувеличеннаго отрицанія, характеризующаго христіанское самосовершенствованіе — имѣли своимъ основателемъ не тонкаго, радостнаго моралиста первыхъ дней христіанства, а мрачнаго гиганта, который въ силу какого-то грандіознаго предчувствія, все дальше и дальше выходилъ за предѣлы человѣческаго. Можно бы подумать, что въ эти минуты войны противъ самыхъ законныхъ потребностей сердца онъ забылъ о наслажденіяхъ жизни, любви, созерцанія и чувствованія міра. Переходя всѣ границы, онъ дерзалъ говорить: «Кто хочетъ идти за мною, отвергни себя и возьми крестъ свой, и слѣдуй за мною. Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели меня, не достоинъ меня. И кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели меня, не достоинъ меня. Ибо кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ душу свою ради меня, тотъ обрѣтетъ ее. Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ»? [985]). Два разсказа, изъ числа тѣхъ, которые не слѣдуетъ принимать за исторически-вѣрные факты, но которые, согласно желанію ихъ авторовъ, должны дать понятіе о характерной чертѣ, преувеличивъ ее, — ярко рисуютъ это недовѣріе къ природѣ: Іисусъ говоритъ человѣку: «Слѣдуй за мной!»—«Господи, позволь мнѣ прежде пойти и похоронить отца моего!» Но Іисусъ сказалъ ему: «Иди за мною, и предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ; иди, возвѣсти царство Божіе». Другой сказалъ: «Господи! я пойду за тобою, куда бы ты не пошелъ, но прежде позволь мнѣ проститься съ домашними моими». Но Іисусъ сказалъ ему: «никто возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для царствія Божія» [986]). Крайняя увѣренность сквозитъ въ этихъ преувеличеніяхъ, и иногда своими оттѣнками удивительной кротости опрокидываетъ всѣ наши понятія. «Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ. Возьмите иго мое на себя и научитесь отъ меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго мое благо, и бремя мое легко» [987]).

Великая опасность угрожала будущему отъ этой *экзальтированной морали,* выраженной преувеличеннымъ языкомъ и

со страшной энергіей. Для того, чтобы отторгнуть человѣка отъ земли, разбивали жизнь. Христіанинъ получитъ похвалу за то, что будетъ дурнымъ сыномъ, плохимъ патріотомъ, если во имя Христа онъ борется съ отцомъ и родиной. Античный городъ, республика, мать всѣхъ, государство, законъ, общій для всѣхъ — всѣ они основаны на враждѣ царству Божію. Такое зерно теократіи вводится въ міръ.

Другое послѣдствіе также становится очевиднымъ съ этого времени. Будучи перенесена въ мирное общество, увѣренная и обезпеченная за продолжительность своего существованія, эта мораль, созданная для момента кризиса, должна была казаться немыслимой. Евангеліе, такимъ образомъ, должно было сдѣлаться для христіанъ утопіей, осуществить которую многіе и не думали. Эти ужасающія правила жизни должны были для огромнаго большинства людей мирно дремать въ глубокомъ забвеніи, которое поддерживалось самимъ духовенствомъ; евангельскій человѣкъ долженъ стать человѣкомъ опаснымъ. Самый корыстный, самый гордый, самый жестокій человѣкъ, наиболѣе лишенный поэзіи, какъ Людовикъ XIV, напр., — долженъ былъ найти священниковъ, которые, вопреки Евангелію, убѣдили бы его, что онъ — христіанинъ. Но должны также встрѣчаться люди святые, которые принимаютъ возвышенные парадоксы Іисуса буквально. Разъ совершенство было постановлено внѣ обычныхъ условій общественной жизни, разъ совершенную евангельскую жизнь можно вести только внѣ общества, разъ установлены эти положенія, — создается принципъ аскетизма и иноческой жизни. Христіанскія общества съ этого момента будутъ имѣть два моральныхъ правила: одно, умѣренно-героическое, для человѣческой обыкновенной жизни, другое — до крайности полное экзальтаціи — для человѣка совершеннаго. Человѣкъ совершенный — это монахъ, исполняющій велѣнія, якобы осуществляющія евангельскій идеалъ. Можно утверждать съ увѣренностью, что этотъ идеалъ, если даже имѣть въ виду безбрачіе и бѣдность, не можетъ стать общимъ правиломъ для цѣлой общины. Итакъ, единственнымъ истиннымъ христіаниномъ является, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, только инокъ. Здравый смыслъ массы возстаетъ противъ этой крайности; если вѣрить въ этотъ здравый смыслъ, то самая немыслимость примѣнить правила аскетическаго христіанства *на цѣлой общинѣ* — служитъ доказательствомъ слабости его и оши-

бочности. Но здравый смыслъ — плохой судья, когда рѣчь идетъ о великихъ вопросахъ. Чтобы получить отъ человѣчества немного, надо требовать отъ него значительно больше. Великій моральный прогрессъ, которымъ человѣчество обязано Евангелію, идетъ отъ его преувеличеній. Эти преувеличенія, подобно стоицизму, но въ гораздо большей мѣрѣ, явились живымъ доказательствомъ существованія живыхъ силъ въ человѣкѣ, стали памятникомъ, поставленнымъ силѣ и власти человѣческой воли.

Всякій без труда представитъ себѣ, что для Іисуса, въ тотъ моментъ, о которомъ мы говоримъ, совершенно исчезло все, что не относится къ царству Божію. Онъ жилъ, если можно такъ выразиться, совершенно внѣ природы: семья, дружба, родина не имѣли никакого смысла для него. Безъ сомнѣнія, онъ пожертвовалъ съ этого момента своей жизнью. Иногда пытались думать, что видя въ своей смерти средство основать свое царство, онъ принялъ свободное рѣшеніе идти на смерть [988]). Въ другихъ случаяхъ (хотя такая мысль вошла въ догматъ значительно позже), смерть представляется ему жертвой, предназначенной къ тому, чтобы умиротворить Отца своего и спасти людей [989]). Онъ былъ проникнутъ непонятной жаждой преслѣдованія и мукъ [990]). Кровь его представлялась ему водой второго крещенія, въ которую онъ долженъ погрузиться, и онъ, казалось, былъ охваченъ какой-то поспѣшностью идти навстрѣчу этому крещенію, которое только одно и могло утолить его жажду [991]).

Величіе его взглядовъ на будущее было по временамъ изумительно. Онъ не таитъ отъ себя того ужаснаго урагана, который онъ подниметъ въ мірѣ. «Не думайте, говорилъ онъ съ смѣлостью и красотой своей рѣчи, что я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ я принести, но мечъ; ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться, трое противъ двухъ и двое противъ трехъ. Ибо я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку со свекровью ея. И отнынѣ враги человѣку—домашніе его» [992]).—«Огонь пришелъ я низвести на землю, и какъ желалъ бы, чтобъ онъ уже возгорѣлся» [993]). «Изгонять васъ изъ синагогъ, говорилъ онъ, и даже наступитъ время, когда всякій, убивающій васъ будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу [994]). *Если міръ васъ* ненавидитъ, знайте, что меня прежде васъ *возненавидѣлъ.* Помните слово, которое я сказалъ вамъ: рабъ

не больше господина своего. Если меня гнали, будутъ гнать и васъ [995])».

Охваченный этимъ возрастающимъ энтузіазмомъ, увлекаемый логикой своей, все болѣе и болѣе экзальтированной проповѣди, Іисусъ не былъ уже свободенъ; онъ принадлежалъ своему назначенію и въ извѣстномъ смыслѣ человѣчеству. Иногда можно было подумать, что его разумъ помутился. Имъ овладѣвали порывы страшной тоски и внутренняго смятенія [996]). Великое видѣніе царствія Божія безпрестанно пылало предъ его взоромъ и заставляло кружиться его горячую голову. Надо припомнить, что близкіе его, въ нѣкоторыя мгновенія считали его сумасшедшимъ [997]), что враги объявили его одержимымъ [998]). Его необыкновенно-страстный темпераментъ заводилъ его за предѣлы человѣческой природы. Его дѣло, не будучи дѣломъ разума и пренебрегая законами человѣческаго разума—повелительно требовало одного—«вѣры» [999]). Это слово повторялось особенно часто въ его маленькомъ обществѣ. Это былой лозунгъ всѣхъ народныхъ движеній. Ясно, что ни одно изъ этихъ движеній не создалось бы, еслибъ тому, кто ихъ вызываетъ, приходилось пріобрѣтать учениковъ, одного за другимъ, путемъ ясныхъ доказательствъ, выводимыхъ логически. Размышленіе приводитъ только къ сомнѣнію и еслибъ, напр. творцы французской революціи должны были предварительно убѣждаться путемъ длинныхъ разсужденій, то всѣ они досидѣлись бы до своей старости, ничего не сдѣлавъ. Іисусъ точно такъ же расчитывалъ больше на непосредственныя влеченія сердца, чѣмъ на правильное убѣжденіе. Повелительный, стойкій, онъ не терпѣлъ никакого противорѣчія; онъ иногда былъ жестокъ и строптивъ [1000]). Его ученики, въ нѣкоторые моменты, переставали его понимать и обнаруживали предъ нимъ какой-то страхъ [1001]). Его раздраженіе по поводу всякаго противорѣчія увлекало его на путь совершенно необъяснимыхъ и, повидимому, рѣзко-абсурдныхъ поступковъ [1002]).

Не отъ того это происходило, что добродѣтель его пошатнулась; его борьба за идеалъ противъ реальной жизни дѣлалась, дѣйствительно, невыносимой. Онъ мучился и возмущался, соприкасаясь съ землей. Препятствіе его раздражало. Его идея о Сынѣ Божьемъ дѣлалась запутанной и преувеличенной. Божественное должно, по природѣ своей, имѣть перерывъ; невозможно быть сыномъ Божьимъ всю жизнь и въ одномъ и томъ же *постоянномъ* образѣ. Имъ можно быть въ извѣстные часы,

вслѣдствіе внезапнаго просвѣтлѣнія, которое теряется среди долгихъ часовъ мрака. Роковой законъ, который осуждаетъ идею на процессъ одряхлѣнія съ того момента, какъ она стремится обратить къ себѣ людей, осуществился на Іисусѣ. Люди, съ которыми онъ соприкасался, принижали его до своего уровня. Тонъ, который онъ взялъ, можно было выдержать только нѣсколько мѣсяцевъ; наступила минута, когда только смерть могла разрѣшить это положеніе, до крайности приподнятое и напряженное, вынести его изъ этихъ тупиковъ безвыходнаго существованія, и, освободивъ его отъ этого слишкомъ продолжительнаго испытанія, вернуть ему его непогрѣшимость, гармонію и небесную безмятежность.

ГЛАВА XX.

Оппозиція Іисусу.

Въ продолженіе перваго періода своей дѣятельности Іисусъ, повидимому, ни откуда не встрѣчалъ серьезнаго противодѣйствія. Благодаря крайней свободѣ, царившей въ Галилеѣ, а также вслѣдствіе многочисленности появлявшихся всюду учителей, Іисусъ былъ извѣстенъ лишь въ очень ограниченномъ кругу лицъ. Но съ того момента, какъ Іисусъ вступилъ на блестящій путь чудесъ и сталъ пользоваться успѣхомъ въ обществѣ, надъ его головой нависла гроза [1003]). Правда, Антипа никогда не притѣснялъ его, хотя Іисусъ и выражался о немъ иногда очень рѣзко[1004]). Имѣя, обыкновенно, свою резиденцію[1005]) въ Тиверіадѣ, тетрархъ жилъ на разстояніи одного или двухъ льё отъ района, который Іисусъ избралъ полемъ своей дѣятельности; наслышавшись о чудесахъ Іисуса и, принимая ихъ, разумѣется, за ловкіе обманы, онъ выразилъ желаніе видѣть ихъ[1006]). Невѣрующіе питали тогда жадное любопытство къ такого рода фокусамъ [1007]). Іисусъ съ обычнымъ тактомъ отказалъ. Онъ вообще съ большой осторожностью относился къ средѣ людей нерелигіозныхъ, искавшихъ въ немъ для себя забавы; только простой народъ онъ стремился привлечь на свою сторону: для простыхъ у него были особые пріемы, только для нихъ однихъ и пригодные.

Однажды распространился слухъ, будто Іисусъ — не кто иной, какъ Іоанъ Креститель, воскресшій изъ мертвыхъ. Антипа былъ смущенъ и встревоженъ[1008]); чтобы удалить новаго пророка изъ своей области, онъ пустился на хитрость. Къ Іисусу пришли фарисеи и подъ видомъ сочувствія сообщили *ему, что Антипа* собирается предать его смерти. Какъ ни былъ

наивенъ Іисусъ, однако, здѣсь и онъ угадалъ ловушку и не захотѣлъ удалиться[1009]). Совершенно миролюбивое поведеніе его и полная непричастность къ агитаціи въ народѣ, въ концѣ концовъ, успокоили тетрарха и разсѣяли угрожавшую Іисусу опасность.

Нельзя сказать, чтобы во всѣхъ городахъ Галилеи новое ученіе встрѣтило одинаково благопріятный пріемъ. Не только Назаретъ продолжалъ отрицать того, кто впослѣдствіи прославилъ его; не только собственные братья Іисуса упорствовали въ своемъ невѣріи[1010]); но даже и города пріозернаго края, въ общемъ встрѣтившіе ученіе Іисуса сочувственно, обратились не всѣ. Іисусъ часто жалуется на невѣріе и черствость сердца, съ которыми ему приходится сталкиваться. И хотя вполнѣ естественно будетъ допустить въ такихъ упрекахъ нѣкоторую долю преувеличенія со стороны проповѣдника, хотя здѣсь и чувствуется извѣстнаго рода convicium seculi, охотно подчеркиваемый Іисусомъ въ подраженіе Іоанну-Крестителю[1011]), однако же, ясно, что далеко не вся страна отнеслась сочувственно къ царству Божію. «Горе тебѣ, Хоразинъ! горе тебѣ, Виѳсаида! ибо, если бы въ Тирѣ и Сидонѣ явлены были чудеса, явленныя въ васъ, то давно бы они, во вретищѣ и въ пеплѣ, покаялись; но и Тиру и Сидону отраднѣе будетъ въ день суда, нежели вамъ. И ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься; ибо, если бы въ Содомѣ явлены были чудеса, явленныя въ тебѣ, то онъ оставался бы до сего дня; но говорю вамъ, что землѣ Содомской отраднѣй будетъ въ день суда, нежели тебѣ[1012])». — «Царица Южная возстанетъ на судъ съ родомъ симъ и осудитъ его, ибо она приходила отъ предѣловъ земли послушать мудрости Соломоновой; и вотъ здѣсь больше Соломона. Ниневитяне возстанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ его, ибо они покаялись проповѣди Іониной; и вотъ здѣсь больше Іоны»[1013]). Скитальческая жизнь, прежде привлекавшая Іисуса своей прелестью, начинала также его тяготить. «Лисицы имѣютъ норы», говорилъ онъ: «и птицы небесныя гнѣзда; а Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ приклонить голову»[1014]). Онъ укорялъ невѣрующихъ въ томъ, что они отрицаютъ очевидное. Горечь и упреки все болѣе и болѣе тѣснили ему душу.

Въ самомъ дѣлѣ, Іисусъ не могъ реагировать на *встрѣчаемыя противодѣйствія* съ холодностью философа, который *понимаетъ причину* различія господствующихъ въ мірѣ взгля-

довъ и находитъ вполнѣ естественнымъ, если не всѣ съ нимъ сходятся во мнѣніяхъ. Однимъ изъ главныхъ недостатковъ еврейской расы является рѣзкость и оскорбительность тона, почти всегда допускаемая съ ихъ стороны въ спорахъ. Нигдѣ въ мірѣ не бывало столь ожесточенныхъ споровъ, какъ у евреевъ между собой. Извѣстная чуткость дѣлаетъ человѣка вѣжливымъ и сдержаннымъ. Семитическій умъ именно и отличается недостаткомъ этой чуткости. Тонкія произведенія, въ родѣ діалоговъ Платона, совершенно чужды народамъ этой расы. Іисусъ, который былъ свободенъ отъ всѣхъ почти недостатковъ своей расы, и отличительной чертой котораго была именно безконечная деликатность, вынужденъ былъ противъ своей воли пользоваться въ полемикѣ общепринятыми пріемами [1015]). Подобно Іоанну Крестителю [1016]) онъ употреблялъ весьма рѣзкія выраженія по адресу своихъ противниковъ. Необычайно кроткій съ людьми простыми онъ вспыхивалъ гнѣвомъ противъ безвѣрія, хотя бы оно и не имѣло аггрессивнаго характера[1017]). Это былъ уже не прежній кроткій учитель, еще не знакомый съ противодѣйствіями, препятствіями и трудностями и произносившій свою «Нагорную проповѣдь». Страстность, составлявшая основу его души, побуждала его часто къ самымъ рѣзкимъ поступкамъ. Мы не должны удивляться этому сочетанію противорѣчивыхъ чертъ. Такими-же рѣзкими контрастами отличался одинъ современный намъ человѣкъ—Ламеннэ. Какъ въ миражѣ, самый безудержный гнѣвъ чередуется съ самыми нѣжными мотивами въ его прекрасной книгѣ «Parolles b'un croyant.» Отличаясь въ жизни большой добротой, онъ доходилъ до бѣшенства въ спорахъ съ людьми иныхъ возрѣній. Іисусъ былъ отчасти правъ, примѣняя къ себѣ слова Исаіи [1018]): «не воспрекословитъ, ни возопіетъ, и никто не услышитъ на стѣнахъ голоса его; трости сокрушенной не переломитъ и льна курящагося не угаситъ» [1019]). И все же, многія изъ его наставленій, данныхъ ученикамъ, заключаютъ уже въ себѣ зародыши истиннаго фанатизма [1020]), довѣденнаго впослѣдствіи до крайней жестокости средними вѣками. Но заслуживаетъ ли онъ упрека за это? Вѣдь ни одна революція не совершалась безъ нѣкоторыхъ жестокостей. Если бы Лютеру или творцамъ французской революціи приходилось соблюдать *правила вѣжливости*—не создались-бы ни реформація, ни *революція*. И слѣдуетъ только радоваться, что во времена

Іисуса не было закона, который каралъ бы оскорбленія, наносимыя цѣлымъ классамъ гражданъ; фарисеи, навѣрное, оказались бы неуязвимы. Все великое, что создало человѣчество, создалось во имя абсолютныхъ принциповъ. Философъ-критикъ, быть можетъ, сказалъ бы: «Уважайте мнѣніе другихъ: знайте, что никто не бываетъ до такой степени абсолютно правъ, чтобы противникъ его былъ абсолютно неправъ». Но дѣло Іиуса не имѣло ничего общаго съ безстрастнымъ умозрѣніемъ философа. А для пылкой души нѣтъ ничего болѣе нестерпимѣе для мысли, что былъ моментъ, когда идеалъ былъ какъ будто достигнутъ, но снова утраченъ, благодаря вмѣшательству чьей-либо злобы. Каково же было пережить это творцу новаго міра.

Самое упорное противодѣйствіе встрѣчали идеи Іисуса со стороны фарисеевъ. Іисусъ все болѣе и болѣе удалялся отъ принятаго правовѣрнаго іудаизма. Фарисеи же были жизненнымъ нервомъ и оплотомъ его. Хотя центръ этой партіи находился въ Іерусалимѣ, но у нея были адепты, жившіе въ Галилѣе или ѣздившіе часто на Сѣверъ[1021]). Это были въ общемъ люди узкаго умственнаго кругозора, придававшіе большое значеніе внѣшности, люди формальнаго благочестія, исполенные самодовольства, самоувѣренности и презрѣнія къ другимъ[1022]). Внѣшніе пріемы ихъ были до того смѣшны, что называли насмѣшку даже у тѣхъ, кто относился къ нимъ съ уваженіемъ. Это доказывали и тѣ прозвища, которыя давалъ имъ народъ, и въ которыхъ чуялась карикатура. Были, напр., «фарисей кривоногій» (*никфи*), ходившій по улицамъ, разсѣянно волоча ноги и натыкаясь на камни; «фарисей кровавый лобъ» (*кицаи*), ходившій съ закрытыми глазами, чтобы не видѣть женщинъ и вѣчно натыкавшійся на стѣны, такъ что лобъ у него былъ всегда разбитъ. «Фарисей-толкачъ» (*медукіа*), согбенный фигурой на подобіе ручки пестика; «фарисей крѣпкоплечій» (*шикми*), ходившій сгорбившись, точно неся на своихъ плечахъ всю тяжесть Закона; «фарисей,—что надо дѣлать? все сдѣлаю»—съ выраженіемъ постоянной готовности исполнить какое-либо новое правило закона; наконецъ, «крашенный фарисей», все благочестіе котораго было лишь маской лицемѣрія[1023]). И ригоризмъ ихъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, часто лишь показнымъ, скрывавшимъ въ дѣйствительности большую моральную распущенность[1024]). Тѣмъ не менѣе, они вводили народъ въ заблужденіе. Инстинктъ на-

рода, который всегда бываетъ безошибоченъ, въ основѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ допускаетъ крупнѣйшія заблужденія. То, что онъ въ такихъ ханжахъ любитъ, дѣйствительно прекрасно и достойно любви само по себѣ; но онъ недостаточно проницателенъ, чтобы отличить показную святость отъ истинной.

Легко понять, какая вражда должна была возгорѣться между Іисусомъ и подобными людьми въ атмосферѣ общей страстности. Іисусъ проповѣдывалъ только религію сердца; религія фарисеевъ состояла почти исключительно въ соблюденіи обрядностей. Іисусъ искалъ смиренныхъ и всякаго рода отверженныхъ; фарисеи видѣли въ этомъ оскорбленіе для своей религіи порядочныхъ людей. Фарисей считалъ себя непогрѣшимымъ и непорочнымъ, былъ педантически увѣренъ въ своей правотѣ, садился въ первомъ ряду въ синагогѣ, молился на улицахъ, творилъ милостыню «при трубномъ звукѣ», ходилъ и оглядывался, ожидая привѣтствій. Іисусъ утверждалъ, что каждый долженъ ждать суда Божьяго со страхомъ и трепетомъ. Нельзя сказать, чтобы дурное религіозное направленіе, представляемое фарисеями, пользовалось условнымъ господствомъ. Напротивъ, и ранѣе Іисуса, и въ его время многіе провозглашали ученія, гораздо болѣе возвышенныя и уже почти евангельскія: таковы были, напр., Іисусъ, сынъ Сираховъ, одинъ изъ истинныхъ предковъ Іисуса Назарейскаго, Гамаліилъ, Антигонъ изъ Соко, и особенно кроткій и благородный Гиллель. Но эти добрыя сѣмена были заглушены. Прекрасныя истины, провозглашенныя Гиллелемъ, полагавшемъ всю сущность Закона въ справедливости [1025]; мысли, высказанныя Іисусомъ сыномъ Сираховымъ, сводившимъ весь культъ къ добрымъ дѣламъ [1026], — всѣ онѣ были забыты или преданы проклятью [1027]. Онѣ были вытѣснены ученіемъ Шаммаи, съ его узостью и односторонностью. Огромное множество обрядностей заглушило сущность Закона [1028] подъ предлогомъ содѣйствія и толкованія его.

Безъ сомнѣнія, дѣятельность этихъ консервативныхъ элементовъ имѣла и свою хорошую сторону; хорошо, что еврейскій народъ любилъ безумно свой законъ, ибо эта безпредѣльная любовь, спасая Моисеевъ Законъ при Антіохѣ Епифанѣ и Иродѣ, сберегала ту закваску, которая была необходима для созданія христіанства. Но сами по себѣ эти старыя мелочныя предосторожности, о которыхъ идетъ рѣчь, были сущимъ ребячествомъ. Синагога, бывшая складомъ всѣхъ этихъ правилъ, *являлась лишь* матерью всякихъ заблужденій. Ея царство

окончилось, и, однако, требовать отъ нея отреченія отъ власти— это значило бы желать того, чего никогда еще не сдѣлала и не можетъ сдѣлать уста‿овленная власть.

Борьба Іисуса съ офиціальнымъ лицемѣріемъ продолжалась. Обычная тактика реформаторовъ, появляющихся въ подобныя религіозная эпохи (его можно бы назвать «обрядовымъ формализмомъ») состоитъ въ противопоставленіи существующимъ преданіямъ «текста» священныхъ книгъ. Религіозное рвеніе всегда бываетъ новаторомъ, даже когда оно заключается въ глубоко-консервативныхъ стремленіяхъ. Какъ неокатолики нашего времени непрерывно удаляются отъ Евангелія, такъ фарисеи на каждомъ шагу удалялись отъ Библіи. Вотъ почему, обыкновенно, пуританскій реформаторъ бываетъ, въ сущности, «библейскимъ» и исходитъ изъ непреложнаго текста въ своей критикѣ современнаго ему богословія, унаслѣдованнаго отъ ряда предыдущихъ поколѣній. Именно такъ поступали впослѣдствіи караимы, протестанты. Іисусъ, дѣйствуя болѣе радикально, занесъ топоръ надъ самыми корнями ученія Моисеева. Правда, нередко мы видимъ, что онъ прибѣгаетъ къ священному тексту, оспаривая ложные *мазоры* или фарисейскія традиціи[1029]). Но въ общемъ, онъ мало вдается въ экзекетику: по преимуществу, онъ взываетъ къ совѣсти. Однимъ и тѣмъ же ударомъ онъ разитъ и текстъ, и комментаріи. Онъ ясно доказываетъ фарисеямъ, что со своими преданіями они совершенно подминяютъ Моисеевъ Законъ; но самъ онъ нисколько не думаетъ возвращаться къ Моисею. Цѣль его лежала впереди, а не позади, Іиусъ былъ болѣе чѣмъ реформаторъ старой религіи, это былъ творецъ вѣчной религіи человѣчества.

Споры между Іисусомъ и фарисеями особенно часто возникали по поводу множества освященныхъ традицій внѣшнихъ обрядовъ, которыхъ ни Іисусъ, ни его ученики не соблюдали[1030]). Фарисеи ожесточенно упрекали его въ этомъ. Когда онъ обѣдалъ у нихъ, онъ приводилъ ихъ въ негодованіе, несоблюденіемъ обычнаго омовенія. «Подавайте милостыню», говорилъ онъ: «тогда будетъ у васъ все чисто»[1031]). Особенно оскорбляла чуткую, воспріимчивую душу Іисуса та самоувѣренность, которую вносили фарисеи въ дѣла религіи, ихъ мелкая набожность, направленная на исканіе первенства и почестей, а не на улучшеніе сердца. Одна удивительная притча выражала эту *мысль съ безконечной* прелестью и правдивостью. «Два человѣка», *говорилъ онъ*: «вошли въ храмъ помолиться: одинъ—

фарисей, а другой мытарь. Фарисей, ставъ, молился самъ въ себѣ такъ: Боже, благодарю тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди, грабители, обидчики, прелюбодѣи, или какъ этотъ мытарь; пощусь два раза въ недѣлю, даю десятую часть изъ всего, что пріобрѣтаю.—Мытарь же, стоя вдали, не смѣлъ даже поднять глаза на него; но, ударяя себя въ грудь, говорилъ: «Боже, будь милостивъ ко мнѣ, грѣшному!—Сказываю вамъ, что сей пошелъ оправданный въ домъ свой болѣе, нежели тотъ!» [1032]).

Слѣдствіемъ борьбы была ненависть, которую могла утолить лишь смерть. Уже Іоаннъ-Креститель возбудилъ противъ себя подобную вражду[1033]). Но іерусалимскіе аристократы, презиравшіе его, предоставляли простому народу считать его пророкомъ [1034]). На этотъ разъ возгорѣлся смертный бой. Появился въ мірѣ новый умъ, предавшій все прошлое полному уничтоженію. Іоаннъ-Креститель былъ евреемъ до мозга костей; въ Іисусѣ было мало еврейскаго. Іисусъ всегда взываетъ къ голосу тонкой моральной чуткости. Спорщикомъ онъ дѣлается лишь въ тѣ минуты, когда говоритъ противъ фарисеевъ, и противникъ принуждаетъ его, какъ это всегда бываетъ, взять тотъ же тонъ [1035]). И его тонкія насмѣшки, его хитрые вызовы всегда поражали въ самое сердце. Именно Іисусъ съ божественнымъ искусствомъ вытказъ тотъ ессовъ плащъ осмѣянія, который влачитъ втеченіе 18 вѣковъ еврей, сынъ фарисея. Высокій образецъ ироніи, слова его огненными глаголами начертаны на тѣлѣ лицемѣра и притворщика ханжи. Несравненные глаголы, достойные сына Божія! Только Богъ умѣетъ такъ поражать на смерть. Сократъ и Мольеръ умѣютъ наносить простыя царапины, а онъ жжетъ своимъ бѣшеннымъ огнемъ до самыхъ костей.

Но справедливость требовала, чтобы этотъ великій мастеръ ироніи заплатилъ жизнью за свое торжество. Еще въ Галилеѣ фарисеи старались погубить его, употребляя то средство, которому позднѣе суждено было увѣнчаться успѣхомъ въ Іерусалимѣ. Они старались привлечь къ своему спору вниманіе приверженцевъ вновь установившагося политическаго строя[1036]). Въ Галилеѣ Іисусъ легко находилъ способы избѣгнуть ихъ сѣтей; къ тому же, Антипа не отличался суровостью въ правленіи,—и всѣ ихъ происки оставались безрезультатны. Но Іисусъ самъ пошелъ на встрѣчу опасности. Онъ ясно понималъ, *что въ предѣлахъ* Галилеи дѣятельность его, по необходимости

будетъ ограничена. Словно заворожила его Іудея; онъ хотѣлъ сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы покорить себѣ этотъ мятежный городъ—какъ будто задавшись цѣлью оправдать справедливость пословицы, что пророкъ не долженъ умереть внѣ Іерусалима [1037]).

ГЛАВА XXI.

Послѣднее путешествіе Іисуса въ Іерусалимъ.

Уже съ давнихъ поръ Іисусомъ владѣло чувство, которое говорило ему, что его окружаютъ опасности[1038]). Въ періодъ, который можно опредѣлить въ 18 мѣсяцевъ, онъ избѣгалъ паломничества въ святой городъ[1039]). Въ праздникъ Кущей 32 года (согласно гипотезѣ, которую мы приняли), его родные, все еще не вѣрившіе въ него и дурно настроенные противъ него[1040]), пригласили его придти къ нимъ. Евангелистъ, какъ-бы, осторожно внушаетъ мысль, что въ этомъ приглашеніи скрывался планъ, направленный на то, чтобъ погубить Іисуса. «Яви себя міру, говорили они ему; никто не дѣлаетъ чего-либо подобнаго втайнѣ. Пойди въ Іудею, чтобы и тамъ видѣли дѣла, которыя ты дѣлаешь». Іисусъ, предполагая какое-нибудь предательство, отказался сначала; потомъ, когда караванъ пилигримовъ уже отправился, онъ тоже пошелъ въ Іерусалимъ, втайнѣ отъ всѣхъ и почти совершенно одинъ[1041]). Это было послѣднее прости Галилеѣ. Праздникъ Кущей совпадалъ съ осеннимъ равноденствіемъ. Шесть мѣсяцевъ оставалось еще до рокового конца. Но въ этотъ промежутокъ времени Іисусъ не увидѣлъ снова своихъ родныхъ сѣверныхъ областей. Времена кроткаго мира прошли; надо идти теперь шагъ за шагомъ по скорбному пути, который кончится муками смерти.

Ученики его и женщины—послѣдовательницы, служившія ему, нашли его въ Іудеѣ[1042]). Но какъ все остальное, что было вокругъ него, рѣзко измѣнилось для него! Іисусъ былъ чужестранцемъ въ Іерусалимѣ. Онъ чувствовалъ, что стоитъ передъ *стѣной сопротивленія*, черезъ которую онъ не прой-

детъ. Окруженный враждебностью и противодѣйствіемъ, онъ былъ предметомъ преслѣдованій злой воли фарисеевъ[1043]). Вмѣсто неограниченной способности вѣрить—счастливаго дара юныхъ натуръ—которую онъ находилъ въ Галилеѣ,—вмѣсто этого добраго, кроткаго населенія, которому совершенно не приходили въ голову какія бы то ни было возраженія, ибо это—всегда плодъ нерасположенія и недовѣрія,—онъ встрѣчалъ здѣсь на каждомъ шагу упрямую недовѣрчивость, на которую очень мало дѣйствовали тѣ средства, которыя ему такъ вѣрно служили на сѣверѣ. Ученики его, въ качествѣ галилеянъ, подвергались презрѣнію. Никодимъ, который имѣлъ съ нимъ здѣсь, въ одно изъ его предыдущихъ путешествій, бесѣду ночью, едва не скомпрометтировалъ себя въ Синедронѣ, когда захотѣлъ защитить его. «И ты не изъ Галилеи-ли? сказали ему тамъ. Разсмотри и увидишь, что изъ Галилеи не приходитъ пророкъ»[1044]).

Городъ, какъ мы уже сказали, не понравился Іисусу. До того онъ всегда избѣгалъ крупныхъ центровъ, предпочитая для своего дѣла небольшіе деревни и города. Большинство тѣхъ указаній, которыя онъ давалъ своимъ апостоламъ, были абсолютно непримѣнимы, внѣ простыхъ обществъ маленькихъ племенъ[1045]). Не имѣя никакого понятія о свѣтѣ, привыкшій къ своему ласковому галилейскому коммунизму, онъ постоянно невольно дѣлалъ такія наивности, которыя не могли не казаться странными[1046]). Его воображеніе, его любовь къ природѣ были какъ бы замкнуты въ этихъ стѣнахъ. Истинная религія должна была выйти не изъ суетнаго шума городовъ, а изъ спокойной неподвижности и безмятежности полей.

Высокомѣрная гордость священниковъ сдѣлали для него посѣщеніе храма непріятнымъ. Однажды, нѣкоторые его ученики, которые знали Іерусалимъ лучше, чѣмъ онъ, хотѣли обратить его вниманіе на красоту постройки храма, на удивительный подборъ матеріала и богатство тѣхъ даровъ, которые дѣлались храму во исполненіе обѣта. «Видите-ли все это? сказалъ имъ Іисусъ. Истинно говорю вамъ: не останется здѣсь камня на камнѣ»[1047]). И онъ ничему не сталъ удивляться и радоваться, развѣ только бѣдной вдовѣ, которая проходила мимо въ эту минуту и бросила маленькій оболъ въ сокровищницу. «Она положила больше всѣхъ, сказалъ онъ, ибо *всѣ клали отъ избытка* своего, а она—отъ скудости своей[1048]). *Эта манера смотрѣть* критически на все, что происходило

въ Іерусалимѣ, возвышать бѣдняка, который даетъ мало, унижать богатаго, который даетъ много[1049]), осуждать богатое духовенство, ничего не дѣлавшее для блага народа, естественно, возстановила противъ себя священническую касту. Оплотъ консервативной аристократіи, храмъ, какъ мусульманскій *харамъ*, который его замѣнилъ, былъ послѣднимъ мѣстомъ во всемъ мірѣ, гдѣ революція могла бы пользоваться успѣхомъ. Представьте себѣ въ наше время новатора, который отправился бы проповѣдывать ниспроверженіе исламизма у мечети Омара! А вѣдь надо помнить, что храмъ находился въ центрѣ еврейской жизни; это было мѣсто, гдѣ оставалось одно—побѣдить или умереть. На этомъ возвышеніи, гдѣ Іисусъ страдалъ несомнѣнно больше, чѣмъ на Голгоѳѣ, дни его протекали въ спорахъ и горечи ожесточенія, среди скучныхъ препирательствъ изъ области каноническаго права и экзегетики, для успѣха въ которыхъ его моральная возвышенность давала очень мало,—что я!—давала ему гораздо болѣе неудобное положеніе.

Но и въ гущѣ этой тревожной жизни, доброе и чувствительное сердце Іисуса успѣло создать себѣ убѣжище глубокой кротости и мира. Проведя день въ спорахъ въ храмѣ, Іисусъ вечеромъ спускался въ долину Кедронскую, отдыхалъ немного въ саду нѣкоего земледѣльческаго учрежденія (вѣроятно, приготовлявшаго масло), по имени *Геѳсиманія*[1050]), въ которомъ гуляли жители, и за тѣмъ отправлялся провести ночь на горѣ Елеонской, которая видна на восточномъ горизонтѣ города[1051]). Это—единственное мѣсто въ Іерусалимѣ, которое представляетъ собою веселый, покрытый зеленью уголокъ. Оливковыя фиговыя и пальмовыя плантаціи были въ большемъ количествѣ разбросаны вокругъ деревень, фермъ или помѣщеній Виѳсфагіи, Геѳсиманіи, Виѳаніи[1052]). На горѣ Елеонской было два кедра, воспоминаніе о которыхъ надолго сохранилось у евреевъ послѣ ихъ разсѣянія по всему міру; вѣтви этихъ кедровъ служили убѣжищемъ, для цѣлыхъ голубинныхъ стай и подъ ихъ тѣнью располагались маленькіе базары[1053]). Вся эта окраина была, какъ бы кварталомъ Іисуса и его учениковъ; видно, что они знали ее отъ поля къ полю, изъ дому въ домъ.

Деревня Виѳанія являлась особенно[1054]) излюбленнымъ мѣстомъ, гдѣ *проводилъ* время Іисусъ,[1055]), ибо она *расположена была на вершинѣ* холма, вдоль ската, обращеннаго къ

наивенъ Іисусъ, однако, здѣсь и онъ угадалъ ловушку и не захотѣлъ удалиться[1009]). Совершенно миролюбивое поведеніе его и полная непричастность къ агитаціи въ народѣ, въ концѣ концовъ, успокоили тетрарха и разсѣяли угрожавшую Іисусу опасность.

Нельзя сказать, чтобы во всѣхъ городахъ Галилеи новое ученіе встрѣтило одинаково благопріятный пріемъ. Не только Назаретъ продолжалъ отрицать того, кто впослѣдствіи прославилъ его; не только собственные братья Іисуса упорствовали въ своемъ невѣріи[1010]); но даже и города пріозернаго края, въ общемъ встрѣтившіе ученіе Іисуса сочувственно, обратились не всѣ. Іисусъ часто жалуется на невѣріе и черствость сердца, съ которыми ему приходится сталкиваться. И хотя вполнѣ естественно будетъ допустить въ такихъ упрекахъ нѣкоторую долю преувеличенія со стороны проповѣдника, хотя здѣсь и чувствуется извѣстнаго рода convicium seculi, охотно подчеркиваемый Іисусомъ въ подражаніе Іоанну-Крестителю[1011]), однако же, ясно, что далеко не вся страна отнеслась сочувственно къ царству Божію. «Горе тебѣ, Хоразинъ! горе тебѣ, Виѳсаида! ибо, если бы въ Тирѣ и Сидонѣ явлены были чудеса, явленныя въ васъ, то давно бы они, во вретищѣ и въ пеплѣ, покаялись; но и Тиру и Сидону отраднѣе будетъ въ день суда, нежели вамъ. И ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься; ибо, если бы въ Содомѣ явлены были чудеса, явленныя въ тебѣ, то онъ оставался бы до сего дня; но говорю вамъ, что землѣ Содомской отраднѣй будетъ въ день суда, нежели тебѣ[1012])». — «Царица Южная возстанетъ на судъ съ родомъ симъ и осудитъ его, ибо она приходила отъ предѣловъ земли послушать мудрости Соломоновой; и вотъ здѣсь больше Соломона. Ниневитяне возстанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ его, ибо они покаялись проповѣди Іониной; и вотъ здѣсь больше Іоны»[1013]). Скитальческая жизнь, прежде привлекавшая Іисуса своей прелестью, начинала также его тяготить. «Лисицы имѣютъ норы», говорилъ онъ: «и птицы небесныя гнѣзда; а Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ приклонить голову»[1014]). Онъ укорялъ невѣрующихъ въ томъ, что они отрицаютъ очевидное. Горечь и упреки все болѣе и болѣе тѣснили ему душу.

Въ самомъ дѣлѣ, Іисусъ не могъ реагировать на *встрѣчаемыя противодѣйствія* съ холодностью философа, который *понимаетъ причину* различія господствующихъ въ мірѣ взгля-

довъ и находитъ вполнѣ естественнымъ, если не всѣ съ нимъ сходятся во мнѣніяхъ. Однимъ изъ главныхъ недостатковъ еврейской расы является рѣзкость и оскорбительность тона, почти всегда допускаемая съ ихъ стороны въ спорахъ. Нигдѣ въ мірѣ не бывало столь ожесточенныхъ споровъ, какъ у евреевъ между собой. Извѣстная чуткость дѣлаетъ человѣка вѣжливымъ и сдержаннымъ. Семитическій умъ именно и отличается недостаткомъ этой чуткости. Тонкія произведенія, въ родѣ діалоговъ Платона, совершенно чужды народамъ этой расы. Іисусъ, который былъ свободенъ отъ всѣхъ почти недостатковъ своей расы, и отличительной чертой котораго была именно безконечная деликатность, вынужденъ былъ противъ своей воли пользоваться въ полемикѣ общепринятыми пріемами [1015]). Подобно Іоанну Крестителю [1016]) онъ употреблялъ весьма рѣзкія выраженія по адресу своихъ противниковъ. Необычайно кроткій съ людьми простыми онъ вспыхивалъ гнѣвомъ противъ безвѣрія, хотя бы оно и не имѣло аггрессивнаго характера[1017]). Это былъ уже не прежній кроткій учитель, еще не знакомый съ противодѣйствіями, препятствіями и трудностями и произносившій свою «Нагорную проповѣдь». Страстность, составлявшая основу его души, побуждала его часто къ самымъ рѣзкимъ поступкамъ. Мы не должны удивляться этому сочетанію противорѣчивыхъ чертъ. Такими-же рѣзкими контрастами отличался одинъ современный намъ человѣкъ—Ламеннэ. Какъ въ миражѣ, самый безудержный гнѣвъ чередуется съ самыми нѣжными мотивами въ его прекрасной книгѣ «Parolles b'un croyant.» Отличаясь въ жизни большой добротой, онъ доходилъ до бѣшенства въ спорахъ съ людьми иныхъ возрѣній. Іисусъ былъ отчасти правъ, примѣняя къ себѣ слова Исаіи [1018]): «не воспрекословитъ, ни возопіетъ, и никто не услышитъ на стѣнахъ голоса его; трости сокрушенной не переломитъ и льна курящагося не угаситъ» [1019]). И все же, многія изъ его наставленій, данныхъ ученикамъ, заключаютъ уже въ себѣ зародыши истиннаго фанатизма [1020]), довѣденнаго впослѣдствіи до крайней жестокости средними вѣками. Но заслуживаетъ ли онъ упрека за это? Вѣдь ни одна революція не совершалась безъ нѣкоторыхъ жестокостей. Если бы Летеру или творцамъ французской революціи приходилось соблюдать *правила вѣжливости*—не создались-бы ни реформація, ни революція. *И слѣдуетъ* только радоваться, что во времена

нія аристотелевой логики, оказывается очень слабой. Но когда безподобное очарованіе его духовной личности находитъ себѣ выходъ, наступаетъ моментъ истиннаго тріумфа. Однажды хотѣли его смутить, приведя къ нему женщину, повинную въ грѣхѣ прелюбодѣянія, и спрашивая его, какого обращенія она достойна. Извѣстенъ удивительный отвѣтъ Іисуса [1073]). Тонкая насмѣшка мірского человѣка, умѣряемая божественной добротой, не могла бы найти болѣе красиваго выраженія. Но уму, который стремится къ моральному величію и съ нимъ соединяется—такой отвѣтъ меньше всего могутъ простить глупцы. Произнося эти слова, полныя изящества, справедливости и чистоты: «Кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень!»,—Іисусъ попалъ въ самое сердце лицемѣрія, и тѣмъ же ударомъ подписалъ себѣ смертный приговоръ.

Дѣйствительно, возможно, что безъ ожесточенія, созданнаго горечью оскорбленнаго самолюбія, Іисусъ могъ бы еще долго оставаться незамѣченнымъ и погибнуть лишь потомъ въ той ужасной бурѣ, которая грозила сокрушить весь еврейскій народъ. Высшіе священники и саддукеи питали къ нему скорѣе презрѣніе, чѣмъ ненависть. Родовитыя священническія семьи, *Воетусима*, семьи Анны, оказывались фанатиками только въ тѣ моменты, когда дѣло шло объ ихъ покоѣ. Саддукеи отвергали «традиціи» фарисеевъ, какъ и Іисуса [1074]). Вслѣдствіе особенности, довольно странной,—эти невѣрующіе, отрицатели воскресеній, устнаго Закона, существованія ангеловъ—они то и были настоящими евреями, или, лучше сказать, такъ какъ старый Законъ, въ силу простоты своей не удовлетворялъ болѣе религіознымъ потребностямъ времени, то тѣ, которые строго держались стараго закона и отвергали новшества, тѣснившіяся имъ на смѣну, казались ортодоксамъ нечестивыми,—приблизительно такъ, какъ въ настоящее время евангелическій протестантъ кажется невѣрующимъ въ странахъ ортодоксальныхъ. Во вскомъ случаѣ, не отсюда могъ ожидать Христосъ сильнаго противодѣйствія. Оффиціальный священникъ, съ глазами, обращенными на политическую власть и тайно съ ней связанный, ничего не понималъ въ этихъ полныхъ энтузіазма движеніяхъ. Шумъ подняла фарисейская буржуазія, безчисленные *соферимы*, или книжники, жившіе знаніемъ «традицій»: имъ-то, дѣйствительно, угрожало ученіе новаго учителя и въ ихъ предразсудкахъ, и въ ихъ интересахъ.

Однимъ изъ самыхъ настойчивыхъ усилій фарисеевъ было

увлечь Іисуса на почву политическихъ вопросовъ и скомпрометтировать участіемъ въ партіи Іуды Гавлонита. Тактика была очень ловкая; ибо надо было обладать глубокой проникновенностью Іисуса, чтобъ не возстать противъ римскихъ властей, несмотря на провозглашеніе близости царства Божія. И вотъ, вздумали сорвать покровъ этой двусмысленности и принудить его объясниться. Однажды группа фарисеевъ и тѣхъ политикановъ, которыхъ называли «продіанами» (вѣроятно, Воетусимы) приблизилась къ нему и, прикрываясь религіознымъ рвеніемъ, спросила: «Учитель, мы знаемъ, что ты справедливъ, и истинно пути Божію учишь и не заботишься объ угожденіи кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо. Итакъ, скажи намъ: какъ тебѣ кажется? Позволительно-ли давать подать кесарю, или нѣтъ?»—Они надѣялись на отвѣтъ, который далъ бы имъ поводъ предать его Пилату. Отвѣтъ Іисуса былъ удивителенъ. Онъ велѣлъ подать себѣ монету съ изображеніемъ цезаря и сказалъ: «Отдайте кесарево кесарю, а Божіе Богу» [1075]). Глубокія слова, рѣшившія будущее христіанства! Слова, полныя совершеннаго спиритуализма и чудесной справедливости, которыя создали раздѣленіе духовной и свѣтской властей и создали основу истиннаго либерализма и истинной цивилизаціи.

Его кроткій, проникновенный геній внушилъ ему рѣчи, полныя невыразимаго очарованія, произнесенныя имъ, когда онъ былъ наединѣ со своими учениками: «Истинно, истинно говорю вамъ, кто не дверью входитъ во дворъ овчій, но перелазитъ нидѣ, тотъ воръ и разбойникъ. А входящій дверью есть пастырь овцамъ. Овцы слушаются голоса его, и онъ зоветъ своихъ овецъ по имени и выводитъ ихъ. И когда выведетъ своихъ овецъ, идетъ передъ ними, а овцы за нимъ идутъ, потому что знаютъ голосъ его. Воръ приходитъ только для того, чтобы украсть, убить и погубить. А наемникъ, не пастырь, которому овцы не свои, видитъ приходящаго волка и оставляетъ овецъ и бѣжитъ. Я есмь пастырь добрый, и знаю моихъ, и мои знаютъ меня, и жизнь мою полагаю за нихъ» [1076]). Идея о томъ, что кризисъ человѣчества близится къ разрѣшенію, часто встрѣчается въ его рѣчахъ: «Когда смоковница покрывается молодыми побѣгами и нѣжными листьями, то знайте, что лѣто близко. Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ» [1077]).

Его могучее краснорѣчіе проявлялось всякій разъ, когда дѣло шло о борьбѣ съ лицемѣріемъ. «На Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣли книжники и фарисеи. Итакъ, все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте; по дѣламъ же ихъ не поступайте: ибо они говорятъ и не дѣлаютъ. Связываютъ бремени тяжелыя и неудобоносимыя и возлагаютъ на плеча людямъ; а сами не хотятъ и перстомъ двинуть ихъ. Всѣ же дѣла свои дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобы видѣли ихъ люди; расширяютъ хранилища [1078]) свои и увеличиваютъ воскрилія одеждъ своихъ[1079]). Также любятъ предвозлежанія на пиршествахъ и предсѣданія въ синагогахъ. И привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ и чтобы люди звали ихъ: учитель! учитель! Горе имъ!.. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что затворили царство небесное человѣкамъ [1080]); ибо сами не входите и хотящихъ войти не впускаете. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что поѣдаете домы вдовъ и лицемѣрно долго молитесь; зато примете тѣмъ большее осужденіе. Горе вамъ, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, дѣлаете его сыномъ геенны. Горе вамъ, ибо вы, какъ гробы скрытые, надъ которыми люди ходятъ и не знаютъ того [1081]).

«Безумные и слѣпые! вы даете десятину съ мѣры аниса и тмина, и оставили важнѣйшее въ Законѣ: судъ, милость и вѣру; сіе надлежало дѣлать и того не дѣлать. Вожди слѣпые, оцѣживающіе комара, а верблюда поглощающіе, горе вамъ!

«Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что очищаете внѣшность чаши и блюда [1082]), между тѣмъ какъ внутри они полны хищенія и неправды. Фарисей слѣпой [1083])! Очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобъ чиста была и внѣшность ихъ [1084]).

«Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ [1085]), которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты. Такъ и вы по наружности кажетесь людямъ праведными, а внутри исполнены лицемѣрія и беззаконія.

«Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что строите гробницы пророкамъ и украшаете памятники праведниковъ, и говорите: «еслибъ мы были во дни отцовъ нашихъ, то не были бы сообщниками ихъ въ пролитіи крови пророковъ». Такимъ *образомъ, вы сами* противъ себя свидѣтельствуете, что вы *сыновья тѣхъ, которы*е губили пророковъ. Дополняйте же мѣру

отцовъ вашихъ. Премудрость Божія сказала: [1086]) «Я посылаю вамъ пророковъ, и мудрыхъ, и книжниковъ; и вы иныхъ убьете, и распнете, а иныхъ будете бить въ синагогахъ вашихъ и гнать изъ города въ городъ. Да прійдетъ на васъ кровь праведная, пролитая на землю, отъ крови Авеля праведнаго до крови Захарія, сына Варахіина [1087]), котораго вы убили между храмомъ и жертвенникомъ». Истинно говорю вамъ, что все сіе придетъ на родъ сей» [1088]).

Его страшный догматъ о передачѣ права на царствіе небесное язычникамъ, эта идея о томъ, что царство Божіе передается другимъ, ибо тѣ, кому оно было обѣщано, его не захотѣли [1089]), сдѣлалось какъ бы кровавой угрозой противъ аристократіи, и титулъ Сына Божьяго, который онъ открыто утверждалъ за собою въ живыхъ притчахъ [1090]), гдѣ враги его выступаютъ, какъ убійцы, посланные небомъ,—все это являлось выраженіемъ недовѣрія, брошеннымъ въ лицо легальному іудаизму. Смѣлое его обращеніе, съ которымъ онъ шелъ къ униженнымъ, являлось еще болѣе мятежнымъ. Онъ провозгласилъ, что пришелъ дать свѣтъ слѣпымъ и ослѣпить тѣхъ, которые воображаютъ, что видятъ [1091]). Однажды его раздраженіе противъ храма вырвало у него неосторожныя слова: «Я разрушу храмъ сей рукотворенный и черезъ три дня воздвигну другой нерукотворенный» [1092]). Неизвѣстно какой смыслъ придавалъ Іисусъ этимъ словамъ, въ которыхъ ученики его искали утрированныхъ аллегорій. Но, такъ какъ слова эти явились только предлогами, то ихъ сильно стали раздувать. Они будутъ фигурировать въ качествѣ обвинительнаго матеріала въ смертномъ приговорѣ надъ Іисусомъ, и будутъ звучать надъ ухомъ его среди послѣднихъ мукъ на Голгоѳѣ. Эти раздражающіе споры всегда переходили въ бурю. Фарисеи бросали въ него камнями [1093]); но въ этомъ они являлись только исполнителями закона, повелѣвающаго забрасывать камнями, не выслушивая, всякаго пророка, даже являющаго чудеса, разъ только онъ отвращаетъ народъ отъ древняго культа [1094]). Въ другихъ случаяхъ, они называли его безумнымъ, одержимымъ, самаритяниномъ [1095]), или даже пытались убить его [1096]). Запоминали его слова, чтобъ возстановить противъ него законы нетерпимой теократіи, которыхъ еще не уничтожило римское владычество [1097]).

ГЛАВА XXII.

Происки враговъ Іисуса.

Іисусъ провелъ осень и часть зимы въ Іерусалимѣ. Время это здѣсь довольно холодное [1098]). Портикъ Соломона съ его закрытыми галлереями былъ мѣстомъ, гдѣ онъ, обыкновенно, гулялъ [1099]). Этотъ портикъ, единственный остатокъ древняго храма, состоялъ изъ двухъ галлерей, образованныхъ двумя рядами колоннъ и стѣной, которая возвышалась надъ Кедронской долиной [1100]). Сообщеніе извнѣ поддерживалось черезъ Суэзскія ворота, слѣды которыхъ еще видны внутри того мѣста, которое теперь носитъ имя «Золоченныхъ воротъ» [1101]). Другая сторона долины уже имѣла свое украшеніе, состоявшее изъ великолѣпныхъ гробницъ. Нѣкоторые изъ тѣхъ памятниковъ, которые тамъ видны теперь, были, быть можетъ, гробницами, поставленными въ честь пророковъ [1102]), о которыхъ думалъ Іисусъ, когда, сидя подъ портикомъ, призывалъ громы противъ господствующихъ классовъ, которые за этими колоссальными массами пріютили и спрятали свое лицемѣріе и тщеславіе [1103]).

Въ концѣ декабря въ Іерусалимѣ справлялся праздникъ, установленный Іудой Маккавеемъ въ воспоминаніе объ очищеніи храма послѣ оскверненія его Антіохомъ Епифаномъ [1104]). Его называли «праздникомъ огней», потому что въ теченіе недѣли въ домахъ оставались зажженными лампады [1105]). Вслѣдъ за этимъ Іисусъ предпринялъ путешествіе въ Перею и на берега Іордана, т. е. въ тѣ страны, которыя онъ посѣтилъ за нѣсколько лѣтъ до того, въ то время, когда онъ былъ еще въ школѣ Іоанна [1106]), и гдѣ онъ получилъ крещеніе. *Онъ получилъ* здѣсь, кажется, нѣкоторое утѣшеніе, *въ особенности* въ Іерихонѣ. Этотъ городъ, оттого ли, чт

онъ открывалъ собою великій торговый путь, или, благодаря своимъ благовоннымъ садамъ и богатымъ культурами [1107]), имѣлъ весьма крупную таможню. Начальникъ таможни, Закхей, человѣкъ богатый, захотѣлъ увидѣть Іисуса [1108]). Будучи человѣкомъ маленькаго роста, онъ долженъ былъ взлѣсть на сикомору близъ той дороги, гдѣ должно было пройти шествіе. Іисуса тронула эта наивность столь значительнаго оффиціальнаго лица. Онъ выразилъ желаніе остановиться у Закхея, не считаясь съ рискомъ возбудить этимъ неблагопріятную для него сенсацію. Дѣйствительно, онъ вызвалъ этимъ ропотъ, воздавая своимъ пребываніемъ въ домѣ—честь грѣшнику. Уходя, Іисусъ сказалъ о своемъ хозяинѣ, что онъ добрый сынъ Авраамовъ и какъ бы для того, чтобъ усилить досаду ортодоксовъ, Закхей сдѣлался святымъ: онъ, говорятъ, отдалъ половину своего имущества бѣднымъ и сдѣлалъ вчетверо больше хорошаго, чѣмъ раньше совершилъ дурного. Но не этимъ однимъ, впрочемъ, исчерпывалась радость Іисуса. При выходѣ изъ города, нищій Вартимей [1109]) доставилъ ему много удовольствія, назвавъ его «сыномъ Давида», хотя его принуждали молчать. Циклъ чудесъ галилейскихъ, казалось, на мгновеніе снова открывается въ этой странѣ, имѣвшей много сходства съ сѣверными областями. Восхитительный оазисъ Іерихона, тогда прекрасно орошенный, былъ, должно быть, однимъ изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ Сиріи. Іосифъ говоритъ о немъ съ такимъ же восхищеніемъ, какъ о Галилеѣ и называетъ его, какъ и Галилею, «божественной страной» [1110]).

Іисусъ, совершивъ это паломничество въ мѣста зарожденія своей проповѣднической дѣятельности, вернулся къ любимому своему мѣсту въ Виѳаніи [1111]). Что особенно должно было удручать въ Іерусалимѣ преданныхъ галилеянъ—это то, что тамъ не было совершено ни одного чуда. Уставъ отъ того дурного пріема, который пришелся на долю царства Божія въ столицѣ, друзья Іисуса, казалось, иногда ждали и хотѣли великаго чуда, которое сломило бы іерусалимское невѣріе. Воскресеніе отъ смерти должно было имъ казаться особенно убѣдительнымъ воздѣйствіемъ. Можно думать, что Марія и Марѳа открылись Іисусу въ этихъ своихъ чаяніяхъ. *Слава приписывала* уже ему два или три случая этого рода [1112]). *«Если кто* изъ мертвыхъ,—говорили, несомнѣнно, эти *благочестивыя сестры*,—придетъ къ нимъ, покаются.—Нѣтъ,

должно быть, отвѣтилъ имъ Іисусъ, если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ» [1113]). Припомнивъ тогда исторію, которую онъ разсказывалъ о бѣдномъ нищемъ, покрытомъ язвами, который послѣ смерти былъ отнесенъ ангелами на лоно Авраамово [1114]), возможно, что онъ прибавилъ: «Еслибъ Лазарь вернулся, то не повѣрили бы». Позже на этомъ построена была своеобразная путаница. Гипотеза стала фактомъ. Говорили о воскресшемъ Лазарѣ, о непростительной косности, въ которой надо бы костенѣть, чтобъ противостоять даже этому доказательству. «Язвы» Лазаря и «проказы» Симона Прокаженнаго смѣшались вмѣстѣ [1115]), и традиціей было допущено, что Мароа и Марія имѣли брата, по имени Лазаря [1116]), котораго Іисусъ вызвалъ изъ могилы [1117]). Когда узнаешь, изъ какихъ неточностей, изъ какихъ пустяковъ составляются пересуды восточнаго города, перестаешь смотрѣть какъ на нѣчто немыслимое на тотъ фактъ, что такой слухъ распространился въ Іерусалимѣ при жизни Іисуса и имѣлъ для него роковыя послѣдствія.

Достаточно серьезныя данныя заставляютъ вѣрить, что, дѣйствительно, нѣкоторыя причины, имѣвшія источникомъ своимъ Виѳанію, содѣйствовали ускоренію смерти Іисуса [1118]). Иногда невольно рождается мысль, что семья въ Виѳаніи сдѣлала какой нибудь неблагоразумный поступокъ или впала въ какую нибудь слишкомъ усердную крайность. Можетъ быть, горячее желаніе закрыть ротъ тѣмъ, которые оскорбительно отрицали божественную миссію ихъ друга, увлекла эти страстныя натуры перейти границы. Надо вспомнить, что въ этомъ нечистомъ и невыносимомъ Іерусалимѣ Іисусъ переставалъ быть самимъ собою. Сознаніе его, благодаря преступленіямъ людей, а не по винѣ его самого, потеряло отчасти свою первоначальную прозрачную чистоту. Отчаиваясь, доведенный до крайнихъ предѣловъ испытанія, онъ не принадлежалъ уже себѣ больше. Его миссія камнемъ ложилась на его душу, и онъ отдался во власть теченія. Смерть черезъ нѣсколько дней вернетъ ему его божественную свободу и исторгнетъ его изъ объятій роковой необходимости играть роль, которая съ каждымъ часомъ становилась все требовательнѣе, все невыносимѣе.

Рѣзкое противорѣчіе между его все возрастающей экзальтаціей и индифферентизмомъ евреевъ обостряется все сильнѣе и сильнѣе. Въ то же время и власти начинаютъ все *болѣе и болѣе* питать раздраженіе противъ него. Въ февралѣ

или началѣ марта былъ созванъ совѣтъ первосвященниковъ [1119]), и на одномъ совѣтѣ вопросъ былъ поставленъ прямо ребромъ: «Могутъ ли Іисусъ и іудаизмъ жить вмѣстѣ?» Поставить вопросъ значило рѣшить его, и не надо было быть пророкомъ, какъ этого хочетъ евангелистъ, чтобъ священникъ провозгласилъ свою кровавую несомнѣнную истину: «Пусть лучше одинъ человѣкъ умретъ во имя всего народа».

«Первосвященникамъ этого года»,—употребляя выраженіе четвертаго евангелиста, который ярко рисуетъ этимъ терминомъ то состояніе упадка, до котораго дошла власть первосвященника,—былъ Іосифъ Каіафа, поставленный Валеріемъ Гратомъ и совершенно преданный римлянамъ. Съ тѣхъ поръ какъ Іерусалимъ попалъ подъ управленіе прокураторовъ, должность первосвященника стала смѣняемой; глава церкви смѣнялся почти ежегодно [1120]). Однако, Каіафа оставался на посту дольше, чѣмъ прежніе. Онъ занялъ это мѣсто въ 25 году и лишился его только въ 36-мъ. О его характерѣ неизвѣстно ничего. Много обстоятельствъ даютъ основаніе думать, что власть его была номинальна. Рядомъ съ нимъ и выше его мы видимъ всегда другое лицо, пользовавшееся въ тотъ моментъ, которымъ мы теперь заняты, рѣшающей властью.

Это лицо — тесть Каіафы, Хананъ или Анна [1121]), сынъ Сета, старый низложенный первосвященникъ, который среди этой безпрерывной смѣны первосвященниковъ, сохранялъ фактическую власть за собой. Анна получилъ должность первосвященника въ легатство Квиринія, въ 7 г. нашей эры. Онъ потерялъ этотъ постъ въ 14 году, при восшествіи Тиверія, но остался все-таки очень уважаемымъ. Его продолжали именовать «первосвященникомъ», хотя онъ и былъ отставленъ отъ этой должности [1122]) и съ нимъ совѣтовались во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ. Въ теченіи пятидесяти лѣтъ почти безъ перерыва первосвященничество оставалось въ его родѣ; пять его сыновей послѣдовательно занимали эту должность [1123]), не считая Каіафы, который былъ его зятемъ. Его родъ былъ тѣмъ, что называютъ «священническій родъ»: должность священника стала, какъ бы наслѣдственной [1124]). Высшія должности въ храмѣ также почти всѣ принадлежали этому роду. [1125]) Правда съ нимъ чередовался другой родъ Воетусимовъ, въ занятіи должности первосвященника [1126]). Но Воетусимы, обязанные своими матеріальными средствами причинѣ, мало говорящей въ ихъ пользу, *были менѣе уважаемы* благочестивой буржуазіей, чѣмъ Ха-

наны. Ханан и былъ действительнымъ вождемъ священнической партіи. Каіафа дѣлалъ все по его указанію; ихъ имена даже привыкли сопоставлять вмѣстѣ, но имя Ханана ставили на первое мѣсто [1127]). Легко, дѣйствительно, понять, что при такомъ режимѣ ежегодной смѣны первосвященниковъ и подавляющаго значенія въ этомъ дѣлѣ произвола прокуратора,— при такомъ положеніи, старый первосвященникъ, какъ лицо, хранившее тайну старыхъ преданій, видѣвшее смѣну болѣе юныхъ фамилій у власти и сохранившій довольно вѣса для того, чтобы передать власть лицамъ, повинующимся ему по ихъ положенію въ родѣ,— такой первосвященникъ долженъ былъ быть очень вліятельнымъ человѣкомъ. Подобно всей храмовой аристократіи [1128]), онъ былъ садуккеемъ, — «секта, говоритъ Іосифъ, исключительно жестокая въ своихъ приговорахъ» [1129]). Всѣ его сыновья были также ожесточенными фанатиками. Одинъ изъ нихъ, по имени тоже Хананъ, какъ и отецъ его, велѣлъ избить камнями Іакова, брата Господа, при обстоятельствахъ, весьма сходныхъ съ тѣми, при которыхъ умеръ Іисусъ [1130]). Духъ, царившій въ этой семьѣ, отличался надменностью, дерзостью и жестокостью [1131]); въ немъ была особаго рода презрительная и скрытная злоба, характеризующая политику евреевъ. Такимъ образомъ, на Ханана и близкихъ его должна пасть вся тяжесть отвѣтственности за все то, что будетъ здѣсь разсказано. Именно Анна (если хотите, та партія, которую онъ представлялъ) убилъ Іисуса. Анна былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой роковой драмы и гораздо скорѣе, чѣмъ Каіафа или Пилатъ, долженъ былъ бы нести на себѣ всю тяжесть проклятій человѣчества.

Въ уста Каіафы авторъ четвертаго Евангелія вкладываетъ рѣшающее слово, которое создало смертный приговоръ надъ Іисусомъ [1132]). Можно было бы подумать, что первосвященникъ обладалъ нѣкоторымъ даромъ пророчества; его рѣшающее слово сдѣлалось для христіанской общины оракуломъ, полнымъ глубокаго смысла. Но слово это, кто бы его ни произнесъ, было мыслью всей священнической партіи. Партія эта была глубоко враждебна всякому народному движенію. Она старалась заключать въ тюрьмы религіозныхъ энтузіастовъ, справедливо предвидя, что ихъ экзальтированныя проповѣди приведутъ страну къ совершенному разоренію. Хотя волненіе въ умахъ, созданное Іисусомъ, не имѣло въ себѣ ничего *злободневнаго*, свѣтскаго, священники усматривали за этимъ дви-

женіемъ его послѣдствія, въ видѣ усиленія гнета Рима и разрушенія храма, источника ихъ богатствъ и почестей [1133]). Впрочемъ, причины, которыя черезъ тридцать пять лѣтъ должны были привести къ гибели Іерусалима, заключались въ другихъ обстоятельствахъ, а не въ зарожденіи христіанства. Однако, нельзя сказать, что мотивъ, приведенный священниками по этому поводу, былъ лишенъ всякаго подобія правды и что въ немъ надо видѣть первый попавшійся выходъ злой волѣ. Вообще говоря, Іисусъ, если бы имѣлъ успѣхъ, дѣйствительно привелъ бы къ крушенію весь еврейскій народъ. Раздѣляя принципы, пріобрѣвшіе прочное признаніе во всей древней политикѣ, Анна и Каіафа вправѣ были сказать: «Лучше смерть одного человѣка, чѣмъ гибель всего народа». Съ нашей точки зрѣнія этотъ принципъ—отвратителенъ. Но это—принципъ всѣхъ консервативныхъ партій съ самаго зарожденія человѣческихъ обществъ. «Партія порядка» (я пользуюсь этимъ выраженіемъ въ его тѣсномъ и дурномъ смыслѣ) всегда была одна и та же. Думая, что основной долгъ правительства заключается въ томъ, чтобъ помѣшать народнымъ волненіямъ, она воображаетъ, что совершаетъ патріотическій подвигъ, когда предупреждаетъ массовое кровопролитіе юридическими убійствами. Мало заботясь о будущемъ, она забываетъ, что, объявляя войну всякой инициативѣ, она подвергаетъ себя опасности столкнуться съ идеей, которой предназначена побѣда, и которая такъ или иначе одержитъ верхъ надъ сопротивленіемъ. Смерть Іисуса была частнымъ случаемъ изъ тысячи подобныхъ, когда примѣнялась та же политика. Движеніе, которымъ онъ управлялъ, было чисто-духовнымъ; но то было все-же движеніе; съ этой минуты люди порядка, убѣжденные, что весь смыслъ существованія человѣчества заключается въ томъ, чтобъ не волноваться, должны были мѣшать новому духу развитія. Никогда еще не было болѣе рѣзкаго примѣра того, насколько такое поведеніе идетъ противъ своей собственной цѣли. Іисусъ, еслибъ остался на свободѣ, исчерпалъ бы свои силы въ безплодной, отчаянной борьбѣ противъ того, что побѣдить невозможно. Невѣжество и ненависть его враговъ рѣшили успѣхъ его дѣла и сорвали смертный покровъ съ его божественной сущности.

Смерть Іисуса была, такимъ образомъ, рѣшена въ февралѣ или мартѣ [1134]). Но Іисусъ избѣгъ ея еще на нѣкоторое время. Онъ удалился въ малоизвѣстный городъ Ефраимъ или Эфронъ, близъ

Веѳиля, на разстояніи около дня пути отъ Іерусалима, на границѣ съ пустыней [1135]). Онъ прожилъ тамъ нѣсколько недѣль съ учениками, выждалъ, пока стихнетъ буря. Приказъ объ его арестѣ, какъ только найдутъ его близъ храма, уже былъ данъ. Приближался праздникъ Пасхи, и полагали, что Іисусъ, по своему обыкновенію, придетъ провести этотъ праздникъ въ Іерусалимъ [1136]).

ГЛАВА XXIII.

Послѣдняя недѣля жизни Іисуса.

Въ сопровожденіи учениковъ, онъ отправился посѣтить въ послѣдній разъ, невѣрный городъ. Надежды окружающихъ его становились все болѣе и болѣе радужными. Всѣ полагали, что, войдя въ Іерусалимъ, они узрятъ царство Божіе [1137]). Нечестивость человѣческая достигла высшаго предѣла; это было вѣрнымъ признакомъ того, что конецъ міра близокъ. Увѣренность въ этомъ была такъ сильна, что уже шли споры о правѣ на *первенство въ царствѣ* Божіемъ [1138]). Говорятъ, что именно этотъ моментъ Саломея избрала для того, чтобы испросить у Іисуса два мѣста для своихъ сыновей, по правую и по лѣвую стороны Сына Человѣческаго [1139]). Учитель, напротивъ, былъ погруженъ въ глубокую думу. Иногда онъ проявлялъ мрачное озлобленіе противъ своихъ враговъ; онъ разсказалъ притчу о багородномъ человѣкѣ, который отправился въ далекія страны, чтобы получить себѣ царство, но, едва только онъ ушелъ, какъ сограждане не пожелали его больше. Царь вернулся, приказалъ привести къ нему тѣхъ, которые не хотѣли, чтобы онъ царствовалъ надъ ними, и приговорилъ ихъ всѣхъ къ смерти [1140]). Въ другой разъ онъ напрямикъ разрушаетъ иллюзіи своихъ учениковъ. Когда они проходили по каменистымъ дорогамъ къ сѣверу отъ Іерусалима, Іисусъ, задумавшись, оказался впереди своихъ спутниковъ. Всѣ, молча, смотрѣли на него, испытывая безпокойство и не осмѣливаясь заговорить съ нимъ. Уже неоднократно онъ говорилъ имъ о будущихъ страданіяхъ, и они слушали его неохотно [1141]). Наконецъ, Іисусъ заговорилъ и, не скрывая своихъ предчувствій, *сказалъ имъ о своей* близкой кончинѣ [1142]). Глубокая печаль

охватила всѣхъ присутствовавшихъ. Ученики ожидали, что въ облакахъ скоро появится знаменіе. Радостные крики священнаго возгласа уже раздавались въ толпѣ: «Благословенъ грядый во имя Господне» [1143]). Кровавая перспектива, предсказываемая Іисусомъ, смутила ихъ. Съ каждымъ шагомъ рокового пути Царство Божіе то приближалось, то удалялось въ ихъ грезахъ. Іисусъ же утверждался въ мысли, что онъ долженъ умереть, но что его смерть спасетъ міръ [1144]). Непониманіе между нимъ и его учениками становилось съ каждымъ мгновеніемъ все болѣе глубокимъ.

По обычаю, въ Іерусалимъ надо было приходить за нѣсколько дней до Пасхи, чтобы приготовиться къ ней. Іисусъ пришелъ позже другихъ, и одно время его враги полагали, что обманулись въ своихъ ожиданіяхъ схватить его [1145]). За шесть дней до праздника (въ субботу, 8 нисана=28 марта) [1146]) онъ достигъ, наконецъ, Виѳаніи. Обыкновенно, онъ останавливался въ домѣ Марѳы и Маріи, или Симона Прокаженнаго. Его приняли съ большой торжественностью. У Симона Прокаженнаго [1147]). былъ обѣдъ, на который собралось много лицъ, привлеченныхъ желаніемъ видѣть новаго пророка и, какъ говорили также Лазаря, о которомъ за послѣдніе дни распространялось много толковъ. Симонъ Прокаженный, возсѣдавшій за столомъ, принимался, быть можетъ, нѣкоторыми за лицо, воскрешенное Іисусомъ, и поэтому привлекалъ вниманіе многихъ. Марѳа прислуживала по своему обыкновенію [1148]). Повидимому, хозяева разсчитывали побѣдить холодность публики усиленнымъ проявленіемъ внѣшняго почета, и подчеркивая этимъ сильнѣе высокое достоинство принимаемаго гостя. Марія, съ цѣлью придать пиршеству характеръ возможно большей торжественности, внесла во время обѣда сосудъ съ благовоніями и помазала ноги Іисуса. Затѣмъ, она разбила сосудъ, согласно старинному обычаю уничтожать посуду, которая служила при пріемѣ особенно почетнаго гостя [1149]). Наконецъ, доходя въ своемъ поклоненіи Іисусу до крайностей, еще невиданныхъ, она распростерлась у ногъ Іисуса и вытерла ихъ своими длинными волосами [1150]). Комната наполнилась благоуханіемъ ароматовъ, къ великому удовольствію всѣхъ, кромѣ скупого Іуды изъ Керіота. Принимая во вниманіе скромныя привычки христіанской общины, это, дѣйствительно, являлось крупной *расточительностью*. Жадный казначей тотчасъ же высчиталъ, за *сколько можно было* бы продать эти благовонія и сколько

поступило бы денегъ въ кассу для бѣдныхъ. Этотъ нелюбезный поступокъ вызвалъ неудовольствіе Іисуса: допускалось, значитъ, что есть что-либо выше его. Онъ любилъ почести, такъ какъ онѣ служили его цѣли, утверждая за нимъ титулъ сына Давидова. Поэтому, когда съ нимъ заговорили о нищихъ, онъ довольно рѣзко возразилъ: «нищихъ всегда имѣете съ собой, а меня не всегда имѣете». И придя въ экстазъ, онъ обѣщалъ безсмертіе женщинѣ, которая дала въ этотъ критическій моментъ доказательство своей къ нему любви [1151]).

На слѣдующій день (воскресенье, 9 нисана) Іисусъ спустился изъ Іерусалима [1152]). Когда на поворотѣ дороги, на вершинѣ Масличной горы, предъ нимъ развернулась панорама города, онъ, говорятъ, заплакалъ и обратился къ нему съ послѣднимъ воззваніемъ [1153]). На склонѣ горы, близъ предмѣстья, заселеннаго, главнымъ образомъ, священниками и называвшагося Виөсфагіей [1154]), Іисусъ на мгновеніе еще разъ испыталъ удовлетвореніе своихъ человѣческихъ чувствъ [1155]). Слухъ о его прибытіи уже распространился. Галилеяне, пришедшіе на праздникъ, чрезвычайно этому обрадовались и обставили встрѣчу его нѣсколько торжественно. Ему привели, по обычаю ослицу,вмѣстѣ съ ея молодымъ осленкомъ [1156]). Галилеяне покрыли спину животнаго своими лучшими одеждами и посадили на немъ Іисуса. Въ это время, другіе, разстилали свои одежды по дорогѣ и усыпали ее зелеными вѣтками. Толпа, которая шла впереди и позади его, съ пальмовыми вѣтками въ рукахъ, восклицала: «Осанна сыну Давидову! Благословенъ грядый во имя Господне!» Нѣкоторые даже называли его царемъ израильскимъ [1157]). «Равви, прикажи имъ замолчать».—«Если они замолчатъ, то камни возопіютъ», отвѣтилъ Іисусъ и вошелъ въ городъ. Іерусалимляне, мало знавшіе его, спрашивали: кто это?—«Это Іисусъ, пророкъ изъ Назарета въ Галилеѣ», отвѣчали ему. Въ Іерусалимѣ было около 50,000 жителей [1158]). Обыкновенно, сколько-нибудь замѣтное событіе, въ родѣ прибытія извѣстнаго чужестранца, или толпы провинціаловъ, или какихъ-нибудь народныхъ волненій на площадяхъ города, быстро переходило изъ устъ въ уста среди населенія. Но во время праздниковъ смятеніе въ городѣ доходило до крайнихъ предѣловъ [1159]). Въ эти дни Іерусалимъ *принадлежалъ пришельцамъ*. Между ними-то волненіе и было *особенно сильно*. Новообращенные, говорившіе по-гречески и

пришедшіе на праздникъ, горѣли любопытствомъ и нетерпѣніемъ увидѣть Іисуса. Они обратились къ его ученикамъ [1160]; каковы были результаты этой бесѣды, достовѣрно неизвѣстно, Іисусъ-же отправился, по своему обыкновенію, на ночлегъ въ свою любимую деревню, Виѳанію [1161]). Въ слѣдующіе три дня (понедѣльникъ, вторникъ, среда) онъ точно также приходилъ въ Іерусалимъ; послѣ захода солнца онъ отправлялся или въ Виѳанію, или на фермы, лежавшія по западному склону Масличной горы, гдѣ у него было много друзей [1162]).

Въ эти послѣдніе дни великая печаль наполнила душу Іисуса, обыкновенно, такую ясную и радостную. Всѣ разсказы о немъ сходятся въ томъ, что передъ арестомъ онъ испыталъ минуту смущенія, тоскливой тревоги. По разсказамъ однихъ, онъ внезапно воскликнулъ: «Душа моя теперь возмутилась; Отче! избавь меня отъ часа сего» [1163]). Однимъ казалось, что въ ту минуту послышался голосъ съ неба; другіе говорили, что приходилъ ангелъ утѣшать его [1164]). По одной, очень распространенной версіи, это происходило въ Геѳсиманскомъ саду. Іисусъ, говорятъ, отошелъ отъ своихъ уснувшихъ учениковъ «на верженіе камня», т. е. на разстояніе, достаточное для метанія камня—взявъ съ собой только Кифу и двухъ сыновей Заведеевыхъ. Тутъ онъ палъ лицомъ на землю и молился. Душа его исполнена была смертельной скорбью; страшной тоскою томилась она; но покорность волѣ Божіей одержала верхъ [1165]). Инстинктивное чутье, подсказывающее синоптикамъ подчиняться иногда при редактированіи требованіямъ условности или эффекта, заставляетъ ихъ относить эту сцену къ послѣдней ночи жизни Іисуса и къ моменту его ареста. Если бы эта версія была правильна, то нельзя было бы понять, какимъ образомъ Іоаннъ, оказавшійся будто бы близкимъ свидѣтелемъ этого столь трогательнаго факта, не разсказалъ о немъ своимъ ученикамъ, и какимъ образомъ редакторъ четвертаго Евангелія не отмѣтилъ этотъ эпизодъ въ своемъ чрезвычайно подробномъ разсказѣ о вечерѣ четверга [1166]). Единственное, что можно сказать съ увѣренностью, это то, что въ теченіе послѣднихъ дней Іисусъ жестоко томился подъ бременемъ огромной принятой имъ на себя миссіи. На мгновеніе проснулась въ немъ человѣческая природа. Быть можетъ, онъ усомнился въ своемъ дѣлѣ. Страхъ и сомнѣніе овладѣли имъ и вызвали состояніе *слабости, которое хуже* самой смерти. Человѣкъ, пожертвова*вшій великой идеѣ* своимъ покоемъ и законными благами жизни,

не можетъ не оглянуться печально на самого себя, когда предъ нимъ въ первый разъ встаетъ смерть и стремится убѣдить его въ томъ, что всякія надежды тщетны. Быть можетъ, въ душѣ его пробудились въ этотъ моментъ тѣ трогательныя воспоминанія, которыя сохраняютъ и самыя сильныя натуры и которыя острой болью пронизываютъ сердце въ извѣстныя минуты. Вспомнились ли ему свѣтлыя струи Галилейскихъ источниковъ, освѣжиться въ которыхъ было бы такъ отрадно; виноградники и смоковницы, подъ которыми онъ бы могъ отдохнутъ; молодыя дѣвушки, которыя, быть можетъ, полюбили бы его? Проклиналъ ли онъ свою жестокую судьбу, которая заставила его отречься отъ всѣхъ радостей, доступныхъ другимъ? Сожалѣлъ ли онъ о томъ, что одаренъ слишкомъ высокой душой, не плакалъ ли онъ, жертва собственнаго величія, о томъ, что не остался простымъ ремесленникомъ въ Назаретѣ? Этого мы не знаемъ. Вся его внутренняя борьба осталась, очевидно, тайной для его учениковъ. Они ничего не понимали въ этомъ и дополняли своими наивными предположеніями то, что было для нихъ загадочнаго въ душѣ учителя. Несомнѣнно только то, что его божественная сущность скоро одержала въ немъ верхъ. Онъ могъ еще избѣжать смерти, но не хотѣлъ. Его увлекла любовь къ своему дѣлу. Онъ рѣшилъ испить чашу до конца. Съ этихъ поръ Іисусъ снова становится цѣльнымъ, безъ колебаній. Забыты всѣ ухищренія полемиста, легковѣріе чудотворца и заклинателя бѣсовъ. Остался только несравненный герой страстей, основатель правъ свободы совѣсти, высокій образецъ совершенства, одна мысль о которой приноситъ силу и утѣшеніе всякой страждущей душѣ.

Торжество въ Виѳфагіи, эта дерзость провинціаловъ, празднующихъ у воротъ Іерусалима прибытіе своего царя-Мессіи, окончательно раздражило фарисеевъ и духовную аристократію. Новый совѣтъ состоялся въ среду (12 нисана) у Іосифа Каіафы [1168]). Рѣшено было немедленно арестовать Іисуса. Всѣ ихъ распоряженія были проникнуты чувствомъ порядка и консерватизмомъ. Надо было избѣгнуть шума. Такъ какъ праздникъ Пасхи, начинавшійся въ этомъ году въ пятницу вечеромъ, былъ временемъ народныхъ сборищъ и сильнаго возбужденія, то арестовать Іисуса рѣшено было до праздника. Іисусъ былъ такъ популяренъ [1169]), что можно было опасаться возстанія. По обычаю, народныя торжества, на которыхъ присутствовала вся нація, должны были откры-

ваться исполненіемъ казней мятежниковъ противъ авторитета первосвященниковъ, нѣчто въ родѣ ауто-да-фе, имѣвшаго цѣлью вселить народу религіозный ужасъ [1170]). Тѣмъ не менѣе, совпаденіе такихъ зрѣлищъ съ праздничными днями было, повидимому, нежелательно [1171]). Арестъ былъ, поэтому, назначенъ на слѣдующее утро, въ четвергъ. Рѣшено было также не арестовывать его въ храмѣ, куда онъ являлся ежедневно [1172]), но выслѣдить его привычки и схватить его въ какомъ-нибудь тайномъ мѣстѣ. Агенты первосвященниковъ вывѣдывали объ этомъ у учениковъ, надѣясь получить нужныя свѣдѣнія, воспользовавшись ихъ безхарактерностью или простодушіемъ. Въ Іудѣ изъ Керіота они и нашли то, чего искали. По совершенно непонятнымъ мотивамъ, этотъ несчастный выдалъ своего учителя, далъ всѣ нужныя указанія и даже согласился сопровождать отрядъ, которому былъ порученъ арестъ. Послѣдняя подробность является такой гнусностью, что едва-ли она даже и вѣроятна Ужасное воспоминаніе, сохранившееся въ христіанскомъ преданіи о глупости или злобѣ этого человѣка, могло привести къ нѣкоторымъ преувеличеніямъ. До тѣхъ поръ Іуда былъ такимъ же ученикомъ, какъ и остальные, — носилъ даже званіе апостола, творилъ чудеса и изгонялъ демоновъ. Легенда, обыкновенно сгущающая краски, утверждаетъ, что на тайной вечерѣ присутствовало одиннадцать святыхъ и одинъ отверженный. Но въ дѣйствительности не бываетъ такихъ абсолютныхъ категорій. Корыстолюбіе, которое синоптики считаютъ причиной преступленія, не даетъ удовлетворительнаго объясненія. Было бы странно, чтобы человѣкъ, который завѣдывалъ кассой и которому грозило потерять все со смертью своего начальника, промѣнялъ бы выгоды своей должности [1173]) на крайне незначительную сумму денегъ [1174]). Не было ли причиной самолюбіе Іуды, задѣтое во время обѣда въ Виѳаніи выговоромъ? Но и этого было бы недостаточно. Четвертый евангелистъ понимаетъ его, какъ обманщика, какъ невѣрующаго съ самаго начала [1175]); а это совершенно невѣроятно. Скорѣе можно допустить, что имъ руководило какое-нибудь чувство ревности, какое-нибудь личное разногласіе. Особая ненависть къ Іудѣ, замѣчаемая въ Евангеліи, приписываемомъ Іоанну [1176]), подтверждаетъ эту догадку. Менѣе чистый сердцемъ, чѣмъ другіе, Іуда самъ того *не замѣчая, могъ* усвоить себѣ узкіе взгляды своей должности. *По странности*, весьма обыкновенной у людей, зани-

мающихъ отвѣтственныя должности, онъ, быть можетъ, готовъ былъ ставить интересы кассы выше самаго дѣла, для котораго она существовала. Администраторъ убилъ въ его душѣ апостола. Ропотъ, вырвавшійся у Іуды въ Виѳаніи, заставляетъ предполагать, что, по его мнѣнію, учитель обходится слишдорого своей духовной семьѣ. Безъ сомнѣнія, такая мелочная бережливость являлась причиной и другихъ недоразумѣній въ маленькой общинѣ.

Не отрицая, что Іуда изъ Керіота могъ содѣйствовать аресту своего учителя, мы, однако, полагаемъ, что проклятія, которыми его осыпаютъ, не совсѣмъ справедливы. Быть можетъ, въ его поступкѣ было больше опрометчивости, чѣмъ предательства. Взгляды человѣка изъ народа въ вопросахъ морали бываютъ искренни и справедливы, но они также неустойчивы и непослѣдовательны, подчиняясь вліянію минуты. Въ тайныхъ обществахъ республиканской партіи было много убѣжденности и искренности, между тѣмъ, и среди нихъ было множество доносчиковъ. Самаго мелкаго неудовольствія было достаточно, чтобы превратить сектанта въ измѣнника. Но если бы безумное желаніе получить нѣсколько серебренниковъ и вскружило голову бѣдному Іудѣ,—все же онъ не потерялъ окончательно нравственнаго чувства, такъ какъ, увидавъ послѣдствія своей вины, онъ раскаялся [1177]) и, по преданію, покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Съ этого момента каждое мгновеніе полно такого величія, которое равняется цѣлымъ столѣтіямъ въ исторіи человѣчества. Мы дошли до четверга 13 нисана (2 апрѣля). На слѣдующій день вечеромъ наступалъ праздникъ Пасхи; онъ начинался пиршествомъ, на которомъ ѣли ягненка. Праздникъ долженъ былъ продолжаться семь дней, въ теченіе которыхъ ѣдятъ опрѣсноки. Первый и послѣдній дни этого праздника отличаются особой торжественностью. Ученики уже были заняты приготовленіями къ празднику [1178]). Что касается Іисуса, то можно предполагать, что о предательствѣ Іуды онъ зналъ и не сомнѣвался въ томъ, какая участь его ожидаетъ. Вечеромъ онъ въ послѣдній разъ ужиналъ со своими учениками. Это не былъ обрядовый пасхальный ужинъ, какъ это полагали позже, допуская ошибку на одинъ день [1179]). Но для новой Церкви ужинъ въ четвергъ былъ настоящей Пасхой, символомъ новаго союза.

У каждаго ученика остались о немъ самыя дорогія воспоминанія, и множество трогательныхъ подробностей, сохра-

нившихся объ учителѣ, тоже относятся ими къ этой трапезѣ, которая сдѣлалась краеугольнымъ камнемъ христіанскаго благочестія и исходнымъ пунктомъ плодотворнѣйшихъ учрежденій.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что нѣжная любовь къ маленькой церкви наполняла въ этотъ моментъ [1180]) все сердце Іисуса. Ясной и сильной душѣ его было легко подъ бременемъ угнетавшихъ ее мрачныхъ предчувствій. Для каждаго изъ друзей у него нашлось доброе слово,—а въ отношеніи двухъ изъ нихъ, Петра и Іоанна, онъ проявилъ особенную нѣжность; Іоаннъ возлежалъ на скамьѣ, рядомъ съ Іисусомъ, и его голова покоилась на груди учителя [1181]). Къ концу ужина Іисусъ чуть было не выдалъ тайну, давившую его сердце. «Истинно говорю вамъ», сказалъ онъ, «одинъ изъ васъ предастъ меня» [1182]). Такія слова были для этихъ наивныхъ людей глубокимъ огорченіемъ; они смотрѣли другъ на друга и каждый внутренно допрашивалъ себя самого. Іуда былъ тутъ же; быть можетъ, Іисусъ, имѣвшій съ нѣкоторыхъ поръ основаніе не вѣрить ему, разсчитывалъ найти этому подтвержденіе въ полномъ признаніи или смущенномъ поведеніи его. Но невѣрный ученикъ не смутился; онъ даже, говорятъ, осмѣлился вмѣстѣ съ другими спросить у него: «не я ли, равви?»

Между тѣмъ, добрый и правдивый Петръ, также страдалъ. Онъ сдѣлалъ знакъ Іоанну, чтобы тотъ попытался узнать у учителя, на кого онъ намекаетъ. Іоаннъ, имѣвшій возможность говорить съ учителемъ такъ, чтобы ихъ никто не слышалъ, попросилъ его разъяснить смыслъ этихъ словъ. Іисусъ, питавшій только подозрѣнія, не хотѣлъ называть имени; онъ только сказалъ Іоанну, чтобы онъ обратилъ вниманіе на того, кому онъ подастъ кусокъ хлѣба, обмакнувъ его въ соусъ [1183]); и въ ту же минуту онъ обмакнулъ хлѣбъ и подалъ его Іудѣ. Только Іоаннъ и Петръ знали объ этомъ. Іисусъ обратился къ Іудѣ съ нѣсколькими словами, въ которыхъ заключался горькій упрекъ, но слова эти были непонятны присутствующимъ. Они думали, что Іисусъ отдавалъ ему распоряженія относительно завтрашняго праздника. Послѣ этого Іуда вышелъ [1184]).

Тогда за этимъ ужиномъ никто не замѣтилъ ничего особеннаго, за исключеніемъ опасеній, которыя учитель высказалъ своимъ ученикамъ, понявшимъ его лишь на половину.

Но послѣ смерти Іисуса, этому вечеру стали придавать особое торжественное значеніе, и воображеніе вѣрующихъ наложило на него отпечатокъ нѣжной таинственности. Послѣднія минуты дорогого человѣка запоминаются лучше всего. Вслѣдствіе неизбѣжной иллюзіи, разговорамъ, которые съ нимъ происходили, приписываютъ тотъ смыслъ, который они могли принять лишь вслѣдствіе его смерти. Воспоминанія многихъ лѣтъ сводятся къ воспоминаніямъ нѣсколькихъ часовъ. Большинство учениковъ не видало своего учителя послѣ упомянутой вечери. Это былъ прощальный пиръ. Во время этой трапезы, какъ и во время многихъ другихъ [1185]), Іисусъ совершилъ свой мистическій обрядъ преломленія хлѣба. Такъ какъ съ первыхъ лѣтъ возникновенія Церкви предполагали, что трапеза эта происходила въ самый день Пасхи, и что это была пасхальная трапеза, то, естественно, явилась мысль, что установленіе евхаристіи относится къ этому послѣднему моменту. Исходя изъ гипотезы, что Іисусъ зналъ точно моментъ своей смерти, ученики должны были бы предположить, что онъ отложилъ на свои послѣдніе часы самыя важныя дѣла. Сверхъ того, одна изъ основныхъ идей первыхъ христіанъ состояла въ томъ что смерть Іисуса являлась жертвой, замѣнявшей всѣ жертвы стараго Закона; поэтому «Тайная Вечеря», относительно которой разъ навсегда установили, что она происходила наканунѣ «Страстей», была признана жертвой по преимуществу, основнымъ актомъ новаго единенія, знаменіе крови, пролитой за спасеніе всѣхъ людей [1186]).

Хлѣбъ и вино въ связи съ самой смертью стали образомъ Новаго Завѣта, который Іисусъ запечатлѣлъ своими страданіями, напоминаніемъ о жертвѣ Іисуса вплоть до его второго пришествія [1187]).

Еще въ очень раннюю эпоху это таинство отразилось въ небольшомъ разсказѣ, который имѣется у насъ въ чертахъ очень сходныхъ между собою варіантахъ [1188]). Но разсказъ этотъ не былъ извѣстенъ четвертому евангелисту, сильно занятому евхаристическими идеями [1189]), разсказывающему такъ подробно о послѣдней вечерѣ, связывающему съ нимъ столько обстоятельствъ и поученій [1190]). Это доказываетъ, что установленіе Евхаристіи принадлежностью Тайной Вечери. Для четвертаго евангеиста обрядомъ Тайной Вечери является омовеніе ногъ. Очень возможно, что въ нѣкоторыхъ семьяхъ пер-

выхъ христіанъ этотъ обрядъ имѣлъ важное, впослѣдствіи утраченное значеніе[1191]). Чтобы дать своимъ ученикамъ урокъ братскаго смиренія, Іисусъ, безъ сомнѣнія, прибѣгалъ иногда къ этому обряду. Его отнесли къ кануну смерти Іисуса, вслѣдствіе стремленія собрать въ Тайной Вечерѣ всѣ важнѣйшія моральныя и обрядовыя постановленія Іисуса.

Воспоминанія, которыя сохранились о послѣднемъ вечерѣ Іисуса, проникнуты чувствомъ глубокой любви, единодушія, милосердія, взаимнаго уваженія[1192]). Душой символовъ и поученій, которые христіанское преданіе относитъ къ этому благословенному часу, является всегда Единство Церкви, созданной имъ, или его духомъ. «Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ я васъ возлюбилъ. Потому узнаютъ всѣ, что вы мои ученики, если будете имѣть любовь между собою»[1193]). Въ этотъ священный мигъ все еще существовало соперничество среди нѣкоторыхъ учениковъ, борьба изъ-за первенства[1194]). Іисусъ замѣтилъ, что если онъ, учитель, былъ среди своихъ учениковъ, какъ слуга, то тѣмъ болѣе они должны смиряться другъ передъ другомъ. По словамъ нѣкоторыхъ, онъ сказалъ, глотая вино: «отнынѣ не буду пить отъ плода сего винограднаго до того дня, когда буду пить съ вами новое вино въ царствѣ отца моего»[1195]). По словамъ другихъ, онъ обѣщалъ имъ въ скоромъ будущемъ торжество на небесахъ, гдѣ они будутъ сидѣть рядомъ съ нимъ на престолахъ[1196]). Къ концу ужина предчувствіями Іисуса заразились, повидимому, и его ученики. Всѣ чувствовали, что учителю угрожаетъ серьезная опасность и что близится критическій мигъ. На мгновеніе Іисусъ подумалъ о томъ, чтобы принять предосторожности, и заговорилъ о мечахъ. Среди присутствующихъ нашлось два меча. «Довольно», сказалъ онъ[1197]). Больше онъ не распространялся объ этомъ; онъ хорошо видѣлъ, что робкіе провинціалы не устоятъ противъ вооруженной силы властей Іерусалима. Кифа, горячій и самоувѣренный, поклялся, что пойдетъ за нимъ и въ тюрьму, и на смерть. Іисусъ, съ своей обычной проницательностью, высказалъ ему свои сомнѣнія. По преданію, исходящему, вѣроятно, отъ самого Петра, Іисусъ пріурочилъ отреченіе отъ него къ пѣнію пѣтуха[1198]). Всѣ, какъ и Кифа, поклялись, что не поддадутся слабости.

———

ГЛАВА XXIV.

Арестъ Іисуса и судъ надъ нимъ.

Уже наступила глубокая ночь [1199]), когда они вышли изъ дому [1200]). Іисусъ, по своему обыкновенію, прошелъ долину Кедрона и направился, въ сопровожденіи своихъ учениковъ, въ Геѳсиманскій садъ, у подножія Масличной Горы [1201]). Тамъ онъ сѣлъ. Превосходя своихъ друзей огромной духовной силой, онъ бодрствовалъ и молился. Ученики спали возлѣ него. Вдругъ показались вооруженные воины, освѣщенные факелами. Это были стражники при храмѣ, вооруженные палками, — нѣчто въ родѣ отряда полиціи, находящагося въ распоряженіи священниковъ; ихъ сопровождалъ отрядъ римскихъ воиновъ съ мечами; приказъ объ арестѣ былъ данъ первосвященникомъ и синедріономъ [1202]). Іуда, хорошо знавшій привычки Христа, указалъ на это мѣсто, гдѣ его вѣрнѣе всего могли захватить. Всѣ преданія первыхъ временъ единодушно свидѣтельствуютъ, что Іуда самъ сопровождалъ отрядъ [1203]) и, какъ говорятъ нѣкоторые [1204]), дошелъ въ своемъ предательствѣ до того, что поцѣловалъ Христа. Но какъ бы тамъ ни было, достовѣрно то, что ученики въ началѣ оказали сопротивленіе [1205]). Петръ, какъ разсказываютъ [1206]), выхватилъ мечъ и ранилъ въ ухо одного изъ служителей, по имени Малха. Іисусъ остановилъ ихъ первый порывъ и самъ отдался солдатамъ. Ученики, слабые и неспособные дѣйствовать послѣдовательно, въ особенности противъ могущественныхъ властей, обратились въ бѣгство и разсѣялись. Только Петръ и Іоаннъ шли за своимъ учителемъ. Издали слѣдовалъ за ними еще другой *юноша* въ легкомъ одѣяніи, — быть можетъ, Маркъ. *Когда его хотѣли* арестовать, онъ убѣжалъ, оставивъ свою

тунику въ рукахъ стражи[1207]). Первосвященники рѣшили вести дѣло Іисуса въ формѣ вполнѣ соотвѣтствующей дѣйствовавшему праву. Процессъ противъ «богохульника» (месситъ), стремящагося оскорбить святость религіи, изложенъ въ Талмудѣ съ подробностями, наивное безстыдство которыхъ способно вызвать только улыбку. Уголовное слѣдствіе въ существенной части процесса покоилось на обычныхъ ухищреніяхъ ради обхода Закона. При обвиненіи человѣка въ «богохульствѣ» подставляютъ двухъ свидѣтелей и прячутъ ихъ гдѣ-нибудь за перегородкой, обвиняемаго стараются привести въ смежное помѣщеніе за перегородкой, чтобы свидѣтели могли слушать его, не будучи ему видны. Возлѣ обвиняемаго зажигаются двѣ свѣчи, дабы занести въ протоколъ, что свидѣтели его «видѣли»[1208]). Обвиняемаго заставляютъ признаться въ своемъ богохульствѣ, и затѣмъ предлагаютъ ему отречься отъ своихъ убѣжденій. Если онъ отказывается, свидѣтели, слышавшіе его слова, привлекаютъ его къ суду и по рѣшенію суда его побиваютъ камнями. Талмудъ прибавляетъ, что точно такъ же поступили и съ Іисусомъ, который былъ осужденъ по показанію двухъ подставныхъ свидѣтелей, но что богохульство есть, впрочемъ, единственное преступленіе, при которомъ прибѣгаютъ къ ложнымъ свидѣтельскимъ показаніямъ[1209]).

Ученики Христа передаютъ намъ дѣйствительно, что ихъ учителю было предъявлено обвиненіе въ «богохульствѣ»[1210]) и, за исключеніемъ нѣсколькихъ маловажныхъ подробностей, порожденныхъ воображеніемъ раввинистовъ, разсказъ Евангелія точь-въ-точь соотвѣтствуетъ ходу процесса, какъ онъ описанъ Талмудомъ. Планъ враговъ Христа состоитъ въ томъ, чтобы обличить его, посредствомъ свидѣтельскихъ показаній и его собственныхъ признаній, въ богохульствѣ и въ посягательствѣ на религію Моисея, присудить его къ казни, на основаніи закона, и затѣмъ передать приговоръ на утвержденіе Пилата. Духовная власть, какъ мы уже видѣли, фактически всецѣло принадлежала Аннѣ. Приказъ объ арестѣ тоже исходилъ, вѣроятно, отъ него. Къ этому-то могущественному лицу и привели сначала Іисуса[1211]). Анна сталъ спрашивать объ его ученіи и объ ученикахъ. Христосъ съ справедливой *гордостью отказался* вступить въ длинныя объясненія. Онъ *сослался на свою* проповѣдь, произнесенную публично, объя*вилъ, что его ученіе* никогда не было тайнымъ, и предложилъ

бывшему первосвященнику опросить тѣхъ, кто его слышалъ. Это былъ вполнѣ естественный отвѣтъ, но почетъ, которымъ былъ окруженъ старый первосвященникъ, былъ такъ великъ, что отвѣтъ показался дерзкимъ; говорятъ, что одинъ изъ присутствовавшихъ тамъ далъ Іисусу пощечину за этотъ отвѣтъ.

Петръ и Іоаннъ провожали учителя до жилища Анны. Іоаннъ, котораго знали въ домѣ, былъ пропущенъ безъ затрудненія, Петра же задержали у входа, и Іоаннъ долженъ былъ просить привратницу пропустить Петра. Ночь была холодная. Петръ остался въ передней комнатѣ и подошелъ къ огню, вокругъ котораго грѣлись слуги. Вскорѣ въ немъ узнали одного изъ учениковъ Христа. Бѣднягу выдало его галилейское произношеніе; осыпаемый вопросами со стороны слугъ, одинъ изъ которыхъ былъ родственникъ Малха и видѣлъ его въ Гефсиманскомъ саду, онъ трижды отрекся отъ Іисуса, утверждая, что никогда не состоялъ съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ. Онъ полагалъ, что Іисусъ не слышитъ его, и не сознавалъ, какой измѣной является его малодушная ложь. Но, честный по натурѣ, онъ скоро понялъ, что совершилъ. Случайное обстоятельство—пѣніе пѣтуха—напомнило ему слова Христа. Глубоко тронутый, онъ вышелъ и горько заплакалъ[1212]).

Хотя Анна и являлся истиннымъ виновникомъ замышляемаго юридическаго убійства, но произнести смертный приговоръ надъ Іисусомъ онъ все же не имѣлъ права; онъ отправилъ его къ своему зятю Каіафѣ, который носилъ оффиціальное званіе первосвященника. Слѣпое орудіе своего тестя, онъ, естественно, утвердилъ приговоръ. Синедріонъ собрался у него[1213]). Слѣдствіе началось. Передъ судомъ явилось нѣсколько свидѣтелей, подготовленныхъ заранѣе, согласно инквизиторской процедурѣ, установленной Талмудомъ. Два свидѣтеля подтвердили роковыя слова, дѣйствительно произнесенныя Іисусомъ: «Я разрушу храмъ Божій и въ три дня воздвигну его вновь». По іудейскому обычаю хула противъ храма являлась хулою противъ самого Бога[1214]). Іисусъ хранилъ молчаніе и отказался дать объясненіе по поводу этихъ словъ. Если вѣрить преданію, первосвященникъ заклиналъ его признаться, онъ-ли Мессія, сынъ Божій. Іисусъ будто бы признался въ этомъ и даже объявилъ передъ собраніемъ близкое пришествіе его небеснаго царствія[1215]). Но сила духа Христа, готоваго умереть, была *такъ велика, что* онъ едва-ли снизошелъ до низкаго показанія.

Болѣе вѣроятно, что онъ и здѣсь, какъ у Анны, хранилъ молчаніе. Такъ онъ, вообще, велъ себя въ свои послѣднія минуты.

Приговоръ былъ рѣшенъ, искали только предлога. Іисусъ зналъ это и не предпринималъ ничего для своей защиты. Съ точки зрѣнія ортодоксальнаго іудаизма онъ дѣйствительно являлся богохульникомъ, разрушителемъ установленнаго культа, а такія преступленія, въ силу Закона, карались смертью [1216]). Собраніе единогласно признало его заслуживающимъ смертной казни.

Члены собранія, втайнѣ бывшіе на сторонѣ Христа, отсутствовали или воздерживались отъ голосованія [1217]). Обычный произволъ, свойственный всѣмъ долго существующимъ аристократіямъ, не позволялъ судьямъ долго размышлять о послѣдствіяхъ ихъ рѣшенія. Человѣческая жизнь тогда довольно легко приносилась въ жертву. Членамъ Синедріона, безъ сомнѣнія, не приходило въ голову, что оскорбленное потомство потребуетъ у ихъ сыновей отчета за приговоръ, данный съ такимъ пренебрежительнымъ легкомысліемъ.

Синедріонъ не имѣлъ права приводить въ исполненіе смертные приговоры [1218]). Но при той путаницѣ, которая царила тогда среди властей Іудеи, Іисусъ уже могъ считаться осужденнымъ. Остатокъ ночи онъ провелъ среди низкой черни, которая безпощадно издѣвалась надъ нимъ [1219]).

Утромъ слѣдующаго дня снова собрались первосвященники и старѣйшины [1220]). Нужно было, чтобы Пилатъ подтвердилъ приговоръ Синедріона, который считался со времени римской оккупаціи недостаточнымъ въ качествѣ императорскаго легата. Прокураторъ не имѣлъ власти надъ жизнью и смертью гражданъ. Но Іисусъ не былъ римскимъ гражданиномъ; достаточно было одобренія губернатора, чтобы произнесенный надъ нимъ приговоръ вошелъ въ силу. Какъ это бываетъ всегда, когда какое-нибудь политическое государство подчиняетъ себѣ націю, у которой перепутаны гражданскіе и религіозные законы,— римляне принуждены были оказывать іудейскому закону нѣкоторую поддержку. Римское право не примѣнялось къ іудеямъ; послѣдніе подчинялись каноническому праву, о которомъ упоминается въ Талмудѣ, точно такъ же, какъ алжирскіе арабы еще и до сихъ поръ управляются закономъ ислама. Соблюдая нейтралитетъ въ вопросахъ религіи, римляне, однако, очень часто утверждали приговоры по религіознымъ проступкамъ. Въ такомъ же положеніи находились и священные города

Индіи, въ которыхъ владычествовали англичане. Іосифъ утверждаетъ даже (хотя это подлежитъ сомнѣнію), что если римлянинъ переступалъ такія мѣста храма, на которыхъ была надпись, запрещающая приближеніе язычниковъ, то римляне сами выдавали такого человѣка іудеямъ, чтобы онъ былъ преданъ смерти [1221]).

Служители священниковъ связали Іисуса и отвели его въ преторію, бывшій дворецъ Ирода [1222]), прилегающій къ замку Антонія [1223]). Это было въ утро того дня, когда должны были вкушать пасхальнаго агнца (пятница—14 нисана—3 апрѣля). Іудеи считали бы себя оскверненными, войдя въ преторію, и не могли бы отпраздновать священную трапезу. Они остались снаружи [1224]). Пилатъ, которому сообщили о нихъ, вышелъ на биму [1225]), или трибуну, расположенную подъ открытымъ небомъ [1226]), на мѣстѣ, называемомъ *Гаввавой* или, по-гречески,—*Антостротосъ*—такъ какъ это мѣсто было вымощено камнемъ. Когда Пилатъ узналъ о приговорѣ, онъ выразилъ свое неудовольствіе, что его впутали въ это дѣло [1227]). Затѣмъ онъ заперся съ Іисусомъ въ преторіи. Тамъ между ними произошелъ разговоръ, подробности котораго до насъ не дошли, такъ какъ не было при томъ ни одного свидѣтеля, могущаго передать содержаніе разговора. Но общій его характеръ, кажется, довольно удачно угадалъ четвертый евангелистъ. По крайней мѣрѣ, его разсказъ вполнѣ согласуется съ данными исторіи объ обоихъ собесѣдникахъ. Прокураторъ Понтій, прозванный Пилатомъ за пожалованный ему или его предкамъ въ видѣ отличія [1228]) дротикъ, (pilum), до тѣхъ поръ не имѣлъ никакихъ сношеній съ нарождавшейся сектой. Равнодушный къ внутреннимъ распрямъ іудеевъ, онъ во всѣхъ сектантскихъ движеніяхъ видѣлъ только проявленіе необузданнаго воображенія и заблужденій. Вообще, онъ не любилъ іудеевъ. Но послѣдніе еще больше ненавидѣли его; они находили его жестокимъ, надменнымъ, вспыльчивымъ, обвиняли его въ невѣроятныхъ преступленіяхъ [1229]).

Іерусалимъ, какъ центръ огромнаго народнаго броженія, былъ городомъ мятежнымъ; для иностранцевъ пребываніе въ немъ было невыносимо. Фанатики предполагали, что у новаго прокуратора сложилось твердое намѣреніе уничтожить іудейскій законъ [1230]). Ихъ узкій фанатизмъ, ихъ религіозная нетерпимость *возмущала* широкое чувство справедливости и *гражданскаго благоустройства*, присущее самому дюжинному римлянину.

Всѣ извѣстныя намъ дѣйствія Пилата рисуютъ намъ его, какъ хорошаго администратора [1231]). Въ первое время, при исполненіи своихъ обязанностей, у Пилата происходили недоразумѣнія съ подвластнымъ ему народомъ; онъ разрѣшалъ эти недоразумѣнія крайне грубо, хотя, по существу, бывалъ правъ. Іудеи должны были казаться ему отсталыми людьми; онъ судилъ о нихъ подобно тому, какъ либеральный префектъ судилъ когда-то о нижне-бретонцахъ, поднимавшихъ возстаніе изъ-за проложенія новой дороги, изъ-за учрежденія новой школы. Въ своихъ лучшихъ проектахъ для блага страны, именно во всемъ, что касалось общественныхъ работъ, онъ наталкивался на іудейскій законъ, какъ на непреодолимое препятствіе. Законъ ставилъ жизнь въ такія рамки, что она не могла поддаваться никакимъ измѣненіямъ, никакимъ улучшеніямъ. Римскія сооруженія, даже наиболѣе полезныя, внушали ревностнымъ евреямъ глубочайшую антипатію [1232]). Два, пожертвованные по обѣту, гербовые щита съ надписями, которые Пилатъ велѣлъ прибить у своей резиденціи, прилегающей къ священной оградѣ, вызвали еще болѣе сильное волненіе [1233]). Вначалѣ прокураторъ обращалъ мало вниманія на подобную обидчивость іудеевъ, это привело его къ кровавымъ репрессіямъ [1234]), что впослѣдствіи повлекло за собой отрѣшеніе его отъ должности [1235]). Опытъ, пріобрѣтенный благодаря множеству столкновеній, сдѣлалъ его болѣе разумнымъ въ сношеніяхъ съ этимъ неподатливымъ народомъ, который мстилъ за себя своимъ начальникамъ тѣмъ, что заставлялъ ихъ примѣнять къ нему самыя строгія мѣры. Пилатъ убѣждался съ крайнимъ неудовольствіемъ, что въ этомъ новомъ дѣлѣ онъ принужденъ будетъ взять на себя жестокую роль ради торжества ненавистнаго ему Закона [1236]). Онъ хорошо зналъ, что религіозные фанатики, добившись какой-нибудь жестокой мѣры со стороны гражданскихъ властей, первые же возложатъ потомъ отвѣтственность за послѣдствія на нихъ же и даже первые обвиняютъ ихъ. А это крайняя несправедливость, такъ какъ истиннымъ виновникомъ является, въ подобныхъ случаяхъ,—подстрекатель.

Итакъ, Пилатъ хотѣлъ попытаться спасти Христа. Быть можетъ, спокойная осанка обвиняемаго произвела на него впечатлѣніе. Какъ гласитъ преданіе [1237]), впрочемъ, мало вѣроятное, Іисусъ нашелъ поддержку въ собственной женѣ Пилата, утверждавшей, что она видѣла страшный сонъ, героемъ котораго былъ Іисусъ. Она могла видѣть нѣжнаго галилеяна изъ оконъ

дворца, выходящихъ во дворъ храма. Быть можетъ, она снова видѣла его во снѣ, и кровь этого красиваго молодого человѣка, которую должны были пролить, была причиной страшнаго кошмара. Достовѣрно только то, что Іисусъ нашелъ въ Пилатѣ поддержку. Губернаторъ благосклонно разспрашивалъ его съ намѣреніемъ отыскать всѣ средства для его оправданія.

Іисусъ никогда не присвоивалъ себѣ названія «царь іудейскій», но его враги указывали на это названіе, которое говорило о его роли и его притязаніяхъ и которое, естественно, являлось лучшимъ предлогомъ для возбужденія подозрѣнія римскихъ властей. Основываясь на этомъ, его и обвиняли, какъ мятежника и какъ государственнаго преступника. Ничто не могло быть болѣе несправедливымъ, такъ какъ Іисусъ всегда признавалъ Римскую Имперію, какъ установленную власть. Но консервативныя религіозныя партіи не имѣютъ обыкновенія отступать передъ клеветой. Его ученію придавали самыя разнообразныя толкованія; его считали ученикомъ Іуды Гавлонита и утверждали, что онъ запрещалъ платить подать Кесарю [1238]). Пилатъ спросилъ его, считаетъ ли онъ себя дѣйствительно «царемъ Іудейскимъ» [1239]). Іисусъ не скрывалъ того, что думаетъ. Но его погубилъ на этотъ разъ иносказательный смыслъ его рѣчей, составлявшій его силу и долженствовавшій послѣ его смерти упрочить его царство. Какъ идеалистъ, не отдѣляющій духа отъ матеріи, Іисусъ, устами, вооруженными обоюдоострымъ мечомъ, по выраженію Апокалипсиса, никогда не могъ успокоить вполнѣ земныхъ властей. Если вѣрить четвертому Евангелисту, онъ призналъ свое царское достоинство, но тутъ же произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: «Царство мое не отъ міра сего». Затѣмъ онъ объяснилъ, что онъ понимаетъ подъ царскимъ достоинствомъ, говоря, что его царство есть истина и что онъ пришелъ въ міръ провозгласить истину. Пилатъ ничего не понялъ въ этомъ высшемъ идеализмѣ [1240]). Но Христосъ казался ему неопаснымъ мечтателемъ. Полнѣйшее отсутствіе религіознаго и философскаго прозелитизма у римлянъ той эпохи заставляло ихъ смотрѣть на преданность истинѣ, какъ на химеру.

Всѣ эти споры казались имъ скучными и лишенными смысла. Не замѣчая, какъ опасны для имперіи зародыши этихъ новыхъ идей, они не считали нужнымъ употреблять въ подобныхъ случаяхъ насильственныя мѣры. Недовольство ихъ падало, главнымъ образомъ, на тѣхъ, кто требовалъ казни

людей изъ-за такихъ пустяковъ. Двадцать лѣтъ спустя Галліонъ придерживался той же политики по отношеніи къ іудеямъ [1241]). До разрушенія Іерусалима административный пріемъ римлянъ состоялъ въ томъ, чтобы совершенно не вмѣшиваться въ распри іудейскихъ сектъ между собою [1242]).

Пилатъ нашелъ слѣдующій способъ, чтобы примирить свои собственныя чувства съ требованіями фанатичнаго народа, давленіе котораго онъ такъ часто чувствовалъ. Существовалъ обычай, въ честь праздника Пасхи, освобождать одного преступника по желанію народа. Зная, что Іисусъ былъ осужденъ, только благодаря козням священниковъ [1243]), Пилатъ хотѣлъ обратить этотъ обычай въ пользу Іисуса. Пилатъ снова появился на бимѣ и предложилъ народу отпустить «царя іудейскаго». Сдѣланное въ подобныхъ выраженіяхъ предложеніе свидѣтельствовало о широкомъ взглядѣ на вещи, но имѣло въ то же время и оттѣнокъ ироніи. Священникамъ это показалось опаснымъ. Они повели рѣшительную агитацію [1244]); чтобы отклонить предложеніе Пилата, они подсказали толпѣ имя узника, который пользовался въ Іерусалимѣ большой популярностью. По странной случайности, его звали тоже Іисусомъ [1245]), по прозвищу Варъ-Равванъ или Варавва [1246]). Это было всѣмъ извѣстное лицо [1247]), арестованное, какъ убійца, во время одного возстанія, сопровождавшагося убійствомъ [1248]). Поднялся всеобщій крикъ: «Нѣтъ, не этого Іисуса, отпусти намъ Іисуса Варавву». Пилатъ былъ вынужденъ отпустить Іисуса Варавву.

Положеніе становилось все болѣе затруднительнымъ. Онъ боялся быть скомпрометтированнымъ слишкомъ замѣтной снисходительностью къ обвиняемому, котораго называютъ «царемъ іудейскимъ». Къ тому же, фанатизмъ всегда вынуждаетъ власти потворствовать ему. Пилатъ счелъ необходимымъ сдѣлать уступку; но, не рѣшаясь еще пролить кровь для удовлетворенія ненавистныхъ ему людей, онъ хотѣлъ обратить эту исторію въ комедію.

Какъ бы въ насмѣшку надъ громкимъ именемъ, которое дали Іисусу, онъ приказалъ его бичевать [1249]). Бичеваніе, по обычаю, всегда предшествовало распятію [1250]). Можетъ быть, Пилатъ хотѣлъ показать, что приговоръ уже объявленъ, въ надеждѣ, что народъ ограничится предварительнымъ наказаніемъ? Тогда произошла, согласно всѣмъ разсказамъ, возмутительная сцена. Воины надѣли на Іисуса багряницу, на голову терновый вѣнокъ, въ руки ему дали жезлъ. Въ такомъ одѣя-

піи его вывели на трибуну, къ народу, солдаты дефилировали передъ нимъ, поочередно били его и приговаривали, становясь на колѣни: «Радуйся, царь іудейскій» [1251]). Другіе плевали въ него и били тростью по головѣ. Трудно понять, какимъ образомъ римское достоинство могло допускать такіе постыдные поступки. Правда, въ распоряженіи Пилата, какъ прокуратора, имѣлись только наемныя войска [1252]). Римскіе граждане, каковыми были легіонеры, не унизились-бы до такихъ поступковъ.

Разсчитывалъ ли Пилатъ такимъ образомъ избѣгнуть отвѣтственности? Надѣялся онъ отвратить ударъ, угрожавшій Іисусу, дѣлая уступку ненависти іудеевъ [1253]) и замѣняя трагическій конецъ комическимъ, какъ бы желая показать, что дѣло не заслуживало другого исхода? Если таково было его намѣреніе, оно цѣли не достигло. Волненіе разросталось и перешло въ настоящій мятежъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики: «распни его, распни его!» Священники, принимая все болѣе вызывающій тонъ, объявили, что Закону угрожаетъ опасность, если богохульникъ не будетъ казненъ [1254]). Пилатъ ясно видѣлъ, что для спасенія Іисуса необходимо будетъ прибѣгнуть къ кровопролитному усмиренію мятежа. Онъ сдѣлалъ однако еще одну попытку выиграть время. Онъ вошелъ въ преторію, справился, изъ какой мѣстности былъ родомъ Іисусъ, отыскивая предлогъ, чтобы снять съ себя отвѣтственность [1255]). По одному преданію, онъ даже отправилъ Іисуса къ Антипѣ, который былъ тогда въ Іерусалимѣ [1256]). Іисусъ обращалъ очень мало вниманія на всѣ эти доброжелательныя попытки. Какъ и у Каіафы, онъ замкнулся въ гордомъ молчаніи, что поражало Пилата. Крики съ улицы становились все болѣе и болѣе угрожающими. Пилата обвиняли даже въ недостаточномъ усердіи, въ попустительствѣ врагу кесаря. Самые горячіе враги римскаго владычества обратились въ вѣрноподданныхъ Тиверія, чтобы имѣть возможность обвинять слишкомъ снисходительнаго прокуратора въ оскорбленіи величества. «Здѣсь нѣтъ», говорили они, «другого царя, кромѣ кесаря; кто называетъ себя царемъ, тотъ противъ кесаря. Если правитель отпуститъ этого человѣка, онъ, значитъ, не другъ кесарю» [1257]). Слабый Пилатъ не выдержалъ. Ему уже чудились доносы, которые полетятъ въ Римъ, по поводу его поддержки соперниковъ Тиверія. Уже іудеи писали въ Римъ по поводу исторіи съ двумя гербовыми щитами [1258]). Ихъ жалобу удовлетворили. Пилатъ боялся *потерять мѣсто*. Въ угоду іудеямъ, но на поруганіе потомства,

онъ уступилъ, сваливая всю отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ на іудеевъ. Послѣдніе, по разсказамъ христіанъ, согласились, восклицая: «да падетъ кровь его на насъ и на нашихъ дѣтей» [1259]).

Были ли дѣйствительно произнесены эти слова? Мы можемъ сомнѣваться въ этомъ. Но въ нихъ глубокая историческая правда. Въ виду положенія, занимаемаго римлянами въ Іудеѣ, Пилатъ не могъ поступить иначе. Сколько смертныхъ приговоровъ, диктуемыхъ религіозной нетерпимостью, было вырвано у гражданскихъ властей! Испанскій король, посылающій въ угоду фанатическому духовенству сотни своихъ поданныхъ на костеръ, болѣе достоинъ порицанія, чѣмъ Пилатъ. Онъ представлялъ собою болѣе полную власть, чѣмъ власть римлянъ въ Іерусалимѣ въ 33 году. Когда гражданскія власти начинаютъ, въ угоду духовенству, сѣять смуты, онѣ этимъ обнаруживаютъ свою слабость. Но пусть правительство, безгрѣшное въ этомъ отношеніи, первое броситъ камень въ Пилата. «Свѣтская власть», за которой прячется жестокость духовенства, не можетъ считаться виновной. Человѣкъ, проливающій кровь черезъ своихъ слугъ, не имѣетъ права утверждать, что онъ питаетъ отвращеніе къ крови.

Итакъ, не Тиверій и не Пилатъ приговорили Іисуса къ смерти. Его осудила старая іудейская партія, Моисеевъ законъ. По нашимъ современнымъ понятіямъ, дѣти неотвѣтственны за моральные проступки отцовъ; каждый человѣкъ несетъ отвѣтственность передъ человѣческимъ и духовнымъ правосудіемъ только за то, что сдѣлалъ самъ. Слѣдовательно, каждый еврей, который еще и теперь страдаетъ за казнь Христа, имѣетъ право жаловаться; вѣдь онъ могъ быть Симономъ Киринеяниномъ; онъ могъ также и не быть въ числѣ тѣхъ, которые кричали: «распни его»... Но націи несутъ такую же отвѣтственность, какъ и отдѣльныя личности, и если когда-нибудь нація совершила преступленія, то смерть Іисуса можетъ считаться такимъ преступленіемъ. Эта смерть была «законной» въ томъ смыслѣ, что являлась слѣдствіемъ закона, составлявшаго душу націи. Моисеевъ законъ, правда, въ своей первоначальной формѣ, присуждалъ къ смертной казни за всякую попытку измѣнить установленный культъ. Между тѣмъ, Іисусъ, безъ всякаго сомнѣнія, обрушивался на этотъ культъ *и стремился* его уничтожить. Іудеи справедливо и откровенно *сказали объ этомъ* Пилату: «У насъ есть законъ, и по этому

закону онъ долженъ умереть, такъ какъ онъ называетъ себя сыномъ Божіимъ» [1260]). Это былъ отвратительный законъ, но это былъ законъ античной жестокости; герой, который приносилъ себя въ жертву, чтобы низвергнуть этотъ законъ, прежде всего долженъ былъ испытать его на себѣ.

Увы! понадобилось болѣе XVIII-ти столѣтій, чтобы кровь, пролитая имъ, принесла плоды. Во имя Іисуса, впродолженіи вѣковъ, будутъ пытать и подвергать смертной казни такихъ же благородныхъ мыслителей, какъ и онъ самъ. Еще и понынѣ, въ странахъ, которыя считаютъ себя христіанскими, за религіозные проступки назначаются строгія кары. Но отвѣтственность за эти заблужденія не должна падать на Іисуса. Онъ не могъ предвидѣть, что народы съ извращеннымъ воображеніемъ увидятъ въ немъ какого-то ужаснаго Молоха, жаждущаго жаренаго мяса. Христіанство было нетерпимо. Однако, нетерпимость не есть преимущественно христіанская черта; она наблюдается у іудеевъ въ томъ смыслѣ, что іудаизмъ впервые выдвинулъ теорію объ абсолютномъ въ религіи, и установилъ принципъ, въ силу котораго всякій человѣкъ, провозглашающій новое ученіе въ религіи, даже, когда онъ творитъ чудеса въ подтвержденіе своего ученія, долженъ быть побитъ камнями, безъ всякаго суда [1261]). Конечно, и въ языческомъ мірѣ тоже бывали насилія по поводу религіозныхъ вопросовъ. Но если бы у язычниковъ существовалъ подобный законъ, какимъ образомъ они могли бы принять христіанство? Пятикнижіе, слѣдовательно, являлось первымъ кодексомъ религіознаго террора. Іудаизмъ далъ примѣръ несокрушимаго догмата, вооруженнаго мечомъ. Если бы христіанство, вмѣсто того, чтобы съ слѣпой ненавистью преслѣдовать іудеевъ, отмѣнило только законъ, убившій Іисуса, оно было бы гораздо послѣдовательнѣе, гораздо болѣе заслуживало-бы признательности человѣчества.

ГЛАВА XXV.

Смерть Іисуса.

Хотя дѣйствительный мотивъ смерти Іисуса былъ чисто религіозный, но его враги предпочли объявить его въ преторіи виновнымъ въ государственномъ преступленіи; иначе имъ не удалось бы добиться отъ скептическаго Пилата утвержденія приговора къ казни за ученіе, противное ихъ вѣрѣ. Поэтому священники заставили народъ потребовать для Іисуса распятія на крестѣ. Такая казнь не была чисто іудейской; если бы казнь Іисуса совершалась по закону Моисея, то онъ былъ бы побитъ камнями [1262]).

Распятіе на крестѣ было римскимъ способомъ казни, примѣнявшимся въ отношеніи рабовъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда къ казни хотѣли прибавить еще и позоръ.

Примѣняя этотъ видъ казни къ Іисусу, съ нимъ поступали, какъ съ разбойникомъ, грабителемъ или какъ съ преступникомъ изъ черни, которыхъ римляне не желали удостоить смерти отъ меча [1263]). Въ лицѣ Іисуса казнили химерическаго «царя Іудейскаго», а не догматика ложнаго ученія. Поэтому и исполненіе казни было предоставлено римлянамъ. Въ то время у римлянъ воины,—по крайней мѣрѣ, въ случаѣ казней политическаго характера, — исполняли должность палачей [1264]). Іисусъ былъ отданъ отряду наемнаго войска, управляемаго центуріономъ [1265]), и долженъ былъ испытать всѣ страшныя муки, введенныя жестокими нравами новыхъ завоевателей. Было около полудня [1266]). Его опять одѣли въ собственныя одежды, которыя съ него сняли, когда выводили на позорище. У когорты уже имѣлись два разбойника, приговоренные къ смерти; всѣхъ троихъ осужденныхъ соединили, и процессія направилась къ мѣсту казни.

Это мѣсто называлось Голгоѳой; оно было расположено за Іерусалимомъ, но вблизи отъ городскихъ стѣнъ [1267]). Слово «Голгоѳа» значитъ «черепъ»; оно соотвѣтсвуетъ французскому слову *«плѣшь»*, и обозначало, вѣроятно, лишенный растительности холмъ, напоминающій голый черепъ. Въ точности неизвѣстно мѣстоположеніе этого холма. Вѣроятно, онъ лежалъ къ сѣверу или сѣверо-западу города, на неровномъ высокомъ плоскогоріи, которое было расположено между стѣнами города и двумя долинами, Кедрономъ и Гинномомъ [1268]), въ мѣстѣ очень непривлекательномъ, и еще болѣе непріятномъ отъ сосѣдства съ большимъ городомъ. Поэтому нѣтъ основанія думать, что Голгоѳа находится въ томъ мѣстѣ, которое христіанство, со временъ Константина, считаетъ за таковое [1269]). Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ достаточныхъ основаній для того, чтобы поколебать въ этомъ отношеніи воспоминанія христіанъ [1270]).

Приговоренный къ распятію долженъ былъ самъ нести орудіе своей казни[1271]). Іисусъ, будучи болѣе слабаго тѣлосложенія, чѣмъ остальные двое осужденныхъ, не могъ донести своего креста. На встрѣчу процессіи шелъ какой-то Симонъ изъ Киренеи, который возвращался съ поля, и съ грубостью, свойственной чужеземнымъ войскамъ, отрядъ заставилъ его нести роковой крестъ. Быть можетъ, они (воины) въ данномъ случаѣ воспользовались своимъ правомъ на принудительный трудъ, такъ какъ сами римляне не могли взять на себя доставку позорнаго креста. Симонъ впослѣдствіи вступилъ, какъ кажется, въ христіанскую общину. Его два сына, Александръ и Руфъ [1272]), были тамъ очень извѣстны. Симонъ, можетъ быть, и разсказалъ о многихъ подробностяхъ смерти Іисуса, свидѣтелемъ которой онъ былъ. Никого изъ учениковъ не было возлѣ него въ тотъ моментъ [1273]).

Наконецъ, прибыли на мѣсто казни. По іудейскому обычаю, осужденнымъ предлагали выпить вина, приправленнаго благовоніями,—опьяняющій напитокъ, который давали осужденному изъ состраданія, чтобы его одурманить[1274]). Повидимому, женщины Іерусалима сами приносили это вино несчастнымъ, которыхъ вели на казнь, въ ихъ послѣдній часъ; если же ни одна изъ женщинъ не являлась, то вино покупали на общественный счетъ[1275]). Іисусъ, прикоснувшись губами къ чашѣ, отказался пить[1276]). Въ этомъ печальномъ облегченіи обык
*онвенныхъ преступ*никовъ не нуждалась его высокая душа.
Онъ предпочелъ разстаться съ жизнью при ясномъ сознаніи,

ожидая и призывая желанную смерть. Тогда съ него сняли одежды[1277]) и пригвоздили его къ кресту. Крестъ состоялъ изъ двухъ перекладинъ, соединенныхъ въ формѣ буквы Т[1278]).

Крестъ былъ не очень высокъ, такъ что ноги осужденнаго почти касались земли[1279]). Прежде всего крестъ устанавливали[1280]), затѣмъ прибивали къ нему осужденнаго, вколачивая гвозди въ руки. Ноги иногда тоже пригвождали, иногда же только привязывали веревками[1281]). Къ кресту, у середины его, прибивался деревянный брусокъ, который проходилъ между ногами осужденнаго, служа для нихъ опорой[1282]). Безъ этой опоры отъ тяжести тѣла перервались бы руки, и тѣло оборвалось бы[1283]). Иногда же на высотѣ ногъ прибивалась для опоры горизонтальная дощечка[1284]).

Іисусъ испыталъ до конца всѣ эти жестокіе ужасы. Два разбойника были распяты по обѣ стороны отъ него. Воины, которымъ оставляли обыкновенно одежду[1285]) (pannicularia), подѣлили по жребію[1286]) эту одежду и, сидя у подножія креста, стерегли его[1287]). Согласно преданію, Іисусъ произнесъ слѣдующія слова: «Отче, прости имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ»[1288]). Но если и не на устахъ,—въ сердцѣ его навѣрное были эти слова. По римскому обычаю[1289]), на крестѣ, надъ головой казненнаго была прибита надпись на трехъ языкахъ:—еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ,—гласившая. «Царь іудейскій». Въ такой надписи звучало извѣстное презрѣніе къ еврейской націи, ироническое отношеніе къ ней. Многочисленные прохожіе, читавшіе ее, чувствовали себя оскорбленными. Священники обратили вниманіе Пилата на то, что надпись надо было бы измѣнить такъ, чтобы было ясно, что Іисусъ самъ такъ назвалъ себя. Но Пилатъ, котораго уже начало утомлять это дѣло, отказался измѣнить что-нибудь въ томъ, что написано[1290]).

Ученики Іисуса бѣжали[1291]). Но одно преданіе гласитъ, что Іоаннъ долго оставался у подножія креста[1292]). Съ большей вѣроятностью можно утверждать, что его вѣрныя подруги изъ Галилеи, которыя послѣдовали за нимъ въ Іерусалимъ и продолжали ему услуживать, не покидали его. Марія Клеопа, Марія изъ Магдалы, Іоанна изъ Кузы, Саломея и нѣкоторыя другія стояли въ отдаленіи[1293]) и не сводили съ него глазъ[1294]). Если вѣрить четвертому Евангелію[1295]), Марія, мать Іисуса, тоже находилась у подножія креста, и Іисусъ, видя вмѣстѣ свою мать и своего дорогого ученика, сказалъ ему: «*Вотъ твоя мать*», а ей: «Вотъ твой сынъ»[1296]). Но тогда непонятно

какимъ образомъ синоптическіе евангелисты, называя другихъ женщинъ, не отмѣтили Маріи, присутствіе которой было такъ замѣчательно. Къ тому-же, высокая душа Іисуса едва-ли и была-бы способна тронуться личными чувствами въ тотъ моментъ, когда, уже весь поглощенный своимъ дѣломъ, онъ существовалъ лишь для человѣчества.

Кромѣ этой небольшой группы женщинъ, которыя издали утѣшали его взглядами, передъ Іисусомъ было только зрѣлище человѣческой низости и тупости. Проходящіе оскорбляли его. Вокругъ него раздавались глупыя насмѣшки, и его крики отчаянія обращали въ отвратительную игру словъ. «А, вотъ тотъ, кто называлъ себя сыномъ Божіимъ! Пусть же его Отецъ избавитъ его, если онъ угоденъ ему».—«Другихъ спасалъ, а самого себя не можетъ спасти», говорили другіе. «Если онъ царь Израилевъ, то пусть сойдетъ съ креста, и мы увѣруемъ въ него»! Нѣкоторыя говорили: «разрушающій храмъ и въ три дня созидающій», спаси себя самого! Посмотримъ!»[1297]).

Нѣкоторые, смутно знакомые съ его апокалипсическими вѣрованіями, полагали, что онъ призываетъ Илію, и говорили: «Посмотримъ, придетъ-ли Илія спасти его». Повидимому, и распятые рядомъ разбойники также поносили его[1298]). Небо было мрачное[1299]); земля, какъ во всѣхъ окрестностяхъ Іерусалима, была суха и угрюма. По нѣкоторымъ разсказамъ, былъ моментъ, когда силы ему измѣнили; тучей затуманилось предъ нимъ лицо Его Отца; Его охватило смертельное отчаяніе, въ тысячу разъ ужаснѣе всѣхъ физическихъ мученій. Предъ нимъ открылась людская неблагодарность; онъ, быть можетъ, раскаявался въ томъ, что пострадалъ ради ничтожнаго жалкаго народа, и онъ воскликнулъ: «Боже мой, Боже мой, почто ты меня оставилъ?» Но божественная воля одержала верхъ. По мѣрѣ того, какъ угасала жизнь тѣла, его душа прояснялась и возвращалась мало-по-малу къ своему небесному началу.

Онъ вновь восчувствовалъ значеніе своей миссіи; онъ видѣлъ въ своей смерти спасеніе міра. Отвратительное зрѣлище, происходившее у ногъ его, уже не касалось его, и въ глубокомъ единеніи со своимъ Отцомъ, онъ началъ на крестѣ ту божественную жизнь, которая отнынѣ отведена ему въ сердцѣ человѣческомъ на вѣчныя времена.

Особенная жестокость казни распятіемъ заключалась въ *томъ, что въ этомъ* ужасномъ состояніи можно было прожить *три или четыре* дня[1300]). Кровотеченіе изъ ранъ на рукахъ

быстро останавливалось и не было смертельно. Истинная причина смерти состояла въ неественномъ положеніи тѣла, которое нарушало правильное кровообращеніе, вызывало ужасныя боли въ головѣ и сердцѣ, и наконецъ, одеревенѣлости членовъ. Распятые на крестѣ съ крѣпкимъ организмомъ въ состояніи были спать и умирали только отъ голоду [1301]). Первоначальный смыслъ этой жестокой казни состоялъ въ томъ, чтобы не убивать сразу осужденнаго раба причиненіемъ какихъ-нибудь поврежденій, но выставить его на позоръ, пригвоздивъ за руки, которыми онъ не сумѣлъ хорошо воспользоваться, и оставить его гнить на деревѣ. Нѣжная организація Іисуса спасла его отъ этой медленной агоніи. Его мучила сильная жажда, одна изъ пытокъ, сопровождающая распятіе[1302]), какъ и прочіе виды казни, которые вызываютъ обильное кровотеченіе. Онъ попросилъ пить. Возлѣ находился сосудъ съ обычнымъ напиткомъ римскихъ воиновъ, представляющимъ смѣсь уксуса и воды, называемымъ «posca». Воины должны были носить съ собой эту «posca» во всѣхъ экспедиціяхъ[1303]), въ томъ числѣ и при исполненіи казней. Одинъ изъ воиновъ намочилъ губку[1304]) въ этомъ питьѣ, надѣлъ ее на трость и поднесъ къ губамъ Іисуса, который пососалъ ее[1305]). На Востокѣ полагаютъ, что, давая пить распятымъ или посаженнымъ на колъ, тѣмъ самымъ ускоряютъ ихъ смерть[1306]). Многіе полагали, что Іисусъ испустилъ духъ тотчасъ же какъ выпилъ уксуса[1307]). Гораздо болѣе вѣроятно, что параличъ сердца или мгновенный разрывъ одного изъ сосудовъ въ области сердца, причинилъ ему, черезъ три часа, внезапную смерть. За нѣсколько минутъ до смерти голосъ его еще твердо звучалъ[1308]). Вдругъ онъ испустилъ ужасный крикъ[1309]), въ которомъ нѣкоторые разобрали: «Отче, въ руки Твои отдаю духъ мой». Другіе же, болѣе сосредоточенные мыслью на исполненіи пророчествъ, уловили одно слово: «Свершилось!» Голова его склонилась на грудь. Онъ испустилъ духъ.

Покойся отнынѣ въ своей славѣ, благородный учитель! Твое дѣло кончено; твоя божественность установлена. Не опасайся, что созданное твоими усиліями можетъ погибнуть отъ какихъ-либо ошибокъ. Отнынѣ, недоступный нападеніямъ суетнаго міра, ты будешь взирать, съ высоты божественнаго покоя, на безконечныя послѣдствія твоихъ дѣлъ. Цѣною нѣсколькихъ часовъ страданій, которыя даже не задѣли твоей великой души, ты купишь себѣ полное безсмертіе. Въ теченіе тысячелѣтій

міръ будетъ вдохновляться тобой. Знамя нашихъ противорѣчій, ты будешь символомъ, вокругъ котораго произойдетъ самая пламенная битва. Въ тысячу разъ болѣе могущественный и болѣе любимый послѣ смерти, чѣмъ во время твоего земного бытія, ты сдѣлаешься однимъ именемъ своимъ краеугольнымъ камнемъ вселенной. Исторгнуть его—значило бы потрясти основы вселенной. Между тобой и Богомъ не будетъ различія. Одержавшій побѣду надъ самой смертью, владѣй своимъ царствомъ, въ которое пойдутъ за тобой во вѣки вѣчные, по начертанному тобой царственному пути, твои поклонники.

ГЛАВА XXVI.

Іисусъ въ гробницѣ.

Было около трехъ часовъ пополудни, по нашему счету [1310]), когда Іисусъ испустилъ духъ. По іудейскому закону [1311]), запрещалось оставлять трупъ на крестѣ позже вечера того дня, въ который совершалась казнь. Мало вѣроятно, чтобы римляне, при исполненіи казней, руководились этимъ правиломъ. Но такъ какъ на слѣдующій день была суббота, то іудеи выразили римскимъ властямъ [1312]) желаніе, чтобы этотъ день не омрачался подобнымъ зрѣлищемъ [1313]). Ихъ просьба была исполнена; былъ отданъ приказъ объ ускореніи смерти трехъ осужденныхъ и о снятіи ихъ съ креста. Воины исполнили это распоряженіе, примѣнивъ къ двумъ разбойникамъ вторую казнь, болѣе скорую, чѣмъ распятіе, crurifragium—раздробленіе голеней [1314]), обычную казнь рабовъ и военно-плѣнниковъ. Іисуса они уже нашли мертвымъ и не сочли нужнымъ раздроблять ему голеней [1315]). Только одинъ изъ нихъ, чтобы уничтожить всякое сомнѣніе въ дѣйствительной смерти Іисуса и прикончить его, если бы онъ еще дышалъ, проткнулъ его копьемъ [1316]). Всѣмъ показалось, что изъ раны потекла кровь съ водой [1317]), что сочли признакомъ прекращенія жизни. Четвертый евангелистъ, — согласно которому апостолъ Іоаннъ присутствовалъ при этомъ въ качествѣ свидѣтеля-очевидца, — настаиваетъ на этой подробности [1318]). Очевидно, возникали сомнѣнія въ дѣйствительной смерти Іисуса. Нѣсколько часовъ висѣнія на крестѣ казались недостаточными для смерти этимъ привыкшимъ къ казнямъ людямъ. Называли много случаевъ, при которыхъ распятые во время снятія съ креста, *возвращались къ жизни* энергичнымъ леченіемъ [1319]). Оригенъ впо-

слѣдствіи объяснялъ чудомъ такую быструю смерть [1320]). То же удивленіе чувствуется и въ разсказѣ Марка [1321]). Собственно говоря, лучшей гарантіей для историка въ этомъ вопросѣ являются ненависть и подозрительность враговъ Іисуса.

Вопросъ о томъ, боялись ли уже іудеи въ то время воскресенія Іисуса, подлежитъ большому сомнѣнію; но во всякомъ случаѣ, они должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы онъ былъ дѣйствительно мертвъ. Какова бы ни была въ нѣкоторыя эпохи небрежность древнихъ къ законной точности и строгому веденію дѣлъ, нельзя допустить, что бы въ данномъ случаѣ, заинтересованныя лица не предприняли какихъ-нибудь мѣръ предосторожности въ вопросѣ, который былъ такъ важенъ для нихъ [1322]).

По римскому обычаю, трупъ Іисуса долженъ былъ остаться висѣть, чтобы сдѣлаться добычей птицъ [1323]). По іудейскому закону, его должны были снять вечеромъ, чтобы отправить на позорное мѣсто, предназначенное для погребенія казненныхъ [1324]). Если бы Іисусъ имѣлъ среди своихъ учениковъ только бѣдныхъ и робкихъ галилеянъ, не имѣвшихъ никакого вліянія, оно бы такъ и случилось. Но мы видѣли, что Іисусъ, несмотря на свой неуспѣхъ въ Іерусалимѣ, пріобрѣлъ симпатіи нѣкоторыхъ видныхъ лицъ, которыя ждали царства Божія и которыя, не признавая себя открыто его учениками, питали къ нему втайнѣ сильную привязанность. Одинъ изъ нихъ, Іосифъ, изъ маленькаго города Аримаѳеи (Haramathaim) [1325]), отправился вечеромъ къ прокуратору просить у него тѣло Іисуса [1326]). Іосифъ былъ богатый и уважаемый человѣкъ, членъ Синедріона. Римскій законъ въ то время разрѣшалъ, впрочемъ, выдавать трупы казненныхъ тѣмъ, кто потребуетъ [1327]). Пилатъ, не знавшій случая съ crurifragium, удивился, что Іисусъ такъ скоро умеръ, и потребовалъ центуріона, распоряжавшагося казнью, чтобы узнать, какъ было дѣло. Получивъ удостовѣреніе центуріона въ смерти Іисуса, Пилатъ согласился удовлетворить просьбу Іосифа. Тѣло, вѣроятно, уже было снято съ креста. Его выдали Іосифу, въ его распоряженіе.

Другой тайный другъ, Никодимъ [1328]), который какъ мы видѣли, уже употреблялъ свое вліяніе въ пользу Іисуса, тоже оказался тамъ въ тотъ моментъ. Онъ явился, неся съ собой обильный запасъ веществъ, необходимыхъ для бальзамированія, *Іосифъ и Никодимъ* приготовили тѣло Іисуса къ погребенію *по іудейскому обычаю*, т. е. завернули его въ саванъ съ мир-

рой и алоэ. Тутъ же присутствовали женщины изъ Галилеи [1329]), которыя испускали, безъ сомнѣнія, вопли и крики горя.

Уже было поздно и все это дѣлалось очень поспѣшно. Для погребенія Іисуса еще не было выбрано окончательно мѣсто. Переносъ тѣла, впрочемъ, могъ продлиться до поздняго часа и повлечь за собой нарушеніе субботы; ученики еще добросовѣстно исполняли предписанія іудейскаго закона. Они рѣшили похоронить его во временной гробницѣ [1330]). Неподалеку въ саду находилась гробница, недавно высѣченная въ скалѣ и еще никогда не бывшая въ употребленіи. Она, вѣроятно, принадлежала кому-нибудь изъ его послѣдователей [1331]). Погребальныя пещеры, предназначенныя только для одного трупа, представляли маленькое помѣщеніе, въ глубинѣ котораго устраивалось въ видѣ выступа въ стѣнѣ мѣсто для тѣла [1332]).

Такъ какъ гротъ былъ высѣченъ съ пологой стороны стѣны скалы, то въ него и входили прямо; дверь закрывалась при помощи тяжелаго камня.

Іисуса помѣстили въ такой пещерѣ [1333]), заложили камнемъ дверь, и рѣшили придти снова, чтобы совершитъ полное погребеніе. Но на завтра была священная суббота и погребеніе было отложено на послѣзавтра [1334]).

Женщины тоже ушли послѣ того, какъ внимательно осмотрѣли, какъ уложено тѣло. Оставшіеся до вечера часы они употребили для приготовленій къ бальзамированію. Въ субботу всѣ отдыхали [1335]).

Въ воскресенье рано утромъ женщины пришли къ гробу [1336]).

Марія изъ Магдалы явилась первая. Камень былъ отваленъ отъ двери, тѣла Іисуса тоже не нашли въ томъ мѣстѣ, гдѣ его положили. Въ то же время самые странные слухи распространялись въ христіанской общинѣ. Крикъ: «Онъ воскресъ!» какъ молнія облетѣлъ всѣхъ учениковъ. Любовь къ Іисусу обезпечивала вѣрный успѣхъ этой вѣсти. Что же случилось? При изученіи исторіи апостоловъ, мы могли бы разсмотрѣть это явленіе и изслѣдовать первоначальныя преданія, относящіеся къ вопросу о воскресеніи. Для историка же жизнь Іисуса кончается съ его послѣднимъ вздохомъ. Но слѣдъ, оставленный Іисусомъ въ сердцахъ его учениковъ и преданныхъ друзей, былъ такъ значителенъ, что еще въ теченіе многихъ недѣль онъ какъ бы жилъ съ ними и являлся для нихъ утѣшителемъ. Кто же унесъ *его тѣло?* [1337]).

При какихъ условіяхъ легковѣрный энтузіазмъ породилъ

эту массу преданій, по которымъ можно судить о вѣрѣ въ воскресеніе Іисуса? Этого мы никогда не узнаемъ, вслѣдствіе противорѣчивости документовъ. Скажемъ только, что пылкое воображеніе Маріи Магдалы [1338]) играло здѣсь не послѣднюю роль [1339]). Божественная сила любви! Священные моменты, когда страсть галлюцинирующей женщины даетъ міру воскресшаго Бога!

ГЛАВА XXVII.

Судьба враговъ Іисуса.

По счисленію, принятому нами, смерть Іисуса приходится на 33 годъ нашей эры [1340]). Во всякомъ случаѣ, она не могла послѣдовать раньше 29 года, такъ какъ проповѣдь Іоанна и Іисуса началась въ 28 году [1341]) и не позже 35 года, такъ какъ въ 36 году и, кажется, передъ Пасхой, Пилатъ и Каіафа потеряли свои мѣста [1342]).

Впрочемъ, смерть Іисуса не имѣла никакого отношенія къ ихъ смѣщенію [1343]). Покидая должность, Пилатъ, вѣроятно, ни на мгновеніе не вспомнилъ объ эпизодѣ, благодаря которому печальная слава о немъ передалась самому отдаленному потомству. Что касается Каіафы, то его преемникомъ былъ Іонаѳанъ, его шуринъ, сынъ того самаго Анны, который игралъ главную роль въ процессѣ Іисуса. Въ саддукейской семьѣ Анны еще долго переходило первосвященничество изъ рода въ родъ. Болѣе могущественная, чѣмъ когда-либо, эта семья не переставала вести съ учениками и семьей Іисуса ожесточенную войну, начатую съ самимъ Іисусомъ. Христіанство, которое было ей обязано окончательнымъ актомъ своего существованія, было ей также обязано своими первыми мучениками. Анна былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ людей своего вѣка [1344]). Истинный виновникъ смерти Іисуса, онъ кончилъ свою жизнь, окруженный почестями и уваженіемъ, ни на мгновеніе не сомнѣваясь, что онъ оказалъ большія услуги націи. Его сыновья продолжали царить среди *аристократіи храма*, съ большимъ трудомъ сдерживаемые *прокураторами и обходясь* много разъ и безъ ихъ согласія въ дѣлѣ по-

творства своимъ жестокимъ и высокомѣрнымъ инстинктамъ [1345]). Антипа и Иродіада тоже скоро сошли съ политической сцены.

Когда Иродъ Агриппа былъ возведенъ Калигулой въ царское достоинство, ревнивая Иродіада поклялась, что и она будетъ царицей. Подъ постояннымъ вліяніемъ этой честолюбивой женщины, которая считала его трусомъ за то, что онъ терпѣлъ старшаго въ родѣ, Антипа преодолѣлъ свою природную лѣность и отправился въ Римъ, чтобы добиться такого же титула, какой получилъ его племянникъ (въ 39 году нашей эры). Но дѣло приняло очень плохой оборотъ. Очерненный Иродомъ Агриппой въ глазахъ императора, Антипа былъ низложенъ, и остатокъ своей жизни влачилъ существованіе изгнанника, переѣзжая то въ Ліонъ, то въ Испанію. Иродіада раздѣлила съ нимъ эту опалу [1346]). Прошло, по меньшей мѣрѣ, сто лѣтъ, прежде чѣмъ до этихъ отдаленныхъ странъ дошло имя неизвѣстнаго подданнаго, ставшаго Богомъ, и напомнило надъ могилами этихъ людей объ убійствѣ Іоанна Крестителя.

Что касается несчастнаго Іуды изъ Keріота, то по поводу его смерти ходили страшныя легенды. Увѣряли, что цѣной своего предательства онъ купилъ поле въ окрестностяхъ Іерусалима. Дѣйствительно, къ югу отъ Сіона, существовало мѣсто, называемое Hakeldamma [1347]) (поле крови). Полагали, что это и была собственность, пріобрѣтенная предателемъ [1348]). По одному изъ преданій, онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ [1349]). По другому преданію, онъ упалъ въ полѣ и при этомъ выпали на землю его внутренности [1350]). Существуетъ еще преданіе, по которому онъ умеръ отъ водянки, сопровождавшейся такими отвратительными явленіями, что ее считали небесной карой [1351]). Въ основѣ этихъ легендъ лежало желаніе представить въ образѣ Іуды подобіе Ахитофеля [1352]) и показать на немъ, какъ исполняются угрозы, высказанныя Псалмопѣвцемъ по отношенію къ одному вѣроломному другу [1353]). Быть можетъ, Іуда, уединившись на своемъ полѣ «Hakeldamma», велъ мирную жизнь, въ то время, какъ старые друзья подготовляли завоеваніе міра и распространяли въ немъ слухъ объ его позорѣ. Быть можетъ также, страшная ненависть, тяготѣвшая надъ нимъ, принудила его къ крайности, въ которой видѣли перстъ Божій.

Но эпоха великой христіанской мести еще не наступила. Новая секта не имѣла отношенія къ той катастрофѣ, которую

іудаизму пришлось вскорѣ испытать на себѣ. Синагога только гораздо позже поняла, какой опасности она подвергается, примѣняя законъ о нетерпимости. Конечно, Имперія была еще болѣе далека отъ подозрѣнія, что уже народился ея будущій разрушитель. Еще около трехсотъ лѣтъ она шла своею дорогой, не подозрѣвая, что рядомъ съ ней выростаютъ новые принципы, предназначенные для полнаго преобразованія человѣчества. Брошенная въ міръ идея Іисуса—теократическая и демократическая въ одно и то же время,—вмѣстѣ съ нашествіемъ германцевъ, послужила одной изъ наиболѣе активныхъ причинъ распаденія созданія Цезарей. Съ одной стороны, было провозглашено право всѣхъ людей принять участіе въ царствѣ Божіемъ. Съ другой стороны—религія, въ принципѣ, отдѣлилась отъ государства. Права совѣсти, неподвластныя политическому закону, создаютъ новую силу—«власть духа»; эта власть много разъ уклонялась отъ своего первоначальнаго значенія. Впродолженіи вѣковъ епископы были князьями, а папа королемъ. Это мнимое господство духа неоднократно проявляло себя въ видѣ ужасной тираніи, прибѣгавшей для своего поддержанія къ пыткамъ и кострамъ. Но наступитъ день, когда отдѣленіе церкви отъ государства принесетъ свои плоды, когда господство въ области духа будетъ называться не «властью», а «свободой». Христіанство, созданное идеей человѣка изъ народа, развивавшееся предъ народомъ, любимое и почитаемое прежде всего народомъ, носило на себѣ оригинальный отпечатокъ, который не изгладится никогда. Это было первое торжество революціи, побѣда народнаго чувства, выступленіе смиренныхъ сердцемъ, праздникъ добра, какъ его понимаетъ народъ Такимъ образомъ, Іисусъ пробилъ брешь въ аристократическихъ сферахъ древняго міра, чрезъ которую открылся выходъ.

Гражданская власть, хотя и неповинная въ смерти Іисуса (она только подписала приговоръ, и то противъ воли) должна была нести эту тяжелую отвѣтственность. Въ лицѣ начальства, въ сценѣ на Голгоѳѣ, государство нанесло себѣ самый тяжелый ударъ. Легенда, полная всякаго рода непочтительности, одержала верхъ и обѣжала весь свѣтъ: въ этой легендѣ установленныя власти играютъ гнусную роль, обвиняемый является правымъ, судьи и полицейскія власти образуютъ сообщество, направленное противъ истины. Глубоко возмутительная *исторія* Страстей, распространенная въ тысячахъ *популярныхъ образовъ*, показываетъ, какъ римскіе орлы дали

свою санкцію одной изъ самыхъ несправедливыхъ казней; какъ воины привели ее въ исполненіе, какъ префектъ отдалъ приказаніе ее совершить. Какой это ударъ всѣмъ установленнымъ властямъ! Имъ никогда уже не возстановить себя. Какъ можно требовать отъ бѣдныхъ людей признанія и непогрѣшимость тѣхъ, на чьей совѣсти лежитъ великая Геѳсиманская ошибка? [1354])

ГЛАВА XXVIII.

Основной характеръ дѣла Іисуса.

Какъ мы видѣли, Іисусъ никогда не распространялъ своей дѣятельности за предѣлы іудаизма. Хотя его симпатія ко всѣмъ презираемымъ ортодоксіей и побудила его допустить язычниковъ въ царство Божіе, хотя онъ неоднократно жилъ среди язычниковъ, и хотя разъ или два сказалось его благосклонное отношеніе къ нимъ [1355]),—все же можно сказать, что вся его жизнь протекала въ маленькомъ тѣсно замкнутомъ міркѣ, въ которомъ онъ родился. Въ греческихъ и римскихъ странахъ о немъ и не слыхали. Лишь спустя сто лѣтъ, его имя встрѣчается у свѣтскихъ писателей, и то лишь косвенно, по поводу мятежныхъ волненій, вызванныхъ его ученіемъ или по поводу преслѣдованій, которымъ подверглись его ученики [1356]). Даже въ нѣдрахъ іудаизма Іисусъ не оставилъ продолжительнаго впечатлѣнія. Филонъ, умершій въ 50 году, не подозрѣвалъ о немъ. Іосифъ, родившійся въ 37 году и писавшій въ концѣ столѣтія, упоминаетъ о его казни въ нѣсколькихъ строчкахъ [1357]), какъ о фактѣ второстепенной важности; перечисляя секты своего времени, онъ даже опускаетъ христіанъ [1358]). Юстъ Тиверіадскій, историкъ современный Іосифу, не упоминаетъ объ Іисусѣ [1359]). Съ другой стороны, въ *Мишнѣ* мы не находимъ слѣдовъ новаго ученія; мѣста въ двухъ *Гемарахъ*, гдѣ основатель христіанства названъ по имени, не могли быть редактированы раньше IV или V вѣковъ [1360]).

Сущность дѣла Іисуса заключалась въ томъ, чтобы собрать вокругъ себя группу учениковъ, которымъ онъ внушилъ безграничную привязанность и въ души которыхъ онъ заронилъ *сѣмя своего ученія*. Заставить себя полюбить «такъ сильно

что его не переставали любить и послѣ смерти»,—вотъ въ чемъ великое дѣло Іисуса, что болѣе всего поражало его современниковъ [1361]). Въ ученіи его было такъ мало догматическаго, что онъ ни разу не подумалъ о томъ, чтобы записать его, или поручить это другимъ. Каждый дѣлался его ученикомъ не потому, что вѣрилъ въ то или другое, но потому, что привязывался къ его личности и любилъ его. Все, что осталось отъ него—это нѣсколько изреченій, собранныхъ по памяти его слушателями, и, главнымъ образомъ, его моральный обликъ и произведенное имъ впечатлѣніе. Іисусъ не былъ основателемъ догмы, творцомъ символовъ; онъ былъ иниціаторомъ міра, проникнутаго новымъ духомъ. Менѣе всего были христіанами, съ одной стороны—учителя греческой церкви, которые, начиная съ IV вѣка, толкали христіанство на путь наивныхъ метафизическихъ споровъ, съ другой стороны—латинскіе схоластики среднихъ вѣковъ, стремившіеся извлечь изъ Евангелія тысячи пунктовъ одной колоссальной «Соммы». Быть христіаниномъ—значило въ первыя времена примкнуть къ Іисусу, чтобы удостоиться Царства Божія.

Такимъ образомъ становится понятнымъ, какъ чистое христіанство, благодаря своей исключительной судьбѣ, еще и теперь, въ концѣ XVIII столѣтія, сохраняетъ характеръ всемірной и вѣчной религіи. Это потому, что религія Іисуса во многихъ отношеніяхъ является дѣйствительно законченной. Христіанство, какъ результатъ совершенно непосредственнаго духовнаго развитія, отрѣшившись при самомъ возникновеніи отъ догматическихъ рамокъ, борясь въ теченіе трехъ столѣтій за свободу совѣсти, несмотря на послѣдующія паденія,—еще и теперь пожинаетъ плоды своего выдающагося происхожденія. Чтобы обновиться, ему достаточно вернуться къ Евангелію. Царство Божіе, какъ мы его понимаемъ, значительно разнится отъ сверхъестественнаго появленія въ облакахъ, которое надѣялись видѣть первые христіане. Но чувство, которое Іисусъ внесъ въ міръ, есть наше чувство. Его высокій идеализмъ есть высшій принципъ добродѣтельной и самоотверженной жизни. Онъ создалъ небо чистыхъ душъ, гдѣ находится то, чего тщетно ищутъ на землѣ: совершеннѣйшее благородство дѣтей Божіихъ, полную святость, полное отрѣшеніе отъ мірской грязи,—наконецъ, свободу, которую реальное общество считаетъ *невозможной*, и которая достигаетъ своей полноты только въ *области мысли*. Іисусъ же является великимъ учителемъ тѣхъ,

кто ищетъ прибѣжища въ этомъ идеальномъ раѣ. Онъ первый провозгласилъ царство духа, онъ первый возвѣстилъ, по крайней мѣрѣ, своими поступками: «Царство мое не отъ міра сего». Основаніе истинной религіи принадлежитъ, конечно, ему. Послѣ него остается лишь развивать ее и распространять.

Итакъ, «христіанство» стало почти синонимомъ «религіи». Все, что будетъ сдѣлано внѣ этой великой и прекрасной христіанской традиціи, останется безплоднымъ. Іисусъ создалъ религію въ человѣчествѣ, какъ Сократъ создалъ въ немъ философію, Аристотель—науку. Философія существовала и до Сократа, наука—до Аристотеля. Послѣ Сократа и Аристотеля философія и наука сдѣлали громадные успѣхи; но все это было построено на фундаментѣ, ими заложенномъ. Точно также, до Іисуса религіозная мысль претерпѣла много измѣненій, послѣ Іисуса она одержала великія побѣды; однако, человѣчество никогда не выходило и никогда не выйдетъ изъ основныхъ понятій, установленныхъ Іисусомъ: онъ навсегда установилъ способъ, посредствомъ котораго надо познавать чистый культъ. Религія Іисуса не имѣетъ границъ. У церкви были свои эпохи и фазы; она замкнулась въ символахъ, которые имѣли или будутъ имѣть лишь одну эпоху; Іисусъ же основалъ абсолютную религію, которая ничего не исключаетъ, ничего не опредѣляетъ, кромѣ чувства.

Напрасно было бы искать въ Евангеліи какую-нибудь теологическую подкладку. Всѣ вѣроисповѣданія представляютъ собой извращеніе идеи Іисуса: точно также, какъ схоластики среднихъ вѣковъ, объявляя Аристотеля единственнымъ творцомъ законченной науки, тѣмъ самымъ извращали мысль Аристотеля. Если бы Аристотель присутствовалъ при дебатахъ этой школы, онъ отвергъ бы ихъ узкое ученіе. Онъ былъ бы на сторонѣ прогрессивной партіи противъ рутины, прикрывавшейся его авторитетомъ; онъ апплодировалъ бы своимъ противникамъ. Точно также, еслибы между нами явился Іисусъ, онъ призналъ бы своими учениками не тѣхъ, кто стремится заключить его цѣликомъ въ нѣсколько фразъ катехизиса, но тѣхъ, кто работаетъ для продолженія его дѣла.

Во всѣхъ великихъ начинаніяхъ вѣчная слава принадлежитъ тому, кто заложитъ первый камень. Возможно, что въ руководствахъ физики и метеорологіи нашего времени не найдется ни *одного слова* изъ трактатовъ Аристотеля, *посвященныхъ этимъ наукамъ*; все-же Аристотель остается основателемъ

науки о природѣ. Каковы бы ни были измѣненія догмата, Іисусъ навсегда останется творцомъ религіи чистаго чувства; ничто не превзойдетъ нагорную проповѣдь. Никакая революція не заставитъ насъ уничтожить связь съ той великой интеллектуальной и моральной семьей, во главѣ которой сіяетъ имя Іисуса. Въ этомъ смыслѣ мы остаемся христіанами даже тогда, когда расходимся почти во всѣхъ пунктахъ съ предшествовавшимъ намъ христіанскимъ преданіемъ.

Это великое основаніе религіи было личнымъ дѣломъ Іисуса. Чтобы заставить себя обожать до такой степени, надо было быть достойнымъ обожанія. Любовь не является, если нѣтъ объекта, способнаго ее зажечь; и если бы мы не знали объ Іисусѣ ничего, кромѣ страстной любви, которую онъ внушалъ къ себѣ въ окружающихъ, мы и тогда должны были бы утверждать, что онъ былъ великъ и чистъ. Вѣра, энтузіазмъ, твердость перваго поколѣнія христіанъ можно объяснить только предположеніемъ, что все движеніе обязано своимъ происхожденіемъ человѣку съ титанической душой. Разсматривая чудесныя дѣла эпохи вѣры, мы наталкиваемся на два впечатлѣнія, одинаково роковыя для вѣрной исторической критики. Съ одной стороны, можно предположить, что эти дѣла безличны, и приписать коллективному дѣйствію то, что часто являлось дѣломъ личной могучей воли и сильнаго ума. Съ другой стороны, какъ-то отказываешься видѣть въ виновникахъ этихъ необычайныхъ движеній, рѣшавшихъ судьбу человѣчества, такихъ же людей, какъ мы. Но разсмотримъ силы, скрытыя въ природѣ человѣка, съ болѣе широкой точки зрѣнія. Наши цивилизаціи, управляемыя мелочно полицейской регламентаціей, не могутъ намъ дать никакого представленія о томъ, что значилъ человѣкъ въ то время, когда оригинальность каждаго имѣла полную возможность широко развиваться. Представимъ себѣ, что въ каменоломнѣ, по сосѣдству съ одной изъ нашихъ столицъ, живетъ отшельникъ, который время отъ времени является во дворцы государей, прорываясь сквозь стражу, и повелительнымъ тономъ сообщаетъ царю, что приближается революція, зачинщикомъ которой является онъ самъ. Одна мысль объ этомъ вызываетъ у насъ улыбку. Между тѣмъ, таковъ былъ пророкъ Илія. Илья Ѳезбитъ нашего времени не проникъ бы даже за ограду Тюльери. Проповѣдь Іисуса, его свободная дѣятельность въ Галилеѣ тоже не соотвѣтствуютъ соціальнымъ условіямъ, къ которымъ мы привыкли.

Не стѣсняемые нашей условной вѣжливостью, не получившіе однообразнаго воспитанія, дѣлающаго насъ болѣе утонченными, но въ то же время ограничивающими нашу индивидуальность, эти цѣльныя натуры вносили въ свою дѣятельность удивительную энергію. Они представляются намъ исполинами героической эпохи, не существовавшей въ дѣйствительности. Какое глубокое заблужденіе! Эти люди были нашими братьями; они были нашего роста, думали и чувствовали такъ же, какъ мы. Но дыханіе Бога свободно вѣяло на нихъ; у насъ же оно сковывается желѣзными цѣпями жалкаго общества, осужденнаго на безъисходную посредственность.

Поставимъ же личность Іисуса на высшую точку человѣческаго величія. Пусть насъ не вводитъ въ заблужденіе излишняя недовѣрчивость къ легендѣ, постоянно рисующей намъ міръ сверхъестественнаго. Жизнь Франциска Ассизскаго есть тоже сплошное сплетеніе чудесъ. А между тѣмъ, кто сомнѣвался когда-нибудь въ существованіи и роли Франциска Ассизскаго? Не будемъ утверждать, что слава основанія христіанства должна принадлежать толпѣ первыхъ христіанъ, а не тому, кого обожествила легенда. Неравенство людей гораздо болѣе замѣтно на Востокѣ, чѣмъ у насъ. Тамъ мы нерѣдко можемъ видѣть, какъ среди общей атмосферы злобы выростаютъ характеры, величіе которыхъ насъ поражаетъ. Іисусъ не только далеко не былъ созданіемъ своихъ учениковъ, онъ во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше ихъ. Его ученики, за исключеніемъ св. Павла и, быть можетъ, св. Іоанна, были люди, лишенные инціативы и генія. Даже святой Павелъ не выдерживаетъ никакого сравненія съ Іисусомъ; что же касается св. Іоанна, онъ въ своемъ Апокалипсисѣ только вдохновлялся поэзіей Іисуса. Отсюда огромное преимущество евангелій надъ всѣми книгами Новаго Завѣта. Отсюда то впечатлѣніе ужаснаго паденія, которое испытывается при переходѣ отъ исторіи Іисуса къ исторіи апостоловъ. Сами евангелисты, завѣщавшіе намъ образъ Іисуса, настолько ниже того, о комъ говорятъ, что безпрестанно искажаютъ его, не будучи въ состояніи подняться на одну съ нимъ высоту. Ихъ сочиненія полны заблужденій и противорѣчій. Въ каждой строчкѣ проглядываетъ оригиналъ божественной красоты, искажаемый редакторами, которые его не понимаютъ и подставляютъ свои собственныя мысли на мѣсто идей, только на половину доступныхъ ихъ пониманію. Въ общемъ, характеръ Іисуса далеко

не былъ прикрашенъ его біографами, которые, наоборотъ, скорѣе умаляли его достоинства. Чтобы представить его таковымъ, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности, критикѣ надо отбросить цѣлый рядъ недоразумѣній, явившихся слѣдствіемъ ограниченнаго ума его учениковъ. Послѣдніе представили его такъ, какъ понимали его сами, и часто, думая возвеличить его, на самомъ дѣлѣ только унижали.

Я знаю, что наши современные принципы часто оскорбляла эта легенда, созданная другой расой, подъ другимъ небомъ, среди другихъ соціальныхъ условій. Не всѣ добродѣтели одинаково соотвѣтствуютъ нашимъ вкусамъ. Честный и кроткій Маркъ Аврелій, смиренный и нѣжный Спиноза, не считая себя способными совершать чудеса, избѣгли поэтому нѣкоторыхъ заблужденій, которыя раздѣлялъ Іисусъ. Спиноза, при всей своей полной безвѣстности, обладалъ преимуществомъ, котораго Іисусъ не добивался. Крайней деликатностью въ выборѣ средствъ для убѣжденія, абсолютной искренностью и безкорыстной любовью къ чистой идеѣ,—всѣ мы, посвятившіе себя наукѣ, основали новый нравственный идеалъ. Но общая оцѣнка исторіи не должна ограничиваться критикой личныхъ заслугъ. Маркъ Аврелій и его благородные учителя прочнаго вліянія на міръ не имѣли. Маркъ Аврелій оставилъ послѣ себя превосходныя книги, порочнаго сына, приходящій въ упадокъ міръ. Іисусъ остается для человѣчества неизсякаемымъ источникомъ нравственнаго возрожденія. Большинство не удовлетворяется философіей; оно требуетъ святости. Аполлоній Тіанскій со своей чудесной легендой долженъ былъ имѣть больше успѣха, чѣмъ Сократъ съ его холоднымъ разумомъ. «Сократъ», говорили, «оставляетъ людей на землѣ, Аполлоній возноситъ ихъ къ небу. Сократъ только мудрецъ, Аполлоній—Богъ» [1362]). Никогда не существовало религіи, вплоть до нашихъ дней, безъ доли аскетизма, набожности, чудеснаго. Когда, послѣ Антоніевъ возникла мысль создать религію изъ философіи,—понадобилось превратить философовъ въ святыхъ, написать «Vie édifiante» Пиѳагора и Плотина, окружить ихъ легендой, добродѣтелью воздержанія и созерцательности, сверхъестественной силой,—безъ этого современное имъ человѣчество не признало бы ихъ авторитета. Не будемъ же искать исторію ради удовлетворенія требованій нашей мѣщанской щепетильности. Кто изъ насъ, пигмеевъ, могъ бы совершить то, что сдѣлали безумецъ Францискъ Ассизскій и истеричка св. Те-

реза? Пусть медицина знаетъ опредѣленныя названія для эхэти великихъ уклоненій человѣческой природы; пусть она утверждаетъ, что геній есть болѣзнь мозга; пусть она усматриваетъ въ извѣстной нравственной чуткости зародышъ этизіи; пусть она относитъ энтузіазмъ и любовь къ категоріи нервныхъ припадковъ—что намъ до этого? Понятія «здоровья» и «болѣзни» очень относительны. Кто не предпочелъ бы быть больнымъ Паскалемъ, чѣмъ здоровой посредственностью? Узкіе взгляды на душевную ненормальность, распространившіеся въ наше время, вносятъ самую серьезную путаницу въ нашу историческую критику этого рода. То состояніе духа, которое обуславливаетъ безсознательныя рѣчи, работу мысли, рожденной и направленной не волей,—способны обречь въ настоящее время человѣка, испытывающаго это состояніе, на удаленіе изъ общества, какъ галлюцинанта. Нѣкогда это называлось пророчествомъ и вдохновеніемъ. Все самое прекрасное въ мірѣ рождалось въ лихорадочномъ возбужденіи; всякій великій творческій актъ влечетъ за собой нарушеніе равновѣсія; разрѣшеніе отъ бремени есть, по закону природы, мучительно болѣзненное состояніе.

Мы признаемъ, разумѣется, что христіанство—дѣло слишкомъ сложное, чтобы могло быть создано однимъ человѣкомъ. Въ извѣстномъ смыслѣ,—въ созданіи его участвовало соединеннымъ трудомъ все человѣчество. Нѣтъ такого общества, какъ бы оно ни было замкнуто, куда не проникало бы дуновеніе вѣтра извнѣ. Исторія полна изумительныхъ синхронизмовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ различныхъ концахъ міра и не сообщаясь между собой люди одновременно создавали почти вполнѣ тождественныя идеи и представленія. Въ XIII вѣкѣ латины, греки, сирійцы, мусульмане создаютъ схоластику, одну и ту же, отъ Іорка до Самарканда; въ XIV вѣкѣ царитъ всеобщее увлеченіе мистическской аллегоріей—въ Италіи, въ Персіи, въ Индіи; въ XVI вѣкѣ искусство развивается почти въ одномъ и томъ же направленіи въ Италіи и при дворѣ Великихъ Моголовъ, несмотря на то, что св. Ѳома, Варевреусъ, нарбоннскіе раввины, багдадскіе *мотекаллемины* не знали другъ о другѣ,—несмотря на то, что Данте и Петрарка не видывали ни единаго *суфи*,—несмотря на то, что ни одинъ изъ учениковъ школъ Берузы и Флоренціи никогда не былъ въ Дели. Великія вліянія распространяются по свѣту, подобно *эпидеміи, не различающей* границъ и расъ. Обращеніе идей

среди человѣчества происходитъ не только путемъ книгъ или непосредственнаго обученія. Іисусъ даже не зналъ именъ Будды, Зороастры, Платона, не прочелъ ни одной буддійской *сутры*,—а между тѣмъ въ его ученіи есть много элементовъ буддизма, парсизма, греческой мудрости, чего онъ и не подозрѣвалъ. Все это сообщалось по таинственнымъ каналамъ и въ силу таинственной симпатіи, существующей между различными частями человѣчества. Великій человѣкъ, съ одной стороны, заимствуетъ все отъ своей эпохи, а съ другой—господствуетъ надъ ней. Доказать, что религія, основанная Іисусомъ, явилась естественнымъ слѣдствіемъ всего предшествовавшаго, отнюдь не значитъ умалить ея достоинство, это лишь значитъ доказать, что она была законной, т. е., соотвѣтствовала инстинктамъ и потребностямъ людей своего вѣка.

Развѣ болѣе справедливо сказать, что Іисусъ всѣмъ обязанъ іудаизму, что его величіе есть лишь величіе іудейскаго народа? Никто больше меня не расположенъ ставить высоко этотъ единственный народъ, который, кажется, получилъ особый даръ: совмѣщать въ себѣ всѣ крайности добра и зла. Безъ сомнѣнія, Іисусъ исходитъ изъ іудаизма, но онъ вышелъ изъ него, какъ Сократъ вышелъ изъ школы софистовъ, какъ Лютеръ изъ средневѣковья, какъ Ламеннэ изъ католицизма, Руссо—изъ XVIII вѣка. Человѣкъ всегда принадлежитъ своему вѣку и своей расѣ, даже тогда, когда протестуетъ противъ своего вѣка и своей расы. Іисусъ не только не продолжалъ іудаизма, но его дѣло именно и состоитъ въ разрывѣ съ еврейскимъ духомъ. Если даже допустить, что въ этомъ отношеніи мысль Іисуса даетъ поводъ къ недоразумѣнію, то общее направленіе христіанства послѣ него уничтожаетъ эти сомнѣнія. Христіанство все болѣе и болѣе удалялось отъ іудейства. Конечное совершенствованіе христіанства будетъ состоять въ возвращеніи къ Іисусу, а не къ іудаизму.

Такимъ образомъ, великая самобытность Іисуса, какъ основателя религіи, остается незыблемой; раздѣлить его славу не имѣетъ права ни одинъ участникъ. Благопріятныя обстоятельства сыграли, безспорно, видную роль въ дѣлѣ успѣха этой удивительной революціи; но обстоятельства помогаютъ только добрымъ и справедливымъ начинаніямъ. Всякая власть человѣческаго развитія, — искусство, поэзія, религія, — встрѣчаетъ, *на протяженіи* вѣковъ, благопріятную эпоху, когда она безъ *усилій достигаетъ* совершенства, въ силу своего рода само-

произвольнаго инстинкта. Никакая работа мысли не въ состояніи создать такого совершеннаго творенія, какія создаетъ въ подобные моменты природа при посредствѣ вдохновенія геніевъ. Эпоха Іисуса сдѣлала для религіи то, что сдѣлала цвѣтущая эпоха Греціи для искусства и свѣтской литературы. Іудейское общество представляло самое необычайное интеллектуальное и моральное состояніе, которое когда-либо встрѣчалось въ человѣчествѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ божественныхъ моментовъ, когда великія творенія рождаются сами собой, вслѣдствіе сплетенія тысячи скрытыхъ силъ, когда высокіе умы находятъ поддержку въ потокахъ восторга и симпатіи. Міръ, освободившись отъ тираніи маленькихъ городскихъ республикъ, пользовался большой свободой. Римскій деспотизмъ еще не успѣлъ проявить свое губительное вліяніе, — да и въ отдаленныхъ провинціяхъ онъ былъ гораздо менѣе ощутителенъ, чѣмъ въ центрѣ Имперіи. Наши мелкіе предразсудки, гораздо болѣе гибельные для духа, чѣмъ пытки, еще не существовали тогда. Въ теченіе трехъ лѣтъ Іисусъ велъ жизнь, за которую нашъ современный общественный строй уже сто разъ отдалъ бы его подъ судъ. Однихъ современныхъ законовъ о лѣченіи безъ соотвѣтствующихъ правъ было-бы достаточно, чтобы положить конецъ его карьерѣ. Съ другой стороны, династія Иродовъ, сначала невѣрующихъ, мало интересовалась религіознымъ движеніемъ. При Асмонеяхъ, Іисусъ былъ бы, вѣроятно, арестованъ въ самомъ началѣ своей дѣятельности. Всякій новаторъ, при такомъ состояніи общества, рисковалъ бы только смертью, а смерть для тѣхъ, кто работаетъ для будущаго, является желанной. Вообразите только, что Іисусъ долженъ былъ бы влачить бремя своей божественности до 60 или 70 лѣтъ, теряя мало-по-малу свой божественный огонь, изнашиваясь съ теченіемъ времени. Но избранникамъ судьбы все благопріятствуетъ. Они идутъ къ славѣ, подчиняясь непредолимому влеченію изнутри и роковому стеченію внѣшнихъ обстоятельствъ.

Эту возвышенную личность, которая и до сихъ поръ правитъ судьбами міра, позволительно назвать божественной; не въ томъ смыслѣ, что Іисусъ вмѣщалъ въ себѣ все божественное, или тождественъ божеству, а въ томъ смыслѣ, что Іисусъ заставилъ родъ человѣческій сдѣлать самый крупный шагъ на пути къ божественному.

Человѣчество представляетъ, въ общемъ, собраніе ничто

ныхъ существъ, эгоистичныхъ, какъ четвероногіе, и даже больше ихъ, потому, что эгоизмъ ихъ болѣе осмысленъ, чѣмъ у животныхъ. Но среди этой однообразной пошлости возвышаются къ небу столпы, свидѣтельствующіе о болѣе благородномъ назначеніи человѣка. Іисусъ самый высокій изъ всѣхъ этихъ столповъ, указывающихъ человѣку, откуда онъ происходитъ и куда онъ долженъ стремиться. Въ немъ объединилось все, что есть лучшаго и возвышеннаго въ человѣческой природѣ. Онъ не былъ безгрѣшенъ, но онъ умѣлъ побѣждать въ себѣ тѣ страсти, съ которыми мы боремся; никакой ангелъ божій не подкрѣплялъ его, кромѣ его собственной совѣсти; никакой демонъ не искушалъ его, кромѣ того, который живетъ въ сердцѣ каждаго человѣка. Какъ многія великія черты его потеряны для насъ, вслѣдствіе непониманія его учениковъ, — такъ остались, вѣроятно, скрытыми отъ насъ и многіе его недостатки. Но никто никогда не ставилъ широкіе интересы человѣчества до такой степени выше суетнаго міра, какъ ставилъ онъ. Въ беззавѣтной преданности идеѣ, онъ подчинилъ ей все до такой степени, что вселенная перестала существовать для него. Этими-то порывами героической воли онъ и завоевалъ небо. Міръ не знаетъ другого человѣка, за исключеніемъ, пожалуй, Сакія-Муни, который бы такъ беззавѣтно отрѣшался отъ радостей семьи, отъ всѣхъ наслажденій здѣшняго міра и всѣхъ его текущихъ заботъ. Онъ жилъ только своимъ Отцомъ, своимъ божественнымъ призваніемъ и убѣжденіемъ въ томъ, что онъ его выполнитъ.

Преклонимъ колѣна передъ этими полубогами, всѣ мы, дѣти міра, обреченные на безсиліе, на трудъ безъ пожинанія плодовъ, безъ возможности увидѣть всходы нами посѣяннаго. Имъ дано было то, что намъ не дано: творить, утверждать, дѣйствовать. Родится ли вновь когда-нибудь такая великая индивидуальность, или міръ удовлетворится отнынѣ тѣмъ, что будетъ слѣдовать по путямъ, проложеннымъ смѣлыми творцами древнихъ эпохъ? Мы не знаемъ этого.

Но какъ бы ни сложилось будущее,—Іисуса никто не превзойдетъ. Вѣчно-юнымъ останется культъ Іисуса; вѣчно будутъ вызывать слезы сказанія о немъ; вѣчно будутъ его страданія волновать лучшія сердца; во всѣ вѣка не будетъ среди сыновъ человѣческихъ болѣе великаго, чѣмъ Іисусъ.

———— —

Прибавленіе.

Замѣчанія о четвертомъ Евангеліи, какъ о матеріалахъ для жизнеописанія Іисуса.

Наибольшая трудность, которую приходится преодолѣвать историку Іисуса, состоитъ въ оцѣнкѣ источниковъ, на которые можетъ опереться его исторія. Съ одной стороны, возникаетъ вопросъ, какое значеніе могутъ имѣть, такъ называемыя, синоптическія Евангелія? Съ другой стороны, какъ пользоваться при составленіи біографіи Іисуса четвертымъ Евангеліемъ? Относительно первыхъ всѣ, кто работалъ надъ ними, согласно методу научной критики, сходятся въ самомъ главномъ. Синоптическія Евангелія представляютъ собой преданіе, довольно часто легендарное, первыхъ двухъ или трехъ поколѣній христіанъ о личности Іисуса. Это придаетъ значительную долю неувѣренности при пользованіи ими и принуждаетъ постоянно употреблять въ разсказѣ выраженія въ родѣ «Говорили, что...», «Нѣкоторые передаютъ»... и т. д. Но этого всего достаточно для того, чтобъ составить себѣ общее представленіе о личности основателя, о пріемахъ и общемъ характерѣ его проповѣдей, и даже представленіе о наиболѣе важныхъ событіяхъ его жизни. Составители жизнеописаній Іисуса, ограничивающіеся при составленіи ихъ одними синоптиками, расходятся другъ съ другомъ ничуть не больше, чѣмъ біографы Магомета, составляющіе его біографію на основаніи *хадиѳы*. Біографы арабскаго пророка могутъ различно оцѣнивать тотъ или иной анекдотъ о немъ, но всѣ они въ общемъ согласны относительно цѣнности хадиѳы; всѣ причисляютъ ее къ разряду легендъ и преданій, по-своему вѣрныхъ, но ни въ коемъ случаѣ не къ точнымъ историческимъ документамъ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Относительнов торого вопроса—я говорю о томъ, какъ можно пользоваться четвертымъ Евангеліемъ,--существуетъ разногласіе. Я лично пользовался этимъ документомъ съ безконечными оговорками и предосторожностями. По мнѣнію наиболѣе компетентныхъ въ этомъ вопросѣ людей, я совсѣмъ не долженъ былъ имъ пользоваться, за исключеніемъ быть можетъ XVIII и XIX главъ, содержащихъ разсказъ о Страстяхъ. Почти всѣ критическіе отзывы, сдѣланные по поводу моей работы, сходятся на этомъ. Я не былъ этимъ удивленъ, такъ какъ мнѣ было извѣстно то довольно отрицательное отношеніе къ историческому значенію четвертаго Евангелія, какое господствуетъ въ либеральныхъ школахъ богословія [1]). Возраженія со стороны столь опытныхъ людей побудили меня еще разъ пересмотрѣть свой взглядъ. Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, кто написалъ четвертое Евангеліе, я хочу лишь разсмотрѣть это Евангеліе по главамъ, какъ если бы предо мною лежалъ вновь открытый манускриптъ неизвѣстнаго автора. Отрѣшимся же отъ всякой предвзятой идеи и попытаемся разобраться въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія составятся у насъ при чтеніи этого страннаго произведенія.

§ 1. Начало Евангелія (I, 1—14) можетъ сразу же вызвать въ насъ самыя ужасныя подозрѣнія. Оно переноситъ насъ въ область чистѣйшаго апостольскаго богословія, не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ синоптическими Евангеліями и содержитъ идеи, безусловно не похожія на идеи Іисуса и его истинныхъ учениковъ. Прежде всего, уже съ самаго начала прологъ этотъ говоритъ намъ, что предъ нами не обыкновенный историческій разсказъ, ясный и безпристрастный, какъ напр. у Марка, что авторъ его придерживается опредѣленной богословской теоріи, что онъ хочетъ доказать опредѣленное положеніе, въ данномъ случаѣ, что Іисусъ—божественный logos (Слово). Итакъ, мы должны относиться ко всему этому съ большой осторожностью. Но слѣдуетъ ли, однако, отсюда, что мы должны отбросить эту книгу сейчасъ, на основаніи первой ея страницы, и видѣть въ этомъ 14 стихѣ [2]), гдѣ авторъ заявляетъ, что онъ свидѣтель событій жизни Іисуса, одинъ лишь обманъ?

Такой выводъ, думаю, былъ-бы слишкомъ поспѣшнымъ. Трудъ, полный богословскихъ тенденцій, можетъ заключать въ *себѣ и цѣнныя* историческія указанія. Вѣдь и синоптики писали *свои* произведенія съ неустаннымъ желаніемъ доказать,

что Іисусъ осуществилъ всѣ мессіанскія пророчества. Откажемся-ли мы поэтому искать историческую правду въ ихъ разсказахъ? Теорія logos'а (слова), столь подробно развитая въ разсматриваемомъ Евангеліи, еще недостаточное основаніе для того, чтобъ относить его къ срединѣ или концу II вѣка. Вѣра александровскаго богословія въ то, что Іисусъ—logos (Слово), возникла, должно быть, очень рано и вполнѣ логическимъ путемъ. Къ счастью, у основателя христіанства не было и тѣни подобной идеи. Но, уже начиная съ 68 г. его называютъ «Словомъ Божіимъ» [3]). Аполоній Александрійскій, имѣвшій, повидимому, сходство съ Филономъ, начинаетъ уже приблизительно съ 57 года слыть за новаго проповѣдника, излагающаго свое собственное ученье. Эти идеи находились въ полномъ соотвѣтствіи съ состояніемъ умовъ христіанской общины, которая утратила вѣру въ скорое пришествіе Іисуса изъ облаковъ, во образѣ Сына человѣческаго. Подобнаго-же рода переворотъ произошелъ, повидимому и въ убѣжденіяхъ св. Павла. Всѣмъ вѣдь извѣстно, какая разница между первыми посланіями этого апостола и послѣдними. Надежда на скорое пришествіе Христа, наполняющая, напр., оба посланія къ Өессалоникійцамъ, исчезаетъ у св. Павла подъ конецъ его жизни; и вотъ, апостолъ обращается къ фантазіямъ другого рода. Ученіе, которое чувствуется въ Посланіи къ Колоссянамъ, имѣетъ большое сходство съ ученіемъ четвертаго Евангелія. Въ этомъ Посланіи Іисусъ рисуется въ образѣ невидимаго Бога, существомъ, родившимся до всѣхъ твореній: черезъ него все было создано; онъ существовалъ до всѣхъ существъ: все держится имъ; въ немъ воплотилась тѣлесно и вся полнота Божества [4]). Не такимъ ли изображается «Слово» и у Филона? Мнѣ извѣстно, что посланіе къ Колоссянамъ не признается подлиннымъ на основаніи соображеній, на мой взглядъ, совсѣмъ недостаточныхъ. Такія перемѣны въ теоріяхъ, или скорѣе, въ стилѣ, вполнѣ допустимы у людей того времени, къ тому же преисполненныхъ пылкой страстности, но, понятно, все это въ извѣстныхъ границахъ. Почему такой-же точно кризисъ, какой произошелъ въ душѣ св. Павла, не могъ произойти и въ послѣдніе годы перваго вѣка и въ душѣ другихъ апостоловъ. И если «царство Божіе», какъ изображаютъ его синоптики и Апокалипсисъ, стало химерой, то они всѣ могли наброситься на метафизику. Теорія logos'а—продуктъ разочарованій перваго поколѣнія христіанъ. *Они перенесли* въ идеалъ и то, осуществленіе чего они

скій намекъ не ясенъ самъ собой. Экзегетъ-аллегористъ не говоритъ никогда полусловами; онъ приводитъ свои аргументы, настаиваетъ на нихъ. То же самое я думаю и о таинственныхъ священныхъ числахъ. Противники четвертаго евангелія обратили вниманіе на то, что чудесъ, о которыхъ оно упоминаетъ, было семь. Если бы авторъ упоминалъ объ ихъ числѣ, это могло бы имѣть значеніе и доказывало бы его предвзятую мысль. Авторъ нигдѣ ихъ не подсчитывалъ, а потому и намъ слѣдуетъ видѣть въ этомъ числѣ одну лишь случайность.

Такимъ образомъ, разборъ даннаго текста пока довольно благопріятенъ для него. Ст. 35—51 носятъ болѣе историческій характеръ, чѣмъ соотвѣтственныя мѣста у синоптиковъ. Четвертый евангелистъ зналъ, повидимому, лучше, чѣмъ авторы другихъ жизнеописаній Іисуса, всѣ обстоятельства, относящіяся къ призванію апостоловъ. Я допускаю, что первыхъ своихъ учениковъ, имена которыхъ стали извѣстными, Іисусъ пріобрѣлъ въ школѣ Іоанна Крестителя. Я думаю, что главнѣйшіе апостолы были сначала учениками Іоанна Крестителя, а потомъ перешли къ Іисусу; этимъ я объясняю и то большое значеніе, какое приписывало Іоанну Крестителю все первое поколѣніе христіанъ. Если бы, какъ это и хочетъ доказать голландская школа ученыхъ, значеніе это отчасти и не соотвѣтствовало дѣйствительности и было придумано почти исключительно для того, чтобъ подтвердить роль Іисуса ссылкой на неопровержимый авторитетъ, то почему для этого былъ выбранъ Іоаннъ Креститель, человѣкъ пользовавшійся большой извѣстностью лишь среди христіанъ? Истина, по моему, заключается въ томъ, что Іоаннъ Креститель въ глазахъ учениковъ Іисуса былъ не только его поручителемъ, нѣтъ, онъ былъ для нихъ и первымъ учителемъ, воспоминанія о которомъ у нихъ тѣсно были связаны съ началомъ миссіи и самого Іисуса [8]). Еще большее значеніе имѣетъ слѣдующее обстоятельство: обрядъ крещенія, сохранившійся въ христіанствѣ, какъ непремѣнный знакъ вступленія въ новую жизнь, является, такъ сказать, и доказательствомъ происхожденія христіанства и самымъ очевиднымъ образомъ доказываетъ, что христіанство было сначала отдѣлившеюся вѣтвью школы Іоанна Крестителя.

Итакъ, если бы четвертое евангеліе ограничилось этой *первой главою,—его* слѣдовало бы тогда назвать «отрывкомъ

составленнымъ изъ преданій и воспоминаній, записанныхъ впослѣдствіи и въ значительной степени проникнутыхъ богословскимъ духомъ очень далекимъ отъ первоначальнаго евангельскаго духа; страницей изъ легендарной біографіи, гдѣ авторъ приводитъ заимствованные изъ преданій факты, порой передѣлываетъ ихъ, но никогда ничего не выдумываетъ». И если ужъ можно говорить о какой-либо біографіи, носящей апріорный характеръ, то, конечно, скорѣе всего я сказалъ бы это о синоптическихъ евангеліяхъ. Именно синоптики во имя своихъ цѣлей и переносятъ мѣсто рожденія Іисуса въ Виѳлеемъ; они же заставляютъ его совершить путешествіе въ Египетъ, приводятъ къ нему волхвовъ и т. д. Это, какъ разъ, Лука измышляетъ людей, которые, быть можетъ, никогда и не существовали [9]). Въ частности, мессіанскія пророчества также менѣе занимаютъ нашего автора, чѣмъ синоптиковъ; на этой почвѣ онъ также меньше создаетъ и баснословныхъ разсказовъ. Иначе говоря, въ четвертомъ евангеліи мы приходимъ уже къ разграниченію части повѣствовательной и части доктринерской. Что касается первой, то въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ четвертое евангеліе можетъ быть поставлено въ этомъ смыслѣ нѣсколько выше синоптиковъ; что касается второй, то она весьма далека отъ настоящихъ рѣчей Іисуса въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ сохранили синоптики, и въ особенности Матѳей.

Уже съ этого мѣста насъ начинаетъ поражать одно обстоятельство. Автору повидимому хочется, чтобы первыми учениками Іисуса были Андрей и еще кто-то. Затѣмъ уже Андрей обращаетъ своего брата Петра, который такимъ образомъ оказывается до нѣкоторой степени въ тѣни. Второго ученика онъ даже не называетъ по имени. Сравнивая, однако, это мѣсто съ другими, съ которыми мы встрѣтимся въ дальнѣйшемъ, можно считать, что этотъ, не названный по имени ученикъ есть не кто иной, какъ авторъ Евангелія или тотъ, кого хотятъ выдать за такового. И дѣйствительно, въ послѣднихъ главахъ книги мы увидимъ, что авторъ говоритъ о себѣ съ нѣкоторой таинственностью, и, поразительная вещь, проявляетъ желаніе поставить себя впереди Петра, хотя и признаетъ іерархическое старшинство послѣдняго. Укажемъ также и на то, что у синоптиковъ время призванія Іоанна очень близко ко времени призванія Петра; что же касается Дѣяній Апостоловъ, то въ нихъ Іоаннъ *всегда фигурируетъ*, какъ сподвижникъ Петра. Такимъ обра-

такого богослова принадлежитъ какъ разъ ст. 2, опровергающій весь разсказъ и устраняющій все то, что могло бы мѣшать его разсужденіямъ.

§ 10. Мы дошли такимъ образомъ, до разговора Іисуса съ Самаритянкой и до миссіи къ Самаритянамъ (IV, 1—41); объ этой миссіи извѣстно и Лукѣ [16]), такъ что по всей вѣроятности она имѣла мѣсто. Несмотря, однако, на это, къ этому мѣсту можно примѣнить ту теорію, которая видитъ въ четвертомъ Евангеліи рядъ вымысловъ, имѣющихъ цѣлью проведеніе опредѣленныхъ принциповъ. Подробности разговора вымышлены; это ясно до очевидности. Съ другой стороны, топографическія данныя ст. 3—6 удовлетворительны. Это мѣсто могъ написать только палестинскій еврей, часто проходившій у входа въ Сихемскую долину. Не носятъ такого точнаго характера ст. 5—6. Упоминаемое въ нихъ преданіе могло быть заимствовано изъ кн. Бытія XXXIII,19; XLVIII,22; и изъ кн. Іисуса Навина, XXIV, 32. Авторъ играетъ, повидимому, словами *Сихаръ и Сихемъ* [17]); надо замѣтить, что въ этой игрѣ словъ евреи видѣли злую насмѣшку надъ самаритянами [18]). Я не думаю, чтобы въ Эфесѣ настолько занимались вопросомъ о ненависти, которая существовала между евреями и Самаритянами и объ ихъ взаимныхъ раздорахъ (ст. 2). Слишкомъ натянутымъ кажется мнѣ и тотъ взглядъ, будто ст. 16—18 заключаютъ намеки на религіозную исторію Самаритянъ. Капитальное значеніе имѣетъ ст. 22. Онъ раздѣляетъ на двѣ части прекрасный отрывокъ: «Повѣрь мнѣ, что наступаетъ время»... и выражаетъ мысль, какъ разъ противоположную первой его половинѣ. Повидимому, тутъ та же поправка, что и въ ст. 2 этой же самой главы, гдѣ либо самъ авторъ, либо его ученики исправляютъ свою мысль, которую находятъ или опасной, или очень смѣлой. Во всякомъ случаѣ, весь этотъ стихъ преисполненъ еврейскихъ предразсудковъ. Онъ становится совершенно для меня непонятнымъ, если былъ написанъ около 130 или 150 года представителемъ одной изъ наиболѣе отрѣшившихся отъ іудаизма христіанскихъ сектъ. Ст. 35 написанъ совершенно въ стилѣ синоптиковъ и истинныхъ рѣчей Іисуса. Остается блестящее изреченіе стиховъ 21—23 (мы опускаемъ ст. 22). О строгой точности въ передачѣ подобныхъ словъ не можетъ быть и рѣчи. Какъ *можно допустить*, чтобы Іисусъ или Самаритянка передали *кому-нибудь* о той бесѣдѣ, которая происходила между ними?

бы это и о «Евангеліи Никодима», представляющемъ искусственное произведеніе, построенное цѣликомъ на метафорахъ. Цѣлая пропасть лежитъ между разсматриваемымъ сейчасъ текстомъ, и подобнымъ наборомъ фразъ, и если бы намъ надо было во что бы то ни стало найти сходство между такимъ наборомъ словъ и однимъ изъ каноническихъ Евангелій, то сходство это можно скорѣе найти у синоптическихъ Евангелій.

§ 6. Далѣе слѣдуетъ описаніе другого случая, который находится въ не менѣе интересномъ соотношеніи съ разсказомъ синоптиковъ. Въ разсказѣ о судѣ надъ Іисусомъ и страданіяхъ на Голгоѳѣ, послѣдніе, по крайней мѣрѣ Матѳей и Маркъ, приводятъ слова, будто бы произнесенныя Іисусомъ, и которыя послужили однимъ изъ главныхъ обстоятельствъ, говорившихъ въ пользу его осужденія. Слова эти: «Разрушьте этотъ храмъ, и я въ три дня воздвигну его». Но синоптики не говорятъ, что Іисусъ дѣйствительно произнесъ эти слова, наоборотъ, они считаютъ это за лжесвидѣтельство. Четвертый евангелистъ опредѣленно говоритъ, что слова эти, вмѣненные Іисусу, имъ были дѣйствительно произнесены. Заимствовалъ ли онъ эти слова у синоптиковъ? Намъ кажется это мало вѣроятнымъ, такъ какъ онъ приводитъ ихъ въ другомъ видѣ и притомъ даетъ имъ (ст. 21—22) аллегорическое толкованіе, чего ужъ не знали синоптики. Въ этомъ случаѣ, авторъ четвертаго Евангелія, пользовался, повидимому, оригинальнымъ преданіемъ, болѣе оригинальнымъ даже, чѣмъ синоптики, ибо послѣдніе приводятъ не непосредственныя слова Іисуса, а ихъ отголосокъ. Правда, относя эти слова къ событіямъ, имѣвшихъ мѣсто за два года до смерти Іисуса, редакторъ четвертаго Евангелія руководился не очень удачною мыслью.

Обратите вниманіе на подробность изъ еврейской исторіи, приведенную въ ст. 20; она довольно вѣрно передана и довольно хорошо согласуется съ передачей Іосифа [15]).

§ 7. Ст. 23 и 25 гл. II говорятъ скорѣе не въ пользу разсматриваемаго текста; они неуклюжи, безцвѣтны, растянуты; въ нихъ чувствуется апологетъ, полемистъ. Они свидѣтельствуютъ о болѣе продуманной и поздней редакціи, чѣмъ редакція синоптиковъ.

§ 8. Мы подошли къ эпизоду съ Никодимомъ (III, 1—21). Я готовъ, понятно, отказаться отъ всего этого разговора Іисуса *съ фарисеемъ. Отрывокъ* этотъ проникнутъ духомъ *апостольскаго, а не евангельскаго* богословія. Разговоръ этотъ могъ быть

такого богослова принадлежитъ какъ разъ ст. 2, опровергающій весь разсказъ и устраняющій все то, что могло бы мѣшать его разсужденіямъ.

§ 10. Мы дошли такимъ образомъ, до разговора Іисуса съ Самаритянкой и до миссіи къ Самаритянамъ (IV, 1—41); объ этой миссіи извѣстно и Лукѣ [16]), такъ что по всей вѣроятности она имѣла мѣсто. Несмотря, однако, на это, къ этому мѣсту можно примѣнить ту теорію, которая видитъ въ четвертомъ Евангеліи рядъ вымысловъ, имѣющихъ цѣлью проведеніе опредѣленныхъ принциповъ. Подробности разговора вымышлены; это ясно до очевидности. Съ другой стороны, топографическія данныя ст. 3—6 удовлетворительны. Это мѣсто могъ написать только палестинскій еврей, часто проходившій у входа въ Сихемскую долину. Не носятъ такого точнаго характера ст. 5—6. Упоминаемое въ нихъ преданіе могло быть заимствовано изъ кн. Бытія XXXIII,19; XLVIII,22; и изъ кн. Іисуса Навина, XXIV, 32. Авторъ играетъ, повидимому, словами *Сихаръ и Сихемъ* [17]); надо замѣтить, что въ этой игрѣ словъ евреи видѣли злую насмѣшку надъ самаритянами [18]). Я не думаю, чтобы въ Эфесѣ настолько занимались вопросомъ о ненависти, которая существовала между евреями и Самаритянами и объ ихъ взаимныхъ раздорахъ (ст. 2). Слишкомъ натянутымъ кажется мнѣ и тотъ взглядъ, будто ст. 16—18 заключаютъ намеки на религіозную исторію Самаритянъ. Капитальное значеніе имѣетъ ст. 22. Онъ раздѣляетъ на двѣ части прекрасный отрывокъ: «Повѣрь мнѣ, что наступаетъ время»... и выражаетъ мысль, какъ разъ противоположную первой его половинѣ. Повидимому, тутъ та же поправка, что и въ ст. 2 этой же самой главы, гдѣ либо самъ авторъ, либо его ученики исправляютъ свою мысль, которую находятъ или опасной, или очень смѣлой. Во всякомъ случаѣ, весь этотъ стихъ преисполненъ еврейскихъ предразсудковъ. Онъ становится совершенно для меня непонятнымъ, если былъ написанъ около 130 или 150 года представителемъ одной изъ наиболѣе отрѣшившихся отъ іудаизма христіанскихъ сектъ. Ст. 35 написанъ совершенно въ стилѣ синоптиковъ и истинныхъ рѣчей Іисуса. Остается блестящее изреченіе стиховъ 21—23 (мы опускаемъ ст. 22). О строгой точности въ передачѣ подобныхъ словъ не можетъ быть и рѣчи. Какъ *можно допустить*, чтобы Іисусъ или Самаритянка передали *кому-нибудь о* той бесѣдѣ, которая происходила между ними?

въ него. Въ этомъ отлично можно было убѣдиться на примѣрѣ Италіи, гдѣ сильно размножились чудеса за послѣдніе пять или шесть лѣтъ. Чудеса, которыя совершались въ романскихъ государствахъ, удавались; наоборотъ, какъ только чудотворцы появлялись въ итальянскихъ провинціяхъ и тамъ начинали вести разслѣдованіе, чудеса сейчасъ же прекращались. Тѣ, кто прежде заявлялъ, что излѣчились, теперь заявляли, что никогда и не были больны. Сами чудотворцы при допросѣ заявляли, что во всемъ этомъ они ничего не понимаютъ, но что распространившійся слухъ объ ихъ чудесахъ внушилъ и имъ вѣру въ это. Другими словами—для того, чтобъ чудо удалось, необходимо извѣстное расположеніе къ этому. Если этому не помогаютъ зрители,—нужно, чтобы этому помогали дѣйствующія лица. Такимъ образомъ, если Іисусъ совершалъ чудеса въ Іерусалимѣ, тогда придется сдѣлать довольно обидныя для него предположенія. Воздержимся, однако, пока отъ окончательнаго сужденія, такъ какъ сейчасъ намъ предстоитъ разсмотрѣть еще одно іерусалимское чудо, важное въ другомъ отношеніи и гораздо тѣснѣе связанное съ главнѣйшими событіями жизни Іисуса.

§ 14. Гл. VI, 1—14. Галилейское чудо также сходно съ однимъ изъ чудесъ, приводимыхъ синоптиками; рѣчь идетъ тутъ объ умноженіи числа хлѣбовъ. Ясно, что это одно изъ тѣхъ чудесъ, которыя приписали Іисусу еще при его жизни. Поводомъ къ образованію легенды объ этомъ чудѣ послужилъ вполнѣ реальный фактъ. Нѣтъ ничего легче, какъ представить себѣ возникновеніе такого рода иллюзіи у легковѣрныхъ, наивныхъ людей, къ тому же расположенныхъ къ Іисусу. «Пока мы были съ нимъ, намъ не хотѣлось ни пить, ни ѣсть». Изъ такихъ обыкновенныхъ словъ было создано чудо, которое передавалось изъ устъ въ уста съ различными добавленіями. Разсказъ о немъ, по обыкновенію, бьетъ на большій эффектъ, чѣмъ у синоптиковъ. Въ этомъ отношеніи, онъ стоитъ нѣсколько ниже. Слѣдуетъ остановиться на той роли, какую играетъ здѣсь апостолъ Филиппъ. Филиппъ особенно хорошо извѣстенъ автору четвертаго Евангелія (ср. I, 43 и слѣд.; XII, 21 и слѣд.).

Жилъ Филиппъ въ Гіераполисѣ, въ Малой Азіи; Папій зналъ его дочерей [21]). Все это довольно хорошо согласуется одно съ другимъ. Можно сказать, что авторъ заимствовалъ разсказъ объ этомъ чудѣ у синоптиковъ или изъ другого какого-либо *источника, и* затѣмъ передѣлалъ его по своему вкусу. Но ка-

кимъ образомъ тѣ подробности, которыя онъ придалъ этому разсказу, могли бы такъ хорошо гармонировать со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно о немъ изъ другихъ источниковъ, если бы и эти подробности онъ непосредственно не заимствовалъ изъ преданій?

§ 15. Авторъ приводитъ цѣлый рядъ странныхъ чудесъ и видѣній (VI, 16 и слѣд.). Всѣхъ ихъ онъ соединяетъ воедино явно искусственнымъ образомъ, что доказываетъ, что всѣ эти воспоминанія (если только это можетъ быть названо воспоминаніями) написаны значительно позже. Такъ, напр., Іисусъ появляется на волнахъ во время бури,—кажется, будто онъ идетъ по водѣ, и даже лодка передвигается какимъ-то чудеснымъ образомъ. Чудо это имѣется и у синоптиковъ [22]). Такимъ образомъ тутъ мы имѣемъ еще дѣло съ преданіемъ, а не съ личной фантазіей. Ст. 23 указываетъ на мѣсто, гдѣ произошло чудо, указываетъ связь между этимъ чудомъ и чудомъ съ умноженіемъ хлѣбовъ и словно доказываетъ, что эти чудесные разсказы должны быть отнесены къ разряду тѣхъ чудесъ, которые имѣютъ подъ собой историческую почву. Разсматриваемое нами чудо, вѣроятно, не что иное, какъ галлюцинація спутниковъ Іисуса на озерѣ, подъ вліяніемъ которой имъ показалось въ минуту опасности, что онъ идетъ имъ на помощь. Вѣру въ это поддерживала въ нихъ мысль, которую они себѣ внушили, что тѣло Іисуса легко, какъ духъ [23]). Въ дальнѣйшемъ мы еще встрѣтимся (гл. XX) съ другимъ преданіемъ, основаннымъ на подобной игрѣ воображенія.

§ 16. Оба предыдущихъ чуда только предшествуютъ великому событію, одной изъ самыхъ важныхъ проповѣдей, которую по общему мнѣнію произнесъ Іисусъ въ Капернаумской синагогѣ. Проповѣдь эта находится, очевидно, въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ комплексомъ богословскихъ символовъ, которые были особенно близко знакомы съ древнѣйшей изъ христіанскихъ общинъ и въ которыхъ Іисусъ изображался хлѣбомъ жизни. Я говорилъ уже, что почти всѣ рѣчи Іисуса, приводимыя въ четвертомъ Евангеліи, носятъ печать искусственности, а эта проповѣдь, конечно, принадлежитъ къ ихъ числу. Я призналъ бы, пожалуй, что настоящій отрывокъ имѣетъ гораздо большее значеніе для исторіи идеи Евхаристіи въ I вѣкѣ, чѣмъ для исторіи идей Іисуса. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что и въ этомъ случаѣ разсматриваемое нами Евангеліе проливаетъ лучъ свѣта на интересующій насъ вопросъ. Согласно синоптикамъ,

ученіе объ Евхаристіи относится къ послѣднему вечеру, проведенному Іисусомъ со своими учениками, и не могло возникнуть раньше. Ясно, что еще задолго до того въ это вѣрили, и что таково было ученіе св. Павла [24]). Но для того, чтобы признать, что это вѣрно, нужно предположить, что Іисусъ точно зналъ день своей смерти, чего допустить мы не можемъ. Обычаи, изъ которыхъ возникла Евхаристія, существовали и до Тайной вечери, и правильно, на мой взглядъ, поступаетъ четвертый Евангелистъ, опуская разсказъ о вечери въ страстной Четвергъ и относя зарожденіе и развитіе Евхаристіи ко всему времени жизни Іисуса. Разсказъ о Евхаристіи, въ его существенныхъ чертахъ, есть въ сущности не что иное, какъ воспроизведеніе того, что происходитъ за любой іудейской трапезой [25]). Іисусу не разъ, а сто разъ приходилось благословлять хлѣбъ, преломлять его и раздавать, не разъ приходилось ему благословлять чашу. Я совсѣмъ не настаиваю на томъ, что рѣчи, приписываемыя Іисусу четвертымъ Евангелистомъ, приводятся имъ дословно. Но тѣ опредѣленныя выраженія, которыя находятся въ ст. 60 и слѣд., 68 и 70—11 носятъ оригинальный характеръ. Намъ еще придется отмѣтить особенную ненависть автора къ Іудѣ изъ Керіота. Правда, синоптики тоже отзываются о немъ не особенно мягко. Но ненависть, питаемая къ нему четвертымъ Евангелистомъ, носитъ болѣе обдуманный, болѣе личный характеръ. Она чувствуется въ двухъ или трехъ мѣстахъ еще до разсказа объ измѣнѣ; подъ вліяніемъ ея авторъ старается возвести на виновника такія обвиненія, о которыхъ остальныя Евангелисты ни разу даже и не упоминаютъ.

§ 17. Ст. 1—10 гл. VII представляютъ своего рода историческій кладъ. Съ удивительной наивностью передаетъ въ нихъ авторъ мрачное настроеніе братьевъ Іисуса, предосторожности, которыя ему приходятся принимать. Здѣсь полное отсутствіе какого бы то ни было символическаго и догматическаго объясненія. Какую символическую или догматическую тенденцію можно усматривать въ этомъ отрывкѣ, скорѣе способнымъ вызвать выраженія, чѣмъ служить цѣлямъ христіанской апологетики? И если бы единственнымъ девизомъ этого автора было Scribitur ad probandum (пишу, чтобъ доказать), къ чему сталъ бы онъ измышлять подобную странную подробность? Нѣтъ и нѣтъ; мы можемъ смѣло сказать, что девизомъ его въ этомъ мѣстѣ было Scribitur ad narrandum (пишу, чтобъ разсказать). Кому бы ни принадлежало

это мѣсто, кѣмъ бы ни было оно написано, это несомнѣнно личныя воспоминанія. И можно ли послѣ всего этого утверждать, что лица, выведенныя четвертымъ Евангеліемъ, суть типы, характеры, но ни въ коемъ случаѣ не историческія личности, обладавшія плотью и кровью? Идиллическій и легендарный характеръ носятъ скорѣе синоптическія Евангелія; и если сравнить съ ними четвертое евангеліе, то скорѣе послѣднее пользуется пріемами исторіи и скорѣе въ немъ чувствуется желаніе быть ближе къ истинѣ.

§ 18. Далѣе слѣдуетъ диспутъ (VII, 11 и слѣд.) Іисуса съ іудеями, которому я придаю небольшое значеніе. Такого рода сценъ должно было быть много. Фантазія разсказчика накладываетъ свой рѣзкій отпечатокъ на все, о чемъ бы онъ ни говорилъ, вотъ почему въ изображеніи подобныхъ сценъ, онъ долженъ быть не особенно правоподобенъ.

Рѣчи, влагаемыя четвертымъ Евангелистомъ въ уста Іисуса, вполнѣ соотвѣтствуютъ обычному стилю писателя; во всемъ этомъ разсказѣ историческую цѣнность можетъ имѣть лишь вмѣшательство (ст. 50 и слѣд.) Никодима. Ст. 52 вызвалъ не одно возраженіе. Говорятъ, что стихъ этотъ содержитъ ошибку, которую не могъ бы сдѣлать ни Іоаннъ, ни даже какой либо другой іудей. Развѣ могъ не знать авторъ, что и Іона и Наумъ родились въ Галилеѣ? Конечно, могъ и не знать; по крайней мѣрѣ, могло случиться, что онъ не подумалъ объ этомъ. Евангелисты, да и вообще всѣ авторы книгъ Новаго Завѣта, за исключеніемъ св. Павла, отличались далеко не особеннымъ знаніемъ исторіи и экзегетики. Во всякомъ случаѣ они писали обо всемъ по памяти и не задумывались надъ точностью разсказа.

§ 19. Сильныя сомнѣнія возбуждаетъ разсказъ о грѣшницѣ. Разсказа этого совсѣмъ нѣтъ въ лучшихъ манускриптахъ; думаю, что въ первоначальномъ текстѣ онъ имѣлся. Топографическія данныя ст. 1 и 2 приведены вѣрно. Во всемъ этомъ отрывкѣ нѣтъ ничего, что противорѣчило бы стилю этого Евангелія. Мнѣ кажется, что эти строки были вычеркнуты въ позднѣйшихъ текстахъ какимъ нибудь лже-ригористомъ, обнаружившимъ совсѣмъ неумѣстную щепетильность по отношенію къ этимъ строкамъ, въ которыхъ онъ усмотрѣлъ покровительственное отношеніе къ распутству; между тѣмъ если бы эти строки относились къ другимъ частямъ текстовъ, онъ сохранилъ бы ихъ въ виду ихъ красоты. Во всякомъ случаѣ

если разсказъ о женщинѣ, уличенной въ прелюбодѣяніи, и не имѣлся сначала въ четвертомъ Евангеліи, то онъ все-же былъ заимствованъ авторомъ изъ евангельскихъ преданій. Онъ былъ извѣстенъ Лукѣ, хотя и въ другой редакціи [26]). Далѣе, и Папій [27]), повидимому, читалъ подобный эпизодъ въ Евангеліи отъ Евреевъ. Слова: «кто изъ васъ безъ грѣха...» настолько соотвѣтствуютъ духу Іисуса, такъ подходятъ къ другимъ его рѣчамъ, приводимымъ у синоптиковъ, что мы можемъ считать ихъ подлинными, по крайней мѣрѣ въ такой же степени, въ какой это можно сказать о синоптикахъ. Во всякомъ случаѣ, легче предположить, что отрывокъ этотъ былъ вычеркнутъ, нежели то, что его прибавили.

§ 20. Вся остальная часть VIII гл. полна богословскихъ диспутовъ, не имѣющихъ никакого значенія для исторіи Іисуса. Авторъ приписываетъ Іисусу свои собственныя идеи, не основываясь ни на какомъ источникѣ, ни даже на личныхъ воспоминаніяхъ. Какимъ образомъ, спросятъ меня, могъ непосредственный ученикъ Іисуса исказить до такой степени слова учителя? какъ могъ это сдѣлать писатель, изучавшій преданіе и состоявшій въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ одному изъ апостоловъ? Но вѣдь и Платонъ былъ непосредственнымъ ученикомъ Сократа, а между тѣмъ онъ приписывалъ ему вымышленныя поученія. Такъ напр. въ «Федонѣ» имѣются въ высшей степени правдивыя историческія данныя и рядомъ съ ними поученія, въ которыхъ нѣтъ и тѣни достовѣрности. Въ преданіи факты сохраняются гораздо вѣрнѣе, чѣмъ поученія. Быстро эволюціонировавшая активная христіанская школа кореннымъ образомъ должна была измѣнить въ пятьдесятъ—шестьдесятъ лѣтъ свое первоначальное представленіе объ Іисусѣ; но въ то же самое время лучше, чѣмъ кто либо, она могла объяснить какъ нѣкоторыя извѣстныя особенности, такъ и общій характеръ біографіи реформатора. Съ другой стороны, кроткіе и безхитростные христіане Виѳаніи, гдѣ сложился сборникъ подъ названіемъ «Λόγια», могли прекрасно сохранить въ памяти тембръ голоса учителя и не имѣть о немъ почти никакихъ біографическихъ свѣдѣній. Для нихъ, евіонитовъ, (Божьи нищіе) послѣднее не имѣло большого значенія. Чистые сердцемъ, вѣрные ученію Іисуса, они благочестиво хранили его поученія и создали свой небольшой обособленный міръ, гдѣ мысль словно застыла. *Указанное различіе* между тѣми и другими христіанами отразилось

лось между прочимъ и на первомъ Евангеліи. Несомнѣнно, что въ Евангеліи лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, переданы поученія Іисуса, а между тѣмъ съ фактической стороны оно менѣе точно, чѣмъ второе. Ссылки на единство редакціи четвертаго Евангелія ни къ чему не ведутъ. Я признаю это единство, но даже и сочиненіе, редактированное однимъ лицомъ, можетъ заключать въ себѣ данныя самой различной цѣнности. Біографія Магомета, написанная Ибнъ-Гишамомъ, несомнѣнно обладаетъ единствомъ, и все же одни мѣста этого сочиненія мы признаемъ, другіе отрицаемъ.

§ 21. Глава IX и X, до ст. 21, представляютъ нѣчто единое и начинаются разсказомъ о новомъ іерусалимскомъ чудѣ, объ исцѣленіи слѣпорожденнаго; здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Евангелія, чувствуется желаніе оттѣнить знаменательность чуда. Тѣмъ не менѣе въ немъ видно и довольно хорошее знакомство съ топографіей Іерусалима (ст. 7); довольно хорошо объяснено и слово Σιλωάμ. Нельзя себѣ представить, чтобы все это чудо возникло цѣликомъ въ символической фантазіи четвертаго Евангелиста, такъ какъ съ этимъ же самымъ чудомъ мы встрѣтимся и у Марка (VIII. 22 и отд.), причемъ и въ томъ, и въ другомъ разсказѣ приведена одна и та же странная подробность. (ср. Іоаннъ, IX, 6, и Марка, VIII, 23). Я признаю, что было бы очень рискованно искать въ дальнѣйшихъ спорахъ и рѣчахъ хотя бы отголосокъ мыслей Іисуса. Отличительная черта нашего автора, ярко выступающая, начиная съ этого разсказа, состоитъ въ томъ, что всякое чудо является для него лишь поводомъ для послѣдующихъ пространныхъ разсужденій. Онъ обсуждаетъ, комментируетъ описываемыя имъ чудеса. Ничего подобнаго нѣтъ у синоптиковъ. У нихъ теургія дышетъ необыкновенной наивностью; они никогда не возвращаются къ описываемымъ ими чудесамъ для того, чтобы вывести изъ нихъ какое либо опредѣленное заключеніе. Наоборотъ, въ четвертомъ Евангеліи теургія носитъ характеръ продуманности, чудо искуственно обставлено подробностями, разсчитанными на то, чтобы убѣдить; имъ пользуются для подтвержденія проповѣдей, которыми сопровождаетъ авторъ разсказъ о чудѣ. Если бы все четвертое Евангеліе состояло исключительно изъ подобныхъ разсказовъ, то совершенно правильнымъ былъ бы тотъ взглядъ на него, который видитъ въ немъ простое богословское сочиненіе, написанное на опредѣленную тему

§ 22. Однако, четвертое Евангеліе не ограничивается исключительно подобными разсказами. Начиная со ст. 22, гл. X, мы встрѣчаемъ въ немъ цѣлый рядъ топографическихъ описаній, отличающихся необыкновенно строгой точностью, чего нельзя было бы объяснить себѣ, согласившись что наше Евангеліе нельзя считать палестинскимъ преданіемъ. Я согласенъ отказаться отъ спора, описаннаго въ ст. 24—39. Наоборотъ, путешествіе въ Перею, о которомъ говоритъ ст. 40, исторически вѣрно. Путешествіе это извѣстно и синоптикамъ, и съ нимъ они связываютъ цѣлый рядъ происшествій, имѣвшихъ мѣсто въ Іерихонѣ.

Мы дошли до чрезвычайно важнаго мѣста (ст. 1—45 главы XI). Рѣчь идетъ въ немъ снова о чудѣ, но чудо это совсѣмъ не похоже на всѣ остальныя и происходитъ при совершенно особыхъ условіяхъ. Всѣ прочія чудеса, которыя, согласно разсказу, имѣли необыкновенный успѣхъ, совершаются надъ людьми неизвѣстными, не встрѣчающимися больше ни разу въ евангельской исторіи. Здѣсь чудо происходитъ въ семьѣ извѣстной [28]), съ которой, повидимому, былъ знакомъ и авторъ разсказа, если онъ искрененъ. Прочія всѣ чудеса— лишь эпизоды, которые своей численностью должны доказать божественную миссію учителя; взятыя въ отдѣльности, они ничего не доказываютъ, ибо ни къ одному изъ нихъ авторъ не возвращается; равнымъ образомъ ни одно изъ нихъ не имѣетъ существеннаго значенія и для біографіи Іисуса. Ихъ можно разсматривать всѣ въ совокупности, какъ это и сдѣлалъ я въ своемъ трудѣ, и это нисколько не нарушитъ ни цѣльности, ни стройности разсказа. Напротивъ, это чудо тѣсно связано съ послѣдними недѣлями жизни Іисуса, какъ передаетъ ихъ наше Евангеліе и, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, именно разсказомъ объ этихъ послѣднихъ недѣляхъ жизни Іисуса и выдѣляется текстъ этого Евангелія по сравненію съ остальными. Такимъ образомъ, это чудо стоитъ особнякомъ, и съ перваго же взгляда видно, что оно должно быть отнесено къ послѣднимъ днямъ жизни Іисуса. Но меня поражаютъ совсѣмъ не мелкія подробности разсказа. Вѣдь такъ описаны и прочія іерусалимскія чудеса Іисуса, о которыхъ упоминаетъ авторъ. Пусть всѣ обстоятельства воскрешенія Лазаря—плодъ воображенія автора, пусть доказано будетъ, что всѣ *эти подробности*, согласно отмѣченному нами обыкновенію *этого писателя*, подобраны имъ съ цѣлью произвести опредѣ-

ленный эффектъ, пусть все это такъ,—все-же самый фактъ не перестаетъ носить исключительный характеръ по сравненію со всей евангельской исторіей. Чудо въ Виѳаніи относится къ чудесамъ въ Галилеѣ, какъ стигматы Франциска Ассизскаго—къ прочимъ его чудесамъ. Карлъ Газе написалъ прекрасную біографію этого святителя, не настаивая особенно на существованіи этихъ послѣднихъ чудесъ; но онъ отлично понялъ, что не сможетъ написать вѣрнаго жизнеописанія, если не коснется стигматовъ, и онъ посвятилъ имъ длинную главу, предоставивъ возможность дѣлать всякаго рода предположенія и догадки.

Различіе между чудесами, которыми наполнены всѣ четыре редакціи жизнеописанія Іисуса, бросается само въ глаза. Одни изъ нихъ являются обыкновеннымъ созданіемъ легендъ. Ни одно изъ нихъ не является дѣйствительнымъ событіемъ жизни Іисуса. Они продукты работы народнаго воображенія, происходящей обыкновенно вокругъ всѣхъ популярныхъ именъ. Другія изъ чудесъ возникли на почвѣ дѣйствительныхъ событій изъ жизни Іисуса. И вовсе не произвольно приписываетъ легенда Іисусу нѣкоторыя чудеса, какъ напр. исцѣленіе одержимыхъ. Несомнѣнно и самъ Іисусъ порою думалъ, что онъ совершилъ исцѣленіе. Сюда же относятся и чудо съ умноженіемъ хлѣбовъ, нѣкоторыя случаи исцѣленія немощныхъ, быть можетъ,—и нѣкоторыя видѣнія. Всѣ они представляютъ не плодъ чистаго воображенія, а только нѣкоторое преувеличеніе и искаженіе реальныхъ фактовъ. Несомнѣнно, что авторъ послѣднихъ главъ «Дѣяній апостоловъ» былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ жизни Св.-Павла, а между тѣмъ онъ разсказываетъ о событіяхъ, которыя должны были происходить до него [29]). Да что я говорю! Самъ Св. Павелъ передаетъ намъ о своихъ собственныхъ чудесахъ и съ помощью ихъ доказываетъ истинность своихъ проповѣдей [30]). Нѣкоторыя чудеса были постояннымъ явленіемъ въ церкви, и были своего рода общимъ достояніемъ [31]). «Какъ можно, говорятъ нѣкоторые, выдавать себя за очевидца событій и сообщать о вещахъ, которыхъ нельзя было ни видѣть, ни слышать?» Но тогда значитъ и Tres socii не знали Францизка Ассизскаго, такъ какъ и они передаютъ много такого, чего нельзя было ни видѣть, ни слышать.

Къ какой же категоріи слѣдуетъ отнести разсматриваемое *нами чудо? Какой* реальный, преувеличенный и пріукрашенный *впослѣдствіи* фактъ послужилъ для него основаніемъ? Или

быть можетъ, оно не имѣетъ никакой реальной подкладки? Быть можетъ, это простая легенда, вымыселъ разсказчика? Особенно увеличиваетъ затрудненіе тотъ фактъ, что третье Евангеліе, отъ Луки, представляетъ въ этомъ мѣстѣ самыя странныя совпаденія. Дѣйствительно, Лука знаетъ Мароу и Марію [32]; онъ даже знаетъ, что онѣ не галилеянки; вообще онѣ являются у него въ томъ же освѣщеніи, въ которомъ тѣ же два лица фигурируютъ въ четвертомъ Евангеліи. Въ послѣднемъ Мароа фигурируетъ въ роли служанки (διηκόνει) Марія изображается женщиной пылкой, впечатлительной. Всѣмъ извѣстенъ прелестный разсказъ, построенный на этомъ Лукою. И если мы сравнимъ соотвѣтствующія мѣста изъ Евангелія отъ Луки съ мѣстами изъ четвертаго Евангелія, то станетъ ясно, что оригиналомъ является четвертое Евангеліе, и не потому, что Лука или авторъ третьяго Евангелія, кто бы онъ ни былъ, читалъ четвертое, но потому, что въ четвертомъ мы находимъ данныя для объясненія легендарнаго случая изъ третьяго Евангелія. Извѣстенъ ли третьему Евангелію также и Лазарь? Отказываясь долгое время допустить это, я въ концѣ концовъ принужденъ былъ согласиться съ возможностью этого. Да, въ настоящее время я полагаю, что Лазарь въ притчѣ о богатомъ является не новымъ лицомъ, а тѣмъ-же воскрешеннымъ, только въ другомъ видѣ [33]). Могутъ сказать, что на пути къ такой метаморфозѣ, ему пришлось претерпѣть значительныя измѣненія. Подобнаго рода измѣненія вполнѣ возможны, разъ вечеря у Мароы, Маріи и Лазаря, играющая такую важную роль въ четвертомъ Евангеліи и переносимая къ нѣкоему Симону Прокаженному въ синоптикахъ, можетъ превратиться въ третьемъ Евангеліи въ пиршество у Симона Фарисея, на которомъ грѣшница, подобно Маріи въ нашемъ Евангеліи, умащаетъ ноги Іисуса и вытираетъ ихъ своими волосами. Какой же руководящей нити слѣдуетъ держаться въ этомъ безвыходномъ лабиринтѣ отрывочныхъ и передѣланныхъ легендъ? Что касается меня, то я допускаю дѣйствительное существованіе Виоанской семьи и то, что она дала тему для цѣлаго цикла легендъ въ извѣстныхъ развѣтвленіяхъ христіанскихъ преданій. Однимъ изъ такихъ легендарныхъ данныхъ является воскрешеніе Іисусомъ главы этой семьи. Конечно, такой «слухъ» могъ возникнуть и послѣ смерти Іисуса. Однако я считаю возможнымъ допустить, *что ему далъ поводъ* какой нибудь дѣйствительный случай

изъ жизни Іисуса. Меня не очень поражаетъ молчаніе синоптиковъ по поводу случая въ Виѳаніи. Вообще синоптики плохо освѣдомлены обо всемъ, непосредственно предшествовавшемъ послѣдней недѣлѣ жизни Іисуса. Въ нихъ не только пропущенъ случай въ Виѳаніи, но и весь тотъ періодъ жизни Іисуса, къ которому относится этотъ инцидентъ. Къ этому основному пункту разногласій то и дѣло возвращаются. Необходимо рѣшить, которая изъ двухъ системъ вѣрна,—та ли, которая дѣлаетъ Галилею ареной всей дѣятельности Іисуса, или та, по которой Іисусъ часть своей жизни проводитъ въ Іерусалимѣ.

Я знаю, какія усилія дѣлаетъ символическая школа, чтобы объяснить этотъ пунктъ. По мнѣнію ученыхъ и убѣжденныхъ защитниковъ этой системы, чудо въ Виѳаніи обозначаетъ, что Іисусъ является для вѣрующихъ воскресеніемъ и жизнью въ духовномъ смыслѣ. Лазарь—это нищій, *эвіонъ*, воскрешенный Іисусомъ изъ состоянія духовной смерти. И только за это, при видѣ пробужденія народныхъ массъ, становившагося опаснымъ для нихъ, и рѣшили правящіе классы погубить Іисуса. Вотъ система, на которую опираются лучшіе современные теологи христіанской Церкви. По моему, она неправильна. Я согласенъ, что наше Евангеліе носитъ догматическій характеръ, но оно ни въ коемъ случаѣ не носитъ аллегорическаго характера. Дѣйствительно, аллегорическія сочиненія первыхъ вѣковъ, какъ то Апокалипсисъ, *Пастырь* Гермаса и *Пистс Софіа* носятъ совершенно другой характеръ. Въ сущности, вся эта символистика вполнѣ подъ-стать злоупотребленію миѳическими объясненіями Штрауса: послѣднее средство теологовъ, доведенныхъ до крайности—это аллегорія, миѳъ, символъ. Мы—искатели только одной исторической правды, не имѣющіе никакихъ теологическихъ и политическихъ заднихъ мыслей,—мы должны быть гораздо свободнѣе. Все это для насъ не миѳъ и не символъ—это народная и сектантская исторія. Къ ней нужно подходить съ большою осторожностью, но безъ предвзятыхъ, удобныхъ объясненій.

Ссылаются на различные примѣры. Александрійская школа, поскольку мы о ней знаемъ изъ сочиненій Филона, оказала безъ сомнѣнія сильное вліяніе на теологію апостольскаго періода. И развѣ мы не видимъ, какъ эта школа доводитъ до *безумія свое* пристрастіе къ символизму? Развѣ весь Ветхій *Завѣтъ не послужилъ* имъ темой для тонкихъ аллегорій?

Развѣ Талмудъ и *Мидрашимъ* не переполнены мнимыми историческими свѣдѣніями, лишенными всякой истины, и существованіе которыхъ можно объяснить только религіозными цѣлями или желаніемъ создать аргументы въ пользу извѣстнаго положенія? Но совершенно не такъ обстоитъ дѣло съ четвертымъ Евангеліемъ. Тѣ критическіе принципы, которые слѣдуетъ прилагать къ Талмуду и *Мидрашимъ*, не могутъ быть приложены къ сочиненію, совершенно не подходящему къ духу палестинскихъ Іудеевъ. Въ старинныхъ текстахъ Филонъ видитъ аллегоріи, но онъ не измышляетъ самъ аллегорическихъ текстовъ. Существуетъ старая священная книга; простое объясненіе этихъ текстовъ затруднительно и недостаточно; и вотъ въ нихъ начинаютъ искать скрытый, таинственный смыслъ; такихъ примѣровъ у насъ много. Но чего никогда еще не случалось, такъ это того, чтобы обширное историческое повѣствованіе писалось съ тайною мыслью скрыть въ немъ такія символическія тонкости, которыя удалось открыть только черезъ 1.700 лѣтъ. Въ этомъ случаѣ роль александрійцевъ и играютъ сторонники аллегорическихъ объясненій.

Ставъ втупикъ передъ четвертымъ Евангеліемъ, они объясняютъ его такъ, какъ Филонъ объяснялъ книгу Бытія и какъ всѣ іудейскія и христіанскія преданія объясняютъ Пѣсню Пѣсней. Мы простые историки допускаемъ прежде всего: 1°, что здѣсь идетъ рѣчь о легендахъ—отчасти вѣрныхъ, отчасти ложныхъ, какъ и всѣ легенды вообще; 2° что дѣйствительность, лежащая въ основаніи всѣхъ этихъ легендъ, была прекрасна, величава, трогательна и восхитительна; но повторяю, нетрудно допустить, что эта дѣйствительность, какъ и всѣ человѣческія дѣла, была сильно загрязнена человѣческими слабостями, которыя возмутили бы насъ, если бы мы были свидѣтелями ихъ. Существуютъ тексты, изъ которыхъ нужно извлечь возможно больше исторической правды; вотъ и все.

Здѣсь возникаетъ другой щекотливый вопросъ. Не примѣшивалась ли иногда угодливость къ чудесамъ второй категоріи, въ основу которыхъ легли факты изъ дѣйствительной жизни Іисуса? Да, я увѣренъ въ этомъ,—или по крайней мѣрѣ заявляю, что, если бы этого не было, возникающее христіанство было бы явленіемъ, абсолютно не имѣющимъ себѣ подобнаго. Это событіе было самымъ великимъ и самымъ прекраснымъ изъ однородныхъ явленій; но оно не было свободно

отъ общихъ законовъ, управляющихъ событіями, въ исторіи религій нѣтъ ни одной великой религіозной концепціи, къ которой не примѣшалось бы немного того, что мы теперь называемъ обманомъ.

Древнія религіи изобилуютъ ими [34]). Въ прошломъ мало есть учрежденій, заслуживающихъ съ нашей стороны большей признательности, чѣмъ Дельфійскій оракулъ, такъ какъ онъ сильно содѣйствовалъ спасенію Греціи, колыбели всѣхъ наукъ и искуствъ. Просвѣщенный патріотизмъ Пиѳіи оказался ошибочнымъ не болѣе одного-двухъ разъ. Она всегда являлась орудіемъ въ рукахъ мудрецовъ, проникнутыхъ самымъ вѣрнымъ пониманіемъ греческихъ интересовъ. Эти мудрецы, положившіе основу современной цивилизаціи, никогда не стѣснялись совѣтоваться съ дѣвой, которая считалась боговдохновенной. Моисей также, если только преданія о немъ носятъ хоть немного историческій характеръ, заставлялъ служить своимъ цѣлямъ и своей политикѣ явленія природы; какъ напр., грозы, внезапныя повальныя болѣзни [35]). Всѣ древніе законодатели выдавали свои законы за вдохновеніе Боговъ. Всѣ пророки безъ всякаго стѣсненія утверждали, что Всевышній внушилъ имъ всѣ ихъ возвышенныя громовыя проповѣди. Буддизмъ, исполненный столь возвышеннаго религіознаго чувства, живетъ въ мірѣ постоянныхъ чудесъ, которыя не могутъ же происходить сами собой. Тироль, страна съ самымъ наивнымъ населеніемъ въ Европѣ,—родина стигматовъ, слава которыхъ не могла возникнуть безъ нѣкоторой рекламы. Исторія Церкви, почтенная по своему, полна ложными реликвіями и ложными чудесами. Существовало ли когда либо религіозное движеніе, болѣе наивное, чѣмъ то, во главѣ котораго стоялъ св. Францискъ Ассизскій? А между тѣмъ вся исторія стигматовъ необъяснима безъ соучастія въ ней близкихъ товарищей святого [36]).

«Когда вѣрятъ въ существованіи дѣйствительныхъ чудесъ, поддѣльныхъ не подготовляютъ», возразятъ мнѣ. Невѣрно! Потому что, когда вѣрятъ въ чудеса, тогда-то невольно и стремятся увеличить ихъ число. Намъ, съ нашимъ точнымъ и яснымъ сознаніемъ, трудно себѣ представить, какія странныя иллюзіи заставляли эти темные, но сильные умы играть съ сверхъестественнымъ, то и дѣло перескакивая отъ легковѣрія къ угодливости и обратно. Въ нѣкоторые періоды господствовала удивительная манія, приписывать древнимъ муж-

рецамъ апокрифическія книги. Апокрифы Ветхаго Завѣта книги герметическаго цикла, безчисленныя произведенія индійскихъ псевдоэпиграфовъ соотвѣтствуютъ эпохамъ великаго подъема религіозныхъ чувствъ. Предполагалось, что, приписывая эти произведенія древнимъ мудрецамъ, имъ оказывали великую честь; выдавали себя за ихъ сотрудниковъ, не предполагая, что когда нибудь это будетъ называться обманомъ. Авторы средневѣковыхъ легендъ, преувеличивавшіе въ своихъ кабинетахъ чудеса святыхъ, были бы тоже весьма изумлены, услышавъ, что ихъ называютъ обманщиками.

Въ XVIII вѣкѣ всю исторію религій объясняли обманомъ. Современная критика отвергла цѣликомъ такое объясненіе. Несомнѣнно, слово это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; но все же, въ какой мѣрѣ самые возвышенныя души прошлаго сами создавали себѣ иллюзіи или содѣйствовали возникновенію иллюзій, составлявшихся на ихъ счетъ,—это и постичь невозможно въ нашъ разсудительный вѣкъ. Чтобы ясно понять это, надо побывать на Востокѣ. Страсть является душой всего на Востокѣ и легковѣріе тамъ не имѣетъ границъ. Никогда нельзя проникнуть въ основную мысль восточнаго человѣка, такъ какъ часто ея и нѣтъ у него. Съ одной стороны страстность, а съ другой—легковѣріе создаютъ обманъ. Вотъ почему ни одно крупное движеніе въ этихъ странахъ не обходится безъ обмана. Мы теперь разучились и желать, и ненавидѣть, хитрости нѣтъ больше мѣста въ нашемъ обществѣ, потому что нѣтъ для нея и объекта. Но экзальтація и страсть не могутъ ужиться съ той холодностью и тѣмъ равнодушіемъ къ результатамъ, которыми объясняется наша правдивость. Когда за дѣло берутся натуры крайнія, нетерпимыя—на восточный манеръ,—то онѣ уже не отступаютъ и если имъ для этого понадобится иллюзія, онѣ не остановятся и передъ этимъ. Неужели же тутъ дѣло въ недостаткѣ правдивости? Наоборотъ,—убѣжденность ихъ такъ глубока, и отказаться отъ своего убѣжденія для нихъ до такой степени невозможно, что онѣ должны меньше страдать сомнѣніями. Назвать это мошенничествомъ будетъ несправедливо. Сила увлеченія, съ которой они берутся за дѣло, заглушаетъ въ нихъ всѣ постороннія мысли; цѣль представляется имъ столь абсолютно прекрасной, что имъ кажется законнымъ все, что можетъ способствовать ея достиженію. Въ своихъ основоположеніяхъ фанатизмъ всегда искрененъ и всегда способенъ на *обманъ въ выборѣ* средствъ для доказательства ихъ. Если

толпа не уступаетъ сразу доводамъ, на его оцѣнку хорошимъ т. е. его утвержденіямъ, то онъ прибѣгаетъ къ доводамъ, которые самъ считаетъ дурными. Для фанатизма вѣра—все; до мотивовъ вѣры ему дѣла нѣтъ. Согласились ли бы мы взять на себя отвѣтственность за всѣ тѣ аргументы, съ помощью которыхъ были обращены въ христіанство варвары? Въ наше время обманомъ подкрѣпляютъ доказательства только тогда, когда сознаютъ лживость того, что доказываютъ.

Въ прежнее время употребленіе такихъ средствъ доказывало глубокую убѣжденность и уживалось съ самымъ высокимъ уровнемъ нравственности. Намъ, критикамъ, на обязанности которыхъ лежитъ объяснить эту ложь, разыскать правду въ кучѣ обмановъ и всякаго рода иллюзій, загромождающихъ исторію, — намъ всѣ эти факты внушаютъ отвращеніе. Но нельзя-же требовать этой щепетильности отъ тѣхъ, на обязанности которыхъ лежало направлять бѣдное человѣчество. Вѣрующій человѣкъ никогда не колеблется въ выборѣ между общею правдой принципа и правдой отдѣльныхъ мелкихъ фактовъ. Во время коронованія Карла X существовали самыя достовѣрныя доказательства того, что священный сосудъ съ мѵромъ былъ уничтоженъ. И все-же сосудъ былъ найденъ, такъ какъ онъ былъ необходимъ. Съ одной стороны на картѣ стояло спасеніе королевской власти (такъ по крайней мѣрѣ думали),—съ другой стороны, дѣло шло о подлинности нѣсколькихъ капель масла; ни одинъ искренній роялистъ не могъ затрудниться рѣшить вопросъ. Среди чудесъ, приписываемыхъ Евангеліями Іисусу, есть чисто легендарныя. Возможно, однако, что были и такія, въ которыхъ онъ согласился играть роль. Оставимъ четвертое Евангеліе; Евангеліе отъ Марка, самое оригинальное изъ синоптиковъ, представляетъ жизнеописаніе заклинателя и чудотворца. Подробности указанныя въ гл. VIII, 45—46 *отъ Луки* не менѣе досадны, чѣмъ тѣ, которыя въ эпизодѣ съ Лазаремъ заставляютъ теологовъ кричать о миѳѣ и символѣ. Я не настаиваю на исторической дѣйствительности чуда, о которомъ идетъ рѣчь. Гипотеза, которую я предлагаю въ настоящей книгѣ, сводитъ все къ недоразумѣнію. Я хотѣлъ только показать, что этотъ странный эпизодъ изъ четвертаго *Евангелія* вовсе не представляетъ несокрушимаго возраженія *противъ исторической* цѣнности указаннаго Евангелія. Относи*тельно же* всей той части жизни Іисуса, къ анализу кото*мы сей* часъ перейдемъ, четвертое Евангеліе содержитъ о

ныя подробности, несравненно болѣе важныя, чѣмъ синоптики. И вотъ что странно: разсказъ о воскрешеніи Лазаря связанъ такими тѣсными узами съ этими послѣдними страницами, что если отбросить его, какъ вымыселъ, то все построеніе послѣднихъ недѣль жизни Іисуса, столь устойчивое въ нашемъ Евангеліи, немедленно рушится.

§ 24. Стихи Ѵ, 46—54 главы XI изображаютъ намъ первое совѣщаніе Іудеевъ, имѣвшее цѣлью погубить Іисуса; оно было непосредственнымъ результатомъ чуда въ Виѳаніи. Можно съ увѣренностью сказать, что связь эта искусственна. Однако насколько нашъ повѣствователь ближе къ истинѣ, чѣмъ синоптики, по которымъ заговоръ іудеевъ противъ Іисуса составляется только за два—три дня до его смерти. Кромѣ того разсматриваемый нами разсказъ вполнѣ естественъ; онъ заканчивается обстоятельствомъ, которое безусловно не было вымышлено, а именно бѣгствомъ Іисуса въ Ефраимъ или Ефронъ. Какой аллегорическій смыслъ можно искать въ этомъ? Неужели еще не ясно, что авторъ нашего Евангелія обладаетъ данными, совершенно неизвѣстными синоптикамъ, которые, не заботясь о составленіи біографіи, втискиваютъ въ нѣсколько дней шесть послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Іисуса? Ст. Ѵ. 55—56 представляютъ довольно удовлетворительную хронологію.

§ 25. Далѣе слѣдуетъ (XII, 1 и сл.) эпизодъ, общій всѣмъ Евангеліямъ, за исключеніемъ Луки, обработавшаго совершенно иначе свой матеріалъ; это вечеря въ Виѳаніи. Въ словахъ «шесть дней» стиха XII, 1, усматривали символическій доводъ, я хочу сказать, намѣреніе совмѣстить день помазанія съ днемъ 10 нисана, когда происходилъ выборъ пасхальныхъ агнцевъ (Исходъ XII, 3 6). Но это неясно выражено. Въ главѣ XIX, Ѵ, 36, въ которой сквозитъ намѣреніе уподобить Іисуса пасхальному агнцу, авторъ высказывается гораздо болѣе ясно. Неужели обстоятельства, сопровождавшія вечерю, въ подробностяхъ неизвѣстныя Матѳею и Марку представляютъ чистѣйшую фантазію нашего разсказчика? Не думаю. Скорѣе потому, что онъ знаетъ больше другихъ. Женщина, не названная въ синоптикахъ, это—Марія изъ Виѳаніи. Ученикъ, сдѣлавшій замѣчаніе, былъ Іуда, и имя этого ученика немедленно увлекаетъ разсказчика на почву рѣзкихъ личныхъ выходокъ (Ѵ, 6). Этотъ ст. Ѵ, 6 дышетъ взаимной ненавистью двухъ учениковъ, долго жившихъ вмѣстѣ, между которыми возникли сильные раздоры и которые пошли по противоположнымъ дорогамъ.

А эти два слова Μάρθα διηκόνει, такъ хорошо объясняющія цѣлый эпизодъ изъ Евангелія отъ Луки [37])? И разсказъ о волосахъ, которыми Марія вытирала ноги Іисуса, снова повторяется у Луки [38]). Все даетъ основаніе предполагать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ оргинальнымъ источникомъ, служащимъ ключемъ къ другимъ, искаженнымъ разсказамъ. Я не отрицаю странности стиховъ 1—2, 9—11, 17—18, трижды возвращающихся къ вопросу о воскрешеніи Лазаря и подчеркивающихъ XI, 45 и сл. Наоботъ,—я не вижу ничего неправдоподобнаго въ приписываемомъ Виѳанской семьѣ намѣреніи поколебать равнодушіе іерусалимскихъ жителей такими внѣшними знаками уваженія какихъ же знала простодушная Галилея. Нельзя считать извѣстныя предположенія ложными только пототу, что они для кого-нибудъ оскорбительны или кого нибудь компрометтируютъ. Если бы можмо было видѣть оборотную сторону всѣхъ великихъ міровыхъ событій, которыми мы восхищаемся и которыми живемъ,—ни одно не выдержало критики. Замѣтьте, кромѣ того, что дѣйствующими лицами здѣсь являются жонщины, тронутыя тѣмъ чувствомъ несравненной любви, которую умѣлъ внушать одинъ Іисусъ всѣмъ окружающимъ,—женщины, вѣровавшіе въ то, что онѣ живутъ въ мірѣ чудесъ, убѣжденныя въ томъ, что Іисусъ сотворилъ безчисленное множество чудесъ,—и поставленныя лицемъ къ лицу съ невѣрующими, насмѣхавшимися надъ тѣмъ кого онѣ любили. Если бы хоть одно сомнѣніе могло зародиться въ ихъ душѣ, то вспоминаніе о другихъ чудесахъ Іисуса заглушило бы его. Предположите, что дама-легимистка призвана была бы содѣйствовать небу спасти Жоаса. Развѣ она колебалась бы? Страсть всегда приписываетъ Богу тотъ гнѣвъ и тѣ интересы, которыми волнуется сама; она выступаетъ совѣтчикомъ Бога, заставляетъ его говорить и дѣйствовать. Получается увѣренность въ своей правотѣ: выходитъ, что служить Богу, поддерживая его дѣло, пополняя то усердіе, котораго ему не хватаетъ.

§ 26. Разсказъ о торжественномъ пришествіи Іисуси въ Іерусалимъ вполнѣ совпадаетъ съ разсказомъ синоптиковъ (XII 12 и сл.). Здѣсь опять поражаетъ новое упоминаніе о чудѣ въ Виѳаніи (V. 17—18.) И вотъ за это чудо фарисеи рѣшили погубить Іисуса; это чудо заставило увѣровать Іерусалимлянъ; это чудо было причиной тріумфа въ Виѳаніи. Я охотно отнесъ бы все это насчетъ редактора 150 года, но

знакомаго съ истиннымъ характеромъ и наивнымъ невѣдѣніемъ галилейскаго движенія. Но прежде всего ошибочно было бы думать, что невинность и сознательная иллюзія взаимно другъ друга исключаютъ. Здѣсь нужно искать аналогій съ быстрой смѣной чувствъ въ душѣ восточной женщины. Страсть, наивность, глубокая преданность, нѣжность, вѣроломство, идиллія и преступленіе, легкомысліе и глубина, искренность и лживость быстро смѣняютъ другъ друга въ натурахъ такого рода и исключаютъ всякую возможность абсолютной ихъ оцѣнки. Въ такихъ случаяхъ критика должна избѣгать абсолютныхъ критеріевъ. Методъ миѳологическій даетъ, правда, часто вѣрное руководство; но не слѣдуетъ изъ за этого совсѣмъ отбрасывать историческій методъ. Стихи 20 и сл. гл. XII носятъ несомнѣнно историческій характеръ: Въ нихъ описывается смутный и стоящій особнякомъ эпизодъ обращенія Эллиновъ къ Филиппу. Замѣтьте роль этого апостола; одно четвертое Евангеліе знаетъ о немъ кое что. Замѣтьте въ особенности еще то, что въ этой цитатѣ нѣтъ ничего символическаго или догматическаго. Было бы совершенно напрасно утверждать, что эти греки такія же разумныя существа, какъ Никодимъ и Самаритянка. Рѣчь Іисуса, вызванная ими (23 и сл.), не имѣетъ къ нимъ совершенно никакого отношенія.

Реченіе, содержащееся въ ст. 25, повторяется въ синоптикахъ; оно, очевидно, подлинно. Нашъ авторъ не скопировалъ его изъ синоптиковъ. Такъ что даже въ подлинныхъ словахъ Іисуса, авторъ четвертаго Евангелія слѣдуетъ иногда преданіямъ.

§ 27. Стихи 27 и слѣд. имѣютъ громадное значеніе. Іисусъ взволнованъ. Онъ молитъ своего Отца «избавить его отъ часа сего». Затѣмъ онъ смиряется. Съ неба раздается голосъ или, по словамъ другихъ, ангелъ говоритъ съ Іисусомъ. Что означаетъ этотъ эпизодъ? Нечего сомнѣваться въ томъ, что это параллель къ душевной тоскѣ въ Геѳсиманскомъ саду—моментомъ, дѣйствительно пропущеннымъ авторомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ быть, а именно послѣ Тайной вечери. Замѣтьте обстоятельство появленія ангела, извѣстное одному Лукѣ; еще одна лишняя черта въ ряду совпаденій между третьимъ и четвертымъ Евангеліемъ, представляющихъ важный фактъ для евангельской критики. Но существованіе двухъ столь различныхъ версій объ *одномъ* и томъ же обстоятельствѣ изъ послѣднихъ *дней жизни* Іисуса и притомъ несомнѣнно историческомъ, яв-

ляется фактомъ, имѣющимъ еще болѣе рѣшающее значеніе. Кто-же, однако, заслуживаетъ въ данномъ случаѣ предпочтенія? По моему, четвертое Евангеліе. Во первыхъ, повѣствованіе этого Евангелія менѣе драматично, менѣе искусственно и менѣе послѣдовательно (менѣе и красиво, долженъ признать). Во вторыхъ, моментъ, къ которому четвертый Евангелистъ относитъ разсматриваемый эпизодъ, болѣе подходящій. Синоптики отнесли сцену въ Геѳсиманскомъ саду, какъ и другія торжественныя обстоятельства, къ послѣднему вечерv Іисуса, въ силу свойственной намъ склонности пріурочивать свои воспоминанія къ послѣднимъ часамъ жизни дорогого лица. Кромѣ того,—расположенные въ такомъ порядкѣ обстоятельства производятъ большее впечатлѣніе. Но чтобы согласиться съ порядкомъ, принятымъ синоптиками, надо предположить, что Іисусъ точно зналъ день своей смерти. Въ общемъ мы видимъ, что синоптики неоднократно уступаютъ желанію располагать по своему матеріалъ, дѣлать нѣсколько искусственныя построенія. Геніальная искусственность, благодаря которой создалась самая прекрасная поэма, когда-либо написанная—сказаніе о Страстяхъ! Безспорно, что въ подобномъ случаѣ историческая критика всегда предпочтетъ менѣе драматизировамную версію.

Въ виду этого-то мы должны считать при опредѣленіи исторической цѣнности разсказа синоптиковъ Матѳея ниже Марка и Луку ниже Матѳея.

§ 28. Вотъ мы и подошли къ послѣднему вечеру (гл. XIII). Прощальная вечеря описана, какъ и въ синоптикахъ, весьма подробно. Но удивительная вещь! самое важное, съ точки зрѣнія синоптиковъ, обстоятельство пропущено; ни одного слова не сказано объ установленіи Евхаристіи, которая занимаетъ такое видное мѣсто въ мысляхъ нашего автора (гл. XI). И однако, какой обдуманный характеръ носитъ въ этомъ мѣстѣ повѣствованіе! Какъ сильно настаиваетъ авторъ на сантиментальномъ и мистическомъ характерѣ послѣдней вечери! Что же значитъ это умолчаніе? Какъ и въ сценѣ въ Геѳсиманскомъ саду—я вижу въ этомъ пропускѣ признакъ превосходства четвертаго Евангелія. Допустить, что Іисусъ оставилъ на четвергъ вечеромъ установленіе такого важнаго ритуальнаго момента, это значитъ признать что то вродѣ чуда, значитъ допустить, что *Іисусъ зналъ* навѣрное, что умретъ завтра. Хотя Іисусъ *(это позволительно* допустить) и могъ имѣть предчувствія, все *же безъ сверхъестественнаго* вмѣшательства такой ясности пред-

видѣнія нельзя допустить. Поэтому я полагаю, что, вслѣдствіе весьма легко объяснимой перестановки, ученики сгруппировали всѣ свои воспоминанія объ Евхаристіи вокругъ послѣдней вечери. Во время этой вечери Іисусъ выполнилъ, какъ онъ это дѣлалъ уже много разъ, обыкновенный ритуалъ, принятый за іудейскимъ столомъ, придавъ ему мистическое значеніе, что ему доставляло удовольствіе; а такъ какъ послѣднюю вечерю помнили гораздо лучше, чѣмъ всѣ другія, то всѣ согласились относить къ ней время установленія этого существенно важнаго обряда. Авторитетъ св. Павла, который въ этомъ пунктѣ сходился съ синоптиками, не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ онъ не присутствовалъ на вечерѣ; онъ доказываетъ только, и въ этомъ нельзя сомнѣваться, что большая часть преданій относила учрежденіе достопамятнаго таинства къ кануну смерти Іисуса. Это преданіе отвѣчало общепринятому мнѣнію, что въ этотъ вечеръ Іисусъ замѣнилъ іудейскую Пасху новой Пасхой; оно основывалось на другомъ мнѣніи синоптиковъ, оспариваемомъ четвертымъ Евангеліемъ; именно, что Іисусъ справилъ съ учениками пасхальную трапезу и умеръ, слѣдовательно, на слѣдующій день послѣ того, въ который вкушали пасхальнаго агнца. Особенно замѣчательно, что четвертое Евангеліе даетъ вмѣсто Евхаристіи другой обрядъ, обрядъ омовенія ногъ, въ качествѣ установленія, сдѣланнаго на послѣдней тайной вечерѣ. Несомнѣнно, что на этотъ разъ и нашъ евангелистъ уступилъ естественному стремленію отнести къ послѣднему вечеру торжественные акты жизни Іисуса. Ненависть нашего автора къ Іудѣ обнаруживается все больше и больше въ томъ усиленномъ вниманіи, которое заставляетъ его говорить объ этомъ несчастномъ даже тогда, когда онъ непосредственнаго отношенія къ дѣлу не имѣетъ, (стихи 2, 10—11, 18). Въ разсказѣ о замѣчаніи Іисуса объ измѣнѣ опять-таки обнаруживается крупное превосходство нашего текста. Тотъ же самый разсказъ находится и въ синоптикахъ, но изложенъ неправдоподобно и противорѣчиво. Въ синоптикахъ говорится, что Іисусъ указалъ на предателя намеками, а между тѣмъ приписываютъ ему такія слова, по которымъ всѣ должны были бы понять его. Нашъ четвертый евангелистъ превосходно объясняетъ это маленькое недоразумѣніе: Іисусъ сообщаетъ по секрету о своихъ предчувствіяхъ ученику, положившему свою голову ему на грудь; а этотъ послѣдній сообщаетъ Петру то, *что ему сказалъ* Іисусъ. Въ отношеніи остальныхъ присутствующихъ Іисусъ сохраняетъ тайну, и никто и не подозр

ваетъ о томъ, что произошло между нимъ и Іудой. Мелкія детали разсказа, обмакнутый хлѣбъ, подробность ст. 29, обнаруживающая передъ нами внутреннюю жизнь секты, весьма правдоподобны и когда авторъ открыто заявляетъ «я былъ тамъ», то хочется вѣрить, что это, дѣйствительно, такъ. Аллегорія всегда холодна и суха, дѣйствующія лица въ ней словно вылиты изъ металла и движутся, какъ автоматы. Не то у нашего автора. Въ его разсказѣ поражаетъ жизненность, реальность. Въ немъ чувствуется человѣкъ страстный, ревнивый, потому что онъ сильно любитъ, впечатлительный человѣкъ, сильно похожій на современныхъ восточныхъ людей. Искусственныя сочиненія никогда не носятъ такого личнаго отпечатка; они всегда отличаются нѣкоторой дѣланностью и неясностью.

§ 29. Далѣе идутъ длинныя рѣчи, имѣющія свою прелесть, но въ которыхъ, безспорно, не заключается никакихъ преданій. Это образцы теологическаго и риторическаго характера, не имѣющія никакого сходства съ рѣчами Іисуса въ синоптическихъ Евангеліяхъ, и которымъ не слѣдуетъ придавать большей исторической цѣнности, чѣмъ тѣмъ рѣчамъ, которыя Платонъ влагаетъ въ уста своего учителя въ моментъ его смерти. На основаніи этого нельзя еще дѣлать заключенія о цѣнности текста. Рѣчи, вставленнныя Саллюстіемъ и Титомъ Ливіемъ въ ихъ исторіи, навѣрняка вымышлены; можно ли дѣлать изъ этого выводъ, что и сущность этихъ разсказовъ представляетъ вымыселъ? Кромѣ того, весьма вѣроятно, что въ длинныхъ поученіяхъ, приписываемыхъ Іисусу, есть много выраженій, имѣющихъ свою историческую цѣнность. Такъ, обѣщаніе ниспосланія Св. Духа (XIV, 16 и сл., 26; XV, 26; XVI, 7, 13) которое Маркъ и Матѳей не приводятъ въ прямыхъ выраженіяхъ, снова встрѣчается у Луки (XXIV, 49) и соотвѣтствуетъ одному факту въ *Дѣяніяхъ* (II) [39]) который, повидимому, долженъ былъ имѣть нѣкоторую реальную подкладку. Во всякомъ случаѣ, это представленіе о духѣ, котораго Іисусъ ниспошлетъ изъ лона Отца своего, послѣ того какъ покинетъ землю, является еще одной чертой сходства съ Лукой (*Дѣянія* I и II). Идея о Св. Духѣ, какъ о ходатаѣ (*Параклетъ*), также встрѣчается въ синоптикахъ, въ особенности у Луки (XII, 11—12; ср. Матѳ., X, 20; Маркъ, XIII, 11). Картина вознесенія, нарисованная Лукой, имѣетъ неясный зародышъ у нашего автора.

§ 30. После Тайной вечери, нашъ Евангелистъ, какъ и синоптики, приводитъ Іисуса въ Геѳсиманскій Садъ (гл. XVIII).

Топографическія данныя 1 стиха вѣрны. Слова τῶν κέδρων могли явиться результатомъ оплошности переписчика или, если можно такъ выразиться, издателя, подготовившаго эту рукопись для публики. Та же ошибка повторяется и у Семидесяти толковниковъ (II Самуила, XV, 23). Въ *Codex Sinaïticus* сказано τοῦ κέδρον. Правильное начертаніе τοῦ χεδρῶν должно было казаться лицамъ, знавшимъ только греческій языкъ, весьма страннымъ. Выше я уже говорилъ, что въ пропускѣ разсказа о моментѣ душевнаго томленія я усматриваю доводъ въ пользу разсказа четвертаго Евангелія. Разсказъ объ арестѣ Іисуса также изложенъ гораздо лучше въ четвертомъ Евангеліи. Вопросъ о поцѣлуѣ Іуды, столь трогательный и прекрасный, но столь сильно отзывающійся легендой, обойденъ здѣсь молчаніемъ. Іисусъ самъ называетъ себя и отдается въ руки стражѣ. Правда, здѣсь имѣется указаніе на совершенно безцѣльное чудо (ст. 6); но то обстоятельство, что Іисусъ проситъ отпустить сопровождавшихъ его (ст. 8) учениковъ, весьма правдоподобно. Весьма возможно, что сначала ихъ задержали вмѣстѣ съ ихъ учителемъ. Вѣрный своей обычной точности, дѣйствительной или показной, нашъ авторъ называетъ имена двухъ лицъ, вступившихъ въ кратковременную борьбу съ стражей, слѣдствіемъ чего было легкое кровопролитіе.

§ 31. Но вотъ самое вѣское доказательство того, что по вопросу о Страстяхъ нашъ авторъ обладаетъ болѣе оригинальными источниками, чѣмъ остальные евангелисты. Только у него одного Іисуса ведутъ къ Аннѣ, тестю Каіафы. Іосифъ подтверждаетъ истинность этого разсказа и Лука повидимому здѣсь является какъ бы отголосковъ нашего Евангелія [40]). Анна уже давно былъ лишенъ первосвященническаго сана; но въ теченіе всего остатка своей продолжительной жизни, онъ сохранялъ дѣйствительную власть, которую онъ осуществлялъ отъ имени своихъ сыновей и зятьевъ, возводившихся послѣдовательно въ санъ первосвященниковъ [41]). Это обстоятельство, о которомъ и не подозрѣваютъ первые два синоптика, плохо освѣдомленные вообще о ходѣ событій въ Іерусалимѣ, проливаетъ на все яркій лучъ свѣта. Какимъ образомъ сектантъ, писавшій во II вѣкѣ въ Египтѣ или Малой Азіи, могъ знать все это? Часто повторяющееся мнѣніе, что нашъ авторъ не знакомъ ни съ Іерусалимомъ, ни съ іудейскими дѣлами мнѣ кажется совершенво лишеннымъ основанія.

§ 32. Тоже преимущество представляетъ и разсказъ объ отреченіи Петра. Весь этотъ эпизодъ изложенъ обстоятельнѣе и лучше объясненъ у нашего автора. Подробности 16 стиха дышутъ поразитлььной правдой. Отказываясь совершенно видѣть въ нихъ неправдоподобность, я наоборотъ вижу въ нихъ слѣды той наивности, которой отличается провинціалъ, хвастающійся своимъ вліяніемъ въ министерствѣ на томъ основаніи, что онъ знакомъ тамъ съ швейцаромъ или лакеемъ. Можно ли утверждать, что здѣсь есть какая нибудь мистическая аллегорія? Петръ, жившій много лѣтъ спустя послѣ событій и составлявшій свое сочиненіе на основаніи общепринятыхъ текстовъ, не писалъ бы такимъ образомъ. Взгляните на синоптики; въ нихъ все наивно скомбинированно для достиженія эффекта. Правда масса подробностей четвертаго Евангелія отзывается также искусственностью, но зато многія другія повидимому попали сюда только потому, что они правдивы,—настолько онѣ случайны и такъ онѣ жизненны.

§ 33. Наконецъ, мы подходимъ къ исторіи съ Пилатомъ. Обстановка 28 стиха повидимому совершенно соотвѣтствуетъ истинѣ. Нашъ авторъ расходится съ синоптиками въ опредѣленіи дня смерти Іисуса. Согласно его словамъ, это былъ день, когда ѣли пасхальнаго агнца, т. е. 14 нисана; по синоптикамъ же, это былъ слѣдующій день. Возможно, что нашъ авторъ правъ. Ошибка синоптиковъ вполнѣ естественно объясняется желаніемъ превратить послѣднюю Тайную вечерю въ пасхальную трапезу съ цѣлью придать ей больше торжественности и сохранить поводъ къ празднованію іудейской Пасхи. Правда, можно также сказать, что четвертое Евангеліе потому отнесло смерть Іисуса ко дню, когда ѣдятъ пасхальнаго агнца, что оно хотѣло внушить мысль, что Іисусъ-то и былъ настоящимъ пасхальнымъ агнцемъ, — мысль, выраженная въ одномъ мѣстѣ (XIX, 36) и вѣроятно, не чуждая и слѣдующимъ мѣстамъ: XII, 1 и XIX, 29. Извращеніе синоптиками исторической дѣйствительности доказывается еще тѣмъ что они проводятъ одно обстоятельство, взятое изъ обыкновеннаго пасхальнаго церемоніала, а не изъ положительнаго преданія; я говорю о пѣніи псалмовъ [42]). Нѣкоторыя подробности, приводимыя синоптиками, напримѣръ, о Симонѣ изъ Кирены, возвращавшемся съ полевыхъ работъ, даютъ основаніе *предполагать,* что распятіе состоялось до начала праздника *Пасхи. Наконецъ*, ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться

съ предположеніемъ, чтобы Іуда назначилъ казнь, и даже Римляне выполнили ее—въ такой торжественный день [43]).

§ 34. Я оставляю въ сторонѣ разговоры Пилата и Іисуса, составленные, очевидно, на основаніи догадокъ, но съ довольно вѣрнымъ пониманіемъ положенія обоихъ лицъ. Вопросъ, встрѣчающійся въ стихѣ 9, опять находитъ отголосокъ у Луки и, какъ всегда, эта ничтожная подробность превращается у третьяго евангелиста въ цѣлую легенду [44]). И указанія топографіи мѣстности и древне-еврейскій языкъ ст. 13 доброкачественны. Вся эта сцена отличается высокой исторической правдой, хотя обороты рѣчи, приписываемые дѣйствующимъ лицамъ, сходны съ манерой говорить самого разсказчика. Наоборотъ,—все то, что касается Вараввы, болѣе удовлетворительно изложено у синоптиковъ. Нашъ авторъ безусловно ошибается, изображая этого человѣка воромъ. Синоптики положительно ближе къ истинѣ, изображая его лицомъ, любимымъ народомъ и посланнымъ въ заключеніе за мятежъ. Въ вопросѣ о бичеваніи Маркъ и Матѳей опять таки отличаются маленькой лишней подробностью. Изъ ихъ разсказа яснѣе видно, что бичеваніе являлось, на основаніи обычнаго права, предварительной стадіей распятія. Авторъ четвертаго Евангелія также повидимому не сомнѣвается въ томъ, что бичеваніе предполагало уже безусловное осужденіе. На этотъ разъ четвертое Евангеліе опять таки совершенно согласно съ Лукой (XXIII, 16): во всемъ, что касается Пилата, оно, какъ и этотъ послѣдній, старается оправдать римскаго сановника и обвинить Іудеевъ.

§ 35. Мелкая подробность о туникѣ безъ швовъ, даетъ опять таки аргументъ противъ нашего автора. Можно предположить, что онъ написалъ ее, совершенно не понявъ параллелизма въ цитируемомъ имъ мѣстѣ псалма XXII. Примѣръ подобнаго же рода ошибки мы встрѣчаемъ и у Матѳея XXI, 2—5. Быть можетъ, на все это мѣсто оказалъ вліяніе фактъ существованія туники безъ швовъ, которую носилъ первосвященникъ (Іосифъ *Ant.* III, VII, 4).

§ 36. Здѣсь мы подходимъ къ самому сильному возраженію противъ правдивости нашего автора. По Матѳею и Марку, при распятіи присутствовали только галилейскія женщины, неразлучныя спутницы Іисуса. Лука присоединяетъ къ этимъ женщинамъ и «всѣхъ знавшихъ Іисуса» (Πάντες οἱ γνωστοὶ αὐτῷ); добавленіе это находится въ противорѣчіи съ первыми

двумя евангеліями [45]) и съ сообщеніемъ Іустина [46]) объ измѣнѣ учениковъ (οἱ γνώςνμοι πάντεζ) послѣ его распятія. Во всякомъ случаѣ, по первымъ тремъ евангеліямъ, эта группа вѣрныхъ держится «въ отдаленіи» отъ креста и не разговариваетъ съ Іисусомъ. Наше евангеліе добавляетъ три существенныхъ детали: 1) Марія, мать Іисуса, присутствуетъ при распятіи; 2) Іоаннъ также присутствуетъ тамъ; 3) всѣ стоятъ у подножія креста; Іисусъ разговариваетъ съ ними и поручаетъ свою мать попеченію своихъ любимыхъ учениковъ. И странная вещь! «Мать сыновей Зеведея» или Саломея, причисляемая Маркомъ и Матѳеемъ къ сонму этихъ вѣрныхъ женщинъ, лишена этой чести въ разсказѣ, который, какъ полагаютъ, написанъ ея сыномъ. Нѣкоторую странность представляетъ также имя Маріи, приписываемое сестрѣ Маріи, матери Іисуса. Въ этомъ мѣстѣ я вполнѣ схожусь съ синоптиками. «Гораздо труднѣе представить себѣ, говоритъ Штраусъ, какъ могли быть забыты подробности о трогательномъ присутствіи Маріи у креста и о передачѣ Іисусомъ исполненія своихъ сыновнихъ обязанностей Іоанну, — чѣмъ представить себѣ, какимъ образомъ возникли всѣ эти подробности въ кружкѣ, гдѣ складывалось четвертое евангеліе. Вспомнимъ, что это кружокъ, въ которомъ апостолъ Іоаннъ пользовался особымъ почитаніемъ, доказательство чего мы усматриваемъ въ томъ стараніи, съ которымъ наше евангеліе старается выдѣлить его изъ числа трехъ наиболѣе близкихъ повѣренныхъ Іисуса и сдѣлать единственнымъ, наиболѣе любимымъ апостоломъ; поэтому можно ли было придумать что-нибудь, что подчеркивало бы въ большей мѣрѣ это предпочтеніе, чѣмъ торжественное заявленіе Іисуса, который послѣднимъ актомъ своей воли завѣщалъ Іоанну свою мать, какъ самое драгоцѣнное наслѣдіе, поставилъ его такимъ образомъ, на свое мѣсто и сдѣлалъ его «викаріемъ Христа». Я не говорю уже о томъ, что было бы вполнѣ естественно поставить себѣ, по поводу Маріи, точно такъ же, какъ и по поводу любимаго апостола, вопросъ, возможно ли, чтобы они ушли отъ Іисуса въ такой важный моментъ?»

Это превосходное разсужденіе. Оно прекрасно доказываетъ, что у нашего редактора была не одна задняя мысль, что онъ не былъ искрененъ и абсолютно наивенъ, какъ Матѳей и Маркъ. *Но въ этомъ*, по крайней мѣрѣ, и заключается наиболѣе ясная *черта оригинальности* обсуждаемаго нами произведенія. При

сближеніи этой цитаты съ другими мѣстами, въ которыхъ перечисляются привилегіи «любимаго ученика Іисуса», не остается никакого сомнѣнія относительно той христіанской семьи, отъ которой исходитъ эта книга. Это вовсе не доказываетъ, что ее написалъ ближайшій ученикъ Іисуса; это доказываетъ только, что пишущій желаетъ увѣрить въ томъ, что онъ описываетъ воспоминанія ближайшаго ученика Іисуса, что его цѣль превознести права этого ученика и доказать, что онъ истинный братъ, духовный братъ Іисуса, чѣмъ не были ни Іаковъ, ни Петръ.

Во всякомъ случаѣ, новое найденное нами сходство между текстами четвертаго Евангелія и Евангелія отъ Луки весьма замѣчательно. Дѣйствительно, слова Луки (XXIII, 49) не отвергаютъ въ точности присутствія Маріи у подножія Креста, а авторъ *Дѣяній*, который является также и авторомъ третьяго Евангелія, указываетъ на присутствіе Маріи въ числѣ учениковъ въ Іерусалимѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Іисуса. Но все это имѣетъ незначительную историческую цѣнность, такъ какъ авторъ третьяго Евангелія и *Дѣяній* (по крайней мѣрѣ, первыхъ главъ послѣдняго сочиненія) является наименѣе авторитетнымъ традиціонистомъ среди всѣхъ авторовъ Новаго Завѣта. Но все это все болѣе и болѣе устанавливаетъ, по моему, весьма важный фактъ, что Іоанновское преданіе не являлось обособленнымъ въ исторіи первоначальной Церкви, что многія преданія, свойственныя школѣ Іоанна, обнаруживались или были свойственны и другимъ христіанскимъ Церквамъ, еще до редактированія четвертаго Евангелія или по крайней мѣрѣ независимо отъ него. Поэтому мнѣ кажется весьма невѣроятнымъ предположеніе, что авторъ четвертаго Евангелія при составленіи его имѣлъ передъ собою Евангеліе отъ Луки.

§ 37. Въ вопросѣ о напиткѣ, который Іисусъ пилъ на Крестѣ, нашъ текстъ опять имѣетъ преимущество. Это обстоятельство, весьма затемненное у Матеея и Марка и совершенно видоизмѣненное у Луки (XXIII, 36), получаетъ здѣсь весьма правдоподобное объясненіе. Самъ Іисусъ, мучимый жаждой, попросилъ пить. Солдатъ подаетъ ему при помощи губки немного принадлежащей ему подкисленной воды. Это вполнѣ естественно и археологически вѣрно. Въ этомъ нѣтъ ни насмѣшки, ни отягченія мученій, какъ это полагаютъ синоптики. Наоборотъ, это черта гуманности солдата.

§ 38. Наше Евангеліе пропускаетъ землетрясеніе и

А эти два слова Μάρθα διηκόνει, такъ хорошо объясняющія цѣлый эпизодъ изъ Евангелія отъ Луки [37]? И разсказъ о волосахъ, которыми Марія вытирала ноги Іисуса, снова повторяется у Луки [38]. Все даетъ основаніе предполагать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ оргинальнымъ источникомъ, служащимъ ключемъ къ другимъ, искаженнымъ разсказамъ. Я не отрицаю странности стиховъ 1—2, 9—11, 17—18, трижды возвращающихся къ вопросу о воскрешеніи Лазаря и подчеркивающихъ XI, 45 и сл. Наоботъ,—я не вижу ничего неправдоподобнаго въ приписываемомъ Виѳанской семьѣ намѣреніи поколебать равнодушіе іерусалимскихъ жителей такими внѣшними знаками уваженія какихъ же знала простодушная Галилея. Нельзя считать извѣстныя предположенія ложными только пототу, что они для кого-нибудь оскорбительны или кого нибудь компрометтируютъ. Если бы можмо было видѣть оборотную сторону всѣхъ великихъ міровыхъ событій, которыми мы восхищаемся и которыми живемъ,—ни одно не выдержало критики. Замѣтьте, кромѣ того, что дѣйствующими лицами здѣсь являются женщины, тронутыя тѣмъ чувствомъ несравненной любви, которую умѣлъ внушать одинъ Іисусъ всѣмъ окружающимъ,—женщины, вѣровавшіе въ то, что онѣ живутъ въ мірѣ чудесъ, убѣжденныя въ томъ, что Іисусъ сотворилъ безсчисленное множество чудесъ,—и поставленныя лицемъ къ лицу съ невѣрующими, насмѣхавшимися надъ тѣмъ кого онѣ любили. Если бы хоть одно сомнѣніе могло зародиться въ ихъ душѣ, то вспоминаніе о другихъ чудесахъ Іисуса заглушило бы его. Предположите, что дама-легимистка призвана была бы содѣйствовать небу спасти Жоаса. Развѣ она колебалась бы? Страсть всегда приписываетъ Богу тотъ гнѣвъ и тѣ интересы, которыми волнуется сама; она выступаетъ совѣтчикомъ Бога, заставляетъ его говорить и дѣйствовать. Получается увѣренность въ своей правотѣ: выходитъ, что служить Богу, поддерживая его дѣло, пополняя то усердіе, котораго ему не хватаетъ.

§ 26. Разсказъ о торжественномъ пришествіи Іисуси въ Іерусалимъ вполнѣ совпадаетъ съ разсказомъ синоптиковъ (XII 12 и сл.). Здѣсь опять поражаетъ новое упоминаніе о чудѣ въ Виѳаніи (Ѵ. 17—18.) И вотъ за это чудо фарисеи *рѣшили* погубить Іисуса; это чудо заставило увѣровать Іеру*салимлянъ; это* чудо было причиной тріумфа въ Виѳаніи. Я *охотно отнесъ бы* все это насчетъ редактора 150 года, но

знакомаго съ истиннымъ характеромъ и наивнымъ невѣдѣніемъ галилейскаго движенія. Но прежде всего ошибочно было бы думать, что невинность и сознательная иллюзія взаимно другъ друга исключаютъ. Здѣсь нужно искать аналогій съ быстрой смѣной чувствъ въ душѣ восточной женщины. Страсть, наивность, глубокая преданность, нѣжность, вѣроломство, идиллія и преступленіе, легкомысліе и глубина, искренность и лживость быстро смѣняютъ другъ друга въ натурахъ такого рода и исключаютъ всякую возможность абсолютной ихъ оцѣнки. Въ такихъ случаяхъ критика должна избѣгать абсолютныхъ критеріевъ. Методъ миѳологическій даетъ, правда, часто вѣрное руководство; но не слѣдуетъ изъ за этого совсѣмъ отбрасывать историческій методъ. Стихи 20 и сз. гл. XII носятъ несомнѣнно историческій характеръ: Въ нихъ описывается смутный и стоящій особнякомъ эпизодъ обращенія Эллиновъ къ Филиппу. Замѣтьте роль этого апостола; одно четвертое Евангеліе знаетъ о немъ кое что. Замѣтьте въ особенности еще то, что въ этой цитатѣ нѣтъ ничего символическаго или догматическаго. Было бы совершенно напрасно утверждать, что эти греки такія же разумныя существа, какъ Никодимъ и Самаритянка. Рѣчь Іисуса, вызванная ими (23 и сл.), не имѣетъ къ нимъ совершенно никакого отношенія.

Реченіе, содержащееся въ ст. 25, повторяется въ синоптикахъ; оно, очевидно, подлинно. Нашъ авторъ не скопировалъ его изъ синоптиковъ. Такъ что даже въ подлинныхъ словахъ Іисуса, авторъ четвертаго Евангелія слѣдуетъ иногда преданіямъ.

§ 27. Стихи 27 и слѣд. имѣютъ громадное значеніе. Іисусъ взволнованъ. Онъ молитъ своего Отца «избавить его отъ часа сего». Затѣмъ онъ смиряется. Съ неба раздается голосъ или, по словамъ другихъ, ангелъ говоритъ съ Іисусомъ. Что означаетъ этотъ эпизодъ? Нечего сомнѣваться въ томъ, что это параллель къ душевной тоскѣ въ Геѳсиманскомъ саду—моментомъ, дѣйствительно пропущеннымъ авторомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ быть, а именно послѣ Тайной вечери. Замѣтьте обстоятельство появленія ангела, извѣстное одному Лукѣ; еще одна лишняя черта въ ряду совпаденій между третьимъ и четвертымъ Евангеліемъ, представляющихъ важный фактъ для евангельской критики. Но существованіе двухъ столь различныхъ версій объ одномъ и томъ же обстоятельствѣ изъ послѣднихъ *дней жизни* Іисуса и притомъ несомнѣнно историческомъ, яв-

Евангелія, не приписываетъ себѣ никакого особаго видѣнія. Поддѣлыватель писалъ бы, не заботясь о преданіяхъ, съ цѣлью возвысить главу школы, не счелъ бы преступнымъ приписать еще одно явленіе Іисуса любимому ученику среди цѣлаго ряда явленій, относимыхъ къ этимъ первымъ днямъ [54]) По крайней мѣрѣ, по отношенію къ Іакову такъ было сдѣлано.

Отмѣтьте еще одно соотвѣтствіе Луки (XXIV, 4) съ Іоанномъ (XX, 12—13). У Марка и Матѳея упоминается только о появленіи одного ангела въ этотъ моментъ. Лучомъ свѣта является ст. 9. Синоптики совершенно не заслуживаютъ довѣрія, когда говорятъ, что Іисусъ предсказалъ свое воскресеніе.

§ 43. Явленіе, которое слѣдуетъ далѣе у нашего автора, т. е. явленіе апостоламъ, собравшимся въ воскресенье вечеромъ, вполнѣ согласуется съ перечисленіемъ явленій у Павла [55]). Но особенно поразительны и рѣшительны совпаденія съ Лукой. Не только явленіе происходитъ въ одно и то же время, однимъ и тѣмъ же лицамъ, но даже и слова, произнесенныя Іисусомъ, тѣ же; подробности о томъ, какъ Іисусъ показывалъ свои ноги и руки, слегка видоизмѣнено, но его признаютъ и тотъ и другой, между тѣмъ какъ они отсутствуютъ у двухъ первыхъ синоптиковъ [56]). Въ этомъ пунктѣ Евангеліе отъ Евреевъ вполнѣ сходится съ третьимъ и четвертымъ Евангеліями [57]). «Но какимъ же образомъ», возразятъ мнѣ, «можно принимать за разсказъ очевидца, разсказъ, въ которомъ заключаются явно невозможныя вещи? Развѣ тотъ, кто соглашается съ подлинностью четвертаго Евангелія, не вѣря въ чудеса, не долженъ смотрѣть, какъ на обманъ, на категорическое утвержденіе, заключающееся въ ст. 30—31?» Конечно нѣтъ. Св. Павелъ также утверждаетъ, что онъ видѣлъ Іисуса и, однако, мы не отвергаемъ ни подлинности перваго посланія къ Коринѳянамъ, ни правдивости св. Павла.

§ 44. Особенностью нашего Евангелія можно считать то, что сошествіе Св. Духа совершается, согласно его словамъ, вечеромъ въ день воскресенія (XX, 22) [58]). Лука (*Дѣян.*, II и слѣд.) ставитъ это событіе послѣ вознесенія. Но, однако, замѣчательно то, что ст. Іоаона XX, 22 имѣетъ свою параллель въ XXIV, 49 Луки. Только контуры этого мѣста у Луки нарочно сдѣланы неясными, чтобы не противорѣчить разсказу объ *этомъ въ Дѣяніяхъ* (II, 1 и сл.). Здѣсь опять также третье и *четвертое* Евангеліе сообщаются другъ съ другомъ какъ бы по *скрытому каналу*.

§ 45. Я считаю, вмѣстѣ со всѣми критиками, что первая редакція четвертаго Евангелія заканчивается въ концѣ XX гл. Глава XXI представляетъ дополненіе, составленное самимъ авторомъ или его учениками, но дополненіе почти современное съ первымъ. Эта глава содержитъ въ себѣ разсказъ о новомъ явленіи воскресшаго Іисуса. Здѣсь опять замѣчаются важныя совпаденія съ третьимъ Евангеліемъ, не говоря уже о нѣкоторомъ сходствѣ съ Евангеліемъ отъ Евреевъ [59]).

§ 46. Затѣмъ слѣдуютъ довольно неясныя подробности (15 и сл.), но въ которыхъ чувствуется живѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, отпечатокъ школы Іоанна. Снова встрѣчается постоянно интересъ къ отношеніямъ Іоанна и Петра. Весь этотъ конецъ производитъ впечатлѣніе интимныхъ записокъ, имѣющихъ смыслъ только для писавшаго ихъ и для лицъ посвященныхъ. Намекъ на смерть Петра, чувство дружескаго и братскаго соперничества обоихъ апостоловъ, твердая увѣренность въ томъ, что Іоаннъ не умретъ, не увидавъ пришествія Іисуса,— все это кажется вполнѣ искреннимъ. Гипербола дурного стиля, заключающаяся въ ст. 25, не составляетъ несообразности въ этомъ сочиненіи, стоящемъ въ литературномъ отношеніи значительно ниже синоптиковъ. Кромѣ того, этого стиха нѣтъ и въ *Codex sinaiticus*. Наконецъ, 24 ст. обозначаетъ, повидимому, подпись. Слова: «И знаемъ, что истинно свидѣтельство его», представляютъ добавленіе учениковъ или скорѣе даютъ возможность предполагать, что послѣдніе редакторы пользовались замѣтками или воспоминаніями апостоловъ. Такія засвидѣтельствованія правдивости встрѣчаются почти въ тѣхъ же выраженіяхъ въ двухъ сочиненіяхъ, написанныхъ той же рукой, что и наше Евангеліе [60]).

§ 47. Итакъ, въ разсказѣ о загробной жизни Іисуса четвертое Евангеліе сохраняетъ свое превосходство. Но это превосходство обнаруживается главнымъ образомъ при общемъ рѣшеніи. Въ Евангеліяхъ отъ Луки и отъ Марка XVI, 9—20, жизнь воскресшаго Іисуса длится, повидимому, только одинъ день. У Матѳея она какъ будто тоже коротка. Согласно *Дѣяніямъ* (гл. I), она длилась сорокъ дней. У трехъ синоптиковъ и въ *Дѣяніяхъ* она заканчивается прощаніемъ или вознесеніемъ на небо. Въ четвертомъ Евангеліи эти событія расположены менѣе условно. Загробная жизнь не имѣетъ предѣловъ; она *длится какъ-бы* безконечно. Въ другомъ мѣстѣ [61]) я доказалъ *превосходство* этой системы. Въ настоящій моментъ достаточно

только указать, что онъ болѣе соотвѣтствуетъ основному положенію Св. Павла I посл. къ Коринѳянамъ XV, 5—8. Что-же слѣдуетъ изъ этого пространнаго анализа? 1) Что, разсматриваемый самъ по себѣ, разсказъ о матеріальныхъ обстоятельствахъ жизни Іисуса въ изложеніи четвертаго Евангелія стоитъ выше въ смыслѣ правдоподобности, чѣмъ разсказъ синоптиковъ; 2) что наоборотъ, всѣ рѣчи, приписываемыя Іисусу четвертымъ евангелистомъ, не носятъ вообще характера подлинныхъ его рѣчей; 3) что авторъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи собственныя свои преданія о жизни Іисуса, весьма отличающіяся отъ преданій синоптиковъ, кромѣ разсказовъ о послѣднихъ дняхъ; 4) что это преданіе все-таки довольно распространено, такъ какъ Лука, не принадлежащей къ школѣ, изъ которой вышло наше Евангеліе, имѣетъ извѣстное представленіе о нѣкоторыхъ фактахъ, съ которыми нашъ авторъ знакомъ хорошо и которыхъ совсѣмъ не знаютъ Маркъ и Матѳей; 5) что произведеніе это не имѣетъ той красоты, которую мы находимъ въ синоптическихъ Евангеліяхъ, такъ какъ Евангелія отъ Марка и отъ Матѳея представляютъ самобытныя произведенія творчества, а Евангеліе отъ Луки представляетъ поразительное соединеніе наивности съ глубокомысліемъ. Четвертое-же Евангеліе представляетъ рядъ плохо расположенныхъ замѣтокъ, въ которыхъ весьма плохо сливаются легенды и преданія, наивность и глубокомысліе; 6) что авторъ четвертаго Евангелія, кто бы онъ ни былъ, писалъ свое произведеніе съ цѣлью поднять авторитетъ одного изъ апостоловъ, доказать, что онъ игралъ роль въ такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ другіе разсказы не упоминаютъ о немъ, доказать, что онъ зналъ такія вещи, которыхъ не знали другіе ученики; 7) что, авторъ четвертаго Евангелія писалъ свое сочиненіе при болѣе развитомъ состояніи христіанства, чѣмъ синоптики и съ болѣе экзальтированными взглядами на божественную роль Іисуса. Образъ Іисуса вышелъ у него непреклоннымъ и священнымъ, подобно образу Эона или божественной ипостаси, дѣйствующихъ исключительно по своей волѣ; 8) что, если фактическій матеріалъ этого Евангелія и болѣе точенъ, чѣмъ у синоптиковъ, то историческая окраска въ немъ гораздо менѣе вѣрна, такъ что синоптическія Евангелія, несмотря на свои пропуски и ошибки, все же остаются истинными путево*дителями тогда*, когда желаютъ схватить общую физіономію *Іисуса.*

Естественно, что всѣ эти доводы, благопріятные для четвертаго Евангелія, получили бы особенно сильное подтвержденіе, если бы удалось установить, что авторъ этого Евангелія дѣйствительно апостолъ Іоаннъ, сынъ Зеведея; но это изслѣдованіе относится къ совершенно другой области. Нашей цѣлью было разсмотрѣть четвертое Евангеліе само по себѣ, независимо отъ вопроса объ его авторѣ. Вопросъ же объ авторѣ четвертаго Евангелія безусловно самый необыкновенный во всей исторіи литературы. Я не знаю ни одного вопроса критики, въ которомъ совмѣщались бы подобнымъ же образомъ противоположные признаки и которые держали бы разумъ въ большемъ недоумѣніи.

Прежде всего ясно, что авторъ желаетъ себя выдать за очевидца всѣхъ евангельскихъ событій (I, 14; XIX, 35) и за лучшаго друга Іисуса (XIII, 22 и сл.; XIX, 26 и сл., по сравненію съ XXI, 24). Излишне добавлять, что глава XXI представляетъ добавленіе, такъ какъ это добавленіе принадлежитъ или самому автору или его школѣ. Въ двухъ другихъ мѣстахъ (I, 35 и сл., XVIII 15 и сл.,) ясно видно, что авторъ любитъ говорить о себѣ намеками. Остается предположить одно изъ двухъ: или авторъ четвертаго Евангелія дѣйствительно ученикъ Іисуса и притомъ ученикъ близкій и самый старый, или для приданія себѣ большаго авторитета авторъ примѣнилъ хитрость, проходящую черезъ всю книгу цѣликомъ и направленную къ тому, что бы убѣдить, что онъ былъ наиболѣе близкимъ очевидцемъ фактовъ и поэтому можетъ передать ихъ правдиво.

Кто же этотъ ученикъ, авторитетомъ, котораго такъ похваляется авторъ? Заголовокъ указываетъ намъ его имя: это Іоаннъ. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что этотъ заголовокъ былъ прибавленъ противъ воли истиннаго автора. Онъ несомнѣнно былъ написанъ въ началѣ нашего Евангелія въ концѣ II вѣка. Съ другой стороны, вся евангельская исторія даетъ указаніе только на одно лицо съ именемъ Іоанна, кромѣ Іоанна Крестителя. Итакъ, приходится выбирать между двумя гипотезами: или признать авторомъ четвертаго Евангелія Іоанна сына Зеведея, или же смотрѣть на это Евангеліе, какъ на апокрифическое сочиненіе, составленное лицомъ, желавшимъ выдать его за произведеніе Іоанна, сына Зеведея. Дѣйствительно, здѣсь идетъ рѣчь не о легендахъ, созданныхъ толпой, за которыя никто не отвѣтственъ. Человѣкъ, вводящій в

заблужденіе публику, не только насчетъ своего имени, но и насчетъ достоинства своихъ свидѣтельствованій, для того, чтобы создать довѣріе къ своимъ словамъ,—такой человѣкъ является не составителемъ легенды, а авторомъ подлога.

Біографъ Франциска Ассизскаго, жившій на сто-двѣсти лѣтъ позже этого выдающагося человѣка, можетъ разсказать про него цѣлую массу чудесъ, созданныхъ преданіемъ, оставаясь самымъ честнымъ и непорочнымъ человѣкомъ. Но если этотъ біографъ скажетъ: «Я былъ его близкимъ другомъ; онъ любилъ меня болѣе всѣхъ другихъ; все, что я вамъ разскажу, истинно, такъ какъ я все это видѣлъ самолично»—то безспорно, что онъ будетъ заслуживать совершенно другой оцѣнки.

Но повидимому, этотъ подлогъ—еще не все, что сдѣлалъ авторъ. Въ нашемъ распоряженіи находятся еще три посланія, носящія на себѣ имя Іоанна. Съ точки зрѣнія критики, весьма вѣроятно предположеніе, что по крайней мѣрѣ первое изъ этихъ посланій принадлежитъ тому же автору, что и четвертое Евангеліе. Оно производитъ впечатлѣніе въ обоихъ произведеніяхъ почти одно и то же. Языкъ произведеній Новаго Завѣта такъ бѣденъ въ выраженіяхъ, такъ мало разнообразенъ, что такія заключенія можно вывести почти съ абсолютной увѣренностью. Авторъ этого посланія точно такъ же, какъ, и авторъ Евангелія, выдаетъ себя за очевидца всей евангельской исторіи (первое посл. Іоанна, I, 1 и сл.; IV, 14). Онъ выдаетъ себя за человѣка извѣстнаго, пользующагося большимъ уваженіемъ среди Церкви. Съ перваго взгляда кажется, что самой естественной гипотезой является предположеніе, что всѣ эти произведенія принадлежатъ перу Іоанна, сына Зеведея.

Однако, поспѣшимъ оговориться: первокласные критики отвергали подлинность четвертаго Евангелія не безъ серьезныхъ основаній. Это произведеніе очень рѣдко цитируется въ древней христіанской литературѣ; его авторитетъ начинаетъ распространяться значительно позже [62]). Меньше всего это Евангеліе походитъ на то, чего можно было ожидать отъ Іоанна, рыбака съ Генисаретскаго озера. Греческій языкъ, на которомъ оно написано, вовсе не похожъ на тотъ греческій языкъ Палестины, съ которымъ мы знакомы по другимъ книгамъ Новаго Завѣта. Взгляды его совершенно иного порядка. Такимъ образомъ, мы попадаемъ въ самый центръ филоновской метафизики и даже гностики. Рѣчи Іисуса въ томъ видѣ, въ ка-

комъ ихъ передаетъ этотъ мнимый свидѣтель, этотъ близкій ученикъ, вымышлены, часто даже безжизненны и невозможны. Наконецъ, Апокалипсисъ выдаетъ себя также за произведеніе какого то Іоанна, который, хотя и не называетъ себя апостоломъ, но приписываетъ себѣ такое первенство въ Церквахъ Азіи, что его никакъ нельзя не отождествить съ апостоломъ Іоанномъ. И вотъ, когда мы сравниваемъ стиль и взгляды автора Апокалипсиса съ стилемъ и взглядами автора четвертаго Евангелія и перваго Іоанновскаго посланія, мы наталкиваемся на самую поразительную разницу. Какимъ же образомъ выдти изъ этого либиринта странныхъ противорѣчій и непреодолимыхъ затрудненій?

Для меня существуетъ только одинъ выходъ: это—предположеніе, что дѣйствительно, въ нѣкоторомъ смыслѣ, четвертое Евангеліе имѣетъ право называться κατά Ιωάννην, что оно не было написано самимъ Іоанномъ, но что долго оно хранилось втайнѣ въ одной изъ школъ, примыкавшихъ къ Іоанну. Проникнуть въ тайну этой школы, узнать, какъ возникло въ ней то произведеніе, о которомъ идетъ рѣчь, невозможно. Послужили ли основаніемъ для текста, который мы читаемъ теперь, замѣтки или записки, продиктованныя самимъ апостоломъ? [63]) Придалъ ли разсказамъ и письмамъ своего учителя тотъ характеръ, котораго они безъ того бы не имѣли, секретарь, воспитанный на чтеніи Филона и имѣвшій свой собственный стиль? Не аналогиченъ ли этотъ случай съ тѣмъ, который произошелъ съ письмами св. Екатерины Сіеннской, редактированными ея секретаремъ, или же съ откровеніями Екатерины Эммерихъ, о которыхъ съ полнымъ правомъ можно сказать, что они принадлежатъ одинаково какъ самой Екатеринѣ, такъ и Брентано, ибо представляютъ фантазіи Екатерины, изложенныя стилемъ Брентано? Не могли ли сектанты, наполовину гностики, завладѣть на склонѣ жизни апостола его перомъ и, подъ предлогомъ помощи въ записываніи воспоминаній и въ веденіи переписки, навязать ему свои взгляды, свои выраженія, и прикрыться при этомъ его авторитетомъ? [64]) Что это за *Пресвитеръ Іоаннъ*, нѣчто въ родѣ двойника апостола, могилу котораго показывали рядомъ съ его могилой? [65]) Представляетъ ли онъ собою другое лицо? или, быть можетъ, это самъ апостолъ, продолжительная жизнь котораго служила въ теченіе многихъ лѣтъ *источникомъ* упованія вѣрующихъ? [66]) Я въ другомъ мѣстѣ ка*сался уже этихъ* вопросовъ [67]) и еще неоднократно буду

нимъ возвращаться. На этотъ разъ я ставилъ себѣ только слѣдующую цѣль: доказать, что я имѣлъ самыя вѣсскія основанія прибѣгать такъ часто къ четвертому Евангелію при установленіи нити моего разсказа въ «Жизни Іисуса» даже въ томъ случаѣ, если указанное Евангеліе и не написано самимъ апостоломъ Іоанномъ.

Примѣчанія.

1) Подъ этимъ словомъ я всегда разумѣю «специальную сверхъестественность», вмѣшательство Божества со специальной цѣлью, чудо,— а не «сверхъестественность общую», скрытую душу вселенной, идеалъ, источникъ и конечную причину всѣхъ міровыхъ движеній.

2) Легендарная жизнь Будды.

3) Въ этомъ смѣшная особенность Павла. Еслибы онъ удовольствовался однимъ заявленіемъ, что многіе разсказы о чудесахъ въ основѣ своей имѣютъ плохо понятыя естественныя явленія, онъ былъ бы правъ. Но онъ впадалъ въ ребячество, утверждая, что святой разсказчикъ желалъ разсказать только о самомъ обычномъ и что, освобождая библэйскій текстъ отъ чудесъ, этимъ самымъ оказываютъ ему услугу. Критикъ—міряяинъ можетъ и долженъ строить такія гипотезы, называемыя раціоналистическими; но теологъ не имѣетъ на это права, такъ какъ предварительнымъ условіемъ такихъ гипотезъ является предположеніе, что библейскій текстъ не является результатомъ откровенія.

4) Сочиненія Сенъ-Симона и Анфантена. Парижъ, Дентю 1865—1866 г.

5) Поклоненіе въ Лурдѣ, повидимому, приметъ тѣ же размѣры.

6) Во всакомъ случаѣ, такъ какъ при разработкѣ такого рода темъ назидательность должна бить въ глаза, то я счелъ необходимымъ сдѣлать изъ Жизни Іисуса извлеченія въ видѣ небольшого томика, въ которомъ ничто не смущало бы набожнаго читателя, неинтересующагося критикой. Я озаглавилъ его «Іисусъ» въ отличіе отъ настоящаго сочиненія, которое составляетъ часть серіи, озаглавленной «Исторія возникновенія христіанства». Ни одно изъ измѣненій, внесенныхъ въ настоящее изданіе, предлагаемое вниманію публики, не вошло въ этотъ томикъ. Этотъ послѣдній я никогда не буду видоизмѣнять.

7) Такимъ образомъ основатель бабизма и не пробовалъ дѣлать чудеса и тѣмъ не менѣе прослылъ еще при жизни за перворазряднаго чудотворца.

8) *Дѣло Салетты*, документы о процессѣ, собранные Ж. Саббатье, стр. 214, 252, 254 (Гренобль, Велло, 1856).

9) Confessum id se amore Pauli fecisse. Тертулліанъ. *De baptismo* 17.

10) Крупныя открытія въ этой области были сдѣланы уже послѣ перваго изданія трудовъ Штрауса. Въ послѣдующихъ изданіяхъ ученый критикъ съ характерной для него добросовѣстностью воздаетъ имъ должное.

11) Мнѣ кажется, незачѣмъ напоминать, что книга Штрауса ни однимъ *словомъ не* можетъ оправдать той странной и вздорной клеветы, *при помощи* которой пытались дискредитировать въ глазахъ

поверхностныхъ читателей эту чрезвычайно остроумную, точную и добросовѣстно написанную книгу, правда, нѣсколько испорченную въ общей части исключительностью своихъ построеній. Штраусъ никогда и не думалъ отрицать существованія Іисуса, наоборотъ, каждая страница его сочиненія предполагаетъ его существованіе. Вѣрно только одно: что Штраусъ считаетъ индивидуальность Іисуса болѣе непостижимой для насъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности.

12) Ant., XVIII, III, 3.

13) «Если дозволено будетъ назвать его человѣкомъ».

14) Вмѣсто ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν было, вѣроятно: Χριστός· οὗτος ἐλέγετο Ср. Ant. XX, IX I; Оригенъ Jn Matth X, 17; Contre Celse I, 47; II, 13.

15) Евсевій (Hist. eccl. I, 11, и Démonstr. évang. III, 5) приводитъ то мѣсто, гдѣ говорится объ Іисусѣ, въ томъ видѣ, какъ оно было у Іосифа. Оригенъ (Contre Celse I, 47; II, 13), Евсевій (Hist eccl. II, 23) св. Іеремія (De viris ell., 2, 13), Свидасъ (о словѣ Ἰώσηπος) цитируетъ другой христіанскій варіантъ, не встрѣчающійся ни въ одной изъ дошедшихъ до насъ рукописей Іосифа.

16) Объ этомъ французскіе читатели могутъ справиться въ слѣдующ. сочин.: Александръ, Carmina sibyllina, Парижъ, 1851—56, Рейссъ Les sibylles chrétiennes въ Revue de théologie, апр. и май 1861 г. Колани, Jésus Christ et les croyances messianiques, стр. 16 и слѣд., а, кромѣ того, въ работахъ Эвальда, Дилльмана, Фолькмара, Гильгенфельда.

17) Посл. Іуды 6, 14; 2 посл. Петра, II, 4; Завѣтъ 12 патріарховъ, Сим. 5, Левитъ 10, 14, 16; Іуда 18; Данъ 5; Нефт. 4; Веніаминъ 9; Зав. 3.

18) Посл. Іуды 9 (см. Оригенъ, De principiis III, II 1. Дидимъ Александрійскій, Max. bibl. Vet Patr, IV, стр. 336). Ср. Матѳ. XXIV 21 и сл. съ Усп. Моисея, с. 8 и 10 (стр. 104, 105 изд. Гильгенфельда); посл. къ Римл. II, 15 съ Усп. Моис., стр. 99—100.

19) Посл. Варнав., гл. IV, XVI (по Codex sinaïticus, изд. Гильгенф., стр. 8, 52); ср. съ кн. Еноха LXXXIX, 56 и сл.; Матѳ. XXIV, 22; Марка, XIII, 20. Другія подобныя же совпад. см. ниже въ примѣчаніяхъ. Ср. также слова Іисуса въ передачѣ Папія (у Иринея, Adv. haer. V; XXXIII, 3—4) съ книгой Еноха X, 19 и съ апокалипсисомъ Баруха, § 29 (Церіани, Monum. sacra et profana, т. I, листъ I, стр. 80).

20) Я склоняюсь къ мысли, что въ Евангеліи имѣются намеки на эту часть книги Еноха, или, во всякомъ случаѣ, на соотвѣтствующія части ея.

21) Гл. LXVII, 4 и слѣд., гдѣ авторъ описываетъ вулканическія явленія въ окрестностяхъ Пуццоля, не можетъ служить доказат. того, что и весь отдѣлъ, въ которомъ она помѣщена, написанъ послѣ 79 г., въ которомъ произошло изверж. Везувія. Кажется, что намеки на это событіе имѣются и въ Апокалипсисѣ, который относится къ 68 г.

22) Недавно былъ изданъ въ латинскомъ переводѣ съ сирійскаго оригинала Черіани въ его Anecdota Sacra et profana, томъ I ч. I. (Миланъ 1866 г.)

23) Тѣ изъ французскихъ читателей, которые пожелаютъ познакомиться съ болѣе подробными сочиненіями по этому вопросу, могутъ прочесть, кромѣ ранѣе указанныхъ сочиненій Ревилля, Никола и Штана, труды Рейсса, Шерера, Шольтена (перев. Ревилля) въ Revue de théologie, т. X, XI, XV; вторая серія II, III, IV, третья серія I, II,

III, IV и работу Ревилля въ Revue des Deux Moudes, 1 мая, 1 іюня 1866 г.

24) Лука, I, 1—4.

25) Дѣянія I, 1. Ср. Лука I, 1—4.

26) Начиная съ главы XVI, 10 авторъ выдаетъ себя за очевидца.

27) Посланія къ Колосс., IV, 14; къ Филимону, 24; 2-е посл. къ Тимоѳею IV, 11. Имя Лука (сокр. отъ Луканъ), мало распространенное. Вотъ почему не приходится опасаться одного изъ тѣхъ омонимовъ, которые вносятъ такую путаницу въ критическій разборъ Новаго Завѣта.

28) Стихи 9, 20, 24, 28, 29—32. Ср. XXII, 36. Мѣста эти до того поражаютъ, что авторъ, словно предвидя возраженія, которыя могутъ вызвать предсказанія за столь короткій срокъ, отвѣчаетъ на нихъ, то смягчая свои слова, напр., у Марка XIII, 14 и слѣд., 24, 29; Матѳ., XXIV, 15 далѣе, 29, 33, то давая прямой отвѣтъ, напр., у Луки XVII, 20, 24.

29) У Евсевія, Hist. eccl. III, 39. Въ подлинности этого мѣста едва ли можетъ быть какое либо сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, далекій отъ преувеличенія авторитета Папія, Евсевій пришелъ въ недоумѣніе отъ его наивности и узости хиліаста; изъ этого затрудненія онъ выходитъ, смотря на автора, какъ на человѣка небольшого ума. Ср. Иринея Adv. haer. III, I, 1; V, XXXIII, 3—4.

30) Въ этомъ пунктѣ Папій ссылается на еще болѣе древній авторитетъ, а именно на пресвитера Іоанна.

31) Т. е. на семитическомъ нарѣчіи.

32) Ηρμήνευσε. Если сопоставить это слово съ ἑβραΐδι διαλέκτῳ, то оно не можетъ имѣть другого значенія, кромѣ «переводить». Нѣсколькими строками выше слово ἑρμηνευτὲ употребляется въ значеніи «переводчикъ».

33) Лука, I, 1—2; Оригенъ, Hom., in Luc. I, init; св. Іеремія, Comment. in Matth. prol.

34) Папій, у Евсевія, Н. Е., III, 39. Ср. Иринея, Adv. haer., III, II и III. Относительно Поликарпа см. въ отрывкѣ письма Иринея къ Флорину, сохранившемся у Евсевія, Н. Е., V, 20 ὡς γέγραπται въ посл. св. Варнавы (гл. IV, стр. 12 изд. Гильгенфельда), относится къ словамъ, находящимся у св. Матѳея XXII, 14. Но слова эти, встрѣчающіяся у св. Матѳея въ двухъ текстахъ (XXII, 16. XX, 14), могли попасть къ Матѳею изъ какого-либо апокрифическ. сочиненія, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто съ другими текстами у Матѳея, XXIII, 34 и слѣд., XXIV, 22 и далѣе. Ср. IV кн. Ездры, VIII, 3 Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ той же самой главѣ посланія Варнавы (стр. 8 изд. Гильг.) странное совпаденіе одного мѣста, которое авторъ, основываясь на формулѣ γέγραπται, приписываемъ Еноху, съ однимъ мѣстомъ у Матѳея XXIV, 22. Ср. также γραφή цитируемое въ посланіи Варнавы, гл. XVI (стр. 52 изд. Гильг.) съ Енохомъ, LXXXIX, 56 и слѣд. Во второмъ посланіи св. Климента (гл. II) и у св. Іустина, Apol., I, 67, синоптики цитируются, какъ священное писаніе. I посл. къ Тимофею, V, 18 также представляетъ γραφή въ формѣ притчи, находящейся у Луки (X, 7). Посланіе это принадлежитъ не св. Павлу.

35) Такимъ именно образомъ прекрасный разсказъ Іоанна, VIII 1—11 не попалъ ни въ одно изъ принятыхъ Евангелій.

36) Посл. Климента I, 13; II, 12.

37) Τὰ ἀπομνημονεύματα τῶν ἀποστόλων ἃ καλεῖται εὐαγγέλια. (Подозрѣваю, что послѣднія слова вставлены) Іустинъ, Apol. I, 16, 17, 33, 34, 38, 45, 66, 67, 77, 78, Dial. cum Tryph., 10, 17, 41, 43, 51, 53, 69, 70, 76—78, 88, 100—108, 111, 120, 125, 132.

38) Относительно Евангелія Таціена см., напр., Өеодоритъ, Haeret fab., I, 20.

39) Юлій Африканъ, у Евсевія, Hist eccl., I 7.

40) Н. Е., III, 39. Можно склониться къ тому, чтобы признать въ «повѣствованіяхъ» Аристіона или преданіяхъ того, кого Папій называетъ пресвитеромъ Іоанномъ, четвертое Евангеліе. Но Папій, повидимому, считаетъ, что преданія эти и повѣствованія не написаны Если бы тѣ отрывки, которые онъ изъ нихъ приводитъ, принадлежали четвертому евангелію, Евсевій не умолчалъ бы объ этомъ. Кромѣ того, все, что извѣстно намъ объ идеяхъ Папія, свидѣтельствуетъ о немъ какъ о хиліастѣ, послѣдователѣ Апокалипсиса, а никакъ не о послѣдователѣ теологіи четвертаго Евангелія.

41) Мы предвидѣли и такое возраженіе: Папій не говоритъ ни о Лукѣ, ни о Павлѣ, а между тѣмъ произведенія ихъ существовали въ его время. Дѣло въ томъ, что Папій долженъ былъ быть непремѣнно противникомъ Павла, а о трудѣ Луки, составленномъ въ Римѣ для совсѣмъ незнакомой ему христіанской семьи, онъ могъ и совсѣмъ не знать. Но какъ, живя въ Гіераполисѣ, тамъ, гдѣ находилась школа Іоанна, онъ могъ пренебречь Евангеліемъ, написаннымъ такимъ великимъ учителемъ? Равнымъ образомъ нельзя указывать и на то, что по поводу Поликарпа (IV, 14) и Өеофила (IV, 24) Евсевій не приводитъ всѣхъ цитатъ, приведенныхъ этими отцами изъ книгъ Новаго Завѣта. Особый характеръ главы III, 39 сдѣлалъ бы почти неизбѣжной ссылку на четвертое Евангеліе, если бы только Евсевій нашелъ ее у Папія.

42) Нѣкоторыя мѣста въ Apol. I, 32, 61; Dial. cum Tryph. 88 даютъ основаніе предполагать это. Теорія Logos'а Іустина не заставляетъ непремѣнно предполагать, что она заимствована изъ четвертаго Евангелія.

43) См. примѣч. 37. Особенно слѣдуетъ замѣтить Apol. I, 14 и слѣд., гдѣ высказано вполнѣ опредѣленное предположеніе, что Іустинъ или не зналъ изреченій Іоанна, или не считалъ, что въ нихъ излагается ученіе Іисуса.

44) Hom. III, 52; XI, 26; XIX, 22. Замѣчательно, что цитаты, взятыя Іустиномъ и авторомъ проповѣдей изъ четвертаго Евангелія, отчасти совпадаютъ между собой, а съ другой стороны представляютъ однѣ и тѣ же искаженія каноническаго текста (ср. ранѣе цит. мѣста Іустина, Apol. I, 22, 61; Dial. cum Tryph., 69). Можно было бы даже заключить отсюда, что какъ Іустинъ, такъ и авторъ Проповѣдей дѣлали извлеченія не изъ четвертаго Евангелія, но изъ того источника, къ которому обращался и самъ авторъ четвертаго Евангелія.

45) Высказанному выше положенію не противорѣчитъ и слѣд. мѣста у Тертулліана, De carne Christi, 3; Adv. Marc. IV, 3, 5.

46) Дошедшій до насъ апокрифъ «Дѣянія Пилата», который предполагаетъ существованіе четвертаго Евангелія,—не тотъ, о которомъ говорятъ и Іустинъ и Тертулліанъ. Весьма вѣроятно, что оба писателя *говорятъ объ этихъ «Дѣяніяхъ»* лишь на основаніи легендарныхъ слу*ховъ, а не какъ о томъ*, что они сами читали.

47) Ср. Іустинъ, Dial. cum Tryph., 81.

48) Апокалипсисъ относится къ 68 г. Если предположить, что Іоаннъ былъ лѣтъ на десять моложе Іисуса, то даже и въ такомъ случаѣ ему должно было быть около шестидесяти лѣтъ въ то время, когда онъ писалъ ее.

49) См. почти всѣ мѣста, гдѣ встрѣчается слово Ἰουδαῖοι.

50) Посл. къ Гал. II, 9; Апокалипс. II, 2, 14 заключаетъ, повидимому, непріязненный намекъ на Павла.

51) Поликратъ у Евсевія. H. E. V, 24.

52) Іоаннъ II, 6. 13; V, 1; VI, 4; XI, 55; XIX, 42.

53) Евсевій, Hist eccl., IV, 26; V, 23—25; Chronique pascale, стр. 6 и слѣд. изд. Дю-Канжа.

54) Тамъ же.

55) Legatio pro christ., 10.

56) У Евсевія, H. E. V, 42.

57) Тамъ же, V. 1.

58) Ad. Autolycum, II, 22.

59) Adv. haer., II, XXII, 5; III, 1, Ср. Евсевій, H. E., V, 8.

60) Стр., 9 и слѣд.

61) Adv. Graec., 5, 7. Сомнительно, чтобы въ Гармонію Евангелій составленную Татіеномъ, входило четвертое Евангеліе; весьма вѣроятно, что заголовки Diatessaron не принадлежалъ самому Татіену. Ср. Евсевій, H. E., IV, 29. Θеодоритъ, Haeretic fabul.; I, 20; Епифанъ Adv. haer., XLVI, 1, Фабрицій, Cod. apocr., I, 378

62) Гл. 6—9, 11. Подлинность тѣхъ мѣстъ посланій, которыя приписываются св. Игнатію, гдѣ многіе находятъ намеки на четвертое Евангеліе, подлежитъ еще сомнѣнію. При этомъ обыкновенно ссылаются на Цельза, который въ данномъ случаѣ не можетъ быть признанъ авторитетомъ, ибо Цельзъ современникъ Оригена.

63) Ириней, Adv. haer. I, III, 6; III, XI, 7; св. Ипполитъ (?), Philosophumena, VI, II, 27 и слѣд. ср. тамъ же VII, I, 22, 27.

64) Ириней. Adv. haer., III, XI, 9

65) Эпифанъ, Adv. haer. LI, 3, 4, 28; LIV, 1.

66) Письма Иринея къ Флорину у Евсевія, H. E. V, 20. Ср. тамъ же III, 39.

67) 1-ое посл. Іоанна, I, 3, 5. Оба произведенія представляютъ большое сходство въ отношеніи стиля, въ нихъ встрѣчаются, напр., одинаковые обороты, одни и тѣ же излюбленныя выраженія.

68) Посл. къ Филиппу, 7. Ср. перв. посл. Іоанна, VI, 2 и слѣд. Очень можетъ быть, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ простой случайностью, вслѣдствіе того, что обѣ рукописи принадлежатъ одной и той же эпохѣ, одной и той же школѣ. Подлинность посланія къ Поликарпу установлена.

69) Евсевій, Hist. Eccl. III, 39. Было бы очень странно, если бы Папій, который не зналъ Евангелія, зналъ бы посланіе. Евсевій говоритъ только то, что Папій ссылается на доказательства, заимствованныя изъ этого посланія. Это не все равно, что цитировать его. Быть можетъ, все ограничивалось лишь нѣсколькими словами, которыя Евсевій, вообще плохой судья въ дѣлѣ критики, принялъ за цитаты изъ посланія.

70) Adv. haer., III, XVI, 5, 8. Ср. Евсевій, Hist. eccl. V, 8.

только указать, что онъ болѣе соотвѣтствуетъ основному положенію Св. Павла I посл. къ Коринѳянамъ XV, 5—8. Что-же слѣдуетъ изъ этого пространнаго анализа? 1) Что, разсматриваемый самъ по себѣ, разсказъ о матеріальныхъ обстоятельствахъ жизни Іисуса въ изложеніи четвертаго Евангелія стоитъ выше въ смыслѣ правдоподобности, чѣмъ разсказъ синоптиковъ; 2) что наоборотъ, всѣ рѣчи, приписываемыя Іисусу четвертымъ евангелистомъ, не носятъ вообще характера подлинныхъ его рѣчей; 3) что авторъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи собственныя свои преданія о жизни Іисуса, весьма отличающіяся отъ преданій синоптиковъ, кромѣ разсказовъ о послѣднихъ дняхъ; 4) что это преданіе все-таки довольно распространено, такъ какъ Лука, не принадлежащей къ школѣ, изъ которой вышло наше Евангеліе, имѣетъ извѣстное представленіе о нѣкоторыхъ фактахъ, съ которыми нашъ авторъ знакомъ хорошо и которыхъ совсѣмъ не знаютъ Маркъ и Матѳей; 5) что произведеніе это не имѣетъ той красоты, которую мы находимъ въ синоптическихъ Евангеліяхъ, такъ какъ Евангелія отъ Марка и отъ Матѳея представляютъ самобытныя произведенія творчества, а Евангеліе отъ Луки представляетъ поразительное соединеніе наивности съ глубокомысліемъ. Четвертое-же Евангеліе представляетъ рядъ плохо расположенныхъ замѣтокъ, въ которыхъ весьма плохо сливаются легенды и преданія, наивность и глубокомысліе; 6) что авторъ четвертаго Евангелія, кто бы онъ ни былъ, писалъ свое произведеніе съ цѣлью поднять авторитетъ одного изъ апостоловъ, доказать, что онъ игралъ роль въ такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ другіе разсказы не упоминаютъ о немъ, доказать, что онъ зналъ такія вещи, которыхъ не знали другіе ученики; 7) что, авторъ четвертаго Евангелія писалъ свое сочиненіе при болѣе развитомъ состояніи христіанства, чѣмъ синоптики и съ болѣе экзальтированными взглядами на божественную роль Іисуса. Образъ Іисуса вышелъ у него непреклоннымъ и священнымъ, подобно образу Эона или божественной ипостаси, дѣйствующихъ исключительно по своей волѣ; 8) что, если фактическій матеріалъ этого Евангелія и болѣе точенъ, чѣмъ у синоптиковъ, то историческая окраска въ немъ гораздо менѣе вѣрна, такъ что синоптическія Евангелія, несмотря на свои пропуски и ошибки, все же остаются истинными путеводителями *тогда*, когда желаютъ схватить общую физіономію *Іисуса*.

Естественно, что всѣ эти доводы, благопріятные для четвертаго Евангелія, получили бы особенно сильное подтвержденіе, если бы удалось установить, что авторъ этого Евангелія дѣйствительно апостолъ Іоаннъ, сынъ Зеведея; но это изслѣдованіе относится къ совершенно другой области. Нашей цѣлью было разсмотрѣть четвертое Евангеліе само по себѣ, независимо отъ вопроса объ его авторѣ. Вопросъ же объ авторѣ четвертаго Евангелія безусловно самый необыкновенный во всей исторіи литературы. Я не знаю ни одного вопроса критики, въ которомъ совмѣщались бы подобнымъ же образомъ противоположные признаки и которые держали бы разумъ въ большемъ недоумѣніи.

Прежде всего ясно, что авторъ желаетъ себя выдать за очевидца всѣхъ евангельскихъ событій (I, 14; XIX, 35) и за лучшаго друга Іисуса (XIII, 22 и сл.; XIX, 26 и сл., по сравненію съ XXI, 24). Излишне добавлять, что глава XXI представляетъ добавленіе, такъ какъ это добавленіе принадлежитъ или самому автору или его школѣ. Въ двухъ другихъ мѣстахъ (I, 35 и сл., XVIII 15 и сл.,) ясно видно, что авторъ любитъ говорить о себѣ намеками. Остается предположить одно изъ двухъ: или авторъ четвертаго Евангелія дѣйствительно ученикъ Іисуса и притомъ ученикъ близкій и самый старый, или для приданія себѣ большаго авторитета авторъ примѣнилъ хитрость, проходящую черезъ всю книгу цѣликомъ и направленную къ тому, что бы убѣдить, что онъ былъ наиболѣе близкимъ очевидцемъ фактовъ и поэтому можетъ передать ихъ правдиво.

Кто же этотъ ученикъ, авторитетомъ, котораго такъ похваляется авторъ? Заголовокъ указываетъ намъ его имя: это Іоаннъ. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что этотъ заголовокъ былъ прибавленъ противъ воли истиннаго автора. Онъ несомнѣнно былъ написанъ въ началѣ нашего Евангелія въ концѣ II вѣка. Съ другой стороны, вся евангельская исторія даетъ указаніе только на одно лицо съ именемъ Іоанна, кромѣ Іоанна Крестителя. Итакъ, приходится выбирать между двумя гипотезами: или признать авторомъ четвертаго Евангелія Іоанна сына Зеведея, или же смотрѣть на это Евангеліе, какъ на апокрифическое сочиненіе, составленное лицомъ, желавшимъ выдать его за произведеніе Іоанна, сына Зеведея. Дѣйствительно, здѣсь идетъ рѣчь не о легендахъ, созданныхъ толпой, *за которыя никто* не отвѣтственъ. Человѣкъ, вводящій въ

104) Ср. напримѣръ Марка XV, 23 съ Матѳ. XXVII, 34.
105) Маркъ V, 41; VII, 34; XIV, 36; XV, 34. У Матѳея эта особенность встрѣчается только одинъ разъ (XXVII, 46).
106) Лука XIV, 26. Правила апостольскаго званія (X, 4, 7) носятъ у него характеръ крайней экзальтированности.
107) XIX, 41, 43—44; XXI, 9, 20; XXIII, 29.
108) II, 37; XVIII, 10 и слѣд.; XXIV, 53.
109) IV, 16. Ср. мѣста, цитируемыя ниже въ примѣчаніяхъ 1 и 3 къ стр. 10 и 23.
110) III, 23. Онъ опускаетъ сказанное у Марка XIII, 32 (Матѳ. XXIV, 36).
111) IV, 14; XXII, 43, 44.
112) Напр., въ томъ что касается переписи Квиринія, возстанія Ѳевда и, быть можетъ, упоминанія о Лизаніи, хотя по этому послѣднему пункту можно и защищать точность евангелиста. См. Mission de Phénicie стр. 317 и слѣд.; Corpus inscript. gr., № 4521 и addenda; Іос., Ant. XVIII, VI, 10; XIX, V, 1; XX, VII, 1; B. I., II, XI, 5; XII, 8.
113) Ср. Лука, XXIV, 13 съ Іосифомъ В. I., VII, VI, 6 (изданіе Диндорфа). У Луки I, 1, 39 можно также подозрѣвать какую либо ошибку.
114) Ср. Луку 1, 34 и Матѳея 1, 21; Лука XX, 46 и Матѳ. XXIII, 7, 8. Онъ избѣгаетъ слова авва, равви, корвона, корванъ, рака, Воанергесъ.
115) Св. Іеремія. In. Is. гл. VI (Opp. изд. Мартіанаи III, col. 63—64). Евреизмы его стиля и нѣкоторыя черты іудеевъ, какъ, напр., въ Дѣяніяхъ, I, 12, повидимому, происходятъ отъ лицъ, которыхъ онъ посѣщалъ, изъ прочитанныхъ книгъ, изъ документовъ, которыми онъ, руководствовался.
116) Наприм. ἔργων (Матѳ. XI, 19) у него превращается въ τέκνων (Лука III, 35) передѣлка, вошедшая путемъ обратнаго дѣйствія въ большую часть рукописей Матѳея.
117) Напр., XIX, 12, 27, гдѣ притча о талантахъ соединена (ст. 12, 14, 15, 27), съ притчей о рабахъ непокорныхъ. Въ притчѣ о богатомъ (XVI) также заключаются черты, не совсѣмъ вяжущіяся съ главнымъ предметомъ (язвы, псы, и ст. 23 и сл.).
118) Такъ, пиршество въ Виѳаніи является у него предметомъ двухъ повѣствованій (VII, 36—48, и X, 38—42). То же онъ дѣлаетъ и съ рѣчами. Такимъ образомъ, слова Матѳея XXIII оказываются у Луки въ XI, 39 и слѣд., и въ XX, 46—47.
119) XXIII, 56; XXIV, 53; Дѣянія, I, 12.
120) II, 21, 22, 39, 41, 42. Это черта эвіонита. Ср. Philosophumena, VII, VI, 34.
121) Притча о богатомъ и Лазарѣ. См. также VI, 20 и слѣд., 24 и слѣд. (сравн. гораздо болѣе умѣренныя сентенціи у Матѳея V, 3 и слѣд.) X, 7; XII, 13 и слѣд.; вся XVI; XXII, 35; Дѣянія II, 44—45; V, 1 и слѣд.
122) *Женщина*, умастившая ноги, Закхей, добрый разбойникъ, ... *фарисеѣ* и мытарѣ, о блудномъ сынѣ.
... женщина умастившая ноги, превращается у него

124) Іисусъ, оплакивающій Іерусалимъ, кровавый потъ, встрѣча со святыми женами, добрый разбойникъ и т. д. Слово къ іерусалимскимъ женщинамъ (XXIII, 28—29) могло войти сюда только послѣ осады Іерусалима въ 70 г.

125) Большія подробности смотри у Мишеля Николя, Études sur les Évangiles apocryphes (Paris, Lévy, 1866 г.).

126) См. цитированное выше мѣсто изъ Папія.

127) Смотри, напр., Іоанна, XIX, 23—24.

128) См. Gazette de Tribunaux, отъ 10 сент. и 11 ноября 1851 г., а также отъ 28 мая 1857 г.

129) Я возвратился въ октябрѣ 1801 г. Первое изданіе «Жизни Іисуса» вышло въ іюнѣ 1863 г.

130) Напоминаю, что этимъ терминомъ здѣсь просто обозначаются народы, говорящіе или говорившіе на одномъ изъ языковъ, называемыхъ семитическими. Такая терминологія, разумѣется, совершенно неправильна, но это слово, какъ и «готическая архитектура», «арабскія цифры», принадлежитъ къ числу такихъ выраженій, которыя приходится употреблять, чтобы быть понятымъ, несмотря на очевидность заключающейся въ нихъ неправильности.

131) Ср. Lepsius, «Denkmäler aus Aegipter und Aethiopien», VIII, табл. 245; De Rougé, «Etude sur une stèle égypt. appartenant à la Bibl. impér». (Paris, 1858); De Vogüé, «Le temple de Jérusalem», стр. 33; Guigniaut, «Rel. de l'ant.», табл. 173.

132) 1-ая Книга Царствъ, X, 25.

133) Исайя, II, 1—4, и въ особенности главы XL и слѣд., LX и слѣд.; Михей, IV, 1 и слѣд. Необходимо помнить, что вторая часть книги пророка Исайя, начиная отъ главы XL не принадлежитъ Исайѣ.

134) Исаія, LII, 13 и слѣд. и вся глава LIII.

135) Руѳь, I, 16.

136) Есѳирь, IX, 27.

137) Матѳей, XXIII, 15; Іосифъ, Vita, 23; Bell Jud. II, XVII, 10, VII, III, 3; Ant. XX, II, 4; Горацій, Sat., I, IV, 143; Ювен., XIV, 9 и слѣд.; Тацитъ. Ann. II, 85; Hist. V, 5; Діонъ Кассій, XXXVII, 17. Часто рабамъ давали свободу при томъ условіи, что они останутъ евреями. Леви (изъ Бреславля)—«Epigraphische Beiträge Zur Gesch. der Juden», стр. 299 и слѣд.

138) Мишна, *Шевіитъ*, X, 9. Вавилонскій Талмудъ, *Ниддахъ*, листъ 13 в.; *Іевамотъ*, 47 в.; *Киддушинъ*, 70 в.; Мидрашъ: *Ялкутъ Руѳь*, листъ 163 d.

139) Апокрифическое посланіе Варуха, у Фабриція, *Cod. pseud.* V, Г., II, 147 и слѣд., и у Церіани, *Monum. Sacra et prof.*, fasc. II. стр. 96 и слѣд.

140) II книга Маккавеевъ, VII и *De Maccabaeis*, приписыв. Іосифу. См. посланіе къ евреямъ, XI, 33 и слѣд.

141) 3-я (апокриф.) книга Маккавеевъ; Руфинъ, Suppl. ad Ios., *Contra Apionem*, II, 5.

142) Даніилъ, VII, 13 слѣд.

143) *Вендидадъ*, XIX, 18, 19; *Минокиредъ*, эпизодъ, опубликованный въ Zeitschr. der deutschen morgenländischen Gesellschaft, I, 268; *Бундехешъ*, XXXI. Неточная хронологія для текстовъ Зенда и Пехле

даетъ широкій просторъ для сомнѣній относительно этой связи между еврейскими и персидскими вѣрованіями.

144) См. Введеніе, стр. 37 и слѣд.

455) Первое точное указаніе на ессеизмъ относится приблизительно къ 106 г. до Р. X.—Іосифъ, *Ant*, XI, 2; B. J., I, III, 5.

146) Egl. IV, *Cumaeum carmen* (ст. 4) представлялъ собой родъ сивилльскаго апокалипсиса, проникнутаго философіей исторіи, свойственной Востоку. Объ этомъ стихѣ см. Сервій и *Carmina Sibyllina*, III, 97—817., Тацитъ, *Hist*, V, 13; Светоній, *Vesp.*, 4; Іосифъ В. I., VI, ст 4.

147) Лука, II, 25 и слѣд.

148) Матѳ. XIII, 54 и слѣд.; Маркъ VI,]1 и слѣд.; Іоаннъ, I, 45—46.

149) О немъ не упоминаетъ ни Ветхій Завѣтъ, ни Іосифъ, ни Талмудъ. Онъ названъ, однако, въ литургіи Калира. 9 ав.

150) Матѳ. XXVI, 71, Маркъ I, 24; XIV, 67; Лука XVIII, 37; XXIV, 19; Іоаннъ XIX, 19; Дѣянія II, 22; III, 6; X, 38. Ср. Іоаннъ VII, 41—42; Дѣянія II, 22; III, 6; IV, 10; VI, 14; XXII, 8; XXVI, 9. Отсюда названіе «назаряне» (Дѣянія XXIV, 5), которымъ іудеи долго обозначали христіанъ и которое еще и теперь въ ходу въ мусульманскихъ странахъ.

151) Эпизодъ этотъ вымышленъ для согласія съ Михеемъ, V, 1. Произведенная Квириніемъ перепись, къ которой легенда пріурочиваетъ путешествіе въ Виѳлеемъ, имѣла мѣсто, по крайней мѣрѣ, на 10 лѣтъ позже того года, въ который, согласно Матѳею и Лукѣ, родился Іисусъ. Въ самомъ дѣлѣ, оба евангелиста относятъ годъ рожденія Іисуса къ царствованію Ирода (Матѳ. II, 1, 19, 22; Лука, I, 5). Перепись же Квиринія происходила уже послѣ смѣщенія Архелая, т. е. спустя 10 лѣтъ послѣ смерти Ирода, въ 37 г. послѣ битвы при Акціумѣ (Іосифъ, *Ant.* XVII, XIII, 5; XVIII, I, 1; II, 1). Надпись, при посредствѣ которой хотѣли установить, что Квириніемъ были произведены двѣ переписи, оказалась подложной. (См. Орелли *Insc. lat.*, nº 623 и дополненіе Генцена подъ тѣмъ же №; Боргези *Fastes consulaires* [еще неизданныя] за 742 г.). Возможно, что Квириній былъ сирійскимъ легатомъ дважды, но перепись могла быть произведена лишь при второмъ его назначеніи (Моммзенъ, *Res gestae divi Augusti*, Берлинъ 1865 г. стр. III и слѣд.). Какъ бы то ни было, перепись должна была относиться къ римскимъ провинціямъ, но не могла касаться царствъ и тетрархій, тѣмъ болѣе при жизни Ирода Великаго. Тексты, при помощи которыхъ силятся доказать, что нѣкоторыя статистическія работы и кадастровыя мѣры, предписанныя Августомъ, должны были охватить и владѣнія Ирода, либо не содержатъ въ себѣ утвержденій, приписываемыхъ имъ, либо принадлежатъ христіанскимъ авторамъ, заимствовавшимъ эти данныя изъ Евангелія Луки. Кромѣ того, самый мотивъ, объясняющій путешествіе семьи Іисуса въ Виѳлеемъ, ясно свидѣтельствуетъ, что это не историческій фактъ. Іисусъ вовсе не былъ потомкомъ Давида (см. ниже гл. XV), а если бы и былъ, то все же оставалось бы непонятнымъ, почему его родители изъ-за чисто кадастровой или финансовой мѣры вынуждены были отправиться въ мѣстечко, откуда предки ихъ выселились еще тысячу лѣтъ назадъ. Предъявляя имъ подобныя требованія, римская власть тѣмъ самымъ санкціонировала бы притязанія, далеко небезопасныя для нея самой.

153) Матѳ., II, 1 и слѣд.; Лука, II, 1 и слѣд. Отсутствіе этого эпизода у Марка и два параллельныхъ текста у Матѳ., XIII, 54 и у Марка, VI, 1, въ которыхъ Назаретъ называется родиной Іисуса, доказываютъ, что легенда эта отсутствовала въ первоначальной редакціи, послужившей повѣствовательной канвой для настоящихъ евангелій Матѳея и Марка. Только въ виду часто повторявшихся возраженій, пришлось прибавить въ началѣ евангелія отъ Матѳея оговорки, противорѣчіе которыхъ съ остальнымъ текстомъ не было настолько очевиднымъ, чтобы явилась необходимость исправлять соотвѣтствующія мѣста въ текстѣ, написанныя вначалѣ съ совершенно иной точки зрѣнія. Напротивъ, Лука (IV, 16), писавшій обдуманно, съ цѣлью быть послѣдовательнымъ, употребляетъ болѣе мягкое выраженіе. Что касается четвертаго евангелиста, то ему путешествіе въ Виѳлеемъ осталось совершенно неизвѣстнымъ; Іисусъ для него попросту родомъ «изъ Назарета» или «Галилеянинъ», и онъ называетъ его такъ въ двухъ случаяхъ, когда было бы очень важно напомнить, что онъ родился въ Виѳлеемѣ (I, 45—46 и VII, 41—42).

154) Матѳ., II, 1, 19, 22; Лука, I, 5. Иродъ умеръ въ первой половинѣ 750 г., что соотвѣтствуетъ четвертому году до Р. Х.

155) Извѣстно, что вычисленіе, легшее въ основаніе общепринятой эры, было произведено въ VI столѣтіи Діонисіемъ Младшимъ; оно базируется на нѣкоторыхъ часто гипотетическихъ данныхъ.

156) Gelil. haggoyim—«кругъ язычниковъ».

157) Страбонъ XVI, II, 35; Іосифъ, Vita, 12.

158) Позже (см. гл. XV) мы объяснимъ происхожденіе родословной, измышленной съ цѣлью произвести его отъ Давида. Евіониты съ законнымъ основаніемъ отвергаютъ эти генеалогіи (Епиф. *Adv. haer.* XXX, 14).

159) Матѳ., XIII, 55; Маркъ, VI, 3; Іоаннъ, VI, 42.

160) Грубый внѣшній видъ развалинъ, покрывающихъ Палестину, свидѣтельствуетъ, что города, созданные не по римскому образцу, были построены очень плохо. Что касается формы сирійскихъ домовъ, то она до такой степени властно и непосредственно диктуется самимъ климатомъ, что наврядъ ли когда-либо измѣнялась.

161) Матѳ., I, 25 (текстъ заимствованъ); XII, 46 и слѣд.; XIII, 55 и слѣд.; Марка, III, 31 и слѣд.; VI, 3; Лука, II, 7; VIII, 19 и слѣд.; Іоаннъ II, 12; VII, 3, 5, 10; Дѣянія, I, 14; Гегезиппъ, у Евсевія, H. E., III, 20. Утвержденіе, будто слово ah (братъ) на еврейскомъ языкѣ имѣло болѣе широкій смыслъ, чѣмъ у насъ, совершенно неправильно. Значеніе слова «ah» вполнѣ совпадаетъ съ значеніемъ слова «братъ». Метафорическія, а также неправильныя, несоотвѣтствующія употребленію слова отнюдь не говорятъ противъ его истиннаго значенія Можно ли изъ обращенія проповѣдника къ слушателямъ—«братья мои»,—дѣлать выводъ, что наше слово «братъ» не имѣетъ строго опредѣленнаго значенія? Однако, въ приведенныхъ выше цитатахъ слово «братъ» употребляется, очевидно, не въ переносномъ смыслѣ. См. въ особенности Матѳ., XII, 46 и слѣд., гдѣ исключается неправильный смыслъ слова «двоюродный братъ».

162) Матѳ., I, 25; Лука, II, 7. Текстъ Матѳея еще допускаетъ у критика сомнѣнія; текстъ же Луки—никакихъ.

163) *Іоаннъ*, XIX, 25. Нѣсколько странно давать двумъ сестрамъ

одно и то же имя. Вѣроятно, тутъ кроется какая-либо неточность, объясняющаяся привычкой называть всѣхъ галилеянокъ именемъ Маріи.

164) Этимологически эти имена не тождественны. Ἀλφαῖος-транскрипція сиро-халдейскаго имени Halphei; Κλεωπᾶς или Κλεόπας—сокращеніе отъ Κλεόπατρος. Однако, могла имѣть мѣсто произвольная замѣна, подобно тому какъ Іосифовъ называли «Гегезиппъ», Еліакимовъ—«Алеимъ» и т. п.

165) Іоаннъ, VII, 3 и слѣд.

166) Въ самомъ дѣлѣ, четыре лица, выдаваемыя (Матѳ., XIII, 55, Маркъ, VI, 3) за братьевъ Іисуса—Іаковъ, Іосифъ, Симонъ и Іуда, оказываются почти навѣрное сыновьями Маріи и Клеопы.—Матѳ., XXVII, 56, Маркъ, XV, 40; XVI, 1; Лука, XXIV, 10; Посл. Гал. I, 19; Посл. Іакова, I, 1; Посл. Іуды, I, 1; Евсевій, Chron. ad ann. R. DCCCX; Hist. eccl., III, 11, 22, 32 (по Гегезиппу); Constitut. apostol., VII, 46. Однако, лишь предложенная нами гипотеза устраняетъ чрезвычайныя затрудненія, которыя возникаютъ, если предположить, что двѣ сестры имѣли по три или четыре сына съ одинаковыми именами и что Іаковъ и Симонъ, два первыхъ іерусалимскихъ епископа, называемые «братьями Господними», были тѣми же родными братьями Іисуса, которые относились сперва къ нему враждебно, а затѣмъ увѣровали въ него. Евангелистъ, слыша, какъ этихъ четырехъ сыновей Клеопы называютъ «братьями Господними», могъ ошибочно назвать ихъ въ текстѣ именами (Матѳ., XIII, 55 и Маркъ, VI, 3) родныхъ братьевъ Іисуса, оставшихся въ неизвѣстности. Этимъ объясняется различіе въ характерѣ лицъ (напр., Іакова), называемыхъ «братьями Господними», и родныхъ братьевъ Іисуса, какими они обрисованы у Іоанна, VII, 3 и слѣд. Выраженіе «братья Господни», повидимому, обозначало въ первоначальной церкви какое-то почетное званіе, соотвѣтствующее апостольскому званію. См. Посл. Гал., I, 19; 1-ое Посл. Коринѳ. IX, 14.

167) Дѣянія, I, 14.

168) Матѳ., XIII, 56; Маркъ, VI, 3.

169) Согласно Іосифу (B. I. III, 2) въ самомъ маленькомъ галилейскомъ городкѣ было, по меньшей мѣрѣ, 5.000 жителей. Вѣроятно, цифра эта преувеличена.

170) Itiner., § 5.

171) Антонинъ-Мученикъ, loc cit.

172) Іоаннъ VIII, 6.

173) «Завѣтъ двѣнадцати патріарховъ», Левій, 6.

174) Матѳ. XXVII, 46; Маркъ, XV, 34.

175) Еврейскіе переводы и комментаріи Библіи.

176) Мишна, *Шаббатъ*, I, 3.

177) Матѳ., XIII, 54 и слѣд., Іоаннъ VII, 15.

178) Мишна, *Шекалимъ*, III, 2; Іерусалимскій Талмудъ, *Мегилла*, галакка XI; *Сота*, VII, 1; Вавилонскій талмудъ, Баба-Кама, 83-а; Мегилла 8-в и слѣд.

179) Матѳ., XXVII, 46; Маркъ, III, 17; V, 41; VII, 34, XIV, 36; XV, 34. Выраженіе ἡ πάτριος φωνή у писателей этой эпохи обозначало *семитическое* нарѣчіе, на которомъ говорили въ Палестинѣ *2 книга Маккав.*, VII, 21, 27; XII, 37; Дѣянія, XXI, 37, 40; XXII, 2;

XXVI, 14; Іосифъ, Ant. XVIII, VI, 10; XX до конца; В. І., proem., I; V, VI, 3; V, IX, 2; VI, II, 1; Contre Apion. I, 9; De Macc. 12, 16). Ниже мы покажемъ, что нѣкоторыя изъ документовъ, легшихъ въ основу синоптическихъ евангелій, были написаны на этомъ семитическомъ нарѣчіи. То же относится и ко многимъ апокрифамъ (4 книга Маккав. XVI, ad calcem. и проч.). Наконецъ, христіанское населеніе, вышедшее непосредственно изъ перваго галлилейскаго движенія (назаряне, евіониты и др.), говорило на семитическомъ діалектѣ (Евсевій, De situ et nomin. loc. hebr., слово χωβά; Епиф., Adv. haer., XXIX, 7, 9; XXX, 3; Св. Іеремія, In Matth., XII, 13; Dial. adv. Pelag., III, 2).

180) Мишна, *Синедріонъ*, XI, 1; Вавилонскій Талмудъ, *Баба кама*, 82. Би 83-а; *Сота*, 49 *а* и *в*; *Менахотъ*, 64 *в*. Ср. 2-ю книгу Маккавеевъ, IV, 10 и слѣд.

181) Іосифъ, *Ant.*, XX, XI, 2.

182) Іерусалимскій Талмудъ, *Пэахъ*, I, 1.

183) Іосифъ, Ant., loc. cit., Оригенъ, *Contra Celsum.*, II, 34.

184) Іерусалимскій Талмудъ, *Пэахъ*, I, 1; Вавилонскій Талмудъ, Менахотъ, 99, в.

185) Ессеи ни разу не упоминаются въ писаніяхъ нарождающагося христіанства.

186) Терапевты Филона—вѣтвь ессеевъ, повидимому, самое названіе ихъ есть греческій переводъ слова ессей (Εσσαῖοι asaya—врачи); см. Филонъ, *De vita contempl.* § I; В. У. I, II, VIII, 6; Епифанъ, *Adv. haer*, XXIX, 4.

187) См. особенно трактаты Филона: *Quis rerum divin. haeres sit* и *De philantropia*.

188) *Пирке Абботъ*, I и II; Іерусалимскій Талмудъ, *Песахимъ*, VI, 1; Вавилонскій Талмудъ, *Песахимъ*, 66а; *Шабатъ*, 30в и 31а; *Іома*, 35в.

189) Матѳ., XXIV, 15; Маркъ XIII, 14.

190) Легенда Даніила сложилась уже въ VI вѣкѣ до Р. Х. (Іезекіиль, XIV, 14 и слѣд.; XXVIII, 3). Позже существованіе его относили къ эпохѣ Вавилонскаго плѣненія.

191) Посланіе Іуды, 6, 14 и слѣд.; 2-ое посл. Петра, II, 4, 11; Завѣтъ двѣнадцати патріарховъ; Симеонъ, 5; Левій, 10, 14, 16; Іуда, 18. Зав., 3; Дан. 5; Веніам. 9; Навфал. 4; Посл. Варнавы, гл. 4, 16 (по Синайскому кодексу). См. выше, Введеніе, стр. 37 и прим. 18. „Книга Еноха"—одна изъ составныхъ частей Эфіопской Библіи. Извѣстная намъ *эфіопская* версія состоитъ изъ частей различныхъ датъ. Нѣкоторыя изъ этихъ частей нѣсколько напоминаютъ рѣчи Іисуса. Ср., напр., гл. XCVI—XCIX съ Ев. Луки, VI, 24 и слѣд.

192) Матѳ., XI, 8.

193) См., напр., Матѳ., XXII, 2 и слѣд.

194) Матѳ., VI, 13.

195) Лука, II, 42 и слѣд. Апокрифическія евангелія наполнены подобными разсказами, доведенными до курьезовъ.

196) Матѳ., XIII, 57; Маркъ, VI, 4, Іоаннъ, VII, 3 и слѣд. См. ниже, гл. IX.

197) Матѳ., XII, 48; Маркъ, VIII, 33; Лука, VIII, 21; Іоаннъ, II, 4; *Евангеліе отъ Іудеевъ*, у св. Іереміи, Dial. adv. Pelag., III, 2.

198) Лука, XI, 27 и слѣд.

199) *Ясна*, XII, 24; Өеопомпъ у Плутарха, *De Iside et Osiride*, § 47; *Минохиредъ*, см. «*Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, I, стр. 163.

200) Виргилій, экл. IV; Сервій, о 4-мъ ст. этой эклоги; Нигидій, цитируемый Сервіемъ, о 10-мъ ст.

201) *Carm. Sibyll.*, кн. III, 97—817.

202) *Эсвиръ*, VI, 13; VII, 10; VIII, 7, 11—17; IX, 1—22. Ср. съ апокрифическими частями: IX—11; XIV, 13 и слѣд.; XVI, 20, 24.

203) Екклезіастъ, I, 11; II, 16, 18—24; III, 19—22; IV, 8, 15—16; V, 17—18; VI, 3, 6; VIII, 15; IX, 9, 10.

204) Исайя. LX и слѣд.

205) Вся книга Эсфири дышитъ большой привязанностью къ этой династіи. Екклезіастъ, который, повидимому, относится къ этой же эпохѣ, представляетъ рѣдкій примѣръ упадка въ области іудейскихъ идей.

206) Апокрифич. посланіе Варуха, у Фабриція. *Cod. pseud. V. T.*, II, стр. 147 и слѣд., и у Церіани, *Monum. Saera et prof.*, I, fasc. I, стр. 96 и слѣд.

207) Іовъ, XXXIII, 9.

208) Замѣчательно, впрочемъ, что Іисусъ, сынъ Сираховъ, строго придерживается этого принципа (XVII, 26—28; XXII, 10—11; XXX, 4 и слѣд.; XLI, 1—2; XLIV, 9). Авторъ *Премудрости*, напротивъ, совершенно противоположнаго мнѣнія (IV, 1, греч. текстъ).

209) *Есфирь*, XIV, 6—7 (апокриф.); апокриф. посл. Варуха (Фабриційи Церіани, loc. cit.).

210) 2-я книга Маккавеевъ, VII.

211) Пиркэ Аботъ, I, 3.

212) Премудрость, гл. II—VI; VIII, 13. *Пиркэ Аботъ*, IV, 16; *De rationis imperio*, произведеніе, приписываемое Іосифу, 8, 13, 16, 18. Необходимо еще замѣтить, что авторъ послѣдняго трактата отодвигаетъ мотивъ личнаго возмездія на второй планъ. Главнымъ двигателемъ мучениковъ является любовь къ Закону, выгоды, которыя принесетъ ихъ смерть націи и слава, которая будетъ связана съ ихъ именами. Ср. *Премудрость*, IV, 1 и слѣд.; *Екклезіастъ*, XLIV и слѣд., Іосифъ, *B. I.* II, VIII, 10; III, VIII, 5.

213) *Премудрость*, IV, 1; *De rat. imp.*, 16, 18.

214) *2-я кн. Маккавеевъ*, VII, 9, 14; XII, 43—44.

215) Өеопомпъ въ *Diog. Laert.*, *proaem*, 9.—Бундехешъ, гл. XXXI. Намеки на догматъ воскресенія въ Авестѣ крайне сомнительны по смыслу.

216) Іоаннъ, XI, 24.

217) Лука, XVI, 22. Ср. *De rationis imp.*, 13, 16, 18.

218) Даніилъ, XII, 2.

219) 2-я книга Маккавеевъ, VII, 14.

220) Іосифъ, *Ant.*, XVIII, V, 1; VII, 1 и 2; Лука, III, 19.

221) Іосифъ, *Ant.*, XVIII, II, 3; IV, 5; V, 1.

222) *Ibid.*, XVIII, VII, 2.

223) *Ibid.*, XVIII, IV, 6.

224) *Ibid.*, XVII, XII, 2 и *B. I.*, II, 3.

225) Орелли, *Inscr. lat.*, nº 3693; Генценъ, *Suppl.*, nº 7041; *Fasti praenestini*, 6 марта и 28 апрѣля (въ *Corpusinscr lat.*. I, 314, 317); Боргези, *Fastes consulaires* (еще неизд.) за 742 г.; Моммсенъ, *Res gestae divi Augusti.*, стр. 111 и слѣд.; Ср. Тацитъ. Анн. II, 30; III, 48; Страбонъ, XII, VI, 5.

226) Іосифъ, *Ant.*, кн. XVIII.

227) Іосифъ, *Ant.*, кн. XVII и XVIII полностью и *B. I.*, кн. I и II.

228) Іосифъ, *Ant.*, XV, X, 4; *B. I.*, I, XXXIII, 2 и слѣд. Ср. кн. Еноха, XCVII, 13—14.

229) Филонъ, *Leg. ad. Caïum*, § 38.

230) Іосифъ, *Ant.* XVII, VI, 2 и слѣд.; *B. I.*, I, XXXIII, 3 и слѣд.

231) Іосифъ, *Ant.*, XVIII, VI, 1 и слѣд.

232) Мишна, *Синедріонъ*, IX, 6; Іоаннъ, XVI, 2; Іосифъ, *B. I.*, кн. IV и слѣд.; VII, VIII и слѣд.

233) Дѣянія, VIII, 9 и слѣд.

234) Discours de Claude, въ Ліонѣ, табл. II, *sub fine*. Де-Буассье, *Inscr. ant. de Lyon*, стр. 136.

235) 2-я кн. Самуила. XXIV.

236) Вавилонскій Талмудъ, *Баба Кама*, 113-а; *Шаббатъ*, 33 в.

237) Іосифъ, *Ant.*, XVIII, I, 1 и 6; XX, V, 2; *B. I.*, II, VIII, 1; VII, VIII, 1; *Дѣянія*, V, 37. Дѣянія упоминаютъ еще о другомъ агитаторѣ Ѳевдѣ, предшественникѣ Іуды Гавлонита; но это анахронизмъ; движеніе Ѳевды относится къ 44 году христіанской эры (Іосифъ, *Ant.*, XX, V, 4).

238) Іосифъ, *Ant.*, XX, V, 2; *B. I.*, II, XXII, 8 и слѣд.; VII, VIII и слѣд.

239) Лука, XIII, 1. Галилейское движеніе Іуды, сына Езекіи, повидимому, не носило религіознаго характера, хотя возможно, что Іосифъ умышленно затушовываетъ эту его сторону (*Ant.*, XVII, X, 5).

240) Іосифъ, *Ant.*, XVI, VI, 2, 3; XVIII, I, 1.

241) Іосифъ, *B. I.*, III, III, 2. Ужасное состояніе, въ которое приведена страна, особенно близъ Тиверіадскаго озера, не должно смущать насъ. Эта мѣстность, нынѣ выжженная, нѣкогда была земнымъ раемъ. Тиверіадскіе источники, нынѣ отвратительное мѣстечко, прежде были самымъ восхитительнымъ уголкомъ Галилеи (Іосифъ, *Ant.*, XVIII, II, 3). Іосифъ (*B. I.*, III, X, 8) восхищается чудными деревьями Генисаретской равнины, тогда какъ теперь тамъ нѣтъ ни единаго деревца. Антонинъ Мученикъ около 600 г., т. е. за пятьдесятъ лѣтъ до нашествія мусульманъ рисуетъ Галлилею покрытой роскошной растительностью и сравниваетъ ее по плодородію съ Египтомъ (*Itin.* § 5).

242) Мате., V, 1; XIV, 23; Лука, VI, 12.

243) Мате., XVII, 1 и слѣд.; Маркъ, IX, 1 и слѣд.; Лука, IX 28 и слѣд.

244) Іосифъ, *B. I.*, III, III, 2.

245) Іосифъ, *Ant.*, XVIII, II, 2; *B. I.*, II, IX, 1; *Vita*, 12 13, 64.

246) Іосифъ, B. I., III, III, 2.

247) Это можно себѣ представить по нѣкоторымъ уголкамъ въ окрестностяхъ Назарета. Ср. *Пѣснь пѣсней*, II, 3, 5, 15; IV, 13; VI, 6, 10; VII, 8, 12; VIII, 2, 5. Антонинъ Муч., *loc. cit.* Характеръ большихъ мызъ сохранился еще хорошо и сейчасъ на югѣ Тира (древнее племя Азеръ). Слѣды старинной палестинской агрикультуры съ высѣченными въ скалахъ службами (гумна, виноградныя тиски, зернохранилища, водопои, мельницы) встрѣчаются на каждомъ шагу.

248) Матѳ., IX, 17; XI, 19; Маркъ, II, 22; Лука, V, 37; VII, 34; Іоаннъ, II, 3 и слѣд.

249) Лука, II, 41.

250) Ibid., II, 42—44.

251) См. въ особенности псалмы 84, 122, 133 (Vulg. 83, 121, 132).

252) Лука, IX, 51—53; XXII, 11; Іоаннъ, IV, 4; Іосифъ, *Ant.*, XX, VI, 1; *B. I.*, II, XII, 3; *Vita*, 52. Часто, однако, путники отправлялись черезъ Перею, чтобы обойти Самарію, гдѣ имъ грозила опасность. Матѳ. XIX, 1; Маркъ, X, 1.

253) По Іосифу (Vita, 52) путь продолжался трое сутокъ; но переходъ отъ Сихема до Іерусалима въ свою очередь разбивался на два.

254) Псалтырь, пс. 83, стр. 7.

255) Лука, IV, 42. V, 16.

256) Это—выраженіе Марка, VI, 3. Ср. Матѳ. XIII, 55. Маркъ не упоминаетъ имени Іосифа; четвертое Евангеліе и Лука, напротивъ, предпочитаютъ выраженіе «сынъ Іосифа», Лука III, 23; IV, 22; Іоаннъ I, 46; VI, 42. Только четвертое Евангеліе никогда не называетъ матери Іисуса по имени. Имя Ben Ioseph, которое въ Талмудѣ означаетъ одного изъ Мессій, заставляетъ задуматься.

257) Іоан. II, 1; IV, 46. Это было извѣстно только Іоанну.

258) Нынѣ Кана-эль-Джелиль, то же, что Кана Галилейская, эпохи Крестовыхъ походовъ (см. Archives des missions scientifiques, 2-я серія, т. III, стр. 370). Не слѣдуетъ смѣшивать съ Кефръ-Кенна, лежащимъ на разстояніи 1 часа или полутора къ С.—С.—З. отъ Назарета (Кафархеммэ у крестоносцевъ).

259) Нынѣ Эль-Буттофъ.

260) Іоан. II, 11; IV, 46. Одинъ или два ученика были изъ Канны. Іоан. XXI, 2; Матѳ. X, 4; Маркъ III, 18.

261) Матѳ., XIII, 55; Марк., VI, 3; Іустинъ, Dial. cum. Tryph., 88.

262) Напр., «Равви Іоханакъ, башмачникъ, равви Исаакъ, кузнецъ».

263) Дѣянія XVIII, 3.

264) См. ниже, Глава IX.

265) Лук., VII, 37 и слѣд. Іоан., IV, 7 и слѣд.; VIII, 3 и слѣд.

266) Поученія, которыя приписываетъ Іисусу четвертое Евангеліе, заключаютъ зачатки богословія. Но такъ какъ они стоятъ въ абсолютномъ противорѣчіи съ поученіями синоптическихъ Евангелій, которыя представляютъ, безъ всякаго сомнѣнія, первоначальныя «Logia»,— то ихъ должно считать документами апостольской исторіи, а не относить къ элементамъ жизни Іисуса.

267) См. Матѳ. IX, 9 и другія аналогичныя сказанія.

268) См., напр., Іоан. XXI, 15 и слѣд.; впрочемъ, эта черта, *повидимому, преувеличена* въ четвертомъ Евангеліи.

269) Прекрасная душа Филона сходится здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, съ душой Іисуса. De confus. ling., § 14; De migr. Abr., § 4; De somniis II, § 41; De agric. Noë, § 12; De mutatione nominum, § 4.

270) Св. Павелъ «Къ Галатамъ», IV, 6.

271) Слово «небо» на языкѣ раввиновъ того времени—синонимъ слова «Богъ», которое избѣгали произносить. См. Буксторфъ, Lex chald. talm. rabb. слово שמים, и Даніилъ, IV, 22, 23. Ср. Матѳ., XXI, 25; Марка, XI, 30, 31; Луки XV, 18, 21; XX, 4, 5.

272) Это выраженіе встрѣчается на каждой страницѣ синоптическихъ Евангелій, «Дѣяній Апостоловъ», «Посланій св. Павла». Если въ четвертомъ Евангеліи оно встрѣчается лишь одинъ разъ (III, 3 и 5), то это объясняется тѣмъ, что поученія, передаваемыя этимъ Евангеліемъ, далеко не представляютъ истинныхъ словъ Іисуса.

273) Дан., II, 44; VII, 13, 14, 22, 27; Апокалипсисъ Варуха, у Церіани, Monum. sacra et prof., томъ I, сер. II, стр. 82.

274) Марк., XI, 10; Таргумъ Іонаѳана: Исайя, XL, 9; LIII, 10; Михея, IV, 7.

275) Мишна Беракотъ II, 1, 3; Іерусалимскій Талмудъ, Беракотъ II, 2; Киддушинъ I, 2; Вавилонскій Талмудъ Беракотъ, 15-а; Мекилта, 42 в.; Сифра, 170-в. Это выраженіе часто встрѣчается въ Мидрашимъ.

276) Матѳ. V, 10; VI, 10, 33; XI, 11; XII, 28; XVIII, 4; XIX, 12; Марк., X, 14, 15; XII, 34; Лук., XII, 31.

277) Переводъ «внутри васъ»—менѣе точенъ, онъ и не уклоняется отъ мысли Іисуса. Лук. XVII, 20—21.

278) Въ самомъ дѣлѣ, великая апокалипсическая теорія Сына человѣческаго сохранилась лишь въ главахъ, предшествующихъ повѣствованію о Страстяхъ. Первыя проповѣди, особенно у Матѳ., всѣ—нравственнаго характера.

279) Матѳ. XIII, 54 и слѣд.; Марк., VI, 2 и слѣд.; Іоанн., VI, 42.

280) Преданіе о безбрачіи Іисуса (Іустинъ, Dial. cum. Tryph., 85, 88, 100; Климентъ Алекс., Paedag., III, 1; Strom., VI, 17; Оригенъ, Contre Celse, VI, 75; Тертулліанъ, De Carne Christi, 9; Adv. Iudaeos, 14) проистекаетъ изъ желанія видѣть въ немъ осуществленіе предсказанныхъ чертъ Мессіи (Исайя, LIII, 2). Никакого традиціоннаго портрета Іисуса не существовало въ первые вѣка. Св. Августинъ, De Trinitate, VIII, 4, 5. Ср. Иринея; Adv. haer., I, XXV, 6.

281) Logia св. Матѳея заключаютъ въ себѣ многія изъ этихъ аксіомъ, соединенныхъ вмѣстѣ съ цѣлью создать большія поученія. Но отрывочность все же даетъ себя чувствовать въ виду искусственности.

282 Мысли іудейскихъ ученыхъ того времени собраны въ небольшой книгѣ, подъ названіемъ Пиркэ Абботъ.

283) Сопоставленія будутъ сдѣланы ниже по мѣрѣ надобности. Предполагалось когда-то, что такъ какъ Талмудъ редактировался въ эпоху позднѣйшую сравнительно съ Евангеліемъ, то компиляторами перваго были сдѣланы заимствованія изъ морали христіанской. Но *это недопустимо*; положенія Талмуда, отвѣчающія на мысли въ Евангеліи, точно датированы уже самыми именами ученыхъ, которы

онѣ приписываются тамъ. Эти указанія устраняютъ всякую мысль о заимствованіи.

284) Матѳ. VII, 12; Лук. VI, 31. Это изреченіе есть уже въ книгѣ Товита, IV, 46. Гиллель обыкновенно имъ пользовался (Талм. Вавил. Шаббатъ, 31-а) и заявлялъ, какъ и Іисусъ, что это и есть вкратцѣ вся сущность закона.

285) Матѳ., V, 39 и слѣд.; Лук., VI, 29; Ср. Іеремію, *Плачъ*, III, 30.

286) Матѳ., V, 29—30, XVIII, 9; Марк., IX, 46.

287) Матѳ., V, 44; Лук., VI, 27; Ср. Вавил. Талм., *Шаббатъ*, 88-в, Іома, 23-а.

288) Матѳ., VII, 1; Лук., VI, 37; Ср. Вавил. Талм., Кетуботъ, 105-в.

289) Лук., VI, 37. Ср. Левитъ XIX, 18; Притча, XX, 22; Екклезіастъ, XXVIII, 1 и слѣд.

290) Лук., VI, 36; Siphre, 54-в (Зультцбахъ, 1802).

291) Изреченіе, приведенное въ Дѣяніяхъ, XX, 35.

292) Матѳ., XXIII, 12; Лук., XIV, 11; XVIII, 14. Мысли, приводимыя Св. Іереміей изъ «Евангелія отъ Іудеевъ» (Коммент. къ Послан. къ Ефес., V, 4; у Іезек., XVIII; Dial. adv. Pelag., III, 2), проникнуты тѣмъ же духомъ. Ср. Талм. Вавил., Эрубинъ, 13-в.

293) Второзак., XXIV, XXV, XXVI и т. д.; Исайя, LVIII, 7; Притчи, XIX, 17; Пиркэ Абботъ, I; Талм. Іерусал., Пэахъ I, 1; Талм. Вавил., Шаббатъ, 63-а; Талм. Вавил., Баба Кама, 93-а.

294) Матѳ., V, 20 и слѣд.

295) Матѳ., V, 22.

296) Тамъ же, V, 31 и слѣд. Ср. Талм. Вавил., *Синедріонъ*, 22-а.

297) Матѳ., V, 33 и слѣд.

298) Тамъ же, V, 38 и слѣд.

299) Матѳ. V, 42. Ростовщичество запрещалось и Закономъ (Второз. XV, 7—8), но менѣе строго, а обычаемъ оно разрѣшалось (Лука VII, 41 и сл.)

300) Матѳ., XXVII, 28. Ср. Талм. *Массекетъ Кала* (изд. Фюрта, 1793) л. 34-в.

301) Матѳ., V, 23 и слѣд.

302) Тамъ же, V, 45 и слѣд. Ср. Левитъ, XI, 44; XIX, 2; посл. къ Ефес., V, 1 и ὁμοίωσις τῷ θεῷ Платона.

303) Ср. Филона, De migr. Abr., § 23 и 24; De vita contemplativa.

304) Матѳ., XV, 11 и слѣд.; Марк., VII, 6 и слѣд.

305) Марк., VII, 6 и слѣд.

306) Матѳ., VI, 1 и слѣд. Ср. Экклезіастъ XVII, 18; XXIX, 15; Талм. Вавил., Хагига, 5-а; Баба батра, 9-в.

307) Матѳ., VI, 5—8.

308) Матѳ., XIV, 23; Лук., IV, 42; V, 16; VI, 12.

309) Матѳ. VI, 9 и слѣд.; Лук., XI, 2 и слѣд. См. Талм. Вавил. *Беракотъ*, 29-в, 30-а, особенно выраженіе אבינו שבשמים.

310) Т. е. отъ Діавола.

311) *Лук., XI,* 5 и слѣд.

312) *Матѳ., V, 23—24.*

313) *Исаія, I, 11* и слѣд. Ср. тамъ же, LVIII цѣликомъ; Осія, VI, 6; *Малахія, I, 10* и слѣд.

314) Пиркэ Абботъ, I, 2.
315) Екклез., XXXV., 1 и слѣд.
316) Талм. Іерус., Песахимъ, VI, 1; Талм. Вавил., то же, 66-а; Шаббатъ, 31-а.
317) Quod Deus immut., § 1 и 2; De Abrahamo, § 22; Quis rerum divinum haeres, § 13, и слѣд.; De profugis, § 7 и 8; Quod omnis probus liber., въ цѣломъ; De vita contemplavita, вся.
318) Талм. Вавил. Песахимъ, 67-в.
319) Талм. Іерус., Пэахъ, I, 1.
320) Матѳ., VII, 4—5; Лук., VI, 41 и слѣд. Сравн. Талм. Вавил., *Баба батра*, 15-в.; Эрахинъ, 16-в.
321) См. особенно Пиркэ Абботъ, гл. I.
322) Талмудъ, обнимающій это обширное разнообразіе школъ, началъ писаться лишь во II вѣкѣ нашей эры.
323) Лука, I, 5. См. евангеліе *эвіонитовъ*, сохраненное Епифаномъ (Adver. haer. XXX, 13).
324) Лука, I, 39. Предполагали, не безъ нѣкотораго правдоподобія, что „городъ Іуды", упомянутый въ цитированномъ выше мѣстѣ изъ Луки, есть городъ Ютта (Іисусъ Нав., XV, 55; XXI, 16). Робинзонъ (Biblical Researches. I, 494; II, 206) нашелъ однако эту Ютту, носящую еще это имя, въ двухъ часахъ къ югу отъ Хеврона.
325) Лука I, 15.
326) Ibid. I, 80.
327) Матѳ., III, 4; Маркъ, I, 6; отрывки изъ Евангелія *эбіонимовъ*, у Эпифана. Adv. haer. XXX, 13.
328) Малахій, III, 23—24 (VI, 5—6, по Vulg.); Экклезіастъ XLVIII, 10; Матѳ., XVI, 14; XVII, 10 и слѣд.; Маркъ VI, 15; VIII, 28; IX, 10 и слѣд.; Лука, IX, 8, 19; Іоаннъ I, 21, 25.
329) Жестокій Абдалла, паша въ Сенъ-Жанъ-d'Акрѣ, едва не умеръ отъ ужаса, увидѣвъ его во снѣ, выпрямившимся во весь ростъ на своей горѣ. На картинахъ христіанскихъ церквей онъ окруженъ отрубленными головами; мусульмане его боятся.
330) *Вознесеніе Исаіи*, II, 9—11.
331) Лука, I, 17.
332) Плиній, Ест. ист., V, 17; Эпиф. *Adv. haer.*, XIX, 1 и 2. M. de-Saulcy. *Voyage autour de la mer Morte*, I, p. 142, и слѣд.
333) Даніилъ I, 12 и слѣд.; X, 2 и слѣд.; Еноха, LXXXIII, 2; LXXXV, 3; IV, кн. Ездры IX, 24, 26; XII, 51.
334) Іосифъ, Vita, 2.
335) Духовные учителя.
336) Эту точку зрѣнія я развилъ въ другомъ мѣстѣ (*Hist. génér. des langues sémitiques*. III, IV, 1; *Journ. Asiatique*. fevr.—mars. 1856).
337) Арамейскій глаголъ *себа*, корень названія секты *сабіевъ*, есть синонимъ βαπτίζω.
338) Я говорилъ объ этомъ подробнѣе въ *Journ. Asiatique*, ноябрь—декабрь 1853 г. и авг.—сент. 1855 г. Замѣчательно, что элхасаиты, секта сабійская или баптистская, жили почти въ той же странѣ, что и ессеи, на восточномъ берегу Мертваго моря, и ихъ смѣшивали другъ съ другомъ (Эпиф. *Adv. haer.*, XIX, 1, 2, 4; XXX, 16, 17; L, 1 и 2; *Philosophumena*, IX, III, 15 и 16; X, XX, 29).
339) См. замѣчанія Эпифана объ ессеяхъ, гемеробаптистахъ, на-

зареянахъ, оссенахъ, назореянахъ, евіонитахъ, сампсеяхъ (*Adv. haer.*, кн. I и II) а также замѣчанія автора *Philosophumena* объ элхасаитахъ (кн. IX и X).

340) Епиф. *Adv. haer.*, XIX, XXX, LIII.

341) Маркъ, VII, 4; Іос. *Ant.*, XVIII, V, 2; Юстинъ, Dial. cum, Tryph. 17, 29, 80; Эпиф. *Adv. haer.*, XVII.

342) Іос. *B. I.*, II, VIII, 5, 7, 8, 13.

343) Мишна, *Песахимъ*, VIII, 8; Вавилонскій Талмудъ, *Іебамотъ*, 46-в; *Керитутъ* 9-а; Абода Цара 57-а; *Массекетъ Геримъ* (изд. Kirchheim 1851) стр. 38 -40.

344) Матѳ., III, 1; Маркъ I, 4.

345) Лука III, 3.

346) Іоаннъ, I, 28; III, 26. Всѣ древнія рукописи упоминаютъ о *Виѳаніи*; но такъ какъ въ этой странѣ не знаютъ *Виѳаніи*, то Оригенъ (*Comment. in Ioann.* VI, 24) предложилъ называть ее *Виѳаварой*, и его поправка была довольно единодушно принята. Впрочемъ, оба эти слова имѣютъ тождественныя значенія и, кажется, означаютъ мѣсто, гдѣ былъ паромъ для переправы черезъ рѣку.

347) *Энонъ* есть множ. число отъ халдейскаго *энаванъ*, «источники».

348) Іоаннъ, III, 23. Положеніе этой мѣстности сомнительно. Синоптики единогласно опредѣляютъ мѣстомъ крещенія Іоанна берегъ Іордана (Матѳ. III, 6; Маркъ, I, 5; Лука, III, 3). Но обстоятельство, раскрытое четвертымъ евангелистомъ, что «тамъ было много воды», совершенно лишено смысла, если предполагать, что мѣсто, о которомъ онъ говоритъ, близко отъ этой рѣки. Сопоставленіе стиховъ 22 и 23 главы III, Іоанна, со стихами 3 и 4 гл. IV того же евангелія даетъ поводъ думать, что Селимъ находился въ Іудеѣ. Кажется, близъ руины *Раметъ-эль-Халилъ*, въ окрестностяхъ Хеврона, находится мѣстность, которая отвѣчаетъ всѣмъ этимъ условіямъ (Сеппъ—Jerusalem und das Heilige Land. Schaffh., 1863, I, стр. 520 и слѣд.). Святой Іеремія помѣщаетъ Салимъ гораздо сѣвернѣе, близъ Виѳъ-Шеана или Скиѳополиса. Но Робинсонъ (Biblical Research. III, 333) не могъ найти въ этихъ мѣстахъ ничего, что оправдывало бы это указаніе.

349) Марк., I, 5; Іосифъ, *Ant.*, XVIII, V, 2.

350) Матѳ., XIV, 5; XXI, 26.

351) Матѳ., XI, 14; Маркъ, VI, 15; Іоаннъ, I, 21.

352) Матѳ., XIV, 2; Лука, IX, 8.

353) См. выше, прим. 328.

354) Лука, III, 15 и слѣд.; Іоаннъ, I, 20.

355) Матѳ., XXI, 25 и слѣд.; Лука, VII, 30.

356) Матѳ., loc. cit.

357) Матѳ., III, 2.

538) Ibid., III 7.

359 Лука, III, 11—14; Іосифъ, *Ant.*, XVIII, V, 2.

360) Матѳ., XXI, 32; Лука, III, 12—14.

361) Матѳ., III, 9.

362) Матѳ., III, 7; Лука, III, 7.

363) Ant., XVIII, V, 2. Надо замѣтить, что когда Іосифъ на... болѣе или менѣе мятежныя ученія своихъ соот...

ственниковъ, онъ старательно вытравляетъ въ нихъ всякіе слѣды мессіанскихъ вѣрованій и, чтобы не подать римлянамъ повода для подозрѣнія, покрываетъ лоскомъ банальности, которая дѣлаетъ похожими всѣхъ вождей еврейскихъ сектъ на проповѣдниковъ нравственности или на стоиковъ.

364) Матѳ., IX, 14.

365) Лука, III, 11 (слабый авторитетъ).

366) Матѳ., III, 13 и слѣд.; Маркъ, I, 9 и слѣд.; Лука, III, 21 и слѣд.; Іоаннъ, I, 29 и слѣд.; III, 22 и слѣд. Синоптики объясняютъ дѣло такъ, что Іисусъ идетъ къ Іоанну раньше, чѣмъ онъ сталъ играть общественную роль. (Ср. евангеліе эвіонитовъ у Эпифана. *Adv. haer.*, XXX, 13, 14; Юстинъ, Dial. cum tryph 88). Но если правда то, что они говорятъ, что Іоаннъ съ самаго начала узналъ Христа и оказалъ ему хорошій пріемъ, то надо допустить, что Іисусъ уже былъ тогда довольно извѣстнымъ учителемъ. Четвертый Евангелистъ два раза приводитъ Іисуса къ Іоанну: разъ, когда онъ былъ неизвѣстенъ, другой—съ толпой учениковъ. Не затрагивая здѣсь вопроса о точномъ пути Іисуса (вопросъ неразрѣшимый, принимая во вниманіе противорѣчія въ документахъ и беззаботность евангелистовъ о точности, простительную въ такомъ вопросѣ), и не отрицая того, что Іисусъ могъ совершить путешествіе къ Іоанну въ такое время, когда онъ еще не былъ извѣстенъ, мы примемъ данныя, предлагаемыя четвертымъ Евангеліемъ (III, 22 и слѣд.), которыя устанавливаютъ, что Іисусъ прежде, чѣмъ креститься у Іоанна, имѣлъ уже сформированную школу. Первыя страницы четвертаго Евангелія представляютъ собой отрывки, сшитые между собою. Точный хронологическій порядокъ, который у нихъ преслѣдуется, происходитъ отъ склонности автора къ лишь кажущейся точности. См. выше, примѣч. 23.

367) Лука, I, хотя всѣ подробности разсказа, въ особенности относительно родства Іисуса съ Іоанномъ -легендарны.

368) Срав. Іоаннъ, VIII, 57.

369) Іоаннъ, III, 22—26; IV, 1—2. Вставка стиха 2-го, кажется, является позднѣйшимъ прибавленіемъ, или быть можетъ запоздалой замѣткой редактора, который самъ себя поправляетъ.

370) Іоаннъ, III, 26; IV, 1.

371) Іоаннъ, I, 35 и слѣд., поддерж. *Act.*, I, 21—22.

372) Матѳ., III, 2; IV, 17.

373) Матѳ., III, 7; XII, 34; XXIII, 33.

374) Ibid., XI, 2—13.

375) Ibid., III, 12.

376) Лука, III, 19.

377) Іосифъ, *Ant.*, XVIII, V, 2.

378) Іосифъ, *Ant.*, XVIII, V, 1.

379) Матѳей (XIV, 3 Греч. текстъ) и Маркъ (VI, 17) думаютъ что это—Филиппъ; но это, конечно, недосмотръ (см. Іос. Ant. XVIII V, 1—4). Женой Филиппа была Саломея, дочь Иродіады.

380) Іос., *Ant.*, XVII, IV, 2.

381) Іос., *Ant.*, XVIII, VII, 1, 2; *B. I.*, II, IX, 6.

382) Іос., *Ant.*, XVIII, V, 1.

383) Это названіе встрѣчается въ Іерусалимскомъ Талмудѣ (Шебіитъ IX, 2) и въ Толкованіяхъ Іоаѳана и Ерусалима (Числа, XXII, 35).

384) Теперь—Мкауръ, сѣвернѣе оазиса Зерка-Майнъ. См. карту Мертваго моря, изд. Г. Винь (Парижъ, 1865).
385) Іос., *Ant.*, XVIII, V, 1.
386) Левитъ, XVIII, 16.
287) Іос., *Ant.*, XV, VII, 10.
388) Матѳ., XIV, 4; Маркъ, VI, 18; Лука, III, 19.
389) Іос., Ant., XVIII, V, 2.
390) Матѳ., XIV, 5.
391) Маркъ, VI, 20. Я читаю ἠπόρει, а не ἐποίει. Ср. Лука, IX. 7.
392) Тюрьма на востокѣ — не имѣетъ одиночекъ: узникъ со скованными ногами, находится подъ стражей во дворѣ на виду и въ открытой комнатѣ, откуда онъ разговариваетъ со всѣми проходящими.
393) Товій, VIII, 3; Лука, XI, 24.
394) Матѳ., IV, 1 и слѣд.; Маркъ, I, 12—13; Лука, IV, 1, и слѣд. Несомнѣнно, что изумительная аналогія между этими разсказами и легендами изъ *Вендидадъ* (farg. XIX) и Лалитавистары (гл. XVII, XVIII, XXI) позволяетъ думать, что пребываніе въ пустынѣ—просто миѳъ. Но отчетливое и сухое описаніе Марка, представляющее, повидимому, первоначальную редакцію, вынуждаетъ предположить реальный фактъ, который позже далъ пищу легендарнымъ сказаніямъ.
395) Матѳ. IV, 12; Марка I, 14; Луки IV, 14; Іоанна IV, 3.
396) Матѳ., VII, 29; Маркъ, I, 22; Лука, IV, 32.
397) Маркъ, I, 14—15.
398) Ibid., XV, 43.
399) См. выше, стр. 113.
400) Іоаннъ, XII, 31; XIV, 30; XVI, 11. Срав. II-е Посл. къ *Коринѳ.*, IV, 4; къ Эфес. II, 2.
401) Іоаннъ, I, 10; VII, 7; XIV, 17, 22, 27; XV, 18 и слѣд.; XVI, 8, 20, 33; XVII, 9, 14, 16, 25. Этотъ оттѣнокъ въ словѣ «Міръ» особенно характеренъ въ писаніяхъ Павла и въ рѣчи, которыя приписываются Іоанну.
402) Матѳ., XIX, 30; XX, 16; Маркъ, 10, 31; Лука, XIII, 30.
403) Матѳ., XIII, 24 и слѣд.
404) Матѳ., XIII, 47 и слѣд.
405) Матѳ., XIII, 31 и слѣд.; Марка, IV, 31 и слѣд.; Лука, XIII, 19 и слѣд.
406) Матѳ., XIII, 33, Лука, XIII, 21.
407) Матѳ., XIII, весь; XVIII, 23 и слѣд.; XX, 1 и слѣд.; Лука, XIII, 18 и слѣд.
408) Матѳ., XXII, 30. Сравните слова Іисуса, относящіяся къ посланію Варнавы, 6: Ἰδοὺ ποιῶ τὰ ἔσχατα ὡς τὰ πρῶτα (изд. Hilgenfeld, стр. 18).
409) Ἀποκατάστασις πάντων. Дѣянія, III, 21.
410) Матѳ., XVII, 23—26; XXII, 16—22.
411) Іоаннъ, VI, 15.
412) См. Stobée, *Florilegium*. Гл. LXII, LXXVII, LXXXVI и слѣд.
413) Іоаннъ, VIII, 32 и слѣд.
414) Дѣянія, III, 21.
415) Апокалипс., XXI, 1, 2, 5.
416) Милленарныя секты Англіи (тысячелѣтники) представляютъ

такой же контрастъ; они съ одной стороны вѣрятъ въ близкій конецъ міра, съ другой—обнаруживаютъ, несмотря на это, много здраваго смысла въ практической жизни, необыкновенное пониманіе торговли и промышленности.

417) Матѳ., X, 17—18; Лука, XII, 11.

418) Матѳ., V, 10 и слѣд.; X, вл.; Лука, VI, 22 и слѣд.; Іоаннъ, XV, 18 и слѣд.; XVI, 2 и слѣд., 20, 33; XVII, 14.

419) Лука, XVI, 15.

420) Матѳ., V, 3, 10; XVIII, 3; XIX, 14, 23—24: XX, 16; XXI, 31; XXII, 2 и слѣд.; Маркъ, X, 14—15, 23—25; Лука, I, 51—53; IV, 18 и слѣд.; VI, 20; XIII, 30; XIV, 11; XVIII, 14, 16—17, 24—25.

421) Матѳей, XI, 5.

422) Іоаннъ, XV, 19; XVII, 14, 16.

423) См. особенно главу XVII Іоанна, въ которой излагается не дѣйствительное слово Іисуса, а то глубокое чувство его учениковъ, которое логически вытекало изъ ученія основателя ихъ религіи.

424) Лука, III, 23; Евангеліе *эвіонитовъ*, у Эпиф. *Adv. haer.*, XXX, 13; Валентинъ у Св. Иринея Adv. haer. I, I, 3; II, XXII, 1 и слѣд., и у Св. Эпиф., Adv. haer., LI, 28—29. Іоаннъ, VIII, 57, ничего не доказываетъ своими словами; „пятьдесятъ лѣтъ“ обозначаютъ здѣсь возрастъ человѣческій вообще. Ириней (Adv. haer. II, XXII, 5 и слѣд. является только эхо Іоанна, VIII, 57, хотя онъ претендуетъ на то) что опирается на традицію „древнихъ“ отцовъ Азіи.

425) Іоаннъ, I, 37 и слѣд.

426) I, 5, 26 и слѣд.

427) Даніилъ, VII, 4, 13—14. Срав., VIII, 15; X, 16.

428) У Іоанна, XII, 34. Іудеи не вполнѣ очевидно понимаютъ значеніе этого слова.

429) Матѳ., X, 23; XIII, 41; XVI, 27—28; XXIV, 27, 30, 37, 39, 44; XXV, 31; XXVI, 64; Маркъ, XIII, 26; XIV, 62; Лука, XII, 40; XVII, 24, 26, 30; XXI, 27, 36; XXII, 69; *Дѣянія*, VII, 55. Но самыя значительныя страницы: *Іоаннъ*, V, 27, если сопоставить съ Апокалипсисомъ I, 13; XIV, 14. Сравните *Энохъ*. XLVI, 1—4; XLVIII, 2, 3; LXII, 5, 7, 9, 14; LXIX, 26, 27, 29; LXX, 1 (дѣленіе Дильмана); IV-я книга Ездры XIII, 2 и слѣд.; 12 и слѣд.; 25, 32 (эфіопская версія, арабская и сирійская, изд. Эвальда, Фолькмара и Серіани); *Вознесеніе Исайи*, латинскій текстъ Венеціи, 1522 (колл. 702, изд. де-Migne), Юстинъ, Dial. cum Tryph., 49, 76. Выраженіе «сынъ женщины» для Мессіи встрѣчается однажды въ книгѣ Эноха, LXII, 5. Надо замѣтить, что вся часть книги Эноха, содержащая въ себѣ главы XXXVII—LXXI, является сомнительной, въ томъ смыслѣ, что носитъ характеръ вставки. Четвертая книга Эздры написана въ царствованіе Нервы евреемъ, подпавшимъ вліянію христіанскихъ идей.

430) Іоаннъ, V, 22, 27.

431) Въ Евангеліяхъ этотъ эпитетъ встрѣчается 83 раза и каждый разъ отъ лица самого Іисуса.

432) Правда, Телль-Хумъ, который обыкновенно отождествляютъ съ Капернаумомъ, сохранилъ еще довольно много прекрасныхъ памятниковъ. Но, помимо того, что вѣрность этого отождествленія *сомнительна*, вышеупомянутые памятники могутъ относиться ко II и III *вѣкамъ послѣ Р. X.*

433) В. I. III, X, 8.

434) Матө., IX, 1; Маркъ, II, 1. Дѣйствительно, Капернаумъ фигурируетъ въ сочиненія талмудистовъ, какъ городъ *минимовъ*, или еретиковъ; эти минимы — очевидно, христіане. См. Мидрашъ, Когелетъ, стихъ VII, 26, 4.

435) Матө., XIII, 54 и слѣд.; Марка, VI, 1 и слѣд.; Лука, IV, 16 и слѣд., 23—24; Іоаннъ, IV, 44.

436) Марка VI, 5; ср. Матө. XIII, 58; Луки IV, 23.

437) Матө., XIII, 57; Маркъ, VI, 4; Іоаннъ, VII, 3 и слѣд.

438) Марка, III, 21, 31 и слѣд.; надо помнить о связи между стихами 20, 21 и 31, даже если читать въ стихѣ 31 — Καὶ ἔρχονται, а не ἔρχονται οὖν.

439) Лука, IV, 29. Вѣроятно, здѣсь дѣло идетъ объ остроконечной скалѣ, весьма близкой отъ Назарета, надъ нынѣшней церковью маронитовъ, а не о *горѣ Низверженія*, которая находится отъ Назарета на разстояніи часа пути. См. Робинзона II, 335 и слѣд.

440) Матөей, IV, 13; Лука, IV, 31; Іоаннъ, II, 12.

441) Въ Телль-Хумѣ, въ Ирбидѣ (Арбела), въ Мейронѣ (Меро), въ Ишѣ (Гишала), въ Касіунѣ, въ Набартейнѣ, и двѣ въ Кефръ-Береймѣ.

442) Я не рѣшаюсь ни рѣшить вопросъ о возрастѣ этихъ памятниковъ, ни, слѣдовательно, утверждать, что Іисусъ поучалъ въ одной изъ этихъ синагогъ. Какой интересъ представила бы съ этой точки зрѣнія синагога въ Телль-Хумѣ! Большая синагога въ Кефръ-Береймѣ кажется мнѣ самой древней изъ всѣхъ. Она построена въ довольно строгомъ стилѣ. Въ Касіунской синагогѣ имѣется греческая надпись временъ Септимія Севера. Важное значеніе, которое завоевалъ себѣ іудаизмъ въ нагорной Галилеѣ послѣ войны Адріана, позволяетъ думать, что большинство этихъ построекъ восходитъ не дальше, чѣмъ къ III-му вѣку, т. е. ко времени, когда Тиверіада становится чѣмъ то вродѣ столицы іудаизма. См. Journal Asiatique, déc. 1864, стр. 531 и слѣд.

443) II кн. Ездры, VIII, 4; Матө., XXIII, 6; Послан. Якова, II, 3; Мишна, *Мегилла*, III, 4; *Рошъ-гашана*, IV, 7 и т. д. См. особенно любопытное описаніе синагоги александрійской въ Вавилонскомъ Талмудѣ. Сукка 51-в.

444) Филонъ, цитируемый у Евсевія. Praep. evang., VIII, 7, и Quod ommis probus liber, § 12; Лука, IV, 16, Дѣянія XIII, 15; XV, 21; Мишна, Мегилла, III, 4 и слѣд.

445) Ἀρχισυνάγωγος. Ср. Гаруччи. Dissert. archeolog., II, 161 и слѣд.

446) Πρεσβύτεροι.

447) Ὑπηρέτης.

448) Ἀπόστολοι или ἄγγελοι.

449) Διάκονος. Марка, V, 22, 35 и слѣд.; Лука, IV, 20; VII, 3; VII, 41, 49; XXIII, 14; *Дѣян.* XIII, 15; XVIII, 8, 17; *Апокал.* 4; II, Мигина, *Іома*, VII, 1; *Рошъ-Гашана*, IV, 9; Талм. Ерусал., *Синедріонъ*, I, 7; Эпиф. *Adr. haer.*, XXX, 4, 11.

450) *Antiq. du Bosph. Cimm.*, надписи №№ 22 и 23 и *Mélanges gréco-latins*, С.-Петербургской Академіи, т. II, стр. 200 и слѣд.; Леви, *Epigraphische Beiträge* zur Gesch. der Juden, стр. 273 и слѣд., 298 и слѣд.

451) Надпись Беренисы, въ *Corpus inscr. graec.*, № 5361; надпись въ *Касіунѣ*, въ Journ. Asiat., l. c.

452) Мате., V, 25; X, 17: XX, 10, 34; Маркъ, XIII, 9; Лука, XII, 11; XXI, 12; *Дѣян.* XXII, 19; XXVI, 11; Посл. II, XI, 24; Мигина, *Маккотъ*, III 1, 2; Вавил. Талмудъ, *Мегилла*, 7-в.; Эпиф. *Adv. haer.*, XXX, 11.

453) Мате., XXIII, 6; Посл. Іакова, II, 3; Вавил. Талмудъ, *Сукка*, 51-в.

454) Мате., IV, 23; IX, 35; Маркъ, I, 21, 39; VI, 2; Лука, IV, 15, 16, 31, 44; XIII, 10; Іоаннъ, XVIII, 20.

455) Лука, IV, 16 и слѣд.; Ср. Мигина, *Іома*, VII, 1.

456) Мате., VII, 28; XIII, 54; Маркъ, I, 22; VI, 1; Лука, IV, 22, 32.

457) Древній Киннеретъ исчезъ, или измѣнилъ свое имя.

458) Дѣйствительно, извѣстно, что Магдала была по сосѣдству съ Тиверіадой, Іерус., Талмудъ. Маашаротъ, III, 1; Шебіитъ, IX, 1; Эрубинъ, V, 7.

459) Маркъ, VIII, 10. Въ параллельномъ мѣстѣ Матеея, XV, 39, теперь содержитъ въ себѣ Μαγδαλά; но это относительно позднее исправленіе истиннаго имени Μαγαδάν Μαλαδαγ, самъ по себѣ мнѣ кажется есть измѣненное Δαλμανουθα. См. Comptes rendus de l'Acad. des Inscr. et *B.-L.*, 17 août 1866.

460) На разстояніи полутора часа пути отъ того мѣста, гдѣ Іорданъ вытекаетъ изъ озера, находятся, на самомъ Іорданѣ, остатки древняго поселка, по имени *Дальгамія* или *Дальмамія*. См. Томсонъ, The Land and the Book, II, стр. 60—61 и карту Baur-de-Beulge. Но Маркъ, VIII, 10, предполагаетъ, что Дальмануеа находилась на берегу озера.

461) Въ мѣстности, по имени *Хоразн* или *Биръ-Керазе*, выше Телль-Хума. (См. карту Ванъ де Вельда и Томсонъ, op.-cit, II, стр. 13.

462) Старая гипотеза, отождествлявшая Тель-Хумъ съ Капернаумомъ, хотя и подверглась сильнымъ нападкамъ въ послѣдніе года, сохранила еще однако много защитниковъ. Лучшій аргументъ, какой могутъ привести въ ея пользу—это самое имя *Телль-Хумъ*. Телль входитъ въ названіе многихъ деревень и могъ бы замѣнить прежній Кафаръ (см. примѣръ въ Archives des Missions scientif. 2-я серія, т. III, стр. 369). Невозможно, съ другой стороны, найти близъ Телль-Хума источникъ, соотвѣтствующій тому, что описано у Іосифа (В. I. III., X.. 8). Этотъ капернаумскій источникъ и есть, пожалуй, Айнъ-Медавара; но Айнъ-Медавара находится на разстояніи полу-льè отъ озера, между тѣмъ какъ Капернаумъ былъ рыбачьимъ городомъ на самомъ берегу моря (Мате., IV, 13; Іоаннъ, VI, 17). По отношенію къ Виесаидѣ существуютъ еще большія затрудненія, потому что не мало страннаго заключается въ гипотезѣ, довольно широко принятой, о томъ, что существуютъ двѣ Виесаиды—одна на западномъ, другая—на восточномъ берегу, одна отъ другой на разстояніи 2—3 льè.

463) *В. I.* III, X, 8; Вавил. Талм. *Песахимъ*. 86; Сифре, *Везотъ-Хабберака*.

464) В. I. III, X, 7; Жакъ де-Витри въ Gesta Dei per Francos. I, 1075.

465) Это вычисленіе Г. Винь (*Connaissance des temps* pour 1866), согласующіяся приблизительно съ данными капитана Линча въ Риттеровой *Erdkunde* XV, 1-я часть, стр. XX и Г. де-Берту (Bulletin de *la Soc. de geogr.*; 2-я серія XII, стр. 146).

466) Глубина Мертваго моря вдвое больше.

467) *B. I.* III, X, 7 и 8.

468) Іос., *Ant.*, XVIII, II, 3; Vita, 12. 13, 64.

469) Я присоединяюсь къ мнѣнію Г. Томсона (*The Land and the Book*, II, 34 и слѣд.), согласно которому *Гергеза* Матѳея (VIII, 28) то-же, что ханаанейскій городъ *Гиргашъ* (*Бытіе*, X, 16; XV, 21; *Второзак.*, VII, 1; *Іисусъ Навинъ* XXIV, 11); она находилась въ мѣстности, называемой теперь *Керса* или *Герса*, на восточномъ берегу, почти напротивъ Магдалы. Маркъ (V, 1) и Лука (VIII, 26) говорятъ *Гадара* или *Гераза*, вмѣсто *Гергеза*. Но согласиться на *Геразу* невозможно, потому что евангелисты говорятъ, что городъ, о которомъ спорятъ, находится близъ озера, напротивъ Галилеи. Что касается Гадары, нынѣ-- *Омъ-Кейсъ*, лежащей на разстояніи полутора часа пути отъ озера и Іордана, то обстоятельства, приведенныя о ней Маркомъ и Лукой, къ ней не подходятъ совершенно. Помимо того, можно допустить, что Гергеза стала Геразой, названіе довольно извѣстное, но что топографическія затрудненія, представляемыя подобнымъ чтеніемъ текста, заставляютъ принять *Гадару*. Ср. Оригенъ Comment in Ioann, VI, 24; X, 10; Евсевій и св. Іеремія. De situ et nomin., loc. hebr., слова Γεργεσά, Γεργάσει.

470) Матѳ., XVI, 13; Маркъ, VIII, 27.

471) Матѳ., XV, 21; Маркъ, VII, 24, 31.

472) Іос., *Vita*, 13.

473) Іос., *Ant.*, XV, X, 3; *B. I.*, I, XXI, 3; III, X, 7; Benjamin-de-Tudèle, стр. 46, взд. Ашера.

474) Іос., *Ant.*, XV, X, 3; *B. I.*, I, XXI, 3. Сравн. манеры Филиппа, Maggem. Hist. of jewish coinage; стр. 101 и слѣд.

475) Corpus inscr. gr. №№ 4537, 4538, 45386, 4539. Эти надписи, правда, большей своей частью принадлежатъ позднѣйшей эпохѣ.

476) Люціанъ (какъ говорятъ). De dea Syria, 3.

477) Слѣды богатой языческой цивилизаціи того времени покрываютъ еще весь Беледъ-Бешарахъ, въ особенности въ горахъ, образующихъ мысъ Бланъ и мысъ Накуру.

478) Матѳ., IV, 18; Лука, V, 44 и слѣд.; Іоаннъ, I 44; XXI, 1 и слѣд.; Іос., *B. I.*, III, X, 7; Іерусал. Талмудъ. *Песахимъ*, IV, 2; Вавил. Талм. *Баба Кама*, 80b; Жакъ де Витри, въ книгѣ Gesta Dei per Francos, стр. 1075.

479) Матѳ., IX, 1; Маркъ, II, 1—2.

480) Прозвище Κῆφας, повидимому, идентично съ Καϊαφᾶς, которое принадлежало первосвященнику Іосифу Кайафѣ, встрѣчается, какъ собственное имя одного изъ современниковъ апостола, у Іосифа, *Ant.* XVIII, VI, 3. Можно поэтому думать, что Іисусъ не давалъ Симону прозвища Кифа или Петръ, а только своеобразно истолковалъ имя, которое его ученикъ уже носилъ.

481) Іоаннъ, I, 44.

482) Матѳ., VIII, 14; Маркъ, I, 30; Лука, IV, 38; 1-е *Посл.* къ Кор. IX, 5; 1 посл. Петра, V, 13; Клим. Алекс. *Strom.* III, 6; VII, 11; Лже-Клим. *Recogn.* VII, 25; Евсевій, *H. E.*, III, 30.

483) Матѳ., VIII, 14; XVII, 24; Маркъ, I, 29—31; Лука, IV, 38.

484) Іоаннъ, I, 40 и слѣд.

485) Матѳ., IV, 18; Маркъ, I, 16; Лука, V, 3; Іоаннъ, XXI, 3.

486) Матѳ., IV, 19; Маркъ, I, 17; Лука, V, 10.

487) Маркъ, I, 20; Лука, V, 10; VIII, 3; Іоаннъ, XIX, 27.

488) Іоаннъ, I, 35 и слѣд. Постоянная привычка четвертаго евангелиста приводить имя Іоанна съ нѣкоторой неизмѣнной таинственностью позволяетъ думать, что ученикъ, не названный въ этомъ текстѣ, и есть самъ Іоаннъ.

489) Матѳ., IV, 18--22; Лука, V, 10; Іоаннъ, I, 35 и слѣд.; XXI, 2 и слѣд.

490) Матѳ., XXVII, 56; Маркъ, XV, 40; XVI, 1.

491) Матѳ., XXVII, 55--56; Маркъ, XV, 40--41; Лука, VIII, 2--3; XXIII, 49.

492) Маркъ, XVI, 9: Лука, VIII, 2; Срав. *Товій*, III, 8; VI, 14.

493) Лука, VIII, 3; XXIV, 10.

494) Лука, VIII, 3.

495) Іоаннъ, I 44 и слѣд.; XXI, 3. Я считаю допустимымъ отождествленіе Наѳанаила съ апостоломъ, который фигурируетъ въ текстѣ подъ именемъ *Баръ-Толмай*, *Варъ-Ѳоломей*.

496) Матѳ., IX, 9; X, 3.

497) Папій, у Евсевія, *Hist. eccl.*, III, 39.

498) Это второе имя есть греческій переводъ перваго.

499) Іоаннъ, XI, 14: XX, 24 и слѣд.

500) Матѳ., X., 4; Маркъ, III; 18; Лука, VI, 15; *Дѣянія*, I, 13; Евангеліе *евіонитовъ*, у Эпифана, *Adv. haer.* XXX, 13.

501) Дѣянія, I, 21--23. Ср. Папій, у Евсевія, *Hist. eccl.*, III, 39.

502) Папій (ibid), какъ и апостолы, называетъ его точно ученикомъ Господа, приписываетъ ему повѣствованія объ ученіяхъ Господа и ассоціируетъ его имя съ *пресвитеромъ Іоанномъ*. О личности послѣдняго см. выше стр. 51--52.

503) Нынѣ *Киріэтейнъ* или *Киреитейнъ*.

504) Обстоятельство, сообщаемое Іоанномъ, XIX, 25--27, даетъ возможность думать, что не въ одинъ изъ моментовъ общественной дѣятельности Іисуса онъ видѣлъ около себя братьевъ, которые отдалялись отъ него. Если въ родственникахъ Іисуса различать двухъ Іакововъ, то намекъ на враждебность Іакова, «брата Господа»,--можно видѣть въ Посл. къ Гал. II, 6. (Срав. I, 19; II, 9, 11).

505) См. выше. Стр. 82--84.

506) Матѳ., XXVII, 56; Маркъ, XV, 40; Іоаннъ, XIX, 25.

507) Дѣянія, I, 14; Срав. Лука, I, 28; II, 35, гдѣ сквозитъ уже настоящее уваженіе къ Маріи.

508) Іоаннъ, XIX, 25 и слѣд.

509) См. выше, стр. 83, примѣч.

510) Юлій Африканскій у Евсевія *H. E.* I, 7.

511) Маркъ, III, 17; IX, 37 и слѣд.; X, 35 и слѣд.; Лука, IX, 49 и слѣд.; 54 и слѣд.; Апокалипсисъ вполнѣ соотвѣтствуетъ этой характеристикѣ. См. особенно глава II и III, гдѣ ненависть переливаетъ черезъ край. Ср. черту фанатизма, отмѣченную Иринеемъ. Adv. haer. III, III, 4.

512) Іоаннъ, XIII, 23; XVIII, 15 и слѣд.; XIX, 26--27; XX, 2, 4; XXI, 7, 20 и слѣд.

513) Матѳей, XVI, 1; XXVI, 37; Маркъ, V, 37; IX, 1; XIII, 3; XIV, 33; Лука, IX, 28. Мысль о томъ, будто Іисусъ повѣдалъ этимъ тремъ ученикамъ какъ-то тайное ученіе, была распространена съ древ-

нихъ временъ. Удивительно, что Евангеліе, приписываемое Іоанну, ни разу не говоритъ о Іаковѣ, его братѣ.

514) Матѳ., IV, 18—22; Лука, V, 10; Іоаннъ, XXI, 2 и слѣд.

515) Матѳ., XIV, 28; XVI, 22; Маркъ, VIII; 32 и слѣд.

516) Кажется, онъ жилъ приблизит. до 100 года. См. четвертое Евангеліе XXI, 15—23, и древніе памятники, собранные Евсевіемъ *H. E.*, III, 20, 23.

517) См. прим. 511.

518) Апокалипсисъ долженъ быть написанъ имъ.

519) Матѳ., XVIII, 4; XX, 25—26; XXIII, 8—12; Маркъ IX, 34; X, 42—46.

520) Лука, V, 3.

521) Матѳ., XVII, 23.

522) Ibid. XVI, 16—17.

523) Іоаннъ, VI, 68—70.

524) Матѳ., X, 2; Лука, XXII, 32; Іоаннъ, XXI, 15 и слѣд.; Дѣян. I, II, V и пр.; *Посл. къ Гал.*, I, 18; II, 7—8.

525) Матѳ., XVI. 18; Іоаннъ, I, 42.

526) Матѳ., XVI, 19. Въ другомъ мѣстѣ, правда (Матѳ., XVIII, 18) та же власть дана всѣмъ апостоламъ.

527) Матѳ., XVIII, 1 и слѣд.; Марка, IX, 33; Лука, IX, 46; XXII, 30.

528) Матѳ., XX, 20 и слѣд.; Маркъ, X, 35 и слѣд.

529) Марк., X, 41.

530) Іоаннъ, XVIII, 15 и слѣд.; XIX, 26—27; XX, 2 и слѣд.; XXI, 7, 21. Срав. I, 35 и слѣд., гдѣ ученикъ, не названный по имени, вѣроятно, и есть Іоаннъ.

531) Матѳ., IX, 9; Маркъ, II, 14; III, 18; Лука, V, 27; VI, 15; Дѣян., I, 13; Евангеліе *эвіонитовъ* у Эпиф. *Adv haer.*, XXX, 13. Первичная редакція содержитъ въ себѣ: «Левій, сынъ Алфея». Послѣдній редакторъ перваго Евангелія подставилъ на мѣсто этого имени—Матѳея, въ силу болѣе или менѣе надежнаго преданія, согласно которому этотъ апостолъ занимался этой же профессіей. (Матѳ., X, 3). Необходимо помнить, что въ современномъ Евангеліи Матѳея—единственная часть его, которая, быть можетъ, дѣйствительно, могла быть написана этимъ апостоломъ,—это бесѣды Іисуса. См. Папій, у Евсевія, Hist. ecclesiastique, III, 39.

532) Цицеронъ, *De provinc. consular.* 5; *Pro Plancio*, 9; Тацитъ, *Ann.*, IV, 6; Плиній, *Hist. nat.*, XII, 32; Аппіанъ, Bell. civil., II. 13.

533) Она была извѣстна еще до временъ крестовыхъ походовъ, по имени Via Maris. Ср. Исайя, IX, I; Матѳей, IV, 13—15; кн. Товита, I, 1. Я думаю, что дорога, вырубленная въ скалѣ, близъ Айнъ-эт-Тина, составляла часть ея, и что эта дорога направлялась къ *мосту дочерей Іакова*, какъ и теперь. Часть дороги отъ Айнъ-Тина, въ этомъ мѣстѣ, носитъ слѣды античной конструкціи.

534) Матѳ., IX, 9 и слѣд.

535) Матѳ., V, 46—47; IX, 10, 11; XI, 19; XVIII, 17; XXI, 31—32; Маркъ, II, 15—16; Лука, V, 30; VII, 34; XV, 1; XVIII, 11; XIX, 7; Люціанъ, *Necyomant*, 11; Dio Chrysot. orat., IV. Стр. 85; orat., XIV. Стр. 269 (изд. Эмперіуса); Мишна, *Недаримъ* III, 4.

536) Мишна. Баба Кама, X, 1; Іерусалимскій Талм. *Демаи*, II, *3; Вавил. Талм. Синедріонъ*, 25-в.

537) Лука, V, 29 и слѣд.
538) Іоаннъ, I, 48 и слѣд.
539) Ibid., I, 42.
540) Іоаннъ, IV, 17 и слѣд. Срав. Марка, II, 8; III, 2—4; Іоаннъ, II, 24—25.
541) Матѳ., XVII, 3; Марк., IX, 3; Лука, IX, 30—31.
542) Матѳ., IV, 11: Маркъ, I; 13.
543) Матѳ., XIV, 26; Маркъ, VI, 49; Лука, XXIV, 39; Іоаннъ VI, 19.
544) Іоаннъ, I, 51.
545) Матѳ., XIII, 1—2; Маркъ, III, 9; IV, 1; Лука, V, 3.
546) Матѳ., V, 3—10; Лука, VI, 20—25.
547) То, что называли «Λόγια κυριακά». Папій у Евсевія. *H E.* III, 39.
548) Апологъ, который мы находимъ въ кн. *Судей*, IX, 8 и слѣд., II кн. *Самуила*, XII, 1 и слѣд., только по внѣшности походитъ на евангельскія притчи. Глубокая оригинальность евангельской притчи заключается въ чувствѣ, которымъ она проникнута. Притчи въ *Мидрашимъ* тоже совсѣмъ въ другомъ духѣ.
549) См. особенно *Лотусъ истинной вѣры*, гл. III и IV.
550) Ср. Вавил. Талм. Вава ватра, 11-а.
551) Богъ богатствъ и скрытыхъ кладовъ, нѣчто вродѣ Плутона въ финикійской или сирійской миѳологіи.
552) Матѳ., VI, 19—21; 24—34; Лука, XII, 22—31; 33—34; XVI, 13; Сравните правила жизни у Луки X, 7—8, запечатлѣнныя той-же наивностью и Вавил. Талм. *Сота*, 48-в.
553) Матѳ., XII, 22; Маркъ, IV, 19; Лука, VIII, 14.
554) Матѳ., VI, 11; Лука, XI, 3. Таковъ смыслъ ἐπιούσιος.
555) Лука, XII, 34—34. Сравните прекрасныя правила жизни, совершенно похожія на эти, которыя Талмудъ приписываетъ Монобазу. Іер. Талм. *Пеахъ*, 15b.
556) Лука, XII, 20.
557) Ibid, XII, 16 и слѣд.
558) Іос. *Ant*., XVII, X, 4 и слѣд.; Vita, 11 и т. д.
559) Филонъ. *Quod omnis probus liber* и *De vita contemplativa*. Іос., *Ant*., XVIII, I, 5; *B. I.*, II, VIII, 2—13; Плиній, Hist. Nat., V, 17; Эпиф., *Adv. haer*., X, XIX, XXIX, 5.
560) Дѣянія, IV, 32, 34—37; V, 1 и слѣд.
561) Матѳ., XIII, 22; Лука, XII, 15 и слѣд.
562) Матѳ., XIX, 21; Марк., X, 21 и слѣд., 29—30; Лука, XVIII, 22, 23, 28.
563) Матѳ., XIII, 44—46.
564) Іоаннъ, XII, 6.
565) Лука, XVI, 1—14.
566) См. греч. текстъ.
567) Лука, XVI, 19—25. Лука, я это знаю, имѣетъ ясно выраженную склонность къ коммунизму (сравните VI, 20—21, 25—26) и я думаю, что онъ усилилъ противъ дѣйствительности этотъ оттѣнокъ въ поученіяхъ Іисуса. Но черты Λόγια Матѳея довольно ясно выступаютъ у этого евангелиста.
568) Матѳ., XIX, 24; Марк., X, 25; Лука, XVIII, 25; Еванг. Евреевъ у Гильгенфельда. *Nov. Test. extra canonem receptum*, IV, стр. 15. Эта

словица находится въ Талмудѣ (Вав. *Беракотъ*, 55b, *Baba metsia* 8b), въ Коранѣ (Изр. VII, 38). Оригенъ и греческіе комментаторы, е зная семитической пословицы, думали, что здѣсь идетъ рѣчь о Канатѣ (κάμιλος).

569) Мате., XIII, 22.

570) Ps., CXXXIII, 3.

571) Мате., XII, 2 и слѣд.; Лук., XIV, 16 и слѣд. Ср. Мате., VIII, 11—12; XXIV, 33 и слѣд.

572) Лук., VI, 25.

573) Лук., XIV, 12--14.

574) Слово, сохраненное вамъ однимъ очень стариннымъ преданіемъ. Псевдо-климент. поученія. II, 54; III, 50; XVIII, 20; Климентъ Алекс., Strom., I, 28. Оно встрѣчается у Оригена, Св. Іереміи и у многихъ отцовъ церкви.

575) Притч., XIX, 17.

576) См. особенно Амоса, II, 6; Исайя LXIII, 9; Псалт., XXV, 9; XXXVII, 11; LXIX, 33, и вообще еврейскіе словари на слова: אביון, דל, עני, ענו, כסיד, עשיר, הוללי, עריף.

577) Глав., LXII, LXIII, XCVII, C, CIV.

578) Енохъ, гл., XLVI (быть можетъ, христіанск.), 4—8.

579) Енохъ, XCIX, 13, 14.

580) Посл. Іакова, II, 5 и слѣд.

581) Юлій Африканъ, у Евсевія, H. E., I, 7; Евсевій, De sita et nom. loc. hebr., слово Χωβά; Оригенъ, Contre Celse, II, 1; V, 61; Епифанъ, Adv. haer., XXIX, 7, 9; XXX, 2, 18.

582) См. особенно Оригена, Contre Celse, II. 1; De principiis, IV, 22. Ср. Епиф. Adv. haer. XXX, 17. Ириней, Оригенъ, Евсевій, апостольскія учрежденія не знаютъ существованія такой личности. Авторъ Philosophumena, повидимому, сомнѣвается (VII, 34 и 35; X, 22 и 23). Басня объ Эвіонѣ была распространена Тертулліаномъ и особенно Епифаномъ. Впрочемъ, всѣ Отцы согласны съ этимологіей слова: Εβίων - πτωχός.

583) Епиф., Adv. haer., XIX, XXIX и XXX, особенно XXIX, 9.

584) Мате., X, 23; XI, 5; Лука, VI, 20—23.

585) Мате., IX, 36; Маркъ, VI, 34.

586) Мате., IX, 10 и слѣд.; Лука, XV цѣликомъ.

587) Мате., IX, 11; Маркъ, II, 16; Лук., V, 30.

588) Мате., IX, 12.

589) Лука, XV, 4 и слѣд.

590) Мате., XVIII, 11 (?); Лук. XIX, 10.

591) Мате., IX, 13.

592) Лук., VII, 36 и слѣд., Лука, охотно подчеркивающій все, что относится къ прощенію грѣшниковъ (ср. X, 30 и слѣд.; XV вся; XVII, 16 и слѣд.; XVIII, 10 и слѣд.; XIX, 2 и слѣд.; XXIII, 39—43), изложилъ это повѣствованіе, вставивъ въ него черты другой исторіи, именно эпизода умащенія ногъ, происшедшаго въ Виеаніи за нѣсколько дней до смерти Іисуса. Во всякомъ случаѣ, прощеніе грѣш- ... безъ всякаго сомнѣнія, одной изъ существеннѣйшихъ ... жизни Іисуса. Ср. Іоан., VIII, 3 и слѣд.:

595) Мате., XXV, 1 и слѣд.
596) Марк., II, 18; Лук., V, 33.
597) Мате., IX, 14 и слѣд., Марк., II, 18 и слѣд.; Лука, V, 33 и слѣд.
598) Намекъ на какую-то дѣтскую игру.
599) Мате., XI, 16 и слѣд.; Лука, VII, 34 и слѣд. Смыслъ этой пословицы: «Сужденія людей—слѣпы. Мудрость дѣлъ Божіихъ возвѣщается только въ самыхъ этихъ дѣлахъ». Я читаю ἔργων, согласно рукописи «B» Ватикана, Codex'у Sinaiticus,—а не τέκνων. Вѣроятно, мѣсто Мате., XI, 19 исправл. по Лук., VII, 35, у котораго оно яснѣе.
600) Мате., XXI, 7—8.
601) Мате., XIX, 13 и слѣд.; Марк., X, 36; X, 13 и слѣд.; Лук., XVIII, 15—16.
602) Марк., X, 13 и слѣд.; Лук., XVIII, 15.
603) Мате., XXVI, 7 и слѣд.; Лук., VII, 37 и слѣд.; Маркъ, XIV, 3 и слѣд.
604) Евангеліе Марсіона, прилож. къ ст. 2 къ гл. XXIII Луки (Епиф., Adv. haer., XLII, 11). Если сокращенія Марсіона не имѣютъ критич. цѣнности, то нельзя того-же сказать о его приложеніяхъ, когда они, повидимому, основываются не на предубѣжденіи, но на дѣйствительномъ состояніи рукописей, которыми онъ пользовался.
605) Восклицаніе, произносившееся во время процессій на праздникѣ Кущей, причемъ потрясали пальмовыми вѣтвями. Мишна, Сукка, III, 9. Этотъ обычай существуетъ и до сихъ поръ у евреевъ.
606) Мате., XXI, 15—16.
607) Тамъ-же, XVIII, 5, 10, 14; Лук. XVII, 2.
608) Мате., XIX. 14; Марк., X, 14; XVIII, 16.
609) Мате., XVIII, 1 и слѣд.; Марк., IX, 33 и слѣд.; Лук., IX, 46.
610) Марк., X, 15.
611) Мате., XI, 25; Лук., X, 21.
612) Мате., X, 42; XVIII, 5, 4; Марк., IX, 36; Лук., XVII, 2.
613) Мате., XVIII, 4; Марк., XI, 33—36; Лук., XI, 46—48.
614) Лук., XXII, 30.
615) Марк., X, 37, 40—41.
616) Лук., XXIII, 43; II къ Коринө., XII, 4. Ср. Carm. Sibyll., procem., 86; Талм. Вавил. *Хагига*, 14-в.
617) Мате., XI, 2 и слѣд.; Лук.; VII, 18 и слѣд.
618) Мате., IX, 14 и слѣд.
619) Мате., XIV, 4 и слѣд.; Маркъ, VI, 18 и слѣд.; Лук., III, 19.
620) Іос., De bello jud., VII, VI, 2.
621) Подносъ, на которомъ на востокѣ подавали вина и яства.
622) Мате., XIV, 3 и слѣд.; Маркъ, VI, 14—29; Іос., Ant., XVIII, V, 2.
623) Іос., *Ant.*, XVIII, V, 1 и 2.
624) Мате., XIV, 12.
625) Мате., XIV, 13.
626) Мате., XIV, 15 и слѣд.; Маркъ, VI, 35 и слѣд.; Лука, IX, 11 и слѣд.; Іоаннъ, VI, 2 и слѣд.
627) Мате., XI, 7 и слѣд.; Лука, VII, 24 и слѣд.
628) Мате., XI, 12—13; Лука, XVI, 16.

629) Малах., III и IV; Екклез., XLVIII, 10. См. выше гл. VI.
630) Мате., XI, 14; XVII, 10; Маркъ, VI, 15; VIII, 28; IX, 10 и слѣд.; Лука, IX, 8, 19; Іоан., I, 21; Іустин., Dial cum Tryph., 49.
631) Экклез., XLIV, 16; IV книг. Эздры, VI, 26; VII, 28; ср. XIV, 9 и послѣдн. стр. сирійскаго, эфіопс., арабск. и армянск. переводовъ (Volkmar, Esdra proph., стр. 212; Ceriani, monum sacra et prof., т. I, в. II, стр. 124; Армянск. библія Зораба, Венеція, 1805, прибавл. стр. 25).
632) Мате., XVI, 14.
633) II Маккав., XV, 13 и слѣд.
634) Тексты, цитируемые Анкетиль - Дюперрон'омъ, «Зендъ-Авестъ», I, ч. 2, стр. 46, испр. Шпигелемъ въ Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, I, 261 и слѣд.; извлеч. изъ Джамаспъ-Намэ, въ «Авестѣ» Шпигеля, I стр. 34. Ни одинъ изъ парсскихъ текстовъ, дѣйствительно содержащихъ въ себѣ идею о воскресеніи пророковъ въ роли предтечей, не обнаруживаетъ древняго происхожденія; но самыя идеи, заключенныя въ этихъ текстахъ, повидимому, восходятъ къ гораздо болѣе древней эпохѣ, чѣмъ редакція этихъ текстовъ.
635) Апок. XI, 3 и слѣд.
636) Маркъ, IX, 10.
637) Мате., XI, 14; XVII, 10—13; Маркъ, VI, 15; IX, 10—12; Лука, IX, 8; Іоан., I, 21—25.
638) Лука, I, 17.
639) Мате., XXI, 32; Лука, VII, 29—30.
640) Дѣяніе, XIX, 4.
641) Лука, I.
642) Дѣянія, I, 22; X, 37—38. Это вполнѣ объяснимо, если допустить, согласно четвертому Евангелисту (гл. I), что Іисусъ обрѣлъ своихъ первыхъ и самыхъ главныхъ учениковъ въ самой же школѣ Іоанна.
643) Мате., III, 14 и слѣд.; Лука, III, 16; Іоан., I, 15 и слѣд.; V, 32—33.
644) Мате., XI, 2 и слѣд.; Лука, VII, 18 и слѣд.
645) Дѣянія, XVIII, 25; XIX, 1—5. Ср. Епиф., Adv. haer., XXX, 16.
646) Житія, II.
647) Не былъ ли это тотъ самый Бунаи, котораго Талмудъ (Вавил. *Синедріонъ*, 43-а) включаетъ въ число учениковъ Іисуса?
648) Гегезиппъ, у Евсевія, H. E., II, 23.
649) Еванг., I, 8, 26, 33, IV, 2; 1 послан., V, 6. Ср. Дѣянія, X, 49.
650) Книга IV. См. особенно ст. 157 и слѣд.
651) Здѣсь умѣстно напомнить, что «*сабіяне*» по арамейски соотвѣтствуетъ слову «баптисты». Моглтасила значитъ то же по арабски.
652) Однако, они дѣлаютъ объ этомъ смутныя предположенія. Такъ же какъ и четвертому Евангелію, имъ хорошо извѣстны отношенія Іисуса къ Іосифу Аримаѳейскому. Самъ Лука (X, 38—42) знакомъ съ *Виѳанской семьей*. Лука имѣетъ смутное представленіе о системѣ *четвертаго Евангелія* по вопросу о путешествіяхъ Іисуса. Дѣйствительно, по этому Евангелію, начиная съ гл. IX, 51 и до XVIII, 31,

маршрутъ Іисуса кажется до того страннымъ, что приходится допустить, что Лука слилъ въ этихъ главахъ эпизоды нѣсколькихъ путешествій. Въ отрывкахъ гл. X, 25 и слѣд.; X, 38 и слѣд.; XI, 29 и слѣд.; XI, 37 и сл.; XII, 1 и слѣд.; XIII, 10 и сл.; XIII, 31 и сл.; XIV, 1 и сл.; XV, 1 и сл.; сценой, повидимому, служитъ Іерусалимъ или его окрестности. Неясность этой части повѣствованія проистекаетъ повидимому отъ того, что Лука насильственно втискиваетъ свои матеріалы въ рамки синоптиковъ, изъ которыхъ онъ не дерзаетъ выступать. Большая часть рѣчей противъ фарисеевъ и саддукеевъ, произнесенныхъ согласно синоптикамъ въ Галилеѣ, имѣетъ смыслъ только для Іерусалима. Наконецъ, промежутокъ времени, отдѣлявшій, по мнѣнію синоптиковъ, входъ Іисуса въ Іерусалимъ отъ Страстей, хотя и могъ достигать нѣсколькихъ недѣль (Матѳ. XXVI, 55; Маркъ XIV, 49), все же недостаточенъ для объясненія того, что должно было произойти въ періодъ между прибытіемъ Іисуса въ этотъ городъ и его смертью. Цитаты изъ Матѳ. XXIII, 37 и Луки XIII, 34 повидимому подтверждаютъ тотъ же тезисъ; однако можно сказать, что это цитата, подобно тексту Матѳ. XXIII, 34, относящаяся вообще къ усиліямъ, которыя Богъ дѣлалъ черезъ своихъ пророковъ, чтобы спасти народъ.

653) Ясно указаны только два паломничества (Іоаннъ II, 13 и V, 1), не считая послѣдняго путешествія (VII, 10), изъ котораго Іисусъ уже не вернулся въ Галилею. Первое имѣло мѣсто еще тогда, когда Іоаннъ совершалъ свои крещенія. Слѣдовательно, оно совпадаетъ съ Пасхой 29-го года. Но обстоятельства, сопровождавшія это путешествіе, относятся къ болѣе поздней эпохѣ (ср. въ особенности Іоанна II, 14 и сл., Матѳея, XXI, 12—13; Марка XI, 15—17; Луки XIX, 45—46). Очевидно, въ первыхъ главахъ четвертаго Евангелія перепутаны даты или скорѣе всего авторъ перепуталъ обстоятельства, сопровождавшія различныя путешествія.

654) Объ этомъ можно судить по Талмуду, отраженію іудейской схоластики этого времени.

655) Іос. Ant. XX, XI, 2.

656) Пс. LXXXIV (Вульг. LXXXIII), 11.

657) Матѳ. XXVI, 73; Маркъ XIV, 70; Дѣянія, II, 7; Талмуд. Вавил., *Эрубинъ* 53-а и сл.; Берешитъ рабба 26-с.

658) Вышеуказанная страница трактата *Эрубинъ;* Мишна, *Недаримъ*, II, 4; Талмудъ Іерусалимск., Шаббатъ XVI до конца; Талмудъ Вавилонск., *Баба Батра*, 25-в.

659) *Эрубинъ*, loc cit., 53-в.

660) Іоаннъ VII, 52. Современная экзегетика доказала, что два или три пророка были родомъ изъ Галилеи; но разсужденія, которыми это подтверждается, были неизвѣстны во времена Іисуса. Относительно напр. Иліи смотр. Іос. Ant., VIII, XIII, 2.

661) Ис., IX, 1—2; Матѳ. IV, 13 и сл.

662) Смотри выше примѣч. 533.

663) Іоаннъ, I, 46 (слабый авторитетъ).

664) Іос. Ant. XV, VIII—XI; B. I. V, V, 6; Маркъ XIII, 1—2.

665) Такъ называемыя гробницы Судей, Авессалома, Захарія, Іосафата, св. Іакова. Сравнить съ описаніемъ гробницы Маккавеевъ въ Модинѣ (*1 кн. Маккав.* XIII, 27 и сл.).

666) Матѳ., XXIII, 29; XXIV, 1 и слѣд.; Маркъ, XIII, 1 и слѣд.

Лука, XXI, 5 и слѣд.; Сравнить *книгу Еноха*, XCVII, 13—14; Талмудъ Вавилонскій, *Шаббатъ*, 33-в.

667) Іос., Ant., XV, XI, 5, 6.

668) Ibid. XX, IX, 7; Іоаннъ, II, 20.

669) Матѳ., XXIV, 2; XXVI, 61; XXVII, 40; Маркъ, XIII, 2; XIX, 58; XV, 29; Лука, XXI, 6; Іоаннъ, II, 19—20.

670) М.-де-Вогюэ. *Іерусалимскій храмъ* (le Temple de Jérusalem, Paris, 1864 г.). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что храмъ и его ограда занимали мѣсто мечети Омара и *Харама* или священнаго двора, окружающаго мечеть. Площадка Харама въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и именно въ томъ, куда ходятъ плакать евреи, представляетъ собой самый цоколь храма Ирода.

671) Лука, II, 46 и слѣд.; Мишна, *Синедріонъ*, X, 2; Талмудъ Вавилонскій; *Синедріонъ*, 41-а; Рошъ гашана, 31-а.

672) Свет., Aug., 93.

673) Филонъ, Legatio ad Caium., § 34; Іос., B. I., V, V, 2; VI, II, 4; Дѣянія XXI, 28.

674) Слѣды башни Антонія замѣтны еще и теперь въ сѣверной части Харама.

675) Мишна, *Беракотъ*, IX, 5; Талмудъ Вавилонск. *Іебамотъ*, 6-в.; Маркъ, XI, 16.

676) Іос., B. I., II, XIV, 3; VI, IX, 3; Ср. Псал., CXXXIII, (Vulg. CXXXII).

677) Талмудъ Вавил. *Рошъ гашана*, 31-а; *Синедріонъ*, 41-а; *Шаббатъ*, 15-а.

678) Маркъ, XI, 16.

679) Матѳ., XXI, 12 и слѣд.; Маркъ XI, 15 и слѣд.; Лука, XIX, 45 и слѣд.; Іоаннъ, II, 14 и слѣд.

680) Itin. a Burdig. Hierus., стр. 152 (изд. Шотта); Св. Іеремія, у Исайи, II, 8 и у Матѳ., XXIV, 15.

681) Амміенъ Марцеллинъ, XXIII, 4.

682) Евтихій, Ann., II, 286 и слѣд. (Оксфордъ, 1659).

683) Іос., Ant. XV, III, 1, 3.

684) Тамъ же, XVIII, II.

685) Дѣянія, IV, 1 и слѣд.; V, 17; XIX, 14; Іос., *Ant.*, XX, IX, 1; *Пиркэ Абботъ*, 1, 10; Сравнить Тосифта *Менахотъ*, II.

686) Іос., *Ant.*, XV, IX, 3; XVII, VI, 4; XIII, 4; XVIII, I, 1; II, 4; XIX, VI, 2; VIII, 1.

687) Это имя встрѣчается только въ іудейскихъ документахъ. Я полагаю, что «иродіане» въ Евангеліи и суть именно *Воэтузимъ*. Глава у Епифана (haer. XX) объ иродіанахъ не имѣетъ большого значенія.

688) Трактатъ *Аботъ Натамъ*, 5; *Соферимъ*, III, hal. 5; *Мишна, Менахотъ*, X, 3. Талмудъ Вавилонскій, Шаббатъ, 118-а. Слово *Воэтузимъ* часто замѣняется въ талмудическихъ книгахъ словомъ саддукеи или же *минимъ* (еретикъ). Сравнить Тосифта *Іома*, I, съ Талмудомъ Іерус. подъ тѣмъ же заглавіемъ, I, 5 и съ Вавил. Талмудомъ, то же загл. 19-в; Тос. *Сукка* III, въ Вавил. Талм., то же заглавіе 43-в; Тос. *тамъ же дальше* съ Талм. Вавил. то же заглавіе 48-в; Тос. Рошъ *гашана, I, съ Мишна*, то же заг. II, 1, Тал. Іерус. то же заглав. II, 1, *и Талм. Вавил.* то же загл., 22-в; Тос. Менахотъ X, съ Мишна то

же загл. X, 3, Талм. Вав. то же загл. 65-а. Мишна *Хагига*, II, 4, и Мегиллатъ Таанитъ, I; Тос. *Iадаимъ*, II, съ Талм. Iерус. Баба батра, VIII, 4 съ Талм. Вавил. то же загл. 115-в и Мегиллатъ Таанитъ V. Сравнить также Марка VIII, 15 съ Матѳеемъ XVI, 6.

689) Маркъ, XIV, 51—52, гдѣ νεανίσκος, повидимому, и есть Маркъ; Дѣянія, XII, 12.

690) Повидимому, о немъ идетъ рѣчь въ Талмудѣ. Талм. Вавил. *Таанитъ* 20-а; *Гиттинъ* 56-а; Кетуботъ 668; трактатъ *Аботъ Натанъ* VII; Мидрашъ раба, *Ека* 64а. Мѣсто въ Таанитъ отождествляетъ его съ Бунаи, который по Синедріону (см. выше примѣч. 647) былъ ученикомъ Iисуса. Но если Бунаи тоже лицо, что Бану у Iосифа, то это сопоставленіе не имѣеть никакого значенія.

691) Iоаннъ, III, 1 и слѣд; VII, 50. Текстъ разговора былъ изобрѣтенъ авторомъ четвертаго Евангелія; но ни въ коемъ случаѣ нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что самая личность Никодима или по крайней мѣрѣ участіе, которое онъ принималъ въ жизни Iисуса, измышлены авторомъ.

692) Iоаннъ, VII, 50 и слѣд.

693) Тамъ-же, X X, 36.

694) Мишна *Баба метсіа*, V, 8. Талмудъ Вавил. Сота, 49-в.

695) Талмудъ Iерусалим., *Беракотъ*, IX, 2.

696) Цитированное выше мѣсто *Сота* и *Баба Камя*, 83-а.

697) Дѣянія, V, 34 и слѣд.

698) Тамъ-же, XXII, 3.

699) Orac. Sibyl, 1. III, 573 и сл.; 715 и сл.; 756—758. Срав. съ Таргумъ Iонаѳана. Исайя, XII, 3.

700) Луки XVI, 16. Слова Матѳея XI, 12—13 не такъ ясны, но имѣютъ несомнѣнно тотъ-же смыслъ.

701) Матѳ., V, 17—18. (Ср. Вавил. Талмудъ, *Шаббатъ* 116-с). Эта цитата не стоитъ въ противорѣчіи съ тѣми, которыя требуютъ уничтоженія Закона. Оно доказываетъ только, что въ Iисусѣ получили законченный видъ всѣ образы Ветхаго Завѣта. Ср. Лука, XVI, 17.

702) Матѳ., IX, 16—17; Лука, V, 36 и сл.

703) Лука, XIX, 9.

704) Матѳ., XXIV, 14; XXVIII, 19; Маркъ XIII, 10; XVI, 15; Лука, XXIV, 47.

705) Матѳ., XV, 9.

706) Тамъ-же, IX, 14; XI, 19.

707) Тамъ-же, V, 23 и сл.; IX, 13; XII, 7.

708) Тамъ-же XXII, 37 и сл.; Маркъ, XII, 29 и сл.; Лука, X, 25 и слѣд.

709) Матѳ., XXVIII, 19 и Маркъ, XVI, 16 не приводятъ буквально словъ Iисуса Ср. Дѣянія. X, 47; 1 посл. къ Коринѳ., I, 17.

710) Матѳ., VII, 21; Лука, VI, 46.

711) Матѳ., XV, 8; Маркъ, VII, 6. Ср. Исайя, XXIX, 13.

712) См. гл. обр. въ Мишнѣ въ трактатѣ Шаббашъ и въ Livre de Jubilés (перев, съ эѳіопск. Эвальда, въ его Jahrbücher, 2 и 3 годъ).

713) Iос. B. I., VII, V, 1, Плиній H. N., XXXI, 18 ср. Томсонъ. The Land aud the Book I, 406 и слѣд.

714) *Матѳ., XII,* 1—14; Маркъ, II, 23—28; Лука, VI, 1—5, XIII, *14 и сл.; XIV,* 1 и слѣд.

715) Матѳ., XII, 34; XV, 1 и слѣд., 12 и слѣд.; XXIII вся; Маркъ VII, 1 и слѣд.; 15 и слѣд.; Лука VI, 45; XI, 39 и слѣд.

716) Я полагаю, что язычники жили главнымъ образомъ на границѣ Галилеи, напр. въ Кадесѣ, населеніе же центральной части страны, за исключеніемъ Тиверіады, было іудейскимъ. Линія, гдѣ кончаются развалины храмовъ и начинаются развалины синагогъ, въ настоящее время вполнѣ точно проводится на высотѣ озера Гулехъ. (Самахонитск.). Слѣды языческой скульптуры, будто бы найденные въ Телль-Хумѣ, довольно сомнительнаго свойства. Побережье же, и въ частности городъ Акръ, не входило въ составъ Галилеи.

717) См. выше стр. 148—9.

718) Глава XIII и слѣд.

719) Матѳ., XX, 25; Макръ, X, 42; Лука XXII, 25.

720) Матѳ., VIII, 5 и слѣд.; XV, 22 и слѣд.; Маркъ, VII, 25 и слѣд.; Лука, IV, 25 и слѣд.

721) Матѳ., XXI, 41; Маркъ XII, 9; Лука XX, 16.

722) Исаія, II, 2 и слѣд.; LX; Атосъ, IX, 11 и слѣд.; Іеремея, III, 17; Малахія, I, 14; Товизъ, XIII, 13 и слѣд.; Orac. sibyl. III, 715 и слѣд. Ср. Матѳ., XXIV, 14; Дѣянія, XV, 15 и слѣд.

723) Матѳ., VIII, 11—12; XXI, 33 и слѣд.; XXII, 1 и слѣд.

724) Тамъ же, VII, 6; X, 5—6; XV, 24; XXI, 43.

725) Матѳ., V, 46 и слѣд.; VI, 7, 32; XVIII, 17; Лука, VI, 32 и слѣд.; XII, 30.

726) Мы склоняемся къ этой мысли потому, что несомнѣнно подлинныя слова Іисуса, въ Λόγια Матѳея носятъ характеръ общей морали и ничуть не проникнуты іудейскимъ ханжествомъ.

727) Матѳ., XII, 30; Маркъ, IX, 39; Лука, IX, 50; XI, 23.

728) Объ этомъ въ положительномъ смыслѣ говоритъ и Іосифъ (Ant. XVIII, III, 3). Предполагать, что это мѣсто его рукописи извращено, нѣтъ никакихъ основаній. Ср. Іоаннъ, VII, 35; XII, 20—21.

729) Іерусалимск. Талмудъ, Сота, VII, 1.

730) См. въ особенности Іоаннъ VII, 35; XII, 20; Дѣянія, XIV, 1; XVII, 4; XVIII, 4; XXI, 28.

731) Іоаннъ, XII, 20; Дѣянія VIII, 27.

732) Мишна, Баба Метсія, IX, 12; Талмудъ Вавилонск., Син. 56-в; Дѣянія VIII, 27; X, 2, 22, 36; XIII, 16, 26, 43, 50; XIV, 4, 17; Пос. Галат., II, 3; Іос. Ant., XIV, VII, 2; Леви, Epigr. Beiträge zur Gesch. der Iuden, стр. 311 и слѣд.

733) Екклезіастъ, L, 27—28; Іоаннъ, VIII, 48; Іосія, Ant. IX, XIV, 3; XI, XIII, 6; XII, V, 5; Іерусалимск. Талмудъ Abo da Zara, V, 4; Pesachim, I, 1.

734) Матѳ., X, 5; Лука, XVII, 18. Ср. Вавилонск. Талмудъ, Cholin, 6-а.

735) Матѳ., X, 5 - 6.

736) Лука, IX, 53.

737) Лука IX, 56.

738) Іоаннъ, IV, 39—43. Нѣкоторый поводъ къ сомнѣнію во всемъ этомъ даетъ то обстоятельство, что Лука и авторъ четвертаго Евангелія, —оба анти-іудейскаго направленія и, быть можетъ, потому желаютъ доказать, что Іисусъ хорошо относился къ язычникамъ—только они говорятъ объ отношеніяхъ Іисуса къ Самаритянамъ; при этомъ они впадаютъ въ противорѣчіе съ Матѳеемъ (X, 5).

739) Лука, XVII, 16 и слѣд.
740) Тамъ же, X, 30 и слѣд.
741) Левитъ, XIX, 18, 33 и слѣд. имѣетъ гораздо болѣе широкій смыслъ, но кругъ братства у евреевъ суживался все болѣе и болѣе. См. словарь Арухъ, слово: בן ברית
742) Іоаннъ, IV, 4 и слѣд.
743) Нынѣ назыв. Наплусъ. Изъ всѣхъ словъ Іоанна, IV, 5 вытекаетъ, что Συχὰρ—Сихемъ; ср. кн. бытія XXXIII, 19; XLVIII, 32, и кн. Іисуса Навина, XXIV, 32.
744) Лука, IX, 53; Іоаннъ, IV, 9.
745) Мишна, Шебіитъ, VIII, 10, повторяется и въ другихъ мѣстахъ Талмуда.
746) Іос., Ant., XX, V, 1; B. J. II, XII, 3; Vita, 52.
747) Іоаннъ, IV, 21—23. Нельзя, понятно, особенно настаивать на исторической реальности этой бесѣды, такъ какъ передать ее могли только Іисусъ или его собесѣдница. Но въ эпизодѣ, изложенномъ во главѣ IV Евангелія отъ Іоанна, содержится, несомнѣнно, и одна изъ самыхъ сокровеннѣйшихъ мыслей Іисуса; большинство обстоятельствъ этого разсказа носитъ на себѣ печать правдивости. Ст. 22, по мысли своей полная противоположность ст. 21 и 22, кажется намъ неудачнымъ добавленіемъ евангелиста, который самъ ужаснулся смѣлости приводимыхъ имъ словъ. Это обстоятельство, въ связи съ слабостью всей остальной части разсказа, еще больше подтверждаетъ мысль, что только ст. 21 и 23 передаютъ подлинныя слова Іисуса.
748) Сомнѣнія въ средѣ непосредственныхъ учениковъ Іисуса, изъ которыхъ часть осталась вѣрной іудаизму, вызвали серьезныя возраженія противъ такого толкованія. Но процессъ противъ Іисуса уже не оставляетъ никакого мѣста для сомнѣнія. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, что Синедріонъ смотрѣлъ на него, какъ на «богохульника». Талмудъ приводитъ процессъ противъ него, какъ образецъ того, какъ нужно преслѣдовать богохульниковъ, стремящихся къ ниспроверженію закона Моисеева (Іисусъ, Талмудъ, Синедріонъ, XIV, 16; Вавилонск., Талмудъ, Синедріонъ 43-а, 67-а). Ср. Дѣянія VI, 13—14.
749) Прогрессированіе такихъ заявленій Іисуса прекрасно можно прослѣдить, если сравнить Матѳ., XVI, 13 и слѣд.; Марка, I, 24, 25, 34; VIII, 27 и слѣд.; XIV, 61; Лука, IX, 18 слѣд.
750) Матѳ., XI, 12.
751) Посл. къ Римл. I, 3; Апокал. V, 5; XXII, 16.
752) Нѣкоторымъ, правда, ученымъ, какъ, напр., Гилелю и Гамліелю приписывалось происхожденіе отъ Давида. Однако, все это довольно сомнительныя притязанія. Ср. Іерус. Талм., Таанитъ, IV, 2. Если бы отъ рода Давида сохранилась еще замѣтная и вліятельная группа, то почему бы она не фигурировала во время всѣхъ перипетій того времени рядомъ съ садокитами, воетузами, асмонеями, иродіанами? Гегезиппъ и Евсевій, H. E. III, 19, 20 приводятъ лишь отголоски христіанскихъ преданій.
753) Матѳ., XXII, 42; Марка, XII, 35; Луки, I, 32; Дѣянія II, 29 и слѣд.; 4 книга Эздры, XXII, 32 (въ переводахъ сирійскомъ, арабскомъ, эфіопскомъ и армянск.). Подъ Бенъ-Давидъ въ Талмудѣ часто *подразумѣвается* Мессія, Вавил. Талмудъ, Синедріонъ 97-а.
754) Матѳея, II, 5—6; Іоанна, VII, 41—42. Въ данномъ случаѣ

всѣ основывались довольно произвольно, на, можетъ быть, искаженномъ текстѣ изъ Михея, V, 1. Ср. Таргумъ Іонафанъ. Въ первоначальномъ еврейскомъ текстѣ стояло, вѣроятно, Бетъ-Ефрата.

755) Мате., IX, 27; XII, 23; XX, 30—31; Маркъ, X, 47, 52; Лука, XVIII, 38.

756) Мате., I, 1 и слѣд.; Лука, III, 23 и слѣд.

757) Замѣчательно, между прочимъ, что одинъ Виелеемъ находился всего въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ Назарета. Іисусъ Навинъ, XIX, 15. Карта Ванъ-де-Вельде.

758) Мате., II, 1 и слѣд.; Лука, II, 1 слѣд.

759) Обѣ его родословныя совершенно не совпадаютъ одна съ другой и плохо соотвѣтствуютъ Ветхому Завѣту. Въ разсказѣ Луки о переписи Квиринія виденъ анахронизмъ. См. выше, примѣчанія 148—155. Впрочемъ, вполнѣ естественно, что легенда воспользовалась и этимъ событіемъ, ибо переписи сильно волновали евреевъ, такъ какъ противорѣчили всѣмъ ихъ понятіямъ; благодаря чему воспоминанія о нихъ сохранились надолго. Ср. Дѣянія, V, 37.

760) Юлій Африканъ (у Евсевія, H. E., I, 7) думаетъ, что родословныя Іисуса постарались придумать его родственники, укрывшіеся въ Виеаніи.

761) Эвіониты, «евреи», «назареи», Татіенъ, Марсіонъ. Ср. Эпифанъ, Adv. haer., XXIX, 9; XXX, 3, 14; XLVI, 1; Феодоритъ, Haeret. fab., I, 20: Исидоръ Пелузск., Epist, I, 371, ad Pausophium.

762) Мате., I, 18 и слѣд.; Лука, I, 26 и слѣд. Конечно, въ I в. это еще не было всеобщимъ догматомъ, такъ какъ Іисуса безъ всякихъ колебаній называли тогда и сыномъ Іосифа, обѣ же родословныя, которыя должны были установить его происхожденіе отъ царя Давида, были родословными Іосифа. См. Посланіе къ Галат. IV, 4; Посл. къ Римл. I, 3.

763) Исаія, VII, 14; ср. Мате., I, 22—23.

764) Бытіе, I, 2. О подобныхъ же воззрѣніяхъ у египтянъ говоритъ Геродотъ, III, 28; Pomp. Mela, 1, 9; Плутархъ, Quaest., 3; Symp., VIII, 1, 3; De Iside et Osir., 43; Маріэттъ, Mém sur la mère d'Apis (Paris, 1856).

765) Мате., I, 15, 23; Исаія, VII, 14 и слѣд.

766) *Завѣщаніе двѣнадцати патріарховъ, Леви*, 18. На это вѣрованіе указываетъ названіе *Варкокабъ*. Іерусалимск. Талмудъ, Таанитъ, IV, 8. Имѣются также и ссылки на кн. Чиселъ, XXVII, 17.

767) Исаія, LX, 3; Псалтирь, LXXII, 10.

768) Мате., II, 1 и слѣд.

769) Лука, II, 25 и слѣд. (плохой авторитетъ).

770) Такъ, напримѣръ, легенда объ избіеніи младенцевъ относится, вѣроятно, къ какой-либо жестокости, совершенной Иродомъ недалеко отъ Виелеема. Ср. Іосифъ. Ант., XIV; IX, 4; B. I., XXXIII, 6

771) Мате., I и II; Лука, I и II. Ср. Іустинъ. Dial cum Tryph., 78, 106; Первоевангеліе Іакова (апокр.), 1 и слѣд.

772) Нѣкоторыя мѣста, какъ, напр., Дѣянія, II, 22, совершенно даже исключаютъ и мысль объ этомъ.

773) Мате., IV, 10; VII, 21, 22; XIX, 17; Маркъ, I, 44; III, 12, 17, 18; Лука, XVIII, 19.

774) Іоаннъ, V, 18 и слѣд; X, 33 и слѣд.

775) Іоаннъ, XIV, 28.

776) Маркъ, XIII, 35.

777) Мате., V, 9, 45; Лука, III, 38; VI, 35; XX, 36; Іоаннъ, I, 12—13; X, 34—35. Ср. Дѣянія, XVII, 28—29; Посл. къ Римл. VIII, 14—17, 19, 21, 23; IX, 26; II Посл. къ Кориѳ., VI, 18; Посл. къ Галат., III, 26; IV, 1 и слѣд.; Посл. къ Филим., II, 15; Посл. Варнаввы, 14 (стр. 10, изд. Гильгенф. по Codex sinaiticus) и въ Ветхомъ Завѣтѣ, Второзаконіе, XIV, 1 и главнымъ образомъ въ кн. Премудр. Соломона, II, 13, 18.

778) Лука, XX, 36.

779) Бытіе, VI, 2; Кн. Іова, I, 6; II, 1; XXVIII, 7; Псалтырь, II, 7; LXXXII, 6; 2 кн. Царей, VII, 14.

780) Сыны діавола (Мате., XIII, 38; Дѣянія, XIII, 10); сына міра сего (Маркъ, III, 17; Лука, XVI, 8; XX, 34); сыны свѣта (Лука, XVI, 8; Іоаннъ, XII, 36); сыны воскресенія (Лука, XX, 36); сыны царства (Мате., VIII, 12; XIII, 38); сыны чертога брачнаго (Мате., IX, 15; Маркъ, II, 19, Лука, V, 34); сыны геены огненной (Мате., XXIII, 15); сыны мира (Лука, X, 6) и т. д. Напомнимъ, что и у язычниковъ Юпитеръ былъ πατὴρ ἀνδρῶν τε ϑεῶν τε.

781) Ср. Дѣянія, XVIII, 28.

782) Мате., XVIII, 20; XXVIII, 20.

783) Іоаннъ, X, 30; XVII, 22; ср. вообще послѣднія рѣчи четвертаго Евангелія, особенно въ гл. XVII, которыя прекрасно отражаютъ одну сторону психологическаго состоянія Іисуса, хотя на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на настоящіе историческіе документы.

784) Мѣстъ подтверждающихъ это слишкомъ много, такъ что приводить ихъ не имѣетъ смысла.

785) Названіемъ «Сынъ Божій» или «Сынъ», какъ синонимомъ личнаго мѣстоименія *я*, Іисусъ пользуется только въ четвертомъ Евангеліи. У Мате., XI, 27; XXVIII, 19; Марка, XIII, 32; Луки, X, 22, названіе это употребляется лишь косвенно. Кромѣ того, текстъ у Мате., XI, 27 и Луки, X, 22, въ системѣ синоптиковъ не что иное, какъ позднѣйшія добавленія, въ духѣ четвертаго Евангелія.

786) Мате., XII, 8; Луки, VI, 5.

787) Мате., XI, 27; XXVIII, 18; Лука, X, 22.

788) Іоаннъ, V, 22.

789) Мате., XVII, 18—19; Лука, XVII, 6.

790) Мате., IX, 8.

791) Мате., IX, 2 и слѣд.; Маркъ, II, 5 и слѣд.; Лука, V, 20; VII, 47—48.

792) Мате., XII, 41—42; XXII, 43 и слѣд.; Мате., XII, 6; Іоаннъ, VIII, 25 и слѣд.

793) См. главнымъ образомъ у Іоанна, XIV и слѣд.

794) Филонъ, въ цит. по Евсевію Proep. Evang., VII, 13.

795) Филонъ, De migr. Abraham, § 1; Quod Deus immut, § 6; De Confus. ling., §§ 14 и 28; De profugis, § 20; De somniis, I, § 37; De agric. Noë, § 12; Quis rerum divin. haeres, § 25 и слѣд., § 48 и слѣд. и т. д.

796) Μεταϑρονος, т. е. раздѣляющій тронъ съ Богомъ; что-то вродѣ божественнаго секретаря, ведущаго записи степени заслугъ и грѣховъ. *Берешитъ* равва, V, 6-с; Вавил. Талмудъ, Синедріонъ, 38-в; *Хагига,* 15-а, Таргумъ Іонаѳанъ, Бытіе, 24.

797) Эта теорія Λογος'а (Слова) не имѣетъ въ себѣ ничего греческаго. Сближеніе этого слова съ «гоноверомъ» (Кононсъ) Парсовъ также не имѣетъ подъ собой никакой почвы. Минохиредъ (Minokhired) или «божественный разумъ» имѣетъ много общаго съ Λογος'омъ евреевъ (см. отрывки книги подъ названіемъ *Минохиредъ* у Шпигеля, Parsi-Grammatik, стр. 161—162). Но развитіе ученія *Минохиредъ* у Парсовъ относится къ болѣе близкому къ намъ времени и наводитъ на мысль объ иностранномъ вліяніи. «Божественный разумъ» (Mainyu Khratû) встрѣчается въ зендскихъ книгахъ, но тамъ оно не служитъ основаніемъ для теоріи; слово это входитъ лишь въ нѣкоторыя призыванія. Тѣ сближенія, которыя нѣкоторые пытались дѣлать между еврейской и христіанской теоріей Λογος'а и нѣкоторыми пунктами египетскаго богословія, имѣютъ пожалуй, нѣкоторое, значеніе. Но всего этого еще не достаточно для того, чтобъ доказать, что названная теорія была заимствована у египтянъ.

798) Дѣянія, VIII, 40.

799) Премудрость Соломона, IX, 1—2; XVI, 12. Ср. VIII, 5 и слѣд.; IX и вообще IX—XI. Эти просопопеи олицетворенія Премудрости мы находимъ даже и въ болѣе древнихъ книгахъ. Притчи XIII, IX; Іова XXVIII.

800) Апокалипс., XIX, 13; Іоаннъ, I, 1—14. Надо замѣтить, что даже въ четвертомъ Евангеліи выраженіе «Слово» употреблено только въ прологѣ и что ни разу авторъ не влагаетъ его въ уста Іисуса.

801) Дѣянія, X, 42; Послан. къ Римл. II, 16; II посл. къ Коринѳ., V, 10.

802) Матѳ., XXVI, 64; Маркъ, XVI, 19; Лука, XXII, 69; Дѣянія, VII, 55; Посланіе къ Римл., VIII, 34; Посл. къ Эфес., I. 20; Посл. къ Колос., III, 1; посл. къ Евреямъ, I, 3, 13; VIII, 1; X, 12; VII, 2; 1-е Посл. св. Петра, III, 22. См. цитированныя выше мѣста о роли *метатрона* у евреевъ.

803) Матѳ., X, 5; ср. съ XXVIII, 19; Маркъ, VII, 24, 27, 29.

804) Матѳ., XXVI, 39 и слѣд.; Маркъ, XIV, 32 и слѣд.; Лука, XXII, 42 и сл. Іоаннъ, XII, 27.

805) Маркъ, XIII, 32. Ср. Матѳ., XXIV, 36.

806) Матѳ., XII, 14—16; XIV, 13; Маркъ, III, 6—7; IX, 29—30; Іоаннъ, VII, 1 и слѣд.

807) Матѳ., II, 20.

808) Матѳ., XVII, 20; Маркъ, IX, 25.

809) Лука, VIII, 45—46; Іоаннъ, XI, 33, 38.

810) Дѣянія. II, 22.

811) Матѳ., XIV, 2; XVI, 14; XVII, 3 и слѣд.; Маркъ, VI, 14—15; VIII, 28; Лука, IX, 8 и слѣд.

812) Напримѣръ, Матѳ., I, 22; II, 5—6, 15, 18; IV, 15.

813) Матѳ., I, 23; IV, 6, 14; XXVI, 31, 54, 56; XXVII, 9, 35; Маркъ, XIV, 27; XV, 28; Іоаннъ, XII; 14—15; XVIII, 9; XIX, 19, 24, 28, 36.

814) Это можно видѣть почти на каждой стран. Талмуда

815) Іоаннъ, VII, 34, IV, кн. Эздры, XIII, 50.

816) Дѣянія, VIII, 9 и слѣд.

817) Смотри его біографію, написанную Филостратомъ.

818) Смотри Жизнеописанія софистовъ, сост. Евнапомъ; Жизнь

Плотина, сост. Порфиріемъ; Жизнь Прокла, сост. Мариніемъ; Жизнь Исидора, приписыв. Дамаскину.

819) Матѳ. XVII, 19; XXI, 21—22; Маркъ XI, 23—24;

820) Матѳ. IX, 8.

821) Лука VIII, 45—46; Іоаннъ XI, 33, 38;

822) *Дѣянія* II, 2 и слѣд.; IV, 31; VIII, 15 и слѣд.; X, 44 и слѣд. Почти въ теченіе цѣлаго вѣка апостолы и ихъ ученики только и бредятъ о чудесахъ. Смотри *Дѣянія*, посланія св. Павла, извлеченія изъ Папія у Евсевія. *Истор. Церкви*, III, 39 и т. д. Ср. Марка III, 15; XVI, 17—18, 20.

823) Маркъ V, 30; Лука VI, 19; VIII, 46; Іоаннъ XI, 33, 38.

824) Іоаннъ, V, 14: IX, 1 и сл.

825) Матѳ. IX, 32—33; XII, 22; Лука XIII 11, 16.

826) Лука VIII 45—46:

827) Лука, 14, 40.

828) Маркъ VIII, 13; Іоаннъ IX, 6.

829) Матѳ. XI, 5; XV, 30—31; Лука IX, 1—2, 6.

830) Смотри выше примѣчаніе 186.

831) *Вендидадъ* XI, 26; Ясна, X, 18.

832) Товій, III, 8; VI, 14; Талмудъ Вавил., Гиттинъ, 68 а.

833) Сравнить Марка XVI, 9; Лука VIII, 2; *Евангеліе Дѣтства* 16, 33; Сирійскій кодексъ въ *Anecdota syriaca* у Ланда I, стр. 452.

834) Іосифъ, Bell. iud, VII, VI, 3; Луціанъ *Philopseud.* 16; Филостратъ. *Жизнь Апол:* III, 38; IV, 20; Аретей *De causis morb. chron.* I, 4.

835) Матѳ. IX, 33; XII, 22; Маркъ, IX, 16, 24; Лука XI, 14.

836) *Товій* VIII, 2—3; Матѳ. XII, 27; Маркъ IX, 38; *Дѣянія* XIX, 13; Іосифъ *Ant.* VIII, II, 5. Іустинъ *Dial. cum Tryphone*, 85; Луціанъ, Эпигр. XXIII (XVII Dindorf).

837) Матѳ., XVII, 20; Маркъ IX, 24 и слѣд.

838) Матѳ., VIII, 28; IX, 34; XII, 43 и сл.; XVII, 14 и слѣд., 20; Маркъ V, 1 и слѣд.; Лука VIII, 27 и слѣд.

839) Фраза Doemonium habes (Матѳ., XI, 18; Лука VII, 33; Іоаннъ VII, 20; VIII 48 и сл.; X, 20 и слѣд. должна быть переведена „Ты сумасшедшій", подобно тому какъ по-арабски: «*Меджнунъ энте*» Глаголъ δαιμονᾶν также имѣетъ во всемъ классическомъ мірѣ смыслъ «быть сумасшедшимъ».

840) Одинъ человѣкъ, причастный къ недавнимъ сектантскимъ движеніямъ въ Персіи, говорилъ мнѣ, что, когда онъ образовалъ вокругъ себя нѣчто вродѣ франъ-массонской ложи, на началахъ, имѣвшихъ большой успѣхъ,—то оказалось, что онъ вскорѣ сталъ извѣстенъ какъ пророкъ, и каждый день съ изумленіемъ узнавалъ о приписываемыхъ ему чудесахъ. Масса людей готова была идти на смерть вмѣсто него. Легенда о немъ какъ бы предшествовала ему и увлекла бы его самого, если бы персидское правительство не избавило его отъ вліянія его учениковъ. Этотъ человѣкъ говорилъ мнѣ, что такъ какъ онъ самъ чуть не сдѣлался пророкомъ, то онъ знаетъ, какъ происходятъ подобныя дѣла и что они именно такъ и происходятъ, какъ я ихъ описалъ въ *Жизни Іисуса*.

841) Матѳ., XII, 39; XVI, 4; XVII, 16; Маркъ, VIII, 17 и слѣд.; *IX, 18; Лука* IX, 41; XI, 29.

842) Матѳ., VIII, 4; IX, 30—31; XII, 16 и слѣд.; Маркъ, I, 44; VII 24 и слѣд.; VIII, 26.

843 Маркъ, I, 24—25, 34; III, 12; Лука IV, 41. Сравни *Жизнь Исидора*, приписываемую Дамаскину § 56.

844) Матѳ., XVII, 16; Маркъ, IX, 18; Лука, IX, 41.

845) Матѳ., XII, 38 и слѣд.; XVI, 1 и сл.; Маркъ, VIII, 11; Лука, II, 29 и слѣд.

846) Іосифъ, *Ant.*, XVIII, III, 3.

847) Папій у Евсевія, Hist. eccl., III, 39.

848) Маркъ, VI, 40; V, 15, 17, 33; VI, 49, 50; X, 32; Ср. Матѳ., VIII, 27, 34; IX, 8; XIV, 27; XVII, 6—7; Лука IV, 36; V, 17; VIII 25, 35, 37; IX, 34; Въ апокрифическомъ Евангеліи, называемомъ «отъ Ѳомы Израильтянина», эта черта доведена до самаго крайняго абсурда. Ср. *Miracles de l'enfance*, у Тило Cod. apocr. N. T. стр. CX, примѣчаніе.

849) *Hysteria muscularia*, Шенлейна. Шпренгеръ, Das Leben und die Lehre des Mohammad, I, 207 и слѣд.

850) Матѳ., XIV, 1 и слѣд.; Маркъ VI, 14; Лука, IX, 7; XXIII, 8.

851) Матѳ., VIII, 34; V, 17; VIII, 37.

852) Іоаннъ, VI, 14—15; Ср. Луку, XXII, 36—38.

853) Іоаннъ, V, 1; VII, 2. По построеніямъ Іоанна, общественная жизнь Іисуса, повидимому, длилась два или три года. Синоптики не даютъ на этотъ счетъ опредѣленнаго указанія, хотя у нихъ и замѣтно стремленіе сгруппировать всѣ факты въ предѣлахъ одного года. Ср. аналогичное мнѣніе валентиніанъ, у Иринея. Adv. haer., I, III, 3; II, XXII, 1 и слѣд., а также мнѣніе автора псевдо-климент. XVII, 19. Если, какъ то представляется вѣроятнымъ, Іисусъ умеръ въ 33 году, то промежутокъ этотъ равенъ 5 годамъ (Лука, III, 1). Во всякомъ случаѣ, такъ какъ Пилатъ былъ отрѣшенъ отъ должности ранѣе Пасхи 36 г., онъ не могъ продолжаться болѣе 7 лѣтъ. Недоразумѣнія, существующія по этому вопросу, происходятъ, безъ сомнѣнія, отъ того, что выступленіе Іисуса на общественное поприще не было вовсе пріурочено къ опредѣленному моменту, какъ это обыкновенно предполагаютъ.

854) Лука, XII. 13—14.

855) Матѳ., XXI, 28.

856) Матѳ., XXIV, 3 и слѣд.; Маркъ, XIII, 4 и слѣд.; Лука, XVII 22 и слѣд.; XXI, 7 и слѣд. Слѣдуетъ замѣтить, что картина скончанія вѣка, приписываемая здѣсь синоптиками Іисусу, содержитъ въ себѣ много подробностей, относящихся къ осадѣ Іерусалима. Лука писалъ нѣсколько времени спустя послѣ этой осады (XXI, 9, 20, 23). Редакція же Матѳея (XXVI, 15, 16, 22, 29), напротивъ, переноситъ насъ какъ разъ къ моменту осады или непосредственно послѣдующему. Однако, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Іисусъ не возвѣщалъ ужасныхъ бѣдствій, долженствующихъ предшествовать его появленію. Эти ужасы составляли необходимую часть всѣхъ еврейскихъ апокалипсическихъ ученій. Енохъ, XCIX—C, CII, CIII (подраздѣленіе Дильмана) Carm. sibyll., III, 334 и слѣд., 633 и слѣд.; IV, 168 и слѣд.; V, 511 и слѣд.; Успеніе Моисея 5 и слѣд.; (изд. Гильгенфельда); Апокал. Баруха, у Церіани, Monum., т. I, ч. II *стр. 79 и слѣд.* Также у Даніила: царство святыхъ наступитъ не *раньше, чѣмъ* отчаяніе достигнетъ высшаго предѣла,—VII, 25 и слѣд *VIII, 23 и слѣд.;* IX, 26—27; XII, 1.

857) Ср. Даніилъ, VII 13; Carm. Sibyll., III, 286, 652; Апок., I, 7.

858) Матѳ., XVI, 27; XIX, 28; XX, 21; XXIII, 39; XXIV, 30 и слѣд.; XXV, 31 и слѣд.; XXVI, 64; Маркъ, XIV, 62; Лука, XIII, 35; XXII, 30, 69; I, XV, 52; I, Ѳессал., IV, 15 и слѣд.; Здѣсь идея христіанская сильно расходилась съ идеей іудейской. См. IV кн. Эздры, V, 56—VI, 6; XII, 33—34.

859) Матѳ., XIII, 38 и слѣд.; XXV, 33.

860) Тамъ же, XIII, 39, 41, 49.

861) Тамъ же, XXV, 34; ср. Іоаннъ, XIV, 2.

862) Матѳ., VIII, 11; XIII, 43; XXVI, 29; Лука, 28; XVI, 22; XXII, 30.

863) Лука, XIII, 23 и слѣд.

864) Ср. Вавилон. Талм., Шаббатъ 39-а.

865) Матѳ., XXV, 41. Идея паденія ангеловъ, получившая такое полное развитіе въ книгѣ Еноха, была общепризнанной въ кругу Іисуса. Посл. къ Евр., 6 и слѣд.; II посл., приписываемое Петру, II, 4, 11; Апок., XII, 9; Лука, X, 18; Іоаннъ, VIII, 44.

866) Матѳ., V, 22; VIII; X, 28; XIII, 40, 42, 50; XVIII, 8; XXIV, 51; XXV, 30; Маркъ, IX, 43 и проч.

867) Матѳ. VIII, 12; XXII, 13; XXV, 30. Ср. Іосс. B. I. III, VIII, 5.

868) Лука, XVI, 28.

869) Маркъ, III, 29; Лука, XXII, 69; Дѣян., VII, 55.

870) Лука, XVIII, 8; Дѣян., II, 17; III, 19 и слѣд.; I Посл. къ Кориѳ. XV, 23—24, 52; I Ѳесс., III, 13; IV, 14 и слѣд.; V, 23; II, Ѳесс., II, 1—11 (ἐνέστηκεν, ст. 5 указываетъ на непосредственную близость; св. Павелъ отрицаетъ, что конецъ такъ близокъ, но настаиваетъ все же на близости вообще [ст. 7—8]); I къ Тимоф., VI, 14; II къ Тим., IV, 1—8; къ Титу, II, 13; посл. Іакова, Λ, 3, 8, Посланіе Іуды, 16—21; II Петра, III цѣликомъ; Апокал. цѣликомъ и, въ частности, I, 1; II, 5, 16; III, 11; XI, 11; XI, 14; XXII, 6, 7, 12, 20. Ср. IV книгу Эздры, IV, 26.

871) Лука, XVII, 30; 1 къ Кориѳ., I, 7—8; II Ѳесс., I, 7; I св. Петра, I, 7, 13; Апок.. I, 1.

872) Апок., I, 3; XXII, 10. Ср. I, 1.

873) Матѳ., IX, 15; XIII, 9, 43; Маркъ, IV, 9, 23; VII, 16; Лука VIII, 8; XIV, 35; Апок., II, 7, 11, 27, 29; III, 6, 13, 22; XIII, 9.

874) I къ Кориѳ., XVI, 22.

875) Апок., XVII. Шестой императоръ, котораго авторъ называетъ царствующимъ, есть Гальба. Звѣрь, который долженъ вернуться, это—Неронъ, имя котораго дано въ цифрахъ (XIII, 18).

876) Апок., XI, 2, 3; XII, 6, 14. Ср. Даніила, VII, 25; XII, 7.

877) Гл. IV, V, 12 и 14. Цедренусъ, стр. 68 (Paris, 1647).

878) Матѳ., XXIV, 36; Маркъ, XIII, 32. п

879) Лук., X[illegible]II, 20. Ср. Талм. Вавил. С[illegible]недріонъ, 97-а.

880) Матѳ., XXIV, 36 и слѣд.; Маркъ, XIII, 32 и слѣд.; Лук., II, 5 X и слѣд.; XVII, 20 и слѣд.

881) [illegible]к., XII, 40; II Петра, III, 10.

[illegible] XVII, 24.

[illegible] X, 23; XXIV—XXV цѣликомъ, и особенно XXIV, 29, 34; [illegible] Лука, XIII, 35; XXI, 28 и слѣд.

[illegible] 28; XXIII, 36, 39; XXIV, 3 [illegible] Маркъ, VIII, 39 [illegible]

885) Матѳ., XVI, 2—4; Лука, XII, 54—56.
886) Іоаннъ, XXI, 22—23.
887) Тамъ же. XXI глава четвертаго Евангелія представляетъ прибавленіе, какъ это видно изъ заключительной формулы первоначальной редакціи, въ стихѣ 31 главы XX. Но это прибавленіе почти совпадаетъ по времени съ самымъ опубликованіемъ названнаго Евангелія.
888) См. выше стр. 100—101.
889) Маркъ, IX, 9; Лука, XX, 27 и слѣд.
890) Даніилъ, XII, 2 и слѣд.; II Маккав., гл. VII цѣликомъ; XII, 45—46; XIV, 46; Дѣянія, XXIII, 6, 8; Joc, Ant., XVIII, L, 3; B. I.: II, VIII, 14; III, VIII, 5.
891) Матѳ., XXVI, 29; Лука, XXII, 30.
892) Матѳ., XXII, 24 и сл., Лука, XX, 34—38. Евіонитское Евангеліе «отъ Египтянъ», у Клим. Алекс., Strom., II, 9, 13; Клем. Римс., посл. II, 12; Талм. Вав. Веракотъ, 17-а.
893) Лука, XIV, 14; XX, 35—36. Таково же мнѣніе св. Павла, I къ Кор., XV, 23 и слѣд. I Ѳесс., IV, 12 и слѣд. См. выше гл.
894) Ср. IV книгу Эздры, IX, 22.
895) Матѳ., XXV, 32 и слѣд.
896) См. въ особенности главы II, VI—VIII, X—XIII.
897) Гл. I, XCIII, 9 и слѣд. О гл. XLV—LII и LXII можно думать, что онѣ вставлены впослѣдствіи.
898) Кн. III 573 и сл. 652 и сл.; 766 и сл.; 795 и сл.
899) Гильгенфельдъ, Novum Test. extra canon. rec., стр. 99 и сл.
900) Терзанія христіанской совѣсти по этому поводу передаются довольно наивно во II посланіи, приписываемомъ св. Павлу, III, 8 и слѣд.
901) Матѳ., VI, 10, 33; Маркъ, XII, 34; Лука, XI, 2; XII, 31; XVII, 20, 21 и слѣд.
902) См. особенно Маркъ, XII, 34.
903) Ириней, Adv. haer, V, XXIII, 3, 4; Евсевій, Hist. ecoles., III, 39.
904) Іустинъ, Dial. cum Tryph., 81.
905) Греческая церковь долго исключала его изъ каноническихъ списковъ. Евсевій, H. E., III, 25, 28, 39; VII, 25; Кириллъ Іерусалимскій, Катех., IV, 33, 36; XV, 16; Григорій Назіансъ, Carm. стр. 261, 1104, вид. Кайо; Лаодикейскій соборъ, канонъ 60; списокъ въ продолж. хронографіи Никифора, стр. 419 (Paris, 1652). Арминіане также причисляютъ Апокалипсисъ къ книгамъ, каноничность которыхъ сомнительна. Саркисъ Шноргали, цит. въ Exercice de la foi héret., съ одобренія католикоса Нерсеса (Москва, 1850 на армянск. яз.), стр. 115—117. Наконецъ, Апокалипсисъ не попалъ въ древнюю версію Пешито.
906) См., напримѣръ, прологъ Григорія Турскаго къ его «Histoire ecclesiastique des Francs».
907) Первое посл. къ къ Коринѳ. XV, 52.
908) Матѳ., X. 1 и слѣд.; Маркъ III 13 и слѣд.; Лука III. 13; Іоаннъ, VI. 70; XIII, 18; XV, 16; *Дѣян.* I. 15 и слѣд.; I Посл. къ Коринѳ., XV. 5; Посл. къ Галат. I. 10; Апокалипс. XXI, 12.
909) Матѳ., X, 2 и слѣд; Маркъ III, 16 и слѣд.; Лука VI. 14; *и слѣд.; Дѣян. I. 13;* Папій у Евсевія, *Hist*. Eccl. III. 39.

910) Матө., XIX, 28; Лука XXII. 30.

911) *Дѣян.*, I. 15; II. 14; V. 2—3, 29; VIII. 19: XV. 7; Посл. къ Гал., I. 18.

912) О Петрѣ см. примѣч. 480. О Филиппѣ см. Папій, Поликарпъ и Климентъ Александр., цитируем. Евсевіемъ. *Hist. Eccl.*, III, 30. 31, 39; V. 24.

913) Матө., XVI; 20; XVII. 9; Маркъ III. 3); IX. 8.

914) Матө., X. 27. 26; XVI. 20; Маркъ IV. 21 и слѣд., VIII. 30; Лука VIII. 17; IX. 26; XII. 2 и слѣд.; Іоаннъ, XIV. 22; Посл. Варнавы. 5.

915) Матө., XIII. 10 и слѣд.; 34 и слѣд.; Маркъ IV. 10 и слѣд., 33 и слѣд.; Лука VIII. 9 и слѣд.; XII. 41.

916) Матө., XVI. 6 и слѣд.; Маркъ VII. 17—23.

917) Матө., XIII. 18 и слѣд.; Маркъ VII. 18 и слѣд.

918) Лука, IX. 5

919) Лука, X. 11.

920) Греческое слово πανοχεῖον вошло во всѣ восточные языки, означая гостинницу.

921) Маркъ, VI. 10 и слѣд.

922) II-е Посл. Іоанна. 10—11.

923) Матө., X. 11 и слѣд.; Лука X. 5 и слѣд.

924) Лука, IX. 52 и слѣд.

925) Матө., X. 40—42; XXV. 35 и слѣд.; Маркъ IX. 40; Лука X. 16; Іоаннъ XIII. 20.

926) Матө., VII. 22; X. I; Маркъ III. 15; VI. 13; Лука X. 17.

927) Матө., XVII. 18—19.

928) Маркъ, VI. 13; XVI. 18; Послѣ Іакова. V. 14.

929) Маркъ, XVI. 18; Лука X. 19.

930) Маркъ, XVI. 20.

931) Маркъ, IX. 37—38; Лука IX. 49—50.

932) Древній богъ филистимлянъ, превращенный евреями въ д мона.

933) Матө., XII. 24 и слѣд.

934) Дѣян., VIII. 18 и слѣд.

935) Матө., XVII. 17 и слѣд.; Іоаннъ, XX. 23.

436) Матө., XIX. 3 и слѣд.

937) Матө., XXVIII. 19; Срав. Матө., III. 16—17; Іоаннъ, XV. 26.

938) *Премудр. Сол.* I, 7; VII, 7; IX, 17; XII, 1; *Эккл.* I, 9; XV, 5; XXIV, 27, XXXIX, 8; *Юдиөь*, XVI, 17.

939) Матө., X, 20; Лука, XII, 12; XXIV, 49; Іоаннъ, XIV, 26; XV, 26.

940) Матө., III, 11; Маркъ, I, 9; Лука, III, 16; Іоаннъ, I, 26; III, 5; *Дѣян.*, I, 5, 8; X, 47.

941) Матө., X, 20; Маркъ, XIII, 11; Лука, XII, 12; XXI, 15.

942) Іоаннъ, XV, 26; XVI, 13, 16. Сравн. Лука, XXIV, 49; *Дѣян.* I, 8.

943) *Дѣян.*, II, 1—4; XI; 15; XIX, 6. Сравн. Іоаннъ, VII. 39.

944) *Параклиту* противополагали категоръ (κατήγορος), «обвинитель».

945) Іоаннъ, XIV, 16; 1-е Посл. Іоанна, II, 1.

946) Іоаннъ, XIV, 26; XV, 26; XVI, 7 и слѣд. Это слово свойственно *четвертому* Евангелію и Филону, De mundi opificio. § 6.

947) Іустинъ. Dial. cum Tryph. 81.
948) Папій, у Евсевія, *Hist. eccl.*, III, 39.
949) Іоаннъ, VI, 32 и слѣд.
950) Сходный съ этимъ оборотъ, вызывающій подобное недоразумѣніе, имѣется у Іоанна, IV, 10 и слѣд.
951) Всѣ эти бесѣды носятъ ярко-выраженный характеръ стиля, свойственнаго четвертому Евангелію, чтобъ можно было допустить, что онѣ точны. Фактъ, разсказанный въ гл. VI этого Евангелія не можетъ быть, однако, отрицаемъ, какъ историческая реальность.
952) Матѳ., XXVI, 26 и слѣд.; Маркъ, XIV, 22 и слѣд.; Лука, XXII, 14 и слѣд.; 1-е Посл. къ Коринѳ., XI, 23 и слѣд.
953) Лука, XXIV, 30, 35.
954) Лука, *l. c.*; Іоаннъ, XXI, 13; Еванг. Евр. у св. Іеремія, De viris illusto. 2.
955) Сравн. Матѳ., XII, 10; XIV, 17 и слѣд.; XV, 34 и слѣд.; Маркъ, VI, 38 и слѣд.; Лука. IX, 13 и слѣд.; XI, 11; XXIV, 42; Іоаннъ, VI, 9 и слѣд. Бассейнъ Тиверіадскаго озера—единственное мѣсто въ Палестинѣ, гдѣ рыба составляетъ значительную часть пищи.
956) Іоаннъ, XXI, 13; Лука, XXIV, 42—43. Ср. самыя древнія изображенія Тайной Вечери, приводимыя или разсматриваемыя Г. де-Росси въ его диссертаціи объ 'ΙΧΘΥΣ (Specilegium Solesmense de dom Pitra, т. III, стр. 568 и слѣд.). Ср. Де-Росси. Bull. di arch. crist. третій годъ, стр. 44 и слѣд., 73 и слѣд. Правда также, что сардины, какъ и хлѣбъ, были обязательной принадлежностью всякой трапезы. См. надпись въ Ланувіумѣ 2-я колл. 16—17. Содержаніе анаграммы, заключенной въ словѣ 'ΙΧΘΥΣ, сочеталось вѣроятно съ болѣе древней традиціей о роли рыбы въ евангелическихъ трапезахъ.
957) Лука, XXII, 15.
958) Матѳ., XIV, 19; Лука, XXIV, 30; *Дѣян.* XXVII; Вавил. Талм. *Бераkотъ*, 37-в; Этотъ обычай практикуется еще за столомъ у евреевъ.
959) Филонъ, De vita contemplat. § 6—11; Іосифъ. *B. I.*, XIII, 7.
960) Дѣян., II, 46, XX, 7, 11; I-е Посл. Кор., X. 16—18.
961) Дѣян., II, 42, 46.
962) Лука, XXII, 19; 1-е *Посл. къ Коринѳ.*, XI, 20 и слѣд., Іустинъ, *Dial cum Tryph.*, 41, 70; *Apol.*, I, 66.
963) I-е Посл. къ Кор., X, 16.
964) Матѳ., XVIII, 20.
965) См. выше, стр. 201.
966) Іоаннъ, XII вся.
967) Посл. къ Эфес., III, 17.
968) Изъ канона греческихъ и латинскихъ мессъ (очень древнихъ).
969) Матѳ. XIX, 21; Луки XIV, 33; Дѣян. IV, 32 и сл.; V, 1—11.
970) Матѳ. XIX, 10 и сл.; Луки XVIII, 29 и сл.
971) Павелъ всегда проповѣдывалъ безбрачіе; ср. Апок. XIV, 4.
972) Матѳ., XIX. 12.
973) Матѳ., XVIII, 8—9. Ср. Вавил. Талм. Ниддахъ, 13-в.
974) Матѳ., XXII, 30; Маркъ, XII, 25; Лука, XX, 35; Эвіонитское евангеліе «отъ Египтянъ», у Климента Александрійскаго. Strom., III, 9, 13 и Климентъ Римск. Epist., II, 12.
975) Луки XVIII, 29—30.
976) Матѳ., X, вся; XXIV, 9; Маркъ, VI, 8 и слѣд.; IX, 40, XIII,

9—13; Лука, IX, 3 и слѣд.; X, 1 и слѣд.; XII, 4 и слѣд.; XXI, 17; Іоаннъ, XV, 18 и слѣд.; XVII, 14.

977) Маркъ, IX, 38 и слѣд.

978) Матѳ., X, 8; Ср. Мидрашъ Ялкутъ. *Второзаконіе*, отд. 824.

979) Матѳ., X 20; Іоаннъ, XIV, 16и слѣд.; 26, XV, 26; XVI, 7, 13.

980) Матѳ., X, 38; XVI, 24; Маркъ, VIII, 34; Лука, XIV, 27,—все это несомнѣнно написано послѣ смерти Іисуса.

981) Матѳ., X, 24—31; Лука, XII, 4—7.

982) Матѳ., X, 32—33; Маркъ, VIII, 38; Лука, IX, 26; XII, 8—9.

983) Лука, XIV, 26, Надо учесть здѣсь преувеличеніе стиля Луки.

984) Лука, XIV, 33.

985) Матѳ., X, 37—39; XV, 24—26; Маркъ, VIII, 34—37; Лука, IX, 23—25; XIV, 26—27; XVIII, 33. Іоаннъ, XII, 25.

986) Матѳ., VIII, 21, 22; Лука, IX, 56—62.

987) Матѳ., XI, 28—30.

988) Матѳ., XVI, 21—23; XVIII, 12 21—22.

989) Маркъ, X, 45.

990) Лука, VI, 22 и слѣд.

991) Лука, XII, 50.

992) Матѳ., X, 34—36; Лука, II, 51—58. Ср. пр. Михея, VII, 5-6.

993) Лука, XII, 49. См. греч. текстъ.

994) Іоаннъ, XVI, 2.

995) Іоаннъ, XV, 18—20.

996) Іоаннъ, XII, 27.

997) Маркъ, III, 21 и слѣд.

998) Маркъ, III, 22; Іоаннъ, VII, 20; VIII, 48 и слѣд.; X, 20 и слѣд.

999) Матѳ., VIII, 10; IX, 2, 22, 28—29; XVII, 19; Іоаннъ, VI, 29 и пр.

1000) Матѳ., XVII, 17 (Vulg., 16); Маркъ, III, 5; IX, 19 (Vulg., 18); Лука, VIII, 45; IX, 41.

1001) Особенно замѣтна эта черта у Марка, IV, 40; V, 15; IX 31; X, 32.

1002)) Маркъ, XI, 12—14, 20 и слѣд.

1093) Матѳ., XII, 14—16; Маркъ, III, 7; IX, 29—30.

1004) Маркъ, VIII, 15; Лука, XIII, 32.

1005) Іос., Vita, 9, Madden, History of jewish coinage, стр. 97 и сл.

1006) Лука, IX, 9; XXIII, 8.

1007) *Луцій*, ошибочно приписывается Луціану.

1008) Матѳ., XIV, 1 и слѣд; Маркъ, VI, 14 и слѣд.; Лука, IX, 7 и сл.

1909) Лука, XVIII, 31 и слѣд.

1010) Іоаннъ, VII, 5.

1011) Матѳ., XII, 39, 45; XIII, 4; Лука, XI, 29.

1012) Матѳ., XI, 21—24; Лука, X, 12—15.

1013) Матѳ., XII, 41—42; Лука, XI, 31—32.

1014) Матѳ., VIII, 20; Лука, IX, 58.

1015) Матѳ., XII, 34; XV, 14; XXIII, 33.

1016) Матѳ., III, 7.

1017) Матѳ., XII, 30; Лука, XX, 23.

1018) XLII, 2—3.

1019) Матѳ., XII, 19—20.

1020) Матѳ, X, 14—15, 21 и слѣд.; 34 и слѣд.; Лука, XIX, 27.

1021) Маркъ, VII, 1; Лука, V, 17 и слѣд.; VII, 36.

1022) Мате., VI, 2, 5, 16; IX, 11, 14; XII, 2; XXIII, 5, 15, 23; Лука, V, 30; VI, 2, 7; IX, 39 и слѣд. XVIII, 12; Іоаннъ, I X, 16; Пирке Аботъ, I, 16; Іос., Ant, XVII, II, 4; XVIII, I, 3; Vita, 38; Талм., Вавил., Sota, 22-в.

1023) Мишна, Sota, III, 2; Талм., Іерус., Веракотъ, IX-й до конца; Sota, V, 7; Талм., Вавил., 22-в. Обѣ редакціи этого любопытнаго мѣста представляютъ замѣтное различіе. Мы слѣдовали почти всюду редакціи Вавилонской, которая представляется болѣе естественной. Ср. Епиѳанъ, Adv. haer., XVI, 1. Впрочемъ, версія Епиѳана и другія версіи Талмуда, можетъ быть, относятся къ эпохѣ позднѣйшей, нежели время Іисуса, къ той порѣ, когда «фарисей» стало синонимомъ «набожный».

1024) Мате., V, 20; XV, 4; XXIII, 3, 16 и слѣд.; Іоаннъ, VIII, 7; Іос. Ant, XII, IX, 1; XIII, X, 5.

1025) Талм. Вавил., Шаббатъ, 31-а. Іома, 35-в.

1026) Екклез., XVII, 21 и слѣд., XXXV, 1 и слѣд.

1027) Талм. Іерус., *Синедріонъ*, XI, 1; Талм. Вавил., *Синедріонъ*, 100-в.

1028) Мате., XV, 2.

1029) Мате., XV, 2 и слѣд.

1030) Мате., XV, 2 и слѣд.; Марк., XII, 4, 8; Лук., V до конца и VI начало, XI, 38 и слѣд.

1031) Лук., XI, 41.

1032) Лук., XVIII, 9—14; ср. тамъ-же, XIV, 7—11.

1033) Мате., III, 7 и слѣд.; XVII, 12—13.

1034) Мате., XIV, 5; XXI, 26; Марк., XI, 42; Лук., XX, 6.

1035) Мате., XII, 3—8; XXIII, 16 и слѣд.

1036) Маркъ., III, 6.

1037) Лук., XIII, 33.

1038) Мате., XVI, 20—21; Маркъ, VIII, 30—31.

1039) Іоаннъ, VII, 1,

1040) Іоаннъ, VII, 5.

1041) Іоаннъ, VII, 10.

1042) Мате., XXVII, 55; Маркъ, XV, 41; Лука, XXIII, 49, 55.

1043) Іоаннъ, VII, 20, 25, 30, 32.

1044) Іоаннъ, VII, 50 и слѣд.

1045) Мате., X, 11—13; Марк., VI, 10; Лука, X, 5—8.

1046) Мате., XXI, 3; Марк., XI, 3; XIV, 13—14; Лука, XIX, 31; XXII, 10—12.

1047) Мате., XXIV, 1—2; Маркъ, XIII, 1—2; Лука, XIX, 44; XXI, 5—6. Срав. Маркъ, XI, 41.

1048) Маркъ, XII, 41 и слѣд.; Лука, XXI, 1 и слѣд.

1049) Маркъ, XII, 41.

1050) Марк., XI, 19; Лука, XXII, 39; Іоаннъ, XVIII, 1—2. Этотъ садъ не могъ быть очень далеко отъ того мѣста, гдѣ благочестивые католики обнесли стѣной нѣсколько старыхъ оливковыхъ деревьевъ. Само слово *Геѳсиманія*. кажется, значитъ: «выжиматель масла».

1051) Лука, XXI, 37; XXII, 39; Іоаннъ, VIII, 1—2.

1052) Объ этомъ можно заключить по этимологіи этихъ трехъ словъ (*хотя Виѳфагія* и *Виѳанія* можно понять и въ другомъ смыслѣ). Ср. *Вавил., Талм., Песахимъ* 53-а

1053) Іерус., Талмудъ, Таанитъ, IV, 8.

1054) Теперь — *Эль-Азиріе* (отъ *Эль-Азиръ*, арабское имя Лазарь), въ христіанскихъ текстахъ среднихъ вѣковъ *Лазаріумъ*.

1055) Матѳ., XXI, 17—18; Маркъ, XI, 11—12.

1056) Іоаннъ, XI, 5; 35—36.

1057) Лука, X, 38—42; Іоаннъ, XII, 2. Лука какъ-будто указываетъ мѣсто, гдѣ былъ домъ двухъ сестеръ на дорогѣ между Галилеей и Іерусалимомъ. Но топографія Луки отъ IX, 51 до XVIII, 31 непонятна; если принимать ее буквально. Нѣкоторые эпизоды этой части третьяго Евангелія произошли, кажется, въ Іерусалимѣ или его окрестностяхъ.

1058) Іоаннъ, XI, 20.

1059) Лука, X, 38 и слѣд.

1060) Матѳ., XXVI, 6; Маркъ, XIV, 3; Лука, VII, 40, 43; Іоаннъ, XI, 1 и слѣд. Имя Лазарь, которое четвертое Евангеліе даетъ брату Маріи и Марѳы, кажется, имѣетъ своимъ источникомъ притчу *Луки*, XVI, 19 и слѣд. (замѣтьте особенно стихи 30—31). Эпитетъ «Прокаженный», который носилъ Симонъ и который совпадаетъ съ *«язвами»* въ Ев. *Луки*, XVI, 20—21, быть можетъ, и повлекъ за собой странный варіантъ четвертаго Евангелія. Нескладность текста (Іоаннъ, XI, 1—2) показываетъ, что Лазарь въ преданіи менѣе жизненъ, чѣмъ Марія и Марѳа.

1061) Маркъ, XIII, 3.

1062) Іосифъ, *B. J.* V, V, 6.

1063) Матѳ., XXIII, 37; Лука, XIII, 34. Слова эти, какъ и Матѳ., XXIII, 34—35 являются, повидимому, цитатой изъ какого-то апокрифическаго пророчества, быть можетъ, Эноха. См. прим. 18 и ниже, прим. 1086.

1064) Іоаннъ, VII, 13; XII, 42—43; XIX, 38.

1065) I Ездры, X, 8; Посл. къ Евреямъ, X, 34; Іерус., Талм., *Моэдъ Катонъ*, III, 1.

1)066 Іоаннъ, VII, 45 и слѣд.

1067) Іоаннъ, VIII, 13 и слѣд.

1068) Матѳ., XXI, 23 и слѣд.

1069) Тамъ же, XXII, 23 и слѣд.

1060) Тамъ же, XXII, 41 и слѣд.

1071) Матѳ., XXII, 36, 46 и слѣд.

1072) См. особенно споры, имѣющіеся въ четвертомъ Евангеліи; гл. VIII, напр. Поспѣшимъ сказать, что это мѣсто четвертаго Евангелія имѣетъ цѣнность лишь какъ очень древнія указанія на жизнь Іисуса.

1073) Іоаннъ, VIII, 3 и слѣд. Это мѣсто вначалѣ не было частью четвертаго Евангелія; оно отсутствуетъ въ самыхъ старинныхъ манускриптахъ, и текстъ его довольно сильно колеблется въ смыслѣ опредѣленности. Тѣмъ не менѣе оно относится къ самой начальной Евангельской традиціи, какъ это доказываютъ своеобразныя странности стиховъ 6, 8, совсѣмъ не въ стилѣ Луки и компиляторовъ средней руки, которые не устанавливаютъ ничего, что не ясно само собой. Кажется, что этотъ фактъ извѣстенъ былъ Папію, и находился въ Евангеліи отъ Евреевъ (Евсевій. *Hist. eccl.*, III, 39; Прибавленіе, см. ниже, стр. 333, прим. 27).

1074) Іос., *Ant.*, XIII, 6; XVIII, 1, 4.

1075) Матѳ., XXII, 15 и слѣд.; Маркъ, XII, 13 и слѣд.; Лука, XX,

Ср. Іерус. Талм., *Синедріонъ*, II, 3; Посл. къ Римл., XIII, 6—7. Можно усомниться, произошелъ ли этотъ случай буквально такъ. Монеты Ирода, Археля, Антипы до восшествія Калигулы, не имѣютъ ни имени, ни изображенія Императора. Монеты, выбитыя въ Іерусалимѣ въ эпоху (прокуратуры, имѣютъ на себѣ имя, но не изображеніе императора Eckhel. *Doctr.*, III, 497—498). Монеты Филиппа содержатъ имя и изображеніе императора (Леви, Gesch. der jüdischen Münzen, стр. 17 и слѣд.; Мадденъ, History of jewish coinage, стр. 80 и слѣд.). Но эти монеты, выбитыя въ Панеасѣ, совершенно языческія; впрочемъ, онѣ не были монетами Іерусалима; разсужденія Іисуса по поводу такой монеты не могло имѣть подъ собою почвы. Предположить же, что Іисусъ далъ свой отвѣтъ, держа монету съ изображеніемъ Тиверія, тоже маловѣроятно (эти монеты были выбиты внѣ Палестины. *Revue numismatique*, 1860. Стр. 159). Кажется такимъ образомъ, что этотъ прекрасный христіанскій афоризмъ сочиненъ заднимъ числомъ. Идея о томъ, что изображеніе на монетѣ является признакомъ верховной власти, проявляется, впрочемъ, въ той заботливости, съ которой евреи, по крайней мѣрѣ, послѣ второго возстанія поспѣшили перечеканить римскую монету и поставить на ней еврейскія изображенія (Леви, стр. 104 и слѣд.; Madgem, стр. 176, 203 и слѣд.).

1076) Іоаннъ, X, 1—16; текстъ, подтвержденный псевдо-климентовыми пропов., III, 52, 2.

1077) Матѳ., XXIV, 32; Маркъ, XIII, 28; Лука, XXI, 30. Іоаннъ, IV, 35.

1078) *Тотафотъ*, или *тефиллинъ*, пластинки изъ металла или ленты изъ пергамента, содержащія тексты Закона; благочестивые евреи привязываютъ ихъ на лобъ и лѣвую руку, во исполненіе буквальнаго текста *Исхода*, XIII, 9; *Второзак.*, VI, 8; IX, 18.

1079) *Цицитъ*, красныя каймы или кисти, которыя носили евреи, чтобы отличить себя отъ язычниковъ (*Числа*, XV, 38—39; *Второзак.*, XXII, 12).

1080) Фарисеи исключали много людей изъ царства Божія, при посредствѣ казуистики, которая дѣлаетъ доступъ къ небесамъ крайне затруднительнымъ и обезкураживаетъ, лишая надежды на царство Божіе простыхъ смертныхъ.

1081) Прикосновеніе къ могиламъ дѣлало человѣка оскверненнымъ. Поэтому заботились о томъ, чтобъ очерчивать землю вокругъ могилы. Вавил. Талм., *Баба Батра*, 58-а; *Баба метсіа*, 45-в. Упрекъ, который Іисусъ обращаетъ здѣсь къ фарисеямъ, состоитъ въ томъ, что они изобрѣли множество мелкихъ предписаній, которыя человѣкъ, безъ дурного умысла, нарушаетъ, и которыя служатъ только къ тому, чтобъ умножить случаи нарушенія закона.

1082) Очищеніе посуды фарисеи обставляли крайне сложными и утомительными предписаніями (Маркъ, VII, 4).

1083) Этотъ эпитетъ употребляется довольно часто (Матѳ., XXIII, 16, 17, 19, 24, 26) и содержитъ, быть можетъ, намекъ на привычку многихъ фарисеевъ ходить съ закрытыми глазами, аффектируя свою святость. См. выше, стр. 244—245.

1084) Лука предполагаетъ (XI, 37 и слѣд.), быть можетъ, вполнѣ основательно, что этотъ стихъ былъ произнесенъ за трапезой, въ отвѣтъ на мелочную придирку фарисеевъ.

1085) Такъ какъ гробницы были нечистыми, то принято было покрывать ихъ известью, чтобы предупредить прикосновеніе къ нимъ. См. предыдущее прим. 1081, и *Мишну*, *Маазаръ шени*, V, 1; Iер. Талм., *Шекалимъ*, I, 1; *Маазаръ шени*, V, 1; *Моэдъ-Катонъ*, I, 2; *Сота*, IX, 1; Вавил. Талм., *Моэдъ-Катонъ*, 5-а. Быть можетъ, въ сравненіи, которымъ пользуется Іисусъ, имѣется намекъ на «фарисеевъ крашеныхъ». См. выше, стр. 244.

1086) Эта цитата взята, вѣроятно, изъ книги Еноха. Нѣкоторыя части тѣхъ откровеній, какія были раскрыты предъ этимъ патріархомъ, были приписаны Божественной мудрости. Ср. *Еноха*, XXXVII, 1—4; XLVIII, 1, 7; XLIX, 1 и книга Юбилеевъ, гл. 7—съ Лукой, XI, 49. См. выше, пр. 18 введ. Быть можетъ, цитированный апокрифъ христіанскаго происхожденія (Замѣтьте особенно стихъ Матѳ. XXIII, 34, нѣкоторыя черты котораго явно написаны послѣ смерти Іисуса). Въ такомъ случаѣ, цитата является сравнительно болѣе близкой къ намъ прибавкой; она отсутствуетъ у Марка.

1087) Здѣсь какое-то недоразумѣніе, которое встрѣчается и въ Таргумѣ, приписываемомъ Іонаѳану (*Жалобы* II, 20), въ силу котораго Захарія, сына Іоіада, и пророкъ Захарія, сынъ Варахія—смѣшаны между собою. Рѣчь идетъ о первомъ (II, *Паралипом.*, XXIV, 21), Книга Паралипоменонъ, въ которой разсказано объ убійствѣ Захарія сына Іоіада, заключаетъ еврейскій канонъ. Это убійство является послѣднимъ въ скорбномъ листѣ убитыхъ праведниковъ, перечисленныхъ въ томъ порядкѣ, какъ о нихъ повѣствуется въ Библіи, а убійство Авеля—первымъ.

1088) Матѳ., XXIII, 2—36; Маркъ, XII, 38—40; Лука, XI, 39—52 XX, 45—47.

1089) Матѳ., VIII, 11—12; XX, 1 и слѣд.; XXI, 28 и слѣд.; 33 и слѣд., 43; XXII, 1 и слѣд.; Маркъ, XII, 1 и слѣд.; Лука, XX, 9 и слѣд.

1090) Матѳ., XXI, 37 и слѣд.; Маркъ, XII, 6; Лука, XX, 9; Іоаннъ, X, 36 и слѣд.

1091) Іоаннъ, IX, 39.

1092) У Марка, очевидно, приводится наиболѣе достовѣрная форма этого мѣста; Маркъ XIV, 58; XV, 29. Ср. Іоаннъ, II, 19; Матѳ., XXVI, 61; XXVII, 40; *Дѣян.*, VI, 13—14.

1093) Іоаннъ, VIII, 39; X, 31; XI, 8.

1094) Второзак., XIII, 1 и слѣд.; Ср. Лука, XX, 6; Іоаннъ, X, 33. II-ое Посл. къ Кор., XI, 25.

1095) Іоаннъ, X, 20.

1096) Ibid, V, 18; VII, 1, 20, 25, 30; VIII, 37, 40.

1097) Лука, XI, 53—54.

1098) Іерусалимъ на 779 метровъ выше уровня моря, по Виню (*Conn. des temps la* 1866), и на 2.440 англ. футовъ, по свѣдѣніямъ капитана Вильсона (*Le Lien*, 4 авг. 1866).

1099) Іоаннъ, X, 23. См. реставрацію по де-Вогюэ: Le temple de Ierusalem, табл. XV и XVI, стр. 12, 22, 50 и слѣд.

1100) Іос., Ant., XX, IX, 7; *B. I.*, V, V, 2.

1101) Этотъ послѣдній памятникъ, кажется, относится приблизительно ко времени Юстиніана.

1102) См. выше, стр. 257; быть можетъ, гробница, принадлежащ

какъ говорятъ, Захарію, была памятникомъ въ этомъ родѣ. Ср. *Itin. a Burdig. Hierus.*; стр. 153, изд. Шотта.

1103) Матѳ., XXII, 29; Лука, XI, 47.

1104) Іоаннъ, X, 22. Срав. Маккав., I, IV, 52 и слѣд.; Маккав., II, X, 6 и слѣд.

1105) Іос. Ant., XII, VII, 7.

1106) Іоаннъ, X, 40. Ср. Матѳ., XIX, 1; XX, 29; Маркъ, X, 1, 46; Лука, XVIII, 35; XIX, 1. Это путешествіе извѣстно синоптикамъ. Но Матѳей и Маркъ полагаютъ, что Іисусъ совершилъ его, проходя изъ Галилеи въ Іерусалимъ черезъ Перею. Топографія Луки будетъ необъяснима, если не допустить, что Іисусъ въ главахъ X—XVIII этого Евангелія прошелъ черезъ Іерусалимъ.

1107) *Экклез.*, XXIV, 18; Страбонъ, XVI, II, 41; Іустинъ, XXXVI, 3; Іос. *Ant.*, IV, VI, 1; XIV, IV, 1; XV, IV, 2; Талм. Вавил. *Беракотъ*, 43-а и далѣе.

1108) Лука, XIX, 1 и слѣд. (сомнительный случай).

1109) Матѳ., XX, 29; Маркъ, X, 46 и слѣд.; Лука, XVIII, 35.

1110) B. I., IV, VIII, 3. Срав. ibid, I, VI, 6; I, XVIII, 5, и Antiq., XV, IV, 2.

1111) Іоаннъ, XI, 1.

1112) Матѳ., IX, 18 и слѣд.; Маркъ, V, 22 и слѣд.; Лука, VII, 11 и слѣд.; VIII, 41 и слѣд.

1113) Лука, XVI, 30—31.

1114) Вѣроятно, это аллегорическое лицо Лазаря (לא-עזר «тотъ, кому Богъ помогаетъ» или אל עזר «тотъ, кому не помогаютъ»), означая еврейскій нарядъ («бѣднякъ», возлюбленный Богомъ, согласно усвоенному пророками и псалмопѣвцами—выраженію) стало святымъ еще до Іисуса, благодари какой-нибудь народной легендѣ или какой-нибудь книгѣ, теперь утерянной.

1115) Замѣтьте, насколько мало естественна связь въ стихѣ *Луки*, XVI, 23. Чувствуется здѣсь смѣшеніе различныхъ элементовъ, свойственное Лукѣ. См. выше, Введ., стр. 57—58.

1116) Обратите вниманіе на своеобразную неловкость въ установленіи связи между фактами у Іоанна, XI, 1—2. Лазарь сначала вводится, какъ неизвѣстное лицо, τὶς ἀσθενῶν Λάζαρος, потомъ онъ вдругъ оказывается братомъ Маріи и Марѳы.

1117) Я не сомнѣваюсь уже, что Іоаннъ, XI, 1—46, и Лука, XVI, 19—31, вполнѣ соотвѣтствуютъ другъ другу; не въ томъ дѣло, что четвертый евангелистъ имѣлъ передъ глазами текстъ третьяго, — но оба они несомнѣнно черпали изъ одного и того же источника. См. прибавленіе, въ концѣ этого тома, §§ 5, 27 29, 32—40, 42—47.

1118) Іоаннъ, XI, 46 и слѣд.; XII, 2, 9 и слѣд.; 17 и слѣд.

1119) Іоаннъ, XI, 47 и слѣд.

1120) Іос., *Ant*, XV, III, 1; XVIII, II, 2; V, 2; V, 3; XX, IX, 1, 4. Іерус. Талм., *Іома*, I, 1; Вавил., Талм., *Іома*, 47-а.

1121) *Ананусъ*, Іосифа. Такимъ же образомъ, еврейское имя *Іохананъ*, сдѣлалось греческимъ *Іоаннъ*.

1122) Іоаннъ, XVIII, 15—23; *Дѣянія*, IV, 6.

1123) Іос, *Ant.*, XX, IX, 1. Ср. Іерус. Талм., Хорайотъ, III, 5; Тосифта, *Менахотъ* II.

1124) Іос., *Ant.*, XV, III, 1; *B. J.* IV, V, 6 и 7; Act., IV, 6.

1125) Іос., *Ant.*, XV, IX, 3; Вавил., Талм., *Песахимъ*, 57-а.
1126) Іос., *Ant.*, XV., IX, 3; XIX, VI, 2; VIII, 1.
1127) Лука, III, 2.
1128) *Дѣян'я*, V, 17.
1129) Іос., *Ant.*, XX, IX, 1. Ср. *Megиллатъ Таанитъ*, гл. IV и схоліастъ; Тосифта Менахотъ, II.
1130) Іос., *Ant.*, XX, IX, 1. Нѣтъ достаточныхъ основаній сомнѣваться въ достовѣрности и цѣльности этого текста.
1131) *Ibid.*
1132) Іоаннъ, XI, 49—50. Ср. *ibid.*, XVIII, 14.
1133) Ibid., XI, 48.
1134) Іоаннъ, XI, 53.
1135) *Ibid.*, XI, 54. Ср. II, *Chron.*, XIII, 19; Іос., *B. J.*, IV, IX, 9; Евсевій и св. Іеремія, *De situ et nom.. Loc. hebr.*, въ словахъ Ἐφρών и Ἐφραΐμ. Его отождествляютъ обыкновенно съ *Тайибеемъ*.
1136) Іоаннъ, XI, 55—56. Въ порядкѣ изложенія фактовъ, мы во всей этой части, слѣдуемъ системѣ Іоанна. Синоптики, кажется, мало освѣдомлены о томъ періодѣ жизни Іисуса, который предшествовалъ его страстямъ.
1137) Лука, XIX, II.
1138) Лука, XXII. 24 и слѣд.
1139) Матѳей, XX, 20 и слѣд.; Марка, X, 35 и слѣд.
1140) Лука, XIX, 12—27.
1141) Матѳ. XVI, 21 и сл.; Марка VIII, 31 и сл.
1142) Матѳей, XX, 17 и слѣд.; Маркъ X, 34 и слѣд.; Лука, XVIII, 34 и слѣд.
1143) Матѳей, XXIII, 39; Лука, XIII, 35.
1144) Матѳей, XX, 28.
1145) Іоаннъ, XI, 56.
1146) Пасха праздновалась 14 нисана. Въ 33 году, 1 число нисана приходилось, повидимому, на субботу, 21 марта. Неточность еврейскаго календаря дѣлаетъ эти вычисленія довольно сомнительными. См. Mem. de l'Acad. des Inscr. et B.—L., т. XXIII, ч. 2, стр. 367 и слѣд. (новая серія).
1147) Матѳей, XXVI, 6; Маркъ, XIV, 3. Ср. Лука, VII, 40—43, 44.
1148) Это обстоятельство остается правдоподобнымъ и въ томъ случаѣ, если празднество происходило и не въ домѣ Марѳы. На востокѣ считается вполнѣ обычнымъ, если лицо, преданное вамъ, или находящееся у васъ въ услуженіи, служитъ вамъ и въ томъ случаѣ, если вы обѣдаете у другихъ.
1149) Я видѣлъ, какъ этотъ обычай еще до сихъ поръ сохраняется въ Сурѣ.
1150) Слѣдуетъ припомнить, что ноги присутствующихъ во время обѣда не были скрыты подъ столомъ, какъ у насъ, а находились на одномъ уровнѣ съ тѣломъ, на диванѣ.
1151) Матѳей, XXVI, 6 и слѣд.; Маркъ, XIV, 3 и слѣд.; Іоаннъ XI, 2; XII, 2 и слѣд. Ср. Лука, VII, 36 и слѣд.
1152) Іоанна, XII, 12.
1153) Луки, XIX, 41 и сл.
1154) Матѳей, XXI, 1; Маркъ, XI, 1 (греческій переводъ); Лука, X[illegible]
29. Мишна, Менахотъ, XI, 2. Вавил. Талм., Синедріонъ, 14-в. [illegible]

химъ, 63-в, 91-а. Sota, 45-а; Baba metsia, 88-а. Менахотъ, 78-в. Шифра, 104-в. Евсевій и св. Іеремія, De situ et nom. loc. hebr., въ S. Hier. Opp., изданіе Мартіаной, II т. 442; св. Іеремія, Epitaphium Paulae, Opp., IV т., 876; его же Comm. in Matth., XXI, 1 (Opp., IV, т. 94); его же, Lex. graec. nom. Hebr., Opp., II т., 121—122.

1155) Матѳ., XXI, и слѣд.; Маркъ, XI, 1 и слѣд.; Лука, XIX, 29 и слѣд.; Іоаннъ, XII, 12 и слѣд. Приближеніе къ тексту Захаріи, IX, 9, заставляетъ сомнѣваться во всемъ этомъ эпизодѣ. Тріумфальное шествіе верхомъ на ослѣ является мессіанской чертой. Ср. Вавил. Талм., *Синедріонъ*, 98-в. Мидрашъ, Верешитъ равва, гл. XCVIII, Мидрашъ, Кохлетъ, I, 9.

1156) Эта маленькая подробность происходитъ, быть можетъ, отъ того, что текстъ Захаріи былъ ложно понятъ. Повидимому, авторы Новаго Завѣта не знали еврейскаго закона параллелизма. Ср. Іоанна, XIX, 24.

1157) Лука, XIX, 38; Іоаннъ, XII, 13.

1158) Цифра 120.000, которую приводитъ Гекатей (у Іосифа, Contre Apion., I, 22), кажется, преувеличена. Цицеронъ говоритъ о Іерусалимѣ, какъ о мѣстечкѣ (Ad Atticum, II, IX). Древняя ограда и не вмѣстила бы населенія, большаго вчетверо, чѣмъ настоящее, которое достигаетъ лишь 15.000 жителей. См. Робинсонъ, Bibl. Res., I, 421—422 (2 изд.); Фергюссонъ, Topogr. of. Ierus., стр. 51; Ферстеръ, Syria and Palestine, стр. 82.

1159) Іос. B. J., II, XIV, 3; VI, IX, 3.

1160) Іоаннъ, XII, 20 и слѣд.

1161) Матѳей, XXI, 17; Маркъ, XI, 11.

1162) Матѳей, XXI, 17—18; Маркъ, XI, 11—12, 19; Лука, XXI, 37—38.

1163) Іоаннъ, XII, 27 и слѣд. Понятно, что экзальтированный тонъ четвертаго евангелиста и его исключительный интересъ къ божественной роли Іисуса заставили его выпустить изъ разсказа моменты естественной слабости, о которой упоминаютъ синоптики.

1164) Лука, XXII, 43; Іоаннъ, XII, 28—29.

1165) Матѳ., XXVI, 36 и слѣд.; Маркъ, XIV, 32 и слѣд.; Лука, XXII, 39 и слѣд.

1166) Это было бы тѣмъ менѣе понятно, что редакторъ четвертаго Евангелія съ особенной аффектаціей передаетъ обстоятельства, касающіяся Іоанна, или такія, единственнымъ очевидцемъ которыхъ онъ былъ (I, 35 и слѣд.; XIII, 23 и слѣд.; XVIII, 15 и слѣд.; XIX, 26 и слѣд., 35 XX, 2 и слѣд.; XXI, 20 и слѣд.).

1167) Матѳ., XXVI, 1—5; Маркъ, XIV, 1—2; Лука, XXII, 1—2.

1168) Матѳ., XXI, 46.

1169) Мишна, Синедріонъ, XI, 4; Талмудъ, Синедр., 89-а. Ср. Дѣянія, XII, 3 и слѣд.

1170 и 1171) Мишна, Синедріонъ, IV, 1.

1172) Матѳ., XXVI, 55.

1173) Іоаннъ, XII, 6.

1174) Іоаннъ совершенно не упоминаетъ о вознагражденіи. Легенда *о тридцати серебренникахъ* заимствована у Захаріи, XI, 12—13.

1175) Іоаннъ, VI, 65; XII, 6.

1176) Іоанна VI, 65, 71—72; XII, 6, XIII, 2—27 сл.

1177) Матѳ., XXV, 3 и слѣд.

1178) Матѳея, XXVI, 1 и слѣд.; Марка, XIV, 12; Лука, XXII, 7; Іоанна, XIII, 29.

1179) Это система синоптиковъ (Матѳ., XXII, 17 и слѣд.; Марка, XIV, 12 и слѣд.; Луки, XXII, 7 и слѣд., 15) и слѣдовательно, также и Іустина (Dial. cum Tryph., 17, 88, 97, 100, 111). Четвертый евангелистъ, напротивъ, положительно утверждаетъ, что Іисусъ умеръ въ тотъ же день, когда ѣдятъ ягненка (XIII, 1—2, 29, XVIII, 28; XIX, 14, 31). Талмудъ, правда, мало авторитетный въ подобномъ вопросѣ, тоже относитъ смертъ Іисуса къ «кануну Пасхи» (Вавил. Талм., Синедріонъ, 43-а, 67-а). Весьма серьезное возраженіе противъ этого мнѣнія основано на томъ, что во второй половинѣ II вѣка Малоазіатскія Церкви, которыя относительно Пасхи придерживались ученія, повидимому, противоположнаго системѣ Іоанна, все-таки прибѣгаютъ къ авторитету Іоанна и его учениковъ для подтвержденія доктрины, соотвѣтствовавшей, повидимому, разсказу синоптиковъ (Поликратъ, у Евсевія, Hist. eccl., V, 24. Ср. Chron. posc., стр. 6 и слѣд., изд. Du—Cange). Но это очень темный вопросъ. Іоаннъ и его ученики могли праздновать Пасху, какъ и вся первоначальная апостольская школа, 14 нисана—не потому, что полагали, что въ этотъ день Іисусъ ѣлъ ягненка, а потому, что вѣрили, что Іисусъ, истинный пасхальный агнецъ (см. Іоанна, I, 29; XIX, 36, сравнивая съ Апокал. V, 6 и пр.), умеръ въ тотъ день.

1180) Іоанна, XIII, 1 и слѣд.

1181) Іоанна, XIII, 23; Поликратъ, у Евсевія, H. E., V, 24.

1182) Матѳей, XXVI, 21 и слѣд.; Марка, XIV, 18 и слѣд.; Лука, XX, 24 и слѣд.; Іоанна, XIII, 24 и слѣд.; XXI, 20.

1183) На востокѣ распорядитель стола выражаетъ вниманіе къ гостю тѣмъ, что разъ или два во время обѣда приготовляетъ ему по собственному вкусу *закуску*.

1184) Іоанна, XIII, 21 и слѣд., указываетъ неправдоподобіе въ разсказахъ синоптиковъ.

1185) Луки XXIV, 30—31, 35 изображаетъ преломленіе хлѣба, какъ обыкновеніе Іисуса.

1186) Лука, XXII, 20.

1187) I посл. къ Коринѳ. XI, 26.

1188) Матѳей, XXVI, 26—28; Марка, XIV, 22—24; Лука, XXII, 19—21; I посл. къ Каринѳу, XI, 23—25.

1189) Глава VI.

1190) Главы XIII—XVII.

1191) Іоанна, XIII, 14—15. Ср. Матѳей, XX, 26 и слѣд.; Лука, XXII, 26 и слѣд.

1192) Іоанна, XIII, 1 и слѣд. Поученія, которыя приводитъ четвертый евангелистъ въ заключеніе разсказа о Тайной вечерѣ, не могутъ считаться историческимъ фактомъ. Они полны оборотовъ и выраженій, совершенно несвойственныхъ стилю поученій Іисуса; они, напротивъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ обычному языку писаній Іоанна. Такъ, выраженіе «дѣтки» въ звательномъ падежѣ, очень часто встрѣчается въ первомъ посланіи, приписываемомъ Іоанну. Это выраженіе, повидимому, несвойственно Іисусу.

1193) Іоанна, XIII, 33 -35; XV, 12—17.

1194) Лука, XXII, 24--27; Іоанна, XIII, 4 и слѣд.
1195) Матѳей, XXVI, 29; Марка, XIV, 25; Лука, XXV, 18.
1196) Лука, XXII, 29—30.
1197) Лука, XXII, 36—38.
1198) Матѳей, XXVI, 31 и слѣд.; Марка, XIV, 29 и слѣд.; Лука, XXII, 33 и слѣд.; Іоанна, XIII, 36 и слѣд.
1199) Іоанна XIII, 30.
1200) Что ученики пѣли, выходя, религіозный гимнъ (Матѳ. XXVI, 30; Марка XIV, 26; Іустинъ Dial. cum Tryph. 106)—это основано на томъ мнѣніи синоптиковъ, что пасхальная трапеза была послѣдней въ жизни Іисуса. До и послѣ нея пѣлись обыкновенно псалмы. Талм. Вав. *Песахимъ* гл. IX ст. 3; Л. 118-а и пр.
1201) Матѳей, XXVI, 36; Маркъ, XIV, 32; Лука, XXII, 39; Іоанна, XVIII, 1—2.
1202) Матѳ., XXVI, 47; Маркъ, XIV, 43. Іоаннъ, XVIII, 3, 12.
1203) Матѳ., XXVI, 47; Маркъ, XIV, 43; Лука, XXII, 47; Іоаннъ, XVIII, 3; Дѣянія, I, 16; I Посланіе къ Коринѳ., XI, 23.
1204) По преданію синоптическихъ евангелій. По разсказу четвертаго евангелиста, Іисусъ самъ назвалъ себя.
1205) Оба преданія сходятся въ этомъ пунктѣ.
1206) Іоаннъ, XVIII, 10.
1207) Маркъ, XIV, 51-52. Маркъ, дѣйствительно, былъ въ Іерусалимѣ. Дѣянія, XII, 12.
1208) Въ уголовныхъ дѣлахъ допускаются только свидѣтели-очевидцы.
1209) Матѳей, XXVII, 63; Іоаннъ, VII, 12, 47.
1210) Іерус. Талмудъ, Синедріонъ, XIV, 16; Вав. Талмудъ, тотъ же трактатъ, 43-а, 67-а. Ср. Шаббатъ, 104-в.
1211) Іоаннъ, XVIII, 13 и слѣд. Это обстоятельство, о которомъ говорится только въ четвертомъ Евангеліи, является важнымъ доказательствомъ цѣнности этого Евангелія.
1212) Матѳея, XXVI, 69 и слѣд.; Марка, XIV, 66 и слѣд.; Луки, XXII, 54 и слѣд.; Іоанна, XVIII, 15 и слѣд.; 25 и слѣд.
1213) Матѳея, XVI, 57; Марка, XIV, 53; Луки, XXII, 66.
1214) Матѳея. XXIII, 16 и слѣд.
1215) Матѳ., XXVI, 64; Марка, XIV, 62; Лука, XXII, 69. Четвертое Евангеліе ничего не говоритъ о подобной сценѣ.
1216) Левитъ, XXIV, 14 и слѣд.; Второзаконіе, XIII, 1 и слѣд.
1217) Лука, XXIII, 50—51.
1218) Іоаннъ, XVIII, 31. Іосифъ; Ant., XX, IX, 1. Іер. Талм. Синедріонъ, 1, 1.
1219) Матѳея, XXIV, 67—68; Марка, XIV, 65; Луки, XXII, 63—65.
1220) Матѳея, XXVII, 1; Марка, XV, I; Луки, XXII, 66; XXIII, 1; Іоанна, XVIII, 28.
1221) Іосифъ, Ant., XV, XI, 5; B. I., VI, II, 4; B. I. VI, II, 4.
1222) Филонъ, Legatio ad Cajum, § 38; Іосифъ, B. I., II, XIV, 8.
1223) На мѣстѣ, гдѣ еще и теперь находится дворецъ Іерусалимскаго *паши.*
1224) Іоанна, XVIII, 28.
1225) Греческое слово Βῆμα перешло и въ сирійско-халд. языкъ.

1226) Іосифъ, B. I., II, IX, 3, XIV, 8; Матѳея, XXVII, 27; Іоанна, XVIII, 33.

1227) Іоанна, XVIII, 29.

1228) Виргилій, Энеида, XII, ст. 121; Марціалъ, Эпигр., I, XXXII; X, XLVIII, Плутархъ, Vie de Romules, 29. Сравн. Hasta pura, военный орденъ. Орелли и Генценъ, Inscr. lat., №№ 3574, 6852 и пр. По этой гипотезѣ Pilatus такая же форма, какъ Torquatus.

1229) Филонъ, Leg. ad. Cajum. § 38.

1230) Іос. Ant.. XVIII, III, 1.

2321) Ibid. XVIII, II—IV.

1123) Вавил. Талмудъ, Шаббатъ, 33-в.

1233) Филонъ, Leg. ad Cajum, § 38.

1234) Іосифъ, Ant., XVIII, III, 1 и 2; Bell. Iud., II, IX, 2 и слѣд.; Луки, XIII, 1.

1235) Іосифъ, Ant., XVIII, 4, 1—2.

1236) Іоанна, XVIII, 35.

1237) Матѳея, XXVII, 19.

1238) Лука, XXIII, 2, 5.

1239) Матѳея, XXVII, 11; Марка, XV, 2; Луки, XXIII, 3; Іоанна, XXIII, 33.

1240) Іоанна, XVIII, 38.

1241) Дѣянія, XVIII, 14—15.

1242) Тацитъ (Ann., XV, 44) полагаетъ, что смерть Іисуса была вызвана политическими соображеніями Понтія Пилата. Но въ эпоху Тацита измѣнилась римская политика по отношенію къ христіанамъ; ихъ обвиняли въ образованіи тайнаго сообщества противъ государства. Естественно, что римскій историкъ полагалъ, что Пилатъ, приговоривъ къ смерти Христа, повиновался требованіямъ общественной безопасности. Іосифъ даетъ болѣе точныя указанія. Ant., XVIII, III, 3.

1243) Марка, XV, 10.

1244) Матѳея, XXVII, 20; Маркъ, XV, 11.

1245) Въ большей части манускриптовъ имя «Іисусъ» исчезло. Но за него говорятъ весьма вѣскіе авторитеты.

1246) Матѳ., XXVII, 16. Евангеліе отъ Евреевъ Гильгенфельдъ, стр. 17, 28).

1247) Ср. св. Іеремія, In Matth. XXVII, 16.

1248) Марка, XV, 7; Лука, XXIII, 19. Іоаннъ (XVIII, 40), который считаетъ его воромъ, гораздо больше ошибается, чѣмъ Маркъ.

1249) Матѳ., XXVII, 26; Марка, XV, 15; Іоанна, XIX, 1.

1250) Іосифъ, B. I., II, XIV, 9; V, XI, 1; VII. VI, 4. Титъ Ливій, XXXIII, 36; Квинтъ Курцій, VII, XI, 28.

1251) Матѳ., XXVII, 27 и слѣд.; Марка, XV, 16 и слѣд.; Луки, XXIII, 11; Іоанна, XIX, 2 и слѣд.

1252) Смотр. Ренье «Inscr. romain de l'Algérie, n° 5, fragm. B. Присутствіе сыщиковъ (Sbires) и иностранныхъ палачей въ арміи обнаруживается гораздо позже. См. Цицерона «In Verrem, actio II; Epist. ad Quintum fr, I, 1, 4.

1253) Луки, XXIII, 16, 22.

1254) Іоанна, XIX, 7.

1255) Іоанна, XIX, 9; Луки, XXIII, 6 и слѣд.

1256) Возможно, что здѣсь кроется первая попытка «къ гармонизаціи Евангелія». Въ распоряженіи Луки былъ разсказъ, въ которомъ смерть Іисуса по ошибкѣ приписывается Ироду. Чтобы не пожертвовать цѣликомъ этимъ разсказомъ, онъ привелъ полностью оба преданія, тѣмъ болѣе, что ему было смутно извѣстно (какъ намъ сообщаетъ четвертое Евангеліе), что Іисусъ былъ представленъ суду трехъ сановниковъ. Во многихъ другихъ случаяхъ, Лука, кажется, имѣетъ самое отдаленное понятіе о фактахъ, сообщаемыхъ Іоанномъ. Въ «Третьемъ Евангеліи», въ разсказѣ о смерти черезъ распятіе приводится цѣлый рядъ прибавленій, которыя авторъ, очевидно, заимствовалъ изъ болѣе свѣжихъ документовъ.

1257) Іоанна, XIX, 12, 15; Лука, XXIII, 2. Чтобы оцѣнить точность окраски этой сцены у евангелистовъ, ср. Филонъ, Leg. ad Cajum, § 38.

1258) См. выше стр. 282 и прим. 1233.

1259) Матѳ., XXVII, 24—25.

1260) Іоанна, XIX, 7.

1261) Второзаконіе, XIII, 1 и слѣд.

1262) Іосифъ, XX, IX, 1. Талмудъ, который усматриваетъ въ казни Іисуса чисто религіозныя причины, утверждаетъ, что его присудили къ избіенію камнями. Онъ, правда, говоритъ далѣе, что Іисусъ былъ повѣшенъ. Быть можетъ, онъ хотѣлъ сказать, что, по избіеніи, его повѣсили, что случалось часто. (Мишна, Синедріонъ, VI, 4; ср. Второзаконіе, XXI, 22). Іерусал. Талм., Синедріонъ, XIV, 6. Вавил. Талм., тотъ же тракт., 43-а, 67-а

1263) Іосифъ, Ant., XVII, X, 10; XX, VI, 2. B. I., V, XI, 1; Апулей, Mém., III, 9. Светоній, Galba, 9; Лампридій, Alet., Sez., 23.

1264) Тацитъ, Anп. III, 14.

1265) Матѳ., XXVII, 54; Марка, XV, 39, 44, 45; Луки, XXIII, 47.

1266) Іоанна, XIX, 14. По Марку, XV, 25, было всего восемь часовъ утра, такъ что, какъ говоритъ Маркъ, Іисусъ былъ распятъ въ 9 часовъ утра.

1267) Матѳ., XXVII, 33; Маркъ, XV, 22; Іоаннъ, XIX, 20. Посл. къ Евр., XIII, 12. Ср. Плавтъ, Miles gloriosus.

1268) Голгоѳа, дѣйствительно, имѣетъ отношеніе къ холму Гаребъ и къ мѣстности Гоаѳъ, о которыхъ упоминаетъ Іеремія, XXXI, 39. Обѣ эти мѣстности находились къ сѣверо-западу отъ города. Можно предположить, что мѣсто, гдѣ былъ распятъ Іисусъ, находилось близъ крайняго угла, который нынѣшняя стѣна образуетъ къ западу, или на холмахъ, господствующихъ надъ долиной Гинномъ, выше Биркетъ-Мамиллы. Правильно было бы также подумать о холмикѣ надъ «Гротомъ Іереміи».

1269) Доказательство, которыми пытались установить, что гробъ Господень послѣ Константина былъ перемѣщенъ, лишены основательности.

1270) Вопросъ состоитъ въ томъ, находилось ли во времена Іисуса мѣсто, называемое теперь Голгоѳой и лежащее внутри настоящаго города, внѣ ограды. Въ 76 метрахъ къ востоку отъ традиціоннаго мѣстоположенія Голгофы нашли кусокъ стѣны іудейской постройки, сходной со стѣной Хеврона; если онъ принадлежалъ оградѣ временъ *Іисуса, то названное* мѣстоположеніе Голгофы находилось внѣ города *(De-Vogeé Le Temple* de Jerusal., стр. 117 и слѣд.).Существованіе

пещеры-гробницы (которая носитъ названіе «гробницы Іосифа Аримаѳейскаго) подъ стѣной купола Гроба Господня, повидимому, доказываетъ (см. Мишна-Парахъ, III, 2, Баба Кама, VII), что это мѣсто находилось одно время внѣ стѣнъ; слѣдовательно, и данная пещера не такого древняго происхожденія (см. Вогюэ, Op. cit., стр. 115), чтобы можно было предположить, что она сооружена прежде постройки ограды, которая существовала во времена Іисуса. Въ пользу преданія могутъ быть приведены еще два соображенія, одно достаточно вѣское. Первое то, что было бы странно, если бы тѣ, кто при Константинѣ стремились установить евангельскую топографію, не остановились бы на предположеніи, вытекающемъ изъ евангелія Іоанна, XIX, 2 и посл.; къ Евр., XIII, 12. какъ они, свободные въ выборѣ, могли умышленно не остановиться на такомъ серьезномъ затрудненіи? Можно думать, что дѣло благочестивыхъ топографовъ временъ Константина было серьезное, что они искали указаній, что, хотя они не отказывались отъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ обмановъ, они все-таки руководствовались аналогіями. Если бы они руководились только капризомъ, они бы должны были помѣстить Голгоѳу на болѣе видное мѣсто, на вершину одного изъ сосѣднихъ съ Іерусалимомъ холмовъ, чтобы удовлетворить желаніе христіанъ, желавшихъ, чтобы мѣсто смерти Іисуса находилось на горѣ. Второе соображеніе въ пользу преданія состоитъ въ томъ, что въ эпоху Константина можно было руководиться храмомъ Венеры на Голгоѳѣ, воздвигнутаго, какъ говорятъ, Адріаномъ, или, по меньшей мѣрѣ, воспоминаніями, сохранившимися объ этомъ храмѣ, но это далеко не убѣдительно. Евсевій (Vita Const. III, 26); Сократъ (H. E., I, 17); Созоменъ (H. E., II, 1); св. Іеремія (Epist., XLIX, къ Павл.). Правда, говорятъ, что въ мѣстности, которую они отождествляютъ съ гробомъ Господнимъ, находилось святилище Венеры; но не установлено навѣрно во-1-хъ, то, что Адріанъ воздвигъ храмъ, во-2-хъ, что онъ былъ воздвигнутъ на мѣстѣ, называвшемся въ то время «Голгоѳа», въ 3-хъ, что у него было намѣреніе воздвигнуть этотъ храмъ на мѣстѣ смерти Іисуса.

1271) Плутархъ. De sera num. vind., 9; Артемидоръ, Onirocrit., II, 56.

1272) Маркъ, XV, 21.

1273) Подробности, о которыхъ говоритъ Лука, XXIII, 27—31, относятся къ числу тѣхъ, гдѣ сильно чувствуется работа воображенія. Слова, приписываемыя Христу, могли быть произнесены имъ только послѣ паденія Іерусалима.

1274) Вав. Талмудъ, Синедріонъ, 43-а. Николай изъ Меры, In Mattp., XXVII, 34. См. Притчи Соломона, XXXI, 6.

1275) Вавил. Талмудъ, Синедріонъ, I, 1.

1276) Марка, XV, 23; Матѳ., XXVII, 34. эта подробность скрыта, чтобы получился намекъ на миссіонерское пророч. въ Псалмахъ. LXIX, 22.

1277) Матѳ., XXVII, 35; Марка, XV, 24; Іоанна, XIX, 23. Ср. Артемидоръ, Onirocr., II, 53.

1278) Посл. Варнавы, 9; Луціонъ, Iud. voc., 12. Ср. каррикатурное изображеніе распятія въ Римѣ на стѣнѣ холма Палатинскаго. Гарручи, II. Il crocifisso graffito in casa dei Cesari (Roma, 1857).

1279) Это слѣдуетъ изъ Іоанна, XIX, 29. Дѣйствительно, тростью изъ иссопа нельзя достать высоко. Можно заподозрить, что этотъ иссопъ заимствованъ изъ книги Исхода, XII, 22.

1280) Іосифъ, B. I., VII, VI, 4; Цицеронъ, In Verr., V, 66; Ксеноф. Ефес., Ephesiaka, IV, 2.

1281) Луки, XXIV, 39; Іоанна, XX, 25-27; Плавтъ, Mostellaria, II, 1; В. Луканъ, Phar., VI, 543 и слѣд., 547; Іустинъ, Dial. cum Tryph., 97; Apol., I, 35; Тертулліанъ, Adv. Marcionem, III, 19.

1282) Ириней, Adv. hoeur., II, XXIV, 4. Іустинъ. Dial. cum Tryph, 91.

1283) См. описаніе свидѣтеля очевидца крестной казни въ Китаѣ, Rév. germ. et franç. abr. 1864, стр. 358.

1284) См. вышеупомянутое graffitto и нѣкоторые другіе памятники (Martigny Dict. des antiq. chrét., p. 193). Ср. Григ. Турскій, De gloria mart., I, 6).

1285) Dig., XLVII, XX, De bonnis damnat., 6.—Адріанъ отмѣнилъ этотъ обычай.

1286) Обстоятельство, переданное Іоанномъ, XIX, 23--24, вѣроятно, принято à priori. Іос. Ant., III, VII, 4.

1287) Матѳ., XXVII, 36. Ср. Петроній, latyr., CXI, CXII.

1288) Лука, XXIII, 34. Въ послѣднихъ словахъ, приписываемыхъ Христу, въ особенности въ изложеніи Луки, можно усомниться. Въ нихъ чувствуется игра воображенія или желаніе доказать исполненіе пророчествъ. Впрочемъ, въ такихъ случаяхъ каждый воспринимаетъ по своему. Послѣднія слова знаменитыхъ осужденныхъ всегда передаются совершенно различно наиболѣе близкими свидѣтелями. То же было и по смерти Баба.– Гобино, Les Relig. et les Philos. de l'Asie centrale, p. 268.

1289) Есть предположеніе, что во время шествія къ мѣсту казни, эту надпись несли передъ Іисусомъ. Светоній, Калигула, 32; Письма церквей Вѣнской и Ліонской, у Евсевія. Hist. eccl., V, 1, 19.

1290) Матѳ., XXVII, 37; Марка, XV, 26; Луки, XXIII, 38; Іоанна, XIX, 19—22. Быть можетъ, въ этомъ проявилась крупица законности. Апулей, Флорида, 1, 9.

1291) Іустинъ, Dial. cum Tryph., 106.

1292) Іоанна, XIX, 25 и слѣд.

1293) Синоптики утверждаютъ согласно, что группа вѣрныхъ его приверженцевъ стояла «вдали» отъ креста, а Іоаннъ увѣряетъ, что «возлѣ»—желая, повидимому, подтвердить, что Іоаннъ подходилъ близко къ кресту.

1294) Матѳ., XXVII, 55—56; Марка, XV, 40—44; Луки, XXIII, 49, 55; XXIV, 10; Іоанна, XIX, 25; Луки, XXIII, 27—34.

1295) Іоаннъ, XIX, 25 и слѣд. Лука, постоянный посредникъ между двумя первыми синоптиками и Іоанномъ, помѣщаетъ также на разстояніе «всѣхъ его друзей» (XXIII, 49). Выраженіе γνωστοί дѣйствительно можетъ относиться къ «роднымъ». Между тѣмъ Лука (II, 44) отличаетъ γνωστοί отъ συγγενεῖς. Въ лучшихъ манускриптахъ мы находимъ οἱ γνωστοὶ αὐτῷ, а не οἱ γνωστοὶ αὐτοῦ. Въ «Дѣян.», (1, 14) Марія, мать Іисуса, находится въ обществѣ галилейскихъ женщинъ; Лука предсказываетъ, что мечъ скорби пронзитъ ея душу. Тѣмъ менѣе понятно, что онъ не упоминаетъ о ней при распятіи.

1296) Іоаннъ, послѣ смерти Іисуса, взялъ къ себѣ мать своего учителя. (Іоаннъ, XIX. 27). Огромное уваженіе, которымъ пользовалась Марія у нарождающейся Церкви, безъ сомнѣнія, заставило учениковъ Іоанна утверждать, что Іисусъ, у котораго, какъ свидѣтельствуютъ

ученики Іоанна, послѣдній былъ самымъ любимымъ ученикомъ, поручилъ ему, умирая, все, что у него было самого дорогого. Дѣйствительное или предполагаемое присутствіе у Іоанна этого драгоцѣннаго наслѣдія давало ему нѣкоторое главенство надъ остальными апостолами и сообщало высокую авторитетность ученію, за которое его считали отвѣтственнымъ.

1297) Матѳея, XXVII, 40 и слѣд.; Марка, XV, 29 и слѣд.

1298) Матѳея, XXVII, 44; Марка, XV, 32; Лука нѣсколько измѣнилъ преданіе въ своемъ вкусѣ.

1299) Матѳея, XXVII, 45; Марка, XV, 33; Луки, XXIII, 44.

1300) Петроній, Sat., CXI, и слѣд.; Оригенъ, In Matth. Comment. series, 140; арабскій текстъ, опубликованный у Козегартена. Chrest. arab., стр. 63 и слѣд.; Revue germ., цит. мѣсто.

1301) Евсевій, Hist. eccl., VIII, 8; Revue germ. ibid.

1302) См., арабскій текстъ, опубликованный Козегартеномъ. Chrest. arab. p. 64, и La Revue german.

1303) Спартіанъ. Жизнь Адріана, 10, Вулкатій Галликанъ, Жизнь Авидія Кассія, 5.

1304) Вѣроятно, маленькая губка, которой закрывали горлышко сосуда, гдѣ была «posca».

1305) Матѳея, XXVII, 48; Марка, XV, 36; Луки, XXIII, 36; Іоанна, XIX, 28—30.

1306) См. Николай изъ Лира. In Matth., XXVII, in Ioh., XIX, 29 и разсказы о казни убійцы Клебера. Revue germ., цит. мѣсто.

1307) Матѳей, Маркъ и Іоаннъ, повидимому, соединяютъ эти два акта.

1308) Матѳея, XXVII, 46, Марка, XV, 34.

1309) Матѳея, XXVII, 50; Марка, XV, 37; Лука, XXIII. 46; Іоанна, XIX, 30.

1310) Матѳея, XXVII, 46; Марка, XV, 37; Лука, XXIII, 44. Срав. Іоанна, XIX, 14.

1311) Второзаконіе, XXI, 22—23; Іисусъ Навинъ, VIII, 29; X, 26 и слѣд. Ср. Іос., B. I., IV, V, 2; Мишна, Синедріонъ, VI, 5.

1312) Іоаннъ говоритъ «Пилату». Но это невозможно. По Марку (XV, 44—45), Пилатъ еще вечеромъ не зналъ о смерти Іисуса.

1313) Срав. Филона, In Flaccum, § 10.

1314) Больше не было случаевъ примѣненія crurifragium тотчасъ же послѣ распятія. Но часто, чтобы прекратить мученія преступника, ему наносили ударъ милосердія. См. происшествіе съ Ibn-Hicham., перев. въ Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, I, p. 99—100.

1315) Быть можетъ, это апріорная выдумка, для того, чтобы уподобить Іисуса пасхальному агнцу. Исходъ, XII, 46; Числа, IX, 42.

1316) Это обстоятельство могло быть вымышленно, чтобы установить соотвѣтствіе съ Захаріей, XII, 10. Срав. Іоанна, XIX, 37; Апок., I, 7.

1317) И здѣсь можно предположить символизмъ à priori. Срави. I-ое посланіе Іоанна, V, 6 и слѣд.; Аполлинарій, въ «Chronique Pascal.», p. 7.

1318) Іоаннъ, XIX, 31—35.

1319) Геродотъ, VII, 194; Іосифъ, Vita, 75.
1320) In Matth. Comment. Series, 140.
1321) Марка, XV, 44—45.
1322) Въ цѣляхъ христіанской аргументаціи эти предосторожности были преувеличены впослѣдствіи, особенно, когда іудеи стали утверждать, что тѣло Іисуса было украдено. Матѳея, XXVII, 62 и слѣд.; XXVIII, 11—15.
1323) Горацій, письма I, XVI, 48; Ювеналъ, XVI, 77; Луканъ, VI, 544. Плавтъ, Miles glor., II, IV, 19; Артемидоръ, Onir., II, 53; Плиній, XXXVI, 24; Плутархъ, Жизнь Клеомена, 39; Петроній, Sat. CXII.
1324) Мишна, Синедріонъ, VI, 5 и 6.
1325) Вѣроятно, то же, что Рама Самуила въ колѣнѣ Ефраима.
1326) Матѳ., XXVII, 57 и слѣд.; Маркъ, XV, 42 и слѣд.; Лука, XXIII, 50 и слѣд.; Іоаннъ, XIX, 38 и слѣд.
1327) Digeste, XLVIII, XXIV, De cadaveribus punitorum.
1328) Іоаннъ, XIX, 39 и слѣд.
1329) Матѳ., XXVII, 61; Марка, XV, 47; Лука, XXIII, 55.
1330) Іоаннъ, XIX, 41—42.
1331) Преданіе (Матѳ., XXVII, 60) выставляетъ Іосифа изъ Аримаѳеи владѣльцемъ пещеры.
1332) Пещера, которую во времена Константина принимали за гробъ Христа, была именно такой формы, какъ это можно заключить изъ описанія Аркульфа (у Мобилльона, Acta s. s Ord. S. Bened., Sect. III, pars II, p. 504) и преданій, сохранившихся въ Іерусалимѣ среди греческаго духовенства относительно скалы, скрытой подъ сооруженіемъ Гроба Господня. Но признаки, на которыхъ основывались во времена Константина, для отождествленія этого гроба съ гробомъ Христа, очень слабы или совсѣмъ ничтожны. (См. Созомена, H. E. II, 1). Если бы даже мѣсто расположенія Голгоѳы было болѣе или менѣе точно установлено, не было бы никакихъ серьезныхъ данныхъ принимать Гробъ Господень именно за таковой. Во всякомъ случаѣ общій видъ тѣхъ мѣстъ совершенно измѣнился.
1333) I Посл. къ Коринѳ. XV, 4.
1334) Лука, XXIII, 56.
1335) Лука, XXIII, 54—56.
1336) Матѳ., XXVIII, 1; Марка, XVI, 1; Лука, XXIV; 1, Іоаннъ, XX, 1.
1337) Матѳ., XXVIII, 15; Іоаннъ, XX, 2.
1338) Она была одержима семью бѣсами (Маркъ, XVI, 9); Лука, VIII, 2.
1339) Это видно главнымъ образомъ въ 9-омъ и слѣдующихъ стихахъ XVI главы Евангелія отъ Марка. Эти стихи составляютъ заключеніе второго Евангелія, противоположныя заключенію въ стихахъ 1—8, которыми заканчиваются манускриптъ *B*, Ватикана и Codex Sinaiticus. По четвертому Евангелію (XX, 1—2, 11 и слѣд., 18), Марія Магдалина тоже является единственной непосредственной свидѣтельницей воскресенія.
1340) 33-й годъ какъ разъ соотвѣтствуетъ одному изъ условій задачи, *такъ какъ 14 Нисана* этого года приходится на пятницу. Если отвергнуть *33-й годъ* и искать другой, удовлетворяющій сказанному условію *то придется* остановиться на 29 или на 36 годѣ. См. примѣч. 1146.

1341) Лука, III, 1.
1342) Іосифъ, Ant., XVIII, IV, 2 и 3.
1343) Противорѣчивое увѣреніе Тертулліана и Евсевія проистекаетъ отъ апокрифа, или легенды, лишенной достовѣрности (См. Θилонъ, Cod. apoer. N. T. стр. 813 и слѣд. Самоубійство Пилата тоже кажется легендарнымъ (Евсевій H. E. II, 7. Chron. ad. ann. I Caii). (Тишендорфъ, Evang. apocr., стр. 432 и слѣд.).
1344) Іосифъ, Ant., XX, IX, 1.
1345) Іосифъ, loc. cit. Тосифта Менахотъ, II.
1346) Іосиф., Ant., XVIII. VII, 1 2; B. I., II, IX, 6.
1347) Св. Іеремія, De situ et nom. loc. hebr. на слова Ахельдама. Евсевій (тамъ-же) указываетъ на сѣверъ. Но путеводители подтверждаютъ показанія Іереміи. Преданіе, по которому Hakeldamma обозначала кладбище, расположенное въ долинѣ Гинномъ, относится, по меньшей мѣрѣ, къ эпохѣ Константина.
1348) Дѣянія, I, 18—19. Матвѣй, или скорѣе его переписчикъ, придалъ этому преданію другой смыслъ, чтобы связать съ нимъ происхожденіе кладбища для иностранцевъ, которое находилось неподалеку, и найти оправданіе Захаріи, XI, 12—13.
1349) Матѳей, XXVII, 5.
1350) Дѣянія, I, c.; Папій, у Экуменія, Ennar. in. Act. Anost., II и у Фр. Мюнтера, Fragm. Patrum graec., (Hafniae, 1788) fasc., I, стр. 17 и слѣд.; Θеофилактъ, In Matth., XXVII, 5.
1351) Папій, у Мюнтера, l. c.; Θеофилактъ, l. c.
1352) 2 кн. Сам., XVII, 23.
1353) Псалтырь, LXII и CIX.
1354) Это народное чувство жило еще въ Бретани въ эпоху моего дѣтства. На жандармовъ тамъ смотрѣли, какъ въ иныхъ мѣстностяхъ на евреевъ,—съ нѣкоторымъ набожнымъ отвращеніемъ; такъ какъ вѣдь жандармы арестовали Іисуса.
1355) Матѳей, VIII, 5 и сл.; Лука, VII, 1 и сл.; Іоаннъ, XII, 20 и слѣд., Ср. Іосифъ, Ant., XVIII, III, 3.
1356) Тацитъ, Ann. XV, 45; Светоній, Клавій, 25.
1357) Ant. XVIII, III, 3. Это мѣсто было передѣлано рукой христіанина.
1358) Ant., XVIII, 1; B. I. II, VIII, vita, 2.
1359) Фотіи, Bibl., cod., XXIII.
1360) Іерусал. Талм., Синеѳріонъ, XIV, 16, Aboda zara, II, 2; XIV, 4. Вав. Талм. Синедріонъ, 43-а, 67-а, Шаббатъ, 104-в, 116-в. Ср. Шагига, 48; Гиттина, 57-в, 90-.а—Обѣ Гемары заимствуютъ большую часть данныхъ объ Іисусѣ изъ шуточной и непристойной легенды, выдуманной противниками христіанства и не имѣющей историческаго значенія. Ср. Оригенъ, Contre celse, I, 28, 32.
1361) Іосифъ, Ant., XVIII, III, 3.
1362) Филостратъ, жизнь Аполлонія, IV, 2, VII, II, VIII, 7; Евнонъ, Жизнь Софистовъ, стр., 454, 500. (Изд. Didot).

Примѣчанія къ прибавленію.

1) Всѣ аргументы, приводимые противъ четвертаго Евангелія представителями этихъ школъ, прекрасно изложены въ трудѣ Шольтена, переведенномъ Ревиллемъ (Revue de théologie, 3 серія, томы, II, III, и IV).

2) Ср. I посл. Іоанна, I, 1.

3) Апокалипс., XIX, 13.

4) I, 15 и слѣд.; II, 9 и слѣд.

5) Матѳ., XI, 2 и слѣд.; Лука, VII, 19 и слѣд.

6) Я обращаю вниманіе читателей, не придавая однако этому большого значенія, на то, что имена первыхъ трехъ апостоловъ упоминаемыхъ Паніемъ (см. у Евсевія, Н. Е., III, 39), приведены въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ это сдѣлано въ четвертомъ Евангеліи.

7) Іоанна, XXI, 2.

8) См. Дѣянія, I, 21—22; X, 37; XIII, 24; XIX, 4.

9) Имена родителей Іоанна Крестителя, приводимыя Лукой, повидимому, вымышлены. Сомнительно также и существованіе Анны, дочери Фануила, старца Симеона и Захарія.

10) IV, 46; XXI, 2.

11) Обратите, напр., вниманіе на то, какъ плохо, внѣ времени и мѣста, описаны событія въ гл. XXI—XXV отъ Матѳ.

12) Лука, повидимому, чувствуетъ это и обходитъ это затрудненіе при помощи откровенія XXIV, 49; Дѣянія, I, 4.

13) IX, 51 и слѣд.; X, 25 и слѣд.; 83 и слѣд.; XVII, II.

14) Найдено въ видѣ коптскаго варіанта и перевед. М. Швартце, Берлинъ, 1864

15) Antiq., XX, IX, 7.

16) IX, 51 и слѣд.; XVII, 11.

17) *Сихаръ*—означаетъ ложь.

18) Мусульмане еще до сихъ поръ составляютъ также оскорбительные каламбуры, въ которыхъ изливаютъ свою ненависть къ франкамъ и христіанамъ.

19) Матѳ., VIII, 11 и слѣд.; XXI, 43; XXII, 1 и слѣд.; XXIV, 14; XXVIII, 19; Маркъ, XIII, 10; XVI, 15; Лука, IV, 26, XXIV, 47.

20) Ср. Іоаннъ, V, 8, 9, 16 и Маркъ, II, 9, 12, 27.

21) У Евсевія въ Hist. eccl., III, 39. Ср. Поликратъ у Евсевія, H. E., V, 24. Правда, апостола часто смѣшиваютъ съ другимъ Филиппомъ, діакономъ.

22) Матѳ., XIV, 22 и слѣд.; Маркъ, VI, 45 и слѣд.

23) Это положило начало доцесизму, современной апостоламъ ереси.

24) I посл. къ Коринѳ., XI, 23 и слѣд.

25) См. выше, стр. 231—232.

26) VII, 37 и слѣд.

27) У Евсевія, Hist. eccl., III, 39. На вопросъ, заданный мною Прюдому, знатоку армянской литературы, о томъ, не встрѣчалъ ли онъ цитатъ изъ Папія у другихъ армянскихъ писателей, привелъ мнѣ любопытную цитату, взятую имъ у Вартана Вартобеда («Explications sur divers passages de l'Ecriture Sainte»; № 12, fol. 40 v.) Разсказъ о женщинѣ, уличенной въ прелюбодѣяніи, существующій и у прочихъ христіанъ, въ ихъ Евангеліи, принадлежитъ перу *Папія*, ученика Іоанна; послѣдній написалъ еретическія сочиненія, за что и былъ отлученъ. Объ этомъ сообщаетъ Евсевій. Разсказъ этотъ написанъ позднѣе. Дѣйствительно, армяне совершенно отрицаютъ подлинное происхожденіе этого разсказа и помѣщаютъ его въ концѣ Евангелія отъ Іоанна.

28) Лука, X, 38 и слѣд.

29) Дѣянія, XX, 7—12; XXVIII, 11, 21 и слѣд.; XXVIII, 3 и слѣд., 8 и слѣд.

30) II посл. къ Коринѳ., XII, 12; къ Римл., XV, 19. Онъ называетъ ихъ σημεῖα τοῦ ἀποστόλου, «знаменія, по которымъ можно узнать апостола». Ср. къ Галат., III, 5.

31) I посл. къ Коринѳ., I, 22; XII, 9 и слѣд., 28 и слѣд. Ср. II къ Ѳессалоник., II, 9. Еврейское преданіе изображаетъ Іисуса и его учениковъ чудотворцами и заклинателями (Мидрашъ, *Коелетъ*, I, 8; VII, 26; Вавилонскій Талмудъ, *Абода зара*, 27-в; *Шаббатъ*, 104-в; Іерусалимскій Талмудъ; *Шаббатъ*, XIV, 4.

32) X, 38—42.

33) Смотри выше, стр. 252, 260—262.

34) Фактическія доказательства этого мы имѣемъ въ храмѣ Изиды въ Помпеяхъ, Эрехтеонѣ въ Аѳинахъ и т. д.

35) Возобновленіе и въ нѣкоторомъ родѣ даже вторичное основаніе ваггабизма въ центральной Африкѣ совершилось благодаря холерной эпидеміи 1855 г., искусно использованной ревнителями. Пальгрэвъ, *Narrative of a journey throught Arabia*, t. I, стр. 407 и слѣд.

36) К. Газе, *Franz von Assisi* гл. XIII и приложеніе (переводъ Шарля Берту, стр. 125 и слѣд.; стр. 149 и слѣд.).

37) X, 40 и слѣд.

38) VII, 38.

39) Ср. Іоаннъ, VII, 20.

40) III, 2. Сравни *Дѣянія*, IV, 6.

41) Іосифъ, *Ant.*, XV, III, 1; XX, IX, 1, 3; B. I., IV, V, 6, 7.

42) Матѳ., XXVI, 30; Маркъ, XIV, 26.

43) Мишна, *Синедріонъ*, IV, 1; Ср. Филонъ, In Flacc., § 10.

44) Лука, XXIII, 6 и слѣд.

45) Матѳ., XXVI, 56; Маркъ, XIV, 50. Параллельный стихъ Луки, XXII, 54, измѣненъ соотвѣтственно Лукѣ, XXIII, 49. Ср. выше примѣч. 1295.

46) Apol. I, 50.

47) Ср. Іоаннъ, I, 29.

48) Исходъ, XII, 46; Числа, IX, 12.

49) Іоаннъ, XIX, 29. Сравни Исходъ, XII, 22; Левитъ, XIV, 4, 6, 49, 51, 52; Числа, XIX, 6; Посл. къ Евреямъ, IX, 19.

50) Сравни Іоаннъ, III, 5; I Посл. Іоанна, V, 6.

51) Изданіе Гризбахъ-Шульца, I, стр. 291, примѣчаніе. Это заключеніе, хотя и не первоначальное, все же не лишено извѣстной цѣнности, какъ резюме древняго преданія.

52) XV, 5 и слѣд.

53) Въ крайнемъ случаѣ эта формулировка могла обозначать, что Петръ былъ одинъ. Ср. Іоаннъ, XI, 19, и греческіе словари о выраженіи *οἱ περί*.

54) Первое посл. къ Коринѳ., XV, 5—8.

55) Цитированное мѣсто.

56) Ср. Луку, XXIV, 56 и слѣд., съ Іоанномъ, XX, 19 и слѣд.

57) Отрывокъ въ посл. св. Игнатія къ Смирнійцамъ, 3 и у св. Іереміи, *De viris illustr.*, 16.

58) Ср. Іоаннъ, VII, 39.

59) Ср. Іеремія, De viris illustr., 2.

60) Первое посл. Іоанна, I, 1—4; третье посл. Іоанна, 12.

61) *Апостолы*, гл. I—III.

62) Смотри введеніе стр. 45 и слѣд.

63) Іоаннъ, XIX, 35; XXI, 24.

64) При такой гипотезѣ объясняется молчаніе Папія, являющееся столь тяжелымъ аргументомъ противъ абсолютной подлинности четвертаго Евангелія. Можно было бы даже предположить, что именно на четвертое Евангеліе и дѣлаетъ Папій неблагопріятный намекъ въ слѣдующихъ словахъ: Οὐ γαστοῖς τὰ πολλα λέγοσσιν ἔχαιρον, ὥσπερ οἱ πολοί... οὐδὲ τοῖς τὰς ἀλλοτρίας ἐντολας μνημονεύουσιν. Это вполнѣ отвѣчало бы длиннымъ рѣчамъ, довольно чуждымъ Іисусу и наполняющимъ Евангеліе, приписываемое Іоанну.

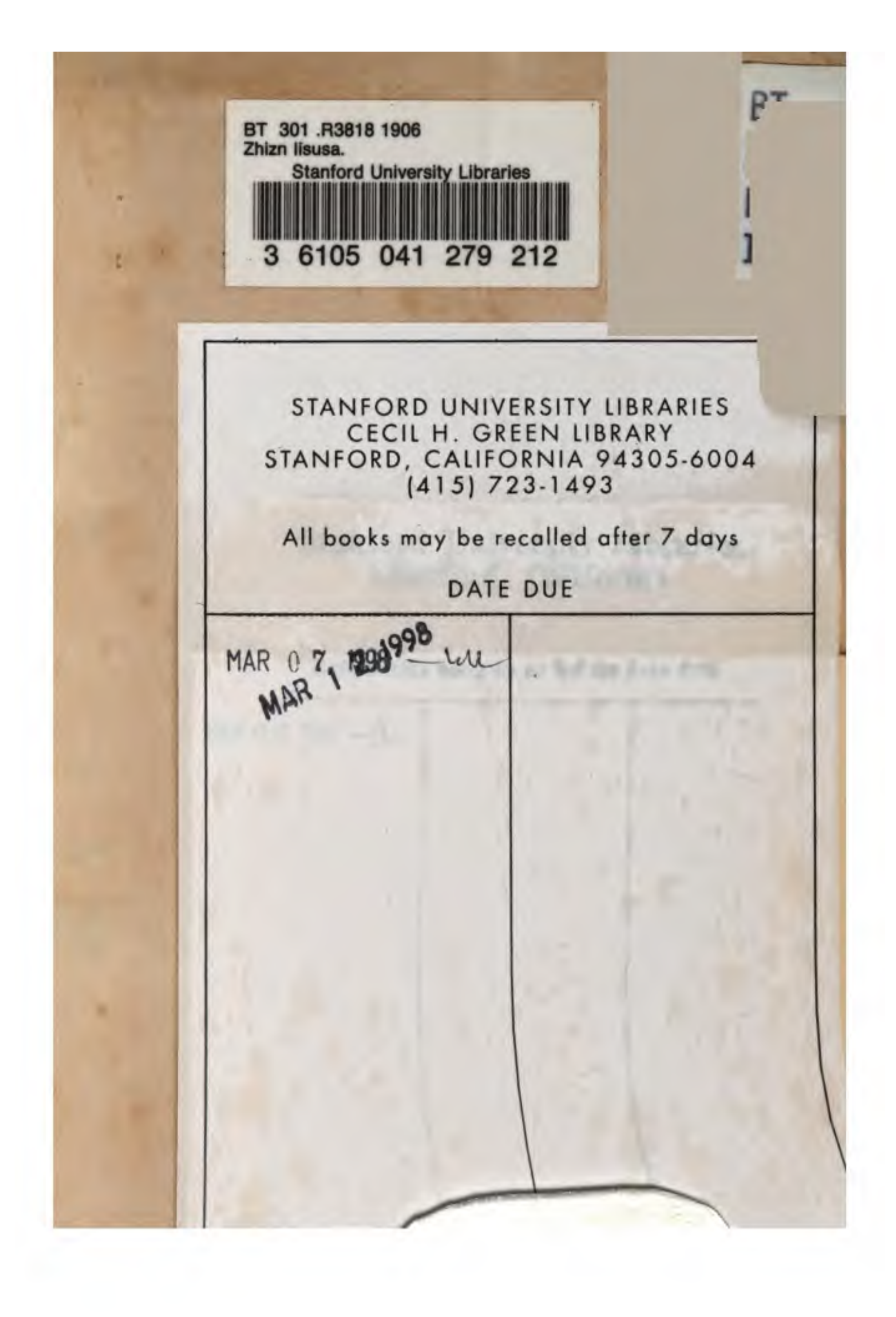
65) Евсевій, H. E., III, 39.

66) Іоаннъ, XXI, 22 и слѣд.

67) Жизнь Іисуса, введеніе, стр. 51 и слѣд.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.



BT 301 .R3818 1906
Zhizn Iisusa.
Stanford University Libraries
3 6105 041 279 212
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
MAR 07 1998
MAR 1 1998